АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
А. Л. СИДОРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1960

СТАТЬИ

В. Е. ПОЛЕТАЕВ

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В МОСКВЕ В 1931—1934 гг.

В свете сегодняшнего грандиозного жилищного строительства в Москве приобретает большой интерес история увеличения жилого фонда столицы путем нового строительства и ремонта старых зданий в период, связанный с развитием промышленности Москвы в 1931—1934 гг. — в конце первой и начальных годах второй пятилетки.

Именно в эти годы было положено начало социалистическому переустройству городского хозяйства Москвы, которое продолжается и поныне, достигнув за последние несколько лет поистине невиданных размеров.

Уже к концу первой пятилетки выпуск промышленной продукции Москвы увеличился по сравнению с 1925/26 г. на 943 млн. руб.[1] В 1929/30 г. в промышленность Москвы было вложено 195 млн. руб., что составляло 233% к сумме капиталовложений 1927/28 г.[2] Это позволило наряду с новым строительством широко развернуть техническую реконструкцию крупнейших старых предприятий.

В связи с этим изменился облик Москвы как промышленного центра. Из «ситцевой» она стала машиностроительной и электротехнической. Эти изменения серьезно сказались и на ее городском облике.

Быстро росла городская территория. К началу первой пятилетки площадь Москвы равнялась 24 405 га[3], в 1931 г. она увеличилась до 25 456 га, а в 1933 г. составляла уже около 28 520 га[4]. Население только за четыре года первой пятилетки выросло более чем в 1,5 раза — с 2313,9 тыс. чел. (на 1 января 1929 г.) до 3663,3 тыс.[5] Сильно изменился и его социальный состав. Уже к началу первой пятилетки Москва стала подлинно пролетарской столицей Советского государства. На 1 октября 1928 г. в Москве насчитывалось 781,9 тыс. рабочих и служащих (вместе с членами семей). За годы первой пятилетки их удельный вес среди населения города возрос с 1/3 до 1/2[6]. Доля населения, занятого в промышленности, поднялась до 37,2% (в 1927/28 г. — 32,9%)[7].

Естественно, что при таких темпах роста промышленности и населения Москвы ее жилой фонд, как и многих других городов, оказывался

[1] Подсчет произведен на основании данных, взятых из «Материалов к отчету Мособлисполкома и Моссовета», М., 1930, стр. 8—10.

[2] «Материалы о хозяйстве Москвы в итоге 1-й пятилетки», М., 1934, стр. 19.

[3] «СССР за 15 лет. Статистический материал по народному хозяйству», М., 1932, стр. 340.

[4] «Москва в цифрах», М., 1934, стр. 9.

[5] «Материалы о хозяйстве Москвы...», стр. 57.

[6] Подсчет произведен на основании данных, опубликованных в «Материалах о хозяйстве Москвы...», стр. 57.

[7] «Материалы о хозяйстве Москвы...», стр. 57.

уже явно недостаточным. Партия предвидела это обстоятельство, и уже объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшийся в июле 1926 г., принял специальную резолюцию «По жилищному строительству», в которой говорилось, что «жилищный вопрос в быту рабочих становится одним из наиболее острых вопросов, без положительного решения которого невозможно сколько-нибудь значительное улучшение положения рабочих» [8]. В связи с этим пленум наметил программу мероприятий по улучшению жилищных условий трудящихся.

В директивах по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР XV съезд ВКП(б) указал партийным и советским организациям на необходимость уделить чрезвычайное внимание жилищному строительству в городах и рабочих поселках [9].

В 1926—1927 гг. в Москве началось строительство крупных массивов 4—6-этажных домов, главным образом на бывших рабочих окраинах, где недостаток жилой площади и отсутствие элементарных бытовых удобств чувствовались наиболее сильно. Новые жилые дома стали возводить в Рогожско-Симоновском районе (Дангауэровская слобода, Рогожский поселок, Воронцовская улица), Хамовническом (улица Льва Толстого, Хамовнический плац, Усачевка), Бауманском (Хапиловка, Генеральная улица), Краснопресненском (М. Грузинская) и т. д. В течение двух лет было построено 627 тыс. кв. м жилой площади [10]. Кроме того, в большом количестве строили новые дома жилищные кооперативы. Только в 1928 г. ими было построено 81 здание [11]. В общей сложности в 1929—1930 гг. трудящиеся столицы получили свыше 1 млн. кв. м новой жилплощади [12].

Новые дома возводились с учетом необходимых коммунальных услуг и благоустройства. Так, например, на Б. Почтовой улице в 1928 г. были построены два жилых корпуса объемом 29 тыс. куб. м, оборудованных всеми видами коммунальных услуг. Построенные в Сыромятниках 6—8-этажные дома общим объемом в 82,5 тыс. куб. м имели все удобства. В 10 новых домах на Преображенской заставе общей кубатурой в 190 тыс. м 62% квартир были снабжены ваннами; в первых этажах были открыты магазины и прачечная. В 1928—1930 гг. на Красной Пресне была произведена застройка участка между Студенецкой улицей и Шмидтовским проездом 5—6-этажными домами общей кубатурой около 350 тыс. м, в которых были предусмотрены помещения для детских яслей, почтового отделения, аптеки и универсального магазина [13].

Однако темпы строительства явно отставали от темпов роста населения Москвы. Положение усугублялось еще и тем, что в восстановительный период, несмотря на большое строительство, не удалось ликвидировать все последствия разрухи в жилищном хозяйстве и к началу реконструктивного периода (1926 г.) в Москве по сравнению с дореволюционным уровнем (1917 г.) не хватало свыше 1,5 млн. кв. м.

С 1923 по 1926 г. жилая площадь увеличилась на 20,7%, а население Москвы за это же время возросло на 42% [14]. Помимо недостатка финансовых средств и строительных материалов, планы жилищного

---

[8] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7-е, М., 1953, стр. 166.

[9] Там же, стр. 339.

[10] «Москва в цифрах», стр. 185.

[11] «Краткий отчет Московского Совета... рабочим г. Москвы. 1926—1928 гг.», М., 1929, стр. 70.

[12] «Москва в цифрах», стр. 185.

[13] «Строительство Москвы», 1928, № 3, стр. 17—21; 1929, № 4, стр. 3—4.

[14] Подсчет произведен на основании материалов, опубликованных в кн.: «Московский Совет раб., кр. и кр.-арм. деп. 1917—1927», Моссовет [б. г.], стр. 167, 355, 363.

строительства зачастую срывались из-за косности, бюрократизма, нежелания некоторых руководителей строительных организаций овладеть новыми методами строительства. В результате образовалась диспропорция между объемом строительных работ и возможностями промышленности стройматериалов. Тормозилось внедрение механизации в строительство. В использовании строительного оборудования имели место обезличка, поломки машин, недостаточно использовались механизмы, в связи с чем механизация строительных работ приводила нередко не к удешевлению, а, наоборот, к удорожанию строительства.

В 1930 г. наметилось некоторое улучшение в организации жилищного строительства. По инициативе Московского комитета партии начало проводиться объединение маломощных строительных организаций в крупные, с централизованной организацией проектировочных работ. К лету 1930 г. количество рабочих, занятых на строительных площадках, возросло по сравнению с 1929 г. в 1,5 раза — со 152 тыс. до 230 тыс. чел.[15] В 1929/30 г. по сравнению с 1928/29 г. ассигнования на жилищное строительство увеличились на 60%.

Однако положение с жильем продолжало оставаться тяжелым. Достаточно сказать, что к 1931 г. население Москвы выросло по сравнению с 1912 г. на 73%, промышленность — на 200%, а городское хозяйство — примерно на 50%.

15 июня 1931 г. пленум ЦК ВКП(б) специально обсуждал вопрос о городском хозяйстве Москвы[16]. Полностью одобрив разработанные Политбюро предложения, пленум наметил конкретный план перехода к социалистической реконструкции Москвы и основные пути ее осуществления, установил конкретные задачи на ближайший период и более отдаленный срок. Московскому комитету партии и Моссовету было дано задание начать научную технико-экономическую разработку плана развития московского городского хозяйства с целью «скорейшего приведения его в соответствие с бурным ростом промышленности и населения»[17]. По решению пленума, Москва должна была стать опытной лабораторией социалистического преобразования городов для всего Советского Союза.

Важнейшей составной частью плана реконструкции городского хозяйства Москвы на ближайший период — 1931—1934 гг.— являлась громадная по тому времени программа жилищного и культурно-бытового строительства в сочетании с работами по благоустройству города. «Прежде всего — жилищный фонд»[18],— подчеркивал в своем докладе на общегородском собрании московского партактива 19 июня 1931 г. В. В. Куйбышев. ЦК ВКП(б) обязал московскую партийную организацию в течение 1931—1934 гг. построить столько новых жилых зданий, сколько их было выстроено за все предшествующие годы Советской власти.

Осуществление этой программы требовало одновременной организации широких строительных и планировочных работ и разработки перспективного плана. Уже ближайший план должен был предусматривать текущую перепланировку города, новую схему ряда московских улиц, переулков и площадей с соответствующей их застройкой, а также вопросы общего благоустройства.

Намеченные мероприятия вызвали коренную перестройку проектно-планировочных организаций Москвы. В 1932 г. организуется специаль-

[15] «Строительство Москвы», 1930, № 7, стр. 4.
[16] «КПСС в резолюциях...», т. II, стр. 656.
[17] Там же, стр. 660.
[18] В. В. Куйбышев. Об итогах июньского пленума ЦК ВКП(б). М., 1931, стр. 28.

ное архитектурно-планировочное управление при Моссовете. В 1933 г. оно упраздняется и взамен, в целях большей оперативности и улучшения качества планировки и архитектурного оформления города, создаются самостоятельные отделы планировки, проектирования и городских земель, а также свыше 20 проектных и планировочных мастерских, возглавляемых крупнейшими специалистами. Для координации работы этих отделов и мастерских была организована архитектурно-планировочная комиссия. Благодаря этой перестройке в короткий срок — за 1932—1934 гг.— удалось разработать генеральную схему перепланировки Москвы и развернуть работы по ее практическому осуществлению.

В 1931 г. была проведена большая подготовительная работа по созданию материально-технической базы для нового строительства. Намеченная большая программа требовала перестройки работы всех московских строительных организаций, вооружения их новой техникой, создания специальной отрасли промышленности стройматериалов.

Решение этих задач стало в центре внимания МК партии и Моссовета.

В 1930 г. в Москве был построен завод стройдеталей, а в 1931 г. он уже представлял собой мощное предприятие, обеспечивающее своей продукцией многие стройки столицы.

В 1932 г. на строительство и реконструкцию предприятий строительной промышленности было ассигновано в четыре раза больше средств, чем в 1928/29 г., что позволило увеличить валовой выпуск продукции по сравнению с этим же годом в шесть раз. Мощность московских кирпичных предприятий возросла к 1932 г. на 334%, составив 1,2 млрд. штук кирпича в год, производство цемента достигло почти 2,5 млн. бочек[19]. В числе вновь построенных в 1931/32 г. строительных предприятий были два завода металлических труб и один — деревянных, четыре фибролитовых завода, восемь мастерских по производству шлакобетонных камней[20]. К лету 1933 г. в Москве насчитывалось 36 шлакобетонных заводов и 18 фибролитовых[21].

Улучшилось положение с механизацией строительства. В 1930 г. на стройках столицы появились механизмы, сконструированные советскими инженерами, в том числе двухстоечный подъемник производительностью 97 куб. м за восемь часов работы, способный обслужить до 50 каменщиков высокой квалификации; фуго-фрезпила с пропускной способностью 15 тыс. м пиломатериалов за восемь часов; краскопульт системы Соколовских производительностью до 2 тыс. кв. м за смену[22].

Серьезное внимание было уделено организации труда на строительстве. Постановление пленума МГК ВКП(б) «О ходе жилищного строительства» предлагало строительным организациям Москвы полностью обеспечить всем необходимым жилищное строительство для рабочих новых промышленных гигантов, внедрить хозрасчет во все звенья аппарата, охватить сдельной оплатой все категории строительных рабочих, наладить организованный набор рабочей силы, улучшить культурно-бытовое обслуживание строителей, развернуть среди них массовую работу, «переключая трудовой подъем их на соцсоревнование, ударничество и на перевыполнение плана»[23].

---

[19] В. Тетерин. Московские большевики в борьбе за индустриализацию. М., 1933, стр. 103, 104.

[20] «Строительство Москвы», 1932, № 8—9, стр. 2.

[21] «Строительство Москвы», 1933, № 7, стр. 27.

[22] «Строительство Москвы», 1930, № 4, стр. 12—13.

[23] «Постановление пленума МГК ВКП(б) от 1 сентября 1931 г. «О ходе жилищного строительства», М., 1931, стр. 23.

Выполняя это постановление, Моссовет и строительные организации Москвы провели большую работу. Сотни общежитий строителей были приведены в надлежащий вид в санитарно-гигиеническом отношении. Их стали снабжать газетами и журналами, создавать при них различные кружки. К началу 1932 г. подобным образом было перестроено 50% всех общежитий строителей [24]. Это мероприятие сыграло огромную роль в сокращении текучести рабочей силы, между тем как еще в 1931 г. 43,6% строителей Москвы и Московской области уходили с работы из-за неудовлетворительных жилищно-бытовых условий [25].

Наряду с этим усилилась вербовочная кампания, давшая к началу сентября 1931 г. только по «Мосстрою», крупнейшему тресту Москвы по строительству жилищ и культурно-бытовых учреждений, 2 тыс. новых рабочих [26].

На многих стройках начали борьбу с обезличкой и стали переходить на сдельщину и хозрасчет.

В результате уже в 1931 г. наметился перелом в деле создания постоянных кадров московских строительных рабочих. Впервые численность работающих на строительстве в Москве и области к концу года была выше, чем в середине. По Москве количество рабочих и служащих на строительстве с 183,9 тыс. чел. на 1 июля 1931 г. выросло до 209 тыс. на 1 января 1932 г. [27] Первым ликвидировал сезонность «Мосстрой». На зимних работах он сохранил 90% строителей, работавших в тресте летом 1931 г. Одновременно «Мосстрой» уделял серьезное внимание повышению квалификации строительных рабочих. В 1931 г. через различные курсы, организованные трестом, прошли 1978 строителей, а к весне 1932 г. на них обучалось уже до 3 тыс. чел. [28]

Улучшение культурно-бытовых и производственных условий привело к развитию социалистического соревнования среди рабочих-строителей, многие из них начали работать по-ударному.

Так, например, рабочие стройтреста Ленинского района создали 13 ударных бригад, вступивших в соревнование друг с другом. Многие квалифицированные строители перешли на уплотненный рабочий день, дело с выполнением плана намного улучшилось.

В Краснопресненской конторе «Мосстроя» внедрение прогрессивно-премиальной системы оплаты вызвало значительное повышение производительности труда. В корне изменилось отношение к производственным заданиям. Выполнив одно, рабочие тут же требовали другого, чтобы избежать потери времени. В среднем по конторе задания стали выполняться на 140% [29].

На некоторых стройках оказался весьма эффективным индивидуально-звеньевой метод работы. Так, в одной из бригад на строительстве Электрогородка до введения звеньевого метода производственное задание выполнялось максимум на 50%. Многие просто лодырничали, отлынивая от работы. После расчленения бригады на звенья дело круто изменилось к лучшему. В некоторых звеньях на участке Л-1 («Мосстрой»), состоявших из двух человек каждое, прежняя норма в 509 штук кирпича на одного каменщика и 300 штук на одного подсобного рабочего увеличилась соответственно до 1145 и 590 штук кирпича [30].

---

[24] «Вечерняя Москва», 12 сентября 1932 г.
[25] ГАОРСС МО, ф. 6004, оп. 1, д. 54, л. 3.
[26] Там же, л. 8.
[27] «Итоги учета работающих и членов профсоюзов Московской области по состоянию на 1 января 1932 г.», М., 1932, стр. 6.
[28] «Строительство Москвы», 1932, № 3, стр. 12.
[29] «Строительство Москвы», 1931, № 9, стр. 3.
[30] «Строительство Москвы», 1931, № 10, стр. 4

Новая организация труда будила творческую мысль строителей, стимулировала поиски новых путей рационализации труда. Ярким примером этого служит внедрение трехзахватной системы кладки кирпича [31]. По тому времени это был весьма прогрессивный способ, повышавший производительность труда в два-три раза. Эта система была разработана отделом реконструкции «Мосжилстроя» и экспериментально проверена на строительстве 5-этажного дома на 2-й Извозной улице. Одной из первых ее освоила и с большим успехом применила бригада П. С. Орлова («Мосстрой»). При средней норме кладки кирпича по «Мосстрою» в 600 штук в смену каждый каменщик бригады Орлова укладывал 2 тыс. кирпичей, а наиболее способные — до 5 тыс. [32]

Как правило, производительность труда (а следовательно, и заработок) у соревнующихся рабочих была выше, чем у несоревнующихся. Так, по тресту «Мосстрой» при одинаковом характере работ соревнующиеся арматурщики зарабатывали в день в августе 1931 г. 4 р. 44 к., а несоревнующиеся — 2 р. 67 к.; бетонщики, участники соревнования,— 5 р. 18 к., а не участвовавшие в нем — 4 р. 62 к.; кузнецы соответственно 2 р. 47 к. и 2 р. 15 к.; кровельщики — 4 р. 51 к. и 3 р. 72 к. [33]

Это явилось серьезнейшим стимулом перехода массы рабочих-строителей к ударным формам труда. К 1 января 1932 г. уже ²/₃ всех московских строителей работали по-ударному, тогда как еще год назад число ударников не составляло и половины [34].

Особая заслуга здесь принадлежит комсомолу. Именно комсомольцы «Мосстроя» показали себя лучшими производственниками, несмотря на то, что большинство их вступило в комсомол только в 1931 г. [35] К началу 1932 г. соцсоревнованием и ударничеством было охвачено 95% комсомольцев «Мосстроя». Они стали инициаторами создания молодежных ударных и хозрасчетных бригад.

Качественно новым и весьма прогрессивным моментом в развитии ударничества был массовый переход к хозрасчетным принципам организации труда.

Первые хозрасчетные бригады возникли в Москве в июле 1931 г. [36], а к 1 января 1932 г. бригадным хозрасчетом было охвачено уже 19,4% всех строителей столицы [37]. Очень скоро они со всей очевидностью показали свои преимущества. В то время как в целом по «Мосстрою» производительность труда повысилась к началу 1932 г. на 13%, в хозрасчетных бригадах этот прирост составил 37%. Прогулы в целом по тресту составляли 1,54% всего рабочего времени, а в хозрасчетных бригадах — только 0,2%. Средний дневной заработок одного рабочего равнялся 4 р. 89 к., а рабочего-хозрасчетника — 5 р. 42 к. [38]

Уменьшение текучести и возросшая заинтересованность в работе послужили также стимулом к усиленному притоку новых членов в профсоюз рабочих промышленного и жилищно-коммунального строи-

---

[31] Суть системы состоит в том, что место работы бригады каменщиков разбивается на три участка, именуемых захватками. В то время как на одной захватке кладется кирпич, на другой — устраиваются перекрытия и устанавливаются подмостки, а на третьей подсобные рабочие заготовляют и размещают материалы. Новая система намного сократила простои и непроизводительные затраты времени.

[32] «Рабочая Москва», 9 октября 1931 г.

[33] ГАОРСС МО, ф. 6004, оп. 1, д. 59, л. 29.

[34] «Сборник цифровых материалов к отчету МОСПС и МГСПС на II Московском областном и городском съезде профсоюзов», М., 1932, стр. 45.

[35] ГАОРСС МО, ф. 6004, оп. 1, д. 4, л. 71.

[36] ГАОРСС МО, ф. 6003, оп. 1 д. 36, л. 96.

[37] «Сборник цифровых материалов к отчету МОСПС и МГСПС...», стр. 48.

[38] ГАОРСС МО, ф. 6003, оп. 1, д. 36, л. 66.

тельства (ПЖКС). Если к первой половине 1931 г. количество членов профсоюза не только не выросло, но даже несколько сократилось, то во второй половине этого же года ПЖКС вышел на одно из первых мест по Москве по темпам вовлечения новых членов[39].

Наряду с перестройкой строительного дела МК партии и Моссовет, по прямому указанию ЦК ВКП(б), начали осуществлять в 1931 г. еще одну важную задачу — оздоровление наличного жилого фонда столицы. В резолюции июньского пленума ЦК по этому поводу говорилось: «Первоочередной и важнейшей задачей Московской организации пленум ЦК считает приведение в должное состояние в течение текущего летнего сезона (1931 г.) всего наличного жилфонда — внутренний и наружный ремонт домов, ремонт отопительного хозяйства и т. д.»[40].

В эту кампанию были вовлечены широкие слои трудящихся столицы. Летом 1931 г. работы по благоустройству приобрели широкий размах. Руководство ими взяли на себя районные и местные партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации. Инициаторами движения по благоустройству своего района выступили рабочие крупнейших предприятий и комсомол столицы.

Так, например, рабочие завода «Каучук» взяли шефство над улицами М. Пироговская, М. Кочки и Усачевка и вызвали на соцсоревнование за лучшие показатели по благоустройству своих подшефных участков рабочих завода «Электросвет»[41]. Рабочие завода «Красный богатырь» взяли шефство над 19 улицами с. Богородского[42]. Заводы брали шефство над Ленинградским шоссе, над постройкой жилых домов и трамвайными линиями[43].

Основным в этом шефстве была ремонтная кампания. На предприятиях стали изыскиваться строительные материалы, организовываться бригады по ремонту домов и коммунальных сооружений.

Так, на заводе «Каучук» в цехах были созданы специальные тройки по ремонту, которые, обследовав нужды подшефных домов, организовывали субботники по сбору строительных материалов. Один из таких субботников дал, например, 128 кг проволоки, 55 рам со стеклами, 16 бревен и много других материалов[44].

Многие крупнейшие предприятия Пролетарского района, в том числе заводы «АМО» и «Динамо», также помогали материалами подшефным ремонтируемым домам. Рабочие этих предприятий организовали бригады кровельщиков, маляров и др., активно включившиеся в ремонт жилых зданий[45].

Широкое участие в ремонтной кампании приняли также электрозаводцы[46]. Станции Москва-Казанская и Москва-Октябрьская, взяв шефство над домами прилегающих улиц, провели в них своими силами высококачественный ремонт водопроводной, канализационной, отопительной систем и осветительной сети[47]. Массовые субботники по ремонту домов были организованы на предприятиях Москвы в декаду индустриализации, проходившую с 1 по 10 августа 1931 г. В эти дни, например, рабочие кондитерской фабрики им. Бабаева организовали

---

[39] «Итоги учета работающих и членов профсоюзов...», стр. 21, 23.
[40] «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 661.
[41] «Коммунальное хозяйство», 1931, № 11—12, стр. 63.
[42] «Рабочая Москва», 5 июля 1931 г.
[43] В. Шуров. Массовая работа Советов. М.— Л., 1931, стр. 19.
[44] «Правда», 29 августа 1931 г.
[45] Там же.
[46] «Рабочая Москва», 3 июля 1931 г.
[47] «Рабочая Москва», 15 августа 1931 г.

субботники по ремонту рабочих домов вблизи фабрики[48], четыре отряда рабочих завода «Серп и молот» отремонтировали водопровод в школе ФЗУ, участвовали в постройке клуба и профкомбината и в ремонте заводского дома[49].

Рабочие типографии «Искра революции» оказали большую помощь в организации и проведении ремонта домов на Арбате. Ими было создано 12 бригад, которые занимались обследованием домов, мобилизацией актива жильцов на проведение ремонтной кампании, следили за качеством ремонта. В результате этого ремонтная кампания здесь прошла с большим успехом[50].

Подобного рода шефство имело не только хозяйственное, но и общественно-политическое значение. Оно вовлекло в работу по реконструкции Москвы широкие слои трудящихся. Почин передовых рабочих пробудил у населения непосредственный интерес к вопросам городского благоустройства, настоящую творческую самодеятельность. Именно в это время москвичи особенно активно включились в кампанию по самообложению для увеличения ремонтного фонда домов, в кампанию по очистке городской территории, сбору строительных материалов и т. п.

Во Фрунзенском районе силами общественности было собрано по 7 т цемента и олифы, 30 тыс. штук кирпича и т. д.[51] В Дзержинском районе группа жильцов дома № 14 по Капельскому переулку, обнаружив неподалеку старую кирпичную ограду, разобрала ее, устроив специальный субботник. Полученного кирпича было достаточно для постройки целого дома[52]. 166 активистов, работавших в различных секциях райсовета, и 40 комсомольцев Сталинского района обследовали 200 домов, обнаружив там много никем не использовавшегося кирпича, извести, старого железа и другого строительного материала, что позволило провести ремонт этих 200 домов хозяйственным способом и сэкономить государству значительные средства[53]. В доме № 20 по улице Воровского жильцы провели самообложение в размере двухмесячной квартплаты для субсидирования ремонта. Жильцы-активисты обязались следить за его качеством[54]. Провели самообложение в размере полумесячной и месячной квартплаты и жители группы домов по Лубочному переулку, что помогло успешно закончить ремонт[55]. С помощью жильцов был досрочно закончен ремонт в нескольких домах Пролетарского района[56]. Жильцы дома № 12 по Крымскому тупику вызвали на соревнование на лучшее проведение ремонта дом № 22 по 2-му Бабьегородскому переулку[57]. В Москве не было ни одного района, где бы жильцы не участвовали в благоустройстве своих жилищ.

Большие работы по благоустройству развернулись на промышленных окраинах Москвы. Здесь рабочие приложили много труда, чтобы навсегда покончить с запущенностью и захламленностью территории.

Типична в этом отношении работа по благоустройству Дубровки. За годы Советской власти в этом районе были построены новые дома для рабочих автозавода, заводов «Серп и молот», «Динамо» и др. В 1931 г. жители Дубровки провели ряд специальных субботников по

[48] «Правда», 15 августа 1931 г.
[49] «Правда», 8 августа 1931 г.
[50] «Рабочая Москва», 7 июля 1931 г.
[51] «Рабочая Москва», 3 июля 1931 г.
[52] «Рабочая Москва», 10 августа 1931 г.
[53] «Вечерняя Москва», 20 августа 1931 г.
[54] «Рабочая Москва», 15 августа 1931 г.
[55] «Рабочая Москва», 22 августа 1931 г.
[56] Там же.
[57] Там же.

благоустройству домов, разбивке скверов и посадкам зелени. Пустыри были превращены в скверы и цветники; во всех дворах появились детские площадки. На территории поселка было начато строительство эстрады, кинобудки, летней читальни и т. п.[58]

Массовая общественная кампания по благоустройству города породила подлинных энтузиастов этого дела, оказавших своей деятельностью большую пользу городскому хозяйству. Так, например, бывший красногвардеец Асанбаев по своей инициативе навербовал на ремонтные работы около 100 слесарей, столяров и плотников, достал полвагона алебастра, несколько вагонов щебня, вагон пемзы, доски, брусья, 20 вагонов извести[59]. В письме в газету «Дзержинец» жильцы дома № 10/31 по М. Сухаревской площади сообщали о себе следующее: «Мы — низкооплачиваемые рабочие и служащие. У каждого из нас каждая копейка на учете. Тем не менее мы нашли возможным провести самообложение в размере месячной квартплаты для ремонта дома. Не могли мы найти рабочих-строителей. Поставили этот вопрос на общем собрании. Среди жильцов нашлись строители. Дали им в помощь других жильцов. Так был разрешен вопрос с рабочей силой. Ремонт своего дома мы скоро заканчиваем»[60].

Массовое участие населения Москвы в ремонтной кампании обеспечило выполнение плана по ремонту домов в 1931 г. на 110%[61], хотя он в 20 раз превышал план ремонта за три предыдущих года вместе взятых[62]. В результате жилищный фонд столицы был в значительной степени оздоровлен.

1932 год был ознаменован еще более широким строительством новых жилых домов. Большую роль в выполнении намеченной программы играло дальнейшее развитие социалистического соревнования среди строителей.

В первом квартале президиум МГСПС и горком союза работников промышленного коммунального и жилищного строительства провели конкурс и смотр работы хозрасчетных бригад. Это привело к созданию 820 новых хозрасчетных бригад с 12 979 рабочими (т. е. значительно больше, чем за весь предыдущий год) и 1475 ударных и соревнующихся бригад с 21 956 рабочими[63]. Ряд хозрасчетных бригад — участников конкурса — перевыполнил производственные задания на 60—70%, сэкономив при этом много стройматериалов[64].

Больших производственных успехов добился «Мосстрой». К апрелю 1932 г. в системе треста соревнованием и ударничеством было охвачено 73% всех рабочих. 75% было переведено на премиально-прогрессивную сдельщину. Среди соревнующихся прогулы снизились с 2,5 до 1%[65]. Количество хозрасчетных бригад по сравнению с концом четвертого квартала 1931 г. удвоилось. Число хозрасчетных звеньев достигло 65. Всего же на хозрасчете работало к апрелю 1542 чел., что составляло 13,4% всех рабочих «Мосстроя»[66].

Во второй половине 1932 г. многие московские строители включились

---

[58] «Третий корпус» (газета выездной редакции «Комсомольской правды» и жильцов 3-го корпуса Дубровского поселка), 4 июля 1931 г.

[59] «Рабочая Москва», 15 августа 1931 г.

[60] «Дзержинец» (газета Дзержинского РК ВКП(б), райсовета и райпрофсовета), 11 октября 1931 г.

[61] «Рабочий городского хозяйства», 1932, № 11, стр. 3.

[62] См. «Коммунальное хозяйство», 1931, № 17—18, стр. 49.

[63] ГАОРСС МО, ф. 6003, оп. 1, д. 16, л. 16.

[64] Там же.

[65] «Строительство Москвы», 1932, № 4, стр. 10.

[66] ГАОРСС МО, ф. 6003, оп. 1, д. 33, л. 8.

в соревнование в честь 15-й годовщины Октябрьской революции. Так, например, рабочие стройотдела автозавода обязались к празднику закончить строительство 5-этажного корпуса № 2 и 4-этажной части главного корпуса жилого дома на Угреше, а также 27 бараков. Было создано восемь новых ударных бригад с 208 строителями. 97% рабочих перешли на сдельщину.

В ходе соцсоревнования некоторые бригады добились замечательных успехов. Так, бригада бетонщиков Капкаева при норме в 220 замесов в день делала 314—320 замесов. Бригада каменщиков Осипова на кладке кирпича систематически перевыполняла план на 50%. В бригаде арматурщиков Сенькина производительность труда превышала плановую на 80%. В целом весь стройотдел добился выполнения взятого обязательства [67].

Участники предоктябрьского соревнования, строители многоэтажного дома на Моховой, получив задание с 10 октября по 5 ноября 1932 г. уложить 500 тыс. кирпичей, уложили 887 тыс., закончив кладку всех семи этажей здания [68]. Строительство на Моховой вообще было образцовым. «Огромный дом на Моховой рядом с гостиницей «Националь»,— писал впоследствии знатный каменщик Ф. С. Парилов,— наш коллектив выложил в 55 дней. Стены росли на глазах у москвичей.— Здесь работают сотни каменщиков,— авторитетно заявляли некоторые. А нас было всего 25 человек! Меньше чем за два месяца через наши руки прошло столько кирпичей, на укладку которых прежде потребовалось бы полтора года» [69].

Коллектив строителей конторы «Москультстроя» обязался закончить сверх плана к 15-й годовщине Октября строительство одной школы. Обязательство было выполнено. Число ударников и соревнующихся увеличилось с 65 до 85%. На хозрасчетный метод перешло 28% (вместо прежних 6%), звеньевой системой было охвачено 47% всех рабочих (до взятия обязательства не было ни одного звена) [70].

Предоктябрьское соревнование вывело Ленинскую районную контору «Мосстроя» в число передовых строительных организаций Москвы, хотя до этого дело обстояло весьма тревожно. Контора имела задание сдать в эксплуатацию к 15-й годовщине Октября девять жилых корпусов для заводов им. Фрунзе и им. Калинина общей кубатурой в 98 тыс. м. До середины августа 1932 г. план выполнялся в среднем на 2% в декаду. Назрела угроза срыва намеченных сроков. Предоктябрьское соревнование означило резкий перелом в ходе строительства. Вся общественность конторы была мобилизована. Ежедекадно устраивались митинги, на которых лучшие производственники делились своим опытом. На строительстве была создана подлинно боевая обстановка. Многие выходили работать в выходные дни, оставались на сверхурочные работы на узких местах, искали и находили пути сокращения сроков выполнения производственных заданий. Так, группа штукатуров Дианова, прибегнув к рационализации, сумела сократить сроки работ более чем вдвое, сохранив высокое качество работы [71].

Ударная работа обеспечила быстрое нарастание темпов строительства; общепостроечный план стал систематически выполняться на 130—137% [72]. В конечном итоге предпраздничное обязательство коллективом конторы было выполнено.

[67] «Рабочая Москва», 30 октября 1932 г.
[68] ГАОРСС МО, ф. 6003, оп. 1, д. 34, л. 72.
[69] Ф. Парилов. Сорок лет на стройках Москвы. М., 1950, стр. 16.
[70] ГАОРСС МО, ф. 6003, оп. 1, д. 34, лл. 22—25.
[71] Там же, л. 42.
[72] Там же, л. 40.

В целом благодаря массовому развитию соцсоревнования и ударничества строители Москвы сдали в 1932 г. 610 тыс. кв. м благоустроенной жилой площади[73], тогда как в 1931 г. было построено 454,8 тыс. кв. м[74].

Однако в жилищно-коммунальном строительстве имелось много серьезных недостатков, мешавших реализации решения июньского пленума ЦК ВКП(б). К числу их относились бюрократизм управленческого аппарата строительных организаций, излишек обслуживающего персонала на стройках, безответственность и т. п. На многих стройках качество работ было низким, а себестоимость высокой. Далеко не всюду была проявлена забота о жилищно-бытовых и культурных нуждах строителей. На ряде строек соцсоревнование было развито слабо. Многие парторганизации Москвы не оказывали должной помощи жилищному строительству, как было предусмотрено решениями III Московской областной и II городской конференций ВКП(б).

В марте 1933 г. в Москве проходила 1-я конференция по качеству жилищного, коммунального и культурного строительства, на которой эти недочеты были подвергнуты резкой критике.

19—20 августа того же года было принято постановление МК ВКП(б) и Моссовета «Об улучшении дела строительства и организации управления постройки домов», сыгравшее большую роль в устранении вскрытых недочетов. Этому предшествовала проведенная МК партии и Моссоветом большая подготовительная работа по обследованию положения на строительных площадках Москвы и изучению мероприятий, необходимых для улучшения работы. Были созваны совещания специалистов, руководителей строек и т. д. К обсуждению вопросов организации труда привлекались рабочие-строители.

Постановление было направлено на превращение строительного дела в один из видов индустриального труда. Упразднялся громоздкий аппарат управления, укреплялось положение начальника строительного объекта, в частности расширялись его права по найму рабочей силы, снабжению материалами и денежным расчетам с заказчиками, повышалась его ответственность за выполнение стройфинплана в установленные сроки и т. д. Одновременно увеличивались права десятников — непосредственных руководителей и организаторов на строительстве. Была намечена также целая система мероприятий, предусматривавшая улучшение подготовки постоянных кадров строительных рабочих. В частности, строители, закрепившиеся на длительный срок, получали все льготы промышленных рабочих. Хорошо работавших сезонников, взявших обязательство проработать на строительстве два-три года, рекомендовалось переводить в категорию кадровых, обеспечивать их жилплощадью и т. д.

Постановление подвергло суровой критике те партийные и профсоюзные организации строительств, которые не уделяли достаточного внимания партийно-массовой работе среди строительных рабочих. Постановление обязывало партийные комитеты и в особенности профсоюз строителей развернуть на каждой стройке широкую разъяснительную работу, имеющую целью принятие строителями обязательств о закреплении на одном месте в течение длительного времени, поднятии производительности труда и выполнении установленных норм выработки, повести решительную борьбу с рваческими и враждебными элементами, подрывавшими трудовую дисциплину. Для усиления

---

[73] Н. С. Хрущев. Возьмемся по-большевистски за дело строительства домов. М., 1933, стр. 3.

[74] «Москва в цифрах», стр. 185.

партийно-массовой работы на стройках устанавливался институт парторгов[75]. Ответом строителей на постановление МГК и Моссовета был новый подъем соцсоревнования и ударничества. Так, уже в первой декаде сентября 1933 г. по сравнению с первой декадой августа число соревновавшихся на 28 крупнейших стройках Москвы увеличилось вдвое, а количество самозакрепившихся достигло 40% [76].

Особенно большое влияние постановление оказало на отстававшие стройки. Газеты того времени наполнены многочисленными сообщениями о происшедшем переломе. Так, «Рабочая Москва» сообщала, что после того как на строительстве группы домов по Земляному валу было проведено широкое обсуждение постановления, между строителями развернулось соцсоревнование. Одновременно были разработаны мероприятия по перестройке работы строительных организаций[77]. Лучшие сезонники-строители стали закрепляться на стройке на более или менее длительные сроки. В одной из бригад уже через несколько дней после опубликования постановления выразили желание закрепиться на строительстве до конца пятилетки 70 чел.; бригада плотников в полном составе закрепилась на три года и т. д.[78] Начала расти производительность труда. Уже в третьей декаде августа объем выполненных работ увеличился по сравнению с предшествовавшей на 25% [79]. О развитии соревнования и улучшении качества работ на стройке жилого дома для рабочих завода «Динамо» сообщала газета «Постройка» [80]. Подобных примеров можно привести очень много.

В Москве не осталось ни одного района, где бы не повысились темпы строительных работ. В некоторых же районах не осталось буквально ни одной стройки, где дело не пошло бы на улучшение [81].

Значительно усилилась помощь жилищному и культурно-бытовому строительству со стороны партийных организаций Москвы. 4 тыс. коммунистов были прикреплены к баракам и общежитиям строителей, 150 коммунистов были посланы туда на постоянную работу в качестве комендантов, воспитателей и т. п. По инициативе партийных организаций 400 предприятий столицы взяли шефство над жилищами строителей.

Широкая мобилизация внимания партийной и рабочей общественности к жилищному строительству оказала самое благотворное влияние на улучшение культурно-бытовых условий строительных рабочих. Только с конца сентября до середины ноября строители получили десятки тысяч новых простынь, одеял, матрацев и т. п.[82] Во многих общежитиях ударникам стали выделять отдельные комнаты. Выросла сеть подсобных предприятий по обслуживанию нужд строителей. Так, например, количество прачечных и медпунктов увеличилось по сравнению с 1932 г. вдвое [83]. При некоторых больших общежитиях были открыты специальные отделения центральных амбулаторий [84]. Все это привело к резкому сокращению текучести рабочей силы; 80% строителей закрепились на постоянную работу [85].

---

[75] «Постановление пленума МГК ВКП(б) и Моссовета от 19—20 августа 1933 г. «Об улучшении дела строительства и организации управления постройкой домов», М., 1933.

[76] «Рабочая Москва», 16 сентября 1933 г.

[77] «Рабочая Москва», 23 августа 1933 г.

[78] «Рабочая Москва», 26 августа 1933 г.

[79] «Рабочая Москва», 21 августа 1933 г.

[80] «Постройка» (ежедневная газета Всесоюзного профессионального союза строительных рабочих), 16 сентября 1933 г.

[81] ГАОРСС МО, ф. 6003, оп. 1, д. 97, л. 128.

[82] «Постройка», 22 ноября 1933 г.

[83] «Рабочая Москва», 6 декабря 1933 г.

[84] «Постройка», 22 ноября 1933 г.

[85] «Вечерняя Москва», 11 ноября 1933 г.

Одновременно рабочие многих московских предприятий стали оказывать стройкам широкую производственную помощь. Инициаторами этого движения выступили рабочие I ГПЗ — бывшие строители завода. Накануне 16-й годовщины Октября они обратились к бывшим строителям, ставшим кадровыми рабочими крупнейших московских заводов, с призывом оказать помощь стройкам Москвы своим опытом, знаниями и личным участием [86]. Призыв шарикоподшипниковцев нашел самый широкий отклик [87]. Так, рабочие типографии НКПС взяли шефство над строительством домов для своего наркомата [88]. Они ввели на стройке систему непрерывных субботников, в которых ежедневно участвовало 20—30 чел. Пять коммунистов типографии ежедневно проводили в бараках строителей политбеседы и читки газет. Рабочие типографии принимали участие в товарищеских судах над срывщиками планов и нарушителями трудовой дисциплины на строительстве. Подобные формы шефской помощи оказались весьма эффективными. Если за весь июль 1933 г. прирост готовности стройки составил 2,7%, то в первой пятидневке сентября он равнялся 2,1%, во второй — 2,4% и в третьей — 2,7% [89].

По инициативе администрации, партийной и профсоюзной организаций Тормозного завода, рабочие-пайщики жилищно-строительного кооператива организовали несколько бригад, принявших активное участие в постройке дома. Это позволило компенсировать недостаток рабочей силы и закончить дом в срок [90].

В Бауманском районе на строительстве дома № 31/25 по улице Энгельса будущие жильцы дома — ударники фабрик и заводов Бауманского района — провели ряд массовых субботников в помощь строителям, а руководство предприятий помогло материалами, усилением партийно-массовой работы среди строителей. К октябрьским праздникам 1933 г. новый дом площадью 6600 кв. м был готов к заселению [91].

Смычка рабочих московских предприятий со строительными рабочими оказала на последних серьезное политико-воспитательное воздействие. Многие строители освободились от настроений, свойственных сезонникам, и превратились в сознательных борцов за социалистическую реконструкцию столицы. Наиболее ярко это проявилось в организации общемосковского социалистического соревнования строителей.

Общемосковское соревнование выросло снизу — мысль о нем зародилась на строительных площадках. Непосредственными инициаторами общегородского конкурса на лучшую бригаду выступили каменщики бригады Колоскова, работавшие на постройке домов на Садово-Земляном валу. 9 сентября 1933 г. в газете «Вечерняя Москва» было опубликовано их письмо, в котором они, обращаясь ко всем строителям Москвы, писали: «Августовский пленум МГК партии и Моссовета правильно записал, что мы строим медленно и плохо. Нам стыдно за нашу работу. Товарищи строители, давайте подтянемся, да так, чтобы к 1 января будущего года за нами не осталось никакого долга. Мы беремся вместо нормы 742 кирпича укладывать по 1600 и не сходить с лесов до тех пор, пока не выполним своих обещаний... Закрепляемся на постройках «Мосжилстроя» до конца второй пятилетки. Для того чтобы вся Москва знала наших лучших ударников, мы просим горком союза строителей объявить в конце года общемосковский конкурс на лучшую строительную бригаду

---

86 «Рабочая Москва», 11 ноября 1933 г.
87 «Рабочая Москва», 24 октября 1933 г.
88 «Рабочая Москва», 20 сентября 1933 г.
89 Там же.
90 «Вечерняя Москва», 4 октября 1933 г.
91 «Рабочая Москва», 5 ноября 1933 г.

каменщиков, штукатуров, арматурщиков, плотников, маляров и подсобных рабочих» [92].

Почин бригады Колоскова был поддержан рядом коллективов строителей. Горком союза строителей 16 сентября утвердил предложение бригады Колоскова и объявил конкурс на лучшую стройку. Для премирования лучших бригад им было выделено 30 тыс. руб. [93]

К 16-й годовщине Октября строители обязались сдать 214 промышленных, культурно-бытовых и жилых объектов на общую сумму в 69,5 млн. руб. [94]

К концу октября в конкурсе принимали участие 580 строек. Свыше 1500 ударных бригад оспаривали право называться лучшими строительными бригадами столицы [95].

Итоги конкурса вскрыли огромные возможности ускорения темпов строительных работ на базе рационализации и ударных методов труда. Вот несколько примеров. Темпы прироста готовности зданий на одном из участков в дни конкурса увеличились вдвое по сравнению с предшествовавшим периодом [96]. Две секции объекта № 7 «Мосжилстроя» были сданы на шесть дней раньше срока.

На строительстве дома № 1/4 по улице К. Маркса нормировщиков и плановиков сделали десятниками; к каждому десятнику была прикреплена укрупненная бригада. Вся организация работы была значительно упрощена, нормы и расценки стали понятны всем рабочим. В результате огромный 7-этажный дом был сдан Моссовету к 16-й годовщине Октября, на три месяца раньше срока [97].

На одно из первых мест вышли коллективы стройки жилых домов для университета им. Свердлова, еще в феврале занимавшие одно из последних мест в Москве. Здесь царили плохая трудовая дисциплина и низкая производительность труда, полностью отсутствовали ударничество и соцсоревнование. Во время конкурса все изменилось. Работа механизмов была переведена на двухсменный график. Ударничеством и соцсоревнованием к концу конкурса было охвачено 92,4% всех рабочих. 81,5% рабочих закрепились на работе до конца строительства [98]. Производительность труда поднялась с 60 до 185% [99]. Большую роль в этом переломе сыграла партийная организация стройки, сумевшая, несмотря на свою малочисленность, стать подлинной душой соревнования.

Строительно-монтажная контора жилкооперации в результате конкурса выполнила план в октябре 1933 г. на 103,4% [100]. Выполнил свое конкурсное обязательство и «Мосгоржилстройсоюз», закончив к Октябрьским праздникам сооружение 67 тыс. кв. м [101]. Так же успешно выполнялся план и многими другими стройками Москвы.

При подведении итогов конкурса 52 бригады были удостоены звания лучших [102]. В число передовиков выдвинулось много и таких строителей, которые еще совсем недавно были отстающими.

В целом по Москве строители сдали к 16-й годовщине Октября 400 сооружений стоимостью 90 млн. руб., в том числе 215 жилых домов общей

[92] «Вечерняя Москва», 9 сентября 1933 г.
[93] «Вечерняя Москва», 20 сентября 1933 г.
[94] ГАОРСС МО, ф. 6004, оп. 1, д. 341, л. 1.
[95] «Постройка», 28 октября 1933 г.
[96] Там же.
[97] Сб. «Дело чести», М., 1934, стр. 163—164.
[98] ГАОРСС МО, ф. 6004, оп. 1, д. 306, л. 6.
[99] Там же, л. 9.
[100] «Жилищная кооперация», 1933, № 9, стр. 11.
[101] «Вечерняя Москва», 1 ноября 1933 г.
[102] ГАОРСС МО, ф. 6003, оп. 1, д. 136, л. 1.

площадью 290 тыс. кв. м, тогда как по обязательству они должны были сдать 156 жилых домов площадью 209 630 кв. м [103].

Трудовой подъем строителей Москвы, связанный с конкурсом, был закреплен их участием в производственном походе имени XVII съезда партии. Инициаторами этой кампании явились ударники автозавода, «Красного пролетария», I ГПЗ, Электрокомбината и других передовых предприятий столицы. Их призыв ко всем трудящимся Советского Союза был опубликован в «Правде» 28 ноября 1933 г.

Для строителей поход совпал с необходимостью решительного преодоления представления о сезонном характере строительства. Это представление было уже отвергнуто замечательной практикой круглогодичного строительства промышленных гигантов первой пятилетки. Однако, несмотря на это, за него продолжал цепляться ряд руководителей строек, склонных брать в союзники своему неумению и нерадивости «теорию» сезонности. Жизнь, огромный размах строительства требовали скорейшего разоблачения этой «теории» и сдачи ее в архив. Зима 1933/34 г. была в этом отношении для строителей Москвы переломной.

3 декабря 1933 г. стройуправление Моссовета, Московский городской комитет и городское бюро инженерно-технической секции союза рабочих промжилкомстроительства созвали общегородскую конференцию по организации строительных работ в зимних условиях. В работе конференции приняли участие 700 делегатов московских строек. Были намечены конкретные меры для немедленной перестройки всей работы строительных организаций с таким расчетом, чтобы они обеспечили необходимые темпы и качество строительных работ в зимних условиях. Делегаты единодушно постановили включиться в массовый производственный поход в честь XVII съезда партии.

Одновременно с конференцией совещания по вопросам развертывания зимних работ были проведены более чем на 50 строительных объектах [104].

Для популяризации методов работы в зимних условиях на 17 стройках был организован конкурс-показ высококачественной каменной кладки [105]. 18 лучших каменщиков Москвы продемонстрировали 12 января 1934 г. на строительстве одного из домов на Можайском шоссе свое искусство перед 500 каменщиками, пришедшими с разных строек Москвы. На первое место вышел каменщик Редкоусов, уложивший за три часа работы 867 кирпичей — больше, чем полагалось за смену. Второе место занял каменщик Орлов, уложивший за это же время 630 кирпичей [106].

Распространению среди строителей методов работы в зимних условиях способствовало также широкое развертывание технической учебы среди строителей. Ею удалось охватить 23 тыс. чел., или $^1/_4$ всех рабочих, занятых в жилищном и коммунально-культурном строительстве Москвы [107]. Такого результата удалось достигнуть впервые. Вместе с ростом квалификации строителей ширилось движение рационализаторов. Было внесено свыше 2 тыс. рационализаторских предложений, давших в общей сложности 5 млн. руб. экономии [108].

За время похода многие стройки выполнили годовую производственную программу досрочно. Так, например, план строительства домов для автозавода был выполнен к 10 декабря 1933 г. на 105,7%; план строитель-

[103] ГАОРСС МО, ф. 6004, оп. 1, д. 341, л. 1.
[104] «Московская городская конференция по зимним работам», М., 1933, стр. 1.
[105] «Строительство Москвы», 1934, № 2, стр. 8.
[106] «Рабочая Москва», 16 февраля 1934 г.
[107] «Строительство Москвы», 1934, № 2, стр. 12; ГАОРСС МО, ф. 6004, оп. 1, д. 108, л. 2.
[108] «Строительство Москвы», 1934, № 2, стр. 12.

ства домов для Свердловского университета (на тот же срок) — на 100,4%; 13-я контора «Мосгоржилсоюза» к 20 декабря выполнила свой план на 109,3% и т. д. [109].

Всего за время производственнс-массового похода имени XVII съезда партии (декабрь 1933 г.— январь 1934 г.) Москва получила от строителей около 136 тыс. кв. м благоустроенной жилой площади, 11 производственных корпусов объемом около 1 млн. куб. м и 69 сооружений культурно-бытового характера общей стоимостью свыше 30 млн. руб. [110]

Это был бесспорный перелом. Впервые темпы и качество строительства жилых домов и коммунальных предприятий в зимних условиях можно было смело сравнивать с уровнем работ летнего периода.

В ответ на решения XVII съезда партии московские строители взяли на себя обязательство закрепить достигнутые успехи.

14 марта 1934 г. МГК ВКП(б) вынес постановление «О выполнении решений августовского пленума МГК и Моссовета об улучшении дела строительства и организации управления постройками домов». Постановление подчеркивало значение такой формы борьбы за выполнение плана, как конкурсы и смотры лучших коллективов, и обязывало президиумы МГСПС и Моссовета организовать смотр на лучшую подготовку к строительному сезону 1934 г. по всем жилищным стройкам Москвы [111]. В связи с этим президиум Моссовета и МГСПС постановили «объявить и провести с 1 по 20 апреля 1934 г. массовый смотр на лучшую бригаду и лучшего бригадира на стройке по срокам и качеству выполняемых ими работ, на лучшую подготовку и развертывание строительства по всем без исключения жилищным стройкам Москвы» [112].

По предложению строителей смотр был продолжен до 1 мая 1934 г.

Призыв МГК ВКП(б), Моссовета и МГСПС, так же как и осенью 1933 г., встретил горячий отклик у строителей.

В результате смотра десятки бригад и многие стройки улучшили свои производственные показатели, новые отряды строителей включились в соцсоревнование, способствуя своей ударной работой нарастанию темпов строительства и улучшению его качества. Смотр способствовал также более широкому внедрению в строительство методов встречного планирования, охвату технической учебой новых категорий рабочих и повышению квалификации старых.

За четыре года, прошедших после июньского пленума ЦК ВКП(б), т. е. к концу 1934 г., жилой фонд Москвы увеличился на 2200 тыс. кв. м [113].

Другим важным итогом 1931—1934 гг. было осуществление больших работ по благоустройству и перепланировке, приведших к значительным изменениям в архитектурном облике Москвы.

К началу 1935 г. была в основном закончена реконструкция участка Театральный проезд — Моховая улица. Благодаря сносу Китайгородской стены в Театральном проезде и ветхих домишек в Охотном ряду, образованию Манежной площади, спрямлению и расширению проезда по Моховой возникла широкая асфальтированная магистраль, на которой были воздвигнуты многоэтажные монументальные здания Дома СНК и гостиницы «Москва». Начало строиться новое здание Библиотеки им. В. И. Ленина.

Был реконструирован также и проезд от площади Дзержинского до площади Ногина. Снос Китайгородской стены на этом участке позволил

---

109 ГАОРСС МО, ф. 6004, оп. 1, д. 385, л. 11.
110 «Строительство Москвы», 1934, № 2, стр. 8.
111 «Рабочая Москва», 16 марта 1934 г.
112 «Рабочая Москва», 1 апреля 1934 г.
113 «Отчет о работе 1931—1934 гг.» изд. Моссовета [б. г.], стр. 129.

создать вместо узкого и неблагоустроенного проезда широкий проспект, обрамленный липами, с монументальными зданиями ЦК и МК партии, Наркомзема и др.

Подверглась изменениям магистраль Арбат — Можайское шоссе. Были снесены дома на Смоленской площади и на стыке Плющихи и Смоленской площади, мешавшие работе транспорта. Озелененными и благоустроенными стали Дорогомиловская улица и Можайское шоссе. Трамвай на Арбате и улице Коминтерна (ул. Калинина) был снят и заменен троллейбусом.

Начались реконструктивные работы на магистралях улица Горького — Ленинградское шоссе и Мясницкая улица (ул. Кирова) — Комсомольская площадь — Краснопрудная улица — Русаковская улица. На последней магистрали уже был сооружен дом Наркомзема, заканчивалось строительство здания Наркомлегпрома и одного корпуса Дома книги.

С 1933 г. началось благоустройство берегов Москвы-реки — строительство гранитных набережных и асфальтированных проездов. К началу 1935 г. гранитом было покрыто уже около 8 км набережных [114].

Особенно большое значение имела начавшаяся реконструкция окраин, конечной целью которой было уничтожение разницы между ними и центром — закономерности, создаваемой капиталистическим городом и уничтожаемой при социализме. Реконструкции подверглись крупнейшие рабочие районы столицы — Пролетарский и Сталинский. Уже к 1934 г. они неузнаваемо изменились. На бывшей окраине Симоновке вырос огромный и красивый дом — лучший в Москве Дворец культуры автозавода. Десятки благоустроенных многоэтажных домов для рабочих «Шарикоподшипника», автозавода, Прожекторного, Электрозавода и др. были построены в Дангауэровке, на Введенских горах, Малой Семеновской, Синичкиной улице и Соколиной горе. Только в одном Сталинском районе за 1932—1933 гг. в новые дома было вселено 23 тыс. рабочих с семьями [115]. Некогда лишенные самых элементарных бытовых удобств, эти районы получили газ, электричество, водопровод, канализацию, телефон, радио. Исчезли болота и свалки. Все основные магистрали оделись в асфальт, были озеленены. По вечерам их заливал электрический свет. Новые трамвайные и автобусные линии связали оба района между собой и центром. Самые отсталые и неблагоустроенные в недалеком прошлом, они уже в рассматриваемый период начали превращаться в образцовые районы столицы.

* * *

Значение 1931—1934 гг. в истории жилищного строительства и реконструкции Москвы состоит в том, что это был начальный период перестройки нашей столицы на принципах социалистического градостроительства. За эти годы был накоплен богатый опыт по превращению строительства в одну из отраслей индустриального труда с уничтожением сезонности, внедрению новых механизмов, созданию постоянных кадров квалифицированных строительных рабочих.

В 1931—1934 гг. создавались предпосылки для перехода к основному этапу реконструкции Москвы — коренному изменению ее архитектурного облика и созданию жилого фонда в таких размерах, которые полностью обеспечили бы потребности населения в благоустроенном жилье.

Теперь эта задача, под непосредственным руководством Центрального Комитета Коммунистической партии, решается в таких масштабах и в такие сроки, каких не знала история мирового градостроительства.

[114] «Строительство Москвы», 1935, № 13—14, стр. 42.
[115] «Вечерняя Москва», 17 января 1934 г.

И. Ф. ГИНДИН, Л. Е. ШЕПЕЛЕВ

БАНКОВСКИЕ МОНОПОЛИИ В РОССИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Задачей статьи является характеристика русских банковских монополий на завершающем этапе их существования. Основой исследования служит специально проделанная авторами работа по выявлению связей основных банковских монополий с промышленными и другими предприятиями на 1917 г. В приложении приводится полный список выявленных предприятий, которые были в той или иной степени связаны с ведущими банками. Источники и их характеристика изложены в отдельном приложении.

Публикации перечня авторы придают самостоятельное значение. Путем его последующих уточнений и дополнений при дальнейших исследованиях он может служить основой для выявления всей картины финансово-капиталистических связей к моменту ликвидации капитализма в нашей стране. Перечень разбит на 41 отраслевую группу. В примечаниях по каждой группе указывается, в какие промышленные монополистические объединения входили подконтрольные банкам предприятия, даются сведения о монополизации данной отрасли, а также данные о тех монополистических группах, в которых ведущие русские банки не играли решающей роли.

В статье далее исследуются значительные качественные сдвиги как в направлении деятельности банковских монополий, так и в составе русской финансовой олигархии, а также в соотношении ведущих групп банковских заправил, которые произошли в годы первой мировой войны.

Этими задачами и обусловлена структура статьи. Вначале дается характеристика банковских монополий и сферы их влияния перед войной. Затем рассматриваются их операции в годы войны в связи с изменениями, внесенными в деятельность банков общими хозяйственными условиями военных лет. Особое внимание уделяется борьбе старых банковских заправил с новыми финансово-капиталистическими группами за установление или расширение контроля над самими банковскими монополиями. Далее показываются изменения, которые произошли в их сферах влияния за годы войны, особенно к концу 1917 г. В заключение дается краткая характеристика положения крупных банков накануне Октябрьской революции.

* * *

Одна из важнейших особенностей развития акционерных коммерческих банков в России, по сравнению с главными капиталистическими странами, состояла в небольшом числе этих банков и в ранней централизации капиталов в немногих крупных банках[1]. К 1900 г. в стране было лишь 43 акционерных коммерческих банка, причем в шести из них сосредото-

[1] См. И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М., 1948.

чивалось 46,6% всех основных пассивов (1157 млн. руб.). Из этих шести только три банка располагали ресурсами от 100 до 150 млн. руб. каждый; другие три владели от 60 до 75 млн. руб. Таким образом, эта ранняя централизация банков не могла еще основываться на процессах концентрации промышленности и банков, столь характерных для периода империализма.

Зато с наступлением этого периода процесс перерастания банков в банковские монополии стал протекать весьма интенсивно. К 1908 г. удельный вес шести самых крупных банков достиг 51,7%, причем удельный вес банков с суммой основных пассивов от 100 до 200 млн. руб. возрос с 29 до 58%. Примечательно то, что эта усиленная концентрация происходила в годы кризиса и затянувшейся депрессии, в условиях слабого прироста ресурсов банков. За 1900—1907 гг. они выросли в полтора раза, с 1157 до 1678 млн. руб. 1909—1913 годы ознаменовались бурным развитием акционерных коммерческих банков при огромной их концентрации и усилением банковских монополий. За годы предвоенного промышленного подъема основные пассивы всех акционерных банков увеличились почти в три раза и достигли 4632 млн. руб. Шесть крупнейших банков страны имели накануне войны от 315 до 678 млн. руб. основных пассивов, и их удельный вес поднялся до 55,3%. Удельный вес трех банков о основными пассивами от 200 до 300 млн. руб. составлял 14%, четырех банков с основными пассивами от 100 до 200 млн. руб.— еще 14%, в то время как удельный вес 37 акционерных банков (из общего числа 50), имевших основные пассивы ниже 100 млн. руб. каждый, составлял в 1914 г. всего 17% против 71% в 1900 г. (по данной группе банков).

Среди крупнейших банков также произошли существенные сдвиги. В 1900 г. среди шести банков, сосредоточивших 46,6% всех основных пассивов, первое место занимал Волжско-Камский банк, являвшийся с середины 1870-х годов и вплоть до первой мировой войны типичным центром интересов торгового капитала. Второе место принадлежало Московскому купеческому банку, который был коллективным предприятием московского крупного капитала, в первую очередь текстильного. В 1908 г. Волжско-Камский банк еще сохранял первое место, но Московский купеческий перешел на пятое место. За годы промышленного подъема положение еще более изменилось: Московский купеческий стал восьмым, а Волжско-Камский — шестым по величине банком страны. Первые пять мест в нисходящем порядке заняли следующие крупнейшие банковские монополии: Русско-Азиатский банк, Петербургский международный, Азовско-Донской, Русский для внешней торговли и Русский торгово-промышленный банки, ставшие типичными банковскими монополиями периода империализма. Все пять банков развернули в больших масштабах учредительно-эмиссионные и биржевые операции в Петербурге и большую сеть провинциальных филиалов.

Наряду с этими крупнейшими банковскими монополиями выросло несколько менее крупных банков, которые также осуществляли эмиссионно-учредительские операции и активно финансировали и патронировали отдельные промышленные предприятия. К ним относятся седьмой по величине банк — Сибирский торговый в Петербурге и отчасти девятый по величине — московский Соединенный банк (оба с большой сетью филиалов), а также еще два петербургских банка — Петербургский учетный и ссудный, тесно связанный с Петербургским международным банком, и Петербургский частный банк, примыкавший к Русско-Азиатскому. Самостоятельное положение по отношению к главным петербургским банковским монополиям сохраняли старые московские банки — органы московского крупного капитала, удельный вес которых в системе акционер-

ных банков сильно снизился, и группа варшавских и рижских банков, среди которых ведущее положение занимали Варшавский коммерческий и Рижский коммерческий банки, стоявшие на двенадцатом и пятнадцатом местах среди акционерных банков России. Они опирались на германские банки, при помощи которых сохраняли самостоятельные позиции по отношению к петербургским банковским монополиям, слабо проникавшим в промышленность польских и прибалтийских районов. Провинциальные же банки коренных районов России к 1914 г. потеряли серьезное значение.

Ведущие банковские монополии — Русско-Азиатский, Петербургский международный и Азовско-Донской банки — в 1914 г. заняли важные позиции в системе российского монополистического капитализма. Патронируя многие десятки ведущих промышленных предприятий, особенно в тяжелой промышленности, они были тесно связаны с основными промышленными монополиями и иностранными финансово-капиталистическими группами, занимавшими ведущее положение в южной металлургии, угольном Донбассе и некоторых отраслях горной промышленности. Международный и Азовско-Донской банки, участвовавшие в нескольких крупнейших предприятиях южной металлургии, были тесно связаны с «Продаметой». В 1911—1912 гг. крупнейшие банковские монополии, в первую очередь Азовско-Донской, Торгово-промышленный и Сибирский банки, занялись финансовой реорганизацией уральских предприятий, и с этого времени последние стали быстро переходить от старых уральских магнатов под контроль банковских монополий. Важнейшие предприятия транспортного машиностроения, паровозостроительные, вагоностроительные, судостроительные к 1914 г. находились под контролем Русско-Азиатского, Международного и связанных с ними менее крупных банков. Крупнейшие промышленные монополии в этих отраслях, такие, как «Продпаровоз», «Продвагон», работали при тесной поддержке указанных банков. В то же время Русско-Азиатским и Международным банками в предвоенные годы создавались в этих отраслях трестообразные организации вроде Сормово-Коломенской группы, Черноморской и Балтийской судостроительных групп предприятий и др. Русско-Азиатский, Международный, Русский торгово-промышленный, Сибирский и прочие банки установили контроль над рядом других машиностроительных предприятий. Электропромышленность России, где господствовали дочерние предприятия германских электроконцернов, пользовалась значительной поддержкой Петербургского международного банка. Господствующее положение заняли Азовско-Донской, Международный, Торгово-промышленный и некоторые другие банки в цементной промышленности и в синдикате цементных заводов. Весьма значительна была роль Азовско-Донского и Международного банков в стекольной промышленности, причем последний занимал ведущее положение в зеркальном синдикате.

Весьма активную роль играли банковские монополии в процессах монополизации нефтяной промышленности. Крупнейшая монополия — Т-во бр. Нобель активно поддерживалась Азовско-Донским и отчасти Волжско-Камским банками. Русско-Азиатский, Международный и пять других банков незадолго до войны организовали Русскую генеральную нефтяную корпорацию (Russian General Oil corporation) — трестообразную организацию под английской фирмой, которая при участии крупнейших нефтепромышленников — Лианозова, Манташева и др.— противостояла Нобелю. Действовавший в России англо-голландский концерн Шелл, имевший сильные позиции в Грозненском районе, развивал свою экспансию при участии Сибирского и Международного банков. В угольной промышленности позиции русских банковских монополий были слабее. Тем не менее Азовско-Донской и Международный банки еще до войны патрони-

ровали отдельные предприятия Донбасса и поддерживали «Продуголь», а перед войной член правления Азовско-Донского банка Верт стал председателем угольного синдиката. Сильные позиции занимали Русско-Азиатский, Международный и Сибирский банки в золотопромышленности, работая в тесном контакте с английскими финансово-капиталистическими группами, а также поддерживая последних в медедобывающей промышленности.

Слабее были позиции основных банковских монополий в легкой промышленности, что, впрочем, было характерно до первой мировой войны для монополистического капитализма не только России, но и других стран. Роль банковских монополий была велика лишь в сахарной промышленности, где ведущее положение занимали Русский для внешней торговли и Русский торгово-промышленный и отчасти Международный банки. Табачная промышленность была почти полностью монополизирована Русской табачной компанией (Russian Tobacco company) под английской фирмой, где главную роль играли Русско-Азиатский банк и группа ростовских капиталистов во главе с Каталамой. Что касается других отраслей легкой промышленности, и прежде всего текстильной, то здесь банки внедрились лишь в отдельные предприятия. Текстильная промышленность центрального района — цитадель старого московского промышленного капитала, опиравшегося на московские банки,— по-прежнему оставалась в его руках.

Для русских банков периода империализма было характерно проникновение в область торговли массовыми промышленными и сельскохозяйственными товарами. Монополизация некоторых отраслей промышленности (сахарной, угольной и др.) через торговлю их продукцией была одной из особенностей развития монополистического капитализма в России. В этом отношении показателен пример московского торгового дома Вогау, сыгравшего большую роль в монополизации медедобывающей промышленности и являвшегося предшественником банков и монополизации сахарной промышленности. Проникновение Международного и Азовско-Донского банков в угольную промышленность также происходило путем сосредоточения у них сбыта продукции финансируемых угольных предприятий. Крупнейшие петербургские банковские монополии развернули обширную торговлю хлопком, льном, конкурируя с московскими банками, проникавшими в эти отрасли в интересах московского текстильного капитала.

Монополизация промышленности и банков в предвоенные годы опиралась на значительный рост внутреннего денежного рынка. Впервые за всю историю русского капитализма его внутренний денежный рынок в это время стал играть существенную роль в финансировании тяжелой промышленности в отличие от XIX в., когда ее рост опирался сперва на государственное финансирование, а затем на иностранные капиталы. Однако в силу исторических условий и в особенности продолжавшегося огромного отвлечения средств денежного рынка на непроизводительные нужды помещиков и осуществление столыпинской реформы значение импорта капиталов для финансирования тяжелой промышленности продолжало оставаться довольно большим. Но при этом основные банковские монополии начали выступать в качестве посредников между русской промышленностью и иностранными денежными рынками и непосредственный приток иностранного капитала в русские предприятия стал снижаться. В целом, однако, средства русского денежного рынка оказались недостаточными для финансирования промышленного подъема, и большая часть новых выпусков акций осела на банковских синдикатских и онкольных счетах. Средства банков и в первую очередь

крупнейших банковских монополий оказались иммобилизованными, но на этот раз правительство пришло на помощь не столько промышленным предприятиям и промышленным монополиям, сколько финансировавшим их банковским монополиям. Задолженность последних Министерству финансов и Государственному банку перед войной достигла огромной суммы почти 1 млрд. руб. С 1912 г. правительство вновь в расширенных масштабах пришло на помощь банкам путем организации интервенционного синдиката, скупившего свыше чем на 100 млн. руб. металлургических, нефтяных и банковских акций.

* * *

Война в корне изменила положение банков и их роль в финансировании и кредитовании промышленности и торговли. Переключение всей тяжелой промышленности, а позднее и основных отраслей легкой на обслуживание военных нужд привело к тому, что важнейшая промышленная клиентура банков была переведена на государственное финансирование. Переход в торговле, в связи с недостатком товаров, к продаже за наличный расчет резко уменьшал потребность в вексельном кредитовании торгового оборота. Основными источниками финансирования военных расходов являлись государственные займы и выпуск бумажных денег. Увеличение денежной массы при резком уменьшении производства товаров для широкого рынка повлекло за собой огромный рост рыночных цен. Этот рост, военные заказы и поставки, а также широко распространившаяся в условиях товарного голода спекуляция товарами стали для крупной буржуазии источником огромных прибылей[2].

Война привела, помимо огромного обогащения крупной буржуазии и пополнения ее рядов за счет новых дельцов военного времени, к накоплению у нее весьма значительных свободных денежных капиталов. Это объяснялось тем, что бóльшая часть потребности предприятий в новых капиталах удовлетворялась государственным финансированием и авансированием по военным заказам, что позволяло предприятиям даже погашать свою довоенную задолженность банкам. Эти свободные денежные капиталы буржуазия использовала для приобретения недвижимых имуществ, промышленных и непромышленных предприятий, разных акций и т. д. Прогрессирующая инфляция подгоняла этот процесс, так как цены на землю, дома, предприятия, акции росли и капиталистам было выгодно быстрее обратить свои денежные средства в «реальные ценности».

В связи с этим еще один добавочный источник чисто спекулятивного обогащения крупной буржуазии состоял в перепродаже домов, имений,

[2] Даже публикуемая отчетность акционерных предприятий, где немалая часть прибыли утаивалась, показывает ее огромный рост в годы войны. Соответствующие данные до 1916 г. включительно можно почерпнуть из буржуазной печати и литературы 1916—1917 гг. Например, из сводки В. Шарого по 72 крупнейшим акционерным предприятиям разных отраслей видно, что показанная в годовых отчетах валовая прибыль к акционерному капиталу составила в 1914 г. 11,2%, в 1915 г.— 18,6%, в 1916 г.— 40,5%, т. е. выросла в 3,6 раза. По сведениям 21 предприятия, обнаруженным после Октябрьской революции С. Г. Струмилиным в архиве Петербургского общества фабрикантов и заводчиков, их прибыль была еще выше — она возросла в среднем за тот же срок с 17 до 65%, или почти в четыре раза. У отдельных предприятий она увеличилась в 2—12 раз, в металлообрабатывающих предприятиях — в восемь раз. На 100 руб. заработной платы прибыль составляла 160 руб. в 1913 и 260 руб. в 1916 г. (см. С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки. М., 1958, стр. 246—251). За 1917 г. предприятия не успели составить свои балансы, но их прибыль, несомненно, была еще выше, чем в 1916 г. В действительности прибыли предприятий были еще выше, так как их значительная часть скрывалась при публикации отчетов. Насколько велика была эта скрытая часть, показывают ликвидационные счета банков, составленные после их национализации (см. ниже).

предприятий и особенно в спекуляции наверняка на росте курсов акций. Следствием описанных обстоятельств явилось, во-первых, ускорение процесса образования финансовой олигархии и, во-вторых, возникновение денежного рынка инфляционного происхождения с небывалым до войны спросом на акции промышленных предприятий и всяких других акционерных обществ. Ряд русских капиталистов впервые устремился к овладению контрольными пакетами разных акционерных обществ, приобщился к системе участий, к установлению контроля над предприятиями в размерах, намного превышающих их собственные капиталы. Установление контроля над акционерными обществами облегчалось ликвидацией германских предприятий и тем, что иностранные владельцы или участники русских предприятий — граждане «союзных» стран были оторваны от руководства ими.

Растущий спрос на акции вел к большему их выпуску, т. е. к организации новых акционерных обществ, преобразованию в такие общества прежних единоличных и семейных предприятий и увеличению уставных капиталов старых акционерных обществ. Преобладали преобразования и увеличение уставных капиталов [3], которые в условиях войны выражали не столько производительное использование средств, сколько рост финансовой олигархии, ее борьбу за контроль и долю в спекулятивных доходах от инфляционного роста цен на акции [4].

Развитие банков в годы войны определялось прежде всего дальнейшим огромным ростом их ресурсов за счет накопления в стране денежных капиталов инфляционного происхождения, которые не находили себе применения ни в торговле, ни в промышленности, а поэтому главным образом вкладывались в госзаймы, т. е. по существу шли на финансирование военных расходов государства.

По сравнению с 1 января 1914 г. к 1 апреля 1917 г. вклады и текущие счета коммерческих банков увеличились в три раза, а их основные пассивы — почти в 2,5 раза, с 4,6 до 11,2 млрд. руб. Одновременно их основные активы увеличились более чеме вдвое, с 4,9 до 10,7 млрд. руб. [5] При этом львиная доля прироста была использована для финансирования военных расходов государства. Вложения банков в операции с

[3] Сводные данные об увеличении капиталов старых обществ отсутствуют, но они выражались в очень больших цифрах. За 1916—1917 гг. многие ведущие предприятия, связанные с банковскими монополиями, увеличили свои акционерные капиталы в полтора и даже два раза. В 1915 г. было учреждено 138 акционерных обществ с капиталами в 190 млн. руб., в 1916 г.— 244 с 373 млн. руб. и в 1917 г.— 335 с 826 млн. руб. («Народное хозяйство за 1916 г.», вып. 2, стр. 81—82; вып. VII, стр. 155). В том числе в марте — июне было образовано 142 акционерных общества с 379 млн. руб. и в июле — октябре 129 обществ с капиталом в 358 млн. руб. Среди вновь учрежденных обществ преобразованные из единоличных и семейных предприятий резко преобладали над новыми. Так, в первом полугодии 1917 г. (высшая точка учредительства) среди всех учрежденных промышленных акционерных обществ преобразованные общества составляли 66% к числу предприятий и 63% к их капиталам (подсчитано по таблице учредительства, приведенной в сборнике «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции», т. I, М., 1957, док. 6, стр. 39).

[4] В условиях войны заправилы крупных предприятий увеличивали акционерные капиталы не столько из-за потребности в новых капиталах, сколько исключительно ради узко корыстных выгод. Новые акции выпускались по резко заниженному курсу по сравнению со сложившимся курсом старых акций тех же предприятий. Это давало огромные прибыли патронирующим банкам и другим хозяевам предприятий. Так как заграничные владельцы старых акций в условиях войны не могли подписываться на новые, то банки и другие заправилы и даже русские ставленники иностранных капиталистов путем приобретения новых акций расширяли свой контроль над предприятиями.

[5] Подсчитано по сводным балансам. Основные активы — учетно-ссудные операции, корреспонденты лоро и ностро в активе, собственные ценные бумаги. Основные пассивы — капиталы, вклады и текущие счета, корреспонденты в пассиве. Переучет и перезалог не включаются.

гарантированными бумагами (т. е. в основном в долгосрочные государственные займы) и в учет краткосрочных обязательств казначейства выросли с 380 до 4180 (млн. руб., или на 3,8 млрд. руб.[6] Все же прочие активы увеличились всего с 4,5 до 6,5 млрд. рубл., из которых формально 800 млн. руб. падало на вексельно-товарные кредиты и 1 млрд. руб.— на операции с негарантированными бумагами, т. е. на синдикатские и онкольные операции с акциями промышленных и других предприятий.

Однако содержание и характер как вексельно-подтоварных кредитов, так и операций с негарантированными ценными бумагами сильно изменились. Прежде всего это относится к кредитованию торгового оборота, которое до войны осуществлялось в форме вексельно-товарных кредитов на периферии. Весьма показательны изменения в соотношении операций правлений петербургских банков и их провинциальных филиалов. К 1914 г. примерно 52% основных активов падало на операции последних, там же использовалось больше половины всех ресурсов банков. Через три года, к 1 апреля 1917 г., картина изменилась. У петербургских банков вложения в столице возросли в три с лишним раза, с 1,7 до 5,2 млрд. руб., а операции филиалов увеличились менее чем на 50%, с 1,8 до 2,6 млрд. руб. В 1914 г. местные денежные капиталы целиком использовались для кредитования хозяйства на периферии и, сверх того, было предоставлено филиалам свыше 300 млн. руб. средств центра. На 1 апреля 1917 г. значительная часть местных денежных капиталов была отвлечена для операций в Петрограде. По сводному балансу петербургских правлений банков на момент национализации[7] вложения банков по Петербургу возросли с 1,7 до 6,2 млрд. руб., или на 260%, причем, помимо огромного отвлечения средств периферии (1,25 млрд. руб.), для операций в Петрограде было использовано еще около 1 млрд. руб., позаимствованных в Государственном банке. По сводным данным на 1 апреля 1917 г. по семи крупнейшим петербургским банкам (правлениям вместе с филиалами), этот процесс выражается еще отчетливее. Операции филиалов возросли за 3¼ года с 1,7 до 2,1 млрд. руб., т. е. всего на 20%, тогда как вложения по Петрограду увеличились в три с лишним раза. Такие банки, как Международный, Русско-Азиатский, Азовско-Донской, даже не увеличили своих вложений по огромной сети филиалов в абсолютных размерах, а Международный банк даже их уменьшил[8].

Вексельно-подтоварные кредиты банков перестали выражать кредитование торговли, а превратились в форму финансирования отдельных крупных дельцов или предприятий в виде учета различного рода финансовых векселей на крупные суммы. Это особенно ярко подтверждают архивные документы правления Волжско-Камского банка, далекого от учредительско-эмиссионных операций и финансирования промышленности до первой мировой войны. В конце 1916 г. более 220 млн. руб. в форме вексельных, подтоварных, онкольных и счетов лоро под векселя и товары было вложено в кредитование 43 клиентов, среди которых фигурируют кредиты дельцу-сахарозаводчику Ярошинскому под товары на 13,5 млн. руб., Бухарской ж. д. под векселя на 6 млн. руб., Кнопу под товары на 4 млн. руб., крупным петербургским предприятиям под векселя на суммы в 3—15 млн. руб. и т. д.[9]

---

[6] Операции с государственными гарантированными бумагами подсчитаны по балансам. Учет краткосрочных обязательств выделен из вексельно-учетных операций по архивным документам (ЦГИАЛ, ф. 1553, оп. 1, д. 20, л. 209).

[7] С включением филиалов московских банков, мало отличавшихся по направлению своей деятельности в столице от петербургских банков («Экономическое положение...», т. I, док. 50, стр. 98—100).

[8] По сводным балансам.

[9] ЦГИАЛ, ф. 595, оп. 3, д. 1604; оп. 2, д. 34, лл. 401—402.

Наряду с этим подтоварные кредиты отражали расширившуюся собственную торговлю банков, прикрывавшуюся товаро-комиссионными и товаро-ссудными операциями. Банковские монополии принимали самое активное участие в общем процессе обогащения крупной буржуазии на растущем в стране товарном голоде. Торгово-спекулятивные операции банков, частично освещавшиеся еще в буржуазной печати военных лет, в настоящее время предстают в более полном виде благодаря новым архивным документам [10]. В условиях войны в филиалах крупных столичных банков свернулись их самые значительные операции по кредитованию торгового оборота в форме учета коммерческих векселей и подтоварных ссуд, служащих продвижению товаров к местам их потребления. Такие ссуды стали использоваться в филиалах предпочтительно для задержки реализации товаров в ожидании роста цен и вместе с собственной торговлей банков приводили к обострению товарного голода, спекуляции на нем. В этом заключался источник основных доходов периферийных филиалов банковских монополий [11].

Главным источником обогащения банковских монополий в годы войны являлись операции с акциями промышленных и других предприятий. Эти акции (как и облигации госзаймов) сосредоточивались в петербургских управлениях, в силу чего и активы банков в столице выросли в абсолютных размерах за 1914—1917 гг. в 4,3 раза больше, чем во всех филиалах вместе взятых. Именно в операциях с ценными бумагами с особой силой выразилась крайне паразитарная роль банковских монополий в годы первой мировой войны. Во время подъема 1909—1913 гг. они также имели крупные доходы от учредительско-эмиссионных и финансово-спекулятивных биржевых операций. Но вместе с тем ими прямо или косвенно были вложены в промышленные или другие предприятия большие новые капиталы. К концу промышленного подъема банковские средства, как уже отмечалось, были иммобилизованы в финансировавшихся предприятиях. Война разорвала эту свойственную капитализму связь между паразитическими доходами и капиталовложениями, поскольку главная тяжесть финансирования промышленности, работавшей «на оборону», легла на государственный бюджет, и промышленность перестала нуждаться в длительном вложении банковских средств, как это было накануне войны. В этих условиях участие банков в финансировании стало определяться исключительно выгодами банковских заправил и прежде всего расширением контроля банков над предприятиями и увеличением их доли в прибылях военного времени. К тому же банковские монополии сумели широко использовать в своих выгодах государственное финансирование подконтрольных им предприятий.

Особенно характерной в этом отношении была наиболее паразитарная операция — гарантийная, при которой банки, выдавая правительственным органам гарантию за авансированные предприятиям средства, по существу использовали их для присвоения значительной части прибылей предприятия, для ликвидации старых долгов (т. е. для высвобождения банковских средств, иммобилизованных в предприятии), для участия

[10] См. «Экономическое положение...», т. I, стр. 100—110, 114—143. Ревизии товарных операций трех крупнейших банков, произведенные представителями Министерства финансов и Государственного банка.

[11] Чиновники-ревизоры далеко не вскрыли размеров банковских доходов на товарных операциях. Не случайно главное внимание в актах ревизии было сосредоточено на «незаконности» и способах маскировки торговли банками за свой счет, хотя министерству за 10 лет до того было хорошо известно, что банки такую торговлю ведут в больших размерах. В буржуазной печати еще до Февральской революции отмечалось, что указанные ревизии приводят банковских заправил в «веселое настроение» («Коммерческий телеграф», 4 января 1917 г.).

в поставках предприятиям оборудования. Так, Сибирский банк использовал огромные казенные авансы подконтрольному обществу Невьянских заводов для ликвидации его задолженности другим банкам, для поставки банком импортного оборудования заводам, для реализации банком с большой прибылью подсобной продукции заводов. В другом случае председатель правления банка Э. К. Груббе являлся компаньоном получателя авансов, целостность которых гарантировал банк, и т. п.[12]

Даже покровительствовавшее банковским монополиям Министерство финансов было вынуждено уже в начале 1916 г. циркулярно разъяснить им, что они используют предоставленное им право выдачи гарантий «неправильно»: не предоставляя предприятиям никаких средств, они взыскивают непомерно высокие проценты и комиссии за средства, полученные предприятиями от государства[13].

Коренные изменения претерпели и банковские вложения по синдикатским и онкольным счетам с акциями промышленных и других предприятий. Огромный спрос на акции и рост их курсов с 1916 г. дали возможность банкам прежде всего освободить свои средства, иммобилизованные перед войной в синдикатских и онкольных операциях, а затем широко использовать свои высвобожденные и новые ресурсы для новых вложений ради установления контроля и спекулятивных доходов. Далее, при отсутствии у предприятий потребности в получении новых крупных капиталов от банков последним становилось все более выгодно увеличивать капиталы основных подконтрольных им предприятий тяжелой промышленности ради получения огромных эмиссионных доходов от эмиссии и последующего размещения акций среди капиталистов. Необходимость же длительного вложения банковских средств, характерная для предвоенного промышленного подъема, в новых условиях отпадала. Такое вложение стало определяться исключительно стремлением банковских заправил расширить свой контроль над предприятиями или выгадать время для того, чтобы сорвать еще более высокие учредительско-эмиссионные прибыли.

В этом смысле чрезвычайно характерными являются синдикатские счета банков на момент их национализации. В отличие от многомиллионных увязших сумм накануне первой мировой войны, синдикатские счета Русско-Азиатского банка[14] на момент его национализации показывают свыше 160 синдикатских операций, в большинстве своем законченных и притом со значительной прибылью. Вложения же банка на 14 декабря 1917 г. (т. е. не высвобожденные еще затраты) составляли 107 млн. руб. Анализ синдикатских счетов показывает, что подавляющая часть из этих 107 млн. руб. падает отнюдь не на вложения в бумаги, которые банк не мог бы при желании продать, а, напротив, связана целиком с целями контроля или стремлением еще больше взвинтить курс акций до их реализации. Так, например, всего лишь на восемь синдикатских операций

---

[12] ЦГИАЛ, ф. 638, оп. 1, д. 500, лл. 104—108. Здесь же приводится пример гарантийной операции с мало известным Сибирскому банку клиентом, владельцем небольшого единоличного завода С. Чикиным. Последний получил казенный заказ на 750 тыс. руб. с авансированием под гарантию банка 490 тыс. руб. Банк зачислил эту сумму на счет Чикина (из обычного процента по вкладам), а ему открыл «кредит» в 250 тыс. руб., взыскивая с него 8½% плюс 1% комиссии и, кроме того, 5% комиссии за «гарантию» 490 тыс. руб. По подсчетам ревизора Министерства финансов, банк заработал на этой операции 57 тыс. руб. Но и Чикин не оказался обиженным, так как, по соображениям ревизора, мог заработать на заказе до 200% к своим затратам на его выполнение (там же). Всего Сибирским банком было выдано гарантий по заказам на 162 млн. руб. (сумма самих авансов не указана).

[13] ЦГВИА, ф. 369, оп. 21, д. 45, лл. 122—123.

[14] Фонд Северо-Западной конторы Народного банка (ФНБ), оп. 2, д. 115, лл. 202—213. Этот фонд до последнего времени находился в ЦГИАЛ, ныне в ГАОРСС ЛО (ф. 1289).

падает 72 млн. руб.[15] вложений; еще 15 млн. руб. приходятся на акции нефтяных и табачных предприятий, т. е. отраслей, в которых банк был сильно заинтересован и имел особенно крупные эмиссионно-учредительские доходы. Еще 12 млн. руб. относятся к 16 обществам с остатком вложений в каждое (вместе с субучастниками банка) свыше 1 млн. руб. Большинство этих обществ также были подконтрольными банку. На все остальные незавершенные синдикатские операции из 107 млн. руб. приходится менее 8 млн. руб. еще не высвобожденных средств. Таким образом, документально подтверждается отсутствие вынужденной увязки средств в синдикатских операциях из-за невозможности реализовать акции, наоборот, эти операции целиком были подчинены расширению контроля и обогащению банковских заправил.

Это наглядно подтверждается наличием на синдикатских счетах огромных скрытых прибылей, не показанных в отчетности банка, а «зарезервированных» заправилами ради перевода этих прибылей в свой карман. Так, Русско-Азиатский банк в своем официальном годовом отчете за 1916 г. показал 26 млн. руб. прибыли, из них списал на якобы сомнительные долги 9 млн. руб., еще перечислил 5 млн. руб. в запасные капиталы, выплатил за 1916 г. 9,5 млн. руб. дивиденда (16% на акцию) и 3 млн. руб. тантьем правленцам и наградных служащим[16]. В одних же синдикатских операциях банка на момент национализации было запрятано до 45 млн. руб. прибыли в различных резервных счетах, из них 16,5 млн. руб. прямо числилось на счете резервов[17], 11 млн. руб.— как прибыль по синдикатским операциям с табачными и нефтяными акциями, 6 млн. руб. — по остальным синдикатским операциям. Наконец, последние 10 млн. руб. особо ярко рисуют проводившиеся махинации: оставив за собой после проведения финансовой реорганизации общества Сергино-Уфалейских заводов 18 тыс. акций номинально на 4,5 млн. руб., заправилы банка расценили их на синдикатских счетах в 19 млн. рубл. и одновременно зарезервировали на параллельном счете в 10 млн. руб.[18], т. е. поставили себе задачу заработать на этой сделке не менее указанной суммы. Так раскрывается на ликвидационных счетах банковских монополий «скрытая прибыль в знаменитых счетах лоро», о которой писала большевистская «Правда» в июле 1917 г.[19]

В наиболее выгодных синдикатах с акциями нефтяных и табачных предприятий в качестве участников неизменно фигурируют директора Русско-Азиатского банка, заправилы близких предприятий, вроде нефтепромышленников Лианозова и Манташева и фон Мекка из общества Московско-Казанской ж. д. и т. п.

На счетах же корреспондентов лоро, не связанных с синдикатами (т. е. с выпуском в обращение и продажей капиталистам акций), значатся огромные суммы, вложенные в русскую табачную компанию и подконтрольные ей предприятия, а именно 52 млн. руб. Кроме того, на тех же счетах числилось еще 62 млн. руб., вложенных в три других подконтрольных бнку предприятия. И наконец, среди принадлежавших банку акций на 64 млн. руб. были акции 15 подконтрольных предприятий на 40 млн. руб.[20].

---

[15] В том числе значится вложений в приобретение от Вогау Т-ва Кольчугинского завода 18,8 млн. руб., в операции по финансовой реорганизации (санирование) О-ва Сергино-Уфалейских заводов 19,3 млн. руб., в учрежденное в 1916 г. О-во Курганского консервного завода 5,5 млн. руб. и т. д.

[16] ЦГИАЛ, ф. библ., д. 1174, лл. 1—3.

[17] ФНБ, оп. 2, д. 115, лл. 202—213, стр. 36—37.

[18] Там же, стр. 16—17.

[19] «Правда», 17(4) июля 1917 г., стр. 2, стб. 4.

[20] ФНБ, оп. 2, д. 115, лл. 123—126 и сл.

Аналогичную картину показывают синдикатские счета Русского торгово-промышленного банка на момент национализации, где из 146 млн. руб. вложений на пять подконтрольных предприятий и банков (в одном из них борьба за контроль не была закончена) падает 134 млн. руб., а остатки по остальным синдикатским операциям были совсем незначительны [21].

Архивные документы банков второго значения подтверждают огромное обогащение заправил на синдикатских операциях путем создания скрытых резервов. Так, Петербургский учетный и ссудный банк показал за 1916 г. 13 млн. руб. прибыли и выплатил акционерам 3,6 млн. руб., или 16⁰/₀ на акцию. Еще 2,3 млн. руб. он выплатил на тантьемы правленцам и вознаграждение служащим и перечислил в резерв 7 млн. руб. На одних же синдикатских счетах банк имел скрытых резервов 10,5 млн. руб., а вместе с другими счетами — 13,4 млн. руб. [22] Рядом с этими цифрами выглядят ничтожными официальные оклады и тантьемы правленцев, составлявшие в годы войны 70—120 тыс. руб. в год [23].

Усиление контроля банковских заправил над рядом предприятий в годы войны вынуждены были констатировать даже чиновники Министерства финансов. Так, при обследовании Азовско-Донского банка представитель министерства констатировал, что «по отношению к некоторым из них (финансируемых предприятий.— *Авт.*) банк является их полновластным хозяином» [24]. В том же обследовании в отношении одного из финансируемых в Киевском филиале банка сахарных заводов обследователь выражается еще более определенно, характеризуя юридических владельцев завода как приказчиков банка [25].

В обследовании Русско-Азиатского банка указывается, что «чем значительнее задолженность банку, тем глубже, сильнее и разностороннее подчиненность банку. Такого рода засилие чуждого предприятия (банка.— *Авт.*) иногда проникает настолько глубоко, что у предприятия остается одна лишь видимость самостоятельного существования, одна лишь фирма, между тем все назначение, вся задача такого предприятия всецело служить интересам банка, для чего предприятие или является ширмой, подставным юридическим лицом, через которое проводится собственная торговля банка, или же компенсирует денежную помощь банка всеми способами: содержанием и тантьемой креатур банка, посаженных в правлении под разными наименованиями для надзора за предприятием и направления его деятельности, процентными, комиссионными, куртажными и иными обстоятельствами, клонящимися к явной выгоде банка. Всех финансируемых и субсидируемых предприятий у банка имеется около сотни. Денежная заинтересованность банка в этих предприятиях, значительная часть коих работает на оборону или имеет к ней то или иное отношение, колеблется от нескольких десятков тысяч до сумм свыше

---

[21] ФНБ, оп. 2, д. 1079, лл. 1—4. Такую же картину можно проследить по счетам других банков на момент их национализации — синдикатским и собственных ценных бумаг Азовско-Донского (ФНБ, оп. 2, д. 758, лл. 111—112 и 58—59), Международного банка (там же, д. 276, л. 110, а также по обеспечению онколя — там же, д. 300, лл. 6—7) и даже по счетам менее активного в области финансово-спекулятивных операций Русского для внешней торговли банка (там же, д. 1267, лл. 28—32 и д. 1304, лл. 1—4).

[22] Там же, д. 342, л. 112.

[23] Так, например, Русский для внешней торговли банк по договору с председателем правления банка, б. директором Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов Л. Ф. Давыдовым должен был платить ему 120 тыс. руб. Договор был заключен в июне 1917 г., после внедрения в банк Ярошинского (ЦГИАЛ, ф. 599, оп. 1, д. 12, лл. 34—35).

[24] «Экономическое положение...», т. I, стр. 137.

[25] ЦГИАЛ, ф. 616, оп. 1, д. 172, л. 45 и сл.

20 млн. руб. на каждое. И чем сильнее задолженность предприятия, тем большее количество в правлении банковских агентов»[26].

То, что с запозданием констатировали министерские чиновники, еще более определенно отмечала буржуазная печать[27]. Так, еще до Февральской революции «Коммерческий телеграф» указывал, что «банки не стесняются открыто и смело выступать в качестве продавцов и покупателей фабрик, заводов, контор, промыслов, кинематографов, ресторанов, гостиниц, бань и даже оперных и опереточных театров». Там же утверждалось, что четыре главных директора петроградских банков за время войны заработали четверть миллиарда рублей,— «конечно не путем честной и добросовестной наживы»[28]. В другой статье, посвященной тем же петербургским банкам, в феврале 1917 г. говорится, что «банковский феодализм дошел до того, что ни один казенный подряд, ни одна казенная поставка,— а сейчас все подряды и поставки казенные,— не могут обойтись без банка, причем львиная доля всего барыша идет в карманы банковских феодалов»[29]. В третьей статье приводится целый ряд фактов покупки банками через подставных лиц (путем открытия им кредитов) крупных недвижимостей как в городах, так и в горных округах Урала, Сибири и т. д.[30] Отмечается ряд фактов покупки банками гостиниц[31].

Еще более характеризует ажиотаж и обогащение банковских заправил продажа контрольных пакетов и целых предприятий одними банками другим. Так, Соединенный банк в 1916 г. приобрел контрольный пакет Алапаевских заводов за 5 млн. руб. и перепродал его Русско-Азиатскому за 8,5 млн. руб., заработав на перепродаже 2,5 млн. руб., (1 млн. руб. было уплачено «комиссии» посредникам, сумма, выражавшая минимальный заработок банковских заправил)[32]. Вскоре в свою очередь Русско-Азиатский банк продал тот же пакет Казанской ж. д.,

---

[26] «Экономическое положение...», т. I, стр. 110.

[27] По обилию фактического материала о деятельности банков в 1915—1917 гг. выделялись «Финансовая газета» в Петрограде и «Коммерческий телеграф» (КТ) в Москве. Первая велась известным банковским апологетом И. И. Левиным, который освещал главным образом расширение сферы контроля банковских монополий под углом зрения их «творческой деятельности» и стал ее замалчивать после Февральской революции. «Коммерческий телеграф», на который дается ниже ряд ссылок, отчетливо выражал недружелюбные позиции московского крупного капитала по отношению к петербургским банковским монополиям. Поэтому «Коммерческий телеграф» и до и после Февральской революции настойчиво раскрывал махинации петербургских банковских верхов, а заодно также инородного Москве Второва. Зато весьма мало внимания в газете уделялось махинациям Рябушинских и других чисто московских магнатов. Достоверность многих существенных фактических материалов газеты уже подтверждена прямо или косвенно архивными документами (например, о группе Ярошинского и ее махинациях).

[28] КТ, 4 января 1917 г.; см. также 28 апреля 1917 г.

[29] КТ, 3 февраля 1917 г.

[30] Так, Петербургский международный банк купил кабинетские земли Бело- и Чернохолуницких имений в Алтайском округе, земли в Астраханской губернии, имение «Белый Ключ» в Уфимской губернии. Азовско-Донской банк скупал земли в Уфимской, Пермской и Вятской губерниях. Сибирский банк купил до 550 тыс. десятин лесов у наследников Громовых. Русский для внешней торговли банк купил большие владения Еремеевых в Москве. Волжско-Камский банк организовал крупное домостроительное общество с участием Нобеля. Не отставали от них и московские банки и даже некоторые провинциальные. «Коммерческий телеграф» подчеркивал, что все эти факты прекрасно известны Министерству финансов, которое на них никак не реагирует (КТ, 13 февраля 1917 г.).

[31] Русский торгово-промышленный банк купил гостиницу «Россия» в Ялте (КТ, 3 января 1917 г.). Русско-Азиатский банк через подставное лицо купил гостиницу «Гранд-отель» в Кисловодске за 3 млн. руб. (КТ, 4 февраля 1917 г.). Крупный сахарозаводчик Гепнер купил гостиницу «Метрополь» в Москве за 9,5 млн. руб. и перепродал ее близкому Торгово-промышленному банку за 12,5 млн. руб. (КТ, 5 сентября 1917 г.).

[32] КТ, 20 января 1917 г.

за что посредник, некий Есманов (лицо, близкое Путилову), получил 1 млн. руб. «комиссии» [33]. Само общество Казанской ж. д. в течение многих лет патронировалось тем же Русско-Азиатским банком и в конце 1916 г. было продано, разумеется, не без крупной выгоды для Путилова и других банковских заправил, концерну Стахеева [34]. Особенно усердствовали в перепродаже контрольных пакетов новые заправилы Русского торгово-промышленного банка. Контрольный пакет общества Верх-Исетских горных заводов перекочевал в 1917 г. из этого банка в Азовско-Донской. Русский торгово-промышленный банк продал крупное московское машиностроительное предприятие — Т-во Добровых и Набгольц, заработав на этом 3 млн. руб. [35]

Однако во многих случаях продажа банковскими монополиями крупных контрольных пакетов промышленных предприятий носила фиктивный характер. Продавая контрольный пакет по взвинченным ценам, уплачивая миллионы «комиссионного» вознаграждения «посредникам», банки фактически оставляли контрольный пакет в своем распоряжении. Так, из архивных документов Русского торгово-промышленного банка видно, что 9—28 февраля 1917 г. он продал крупные пакеты трех предприятий — обществ Тульских чугуноплавильных заводов, машиностроительного завода б. Лангензипен и Чудовского цементного завода — крупному дельцу Животовскому. Общая сумма продаж составила 21,3 млн. руб. (номинальная цена акций — 9,4 млн. руб.), причем Животовский внес всего лишь 3,7 млн. руб.— 15% от договорной стоимости, а остальную сумму получил от банка по тут же ему открытому кредиту по онкольным счетам [36]. На момент же национализации банка значительная часть перечисленных акций перекочевала обратно на синдикатские счета того же банка [37] с участием в синдикатах того же Животовского. По субсчету последнего значатся крупные прибыли в 7,5—8 млн. руб. [38], которые, разумеется, являлись и прибылями заправил Русского торгово-промышленного банка.

Характерно, что такие дельцы, как Животовский, пользовались в 1917 г. огромными кредитами в разных банках. Тот же Животовский на момент национализации банков имел задолженность в Торгово-промышленном банке (помимо указанной выше «операции») по финансированию поставок импортных селитры и металлов двум крупным заводам и был должен Русско-Азиатскому банку по онколю 16,5 млн. руб., Волжско-Камскому — 10,7 млн., Азовско-Донскому — 6 млн., Русскому для внешней торговли — 1 млн. руб., а также Сибирскому банку (см. ниже) [39]. Он принимал участие и в скупке акций Соединенного банка накануне перехода последнего при поддержке Путилова к концерну Стахеева, а

[33] КТ, 4 февраля 1917 г.

[34] На таких перепродажах наживались не только главные заправилы банков, но и фигуры поменьше. Так, известный профессор-финансист И. Х. Озеров, приобщившийся к «деловому миру» (член совета Русско-Азиатского банка, член правления «Лензолота» и некоторых других предприятий банка), скупил акции Еринского цементного завода по 105 руб., продал по 300, заработав на этом 1,1 млн. руб. (КТ, 4 февраля 1917 г.). За этим заводом охотился Второв, который и купил его.

[35] КТ, 4 февраля 1917 г.

[36] ЦГИАЛ, ф. 634, оп. 1, д. 15, лл. 44, 45, 60.

[37] Числится акций всех трех предприятий на номинальную сумму 16,5 млн. руб.

[38] ФНБ, оп. 2, д. 1079, лл. 1—4.

[39] Данные о задолженности крупных клиентов на момент национализации банков здесь и ниже взяты из фонда Северо-Западной конторы Народного банка: Русско-Азиатскому банку — оп. 2, д. 163, 168, 170, 172, 181, 190; Русскому для внешней торговли — оп. 2, д. 1305; Азовско-Донскому — оп. 2, д. 794; Торгово-промышленному — оп. 2, д. 1078, лл. 1—5; Волжско-Камскому — оп. 2, д. 1186, лл. 1—70 (последнему также на конец 1916 г., ЦГИАЛ, ф. 595, оп. 3, д. 1604; оп. 2, д. 34, лл. 401—402).

позднее купил общество «Подмосковный уголь», перепродав его затем Московскому промышленному банку Второва [40].

Доступность кредита в банковских монополиях для крупных дельцов доказывается многочисленными данными из счетов банков на момент их национализации. Так, известный биржевик и делец Манус имел задолженность в Русско-Азиатском банке 3,5 млн. руб., в Волжско-Камском — 6 млн. руб. и значительный онколь в Сибирском банке; крупные нефтепромышленники Лианозов, Гукасов, Нобель имели задолженность от 6,5 до 8—10 млн. руб. в трех-пяти банках.

Начавшийся со второй половины 1916 г. биржевой ажиотаж вокруг увеличения капиталов старых предприятий и погоня за их акциями все более возрастали после Февральской революции. Уже в самый канун Великой Октябрьской социалистической революции продолжалась биржевая вакханалия и «настроение» биржи являлось «уверенным», «оживленным», «весьма деятельным», «крепнущим» [41]. Даже после Октябрьской революции банковские заправилы, все еще не веря в крушение старого мира, продолжали свои махинации и попытки установления контроля, например, над небольшим Русско-Английским банком (борьба заправил Русского торгово-промышленного и Азовско-Донского банка) [42]. Банки продолжали выпускать новые акции, печатая об этом сообщения в мало распространенных изданиях, «в расчете, что акционеры не смогут воспользоваться своим правом на выпуск» [43]. Накануне национализации банков, в декабре 1917 г., Учетный и ссудный банк купил московский банкирский дом братьев Джамгаровых, а Петербургский частный банк — активы Общества взаимного кредита в Москве [44]. В декабре 1917 г. заправилы Петербургского международного банка Вышнеградский и Мещерский решили приступить к увеличению капиталов Сормовского и Коломенского общества в полтора раза [45].

На огромном росте курсов акций, непрерывных их выпусках, перепродаже контрольных пакетов наживались в первую очередь заправилы крупнейших банковских монополий. Однако накопления военных сверхприбылей и спекулятивных доходов приводили к обогащению не одних лишь крупных, близких к банковским заправилам биржевых дельцов типа Животовского и Мануса, но и более широкого круга лиц из старой и новой (военного времени) крупной буржуазии. Крупные капиталисты, пробивавшиеся в ряды финансовой олигархии, стремились установить длительный контроль над рядом промышленных и других предприятий или же войти в число банковских заправил, заставить потесниться старые верхи банковских монополий.

Даже среди крупной московской буржуазии, которая до войны медленно перерастала в финансовую олигархию, произошли значительные изменения. Так, многие текстильные магнаты использовали огромные военные прибыли не для расширения своих старых предприятий, а на покупку ценных бумаг, недвижимостей и т. д., вплоть до того, что в июне 1917 г. стали испытывать недостаток оборотных капиталов в своих старых предприятиях [46]. Впервые крупный текстильный капитал стал на путь

[40] КТ, 9 января и 14 июня 1917 г.
[41] КТ, 6, 7, 21 и 24 октября 1917 г.
[42] КТ, 9 декабря 1917 г.
[43] КТ, 10 и 12 декабря 1917 г. Газета всерьез угрожала банковским заправилам тем, что «законы восстановятся» и им придется «отвечать» перед обманутыми старыми акционерами.
[44] КТ, 12 и 14 декабря 1917 г.
[45] КТ, 10 и 16 декабря 1917 г.
[46] КТ, 27 июня 1917 г.

комбинирования предприятий с помощью системы участия. Так, Т-во «Циндель» приобрело паи Собиновской и Лемешевской мануфактуры, а Т-во Прохоровской мануфактуры — паи Ярославской и Покровской мануфактур[47]. Московский капиталист Н. Ф. Беляев, владелец небольшой Александровской мануфактуры, преобразовал ее в 1915 г. в паевое товарищество[48]. Затем он приобрел четыре предприятия (т-ва Франц Рабенек, Меленковской, Екатерингофской и Петринской мануфактур), после чего пытался продать втридорога их паи петербургским банкам. Он же приобрел угольное (антрацитовое) предприятие с намерением его акционировать[49].

Как известно, расширение состава русской финансовой олигархии в годы войны выразилось в возникновении крупных концернов Рябушинских, Второва, Стахеева, Ярошинского (в сахарной промышленности) и некоторых более мелких вроде Гессена-Демкина (в речном пароходстве)[50]. Здесь мы остановимся лишь на концернах Стахеева и Ярошинского в связи с теми изменениями в составе заправил крупнейших банков, которые были вызваны появлением этих монополистических групп[51].

Судьба концерна Стахеева тесно связана с Русско-Азиатским банком и еще более с попытками его главного заправилы А. И. Путилова укрепить свой контроль над Русско-Азиатским банком и огромным числом контролируемых банком предприятий. Сам Путилов в 1917 г. был председателем или членом правлений 44 предприятий, подконтрольных Русско-Азиатскому банку[52]. Выходец из Министерства финансов, Путилов с самого начала являлся председателем правления Русско-Азиатского банка, поставленным на этот пост не без участия Министерства финансов. Путилов, несомненно, опирался на крупнейшие французские банки, состоявшие владельцами (или представителями французских капиталистов-владельцев) большинства акций банка. Однако уже до войны Путилов был наиболее активным инициатором создания концернов при участии французских и австрийских банков в области военной и судостроительной промышленности (Путиловское, Невское, Русско-Балтийское судостроительные общества, общества заводов б. Барановский, Парвиайнен и др.). Путилов, как и некоторые другие заправилы крупных банков, не имевшие достаточных личных капиталов для безраздельного господства в банке, пытался сосредоточить в своих руках воз-

[47] «Экономическое положение...», т. I, стр. 77—79.

[48] «Народное хозяйство за 1915 г.», М., 1918, стр. 258.

[49] КТ, 3 февраля и 5 августа 1917 г. В. А. Бутлеров купил за 1 млн. руб. старое горнозаводское имение в Вологодской губ. и предложил его Московскому банку Рябушинских за 8 млн. руб. для строившегося завода АМО (КТ, 13 апреля 1917 г.).

[50] О Рябушинских и Второве см. И. Ф. Гиндин «Московские банки в период империализма» («Исторические записки», т. 58, стр. 58—61); о концерне Стахеева — публикацию П. В. Волобуева и И. Ф. Гиндина в «Историческом архиве» № 3 за 1957 г., стр. 160—162. Вопрос об образовании концернов в годы войны, а также и более мелких групп предприятий вроде упомянутых предприятий Беляева нуждается еще в детальном исследовании, которое, несомненно, выявит еще пока неизвестные финансово-капиталистические группы. Например, до сих пор недооценивается в этом плане такой представитель московского крупного капитала и лидер русской империалистической буржуазии, как А. И. Гучков. Между тем братья К. И. и Н. И. Гучковы фигурируют в годы войны в правлениях ряда московских предприятий и даже обзавелись «собственным» банком — Московским учетным (предприятия, в которых Н. И. Гучков был членом правления см. «Материалы по истории СССР», т. VI, М., 1959, стр. 753).

[51] Базой концерна Рябушинских являлся их давний Московский банк, у Второва — приобретенный им во время войны Московский промышленный банк (о величине этих банков см. приложения, табл. 1). Ни Рябушинские, ни Второв не проникли в петербургские банковские монополии. Второв лишь пытался проникнуть в некоторые металлургические предприятия, связанные с петербургскими банковскими монополиями или поддерживаемые ими (Брянское и Донецко-Юрьевское о-ва).

[52] Перечень этих предприятий см. «Материалы по истории СССР», т. VI, стр. 766.

можно больший пакет акций. Для этого применялись различного рода методы вроде взаимного перезалога крупных пакетов акций заправилами различных банков[53] или организации держательских обществ, которые приобретали нужные заправилам контрольные пакеты самого банка[54]. Путилов еще до войны организовал в Париже небольшой банк, финансировавшийся Русско-Азиатским банком, с главной целью держания пакета акций Русско-Азиатского банка. «Этот оригинальный банк, учрежденный при содействии Русско-Азиатского банка, являлся не чем иным, как подставным лицом А. И. Путилова во всех его предприятиях... Путилов номинально продал весь свой контрольный пакет этому банку в Париже с тем, чтобы обеспечить за ним (за Путиловым.— *Авт.*) большинство...»[55]. Подобный же банк перед войной организовал в Париже тогдашний заправила Сибирского банка М. А. Соловейчик[56].

В годы предвоенного промышленного подъема вокруг Русско-Азиатского банка образовалась целая группа крупных банков, участвовавших в его учредительско-эмиссионных операциях и поддерживавших махинации Путилова, в том числе Русский торгово-промышленный банк, не имевший сильных позиций в промышленности за исключением сахарной, Сибирский (Путилов и Соловейчик взаимно поддерживали друг друга) и банк второго ранга — Петербургский частный. Во время войны Русский торгово-промышленный и Сибирский банки перешли в другие руки, и в этом смысле влияние Русско-Азиатского банка уменьшилось. Все же положение Путилова в самом Русско-Азиатском банке, сфера контроля которого во время войны расширилась, оставалось прочным[57].

Однако для расширения своего личного контроля и создания вокруг Русско-Азиатского банка новой крупной банковской группы Путилов объединился с концерном Стахеева.

Концерн Стахеева, выросший из крупной торговой фирмы, развил во время войны весьма разнообразную деятельность, однако его экспансия была в основном направлена на те отрасли, которые не являлись главной сферой контроля банковских заправил: на первом месте стояли хлебная торговля, хлопок, пароходства, лес (лесозаготовки и лесной экспорт), рыбные промыслы, железные дороги Средней Азии, текстильные предприятия, горнорудные месторождения в Сибири и Средней Азии[58].

Поворот внимания концерна в сторону крупнейших частных железных дорог, уральских горных заводов и особенно установления контроля над крупнейшими банками был, несомненно, тесно связан с участием в этом деле Путилова. Прежде всего ни переход к концерну Стахеева

---

[53] Так, еще до войны заправилы Сибирского и Соединенного банков заложили друг у друга по крупному пакету «своего» банка (И. Ф. Гиндин. Указ. статья в т. 58 «Исторических записок», стр. 95).

[54] Заправилы московского Соединенного банка во главе с гр. Татищевым превратили принадлежавшее банку Московское торговое общество в своеобразную держательскую компанию. Обществу «принадлежали» крупные пакеты акций Соединенного банка (и акций подконтрольных банку предприятий); оно имело на всю их сумму кредит в Соединенном банке, а все акции находились там в залоге (там же, стр. 92—93; также приложения, перечень предприятий, гр. 34, прим. 8).

[55] КТ, 14 июля 1917 г.

[56] Там же.

[57] См. КТ, 9 февраля 1917 г. Газета указывает, что группа московских и петроградских капиталистов скупает акции Русской-Азиатского банка не в расчете установления контроля над ним, а с тем, чтобы либо сбыть их по высоким ценам заправилам банка, либо войти в некоторые предприятия Русско-Азиатского банка. Заправилы банка во главе с Путиловым не беспокоятся по этому поводу, чувствуют себя уверенно, располагая достаточным количеством акций.

[58] См. указ. публикацию в № 3 «Исторического архива» за 1957 г. (записка Стахеевых) и статью Т. М. Китаниной «Из истории образования концерна Стахеева» («Из истории империализма в России». Л., 1959, стр. 100—133).

контролируемого в течение нескольких лет Русско-Азиатским банком Общества Казанской ж. д., ни продажа этому обществу Алапаевских заводов не могли произойти без прямого желания Путилова. Покупка концерном контрольного пакета акций Соединенного банка, при конкуренции ряда других крупных капиталистов, увенчалась успехом именно потому, что Путилов выдал из Русско-Азиатского банка огромную ссуду Стахееву [59].

Во главе Соединенного банка был поставлен после его перехода в руки концерна управляющий Московской конторой Русско-Азиатского банка. Несомненно, что и внедрение Стахеева в Волжско-Камский банк произошло не без поддержки Русско-Азиатского банка: после того как главный деятель стахеевского концерна Батолин вошел в правление Волжско-Камского банка, последний стал открывать огромные кредиты не только Стахееву и его организациям вроде Казанской ж. д., но и крупнейшим заводам, подконтрольным Русско-Азиатскому банку [60]. С внедрением концерна Стахеева в Волжско-Камский банк последний потерял свой особый характер направления операций и перестал отличаться от основных пяти петербургских банковских монополий [61].

Контрольный пакет Петербургского частного банка оставался в руках Русско-Азиатского [62], а заправилы Частного банка Немировский и Залшупин выступали в комбинациях Путилова и Стахеева в качестве маклеров [63].

Таким образом, под эгидой Русско-Азиатского банка вновь создалась группа из четырех банков, из которых Волжско-Камский в годы войны по своим ресурсам сравнялся с Торгово-промышленным, а Соединенный мало уступал Сибирскому.

Ряд данных с несомненностью показывает, что и другие затевавшиеся концерном Стахеева мероприятия не могли происходить без поддержки Путилова и во всяком случае совпадали с его личными интересами. Все это давало основания достаточно осведомленному «Коммерческому телеграфу» говорить не о концерне Стахеева, а о концерне Путилова — Стахеева. Газета называет Путилова прямым участником «синдиката» Стахеев — Путилов — Батолин [64].

Даже проникновение концерна Стахеева в текстильные предприятия не могло осуществиться без поддержки Путилова. При скупке этих предприятий наличными выплачивалось не более половины покупной цены, а остальные суммы погашались вкладными билетами (очевидно, безвалютными) Русско-Азиатского и Соединенного банков [65]. При открытии в Русско-Азиатском банке в августе 1917 г. крупных кредитов под финансовые векселя Стахеева, нуждавшихся в формальном разрешении совета

---

[59] КТ, 14 июня 1917 г.

[60] Заводу Барановского — 21 млн. руб., Русско-Балтийскому судостроительному — 11,9 млн. руб., Путиловскому — 12,5 млн. руб., Невскому — 8 млн. руб., Петербургскому вагоностроительному — 5 млн. руб., итого почти 60 млн. руб. предприятиям, контролируемым Русско-Азиатским банком. К тому же еще 3 млн. руб. было выдано Есманову, подручному Путилова по перепродаже Алапаевских заводов (ЦГИАЛ, ф. 595, оп. 3, д. 1604).

[61] Установление контроля Стахеева и Путилова над Волжско-Камским банком не было, однако, завершено. Старые члены правления Мухин и Виндельбандт, выражавшие интересы крупных акционеров — представителей торгового капитала, пытались противодействовать использованию средств банка в интересах новой руководящей группы, и еще в октябре 1917 г. обе группы стремились скупать акции у других капиталистов для того, чтобы противодействовать друг другу (КТ, 13 сентября и 20 октября 1917 г.).

[62] ФНБ, оп. 2, д. 1079, лл. 1—4.

[63] КТ, 13 сентября 1917 г.

[64] КТ, 14 июня, 9 и 12 августа, 5 октября 1917 г. и др.

[65] КТ, 8 августа и 30 сентября 1917 г.

банка, Путилов сам лично проводил в совете эти кредиты, тогда как другие ведущие директора банка, Гордон и Бутри, в этот день дипломатически «заболели» [66].

Наконец, Путилов сам продал по высокой цене крупный пакет акций Русско-Азиатского банка концерну Стахеева, ввел в правление банка Батолина, в результате чего из состава правления ушел В. Ф. Давыдов (брат. б. директора Кредитной канцелярии) и собирался уходить «табачный директор» банка Н. А. Гордон [67]. Следовательно, поддержка Путиловым стахеевского концерна была направлена на образование новой группы вокруг Русско-Азиатского банка и на укрепление своих личных позиций. В связи с этим Путилов шел на изменение состава заправил Русско-Азиатского банка даже ценой потери последним контроля над табачной промышленностью [68].

К существенным изменениям в составе руководящих банковских групп привело вторжение в некоторые крупные банки Ярошинского. На первом месте здесь стоит Русский торгово-промышленный банк. Спасенный в начале 1900-х годов после банкротства Дервиза Министерством финансов, он долго не имел устойчивой группы заправил. Значительный пакет акций этого банка с согласия Министерства финансов был куплен английским финансистом-спекулянтом Криспом и вскоре заложен им в Государственном банке. Вслед за уходом Коковцова с поста министра финансов был сменен и близкий Коковцову управляющий Государственным банком А. В. Коншин. Оставшись без дела, он перекочевал в председатели Торгово-промышленного банка. За короткое время Коншин сумел сосредоточить в своих руках значительный пакет акций банка, после чего вознамеревался уйти на покой. Пакет, принадлежавший ранее Криспу и перешедший формально в собственность группы второстепенных английских финансистов, фактически продолжал находиться в распоряжении Кредитной канцелярии. Таким образом, в годы войны Русский торгово-промышленный банк мог без особого противодействия его членов правления перейти в распоряжение новой финансово-капиталистической группы, стремившейся расширить свое влияние.

Крупный сахарозаводчик Ярошинский, распространивший свой контроль на ряд сахарных заводов, начал с того, что в 1914 г. приобрел от Азовско-Донского банка контрольный пакет Киевского частного коммерческого банка (Азовско-Донской банк взамен организовал в Киеве собственный филиал). После этого Ярошинский приобрел от английской группы бывший пакет Криспа примерно по курсу 125%, гарантируя одновременно английским финансистам длительную пролонгацию кредитов в сумме порядка 5 млн. руб., которыми они пользовались в Русском торгово-промышленном банке [69]. В январе 1917 г. Ярошинский приобрел от Коншина 70 тыс. акций Торгово-промышленного банка по двойному курсу за 35 млн. руб. При этом часть суммы была оплачена по онколю, открытому в том же Торгово-промышленном банке, и осталь-

---

[66] КТ, 9 августа 1917 г.

[67] КТ, 15 октября 1917 г.

[68] КТ, 20 октября 1917 г. В табачном тресте командное положение занимали Русско-Азиатский банк и связанная с Гордоном группа ростовских капиталистов во главе с И. Каталамой. Уход Гордона в октябре 1917 г. означал потерю контроля Русско-Азиатского банка над табачной промышленностью, что, разумеется, широко компенсировалось участием банка и лично Путилова в контроле над предприятиями концерна Стахеева. Следует отметить, что в буржуазной печати имеются и мнения другого рода, а именно, что главная роль во всех описанных комбинациях принадлежала не Путилову, а компаньону Стахеева Батолину, Путилов же занимал более подчиненное положение. Однако на основе анализа имеющихся данных выводы, изложенные в тексте, представляются более убедительными.

[69] ЦГИАЛ, ф. 1102, оп. 2 (К. И. Ярошинского), д. 1, лл. 9—10.

ная сумма внесена Киевским частным коммерческим банком того же Ярошинского, т. е. по существу контрольный пакет был куплен Ярошинским на средства подконтрольных банков. Покупка пакета сопровождалась сменой правления банка. Сам же Ярошинский вошел лишь в совет банка и оттуда был «делегирован» для исполнения должности члена правления. Такая махинация давала ему возможность широко пользоваться кредитом в своем банке, чего формально были лишены члены правления [70].

В апреле 1917 г. Ярошинский решил распространить свой контроль на другие банковские монополии, прежде всего на второй ведущий банк в сахарной промышленности — Русский для внешней торговли и на Петербургский международный банки. Под широковещательным «народнохозяйственным» обоснованием [71] правление Торгово-промышленного банка решило образовать два консорциума (синдиката) для скупки акций обоих упомянутых банков. В отношении Русского для внешней торговли банка операция прошла успешно, и вскоре в состав совета банка были введены Ярошинский и двое его подручных — члены правления Торгово-промышленного банка [72]. Что касается Международного банка, то Ярошинскому удалось скупить большой пакет акций, и положение заправил банка во главе с Вышнеградским оказалось в связи с этим затруднительным. Однако эту операцию Ярошинскому довести до конца не удалось, видимо, потому, что старые заправилы были поддержаны Путиловым и Стахеевым [73].

Приход Коншина, а затем Ярошинского в Торгово-промышленный банк ознаменовался большой активизацией банка в различных отраслях промышленности. Ярошинскому удалось с помощью банковских средств значительно расширить контроль над сахарной промышленностью. Характерны в этом отношении опубликованные документы о покупке акций бывших предприятий Терещенко Торгово-промышленным банком и продажа их Киевскому частному банку, а затем продажа старых предприятий, принадлежавших семье Ярошинских еще в 1860-х годах (в том числе т-ва «Гнивань»), тому же обществу Тульско-Черкасских заводов б. Т-ва Терещенко [74].

Анализ этих документов показывает, что Торгово-промышленный банк еще в начале 1916 г. купил паи Тульско-Черкасских заводов на 7,2 млн. руб. за 16 млн. руб. (по 221% к номиналу), реализовал в середине 1916 г. из них паи на 3 млн. руб. за 8,6 млн. руб. (по курсу 285%), а в январе 1917 г. (уже при контроле Ярошинского над банком) — остальные паи на 4,2 млн. руб. за 16,9 млн. руб. (по курсу 400%), заработав в итоге 9,5 млн. руб. Покупателем во втором случае был Киевский частный банк, т. е. другой банк того же Ярошинского. Киевский банк «купил» у Торгово-промышленного паи без всякой оплаты, так как под них ему был открыт кредит сроком на три года. Из второго документа следует, что к апрелю 1917 г. почти все паи четырех ранее принадлежавших Ярошинскому сахарных предприятий он успел продать Русскому торгово-промышленному банку (общий паевой капитал всех четырех номинально составлял 4,9 млн. руб., из них у банка — 3,97 млн. руб.). Можно себе представить, за какую огромную сумму Ярошинский их всучил банку, если последний продал их Тульско-Черкасскому т-ву за

[70] КТ, 17 января 1917 г.

[71] ЦГИАЛ, ф. 634, оп. 1, д. 15, л. 96; см. также «Экономическое положение...», т. I, стр. 149—152.

[72] ЦГИАЛ, ф. 634, оп. 1, д. 11, л. 308.

[73] КТ, 8 августа и 9 октября 1917 г.

[74] «Экономическое положение...», т. I, док. 55—56, стр. 145—146.

24,7 млн. руб. (625% номинала). Продажа тоже явилась чистейшей фикцией, так как на 24,7 млн. руб. банк тут же открыл кредит товариществу. Таким образом, не вкладывая в эти операции никаких собственных средств и передвигая паи и акции из одного подконтрольного банка и предприятия в другое, Ярошинский (а отчасти и связанные с ним лица) присваивал многомиллионные доходы от роста курсов этих акций и паев, в то же время не выпуская их из своих рук. Вокруг Ярошинского образовалась группа капиталистов, участвовавших в синдикатах с акциями банков, сахарных и других предприятий (Животовский, Малаховский и др.) [75]; к нему примыкали и некоторые крупные сахарозаводчики.

Изменения произошли и в Сибирском банке, где после смерти Соловейчика контрольный пакет был куплен крупным дельцом военного времени, «специализировавшимся» на военных поставках, инженером Н. Х. Денисовым. Задолженность Денисова банку по залогу различных поставляемых товаров и другим «операциям» достигала 21 млн. руб. [76] Разным другим банкам — Волжско-Камскому, Русско-Азиатскому, Азовско-Донскому, Русскому для внешней торговли — Денисов был должен 16,5 млн. руб. За счет этих кредитов Денисов только в двух банках — Азовско-Донском и Русско-Азиатском — заложил до 16,5 тыс. акций Сибирского банка [77]. По утверждению бывшего крупного чиновника Министерства финансов, а затем подручного Соловейчика в должности председателя правления Сибирского банка Э. К. Груббе, «не сработавшегося» с Денисовым, «все активы банка находятся в непосредственной зависимости от Денисова, поместившего в банк все свои ценности по весьма высокой цене» [78]. На смену Груббе Денисов выдвинул в председатели правления в качестве своего подручного последнего царского министра иностранных дел Н. Н. Покровского [79].

В остальных банковских монополиях — Азовско-Донском и Петербургском международном банках — не произошло коренных изменений в составе заправил. Однако в Международном банке значительно повысилась роль А. П. Мещерского, непосредственно возглавившего Сормово-Коломенскую группу предприятий банка, а в близком Международному банку Учетном и ссудном сильно поднялась роль М. С. Плотникова, непосредственно возглавлявшего подконтрольные этому банку машиностроительные предприятия.

В целом, независимо от изменений в составе банковских заправил, сфера контроля банковских монополий расширилась и укрепилась, особенно в тяжелой промышленности.

В южной металлургии усилилось влияние Русско-Азиатского банка в Обществе Брянских заводов [80]. Тем же банком было куплено Общество

---

[75] «Экономическое положение...», т. I, стр. 150.

[76] По 15 счетам Денисова находились в залоге поставляемые им военному и др. ведомствам автомобили, станки, сталь, кофе, парафин и т. д. По шести счетам Денисов кредитовался по подрядам, на покупку цементного завода «Маяк», лесного имения, на покупку Гурзуфа в Крыму. В банке пользовались кредитами также подручные и комиссионеры Денисова, например И. С. Гольденберг (на 2 млн. руб.) (ЦГИАЛ, ф. 638, оп. 1, д. 500, лл. 10—11, 83—84). Помимо того, по всем товарным поставкам Денисова, его подручного Паенсона и, видимо, частично работавшего с Денисовым в компании Животовского, банк выдавал гарантийные письма «на условиях, весьма выгодных для банка». Но это не наносило ущерба упомянутым выше лицам: как отмечает ревизор, «заработок их на выполненных заказах был поразительно велик» (там же, лл. 104—106).

[77] ФНБ, оп. 2, д. 794, л. 111; д. 163 и др.

[78] КТ, 15 октября 1917 г.

[79] КТ, 12 и 15 октября 1917 г. Денисов так формально и не вошел в состав правления Сибирского банка, чтобы кредитоваться, не нарушая устава банка

[80] На момент национализации на счетах лоро Русско-Азиатского банка было 85 тыс акций на 34 млн. руб. (ФНР, оп. 2, д. 115, лл. 123—126).

Новороссийского завода (Юза) по двойной цене в фунтах стерлингов и присоединено через Русское общество снарядов и военных припасов[81] к военному концерну Русско-Азиатского банка. Вторжение Второва в Донецко-Юрьевское общество привело к тому, что французские банки и капиталисты вынуждены были прибегнуть к помощи Международного и других банков[82]. При этом сохранилось значительное участие Азовско-Донского и Международного банков в Никополь-Мариупольском, Таганрогском и Сулинском обществах и усилилось влияние Русского для внешней торговли в Южно-русском Днепровском обществе.

За годы войны завершился переход к банковским монополиям и важнейших уральских предприятий. В частности, Русским для внешней торговли банком были акционированы накануне войны Симские заводы Балашовых и в 1917 г. Нижне-Тагильские заводы князя Демидова-Сан-Донато, т. е. предприятия наиболее преуспевавших уральских магнатов[83]. В августе 1917 г. Международный банк вел переговоры с последним уральским магнатом князем Белосельским-Белозерским об акционировании Катавских заводов[84]. В связи с ликвидацией концерном Вогау основных своих предприятий, к Сормово-Коломенской группе перешли Белорецкие заводы. К ней же, в связи с ликвидацией германской собственности, перешли горные заводы центрального района.

Все важнейшие предприятия транспортного машиностроения, судостроения, военной промышленности контролировались банковскими монополиями еще до войны. В военные же годы значительно укрепились Сормово-Коломенская группа, группа предприятий военной промышленности и обе судостроительные группы Русско-Азиатского и Международного банков[85], в частности путем получения ими самостоятельной металлургической базы в виде Новороссийского и Белорецких заводов. Одновременно увеличилось число контролируемых основными банковскими монополиями машиностроительных и механических предприятий второго ранга. В то же время общее число подобных предприятий значительно выросло, главным образом за счет всякого рода снарядных заводов вроде снарядных предприятий Рябушинских, Второва и других крупных капиталистов, приобщившихся к работе на «оборону».

В связи с ликвидацией или ограничением предприятий с участием германских капиталов усилилась роль Международного банка в дочерних предприятиях германских электроконцернов.

В меднопрокатной промышленности по той же причине, а также из-за ликвидации предприятий концерна Вогау роль банковских монополий значительно повысилась. Общество Кольчугинского завода перешло в собственность Русско-Азиатского банка; усилилось влияние Международного банка в Обществе Соединенных кабельных заводов и других банков в остальных ранее принадлежавших Вогау медеобрабатывающих предприятиях. Одновременно произошло сближение Азовско-Донского и Сибирского банков с основными мededобывающими предприятиями, находившимися под контролем английских финансово-капиталистических групп. В октябре 1917 г. происходили переговоры о крупном участии Русско-Азиатского банка в Обществе Кыштымских заводов[86]. Укрепились

[81] ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, д. 2045, л. 19; «Экономическое положение...», т. I, стр. 109—110.

[82] «Исторические записки», т. 58, стр. 59—60.

[83] ФНБ, оп. 2, д. 1267, лл. 28—32; д. 1304, лл. 1—4.

[84] КТ, 22 августа 1917 г.

[85] О всех этих монополистических объединениях см. приложения, примечания к перечню предприятий по группам 1—9, стр. 91.

[86] КТ, 24 октября 1917 г

сложившиеся еще до войны позиции Русско-Азиатского, Международного и Сибирского банков в золотопромышленности.

Сохранились полностью позиции крупнейших банков и в цементной промышленности, но одновременно основные московские цементные заводы от Вогау и отдельных московских капиталистов перешли к Второву.

В нефтяной промышленности продолжалась усиленная борьба за влияние между основными финансово-капиталистическими группами. В годы войны борьба между Нобелем и Русской генеральной нефтяной корпорацией (и стоявшими за ней банками) привела если не к победе Нобеля, то к выгодному для него компромиссу[87]. Однако борьба за влияние длилась до самой Октябрьской революции. Возглавлявший Русскую генеральную нефтяную корпорацию Русско-Азиатский банк стал в 1916 г., в противовес Нобелю, создавать новый нефтяной концерн на базе крупного предприятия — Т-ва «Нефть», ранее примыкавшего к Русской генеральной нефтяной корпорации.

Об этом назначении нового концерна писали газеты в 1917 г. Первоначально представители московского крупного капитала, а также Поволжья были склонны поддерживать «Нефть» против ущемлявшей их интересы монополии Нобеля[88]. Архивные же документы показывают, что представителей московских капиталистов в составе Т-ва «Нефть» не было и оно возглавлялось Т. В. Белозерским — «нефтяным директором» Русско-Азиатского банка[89]. Из данных о последнем общем собрании пайщиков «Нефти» видно, что предъявителями большинства паев были другие предприятия, входившие в тот же концерн (65 тыс. из 122 тыс.), а затем Русско-Азиатский банк, Путилов и французские акционеры этого банка. Последнее же собрание акционеров Т-ва бр. Нобель показывает, что Нобель сумел в своих интерсах использовать как противоречия между основными банковскими монополиями, так и нейтральное отношение других банков, не имевших самостоятельных интересов в нефтяной промышленности, в борьбе за контроль над ней. Участниками общего собрания было предъявлено акций Т-ва бр. Нобель на 34 млн. руб., из них самими Нобелями менее чем на 4 млн. и 13 банками — на 26 млн. руб. и в их числе семью банками, организовавшими до войны Русскую генеральную нефтяную корпорацию, было представлено акций на 14 млн. руб. К 1917 г. из этих семи банков по крайней мере три — Русский для внешней торговли, Русский торгово-промышленный и Сибирский — были в руках Ярошинского и Денисова, интересы которых ни в чем не совпадали теперь с Русско-Азиатским банком. Последний вместе с Волжско-Камским, Частным и Соединенными банками располагал на общем собрании акциями всего на 6 млн. руб.[90].

В итоге собрания в совет Т-ва бр. Нобель вошли председатель Азовско-Донского банка Б. А. Каменка (всегда поддерживавший Нобеля против Русской генеральной нефтяной корпорации) и фактический распорядитель Международного банка А. И. Вышнеградский[91]. Из этого

[87] Сообщения подтверждаются новыми документами, опубликованными в сборнике «Экономическое положение...», т. I, стр. 55—57, а также другими документами (см. ЦГИАЛ, ф. 630, оп. 11, дд. 725, 803). Из этих же документов видно, что финансово-деловые отношения Нобеля с Русско-Азиатским банком продолжались.

[88] КТ, 7 и 16 января 1917 г.

[89] См. «Экономическое положение...», т. I, стр. 58—66. Там же в документе 23 показаны планы экспансии Т-ва «Нефть». См. также приложения, перечень предприятий по группе 11 (нефтяных), где в примечаниях даны предприятия, подконтрольные Т-ву «Нефть», и предприятия, входившие в Русскую генеральную нефтяную корпорацию.

[90] КТ, 25 мая 1917 г.

[91] Там же.

следует, что и этот банк перестал действовать заодно с Русско-Азиатским банком.

В газетных сообщениях 1916—1917 гг. неоднократно отмечалось усиление роли крупнейших петербургских банков в угольной промышленности[92]. К 1916 г. Международный и Азовско-Донской банки имели «десятки миллионов пудов из рудников, находящихся всецело в сфере влияния этих банков (большинство акций)»[93]. Оба эти банка контролировали угольные предприятия Донбасса. После прекращения в конце 1915 г. официальной деятельности «Продугля» к ним перешла его коммерческая агентура, активно продолжавшая свою деятельность[94]. Для Азовско-Донского банка это облегчалось тем, что он еще ранее был тесно связан с «Продуглем» через А. А. Верта. В борьбе за расширение своего влияния на угольную промышленность Донбасса Петербургский Международный банк охватывал своим влиянием и «маленькие рудники, в том числе кустарные». Далее намечалась их прямая покупка через подставные фирмы[95]. Харьковское отделение Международного банка имело два дочерних торговых общества, «Юровэта» и «Корунд», для сбыта угля подконтрольных предприятий. Близкие к крупным банкам металлургические общества продолжали усиленно обзаводиться собственными угольными предприятиями путем скупки их акций. Решающим стало влияние крупнейших банковских монополий в новых, тогда еще мало развитых угольных районах Востока, особенно Международного банка в Кузнецком бассейне, где, кроме того, было организовано Кузнецкое металлургическое общество.

Впервые в годы войны отмечается значительное проникновение банков в лесную промышленность, в частности Русско-Азиатского банка (в связи с поддержкой Путиловым концерна Стахеева), а также других финансово-капиталистических групп (Рябушинских).

В целом сфера контроля, участия или влияния банковских монополий в тяжелой промышленности к октябрю 1917 г. серьезно расширилась и укрепилась и охватывала важнейшие предприятия тяжелой промышленности (см. приложения).

Расширилась она также и в отраслях легкой промышленности. Особенно интенсивно протекала монополизация сахарной промышленности через охват несколькими финансово-капиталистическими группами почти всех рафинадных заводов. Так, уже в 1915 г. группа Русского для внешней торговли банка контролировала заводы с 30% общероссийского производства рафинада. Контролируемые заводы группы Русского торгово-промышленного банка давали 20%, Международного — до 8% и Учетного и ссудного — также до 8%[96]. Внедрение группы Ярошинского в Русский торгово-промышленный и Русский для внешней торговли банки еще более усилило монополизацию сахарной промышленности. Кроме того, оба последних банка вместе с Азовско-Донским и другими контролировали непосредственно свеклосахарные заводы, причем не столько системой участия в них, сколько кредитованием, обусловленным монополизацией сбыта сахара банком[97]. Поэтому приводимые в таблицах приложений данные об участии крупных банков в сахарных пред-

[92] См., например, «Торгово-промышленную газету» за 6 октября 1917 г.
[93] ЦГИАЛ, ф. 626, оп. 1, д. 1744, лл. 17—73.
[94] Там же, лл. 67—73.
[95] Там же, лл. 34—35.
[96] «Финансовая газета», 30 ноября 1915 г.
[97] См. приложения, перечень предприятий по группе 26 (сахарная промышленность), где в примечаниях даны сведения, характеризующие процессы монополизации этой отрасли и участие в них банков, стр. 92—93.

приятиях далеко не выражают подлинных масштабов их контроля над ними.

Зато влияние основных банковских монополий в текстильной промышленности расширялось мало, если не считать близости Русско-Азиатского банка к концерну Стахеева. За этим исключением процессы монополизации текстильной промышленности возглавлялись представителями крупного московского капитала, а также Второвым. Но в то же время значительно усилился контроль финансово-капиталистических групп над источниками сырья текстильной промышленности. Операции московских филиалов крупнейших петербургских банков по заготовкам и торговле хлопком[98] все время росли, увеличились и операции организованных петербургскими банками или ставших под их контроль хлопковых фирм в Средней Азии[99].

Под контроль банковских монополий за годы войны попали самые разнообразные предприятия. Но это было связано не с процессом монополизации отдельных отраслей, а со стремлением банковских заправил поставить под свой контроль или учредить различные доходные в условиях войны предприятия вроде крупных мясоконсервных предприятий и ряда торгово-комиссионных фирм или даже гостиниц. Расширение такого круга предприятий, подконтрольных банкам, особенно Русско-Азиатскому банку, следует рассматривать в том же плане приобщения банковских заправил к различным формам сверхприбылей военного времени, начиная от их личного участия в военных поставках и кончая перепродажей контрольных пакетов или эмиссионно-учредительскими операциями. Тем не менее собственная торговля банков, при всей ее немалой роли в усилении товарной спекуляции и росте цен, занимала все же второстепенное место в обогащении банковских заправил.

Характерно, что число новых предприятий военного времени, находившихся в разной степени под влиянием банковских монополий (см. приложения, табл. 6), было невелико. Только у Русско-Азиатского банка таковых было 10%, у остальных значительно меньше. Банковские заправилы явно не стремились к длительному участию в них, предпочитая этому укрепление и расширение своих позиций в «проверенных» старых предприятиях. При растущем учредительстве новых акционерных обществ в 1915—1917 гг. это привело к некоторому снижению удельного веса акционерных предприятий, находившихся под контролем или влиянием крупнейших банков, в сумме всех акционерных капиталов. Но это снижение отнюдь не выражало действительного сужения их влияния. Дело в том, что примерно две трети учрежденных за это время акционерных обществ приходилось на действующие единоличные и семейные предприятия, преобразуемые в акционерную форму. Лишь одна треть обществ представляла собой действительно новые предприятия и притом обладала, как правило, незначительными капиталами. Средние размеры уставного капитала действительно новых акционерных предприятий за первое полугодие 1917 г. составляли 2 млн. руб., из них промышленных — неполных 3 млн. руб., тогда как средний акционерный капитал старых, подконтрольных банкам, предприятий достигал 6,3 млн. руб., выраженных при этом, в отличие от новых, в полноценных довоенных рублях[100]. 3 млн. руб. в первом полугодии 1917 г. составляли

[98] См. указанные выше ревизии банков Министерством финансов в 1916—1917 гг.

[99] О роли банков в сравнении с концерном Стахеева и Второва в текстильной промышленности, а также о их роли в хлопковом производстве, см. приложения, перечень предприятий по группе 21 (текстильная) и примечания к ней, стр. 91—92.

[100] К тому же немногие заново организованные банками промышленные акционерные предприятия принадлежали к числу самых крупных. У Русско-Азиатского банка, например, три предприятия имели капиталы в 15—20 млн. руб. каждое.

в действительности не более 600—700 тыс. довоенных рублей, т. е. акционерный капитал новых предприятий был в среднем в 10 раз меньше, чем у старых предприятий. Последние сохранили доминирующее положение в важнейших отраслях тяжелой промышленности, некоторых отраслях легкой и в транспорте. Новое учредительство означало также появление новых, менее заметных фигур крупного делового мира, стремившихся пробраться в круг старых представителей финансовой олигархии и заправил новых концернов[101].

Слабое учредительство в годы войны действительно крупных предприятий объясняется во многом крайне паразитическим направлением деятельности банковских монополий. При наличии огромных спекулятивных доходов, получаемых от участия и расширения контроля над старыми предприятиями, банки были мало заинтересованы в новом учредительстве, а последнее без их участия не могло развиваться в действительно больших масштабах. Лучший пример этому — полная инертность банков в создании предприятий основной химической промышленности при катастрофическом недостатке химикатов, ранее импортировавшихся из Германии[102]. Зато в связи с «многообещающим» послевоенным экспортом леса ими было учреждено несколько крупных лесных акционерных предприятий.

Общий итог акционерных обществ, находившихся под контролем или влиянием основных банков, дан в таблице 1 (стр. 45).

Выявленные 468 предприятий с акционерными капиталами в 2165 млн. руб. составляли менее 20% к общему числу акционерных обществ в России в 1917 г., но у них было сосредоточено немногим менее половины всех акционерных капиталов страны. Главной сферой влияния банков являлась тяжелая промышленность. В металлургии, металлообработке, топливной и горной промышленности, в цементно-стекольной с банками было связано около трети акционерных предприятий и свыше 50% акционерных капиталов этих отраслей, а в металлургии и металлообработке этих капиталов было уже почти 70%. В прочих отраслях тяжелой промышленности сфера влияния банков распространялась лишь на небольшое число предприятий, однако акционерные капиталы последних достигали трети капиталов соответствующих отраслей. В целом же по тяжелой промышленности сумма акционерных капиталов, контролируемых банками, равнялась 60%.

Внедрение банков в легкую промышленность ограничивалось табачной и сахарной отраслями, поэтому удельный вес предприятий легкой промышленности, связанных с банками, оставался незначительным. Зато серьезных результатов банковские монополии достигли, внедряясь в непромышленные отрасли и в первую очередь в транспорт.

Как явствует из таблицы 1, в сферу влияния банков входили прежде всего крупнейшие предприятия каждой отрасли. В целом предприятия, связанные с банками, по величине своих акционерных капиталов превышали в три—пять раз капиталы предприятий, не связанных с банками. Это относится даже к тем отраслям, где влияние банков было относительно невелико. Что же касается числа членов правлений патронируемых крупнейшими банками предприятий, то оно достигло 633[103], причем

---

[101] См. их характеристику в «Народном хозяйстве за 1915 г.», Пг., 1918, стр. 322—323.

[102] Все попытки создания химических предприятий для удовлетворения хотя бы минимальных потребностей военного ведомства проводились государственно-монополистической организацией Ипатьева, опиравшейся на Второва и некоторых московских капиталистов, но без всякого участия крупнейших петербургских банков.

[103] По далеко не полным данным. См. пояснения к перечню предприятий в приложениях.

Таблица 1

Крупнейшие банки и акционерные общества к октябрю 1917 г.

Отрасли	Предприятия, связанные с банками				Средний акционерный капитал одного предприятия, млн. руб.		Число членов правления от банка
	число предприятий	акционерный капитал, млн. руб.	всех акционерных обществ, %	акционерный капитал, %	связанного с банками	не связанного с банками	
Тяжелая промышленность							
Металлургия и металлообработка	90	683	33	68	7,6	1,7	151
Горная (включая топливную)	101	461	34	52	4,6	1,9	141
Цементно-стекольная	19	59	33	55	3,1	1,3	27
Резиновая	4	54	80	99	13,5	0,5	8
Прочие отрасли	15	171	6	34	11,4	1,2	22
Вся тяжелая промышленность	229	1428	27	60	6,2	1,5	349
Легкая промышленность							
Табачная	11	35	42	70	3,2	1,0	9
Сахарная	43	73	29	40	1,6	1,0	26
Прочие отрасли	48	123	7	12	2,5	1,2	63
Вся легкая промышленность	102	231	12	18	2,3	1,4	98
Вся промышленность вместе с торговлей	370	1746	17	41	4,7	1,4	500
Непромышленная группа	56	210	21	50	3,8	1,0	81
Общий итог	426	1956	18	42	4,6	1,4	581
Частные железные дороги	42	209	74	93	5,0	1,0	52
Всего	468	2165	19	44	4,6	1,4	633

более половины приходится членов правлений предприятий тяжелой промышленности.

Сфера влияния отдельных крупных банков показана в таблице 2. (стр. 46).

Данные таблицы 2 показывают, что Русско-Азиатский банк находился далеко впереди остальных банковских монополий. Его влияние распространялось на 143 предприятия с 837 млн. руб. капиталов, а если еще прибавить частные железнодорожные общества, то 163 предприятий с капиталами свыше 950 млн. руб. За ним шли Международный и Азовско-Донской банки. Оба они распространили свое влияние на 92—94 предприятия, но первый — на предприятия с капиталом 619 млн. руб., а второй — на 562 млн. руб. Однако если не учитывать железнодорожные общества, то Азовско-Донской банк опережал Международный. Остальные банки намного отставали от первых трех. Русский торгово-промышленный, Русский для внешней торговли и Сибирский банки охватывали своим влиянием от 52 до 76 предприятий с капиталами от

Таблица 2

Сфера влияния крупнейших банков в 1917 г.

Банки	Вся промышленность и торговля			В том числе тяжелая промышленность			В том числе легкая промышленность			Непромышленные отрасли			Общий итог			Частные ж.-д. общества			Всего с ж.-д. обществами		
	число предприятий	акционерный капитал, млн. руб.	число членов правления от банков	число предприятий	акционерный капитал, млн. руб.	число членов правления от банков	число предприятий	акционерный капитал, млн. руб.	число членов правления от банков	число предприятий	акционерный капитал, млн. руб.	число членов правления от банков	числов предприятий	акционерный капитал, млн. руб.	число членов правления от банков	число предприятий	акционерный капитал, млн. руб.	число членов правления от банков	число предприятий	акционерный капитал, млн. руб.	число членов правления от банков
Все восемь банков * .	359	1720	476	225	1410	332	97	225	94	53	204	79	412	1924	555	40	203	48	452	2127	603
В том числе:																					
Русско-Азиатский . .	124	764	105	88	637	75	28	91	20	19	73	19	143	837	124	20	119	9	163	956	133
Петербургский частный	19	77	38	15	65	35	3	11	3	4	12	1	23	89	39	6	28	4	29	117	43
Итого**: . .	141	837	143	101	698	110	32	123	23	21	78	20	162	915	163	23	134	13	185	1049	176
Петербургский международный	64	433	76	53	418	65	3	6	4	11	53	11	75	486	87	17	133	7	92	619	94
Петербургский учетный и ссудный	18	114	29	13	98	23	4	13	3	4	13	7	22	127	36	—	—	—	22	127	36
Итого***: . .	80	519	105	64	488	88	6	16	7	14	61	18	94	580	123	17	133	7	111	713	130
Азовско-Донской . .	73	437	71	48	384	43	14	34	21	12	63	8	85	500	79	9	62	5	94	562	84
Русский торгово-промышленный	49	192	76	29	144	40	10	21	18	11	48	16	60	240	92	13	59	5	73	299	97
Русский для внешней торговли	62	258	37	19	189	12	41	66	21	10	53	10	72	311	47	4	19	5	76	330	52
Итого****: . .	110	449	113	48	333	52	50	86	39	19	83	26	129	532	139	16	71	10	145	603	149
Сибирский торговый .	36	208	44	31	196	39	3	7	4	6	21	7	42	229	51	10	70	13	52	299	64

* Предприятия, связанные с двумя или несколькими банками, фигурируют по каждому банку, но не дублируются в строке «Все 8 банков»

** В итог входят семь предприятий с капиталом в 24,1 млн. руб., связанные одновременно с Русско-Азиатским и Петроградским частным банками.

*** В итог входят три предприятия с капиталом в 33,2 млн. руб., связанные одновременно с Международным и Учетным банками.

**** В итог входят четыре предприятия с капиталом в 25,6 млн. руб., связанные одновременно с Русским торгово-промышленным и Русским для внешней торговли банками.

299 до 330 млн. руб. Из этой троицы наименее активным был Русский для внешней торговли банк. По нему цифры завышены за счет того, что только по этому банку удалось выявить финансируемые в Киевском отделении сахарные заводы (22 предприятия), а сумма капиталов связанных с банком предприятий значительно повышается наличием среди них одного общества электроснабжения с капиталом в 50 млн. руб. Явно второстепенную роль играли петербургские Частный и Учетный и ссудный банки. Первый, за одним-двумя исключениями, патронировал второстепенные предприятия, не имевшие сколько-нибудь серьезного влияния в соответствующих отраслях. Среди предприятий, связанных с Учетным и ссудным банком, насчитываются одно-два первоклассных машиностроительных предприятия, а также сравнительно небольшие, но специализированные машиностроительные заводы и, наконец, два значительных предприятия по другим отраслям. В остальном же Учетный и ссудный банк являлся младшим партнером Международного банка.

В области металлургии железа и меди первые два места занимали Азовско-Донской и Международный банки, а Русско-Азиатскому принадлежало лишь третье место[104]. Рядом с ним стоял Сибирский банк. Русский для внешней торговли банк активизировался на Урале только перед самой войной. В машиностроении Азовско-Донской и Сибирский банки не играли никакой роли, а Русский для внешней торговли и Торгово-промышленный банки патронировали лишь второстепенные предприятия; машиностроение было почти полностью сферой влияния Русско-Азиатского и Международного банков. Из связанных с 23 важнейшими машиностроительными заводами (паровозо-вагоностроение, морские и речные суда, артиллерия, снаряды и т. д.) банковскими монополиями каждая из них контролировала по 10 предприятий. Указанные заводы являлись главными участниками важнейших монополистических объединений в машиностроении, таких, как «Продвагон», «Продпаровоз» и разные картельные соглашения. Некоторые из этих заводов были центрами монополистических, трестированных групп, как образовавшихся в предвоенные годы, так и возникших во время войны (Путиловская группа по изготовлению снарядов, «Снарядосоюз») [105].

В нефтяной промышленности явно преобладал Русско-Азиатский банк, но довольно значительно было и влияние Международного и Азовско-Донского банков. Не оставались в стороне от финансирования нефтяной промышленности и другие крупнейшие банки. Наибольшую активность по внедрению в угольную промышленность проявляли Международный и Азовско-Донской банки, в золотопромышленности — Международный и Русско-Азиатский. В цементно-стекольной преобладали Азовско-Донской, Международный и Торгово-промышленный банки. Проникновение банков в лесную промышленность находилось еще в начальной стадии; наиболее активным был здесь Русско-Азиатский банк. В химической промышленности, за исключением резиновой, банковские монополии играли ничтожную роль.

Некоторые банковские монополии, в частности Международный и Сибирский банки, не проявляли почти никакого интереса к легкой промышленности[106]. Здесь также наиболее активным являлся Русско-Азиатский банк. Помимо полной монополизации табачной промышленно-

[104] О роли каждого банка в той или иной отрасли см. приложения, табл. 4 и перечень предприятий по отраслям.

[105] См. в приложениях; в примечаниях к перечню предприятий по группе 4 (машиностроение) указывается участие связанных с банками предприятий в монополистических объединениях машиностроения и металлообработки, также в «Продамете».

[106] Возможно, однако, что многочисленные филиалы патронировали предприятия этих отраслей.

сти[107], он имел наибольшее число патронируемых предприятий легкой промышленности. Вслед за ним шел Азовско-Донской банк. Торгово-промышленный и Русский для внешней торговли банки также имели по нескольку патронируемых предприятий в отраслях легкой промышленности[108].

Кроме того, банки, в первую очередь Русско-Азиатский, имели по нескольку патронируемых предприятий так называемой смешанной группы, охватывавшей торгово-промышленные предприятия специального назначения, которые возникли главным образом в годы войны и были рассчитаны на разнообразную коммерческую деятельность в окраинных районах страны.

Удельный вес патронируемых банками торговых акционерных предприятий в общей их массе был невелик. Однако банковские монополии перед войной и особенно в годы войны стали на путь широкой организации торгово-комиссионных предприятий, использовавшихся как для собственной торговли, так и (частично) для монополизации продукции некоторых отраслей[109]. Активность в этой области проявили Русско-Азиатский и Международный банки и в особенности Азовско-Донской и Торгово-промышленный.

Среди непромышленной группы предприятий, подконтрольных банком, выделяются пароходства и транспортно-складские предприятия. Здесь наиболее активными были Русско-Азиатский и Международный банки. Первый проник преимущественно в волжские пароходства, связанные с перевозкой нефти. По тому же пути шел Международный банк, распространяя свое влияние и на днепровские пароходства. Азовско-Донской и отчасти Русский для внешней торговли банки «специализировались» на морских пароходствах. Русский торгово-промышленный банк патронировал главным образом новые пароходные общества, возникшие перед войной и в годы войны, а Сибирский банк — пароходства речных систем востока.

До войны банковские монополии не проявляли никакого интереса к коммунальным предприятиям. Организация банками, в первую очередь Русско-Азиатским, нескольких строительно-домовладельческих предприятий, очевидно, была связана со спекуляцией городскими земельными участками и домами. Значительна была роль банков в страховых обществах, а также в земельных банках; выделялись Русско-Азиатский, Международный, Азовско-Донской и Русский для внешней торговли банки.

Особое положение занимали банковские монополии в частных железнодорожных обществах. Прежде всего они были представлены в шести крупнейших старых обществах, создавшихся еще в XIX в. С возобновлением в годы предвоенного промышленного подъема частного железнодорожного строительства банковские монополии стали основными получателями железнодорожных концессий и учредителями частных железнодорожных обществ.

Выгоды, извлекаемые банком из участия в частных железнодорожных обществах, нельзя сравнивать с обогащением железнодорожных дельцов эры частного железнодорожного строительства 1860—1870-х годов. Начатые в годы промышленного подъема, частные железные дороги в большинстве своем не были закончены или во всяком случае не доведены до такого состояния, чтобы банки успели реализовать сколько-

[107] О монополизации табачной промышленности см. приложения, перечень предприятий по группе 25 и примечания к ней.

[108] См. приложения, табл. 4.

[109] О числе и характере торгово-комиссионных обществ см. приложения, перечень предприятий по группе 32 и примечания к ней.

нибудь значительные учредительские прибыли. Однако участие банковских монополий в старых и новых железнодорожных обществах давало весьма ощутимые выгоды. Сюда относятся использование перед войной еще свободных (до использования в строительстве) остатков по железнодорожным займам, которые были достаточно крупными, участие в эмиссиях займов и т. д. Во время войны, когда выпуск железнодорожных займов за границей прекратился, Министерство финансов создало для банков весьма выгодные условия финансирования железнодорожных обществ. В частных железнодорожных обществах явно преобладали Русско-Азиатский и Международный банки, но и другие банки — Азовско-Донской, Сибирский и Торгово-промышленный — также имели по нескольку самостоятельных связей с железнодорожными обществами.

Необходимо еще отметить тесную связь банковских монополий с аппаратом Министерства финансов, доходившую почти до личной унии. Царская бюрократия буквально поставляла банковским монополиям членов правлений и банковских директоров. Из среды крупных чиновников вышли такие, например, ведущие фигуры русской финансовой олигархии, как А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский, фактические руководители Русско-Азиатского и Международного банков. Бывший управляющий Государственным банком А. В. Коншин в годы войны стал, хотя и ненадолго, главным заправилой Торгово-промышленного банка, а бывший директор Кредитной канцелярии Л. Ф. Давыдов возглавил Русский для внешней торговли банк. Три бывших чиновника возглавили опекаемый Министерством финансов Соединенный банк, из них граф В. С. Татищев стал крупным банковским заправилой. Воротилы Сибирского банка приспосабливали к своим интересам бывших крупных чиновников и даже бывшего царского министра. На постах руководящих директоров подвизалось немало и других бывших крупных чиновников Министерства финансов [110].

Наконец, последний царский министр финансов П. Л. Барк проделал двойную эволюцию: из крупного чиновника он сначала превратился в директора Волжско-Камского банка, а затем проделал обратный путь, завершив его постом министра финансов.

* * *

За годы войны удельный вес шести крупнейших банков в ресурсах всех акционерных коммерческих банков вырос с 1 января 1914 г. по 1 апреля 1917 г. с 55,3 до 57,0%, а вместе с Сибирским банком — с 60,6 до 63,4%. Ресурсы этих семи банков увеличились с 2,8 до 7,1 млрд. руб., т. е. в 2,5 раза (у всех акционерных банков ресурсы возросли с 4,6 до 11,2 млрд. руб.) [111]. На момент национализации ресурсы семи банков ориентировочно достигали 8,5—9 млрд. руб. [112], т. е. возросли в три с лишним раза по сравнению с 1914 г.

[110] См. приложения, табл. 2.

[111] По сводным балансам акционерных коммерческих банков на 1 января 1914 г. и на 1 апреля 1917 г.

[112] После национализации акционерных банков их ликвидационные балансы были составлены Народным банком в территориальном разрезе. Поэтому имеется сводный баланс банков только по Петрограду, включающий балансы правлений петербургских банков, их столичных филиалов и петербургских филиалов иногородних банков (ФНБ, оп. 1, д. 193, л. 2). Помимо того, имеются ликвидационные балансы всех семи крупнейших банков по петербургским правлениям (РА — оп. 2, д. 115, лл. 3—4; АД — оп. 2, д. 758; МН — оп. 2, д. 276; ТП — д. 1073, лл. 7—8; ВК — оп. 2, д. 1187; Сиб. — д. 537, л. 6). По ВТ банку был составлен сводный баланс вместе со всеми филиалами (д. 1267, л. 5). По приросту ресурсов по филиалам этого банка с 1/IV до 14/XII 1917 г. ориентировочно принят прирост ресурсов по филиалам всех семи банков.

Однако действительное соотношение, если учитывать систематическое и притом огромное, начиная с 1916 г. падение ценности бумажного рубля, будет совершенно другое. Реальные ресурсы банков не росли, а снижались. Уже к моменту Февральской революции реальная стоимость бумажного рубля не достигала и 27 коп. довоенного золотого и фактически ресурсы семи банков составляли не свыше 2 млрд. рубл., а всех акционерных банков — не более 3 млрд. руб., т. е., таким образом, не более 70% от ресурсов 1914 г.

Все усиливавшаяся эмиссия бумажных денег при Временном правительстве привела к тому, что рост товарных цен стал опережать прирост эмиссии [113], а реальная стоимость рубля накануне Октябрьской революции снизилась до 7—10% его довоенного золотого содержания. Следовательно, на этот момент ресурсы семи крупнейших банков реально составляли уже 700—900 млн. руб., т. е. были в четыре раза меньше, чем накануне войны. Другим следствием обесценения рубля в период от февраля к октябрю 1917 г. являлссь то, что, несмотря на огромные военные прибыли буржуазии, рост цен на материалы, сырье и топливо стал приводить к недостатку оборотных капиталов предприятий. Крупная буржуазия и банковские монополии, выкачивавшие ранее из предприятий прибыли для расширения своего контроля над другими предприятиями или приобретения недвижимых имуществ (земли, леса, рудные месторождения), начали впервые за годы войны испытывать финансовые затруднения. Хотя правительство все больше и больше увеличивало государственнное финансирование предприятий и авансирование их по казенным заказам, владельцы предприятий стали во все возрастающих размерах нуждаться в банковском кредите, тогда как в банках, в связи с фактическим обесценением их ресурсов, появились явные признаки напряжения [114].

В качестве кредитных учреждений банковские монополии не страдали непосредственно от падения стоимости рубля, поскольку обесценение вложенных в ссуды средств целиком перекладывалось на обесценение их обязательств по вкладам, текущим счетам и их долгам Государственному банку. Собственные капиталы банков нисколько не обесценивались, так как они располагали в активах намного большим портфелем акций на разных счетах. Не разорялась и крупная буржуазия, вложившая свои военные прибыли в приобретение тех же акций, недвижимого имущества и т. д. Однако в целом недостаток оборотных средств в 1917 г. и резкое обесценение банковских ресурсов выражали то колоссальное разрушение производительных сил, которое повлекла за собой империалистическая война. Фактически Россия не только теряла («проедала») оборотные капиталы, но и основные капиталы, не возобновлявшиеся в большинстве отраслей за годы войны. Однако этот основной факт экономической действительности России в годы войны не изменил продолжавшегося процесса концентрации и централизации капиталов в руках банковских монополий и империалистической буржуазии, интенсивной монополизации важнейших отраслей хозяйства.

---

[113] См. З. В. Атлас. Очерки по истории денежного обращения в СССР. М., 1940, стр. 9.

[114] В рамках настоящей статьи нет возможности осветить контрреволюционную деятельность банков в феврале — октябре 1917 г. Отметим лишь, что она была весьма значительной. Банки делали со своей стороны все возможное, чтобы усилить хозяйственный развал. Они сознательно обостряли финансовые затруднения, тормозили кредитование предприятий на производственные нужды и т д. Вместе со всей контрреволюционной буржуазией они пытались свалить ответственность за рост цен на «непомерные» требования рабочих, реальная заработная плата которых непрерывно снижалась.

Огромное усиление позиций банковских монополий и новых финансово-капиталистических групп военных лет привело к снижению доли иностранных капиталов в русских акционерных промышленных и других предприятиях за годы войны, что вытекает даже из расчетов П. В. Оля об иностранных капиталах в России. Фактически сфера контроля русских финансово-капиталистических групп усилилась еще больше, чем это следует из цифр Оля. Тем не менее общая зависимость России от своих «союзников» возросла за годы войны во много раз. Внешний долг, государственный и железнодорожный, увеличился с 6 до 15 млрд. руб., притом не в падающих бумажных рублях, а в мало снизившихся против своего золотого содержания и восстановленных вскоре после войны иностранных валютах. Страна, с трудом оплачивавшая обязательства по своим довоенным долгам, стояла перед перспективой полной кабалы у иностранного финансового капитала. Русская империалистическая буржуазия, несмотря на все свои огромные военные доходы, прекрасно сознавала, что даже в случае «победоносной» войны она не будет располагать никакими ресурсами для послевоенного развития экономики. Поэтому все послевоенные экономические планы Временного правительства были рассчитаны на приток иностранного капитала.

По подсчетам правительственных органов, необходимо было не менее 10 млрд. руб. для того, чтобы вывести страну из послевоенной разрухи и расширить ее горнометаллургическую базу настолько, чтобы обеспечить значительный общеэкономический рост. Главные расчеты основывались на планах привлечения американского капитала, рядившегося в тогу «аполитичного» капитала. Отчасти разделяя эти представления, отчасти спекулируя на них, русская монополистическая буржуазия выражала полную готовность на предоставление американскому капиталу широчайших концессий, означавшее по существу передачу в его полное распоряжение огромных экономических районов Востока. Вопреки всем своим надеждам в годы войны об освобождении от иностранной зависимости империалистическая буржуазия уже в июне 1917 г. взяла курс на привлечение американских капиталов в железнодорожное строительство, в металлургию и другие основные страсли экономики в форме «предпринимательского капитала» [115].

Таковы были конечные итоги развития русского монополистического капитала, в частности банковских монополий, к кануну Великой Октябрьской социалистической революции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложения, состоящие из перечня патронируемых крупнейшими банками предприятий (табл. 6) и составленные на его основе таблицы 3—5, нуждаются в следующих пояснениях.

В качестве основных источников для составления перечня акционерных предприятий были использованы издания «Акционерно-паевые предприятия в России» и «Русские банки в 1917 г.» и главным образом материалы архивных фондов коммерческих банков и акционерных обществ, фонд Северо-Западной конторы Народного банка, содержание материалы правлений петербургских банков после их национализации, и фонды Министерства торговли и промышленности.

Справочник «Акционерно-паевые предприятия в России» содержит сведения о времени образования предприятий и акционерных банков, а также о членах их правлений. К сожалению, он не имеет именного указателя, что серьезно затрудняет его использование. Другим недостатком является то, что сведения, включенные в последнее издание 1917 г., относятся в основном к 1916 г. и далеко не полно учитывают изменения, происшедшие после акционерных собраний 1917 г. Кроме того, в справочнике отсутствуют сведения об акционерных обществах, учрежденных в 1917 г. (с капиталом в 825 млн. руб.).

[115] «Экономическое положение...», т. II, док. 576, стр. 461—465.

Справочник «Русские банки в 1917 г.», изданный в 1918 г., учитывает все происшедшие за 1917 г. изменения в личном составе руководящих органов банков, но использование этих данных в значительной мере затрудняется недостатками первого справочника. Поэтому главными дополняющими источниками и наиболее достоверными служат архивные материалы. Из них наибольшую ценность представляют досье фирм из фондов банков, справки по матералам этих досье, прилагаемые к протоколам заседаний правлений банков, дела об учреждении акционерных обществ из фонда Министерства торговли и промышленности, содержащие уставы, протоколы учредительских и годичных собраний акционеров, списки членов руководящих органов, балансы и другие материалы из фонда этих обществ. В общем для составления таблиц было использовано более 300 единиц хранения, не считая отчетов об обследовании товарных и других операций коммерческих банков, проведенных представителями Министерства финансов в конце 1916 — начале 1917 г., а также далеко не полные списки подконтрольных банкам предприятий из фонда Северо-Западной конторы Народного банка, опубликованные в сборнике «Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции».

Последним источником явились ликвидационные балансы акционерных коммерческих банков на 14 декабря 1917 г. и приложения к ним в упомянутом фонде Северо-Западной конторы Народного банка, которые дали возможность установить задолженность акционерных обществ банкам по различным счетам. Частично также использованы данные периодической прессы об общих собраниях и составе правлений акционерных обществ за 1916—1917 гг.

Контроль и участие банка или влияние его в предприятиях определялись нами по совокупности всех имеющихся признаков: участие руководящих банком лиц в правлениях промышленных и других акционерных предприятий; проведение банком эмиссионно-учредительских операций с акциями предприятий; наличие больших пакетов акций на онкольных счетах банка и т. д. В связи с этим против каждого предприятия в таблицах сделаны соответствующие отметки: буква «а» означает полный контроль банка над предприятием; «б» — значительное участие; «в» — участие в предприятии, подконтрольном другому банку, иностранной финансово-капиталистической группе или другим независимым от банка капиталистам; «г» — небольшое влияние банка или такое, степень которого не могла быть установлена.

Прилагаемый перечень предприятий довольно полно охватывает круг патронируемых банком предприятий, правления которых находились в столице и финансирование которых было сосредоточено в самих правлениях банковских монополий. Это прежде всего основные предприятия тяжелой промышленности и транспорта. Менее полно перечень охватывает те предприятия, правления которых находились на периферии. Поскольку кредитование таких предприятий проводилось на месте, то связь банков с ними основывалась чаще всего на промышленном кредите (иногда с реализацией банком продукции этих предприятий) и не сопровождалась крупными финансово-учредительскими операциями. К подобным предприятиям относились угольные и сахарные.

Что же касается сахарной промышленности, то только благодаря тому, что сохранился документ о ревизии Русского для внешней торговли банка, удалось включить в перечень ряд сахарных предприятий, патронировавшихся этим банком. Но такие же предприятия, которые патронировались теми же киевскими и московскими отделениями других банков (Торгово-промышленного, Международного и, возможно, Русско-Азиатского и Азовско-Донского), не получили отражения в перечне.

Еще меньше удалось отразить в перечне другие отрасли легкой промышленности (помимо табачной, сахарной и текстильной). Не подлежит, например, сомнению, что местные филиалы банковских монополий на почве крупных хлеботорговых операций промышленного кредита были связаны с мукомольной промышленностью, разнообразными предприятиями местного значения. Так, при спасании в 1913 г. Государственным банком нескольких западносибирских пароходных, торгово-промышленных и других фирм выявилось, что эти фирмы широко кредитовались местными филиалами Русско-Азиатского, Сибирского и других банков.

Однако неполнота данных перечня относится в основном к сравнительно небольшим предприятиям различных отраслей, находившимся за пределами Петрограда и Москвы, удельный вес которых в общих капиталах всех акционерных предприятий был небольшим.

Неполнота перечня отчасти объясняется и тем, что связи с банками через участие их представителей в правлениях акционерных предприятий могли определяться главным образом на основании участия самих членов правлений банковских монополий, а также таких членов их советов, которые фактически являлись не только представителями крупных предприятий в совете, но несомненно принадлежали к числу руководителей самих банков. Нахождение таких лиц в составе совета, а не правления банка объяснялось какими-либо второстепенными причинами (например, отсутствием права у членов правления кредитоваться в своем банке, как об этом говорилось в связи с Ярошинским). Типичным членом совета такого рода был Т. В. Белозерский — не-

фтяной директор Русско-Азиатского банка, являвшийся членом правлений 21 предприятия.

Кроме того, помимо членов правлений и аналогичных по роли членов советов, в правлениях промышленных предприятий (менее крупных) представителями банков являлись лица второго ранга — директора петербургских правлений и управляющие местных филиалов, последние особенно в предприятиях на местах. В некоторых предприятиях банковские монополии были представлены крупными инженерами и руководителями из других подконтрольных банкам предприятий. Несомненно, такие лица находились в правлениях тех предприятий, где не было членов правления самих банков. Все эти банковские представители второго ранга могли быть выявлены лишь частично.

В связи со сказанным и число мест, занятых представителями банков в правлениях предприятий, также нельзя считать полным. Достаточно указать, что в правлениях крупных машиностроительных предприятий, контролируемых Русско-Азиатским банком, фигурирует обычно в качестве их председателя один Путилов. Между тем такие члены правления этих предприятий, как инженеры Дрейер, Соколовский и др., также являлись по существу представителями Русско-Азиатского банка. При оценке роли представителей банков, сидящих в правлениях предприятий, не следует исходить только из числа этих представителей. Нередко большое их количество в отдельных предприятиях определялось вовсе не степенью влияния представляемого банка, а стремлением последнего обеспечить ведущим банковским работникам оклады и тантьемы за счет этих предприятий и другими подобными соображениями. В качестве примера можно указать, что такие сравнительно второстепенные банки, как Петербургский частный и Соединенный, имели в подконтрольных предприятиях по три-четыре представителя. По такому же пути шел и Торгово-промышленный банк в годы войны. Число членов его правлений в подконтрольных предприятиях было большим, превышало аналогичные цифры представителей гораздо более влиятельных банков — Международного и Азовско-Донского.

Перечень предприятий, связанных с банками, охватывает пять важнейших банков (Русско-Азиатский, Международный, Азовско-Донской, Торгово-промышленный и Русский для внешней торговли) и три менее крупных — Сибирский торговый, Учетный и ссудный и Петербургский частный. Кроме того, в графе «другие банки» указываются предприятия, связанные с Волжско-Камским и Соединенным банками в Москве. Оба эти банка к 1917 г. входили в группу Русско-Азиатского банка. Волжско-Камский банк не успел перестроиться по типу основных банковских монополий, и поэтому он включен в перечень лишь в тех нескольких случаях, когда акционерные общества были связаны только с этим банком.

В некоторых случаях в перечень включены и предприятия, связанные с другими банками, помимо перечисленных выше; в основном это те предприятия, которые играли существенную роль в своей отрасли.

В примечаниях к перечню по каждой группе указаны предприятия, которые в 1916—1917 гг. были скуплены концернами Второва и Стахеева. Кроме того, по концерну Второва дано особое приложение (№ 7).

Сопоставление удельного веса связанных с банком предприятий к общей массе акционерных обществ сделано по состоянию на начало 1917 г. Правда, имеются аналогичные данные на конец 1917 г., но сопоставление с ними представляет гораздо меньшую ценность: эти данные приводятся лишь в весьма укрупненном разрезе, тогда как сведения, помещенные в «Ежегоднике Министерства финансов» (вып. 1916 г), являются последним опубликованным и наиболее полным перечнем акционерных обществ накануне Октябрьской революции. Данные «Ежегодника» позволяют сделать группировку и сравнение в гораздо более детальном отраслевом разрезе и исправить те неточности в группировке предприятий по отраслям, которые допускались в публикациях Министерства финансов.

Помимо всего сказанного, составленный перечень предприятий, связанных с банками, не выдерживает сопоставления с данными на конец 1917 г. и по другой причине. Как уже отмечалось, довоенные миллионы рублей, вложенные в акционерные капиталы старых предприятий, совершенно несопоставимы с миллионами рублей, вложенными в многочисленные мелкие предприятия, основанные в 1917 г., которые так и не успели развернуть свою деятельность. Кроме того, и старые предприятия за 1917 г. увеличили свои акционерные капиталы на многие десятки и, возможно, сотни миллионов рублей. Выявление же этих данных возможно только по газетным сообщениям, без всякой уверенности в их полноте.

Именно по всем этим соображениям приходится определять удельный вес и значение предприятий, связанных с банками (по отраслям), только по состоянию на начало 1917 г.

«Ежегодник Министерства финансов» выпуска 1916 г. приводит данные на 1 ноября того же года, т. е. по существу на начало 1917 г. Нами внесены в их группировку следующие изменения и поправки:

а) Все металлургические предприятия (железо и медь) перенесены из группы горной промышленности в металлургию и металлообработку. Сюда же перенесены Ридде-

ровское и Комаровское общества, ошибочно причисленные в «Ежегоднике» к золотопромышленности.

б) В группу металлургии и металлообработки перенесены из группы смешанных предприятий два уральских общества — Верхне-Исетское и Северное Пастухова.

в) Из группы смешанных предприятий Николо-Павдинское общество отнесено к лесной промышленности, Т-во Крестовниковых — к маслобойно-жировой и Башкировых — к мукомольной. В то же время группа смешанных предприятий увеличена на компанию Зингера, показанную в «Ежегоднике» в составе торговых предприятий.

г) Электростанции (предприятия по электроснабжению) из коммунальной группы перенесены в группы тяжелой промышленности.

д) Из химической промышленности перенесены в легкую спичечные и парфюмерно-фармацевтические предприятия.

е) К получившимся итоговым суммам по лесной промышленности и по группе смешанных предприятий добавлены капиталы связанных с банками предприятий, учрежденных в 1917 г.

Крупные банковские монополии лишь в двух-трех случаях были связаны с предприятиями Польского района. Последние целиком финансировались польскими банками, тесно связанными с германскими. В связи с этим удельный вес предприятий, патронируемых русскими банковскими монополиями, занижается при сопоставлении их с итогами по всем акционерным обществам. К сожалению, в акционерной статистике 1914—1917 гг. отсутствуют достаточные данные для подсчета числа и акционерных капиталов предприятий Польского района. Последние данные, имеющиеся в работе П. В. Оля «Статистика акционерных обществ и паевых товариществ, обязанных публичной отчетностью за 1911/1912 гг». (Пг., 1915), относятся к 1912 г. Поэтому единственно возможным оказалось исключить эти данные Оля из данных об общем числе акционерных обществ в России и их капиталах.

Это означает, что сведения, данные в таблице 3 о числе и капиталах всех акционерных обществ в России в 1917 г., являются несколько преувеличенными и, следовательно, выведенные в таблице проценты удельного веса патронируемых банками предприятий несколько преуменьшены.

Предприятия, подконтрольные и связанные с банками, разбиты по отраслям на 41 группу, перечень которых содержится в таблице 3.

Список сокращений

РА — Русско-Азиатский банк
МН — Петербургский международный коммерческий банк
АД — Азовско-Донской коммерческий банк
ТП — Русский торгово-промышленный банк
ВТ — Русский для внешней торговли банк
СТ — Сибирский торговый банк
УС — Петербургский учетный и ссудный банк
ПЧ — Петербургский частный коммерческий банк
ВК — Волжско-Камский коммерческий банк
МС — Соединенный банк в Москве
а.о. — акционерное общество

Условные обозначения и примечания

«а» — полный контроль банка над предприятием
«б» — значительное участие
«в» — участие в предприятии, подконтрольном другому банку, иностранным финансово-капиталистическим группам или вообще капиталистам, независимым от банка
«г» — влияние банка небольшое или такое, степень которого не могла быть определена

* возле порядкового номера — см. примечания к перечню данной группы предприятий

* возле цифры членов правления — в том числе председатель правления

Дата в перечнях, данная после названия предприятия, означает год учреждения акционерного общества.

Таблица 1

Концентрация акционерных коммерческих банков с 1900 по 1917 г.

а — в первом разделе число банков, во втором — место, занимаемое данным банком среди акционерных коммерческих банков; б — сумма основных пассивов в млн. руб. (без переучета); в — удельный вес в %.

Категория банков или наименование их	На 1 января 1900 г.			На 1 января 1908 г.			На 1 января 1914 г.			На 1 апреля 1917 г.			Акционерный капитал в 1917 г.
	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	б	в	
I. Банки по группам по величине основных пассивов													
менее 100 млн. руб.	40	821	71	32	709	42	37	772	17	41	874	8	—
от 100 до 200 » »	3	336	29	7	969	58	4	646	14	5	689	6	—
» 200 » 300 » »	—	—	—	—	—	—	3	655	14	1	247	2	
» 300 » 500 » »	—	—	—	—	—	—	5	1930	42	3	1101	10	
свыше 500 » »	—	—	—	—	—	—	1	629	13	9	8287	74	—
Итого:	43	1157	100	39	1678	100	50	4632	100	59	11198	100	754
II. Крупнейшие банки													
1. Русско-Азиатский (в 1900 и 1908 г. его предшественники[1]	V	64	5,5	+VII	256	15,2	I	629	13,4	I	1307	11,7	55,0
2. Петербургский международный	III	102	8,8	III	154	9,2	II	462	10,0	III	1115	10,0	60,0
3. Русский для внешней торговли	IV	74	6,4	IV	142	8,5	III	401	8,7	II	1181	10,6	60,0
4. Азовско-Донской	VI	61	5,3	VI	121	7,2	IV	388	8,4	IV	995	8,9	60,0
5. Русский торгово-промышленный	XI	35	3,0	X	69	4,1	V	364	7,9	VI	805	7,2	35,0
6. Волжско-Камский	I	132	11,1	I	159	9,4	VI	315	6,8	V	968	8,6	21,0
7. Сибирский торговый	XIV	25	2,2	XI	65	3,9	VII	246	5,3	VII	714	6,4	25,0
8. Московский купеческий	II	106	9,9	V	137	8,2	VIII	215	4,6	VIII	672	6,0	20,0
9. Соединенный в Москве	—	—	—	—	—	—	IX	204	4,4	IX	530	4,7	40,0
10. Петербургский учетный и ссудный	VII	59	5,1	IX	71	4,2	XI	170	3,7	X	391	3,5	30,0
11. Петербургский частный	XI	35	3,0	XV	25	1,5		170	3,7	XIV	247	2,2	40,0
Кроме того:													
12. Московский промышленный (Второва)[2]	—	—	—	—	—	—	XIII	114	2,6	XII	382	3,4	30,0
13. Московский Рябушинских	—	—	—	—	—	—	XIV	79	1,7	XIII	328	2,9	25,0
Пять крупнейших банков на каждую дату	I—V	478	41,3	I—V	747,5	44,5	I—V	2244	48,5	I—V	5492	48,7	270
Семь крупнейших (№ 1—7 в 1914 г.) на каждую дату	7	493	42,6	7	966	50,7	7	2815	60,5	7	7085	63,4	316,0

[1] В 1900 г. Русско-Китайский, в 1908 г. Русско-Китайский и Северный

[2] До покупки Второвым — Коммерческий банк И. В. Юнкера. 12-й по величине был в 1914 г. Варшавский коммерческий (основных пассивов 156 млн. руб.).

Таблица 2

Правленцы и директора банковских монополий, в прошлом крупные чиновники

Банки	Должность в банке	Годы	Фамилии	Должность на государственной службе до перехода в банк [1]
Русско-Азиатский	Председатель правления	1910—1917	А. И. Путилов	В М-ве финансов в 1893 г. С 1904 г. директор Общей канцелярии М-ва финансов, управляющий Дворянским и Крестьянским банками и товарищ министра финансов. Член правления с 1905 г. и директор-распорядитель Русско-Китайского банка [1] (1908—1910).
Петербургский международный	Председатель правления	1901—1917	Серг. Степ. Хрулев	Товарищ прокурора судебной палаты, представитель от М-ва финансов в Земельном банке
	Член правления, директор-распорядитель, фактический руководитель банка	1906—1917	А. И. Вышнеградский	В М-ве финансов с 1893 г. Вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части М-ва финансов (1899—1900). Член правления Русско-Китайского банка (1902—1910)
	Член совета	1916—1917	В. Д. Сибилев	Управляющий отделом торговли М-ва торговли и промышленности
Русский для внешней торговли	Председатель правления	1914—1917	Л. Ф. Давыдов	Директор Особенной канцелярии по кредитной части М-ва финансов
	Председатель совета	1914—1917	В. И. Тимирязев	В М-ве финансов с 1875 г. Товарищ министра финансов (1902—1905). Министр торговли и промышленности (1905—1906, 1909)
	Член совета	1917	В. Н. Коковцов	Председатель Совета министров (1911—1913) и министр финансов(1904—1913)
Азовско-Донской	Член правления	1907—1917	Д. И. Дармолатов	В 1890-х годах чиновник Петербургской казенной палаты
	Председатель совета (в 1907—1910 гг. член правления)	1907—1917	М. М. Федоров	В М-ве финансов с 1892 г. Управляющий отделом торговли (1903—1905). Министр торговли и промышленности в 1906 г.
	Член совета	1917	Н. Н. Кутлер	Главноуправляющий землеустройством и земледелием (министр земледелия) в 1906 г.

Таблица 2 (продолжение)

Банки	Должность в банке	Годы	Фамилии	Должность на государственной службе до перехода в банк *
Русский торгово-промышленный	Председатель правления	1915— январь 1917	А. В. Коншин	В Государственном банке с 1895 г. Управляюший Государственным банком (1910—1914)
	Член правления, в 1917 г. председатель	1914—1917	Кн. С. В. Кудашев	Чиновник особых поручений МВД (1890—1903), Главного управления уделов (1904—1908)
	Член правления и директор	1916—1917	Кн. Д. Н. Шаховской	Секретарь управляющего Государственным банком (1910—1914)
	Член правления	1917	Д. Е. Куриленко	Управляющий Московской конторой Государственного банка, управляюший государственными сберегательными кассами
Волжско-Камский	Член правления, директор-распорядитель	1907—1911	П. Л. Барк	В Государственном банке с 1896 г. Управляющий Петербургской конторой, затем товарищ управляющего Государственным банком. Председатель учетно-ссудного банка Персии с 1903г.[1]. Член правления Русско-Китайского банка (1900—1905). С 1912 г. товарищ министра торговли и промышленности, в 1914—1917 гг. министр финансов
	Член правления, с 1912 г. также директор-распорядитель	1907—1917	В. В. Виндельбандт	На государственной службе с 1892 г., с 1899 г. в Государственном банке. Директор Петербургской конторы Государственного банка (1904—1906)
Сибирский торговый	Председатель правления	1912— сентябрь 1917	Э. К. Груббе	Управляющий Учетно-ссудным банком Персии [1]
	Председатель правления	1917	Н. Н. Покровский	Товарищ министра финансов. Министр иностранных дел перед Февральской революцией
Петербургский частный	Председатель правления		А. И Светлицкий	Управляющий Московской конторой Государственного банка
Соединенный	Председатель правления	1909— май 1917	Гр. В. С. Татищев	Агент М-ва финансов в Берлине. Чиновник для особых поручений.
	Член правления	1909—1917	А. Р. Менжинский	Чиновник для особых поручений М-ва финансов
	Член правления	1909—1917	Н. А. Протопопов	Чиновник для особых поручений М-ва финансов
Московский промышленный (Второва)	Член правления	1917	А. Я. Чемберс	Заместитель управляющего отделом промышленности М-ва торговли и промышленности

[1] Русско-Китайский банк и Учетно-ссудный банк Персии были формально акционерными банками, а фактически правительственными (в первом большинство акций, а во втором все принадлежали правительству). Вышнеградский и Путилов до 1917 г. оставались членами правления правительственного, формально акционерного общества Китайско-Восточной ж. д.

Таблица 3

Доля предприятий, подконтрольных крупнейшим акционерным коммерческим банкам, по отношению ко всем акционерно-паевым предприятиям России на 1917 г. (по отраслям)

Условные обозначения

А — число предприятий;
Б — акционерный капитал (в млн. руб.).

Отрасли	Общее число и капиталы акционерно-паевых предприятий, действовавших в России		Число и капиталы акционерно-паевых предприятий, подконтрольных крупнейшим акционерным банкам				Средний капитал одного предприятия	
	А	Б	А	Б	% к первой графе А	% к первой графе Б	подконтрольного банкам	не подконтрольного банкам
I. Промышленность и торговля								
А. Тяжелая промышленность								
1. Металлургия юга России	21	231,3	7	136,1	33	59	19,4	6,7
2. Металлургия Урала	14	127,5	11	116,9	79	92	10,6	3,5
3. Металлургия Центрального района	7	43,4	3	13,2	43	31	4,4	7,5
Итого черная металлургия (1—3):	42	402,2	21	266,2	50	66	12,7	6,5
4. Крупное машиностроение	24	241,2	23	238,6	96	99	10,0	2,6
5. Прочее машиностроение и металлообработка	158	170,6	23	43,6	15	26	1,9	0,9
6. Сельскохозяйственное машиностроение	17	33,0	3	13,0	18	40	4,3	1,4
Итого машиностроение и металлообработка (4—6):	199	444,6	49	295,2	25	67	5,0	1,0
7. Металлургия меди	10	72,4	6	56,0	60	88	9,3	4,1
8. Обработка меди	8	31,5	5	22,7	62	72	4,5	2,8
Итого медная промышленность (7—8):	18	103,9	11	78,7	61	76	7,2	3,6

Таблица 3 (продолжение)

Отрасли	Общее число и капиталы акционерно-паевых предприятий, действовавших в России		Число и капиталы акционерно-паевых предприятий, подконтрольных крупнейшим акционерным банкам				Средний капитал одного предприятия	
					% к первой графе		подконтрольного банкам	не подконтрольного банкам
	А	Б	А	Б	А	Б		
9. Электромеханическая	13	48,6	9	43,6	69	90	4,8	1,3
Всего металлургия и металлообработка (1—9):	272	999,3	90	683,7	33	68	7,6	1,7
10. Производство электроэнергии	36	127,5	6	84,3	17	67	14,0	1,4
11. Нефтяная[1]	147	524,7	60	317,6	40	60	5,3	2,4
12. Каменноугольная	91	218,4	22	76,7	24	35	3,5	2,1
13. Добыча золота	32	92,6	13	54,8	40	59	4,2	2,0
14. Добыча соли	12	18,3	4	5,0	33	27	1,2	1,7
15. Прочие горные предприятия	18	22,6	2	6,6	11	30	3,3	1,0
Итого горная (11—15):	300	876,6	101	460,7	34	52	4,6	2,0
16. Лесная и деревообрабатывающая	73	116,6	7	77,5	10	64	11,1	0,6
17. Цементная	34	78,7	15	44,2	44	56	2,8	1,8
18. Стекольная	23	29,3	4	14,4	17	50	3,7	0,8
18_1. Прочая силикатно-керамическая	32	26,1	—	—	—	—	—	—
Итого обработка минеральных веществ (17, 18, 18^1):	89	134,3	19	58,6	23	44	3,1	1,1
19. Резиновая	5	54,3	4	53,9	80	99	13,5	0,5
20. Химическая (кроме спичечной и парфюмерной)	67	96,7	2	9,0	3	9	4,5	1,3
Всего тяжелая промышленность (1—20):	842	2405,3	229	1427,7	27	60	6,3	1,5

Таблица 3 (продолжение)

Отрасли	Общее число и капиталы акционерно-паевых предприятий, действовавших в России		Число и капиталы акционерно-паевых предприятий, подконтрольных крупнейшим акционерным банкам				Средний капитал одного предприятия	
					% к первой графе			
	А	Б	А	Б	А	Б	подконтрольного банкам	не подконтрольного банкам
Б. Легкая промышленность								
21. Текстильная	304	690,9	22	60,2	7	8	2,7	2,3
22. Кожевенно-обувная	30	32,6	4	8,3	13	26	2,1	0,9
23. Обработка животных продуктов (прочие предприятия)	13	24,5	1	3,0	8	11	3,0	1,8
24. Спичечная	6	6,5	1	4,0	17	61	4,0	0,5
25. Табачная[2]	26	49,8	11	35,0	42	70	3,2	1,0
26. Сахарная	148	172,9	43	72,8	29	40	1,7	1,0
27. Маслобойно-жировая	23	30,5	3	18,3	13	60	6,1	0,6
28. Мукомольная	57	67,2	4	7,6	7	11	1,9	1,2
29. Прочая пищевая	138	110,3	4	6,9	3	6	1,7	0,8
Итого пищевая (25—29):	392	428,7	65	140,6	17	33	2,2	0,9
30. Бумажная и полиграфическая	92	104,4	9	14,9	10	16	1,7	0,9
30_1. Фармацевтическая и парфюмерная	25	15,0	—	—	—	—	—	0,6
Всего легкая промышленность (21—30):	862	1302,6	102	231,0	12	18	2,3	1,4
31. Синдикаты	9	3,8	7	3,5	77	92	0,5	0,1
32. Торгово-комиссионные предприятия	33	18,0	12	13,0	36	72	1,1	0,24
33. Торговля (прочая)	269	341,2	6	17,9	2	6	3,0	1,1
34. Разные промышленные и торговые предприятия (смешанные)	99	211,7	14	53,6	12	22	3,8	1,9
Всего промышленность и торговля (1—34):	2114	4255,8	370	1745,8	17	41	4,7	1,4

Таблица 3 (окончание)

Отрасли	Общее число и капиталы акционерно-паевых предприятий, действовавших в России		Число и капиталы акционерно-паевых предприятий, подконтрольных крупнейшим акционерным банкам				Средний капитал одного предприятия	
	А	Б	А	Б	% к первой графе А	% к первой графе Б	подконтрольного банкам	не подконтрольного банкам
II. Прочие отрасли								
35. Пароходства	61	103,4	20	70,8	33	68	3,5	0,8
36. Транспортно-складские предприятия	11	24,4	5	16,6	45	65	3,3	1,3
Итого транспортные и складские предприятия (35—36):	72	127,8	25	87,4	35	67	3,5	0,9
37. Строительные	63	59,4	8	13,3	13	22	1,6	0,8
38. Коммунальные предприятия	110	113,6	4	12,0	4	11	3,0	1.0
39. Страховые общества	15	36,8	11	30,3	73	82	2,8	1,3
40. Земельные банки	10	91,4	8	67,5	80	75	8,4	11,7
Всего прочие отрасли (35—40):	270	419,0	56	210,5	21	50	3,8	1,0
Общий итог	2384	4674,8	426	1956,3	18	42	4,6	1,4
41. Железнодорожные общества								
а) ж. д. магистральных и общего значения	38	192,4	37	190,9	97	99	5,1	1,5
б) местного значения и подъездных путей	19	32,0	5	17,8	24	56	3,5	1,0
Итого	57	224,4	42	208,7	74	93	5,0	1,0
Общий итог с железнодорожными обществами	2441	4899,2	468	2165,0	19	44	4,6	1,4

[1] Кроме того, добавлены 16 предприятий, подконтрольных концернам «Русская генеральная нефтяная корпорация» и т-во «Нефть» и через них РА банку. Эти 16 предприятий перечислены в примечаниях к гр. 11

Не вошла в таблицу по итогам всех банков и по РА банку «Русская генеральная нефтяная корпорация» с капиталом 23,6 млн. руб.

[2] Не вошла в группу «Русская табачная компания» с капиталом в 33 млн. руб.

Число и капиталы предприятий, подконтрольных акци

УСЛОВНЫЕ

А — число предприятий;
Б — акционерные капиталы (в млн. руб.);
а — контроль банков в отрасли;
б — значительное участие;

Отрасли	Все банки		Русско-Азиатский		Петербургский частный		Петербургский международный	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
I. Промышленность и торговля								
А. Тяжелая промышленность								
1. Металлургия юга России	7	136,1	3	74,7	—	—	3	78,7
2. Металлургия Урала	11	116,9	2	9,6	1	12,0	1	7,0
3. Металлургия Центрального района	3	13,2	1	5,0	—	—	1	4,2
Итого черная металлургия (1—3):	21	266,2	6	89,3	1	12,0	5	89,9
4. Крупное машиностроение	23	238,6	10	122,6	2	17,5	10	101,9
5. Прочее машиностроение и металлообработка	23	43,6	9	15,1	2	2,7	2	1,7
6. Сельскохозяйственное машиностроение	3	13,0	1	5,0	1	3,0	1	5,0
Итого машиностроение и металлобработка (4—6):	49	295,2	20	142,7	5	23,2	13	108,6
7. Металлургия меди	6	56,0	—	—	—	—	—	—
8. Обработка меди	5	22,7	1	6,0	—	—	4	16,7
Итого медная промышленность (7—8):	11	78,7	1	6,0	—	—	4	16,7
9. Электромеханическая	9	43,6	2	16,6	—	—	3	19,1
Всего металлургия и металлообработка (1—9):	90	683,7	29	254,6	6	35,2	25	234,3
10. Производство электроэнергии	6	84,3	2	15,0	—	—	—	—
11. Нефтяная	60	317,6	37	234,7	4	9,2	9	106,3
12. Каменноугольная	22	76,7	4	13,9	3	8,5	6	21,9
13. Добыча золота	13	54,8	4	22,6	—	—	7	39,5
14. Добыча соли	4	5,0	2	3,2	—	—	2	2,2
15. Прочие горные предприятия	2	6,6	1	0,6	—	—	—	—
Итого горная (11—15):	101	460,7	48	275,0	7	17,7	24	169,9
16. Лесная и деревообрабатывающая	7	77,5	5	69,5	—	—	—	—
17. Цементная	15	44,2	2	3,2	1	7,0	2	7,0
18. Стекольная	4	14,4	—	—	—	—	2	6,9
Итого обработка минеральных веществ (17—18):	19	58,6	2	3,2	1	7,0	4	13,9

Таблица 4

онерным коммерческим банкам (по отраслям и банкам)

ОБОЗНАЧЕНИЯ

в — участие в отрасли, подконтрольной иностранным финансово-капиталистическим группам или вообще капиталистам, независимым от банков;

г — влияние банков — небольшое или такое, степень которого не могла быть определена

Петербургский учетный и ссудный		Азовско-Донской		Русский торгово промышленный		Русский для внешней торговли		Сибирский торговый		Другие банки		Оценка влияния банков в отрасли
А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
—	—	4	87,2	—	—	2	30,4	—	—	2	63,3	б
—	—	4	53,0	1	16,0	2	37,0	3	19,2	—	—	а
—	—	—	—	1	5,0	1	4,0	—	—	—	—	б
—	—	8	140,2	2	21,0	5	71,4	3	19,2	2	63,3	
4	37,0	—	—	2	18,6	2	9,0	—	—	2	12,6	а
5	11,9	1	1,0	5	12,4	1	2,4	3	6,4	1	3,4	а—б
—	—	—	—	1	5,0	—	—	—	—	—	—	в
9	48,9	1	1,0	8	36,0	3	21,4	3	6,4	3	16,0	
—	—	3	32,3	—	—	—	—	4	40,7	1	6,0	в
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	б
—	—	3	32,3	—	—	—	—	4	40,7	1	6,0	
2	3,5	2	16,4	1	2,0	—	—	1	1,5	—	—	в
11	52,4	14	189,9	11	59,0	8	92,8	11	67,8	6	85,3	
—	—	—	—	4	18,3	2	54,0	1	15,0	—	—	в
1	24,8	19	147,5	4	31,8	4	27,5	7	51,5	7	32,5	а—б
—	—	7	18,7	2	1,8	—	—	4	18,0	—	—	а—б
—	—	—	—	1	1,2	—	—	2	8,0	—	—	а
—	—	1	1,0	—	—	—	—	1	1,8	—	—	б
—	—	—	—	—	—	—	—	1	6,0	—	—	г
1	24,8	27	167,2	7	34,8	4	27,5	15	85,3	7	32,5	
—	—	—	—	2	7,0	1	3,0	1	20,0	1	15,0	б
—	—	4	13,0	4	7,0	1	7,0	2	2,0	—	—	а
—	—	2	7,5	—	—	1	4,7	—	—	—	—	а
—	—	6	20,5	4	7,0	2	11,7	2	2,0	—	—	

Отрасли	Все банки		Русско-Азиатский		Петербургский частный		Петербургский международный	
	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б
19. Резиновая	4	53,9	1	18,0	1	5,0	—	—
20. Химическая (основная)	2	9,0	1	3,0	—	—	—	—
Всего тяжелая промышленность (1—20):	229	1427,7	88	637,3	15	64,9	53	418,1
Б. Легкая промышленность.								
21. Текстильная	22	60,2	4	20,0	1	5,2	2	3,2
22. Кожевенно-обувная	4	8,3	—	—	1	2,0	—	—
23. Обработка животных продуктов (прочие предприятия)	1	3,0	—	—	—	—	1	3,0
24. Спичечная	1	4,0	—	—	1	4,0	—	—
25. Табачная	11	35,0	11	35,0	—	—	—	—
26. Сахарная	43	72,8	1	1,8	—	—	—	—
27. Маслобойно-жировая	3	18,3	2	16,5	—	—	—	—
28. Мукомольная	4	7,6	2	4,6	—	—	—	—
29. Прочая пищевая	4	6,9	1	3,0	—	—	—	—
Итого пищевая (25 — 29):	65	140,6	17	60,9	—	—	—	—
30. Бумажная и полиграфическая	9	14,9	7	10,2	—	—	—	—
Всего легкая промышленность (21—30):	102	231,0	28	91,1	3	11,2	3	6,2
31. Синдикаты	7	3,5	1	0,9	1	0,4	3	1,6
32. Торгово-комиссионные предприятия	12	13,0	2	2,5	—	—	3	1,0
33. Торговля (прочая)	6	17,9	1	3,5	—	—	—	—
34. Разные промышленные и торговые предприятия (смешанные)	14	53,6	4	28,0	—	—	2	5,7
Всего промышленнность и торговля (1 — 34):	370	1745,8	124	764,3	19	76,5	64	432,6
II. Прочие отрасли								
35. Пароходства	20	70,8	4	27,4	1	2,0	5	22,1
36. Транспортно-складские предприятия	5	16,6	2	5,6	—	—	2	8,1
Итого транспортные и складские предприятия (35 — 36):	25	87,4	6	23,0	1	2,0	7	30,2
37. Строительные	8	13,3	6	9,3	2	4,5	—	—
38. Коммунальные предприятия	4	12,0	1	5,5	1	5,5	—	—
39. Страховые общества	11	30,3	3	8,5	—	—	2	7,1
40. Земельные банки	8	67,5	2	17,0	—	—	2	16,0
Всего прочие отрасли (35 — 40)	56	210,5	19	73,3	4	12,0	11	53,3
Общий итог:	426	1956,3	143	837,6	23	88,5	75	485,9
41. Железнодорожные общества	42	208,7	20	118,8	6	28,3	17	133,4
Общий итог с железнодорожными обществами:	468	2165,0	163	956,4	29	116,8	92	619,3

Таблица 4 (окончание)

Петербургский учетный и ссудный		Азовско-Донской		Русский торговопромышленный		Русский для внешней торговли		Сибирский торговый		Другие банки		Оценка влияния банков в отрасли
А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	А	Б	
1	21,0	—	—	1	18,0	—	—	—	—	1	9,9	б
—	—	1	6,0	—	—	—	—	1	6,0	—	—	г
13	98,2	48	383,6	29	144,2	19	189,0	31	196,1	15	142,7	
1	3,0	8	23,3	1	2,5	1	0,7	2	2,6	4	5,1	в
—	—	1	2,0	—	—	2	2,3	1	4,0	—	—	в
—	—	1	3,0	—	—	—	—	—	—	—	—	г
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	б
—	—	—	—	—	—	2	4,0	—	—	—	—	а
—	—	2	2,0	8	16,3	33	53,5	—	—	—	—	а
2	8,3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	б
—	—	—	—	—	—	1	2,5	—	—	1	0,5	в
—	—	1	0,9	1	2,0	1	1,0	—	—	—	—	в
2	8,3	3	2,9	9	18,3	37	61,0	—	—	1	0,5	
—	—	1	2,5	—	—	1	2,2	—	—	—	—	б
3	11,3	14	33,7	10	20,8	41	66,2	3	6,6	5	5,6	
—	—	4	2,4	—	—	1	0,4	—	—	—	—	б
2	4,0	5	6,7	—	—	1	2,0	1	0,8	—	—	а
—	—	1	6,0	4	8,4	—	—	—	—	—	—	в
—	—	1	4,0	6	18,4	—	—	1	4,0	2	3,0	
18	113,5	73	436,4	49	191,8	62	257,6	36	207,5	22	151,3	
—	—	4	18,0	6	19,2	2	7,0	3	9,6	1	2,0	а
—	—	1	5,0	—	—	1	2,0	—	—	—	—	а
—	—	5	23,0	6	19,2	3	9,0	3	9,6	1	2,0	
—	—	1	1,0	—	—	—	—	—	—	—	—	б
1	1,0	—	—	3	11,0	—	—	1	5,5	—	—	г
3	12,0	3	12,1	1	5,0	4	15,0	2	6,0	4	7,7	а
—	—	3	27,0	1	12,5	3	29,0	—	—	—	—	б
4	13,0	12	63,1	11	47,7	10	53,0	6	21,1	5	9,7	
22	126,5	85	499,5	60	239,5	72	310,6	42	228,6	27	161,0	
—	—	9	62,0	13	59,5	4	19,3	10	70,2	7	37,2	
22	126,5	94	561,5	73	299,0	76	329,9	52	298,8	34	198,2	

Таблица 5

Число представителей банков в руководящих органах подконтрольных предприятий

Отрасли	Русско-Азиатский	Петербургский частный	Петербургский международный	Петербургский учетный и ссудный	зовско-Донской	Русский торгово-промышленный	Русский для внешней торговли	Сибирский торговый	Другие банки	Всего
1. Промышленность и торговля										
А. Тяжелая промышленнсcть										
1—3. Черная металлургия	5	2	8	—	8	2	5	6	2	39
4. Крупное машиностроение	9	1	15	6	—	3	2	—	3	39
5—6. Прочее машиностроение и металлообработка	9	5	4	9	—	11	—	6	—	44
7—8. Медная	1	—	8	—	3	—	—	5	2	19
9. Электромеханическая	2	—	4	3	1	—	—	1	—	11
Итого металлургия и металлообработка (1—9):	26	8	39	18	12	16	7	18	7	151
10. Производство электроэнергии	2	—	—	—	—	4	2	1	—	9
11. Нефтяная	28	13	5	2	13	2	—	7	5	75
12. Каменноугольная	4	9	9	—	13	6	—	6	—	47
13. Добыча золота	3	—	6	—	—	1	—	1	—	11
14—15. Добыча соли и прочие горные предприятия	3	—	3	—	—	—	—	2	—	8
Итого горная (11—15):	38	22	23	2	26	9	—	16	5	141
16. Лесная и деревообрабатывающая	7	—	—	—	—	—	—	1	2	10
17. Цементная	1	3	1	—	4	11	2	2	—	24
18. Стекольная	—	—	2	—	—	—	1	—	—	3
19. Резиновая	—	2	—	3	—	—	—	—	3	8
20. Химическая (основная)	1	—	—	—	1	—	—	1	—	3
Всего тяжелая промышленность (1—20):	75	35	65	23	43	40	12	39	17	349
Б. Легкая промышленность										
21. Текстильная	4	1	3	1	13	1	1	3	3	30
22. Кожевенно-обувная	—	1	—	—	1	—	2	1	—	5
23. Обработка животных продуктов (прочие предприятия)	—	—	1	—	3	—	—	—	—	4

24. Спичечная	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
25 Табачная	7	—	—	—	—	—	2	—	—	9
26. Сахарная	—	—	—	—	1	13	12	—	—	26
27. Маслобойно-жировая	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
28. Мукомольная	2	—	—	—	—	—	1	—	1	4
29. Прочая пищевая	3	—	—	—	1	4	2	—	—	10
Итого пищевая (25—29):	12	—	—	2	2	17	17	—	1	51
30. Бумажная и полиграфическая	4	—	—	—	2	—	1	—	—	7
Всего легкая промышленность (21—30):	20	3	4	3	21	18	21	4	4	98
31. Синдикаты	1	—	5	—	1	—	1	—	—	8
32. Торгово-комиссионные предприятия	4	—	2	3	5	—	3	—	—	17
33. Торговля (прочая)	3	—	—	—	1	8	—	—	—	12
34. Разные промышленные и торговые предприятия (смешанные)	2	—	—	—	—	10	—	1	3	16
Всего промышленность и торговля (1—34):	105	38	76	29	71	76	37	44	24	500
II. Прочие отрасли										
35—36. Пароходства, транспортно-складские предприятия	5	—	6	—	4	8	3	5	1	32
37. Строительные	7	1	—	—	2	—	—	—	—	10
38. Коммунальные предприятия	1	—	1	2	—	7	—	1	—	12
39. Страховые общества	4	—	2	5	2	1	7	1	1	23
40. Земельные банки	2	—	2	—	—	—	—	—	—	4
Всего прочие (35—40):	19	1	11	7	8	16	10	7	2	81
Общий итог	124	39	87	36	79	92	47	51	26	581
41. Железнодорожные общества	9	4	7	—	5	5	5	13	4	52
Общий итог с железнодорожными обществами:	133	43	94	36	84	97	52	64	30	633

Таблица 6

Перечень акционерно-паевых предприятий, связанных с акционерными коммерческими банками (по данным на 1917 г.)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал, мил. руб.	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
	1. Металлургия Юга России				
1*	О-во Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода, 1873 г.	41,2	РА	б	1
			МН	в	
			АД	в	1
			Др.	в	1
2*	Донецко-Юрьевское металлургическое о-во, 1895 г.	22,1	РА	в	
			МН	г	
			Др.	б	1
3*	Никополь-Мариупольское горное и металлургическое о-во, 1896 г.	15,4	МН	а	4*
			ВТ	г	1
4*	Новороссийское о-во каменноугольного, железного и рельсового производства, 1874 г.	11,4	РА	а	
5	Акц. о-во Сулинского завода, 1905 г.	10,0	АД	а	1*
6	Таганрогское металлургическое о-во, 1896 г.	21,0	АД	б	1*
7*	Южно-Русское Днепровское металлургическое о-во, 1888 г.	15,0	АД	в	
			ВТ	б	2
	Итого* 7 предприятий:	136,1			13
	2. Металлургия Урала				
8*	Т-во Алапаевских горных заводов наследников С. С. Яковлева, 1908 г.	5,9	РА	б	
9*	Акц. о-во Белорецких железоделательных заводов Пашковых, 1874 г.	7,0	МН	а	2*
10*	Богословское горнозаводское о-во, 1896 г.	12,0	АД	а	2
11*	Акц. о-во Верх-Исетских горных и механических заводов, б. Яковлевых, 1910 г.	16,0	АД	а	
			ТП	б	1*
12	О-во Комаровских железорудных месторождений и Южно-Уральских горных заводов, 1900 г.	3,75	СТ	а	3*
13*	Акц. о-во Лысьвенский горный округ наследников гр. П. П. Шувалова, 1913 г.	16,0	АД	а	2
14*	Невьянское горнопромышленное акц. о-во, 1906 г.	6,5	СТ	а	1
15*	Акц. о-во Нижне-Тагильских и Луньевских горных заводов, 1917 г.	25,0	ВТ	а	1
16	Акц. о-во Северных заводов наследников Н. П. Пастухова, 1913 г.	9,0	АД	а	1*
			СТ	а	2
17*	Т-во Сергинско-Уфалейских горных заводов, 1881 г.	3,75	РА	а	1
18*	Симское о-во горных заводов и первой на Урале фабрики сельскохозяйственных машин и орудий, 1913 г.	12,0	ПЧ	б	2
			ВТ	а	
	Итого 11 предприятий:	116,9			18

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
	3. Металлургия Центрального района				
19*	О-во Выксунских горных заводов, 1885 г.	МН	4,25	а	2*
20	Т-во Московского металлического завода, 1883 г.	ВТ	4,0	б	1
21*	О-во Тульских чугуноплавильных заводов, 1913 г.	5,0	РА	а	3
			ТП	а	1
	Итого 3 предприятия: . .	13,25			7
	4. Крупное машиностроение (паровозы, вагоны, суда, артиллерия и т. д.)				
22	Верхне-Волжское о-во железнодорожных материалов, 1897 г.	6,5	ПЧ	г	
23	Акц. о-во вагоностроительного завода «Двигатель», 1898 г.	3,6	ТП	а	3*
24	О-во Коломенского машиностроительного завода, 1871 г.	15,0	МН	а	2*
25*	Акц. о-во механических, гильзовых и трубочных заводов П. В. Барановского, 1912 г.	13,2	РА	а	1*
26*	Московское акц. о-во вагоностроительного завода, 1896 г.	3,6	МН	б	
			Др.	а	1
27*	О-во Невского судостроительного и механического завода, 1891 г.	7,0	РА	а	
28	Акц. о-во Николаевских заводов и верфей, 1913 г.	7,0	РА	в	1
			МН	а	1*
29	Судостроительное акц. о-во, «Ноблесснер», 1913 г.	3,0	УС	б	2
30	Т-во Петроградского вагоностроительного завода, 1893 г.	7,8	РА	а	3
31*	Компания Петроградского металлического завода, 1858 г.	9,0	МН	б	
			Др.	а	2
32	О-во Путиловских заводов, 1873 г.	25,0	РА	а	1*
33	Акц. о-во Русско-Балтийского вагонного завода, 1874 г.	9,6	РА	а	1
34	Русско-Балтийское судостроительное и механическое акц. о-во, 1913 г.	15,0	РА	а	
			ТП	г	
35	Русское акц. о-во артиллерийских заводов, 1913 г.	15,0	МН	а	2
			УС	б	
36*	Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов, 1910 г.	20,0	РА	а	1
37*	Русское о-во машиностроительных заводов Гартмана, 1896 г.	9,0	РА	а	1
			МН	а	2
38	Русское паровозостроительное и механическое о-во, 1895 г.	7,8	МН	а	1
39	Русское акц. о-во соединенных механических заводов в Петрограде, б. Г. А. Лесснер, 1898 г. . .	6,0	УС	а	2*
40*	Русское судостроительное акц. о-во, 1911 г. .	10,0	МН	а	3
			ВТ	г	1

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
41	Акц. о-во Северо-Западных металлургических, механических и судостроительных заводов, б. Беккер, 1899 г.	11,0	ПЧ	а	1
42	О-во железоделательных, сталелитейных и механических заводов «Сормово», 1894 г.	13,0	МН	а	3*
			УС	б	2
43*	Акц. о-во вагоностроительных и механических заводов «Феникс», 1895 г.	9,0	РА	а	
			ВТ	г	1*
44	Акц. о-во франко-русских заводов в Петрограде, б. Берда, 1881 г.	12,5	МН	в	1
	Итого 23 предприятия:	238,6			39
	5. Прочее машиностроение (кроме сельскохозяйственного) и металлообработка				
45	Акц. о-во машиностроительного завода «Я. М. Айваз», 1912 г.	2,4	РА	а	1
			ВТ	б	
			СТ	б	3
46	Акц. о-во механических, литейных и трубных заводов «Атлас—Петроград», 1913 г.	1,5	УС	а	2*
47*	Т-во котельного, механического, медноаппаратного и литейного завода «А. К. Дангауэр и В. В. Кайзер», 1897 г.	0,8	РА	а	1
48	О-во Дебальцевского механического завода, 1895 г.	1,12	МН	а	1
49	Акц. о-во Каспийского машиностроительного и котельного завода, 1903 г.	0,8	РА	б	1
50	Акц. о-во Киевского машиностроительного завода, 1914 г.	2,0	ТП	а	5*
51	Акц. о-во Митавских металлических заводов «Крамер Л. и сыновья», 1913 г.	3,0	СТ	а	1
52	Акц. о-во «Лангензипен и К°», 1911 г.	4,0	ТП	а	3*
53	Т-во механических и чугунолитейных заводов «Молот», 1903 г.	5,0	РА	а	1
54	Акц. о-во для эксплуатации машиностроительного и котельного заводов «Альберт Нев, Вильде и К°», 1900 г.	1,0	АД	б	
55	Акц. о-во машиностроительного завода «Людвиг Нобель», 1912 г.	4,0	УС	в	1
56	Акц. о-во Петроградского механического и литейного завода, 1912 г.	1,0	РА	б	1
			СТ	в	2
57	Акц. о-во заводов пневматических машин, 1912 г.	1,5	РА	а	
58	Акц. о-во механических и трубочных заводов «Промет», 1911 г.	1,2	РА	а	1
			ПЧ	б	1
59	Акц. о-во «Рессора», 1914 г.	0,5	ПЧ	г	1
60	Российское акц. о-во оптического и механического производств, 1914 г.	1,2	РА	а	1*
61	Акц. о-во «Русский Рено», 1914 г.	1,0	ТП	б	
62	Акц. о-во торпедных заводов «Русский Уайтхед», 1915 г.	2,0	УС	а	2

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
63	Акц. о-во Северного механического и котельного завода, 1906 г.	2,0	УС	а	1
			ТП	в	
64	Т-во машиностроительного завода «Феникс», 1897 г.	2,4	УС	а	3*
65	Т-во Московских машиностроительных и чугунолитейных заводов «Бр. А. Н. и И. Н. Филипповы», 1916 г.	1,2	РА	а	1
66*	Т-во чугунолитейного и машиностроительного производств Добровых и Набгольц, 1890 г.	3,4	ТП	б	2
			Др.	а	
67	Акц. о-во «Шестерня — Цитроен», 1912 г.	0,6	МН	а	2*
	Итого 23 предприятия:	49,6			38
	6. Сельскохозяйственное машиностроение				
68	Т-во «М. Гельферих—Саде», 1896 г.	5,0	ТП	г	1
69	Русское сельскохозяйственное т-во «Работник», 1885 г	5,0	РА	б	1
			МН	а	1*
70	Т-во механического завода «В. Г. Столль и К°» 1896 г.	3,0	ПЧ	а	3*
	Итого 3 предприятия:	13,0			6
	7. Металлургия меди				
71	Акц. о-во Атбассарских медных копей, 1914 г.	3,0	АД	в	1*
			СТ	б	2
72*	О-во Кыштымских горных заводов, 1900 г.	16,0	СТ	б	1
73	Риддерское горнопромышленное акц. о-во, 1914 г.	20,0	АД	в	1
			СТ	в	1
74	Акц. о-во Спасских медных руд, 1907 г.	9,3	АД	в	1*
75*	Акц. о-во Сысертского горного округа, 1912 г.	6,0	Др.	б	2
76	Акц. о-во «Сибирская медь», 1911 г.	1,7	СТ	б	1*
	Итого 6 предприятий:	56,0			10
	8. Обработка меди				
77	Т-во меднопрокатных заводов «Гловно», 1912 г.	0,75	МН	б	1
78*	Т-во латунного и меднопрокатных заводов Кольчугина, 1876 г.	6,0	РА	а	1
79	Т-во Сиверских металлопрокатных заводов, б. И. Ф. Чикина, 1913 г.	1,0	МН	б	1
80	Акц. о-во соединенных кабельных заводов, 1905 г.	6,0	МН	б	2
81	О-во Тульских меднопрокатных и патронных заводов, 1898 г.	9,0	МН	а	4*
	Итого 5 предприятий:	22,7			9

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
	9. Электромеханическая промышленность				
82	Акц. о-во «Вольта», 1899 г.	2,0	УС ТП	а б	2*
83	Русское о-во «Всеобщая компания электричества». 1901 г.	12,0	МН	в	2*
84	Петроградское арматурно-электрическое о-во, 1912 г.	1,4	АД	а	
85	Акц. о-во электрических аккумуляторов «Рекс», 1912 г.	1,6	РА	а	1*
86	Акц. о-во «Русские кабельные и металлопрокатные заводы», б. Т-во для эксплуатации электричества М. М. Подобедова и К°, 1895 г.	3,0	ТП	б	
87	Акц. о-во русских электротехнических заводов «Сименс и Гальске», 1898 г.	5,6	МН	в	1*
88	Русское акц. о-во «Сименс и Шуккерт», 1913 г.	15,0	РА АД	в б	1* 1
89	Акц. о-во электрической обработки металлов «ТЭМ», 1914 г.	1,5	МН СТ	а б	1* 1
90	Акц. о-во электромеханических сооружений, б. Т-во «Дюфлон, Константинович и К°», 1901 г.	1,5	УС	а	1
	Итого 9 предприятий:	43,6			11
	Всего (1—9) 90 предприятий:	689,7			151
	Кроме того, в Польше:				
91	Акц. о-во машиностроительного завода «Герлях и Пульст», 1898 г.	1,0	ТП	г	1
92	Акц. о-во Сосновицких трубопрокатных и железоделательных заводов, 1898 г.	6,0	ВТ	г	1*
	10. Производство электроэнергии				
1*	Петроградское о-во электропередачи сил водопадов, 1912 г.	6,0	РА ТП	а б	1* 1
2	Русское акц. о-во электрических районных станций, 1913 г.	4,0	ВТ	г	1*
3	Акц. о-во «Электрическая сила», 1899 г.	9,0	РА ТП	а б	1* 2
4	О-во электрического освещения, 1886 г.	50,0	ВТ	г	1*
5	Акц. о-во электрификации Донецкого бассейна, 1916 г.	15,0	СТ	б	1
6	Акц. о-во «Электрокалильный свет», 1913 г.	0,35	ТП	а	1*
	Итого 6 предприятий:	84,35			9
	11. Нефтяная промышленность				
1	Австралийско-Майкопское нефтяное о-во, 1911 г.	2,2	АД	б	1*
2	Нефтепромышленное и торговое о-во «Аджи-Кабул», 1917 г.	2,0	ПЧ	а	3
3*	Бакинско-Астраханское нефтепромышленное и транспортное о-во, 1916 г.	4,0	ТП	б	

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
4*	Бакинское нефтяное о-во, 1874 г.	7,8	РА	а	1
			МН	б	1
			ВК	г	
5	Бакинское о-во русской нефти, 1898 г.	6,8	АД	б	1*
6	Московско-Волжское нефтепромышленное и торговое о-во «Биби-Эйбат», 1904 г.	1,0	ТП	г	1*
7	Биби-Эйбатское нефтяное о-во, 1899 г.	2,5	МН	б	1
8	Акц. о-во подрядного бурения и механического завода, б. «Биеринг Э. Ф.», 1913 г.	4,0	РА	б	1
9	Нефтепромышленное и торговое о-во «Варинские техно-химические заводы И. Н. Тер-Акопова», 1913 г.	4,5	РА	а	1*
			ВТ	г	
10*	Волжско-Бакинское торговое акц. о-во, 1916 г.	1,0	РА	а	2
			АД	б	
			ВТ	б	
			ВК	г	
11	Восточно-Азиатское нефтяное торгово-промышленное т-во, 1909 г.	1,0	АД	б	1
			СТ	а	1*
12	Нефтепромышленное и торговое акц. о-во «Грозненская нефть», 1914 г.	3,0	ПЧ	а	5
13	Грозно-Сунженское нефтепромышленное акц. о-во, 1915 г.	3,0	РА	б	1
			МН	б	
			АД	б	1
			СТ	а	1*
14	О-во для добывания русской нефти и жидкого топлива, 1898 г.	10,0	АД	б	1*
15	Нефтепромышленное о-во «Кавказ», 1896 г.	4,0	РА	в	1
			АД	в	1
16	Камско-Сибирское нефтепромышленное акц. о-во, 1913 г.	2,0	РА	а	3*
			ВК	г	1
17	Каспийско-Черноморское нефтепромышленное и торговое о-во, 1883 г.	10,0	МН	в	
			СТ	в	1*
18	Нефтепромышленное и торговое о-во «Колхида», 1910 г.	1,5	ВК	б	2*
19*	Т-во нефтяного производства «Г. М. Лианозова сыновья», 1907 г.	30,0	РА	а	1*
			АД	в	
20*	Акц. о-во Челекенских озокеритово-нефтяных промыслов «Люборад», 1914 г.	2,0	АД	а	
21*	Нефтепромышленное и торговое о-во «Мазут», 1898 г.	12,0	МН	в	
			АД	в	1
			СТ	в	1*
22*	Нефтепромышленное и торговое о-во «А. И. Манташев и К°», 1899 г.	20,0	РА	а	2*
			МН	б	1
			АД	в	
			ВТ	г	
23	Нефтепромышленное и торговое т-во «Бр. Мирзоевы и К°», 1886 г.	3,2	РА	а	1

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
24*	Московско-Кавказское нефтяное промышленно-торговое т-во, 1902 г.	2,2	АД	б	
25	Московское нефтепромышленное о-во, 1897 г.	1,2	АД	б	1
26	Русское акц. о-во для производства сгущенных газов «Нефтегаз», 1913 г.	1,2	ПЧ	а	2*
27	Нефтепромышленное о-во Терской области, 1914 г.	2,0	РА	а	1*
			ВТ	г	
28	Нефтепромышленное и разведочное акц. о-во, 1913 г.	2,0	ТП	г	1
29*	Русское т-во для добычи, перевозки, хранения и торговли продуктами нефти «Нефть», 1883 г.	24,8	РА	а	1*
			УС	в	2
			ТП	г	
30*	Т-во нефтяного производства «Бр. Нобель», 1879 г.	30,0	РА	в	1
			МН	в	1
			АД	в	1
31	Петроградско-Грозненское нефтепромышленное о-во, 1916 г.	10,0	РА	а	2
32	Петроградское нефтепромышленное о-во, 1898 г.	1,0	РА	а	2
33	Нефтепромышленное и торговое о-во «П. Е. Питоев и К°», 1908 г.	3,0	ПЧ	а	3
34	Т-во производства русских минеральных масел и других химических продуктов, 1884 г.	6,5	АД	в	
			СТ	в	1*
35	Нефтепромышленное акц. о-во «Русский Грозненский Стандарт», 1913 г.	12,0	РА	в	1
			АД	в	1
			СТ	в	1*
36	Т-во Русско-Американского нефтяного производства, 1881 г.	0,4	АД	б	1*
37*	Средне-Азиатское нефтепромышленное и торговое о-во «Санто», 1908 г.	2,0	РА	а	1
38	Соединенное русское нефтяное о-во, 1902 г.	0,2	АД	б	1*
39	Нефтепромышленное и торговое о-во «Соучастники», 1899 г.	2,0	РА	в	1
			АД	в	1
40*	Урало-Кавказское акц. о-во, 1912 г.	8,0	РА	б	1
41	Урало-Каспийское нефтяное о-во, 1911 г.	7,0	МН	в	
			СТ	в	1
42	Нефтепромышленное и торговое акц. о-во «Эмба», 1912 г.	6,0	РА	б	1
			ВК	г	1
43	Нефтепромышленное акц. о-во «Эмба — Каспий», 1913 г.	14,0	РА	а	2
			МН	б	1*
			ВК	г	
44	Акц. о-во подсобных предприятий Эмбенского района, 1915 г.	0,2	ВК	г	1
	Итого 44 предприятия:	274,2			75
	Кроме того:				
45*	Русская генеральная нефтяная корпорация в Лондоне с капиталом 2,5 млн. ф. ст., 1912 г.	23,6	РА	а	2*

Таблица (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
	12. Каменноугольная промышленность				
1*	Акц. о-во «Азовская угольная компания», 1873 г.	0,5	АД	а	3*
2	О-во Андреевских антрацитовых копей, 1916 г. . .	1,0	СТ	б	1
3	Акц. о-во «Боково-Хрустальских антрацитовых копей», 1911 г.	2,5	РА	б	1
			ПЧ	а	5
4	Акц. о-во Брянских каменноугольных копей и рудников, 1896 г.	3,38	АД	б	1*
5	Акц. о-во «Головинские копи», 1916 г.	1,0	ТП	а	6*
6*	Горско-Ивановское каменноугольное о-во, 1908 г.	0,8	РА	б	1*
			МН	а	1
			ТП	г	
7*	Жилловское о-во каменноугольных копей и рудников, 1900 г.	2,1	РА	а	1*
			МН	а	2
8	Западно-Донецкое каменноугольное о-во, 1913 г.	3,0	СТ	б	1
9	О-во Карпово-Обрывских каменноугольных копей, 1908 г.	1,2	АД	а	3*
10*	Средне-Азиатское каменноугольное акц. о-во «Кизил-Кий», 1912 г.	3,0	МН	а	1
11	Киргизское горнопромышленное акц. о-во, 1914 г.	10,0	СТ	б	1
12	Акц. о-во Кондратьевских каменноугольных копей, 1917 г.	5,0	ПЧ	а	2
13*	Каменноугольное акц. о-во «Корунд», 1913 г. . .	0,7	МН	а	1*
14*	Акц. о-во Кузнецких каменноугольных копей, 1913 г.	12,0	МН	а	3*
15	Новосильцовское каменноугольное о-во, 1913 г. . .	4,0	СТ	а	3
16	Петроградско-Донецкое углепромышленное и торговое акц. о-во, 1909 г.	1,0	АД	а	1*
17	Акц. о-во «Ртутное и угольное дело А. Ауэрбаха и К°», 1896 г.	3,6	АД	а	2*
18	Селезневское о-во каменноугольной и заводской промышленности, 1906 г.	4,0	АД	а	3*
19	Челябинское углепромышленное о-во, 1912 г. . . .	1,0	ПЧ	а	2*
20*	Акц. о-во Эрастовских каменноугольных копей, 1910 г.	3,3	МН	а	1*
21	О-во Южно-Русской каменноугольной промышленности, 1872 г.	5,0	АД	б	
22	Южно-Русское горнопромышленное о-во, 1914 г.	8,5	РА	г	1
	Итого* 22 предприятия: . .	76,7			47
	13. Добыча золота				
1	Амгунская золотопромышленная компания, 1890 г.	1,27	МН	б	1
2	Амурское золотопромышленное о-во, 1900 г. . . .	3,0	МН	б	
3	Верхне-Амурская золотопромышленная компания, 1917 г.	6,0	СТ	б	
4	Акц. золотопромышленное о-во «Драга», 1901 г.	0,5	РА	а	
5	Золотопромышленное о-во Мариинских приисков, 1912 г.	2,5	МН	а	2

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
6	Анонимное о-во золотых приисков в Качкаре, 1897 г.	3,56	РА	б	
7	Золотопромышленное акц. о-во «Колчедан», 1913 г.	2,0	РА	а	1*
8	Кулуджанское акц. о-во, 1916 г.	1,2	ТП	а	1*
9*	Ленское золотопромышленное т-во, 1896 г.	16,5	{ РА МН	а } б }	2
10	Акц. о-во Ольховских золотых рудников, 1915 г.	2,0	СТ	а	1*
11	Российское золотопромышленное о-во, 1895 г.	11,25	МН	а	2
12	Акц. о-во рудного дела Тушетухановского и Цеценхановского аймаков в Монголии, 1900 г.	3,0	МН	а	1
13	Федоровское золотопромышленное о-во, 1905 г.	2,0	МН	а	
	Итого 13 предприятий:	54,8			11
	14. Добыча соли				
1*	Акц. о-во «Бахмутская соль», 1913 г.	1,4	РА МН	б б	1* 2
2	Акц. о-во «Бахмутская центральная соляная копь», 1910 г.	1,8	РА СТ	а б	1* 1
3	Русское солепромышленное о-во, 1907 г.	0,8	МН	а	1
4	Южно-Русское солепромышленное о-во, 1894 г.	1,0	АД	а	
	Итого 4 предприятия:	5,0			6
	15. Горная промышленность (прочие предприятия)				
1	Русско-Персидское горнопромышленное о-во, 1900 г.	0,63	РА	а	1
2	Южно-Уральское горнопромышленное о-во (разведочное), 1912 г.	6,0	СТ	б	1
	Итого 2 предприятия:	6,63			2
	16. Лесная и деревообрабатывающая промышленность				
1*	Акц. о-во «А. Громов и К°», 1916 г.	32,0	РА	а	1
2	Беломорско-Балтийское акц. о-во «П. и И. Данишевские», 1913 г.	0,5	РА	б	1
3*	Лологское лесопромышленное акц. о-во, 1915 г.	3,0	ВТ	а	
4*	Московское лесопромышленное т-во, 1883 г.	2,0	РА ТП	а а	1*
5*	Акц. о-во Николае-Павдинского горного округа, 1912 г.	15,0	РА Др.	б в	3* 2
6	Оренбургское лесопромышленное и торговое о-во «Орлес», 1905 г.	5,0	ТП	г	
7	Русско-Персидское лесопромышленное и торговое акц. о-во, 1915 г.	20,0	РА СТ	а б	1 1
	Итого* 7 предприятий:	77,5			10
	17. Цементная промышленность				
1	Акц. о-во цементного завода «Аиндар», 1913 г.	1,2	ТП	а	4*
2*	Акц. о-во цементного завода «Ассерин», 1900 г.	7,0	ВТ	а	2*

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
3*	Акц. о-во портланд-цементного завода «Волынь», 1897 г.	4,0	МН		
4	Акц. о-во цементных заводов «Гранулит», 1913 г.	1,25	ТП	а	2*
5	Новороссийское акц. о-во производства портланд-цемента «Орел», 1916 г.	2,56	ТП	а а	4*
6	Акц. о-во цементного завода «Порт-Кунда», 1912 г.	3,0	АД	в	
7	Акц. о-во «Русская Пуццолана», 1914 г.	0,8	СТ	а	1*
8	Акц. о-во соединенных портланд-цементных заводов «Железо-цемент» и «Вольского» Д. Б. Зейферта, 1911 г.	7,0	ПЧ	а	3*
9	Акц. о-во Соединенных цементных заводов («Донецкого» и «Союза»), 1900 г.	4,0	АД	а	3*
10	Акц. о-во для производства портланд-цемента и других строительных материалов «Тауз», 1913 г.	1,2	СТ	а	1*
11	Акц. о-во Туапсе-Черноморского портланд-цементного завода, 1913 г,	1,2	РА	б	
12	Центральное акц. о-во производства цемента, 1913 г.	3,0	МН	б	1
13	Акц. о-во Новороссийского завода портланд-цемента «Цепь», 1898 г.	1,5	АД	а	1*
14	О-во Черноморского цементного производства, 1882 г.	4,5	АД	б	
15*	Т-во Чудовского цементного завода, 1898 г.	2,0	РА ТП	б а	1 1
	Итого* 15 предприятий:	44,2			24
	Кроме того, в Польше:				
16	Акц. о-во Люблинской фабрики портланд-цемента «Фирлей», 1895 г.	1,75	АД	а	
	18. Стекольная промышленность				
1	Акц. о-во Ливенгофских стеклянного и пробочного производств, 1904 г.	5,0	АД	а	
2*	Московское стеклопромышленное т-во, 1897 г.	2,25	МН	а	1*
3	Петроградское стекольно-промышленное о-во, 1911 г.	2,5	АД	а	
4*	Северное стеклопромышленное о-во, 1894 г.	4,7	МН ВТ	а г	1 1*
	Итого 4 предприятия:	14,45			3
	19. Резиновая промышленность				
1	О-во производства и торговли резиновыми товарами «Богатырь», 1897 г.	9,9	МС	а	3*
2	Акц. о-во «Каучук», 1911 г.	5,0	ПЧ	а	2*
3	Т-во Русско-французских заводов резинового, гуттаперчевого и телеграфного производств «Проводник», 1882 г.	18,0	РА	в	
4	Т-во Русско-Американской резиновой мануфактуры «Треугольник», 1860 г.	21,0	УС	в	3*
	Итого 4 предприятия:	53,9			8

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
	20. Химическая (основная) промышленность				
1*	Акц. о-во химической фабрики «Фр. Байер и К°», 1912 г.	3,0	РА	б	1
2*	Русское о-во для выделки и продажи пороха, 1884 г.	6,0	АД СТ	а в	1 1
	Итого 2 предприятия:	9,0			3
	21. Текстильная промышленность				
	А. Хлопчатобумажная				
1	Акц. о-во Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, 1900 г.	2,4	СТ	а	2*
2	Т-во Богородско-Глуховской мануфактуры, 1856 г.	10,0	АД	б	1
3	Т-во Даго-Кертельской фабрики К. и Э. Унгерн-Штернберга, 1874 г.	0,7	ВТ	б	1*
4	Акц. о-во Днепровской мануфактуры, 1900 г.	1,0	АД	а	2
5	Т-во мануфактур, основанных И. И. Скворцовым, 1897 г.	5,0	РА	б	1
6	Т-во Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрики, 1865 г.	1,6	АД	г	1
7	Т-во Российской бумагопрядильной мануфактуры, 1835 г.	5,25	ПЧ АД	в б	1 1*
8	Акц. о-во Серпуховской бумагопрядильни, 1899 г.	1,0	АД	б	1
	Б. Шерстяная				
9	Акц. о-во «Рихард Симон и К°», 1912 г.	2,5	ТП	г	1
10	Т-во Цинтенгофской суконной мануфактуры, 1882 г.	1,6	АД	а	3
	В. Льняная и пенько-джутовая				
11*	Акц. о-во Кулотинской джутовой мануфактуры, 1912 г.	1,0	МН	а	2
12	Т-во Льнопрядильной фабрики сыновей Я. Грибанова, 1893 г.	2,25	МН	б	1
13	Акц. о-во льняной и джутовой мануфактуры в Риге, 1898 г.	2,65	АД	а	3
14	Южно-русское т-во пеньковой и канатной промышленности, 1895 г.	3,0	МС	а	1
	Г. Шелковая				
15	Акц. о-во шелковых фабрик «Сыновья К. О. Жиро», 1911 г.	12,0	РА	б	1
	Д. Хлопковая				
16*	Т-во для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии, 1890 г.	2,0	МС	а	2

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
17*	Московское купеческое т-во, 1915 г.	1,0	Др.	а	
18*	Московское торгово-промышленное т-во, 1874 г.	1,5	Др.	а	
19*	Потеляховское торгово-промышленное т-во, 1913 г.	2,0	РА	б	
20	Русско-Азиатское хлопковое акц. о-во, 1916 г. . .	1,0	РА	а	2
	Е. Разные предприятия				
21*	Витебское акц. о-во для торговли льном и экспорта льна, 1913 г.	0,6	МС	а	1*
22	Торгово-промышленное акц. о-во «Иран», 1914 г.	0,2	АД	б	1
			СТ	а	1*
	Итого* 22 предприятия: . .	60,2			30
	22. Кожевенно-обувная промышленность				
1	Т-во кожевенного завода «Н. М. Брусницын с сыновьями», 1898 г.	2,0	ВТ	а	1*
2	Компания Владимирского кожевенного завода, 1861 г.	0,3	ВТ	а	1*
3	Акц. о-во Невской фабрики механической обуви, 1912 г.	2,0	ПЧ	а	1
			АД	а	1
4	Московское акц. о-во «Поставщик», 1913 г. . . .	4,0	СТ	а	1*
	Итого 4 предприятия: . .	8,3			5
	23. Обработка животных продуктов (прочие предприятия)				
1	О-во костеобжигательных заводов и выделки из кости других продуктов, 1874 г.	3,0	АД	а	3*
			МН	б	1
	Итого 1 предприятие: . .	3,0			4
	24. Спичечная промышленность				
1*	Акц. о-во спичечных фабрик «В. А. Лапшин», 1906 г.	4,0	ПЧ	а	1
	Итого 1 предприятие: . .	4,0			1
	25. Табачная промышленность				
1	Акц. о-во табачной фабрики «В. И. Асмолов и К°», 1912 г.	4,5	РА	а	3
2	Т-во табачной фабрики «А. Н. Богданов и К°», 1884 г.	3,5	РА	а	
3	Т-во табачной фабрики «С. Габай», 1895 г.	0,5	РА	а	
			ВТ	б	1*
4	Т-во табачной фабрики «Дукат», 1910 г.	3,0	РА	а	1*
5	Т-во табачной фабрики «Колобов и Бобров», 1913 г.	1,2	РА	а	
6	Т-во фабрик табачных изделий «Лаферм», 1870 г.	8,5	РА	а	1*
7	Т-во Ростовской н/Д табачной фабрики Я. С. Кушнарева, 1898 г.	1,5	РА	а	

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
8	Акц. о-во табачной фабрики в гор. Феодосии «В. О. Стамболи», 1913 г.	3,0	РА	а	1
9	Акц. о-во табачных и спичечных фабрик наследников И. Н. Дунаева, 1911 г.	4,0	РА	а	
10	Т-во табачной фабрики «Бр. Шапшал», 1904 г.	1,8	РА	а	
11	Т-во табачной фабрики «А. Н. Шапошников и К°», 1911 г.	3,5	РА ВТ	а в	1* 1
	Итого* 11 предприятий:	35,0			9
	Кроме того:				
12	Русская табачная компания (Russian Tobacco Company) в Лондоне с капиталом в 3,5 млн. ф. ст.	33,0	РА	а	3*
	26. Сахарная промышленность				
1*	Александровское т-во сахарных заводов, 1874 г.	20,0	ВТ	а	1*
2	Т-во Артемьевского свеклосахарного и рафинадного завода, 1911 г.	0,75	ВТ	а	1
3*	Благодатинское т-во свеклосахарного и рафинадного завода, 1898 г.	1,0	ТП	а	
4*	Т-во Богатовского сахарного завода, 1894 г.	1,2	АД	а	
5	Т-во свеклосахарного и рафинадного завода «Гнивань», 1874 г.	2,6	ТП	а	2*
6	Т-во Карвице-Озерянского свеклосахарного и рафинадного завода, 1896 г.	0,5	ВТ	а	1
7	Т-во Кашперовского свеклосахарного и рафинадного завода, 1869 г.	0,6	ВТ	а	2
8	Т-во сахарного завода «Корделевка», 1891 г.	0,8	ТП	а	1*
9	Т-во Корюковского сахаро-рафинадного завода, 1876 г.	3,0	ВТ	а	1*
10	Т-во Красноселковского свеклосахарного завода, 1874 г.	0,6	ВТ	а	1*
11*	Т-во Маловисковского свеклосахарного завода, 1898 г.	0,8	АД ТП	а б	1
12	Акц. о-во Марьино-Городищенского рафинадного завода, 1910 г.	1,0	ТП	а	3*
13*	Т-во Мезеновского свеклосахарного завода, 1885 г.	1,65	ВТ	а	2
14	Акц. о-во Ново-Быковского свеклосахарного завода, 1897 г.	1,0	ВТ	а	1
15	Одесское сахаро-рафинадное т-во, 1895 г.	1,5	ВТ	б	
16	Т-во Саблино-Знаменского свеклосахарного и рафинадного завода, 1894 г.	1,5	ТП	а	1
17*	Т-во Степановских свеклосахарных и рафинадных заводов, 1866 г.	1,8	РА	а	
18	Т-во Супруновского свеклосахарного завода, 1896 г.	0,5	ВТ	а	1*
19	Т-во Томашпольского свеклосахарного завода, 1875 г.	0,9	ТП ВТ	а а	1* 1
20*	Тульско-Черкасское т-во свеклосахарных и рафинадных заводов, б. бр. Терещенко, 1883 г.	8,0	ТП	а	4*
21	Т-во Чарноминского сахарного завода, 1876 г.	0,6	ТП	а	1*
	Итого 21 предприятие:	50,3			26

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
	Предприятия, финансируемые на местах Русским для внешней торговли банком				
22	Т-во Бабинского свеклосахарного завода, 1899 г.	0,9			
23	Веприкское промышленное и торговое т-во, 1875 г.	0,55			
24	Т-во Даюнковецкого сахарного завода, 1894 г. . .	0,4			
25	Т-во Калиновского сахарного завода, 1873 г. . . .	0,5			
26	Т-во Кальникского свеклосахарного завода, 1866 г.	0,6			
27	Т-во Киевского сахаро-рафинадного завода, 1861 г,	2,2			
28	Т-во Курских свеклосахарных и рафинадных заводов, 1894 г.	2,7			
29	Т-во Любимовского свеклосахарного завода, 1908 г.	1,2			
30	Т-во свеклосахарного и рафинадного завода «Монастырище», 1899 г.	0,9			
31	Акц. о-во Новопокровского свеклосахарного и рафинадного завода (гр. Орлова-Давыдова), 1909 г.	2,0			
32	Т-во Носовско-Казарского свеклосахарного и рафинадного завода, 1885 г.	1,0			
33	О-во Ореховского свеклосахарного и рафинадного завода, 1909 г.	0,75			
34	Акц. о-во Погребищенского свеклосахарного и рафинадного завода, 1900 г.	0,7			
35	Т-во Почапинского свеклосахарного завода, 1910 г.	0,5			
36	Т-во сахарного завода «Святополк», 1899 г. . . .	0,5			
37	Акц. о-во Славгорского свеклосахарного и рафинадного завода, 1912 г.	0,6			
38	Т-во Спичинецкого сахарного завода, 1873 г. . . .	1,0			
39	Т-во Тростянецкого сахарного завода, 1870 г. . . .	1,5			
40	Т-во Чупаховского свеклосахарного завода, 1874 г.	0,6			
41	Акц. о-во Юльевских сахарных заводов (Гепнера), 1912 г.	1,0			
42	Акц. о-во Яготинского свеклосахарного и рафинадного завода В. А. Мусина-Пушкина, 1911 г. . .	1,0			
43	Т-во Ялтушковского сахарного завода, 1871 г. . .	1,4			
	Итого* 22 предприятия: . .	22,5			
	Всего 43 предприятия: . .	72,8			
	27. Маслобойно-жировая промышленность				
1*	Волжское акц. о-во маслобойных и химических заводов «Салолин», 1910 г.	10,0	РА	а	
2*	Акц. о-во южных маслобойных и химических заводов «Саломас», 1913 г.	6,5	РА УС	а б	 1
3	Акц. о-во Рижской паровой маслобойни, б. Гартмана, 1896 г.	1,8	УС	а	1
	Итого 3 предприятия: . .	18,3			2

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
	28. Мукомольная промышленность				
1	Камско-Вятское торговое т-во, 1913 г.	0,5	ВК	б	1*
2	О-во Киевской паровой мукомольной мельницы, 1893 г.	2,5	ВТ	б	1
3*	Акц. о-во «Русское мукомольное т-во», 1910 г.	6,1	РА	а	2*
4*	О-во соединенных манджурских мельниц, 1907 г.	3,0	РА	а	
	Итого 4 предприятия:	7,6			4
	29. Пищевая промышленность (прочие предприятия)				
1	Фабрично-торговое т-во «А. И. Абрикосова сыновья», 1880 г.	1,0	ВТ	б	2
2	Кавказское о-во для добывания и обработки солодкового корня, 1901 г.	0,95	АД	б	1*
3*	Акц. о-во Курганского консервного завода, 1916 г.	3,0	РА	а	3*
4	Акц. о-во Ставропольского консервного завода и фабрики жестяных изделий, 1916 г.	2,0	ТП	а	4*
	Итого 4 предприятия:	6,95			10
	30. Бумажно-полиграфическая промышленность				
	А. Бумажная				
1*	Т-во Кошелевских писчебумажных фабрик, 1895 г.	1,0	РА	а	
2*	Московское о-во Чернавских писчебумажных фабрик, 1890 г.	1,0	РА	а	
3*	Акц. о-во Ревельской писчебумажной фабрики, 1895 г.	0,6	РА	а	
4*	Акц. о-во Российской писчебумажной фабрики в Петрограде, 1913 г.	4,5	РА	а	1
5	Северное о-во целлюлозного и писчебумажного производств «Сокол», 1897 г.	2,25	ВТ	г	1
6	Акц. о-во Северной бумажной и целлюлозной фабрики, 1913 г.	2,5	АД	а	2*
	Итого* 6 предприятий:	11,8			4
	Б. Полиграфическая				
7	Российское акц. о-во объявлений, 1915 г.	2,0	РА	а	1
8	Северное издательское т-во, 1913 г.	0,5	РА	а	1
9	Акц. о-во «Универсальная библиотека», 1915 г.	0,6	РА	а	1*
	Итого* 3 предприятия:	3,1			3
	Всего 9 предприятий:	14,9			7

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
	31. Синдикаты				
1	О-во для продажи изделий русских металлургических заводов «Продамет», 1902 г.	0,9	РА МН АД	в в б	1 1
2	Акц. о-во для продажи изделий русских зеркальных заводов, 1903 г.	0,3	МН	а	3*
3	Русское т-во торговли цементом, 1904 г.	0,25	АД	б	
4	Акц. о-во для торговли изделиями русских вагоностроительных заводов «Продвагон», 1906 г.	0,4	МН ВТ	б в	1 1
5	О-во для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна «Продуголь», 1906 г.	1,0	АД	б	1*
6	Акц. о-во «Кровля», 1906 г.	0,3	АД	в	
7	Русское о-во спичечной торговли, 1908 г.	0,4	ПЧ	в	
	Итого 7 предприятий:	3,55			8
	32. Торгово-комиссионные предприятия				
1	Акц. о-во «Зерно-сахар», 1916 г.	2,0	АД	а	
2*	Акц. о-во «Оптовик», 1916 г.	0,3	МН	а	
3	Петроградское торговое -во, 1917 г.	0,8	СТ	а	
4*	Петроградское торгово-экспортное о-во, 1914 г. (табачные изделия)	2,0	РА ВТ	а а	3 3
5*	Российское горнопромышленное и комиссионное о-во, 1910 г.	0,2	АД	б	2*
6	Российское о-во колониальной торговли, 1898 г.	2,0	АД	а	1*
7*	Русское о-во вывозной торговли, 1896 г.	2,0	АД УС	а б	2* 2
8	Акц. о-во «Русский экспорт» («РУСЭК»), 1915 г.	0,5	МН	а	
9	Русско-американское торгово-промышленное акц. о-во, 1915 г.	2,0	УС	г	1
10	Северно-русское о-во внешней торговли, 1916 г.	0,5	АД	а	
11*	Акц. о-во «Экспорт-импорт», 1916 г.	0,5	РА	а	1*
12*	Южно-Русское о-во внутренней и экспортной торговли продуктами горной промышленности «Юровэта», 1912 г.	0,2	МН	а	2
	Итого 12 предприятий:	13,0			17
	33. Торговля				
13*	Льняное, стекольно-лесное торговое и промышленное т-во, 1897 г.	4,0	ТП	а	4
14	Торгово-промышленное т-во «Альфа Нобель», 1914 г. (металлы)	2,5	ТП	г	1
15	Акц. о-во Петроградских торговых помещений и рынков, 1914 г.	3,5	РА	а	3*

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
16*	Т-во чайной торговли «В. Перлов с сыновьями» 1894 г.	1,2	ТП	а	2*
17	Торгово-промышленное т-во «Н. П. Пастухова наследники», 1914 г.	6,0	АД	а	1*
18	Т-во на паях «К. Шпан и сыновья», 1913 г. (металлы)	0,75	ТП	а	1*
	Итого 6 предприятий:	17,95			12
	Всего (группы 32 и 33) 18 предприятий:	30,95			29
	34. Разные промышленные и торговые предприятия				
1	Араздаян-Шереметевское сельскохозяйственное и торгово-промышленное акц. о-во, 1913 г	5,5	РА МН	а б	
2*	Акц. о-во «Астаринский Магал» («Ленкорань»), 1917 г.	15,0	РА	а	
3	Сельскохозяйственное и торгово-промышленное т-во «Будущность», 1912 г.	0,2	МН	а	
4	Русское акц. о-во «Вагон-транспорт», 1917 г.	2,5	РА	а	2
5	Русское акц. о-во «Газоаккумулятор», 1915 г.	0,8	ТП	г	
6*	Западно-Азиатское торгово-промышленное о-во, 1917 г.	5,0	РА	а	
7*	Ириновско-Шлиссельбургское промышленное о-во, 1909 г.	4,0	ТП СТ	а б	 1
8*	Московское торговое о-во, 1901 г.	2,0	МС	а	2
9	Московское торфяное акц. о-во, 1915 г.	1,0	МС	а	1
10*	Акц. о-во «М. Мухтаров», 1913 г.	4,0	АД	а	
11*	Акц. о-во предохранения дерева, 1893 г.	0,35	ТП	а	2*
12	Нижегородское акц. о-во «Торф», 1914 г.	0,5	ТП	а	1*
13	Акц. о-во «Ширабад», 1915 г.	12,0	ТП	а	6*
14	Акц. о-во «Электрические угли Кудиново», 1912 г.	0,8	ТП	г	1*
	Итого 14 предприятий:	53,65			16
	35. Пароходства				
1	О-во Азовского пароходства (морское), 1872 г.	1,0	АД	а	1
2	Амурское о-во пароходства и торговли (речное), 1899 г.	2,5	СТ	а	3
3*	Торгово-промышленное и пароходное о-во «Волга», (смешанное — морское и речное), 1910 г.	10,0	ТП РА	б а	 1*
4*	Восточное о-во товарных складов, страхования и транспортирования товаров с выдачей ссуд (смешанное), 1893 г.	7,87	РА МН	а б	1* 2*
5*	Второе о-во пароходства по Днепру и его притокам (речное), 1888 г.	1,58	МН	б	
6	Акц. о-во пароходства и транспортирования кладей «Енисей» (речное), 1915 г.	0,6	ТП	а	2*
7	Западно-русское о-во пароходства (морское), 1914 г.	3,0	СТ	б	1
8	Т-во западно-сибирского пароходства (речное), 1899 г.	4,114	СТ	а	1

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
9*	О-во «Кавказ и Меркурий» (смешанное), 1858 г.	5,625	РА	б	1*
			МН	а	1*
10	Северное пароходное о-во «Котлас—Архангельск—Мурманск» (смешанное), 1898 г.	1,0	ВТ	б	1
11	Акц. о-во «Крестьянин» (смешанное), 1914 г.	2,0	ТП	а	1*
12*	Акц. о-во «Океан» (смешанное), 1909 г.	4,0	РА	а	
			МН	б	1
13*	Первое о-во пароходства по Днепру и его притокам (речное), 1858 г.	3,15	МН	б	
			ТП	б	1
14	Первое пароходное о-во по Волге (речное), 1843 г.	2,0	ПЧ	б	
15	Акц. о-во океанского пароходства «Россия» (морское), 1916 г.	3,0	ТП	а	2
16	Акц. о-во «Русское восточно-азиатское пароходство» (морское), 1899 г.	6,0	АД	а	1
			ВТ	б	1*
17	Русское о-во коммерческого пароходства (морское), 1912 г.	1,0	АД	а	1
18	Русское о-во пароходства и торговли («РОПИТ» — смешанное), 1856 г.	10,0	АД	б	1*
19	Пароходное о-во «Самолет» (смешанное), 1853 г.	2,0	ВК	б	1*
20	Акц. пароходное о-во «Хива» (смешанное), 1910 г.	0,5	ТП	а	1*
	Итого 20 предприятий:	70,8			26
	36. Транспортно-складские предприятия				
1	Акц. о-во транспортирования кладей и товарных складов с выдачей ссуд «Гергард и Гей», 1901 г.	5,0	АД	б	
2	Акц. о-во Петроградских товарных складов, холодильников и элеваторов, 1908 г.	4,0	МН	а	1
3	Петроградское международное о-во погрузочных средств и складочных помещений, 1910 г.	1,5	РА	а	1
4	Российское транспортное и страховое о-во, 1844 г.	4,1	РА	а	2
			МН	б	1
5	Русское о-во для развития и увеличения числа перевозочных средств и для эксплуатации таковых в России «Ссудо-вагон», 1909 г.	2,0	ВТ	а	1*
	Итого 5 предприятий:	16,6			6
	Всего (группы 35 и 36) 25 предприятий:	87,4			32
	Кроме того, в Польше:				
6	Варшавское о-во товарных складов, 1908 г.	0,5	РА	а	1*
	37. Строительные предприятия				
1	Акц. о-во «Всеобщая строительная компания», 1913 г.	1,0	АД	а	2*
2	Акц. о-во доходных домов, 1915 г.	3,0	ПЧ	г	
3	Домовладельческое акц. о-во «Н. К. фон Мекк», 1914 г.	2,0	РА	в	1

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Банк	Степень связи	Число членов правления от банка
4*	Московское арендно-строительное акц. о-во, 1907 г.	1,0	РА	б	
5	Петроградское строительное акц. о-во, 1912 г. . .	4,0	РА	а	2*
6	Российское строительное и торговое акц. о-во «Постройка», 1916 г.	0,3	РА	а	3*
7*	Акц. о-во «Строитель», 1900 г.	1,5	РА	а	
			ПЧ	г	
8	Хамовническое домостроительное о-во, 1914 г. . .	0,5	РА	б	1
	Итого 8 предприятий: . .	13,3			10
	38. Коммунальные предприятия				
	А. Гостиницы и курорты				
1	Акц. о-во «Гостиница «Россия»» в Ялте, 1915 г. .	3,5	ТП	а	4*
2	Акц. о-во Крымских климатических станций и морских купален, 1915 г.	2,0	ТП	а	2
3	Акц. о-во «Кувака», 1916 г.	5,5	РА	б	
			ПЧ	б	1
			ТП	в	1*
			СТ	б	1
	Б. Трамвай				
4	О-во Тверской городской ж. д. и электрического освещения, 1904 г.	1,0	УС	а	2
	Итого* 4 предприятия: . .	12,0			12
	39. Страховые общества		(Баланс)	(Банк)	
1	Страховое о-во «Волга», 1872 г.	1,0	9,9	РА	2
2	Второе Российское страховое о-во, 1835 г.	2,5	10,3	РА	1
3	Первое Российское страховое о-во, 1827 г.	4,0	41,8	УС	1
				ВТ	2*
4	Петроградское о-во страхо аний, 1858 г.	2,1	30,8	МН	1
5	Русское страховое о-во «Помощь», 1888 г.	1,0	4,7	АД	
				СТ	
				МС	
6	Страховое о-во «Россия», 1881 г.	5,0	134,5	РА	1
				МН	1
				УС	2
				АД	1*
7	Страховое о-во «Русский Ллойд», 1871 г.	3,0	9,1	УС	2
				ВТ	2*
				ВК	1
8	О-во русского перестрахования, 1896 г.	3,0	17,3	ВТ	1*
9	Страховое т-во «Саламандра», 1846 г.	5,0	39,1	АД	1
				ТП	1
				ВТ	2*
				СТ	1
10*	Северное страховое о-во, 1872 г.	1,2	17,5	Др.	
11*	Страховое о-во «Якорь», 1873 г.	2,5	31,6	Др.	
	Итого* 11 предприятий: . .	30,3	346,6		23

Таблица 6 (продолжение)

№ п/п	Предприятие и год учреждения	Акционерный капитал	Закладные листы в обращении	Банк	Число членов правления от банка
	40. Акционерные земельные банки				
1	Бессарабско-Таврический земельный банк, 1872 г.	9,0	136,2	РА ВТ	
2	Донской земельный банк, 1872 г.	10,0	165,8	АД	
3	Киевский земельный банк, 1872 г.	7,5	112,2	ВТ	
4	Московский земельный банк, 1872 г.	12,5	181,0	АД ТП ВТ	
5	Нижегородско-Самарский земельный банк, 1872 г.	9,0	119,4	МН	
6	Петроградско-Тульский поземельный банк, 1872 г.	8,0	98,7	РА	2
7	Полтавский земельный банк, 1872 г.	7,0	154,2	МН	2
8	Ярославско-Костромской земельный банк, 1872 г.	4,5	60,1	АД	
	Итого* 8 банков:	67,5	1027,6		4
	41. Частные железнодорожные общества		(Длина верст)		
1	Алтайской, 1912 г.	7,2	751	ПЧ МН ТП	1 1
2	Армавир-Туапсинской, 1912 г.	3,0	276	РА	1*
3	Ачинск-Минусинской, 1912 г.	3,75	49	РА ПЧ ТП	 1
4	Белгород-Сумской, 1898 г.	2,1	147	РА	
5	Бессарабской, 1912 г.	1,0	149	СТ	4
6	Богословской, 1906 г.		197	АД	
7	Бухарской, 1913 г.	3,12	574	РА ВК	
8	Владикавказской, 1884 (1872) г.	8,64	2954	РА АД ВТ ВК	 1 1*
9	Волго-Бугульминской, 1899 г.	5,59	239	МС	2
10	Восточное о-во ж.-д. ветвей, 1917 г.	4,0		ТП	2
11	Гербы-Келецкой, 1908 г.	2,32	129	АД ВТ	 2
12	Ейской, 1909 г.	3,2	135	РА	
13	Железнодорожных ветвей, 1912 г.	4,0	590*	РА	2
14	Западно-Уральской, 1912 г.	3,82	455	МН ТП СТ	 1
15	Ириновской, 1895 г.		59	ТП СТ	
16	Кахетинской, 1906 г.	2,4	161	РА МН ТП СТ	 1
17	Кольчугинской, 1913 г.	1,12	224	МН ВТ	1* 1

Таблица 6 (окончание)

№ п/п	Общества железных дорог	Акционерный капитал	Длина в верстах	Банк	Число членов правления от банка
18	Крымской, 1913 г.	3,0	114*	СТ	1
19	Кулундинской, 1913 г.	1,3	296*	АД	2*
20	Московско-Виндаво-Рыбинской, 1897 (1869) г.	14,0	2446	МН	1
				СТ	2*
21	Московско-Казанской, 1892 (1863) г.	10,0	2447	РА	1*
				МН	
				ВК	
22	Московско-Киево-Воронежской, 1895 (1866) г.	12,6	2565	МН	
23	Олонецкой, 1912 г.	1,62	265*	АД	1
24	Ораниенбаумской электрической, 1912 г.	3,6	69*	ПЧ	1
25	Первое о-во подъездных железных путей, 1892 г.	6,16	1145	МН	
				ВК	1*
26	Подольской, 1909 г.	3,5*	608*	МН	
				АД	
				ТП	1
27	Рязано-Уральской, 1892 (1865) г.	7,2	4171	МН	
				ТП	2*
				ВТ	1
28	Северо-Восточной Уральской, 1911 г.	2,7	480	РА	
				МН	1
				ТП	
29	Северо-Донецкой, 1908 г.	10,0	858	РА	1
				МН	1
				АД	
				ТП	
30	Семиреченской, 1912 г.	4,84	550*	РА	
				МН	
				СТ	1
31	Средне-Кавказской, 1913 г.	3,95	405*	РА	
				МН	
				ТП	
32	Токмаковской, 1911 г.	1,75	124	АД	1
33	Троицкой, 1910 г.	5,17	268	СТ	2*
34	Ферганской, 1913 г.	3,1	269	РА	1
				СТ	1*
				ВК	
35	Черноморской, 1912 г.	7,0	387	РА	1
				ПЧ	1
				МН	1*
				ТП	
36	Черноморско-Кубанской, 1911 г.	2,81	413	РА	
37	Юго-Восточных, 1893 (1869) г.	32,9	3274	РА	1*
				МН	
				АД	1
				СТ	1
38	Южно-Сибирской, 1917 г.	4,0	2100*	РА	1
				МН	1
				ТП	
39	Тавризский, 1911 г.	4,7	90	РА	
40	Копорский, 1913 г.	0,6	83*	др.	
41	Оренбургско-Уфимской, 1914 г.	4,2	386*	ПЧ	
42	Верхне-Волжской, 1914 г.	2,6	322*	ПЧ	
				РА	
	Итого 42 общества:	208,7			52

ПРИМЕЧАНИЯ

Группы 1—9

1. РА банку на 14 декабря 1917 г. принадлежало акций на 3 млн. руб.; кроме того, на корреспондентском счете лоро значилось акций на 21 млн. руб. по номиналу. Др. банк — Московский промышленный Второва.
2. Др. банк — Московский промышленный Второва.
3. Реорганизовано МН банком в 1908 г., с его участием в синдикате 65%; задолженность банку на 14 декабря 1917 г.— 7 млн. руб.
4. Все акции куплены РА банком и перепроданы № 36.
7. ВТ банку на 14 декабря 1917 г. принадлежало 10% акций.
1—7. Кроме того, АД банку фактически принадлежало Екатеринославское акц. об-во металлургического производства с капиталом 0,5 млн. руб.
8. В январе 1917 г. продано РА банком концерну Стахеева.
9. В 1916 г. МН банком куплено у концерна Вогау и включено в Сормово-Коломенскую группу.
10. В 1912 г. реорганизовано АД банком.
11. В октябре 1917 г. куплено АД банком у ТП банка.
13. Акционировано АД банком.
14. Реорганизовано СТ банком в 1913 г.; задолженность банку в начале 1917 г.— **15 млн. руб.**
15, Акционировано ВТ банком; 12% акций принадлежало банку.
17. Реорганизовано РА банком; на 14 декабря 1917 г. почти все акции на синдикатском счете банка.
18. Акционировано ВТ банком.
19. По другим данным, в 1917 г. предприятие перешло к концерну Стахеева.
21. Задолженность РА банку на 14 декабря 1917 г. — 3,5 млн. руб.; в конце 1917 г. от РА банка перешло к ТП банку.
25. Задолженность РА банку на 14 декабря 1917 г. — 25 млн. руб. и 5 млн. руб. по гарантии; 10% акций принадлежало банку.
26. В 1917 г. перешло к Московскому промышленному банку Второва.
27. Контролировалось через № 32.
31. Др. банк — Петроградский банкирский дом «Э. М. Мейер и К°».
36. Задолженность РА банку на 14 декабря 1917 г. — 15,7 млн. руб.; банку принадлежало 24% акций; в 1917 г. капитал был увеличен до 60 млн. руб.
37. В 1917 г. РА банку принадлежал 21% акций.
40. МН банку на 14 декабря 1917 г. принадлежало 23,4% акций.
43. РА банку на 14 декабря 1917 г. принадлежало 18,5% акций.
47. Задолженность РА банку по счету лоро-синдикаты на 14 декабря 1917 г. — 4,1 млн. руб.
66. В конце 1917 г. ТП банком контрольный пакет акций продан Второву.
72. Реорганизовано СТ банком в 1907 г.
75. Др. банк — Русско-Английский.
78. Контрольный пакет акций приобретен РА банком в 1916 г.; задолженность по счету лоро-синдикаты на 14 декабря 1917 г. — 18,7 млн. руб.

Предприятия, вошедшие в группы 1—9, составляли ядро важнейших монополистических объединений России. В том числе входили: в синдикат «Продамет» № 1—7, 10, 20, 31, 37, 43, имевшие в совокупности долю в синдикате по сортовому и листовому металлу свыше 40%, по балкам — 50%, по рельсам — 56%; в соглашение по бандажам и осям — № 24, 32, 42; в синдикат «Продвагон» — № 1, 22—24, 28—30, 32, 33, 42, 43 с общей долей в синдикате 86%; в паровозное объединение — № 1, 24, 27, 32, 37, 38, 42; в мостостроительное и другие довоенные картельные соглашения: в мостостроительное — № 1, 24, 28, 32, 42, 48, в другие — № 1, 28, 30—32, 35, 36, 42; в Сормово-Коломенскую группу (концерн) МН банка — № 9, 19, 24, 42; в Черноморскую судостроительную группу (концерн) МН банка — № 28, 40; в военно-промышленную группу (концерн) МН и УС банков — № 29, 35, 39, 55, 62, 64; в военно-промышленную и Балтийскую судостроительную группу (концерн) РА банка — № 25, 27, 32, 36, 41, до войны — № 21, с 1916 г. — № 4; в Путиловскую группу по поставке 3 млн. снарядов (1915 г.) — № 24, 25, 32, 34, 36, 60, 81; в синдикат «Снарядосоюз» (1917 г.) — № 1, 10, 13—15, 28, 31, 36, 42, 44, 81, 88 или 12 из 19 заводов. Таким образом, № 1 (Брянское о-во) участвовало в восьми синдикатах и картелях, № 32 (Путиловское о-во) являлось центральным предприятием двух концернов и участвовало в семи синдикатах и картелях; № 24, 28, 42 (Николаевское, Коломенское, Сормовское о-ва), также являясь основными предприятиями концернов, участвовали в пяти-шести синдикатах и картелях и т. д. В синдикате меднопрокатных заводов № 78, 80, 81 являлись тремя из четырех основных участников. Крупнейшие электропредприятия страны № 83, 87, 88 — были дочерними обществами германских электроконцернов.

Группа 10

1. На 1917 г. большинство акций принадлежало РА банку.

Группа 11

3. На счетах клиентов ТП банка в 1917 г. числилось 63% акций.
4. РА банку на 14 декабря 1917 г. принадлежало 35% акций.
10. На 14 декабря 1917 г. задолженность АД банку по онколю — 4,5 млн. руб.; ВТ банку по учету векселей — 5,2 млн. руб.
19. На 14 декабря 1917 г. задолженность по онколю РА банку — 6,0 и АД банку — 5,0 млн. руб.
20. В 1917 г. АД банку и его доверенным принадлежало 50% акций.
21. Задолженность АД банку на 14 декабря 1917 г. по счету лоро — 2,2 млн. руб.
22. На 14 декабря 1917 г. задолженность банкам: РА по онколю — 1,7 млн. руб.; АД по онколю — 6,8; ВТ по счету лоро — 4 млн. руб.
24. Задолженность АД банку по онколю на 1917 г. — 2,2 млн. руб.
29. В 1917 г. капитал был увеличен до 75 млн. руб.; на 14 декабря 1917 г. задолженность банкам: РА по онколю — 2,7 млн. руб.; ТП по счету лоро — 4,3; ВТ — 3,0 млн. руб. (см. также прим. 45).
30. Представители банков находились не в правлении, а в совете Т-ва. В 1917 г. РА банк вышел из совета.
40. Задолженность РА банку на 14 декабря 1917 г. по счету лоро-синдикаты — 6,1 млн. руб.
45. В 1915 г. Русской генеральной нефтяной корпорации в Лондоне (РГНК, Russian General Oil Corgoration) были подконтрольны № 9, 19, 22—24, 32, 37 с общей суммой основных капиталов 63,9 млн. руб., а также 12 предприятий, непосредственные связи которых с банками не обнаружены.

Апшеронское нефтяное о-во с капиталом	2,7 млн. руб.
Нефтепромышленное и торговое о-во «Арамазд»	4,0 »
Нефтепромышленное и торговое о-во «Каспийское т-во»	10,0 »
Нефтепромышленное и торговое о-во «Колесников и сын»	1,2 »
Нафталанское нефтепромышленное о-во	2,4 »
Русское нефтепромышленное о-во	2,18 »
Нефтепромышленное и торговое о-во «И. Н. Тер-Акопов»	9,0 »
Нефтепромышленное и торговое о-во «Сюник»	0,8 »
Тифлисское коммерческое нефтепромышленное о-во	0,25 »
Нефтепромышленное и торговое о-во «Шихово»	3,0 »
South Caucasian syndicate ltd	0,24 »
Deutsche Lianosow Mineral und Import A. G.	0,93 »
Итого:	36,7 млн. руб.

Кроме того, до 1916 г. к РГНК примыкало Т-во «Нефть» (№ 29). В 1917 г. вокруг Т-ва «Нефть» РА банком был создан самостоятельный концерн, в который вошли № 4, 9, 16 (капитал 14,3 млн. руб.), а также общества:

Балахано-Забратское нефтяное с капиталом	1,2 млн. руб.
Волжско-Черноморское торгово-промышленное («Вочето»)	1,0 »
Т-во механических и чугунолитейных заводов «Молот»	5,0 »
Акц. о-во «Океан» (пароходное)	4,0 »
Торгово-промышленное и пароходное о-во «Волга»	10,0 »
Разведочно-эксплуатационное нефтепромышленное «Рэно»	2 0 »
Нефтепромышленное и торговое «И. Н. Тер-Акопов»	9,0 »
Нефтепромышленное и торговое «Хилла»	2,5 »

Директора Т-ва «Нефть» — Т. В. Белозерский, Ю. М. Гитис и Г. А. Львов ранее входили во многие предприятия РГНК.

Предприятия № 15, 17, 21, 34, 35, 39 и 41 входили в англо-голландский нефтяной концерн «Шелл», в связи с чем отнесенны в группу «в».

Группа 12

1. В 1917 г. АД банку принадлежало 85% акций; задолженность по счету лоро — 5,5 млн. руб., из чего следует полагать, что компания вела также торговлю углем.

АД банк имел также специальное предприятие по торговле углем (см. № 5 гр. 32). 6, 7, 10, 13, 14, 20 фактически принадлежали МН банку. Кроме того, банк имел специальное предприятие для торговли углем — О-во «Юровэта» (гр. 32 № 12). Торговлю углем производило также О-во «Корунд» (№ 13).

К итогу. Кроме того, Петроградскому торговому банку принадлежало О-во «Грушевский антрацит» (преобразовано в Донецко-Грушевское акц. о-во) с капиталом 5,6 млн. руб., проданное в 1917 г. концерну Второва.

Группа 13

9. Значительная часть акций находилась в портфеле держательской компании «Лена Голдфильдс» в Лондоне, в правление которой входили представители РА и МН банков. В самом Ленском Т-ве на 14 декабря 1917 г. РА банку принадлежало 17% акций.

Группа 14

1. На 14 декабря 1917 г. МН банку принадлежало 40% акций.

Группа 16

1. На 14 декабря 1917 г. РА банку принадлежало 18% акций.
3. Учреждено ВТ банком.
4. В 1917 г. РА банк продал принадлежавшие ему 77,5% паев на 1,5 млн. руб. ТП банку за 11,5 млн. руб.
5. Общество занимало значительное место среди лесных предприятий. Др. банк — Русско-Английский.

К итогу. Кроме того, группе Рябушинских принадлежало Т-во Беломорских лесопильных заводов «Русанов и сын» с капиталом 1,5 млн. руб.

Группа 17

2. В 1917 г. ВТ банку принадлежало 10% акций. Одного представителя в правлении имел ВК банк.
3. Фактически принадлежало МН банку.
15. На 14 декабря 1917 г. ТП банку принадлежало 70% паев.

К итогу. Кроме того, все три московских цементных предприятия перешли в 1917 г. к концерну Второва (см. табл. 7).

Группа 18

2 и 4. Оба предприятия входили в Зеркальный синдикат (гр. 31 № 2), объединявший все четыре завода зеркального стекла, действовавших в России. МН банк доминировал в синдикате.

Группа 20

1. Дочернее предприятие одноименной германской фирмы. В 1917 г. при ликвидации немецких предприятий, действовавших в России, перешло к Второву.
2. На 14 декабря 1917 г. АД банку принадлежало 77% акций; задолженность банку по счету лоро — 10,1 млн. руб.

Группа 21

11. На 14 декабря 1917 г. МН банку принадлежало 83% акций.

К итогу. Кроме того, в текстильной промышленности действовали концерны Второва и Стахеева, включавшие следующие предприятия:

А. Концерн Второва

1. Т-во внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами, 1914 г.	15,0
2. Т-во Даниловской мануфактуры, 1887 г.	5,0
3. Т-во мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове, 1887 г.	10,0
4. Т-во Московской кружевной фабрики, 1889 г. . . .	4,0
5. Т-во ситцевой мануфактуры А. Гюбнера, 1871 г.	4,8
Итого 5 предприятий с капиталом: . . .	38,8 млн. руб.

Б. Концерн Стахеева

а) Центральный район

1.	Т-во Истоминской мануфактуры С. М. Шибаева сыновей, 1905 г.	4,2
2.	Т-во Старо-Горкинской мануфактуры, 1879 г. . .	2,0
3.	Т-во Шуйской мануфактуры, 1883 г.	5,0
	б) Петербургский район	
4.	Компания Петровской бумагопрядильной и ткацкой фабрики, 1852 г. . .	1,2
5.	Т-во Российской бумагопрядильной мануфактуры, 1895 г. (см. гр. 21 № 7)	5,25
6.	Т-во Североткацкой мануфактуры, 1894 г.	1,25
7.	Т-во Спасской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, 1852 г. . . .	0,8
8.	О-во Триумфальной бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, 1884 г. .	0,5
9.	Т-во Шлиссельбургской ситценабивной мануфактуры, 1865 г.	1,2
	Итого 9 предприятий с капиталом:	21,4 млн. руб.

Хлопковые предприятия могут быть отнесены к промышленно-заготовительным. Через них происходила монополизация банками заготовок, первичной обработки и торговли хлопком. Сначала, еще в XIX в. сюда внедрились московские банки (№ 18— Московский торговый), затем банкирский дом Полякова (№ 16, унаследовано МС банком). Московский купеческий банк активно участвовал в хлопковых предприятиях с начала XX в., но специальные дочерние предприятия организовал только в 1915 г. (№ 17). РА банк начал активно участвовать в заготовках хлопка еще до войны через свои среднеазиатские филиалы и через местные фирмы вроде фирмы Потеляхова (см. № 19). Дочерние хлопковые предприятия банков имели небольшие капиталы, но пользовались у них огромными кредитами, например, № 16, имел в МС банке в 1917 г. кредит свыше 20 млн. руб. Витебское о-во (№ 21) МС банка было, аналогично хлопковым, предприятием по заготовкам и экспорту льна. Подобные предприятия организовали в 1912 г. Рябушинские под названием «Русское льнопромышленное акционерное о-во» (РАЛО) с капиталом в 1 млн. руб.

Группа 24

1. Общество являлось ведущим предприятием спичечного синдиката (гр. 31 № 7).

Группа 25

1—11. Все предприятия входили в организованную РА банком Russian Tobacco Company (см. № 12). Общая сумма финансирования компании и предприятий РА банком на конец 1917 г. достигала 52 млн. руб. Кроме того, Русской табачной компании были подконтрольны четыре бумажных предприятия с капиталом 7,1 млн. руб. (гр. 30 А № 1—4) и Русское т-во печатного и издательского дела с капиталом 0,3 млн. руб. Продажа всех изделий предприятий РТК, а также некоторых не входивших в нее единоличных табачных предприятий производилась через специально созданное РА банком Петроградское торгово-экспортное акц о-во (гр. 32 № 4), которое, по признанию его председателя, фактически являлось «табачным синдикатом» («Финансовая газета», № 44, 2 октября 1915 г.)

Группа 26

1. На 14 декабря 1917 г. ВТ банку принадлежало 25% акций.
3. Задолженность по онколю ТП банку на 14 декабря 1917 г. — 2,1 млн. руб.
4. В 1917 г. АД банку принадлежал 61% паев.
11. В 1917 г. АД банку принадлежал 91% паев.
13. В 1917 г. ВТ банку принадлежало 82% паев.
17. Задолженность РА банку по счету лоро под товары на 14 декабря 1917 г. — 5,0 млн. руб.
20. Задолженность ТП банку на 14 декабря 1917 г. по счету лоро под ценные бумаги — 26,1 млн. руб. и по счету онколь под товары — 7,2 млн. руб.
22—42. Данные по Московскому и Киевскому отделениям ВТ банка приводятся в отчете о ревизии Министерством финансов товарных операций банка в конце 1916 — начале 1917 г. (ЦГИАЛ, ф. 599, оп. 1, д. 743, лл. 33—93). В отчете выявлены предприятия, финансируемые в больших размерах в следующих формах: ссуды на весь производственный цикл с последующей продажей сахара через банк, учет финансовых векселей заводов и ссуды их главным владельцам под залог паев, обычно с той же реализацией продукции через банк. Кроме перечисленных фирм ВТ банк контролировал финансируемые им единоличные сахарные предприятия

гр. Бобринских, А. Н. Терещенко, Липовецкий завод, Лепандинский завод В. М. Воейковой и Селищенский завод П. А. Лопухина-Демидова.

На таких же началах значительное количество свеклосахарных заводов было связано с ТП банком (пока поименно не выявлены), а также с МН банком (Т-во Федоровского сахарного завода — капитал 1,0 млн. руб., Т-во сахарного завода «Городок» — капитал 1,2 млн. руб. и др.), с АД банком (Т-во Жашковского сахарного завода — капитал 0,6 млн. руб. и др.) и с УС банком (два рафинадных завода Кенига).

В годы предвоенного промышленного подъема наметился третий этап процесса монополизации сахарной промышленности (первый этап — сахарный синдикат 1887 г второй — синдикат рафинеров 1902 г.), характеризующийся тем, что центрами монополизации стали рафинадные заводы, а инициаторами — крупные коммерческие банки. На первое место выдвинулся ВТ банк, рафинадные предприятия которого № 1, 7, 9 произвели в 1913/14 г. 29,5% общероссийской продукции рафинада. ТП банк и группа Л. И. Бродского и И. В. Бабушкина организовали предприятие (№ 20), давшее 19,3% общего производства рафинада в стране в 1913/14 г. На группу единоличных предприятий Харитоненко (один рафинадный и восемь сахарных заводов, не попавших в руки банков благодаря вмешательству Государственного банка), группу Вогау (Т-ва Московского и Даниловского заводов) и группу Кенига — УС банка падало 8—9% продукции на каждую. Далее следовали более мелкие группы — гр. Бобринских и МН банка (см. «Финансовая газета», 30 ноября 1915 г.). Рафинадные заводы и контролирующие их банки скупали свеклосахарные предприятия, патронируемые теми же банками. Внедрение Ярошинского в ВТ и ТП банки (см. текст статьи) означало монополизацию в одних руках свыше половины общероссийской продукции.

Группа 27

1 и 2. По-видимому, были переданы концерну Стахеева.

Группа 28

3. В начале 1917 г. РА банку принадлежало 50% акций.
4. Принадлежало РА банку; в 1917 г. — на консервации.

Группа 29

3. Организовано РА банком; на 17 декабря 1917 г. на синдикатских счетах банка значилось акций на 5,5 млн. руб. (по раздутому курсу).

Группа 30

1—4. Предприятия, подконтрольные Русской табачной компании (см. гр. 25 № 12).
4. Задолженность по онкольному счету на 14 декабря 1917 г. — 2,6 млн. руб.; по сведениям печати, в предприятии участвовали также И. Д. Сытин и издатель «Биржевых ведомостей» Проппер.

К итогу А. Кроме того, Рябушинским принадлежало Т-во Окуловских писчебумажных фабрик (учреждено в 1884 г., капитал 3 млн. руб.).

К итогу Б. Кроме того, РА банк и концерн Стахеева в 1917 г. учредили акц. о-во «Русская печать» с капиталом 20 млн. руб.

Группа 32—33

1—12. Большинство торгово-комиссионных предприятий учреждено банками для осуществления через них собственных торговых операций. Как правило, эти общества имели незначительные акционерные капиталы, но пользовались крупными кредитами в банках.
2. В 1917 г. МН банку принадлежало 70% акций.
4. «Табачный синдикат» — см. прим. к гр. 25.
5. Организовано при участии АД банка для торговли углем.
7. В 1917 г. АД и УС банкам принадлежало 80% акций № 6 и № 7 вели значительную торговлю хлебом.
11. Задолженность РА банку на 14 декабря 1917 г. — 13,4 млн. руб. и 4,4 млн. руб. по гарантиям.
12. О-во вело торговлю углем. На 14 декабря 1917 г. МН банку принадлежало 36,4 тыс акций, примерно на 9 млн. руб. по биржевому курсу.
13. В 1917 г. все паи принадлежали ТП банку.
16. В 1917 г. ТП банку принадлежал 21% паев.

Группа 34

2. Приобретено РА банком на имя председателя правления А. И. Путилова.
6. В 1917 г. РА банку принадлежало 20% акций; 70% принадлежало подконтрольному банку О-ву Курганского консервного завода.

7. В 1917 г. контрольный пакет акций был приобретен ТП банком у ПЧ банка. Обществу принадлежала Ириновская ж. д. (см. гр. 41).
8. Держательное дочернее предприятие МС банка. Общество «владело» акциями банка и его подконтрольных предприятий и «кредитовалось» в банке под залог этих акций. По балансу на 1 января 1915 г. общество при акционерном капитале в 2 млн. руб. имело на 13,4 млн. руб. ценных бумаг и задолженность в 13 млн. руб. Невыясненную, но, по-видимому, аналогичную роль играло акц. о-во «Марс» (в перечень не включено) с капиталом в 2,8 млн. руб., портфелем ценных бумаг в 9 млн. руб. и задолженностью 13,4 млн. руб. В обоих обществах правления возглавлялись председателем правления Соединенного банка В. С. Татищевым.
10. На 14 декабря 1917 г. 79% акций — на синдикатском счете АД банка.
11. В 1917 г. все акции принадлежали ТП банку.

Группа 35

3 и 12. Пароходства вошли в концерн Т-ва «Нефть».
4, 5, 9, 13. Предприятия вошли в созданный в 1916—1917 гг. пароходный концерн группы Гессена — Демкина. Кроме того, в концерн вошли Русский торговый и транспортный банк (б. Одесский коммерческий) с капиталом в 12 млн. руб. и скупленная концерном группа мелких пароходств Маринской системы. Отношения концерна с РА и МН банками не выяснены.

Группа 37

4. На 14 декабря 1917 г. задолженность РА банку только по бланковому кредиту (без обеспечения) — 3,0 млн. руб.
7. В 1917 г. руководимой банком группе акционеров принадлежал второй по величине пакет акций.

Группа 38

О покупке банками гостиниц — см. в тексте статьи.

Группа 39

10. Др. банк — Московский частный.
11. Др. банк — Московский промышленный Второва.
К итогу. Итог баланса всех 15 страховых обществ, действовавших в России,— 434 млн. руб.; доля к нему баланса 11 перечисленных предприятий — 80%.

Группа 40

Общая сумма закладных листов всех 10 акционерных земельных банков, действовавших в России, — 1337,7 млн. руб.;

Кроме того, в 1916 г. Харьковский земельный банк находился в руках Рябушинских.

Группа 41

Следует различать две группы частных железнодорожных обществ: 1) общества дорог магистральных и общего значения и 2) общества местных железных дорог и подъездных путей. К последним относились № 10, 13, 15, 24, 25, а все остальные принадлежали к первой группе. К первой группе относились 37 обществ с капиталом 190,9 млн. руб. и ко второй 5 обществ с капиталом 17,8 млн. руб. Среди этих 37 обществ шесть (№ 8, 20, 21, 22, 27, 37) возникли еще в 1863—1872 гг. под другими наименованиями. Затем, после сооружения новых линий и ряда слияний, эти общества стали крупнейшими частными железнодорожными предприятиями под теми названиями (возникшими в 1890-х гг.), под которыми они значатся в перечне. Остальные 31 общество были значительно меньшими. Большинство их было учреждено в годы предвоенного промышленного подъема. Многие из них не успели соорудить железнодорожных линий сколько-нибудь большой протяженности (знак * в графе «Длина в верстах» означает не действительную, а проектную протяженность дорог).

Таблица № 7

Состав концерна Н. А. Второва к концу 1917 г.

Предприятия и год их учреждения	Основной капитал, млн. руб.
1. Московский промышленный банк, 1912 г.	30,0 (основные пассивы 382 млн. руб.)
2. Т-во «А. Ф. Второв с сыновьями» (мануфактурная торговля), 1900 г. (имело 15 отделений в Сибири).	10,0
3. Т-во ситцевой мануфактуры А. Гюбнера, 1871 г.	4,8
4. Т-во мануфактур Н. Н. Коншина в Серпухове, 1877 г.	10,0
5. Т-во Даниловской мануфактуры, 1887 г.	5,0
6. Т-во Московской кружевной фабрики, 1889 г.	4,0
7. Т-во внутренней и вывозной торговли мануфактурными товарами, 1914 г.	15,0
8. Участие в группе текстильных предприятий Кнопа	
9. Акц. о-во химической фабрики «Фридрих Байер и К°», 1912 г. . . .	3,0
10. Т-во фотографических пластинок «Победа», б. Э. В. Занковской, 1904 г.	0,5
11. Российское о-во химической промышленности «Русско-Краска», 1914 г.	10,0
12. Российское о-во коксовой промышленности и бензолового производства «Коксобензол», 1916	4,0
13. Донецко-Грушевское акц. о-во каменноугольной и антрацитовой промышленности, 1905 г.	5,6
14. Московское акц. о-во для производства цемента и других строительных материалов, 1875 г.	3,0
15. Т-во для производства цемента, извести и алебастра «Эмиль Липгарт и К°», 1877 г.	3,5
16. Акц. о-во Еринского портланд-цементного завода, 1913 г.	4,4
17. О-во Брянского рельсопрокатного, железоделательного и механического завода, 1873 г. (участие)	41,2
18. Донецко-Юрьевское металлургическое о-во, 1895 г. (участие) . .	22,1
19. Московское акц. о-во вагоностроительного завода, 1896 г.	3,6
20. Т-во на паях «Электросталь», 1916 г.	3,0
21. Три снарядных завода — поставщиков организации ген. Ванкова, сооруженных за счет авансов Главного артиллерийского управления .	
22. Крупные недвижимые имущества в Москве (в частности, гостинично-складской комбинат «Деловой двор» на Варварской пл.) и Сибири	

Кроме того, в прессе 1916—1917 гг. указывалось, что Второв и его Московский промышленный банк являлись главными или второстепенными участниками еще ряда предприятий, в том числе железнодорожных обществ.

Годовые прибыли Второва в 1916—1917 гг. расценивались в буржуазной печати в 100—150 млн. руб. («Коммерческий телеграф», № 1263, 12 сентября 1917 г.).

Архивы Второва не сохранились, а фонд Московского промышленного банка крайне неполон.

Д. И. ИСМАИЛ-ЗАДЕ

ИЗ ИСТОРИИ КОЧЕВОГО ХОЗЯЙСТВА АЗЕРБАЙДЖАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Известно, что Азербайджан, страна древней земледельческой культуры, неоднократно подвергался нашествию и захвату со стороны различных кочевых племен, главным образом, тюркских (XI в.) и татаро-монгольских (XIII в.), ассимилировавшихся с азербайджанцами. Утверждение их в Азербайджане и явилось непосредственной причиной развития здесь нового типа хозяйства — кочевого.

В результате дальнейшее социально-экономическое развитие Азербайджана было связано не только с оседло-земледельческим хозяйством, но и с кочевым. Относительно выгодное, по сравнению с крестьянами-земледельцами, экономическое положение элятов (крестьян-кочевников), преимущества занятия скотоводством в условиях наличия свободных пастбищных угодий, а также своеобразие форм зависимости в кочевом хозяйстве, многочисленные патриархально-феодальные пережитки и застойные формы самого кочевого скотоводческого хозяйства способствовали сохранению этой формы хозяйства на протяжении длительного периода времени.

Литература по этой теме очень невелика. Из дореволюционных работ в первую очередь надо назвать обширную статью И. Л. Бахтадзе [1]. Она освещает демографические, этнографические и некоторые другие важнейшие аспекты истории кочевого хозяйства, но, к сожалению, лишь за последние десятилетия XIX в. Больше, пожалуй, нельзя назвать ни одного исследования, которое было бы специально посвящено кочевому хозяйству, хотя некоторые из них походя касались отдельных моментов его истории. В основном же эти работы констатировали существование кочевого хозяйства в восточном Закавказье и в так называемых «мусульманских провинциях».

Большой интерес представляют работы Ю. А. Гагемейстера, давшего примерную картину расселения «пастушеских племен» Закавказья в первой половине XIX в. и отчасти затронувшего вопрос о характере и размерах скотоводства у этих племен [2].

Подобного же рода сведения дает исследование В. Иваненко [3].

Наибольшую ценность для нас имеют фундаментальные работы С. А. Егиазарова, посвященные изучению сельской общины в Закав-

[1] И. Л. Бахтадзе. Кочевники Закавказского края.— «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. III, ч. 2, Тифлис, 1888.

[2] Ю. А. Гагемейстер. Новые очерки Закавказья. СПб., 1848; его же. Топографическо-хозяйственное описание Прикаспийского края в Закавказье.— ЖМВД, ч. 32, 1850 и др.

[3] В. И. Иваненко. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии до наместничества великого князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1901.

казье[4]. Сюда же примыкают исследования А. А. Кауфмана[5]. Особая ценность работы Кауфмана для данной темы состоит в том, что он был первым и единственным исследователем, который обратил внимание на эволюцию кочевой общины в связи с укоренением в кочевом хозяйстве земледелия.

В советской исторической литературе первоначальный интерес к кочевому хозяйству Азербайджана возник в связи с начавшейся социалистической перестройкой азербайджанской деревни, требовавшей окончательного оседания скотоводов-кочевников. Были проведены статистико-этнографические обследования, давшие обширный и разнообразный материал, который, несмотря на свою ценность, не мог быть использован в данной работе, так как он охватывает только 1920 годы[6].

Известная работа об общественном быте кочевников-монголов Б. Я. Владимирцева[7], а также материалы дискуссии об особенностях феодализма у восточных народов[8] имеют для нас не столько конкретно-историческое, сколько методологическое значение.

Следует отметить книгу незаслуженно забытого историка А. А. Салам-Заде, в которой впервые был поставлен вопрос о характере и особенностях феодальных отношений в Азербайджане. Роль кочевого хозяйства в ней рассматривается в связи с генезисом этих отношений[9].

В 1939 г. появились статья и публикация Н. Богдановой, поставившей вопрос о наличии в кочевом хозяйстве Азербайджана особой повинности — отработок, речь о которой пойдет ниже. Впервые этот документ был использован еще в 1852 г. И. Шопеном. Н. Богдановой же удалось обнаружить его полный текст, который она подробно исследовала[10].

Крупнейшей вехой в изучении феодальных отношений в Азербайджане явилась монография И. П. Петрушевского «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в.» (Л., 1949). В ней имеются чрезвычайно важные наблюдения и выводы, проливающие свет на целый ряд вопросов истории кочевого хозяйства.

В 1954 г. на объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана, дискутировался вопрос о характере патриархально-феодальных отношений у этих народов в связи с господством в прошлом у большинства из них кочевого хозяйства[11]. Анализ и выводы делались естественно лишь на материалах Средней Азии и Казахстана.

Продолжением этой дискуссии явилось обсуждение той же проблемы на страницах журнала «Вопросы истории»[12], в ходе которой в статье М. М. Эфендиева были привлечены материалы и по истории кочевого хо-

---

[4] С. А. Егиазаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. 1. Сельская община. Казань, 1889.

[5] А. А. Кауфман. Русская община. М., 1908.

[6] М. Авдеев. Мильско-Карабахская степь. Кочевое и оседлое хозяйство. Территория, население, экономика (Обследование 1926—1928 гг.). Баку, 1929.

Е. Вольпер. О кочевниках в Азербайджане.— Газ. «Бакинский рабочий», 1923, № 285.

[7] Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Л., 1934.

[8] Сб. «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», Л., 1934. См. особенно статью С. П. Толстого «Генезис феодализма у кочевых народов».

[9] А. А. Салам-Заде. Феодально-крепостнические отношения в Азербайджане в первой половине XIX в. М.— Л., 1936.

[10] Н. Богданова. К вопросу о феодальной эксплуатации кочевников в Закавказье в первой трети XIX в.— «Исторический архив», т. II, 1939; И. Шопен. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.

[11] См. «Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955.

[12] «Вопросы истории», 1954, № 6; 1955, № 1, 3, 4, 11, 12; 1956, № 1.

зяйства Азербайджана[13]. Статья представляет для нас интерес лишь в том отношении, что в ней приведены некоторые факты о формах эксплуатации в кочевом хозяйстве Азербайджана.

При подведении итогов дискуссии было высказано пожелание о необходимости конкретно-исторического изучения кочевого хозяйства у народов СССР, сохранивших эту форму общественного быта вплоть до 1917 г.

Поскольку история кочевого хозяйства Азербайджана крайне слабо освещена в литературе, в данной статье рассматриваются не все, а наиболее важные, на взгляд автора, вопросы, связанные с состоянием и местом кочевого хозяйства Азербайджана в первой половине XIX в., т. е. в последний период его существования, как особого уклада с определенной социально-экономической спецификой.

* * *

Согласно данным «Кавказского календаря» на 1856 г., кочевое население Шемахинской губ., включавшей в себя бо́льшую часть территории современного Азербайджана[14], составляло 21,3% по отношению ко всему населению губернии и 33,3% по отношению к ее сельскому населению (99 799 чел. к 468 373 и 329 290). По данным Экспедиции государственных имуществ при Главном управлении Закавказского края за 1854 г., в губернии насчитывалось 561 кочевье, что по отношению к 1271 сельскому поселению составляло 44,1%[15]. Наконец, 22 035 кочевых дымов составляли 25,7% от 85 071 всех дымов губернии[16]. Таким образом, численность кочевого населения равнялась примерно четверти всего населения губернии к середине XIX в.

Преобладание в Азербайджане районов с оседло-земледельческим хозяйством не могло не наложить отпечатка на самый характер кочевого хозяйства. Оно должно было подвергнуться и действительно подверглось сильному влиянию земледельческой культуры. Поэтому кочевое хозяйство Азербайджана в исследуемый период как по удельному весу, так и по характеру сильно отличалось от чисто кочевого хозяйства каким его, например, определяет А. А. Кауфман[17]. Скотоводство продолжало оставаться основой хозяйства азербайджанских кочевников[18], а перекочевки с кишлагов на эйлаги — их основным образом жизни.

---

[13] М. М. Эфендиев. К вопросу о патриархально-феодальных отношениях в Азербайджане в XIX в.— «Вопросы истории», 1955, № 11.

[14] Согласно административному делению 1846 г., Каспийская область была переименована в Шемахинскую губернию с уездами: Шемахинским (б. Ширванская провинция), Шушинским (б. Карабахская провинция), Нухинским (б. Шекинская провинция), Ленкоранским (б. Талышинское ханство) и Бакинским (б. Бакинская провинция).

[15] Цифра эта подтверждается и другими данными. В рапорте управляющего Шемахинской губернией В. Смиттена, посланного в октябре 1850 г. великому князю Александру Николаевичу, указывается 542 кочевья (ЦГИАМ, ф. 678, Александр Николаевич (император Александр II), оп. 1, д. 551, л. 1).

[16] Об этом см.: Д. Исмаил-Заде. К вопросу о численности кочевого населения Азербайджана в дореформенный период.— «Доклады АН Азерб. ССР», 1957, № 1.

[17] «Скотоводство, как единственный источник продовольственных средств и — поскольку существует денежное и вообще меновое хозяйство — единственный же источник приобретения покупных полезностей и пополнения денежного бюджета; использование естественных пастбищ в виде подножного корма, как единственный способ содержания скота, при совершенном отсутствии не только искусственного производства кормовых средств, но даже сохранения их впрок, и в связи с этим — правильное, по временам года, перемещение людей и стад, в зависимости от возможности использования пастбищ и водных источников; переносные жилища — юрты, как единственный род жилищ, при совершенном отсутствии постоянно жилых и хозяйственных помещений» (А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 6—7).

[18] О значении скота для кочевника достаточно красноречиво говорит определение, данное ему оседлыми жителями: «коюн-нукер» — слуга барана («Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях», ч. III, СПб., 1836, стр. 139).

Однако уже с конца XVIII в. и особенно в начале XIX в. у кочевника усиливается интерес к земледелию. Он увеличивает размер запашки в районе зимовок, начинает лучше обрабатывать поле.

Если раньше земледелие в районе зимних стоянок имело спорадический характер (как правило, с уходом на летние кочевки пашня забрасывалась, с тем чтобы по возвращении завести ее заново), то к середине XIX в. оно уже превращается в прочную составную часть кочевого хозяйства. В отличие от прошлых времен, один-два члена семьи, а иногда даже специально нанимаемые работники с уходом кочевников на эйлаги оставались на все лето на зимних стоянках для полевых работ, уборки урожая и т. д. Известно, что кочевое скотоводческое хозяйство не требует постоянной занятости мужской рабочей силы, и часть ее могла безболезненно отвлекаться на другие работы, в частности на полевые.

И. Шопен, составивший описание Армянской области и бывший очевидцем перекочевывания азербайджанцев-кочевников, указывал, что сельское население Армянской области делилось на две категории: оседлых и оседло-кочующих. К последним относились исключительно азербайджанцы. Под ними Шопен подразумевал кочевых жителей, «которые начинают промышлять и земледелием, не оставляя, впрочем, любимой кочевки. Для сего семейства их делятся на две части: старики, женщины и дети отправляются летом при стадах, вместе с коренными кочующими в горы, между тем как работники в семействе остаются дома для поливных занятий»[19]. Надо полагать, что в хлебопашестве у кочевников преобладали экстенсивные формы хозяйства, но в процессе оседания, в условиях соседства с земледельческим населением, наиболее характерным становится поливное земледелие. «Поливное земледелие,— отмечал А. А. Кауфман,— пожалуй, наиболее типичная для оседающих и бывших кочевников форма земледельческого хозяйства»[20]. Поэтому, оседая, кочевники прежде всего стремились занимать орошаемые земли.

Размеры хлебопашества у кочевых жителей Азербайджана в рассматриваемый период стали уже настолько значительными, что их начали облагать хлебной и денежной податями, о чем свидетельствуют ведомости по доходам, поступавшим в царскую казну с кочевьев и деревень, ранее принадлежавших членам ханской фамилии Карабахской провинции. Так, например, в числе прочих податей, уплачиваемых кочевыми крестьянами кочевья Текля-Халадж в 20-х годах Метхи-Кули-хану Карабахскому, значились: сальяна — 7,5 четверти пшеницы; багра — с каждой сохи по 1,5 четверти пшеницы и по 1,5 чувала ячменя; кырх-хана-харджи — пшеницы 1 четверть, ячменя 5 чувалов, масла 1,5 батмана[21].

В 1837 г., в ответ на распоряжение главноуправляющего в Грузии, Кавказской и Закавказской областях Розена, начальник Армянской области князь Бебутов составил рапорт о «кочующих народах» области, в котором указывалось, что из 2139 семей кочевников, преимущественно азербайджанцев, 1384 семьи, т. е. 64,7%, обязаны были, помимо денежной подати, уплачивать еще подать зерном в размере 1/3 четверти пшеницы[22].

---

[19] И. Шопен. Указ. соч., стр. 643.

[20] А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 26.

[21] Во второй половине XVIII — начале XIX в. «сальяна» обозначала часть малджахата (основная земельная подать), которая взималась продуктами в пользу дивана; «бахра» — рента-налог в продуктах, соответствовавшая 1/10—3/10 части урожая и взимавшаяся либо диваном, либо феодалом, равнозначна «мал-джахату»; «кырх-хана-харджи» — сбор продуктами для ханского стола («Описание Карабагской провинции, составленное полковником Ермоловым и ст. советником Могилевским в 1823 г.», Тбилиси, 1866).

[22] ЦГИА Груз. ССР, ф. 2 (Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем), оп. 3, д. 305, лл. 1, 3.

Одной из причин возраставшего внимания кочевников к полуоседлому земледелию являлась неустойчивость кочевого скотоводческого хозяйства. Потеря всего или части скота от джута, эпизоотий и других бедствий была обычным явлением, и кочевник пытался застраховать себя от возможности полного разорения освоением земледелия в качестве подсобной отрасли хозяйства[23].

С развитием земледелия временное жилище у кочевника стало сменяться полупостоянным и постоянным. Сперва это были преимущественно примитивные постройки из камыша и войлока и землянки-зимовники. Позже они начинают сменяться домами, сделанными из камня. Но это характерно уже для более позднего времени — для 60—70-х и особенно для 80—90-х годов.

Следовательно, говоря о кочевом хозяйстве Азербайджана, мы должны все время иметь в виду, что скотоводство кочевого типа, оставаясь основным его направлением, не было единственным, а в какой-то степени сочеталось с земледелием. Такие кочевые общества содержали уже известные элементы оседлости в районе своих зимних стоянок. Сюда, в частности, относится постройка жилищ, хотя еще не всегда каменных, но тем не менее постоянных. Как правило, кочевники осенью возвращались на места своего зимования и земельных запашек, а это означало уже известное прикрепление к месту.

Однако это не меняло того факта, что кочевое хозяйство Азербайджана и в рассматриваемый период продолжало оставаться синонимом самых отсталых форм экономики, общественных отношений и быта.

* * *

Одна из задач настоящей работы заключается в составлении карты, отражающей районы распространения кочевого хозяйства на территории Азербайджана в изучаемое время. Приложенная карта 1 рассматривается нами как один из основных итогов исследования. О степени ее достоверности читатель может судить лишь при условии, если будет показана методика ее составления.

При создании карты были использованы три группы источников, взаимно дополняющих друг друга.

I. Статистические сборники, фиксирующие максимальное количество названий населенных пунктов. Сюда входят: упомянутое выше «Описание Карабагской провинции», составленное полковником Ермоловым и ст. советником Могилевским в 1823 г. (Тбилиси, 1866); «Описание Ширванской провинции», составленное полковником Мадатовым и Могилевским в 1820 г. (Тбилиси, 1866); «Статистические очерки некоторых городов Кавказа и Закавказского края» — «Кавказский календарь» на 1852. 1854, 1855 и 1856 гг.; «Списки населенных мест Бакинской губернии» (по сведениям с 1859 по 1864 г.) (Тифлис, 1870); «Камеральные описания Бакинской и Елисаветпольской губерний за 1873 г. Сборник сведений о Кавказе», т. IV—V (Тифлис, 1878—1880); «Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.» (Тифлис, 1893).

II. Прошения кочевых жителей, хранящиеся в фондах ЦГИА Азербайджанской и Грузинской ССР, а также другие архивные документы, содержащие сведения (названия, географические координаты и т. п.) о том или ином кочевье: ЦГИА Азерб. ССР, ф. 22 (Управления земледелия и государственных имуществ Бакинской губ. и Дагестанской обл.); ф. 57 (Бакинский губернский землемер); ф. 85 (Шемахинское уездное

[23] О связи массового падежа скота с хозяйственным развитием кочевников см., например, ЦГИА Азерб. ССР, ф. 22, оп. 4, 1885 г., д. 612, л. 5 (прошение 700 жителей кочевья Хиля Джеватского уезда).

управление); ЦГИА Груз. ССР, ф. 2 (Канцелярия главноначальствующего Закавказским краем); ф. 4 (Канцелярия наместника Кавказского); ф. 12 (Канцелярия главноначальствующего гражданской частью на Кавказе); фонды 239, 240, 241 (Управление государственными имуществами).

III. Карты: 1. Специальная карта Европейской России (1865—1871 гг.) (ГИМ ГО, № 3391).

2. Карта Закавказского края, составленная из материалов Генерального штаба Отдельного Кавказского корпуса в 1854 г. (там же, № 6631).

3. Этнографические карты губерний и областей Закавказского края, составленные правителем дел КОИРГО Е. Кондратенко в качестве приложения к кн. XVIII ЗКОИРГО, 1896 (там же, № 3652).

4. «Топографическая карта Кавказского края 1830-х годов с пограничными землями» (там же, № 2986).

5. Карта Джеватского уезда 1868 г. (из цит. кн. «Списки населенных мест Бакинской губернии. 1859—1864 гг.»).

Перечисленные материалы охватывают две губернии — Бакинскую и Елисаветпольскую, на территории которых находились основные районы расселения кочевых обществ. Отсутствие на карте Нахичеванского уезда объясняется тем, что кочевавшее здесь в XVIII в. племя кенгерли, насчитывавшее в 1830-х годах 920 дымов, к началу XIX в. уже полностью перешло к полуоседлой жизни [24].

Не отражен также Закатальский округ — ввиду отсутствия там кочевого хозяйства [25].

Названия кочевий, как и все встречающиеся в работе наименования, даются в транскрипции источника. Вследствие того что карта печатается в уменьшенном масштабе, приводятся названия лишь тех кочевий, которые имели более 1000 душ обоего пола по данным камерального описания 1873 г. [26]

Карта создавалась следующим образом.

Вначале был составлен возможно полный и точный список кочевий обеих губерний Азербайджана на протяжении главным образом первой половины XIX в. Затем он был сличен со всеми пригодными для этой цели источниками. За основу при составлении списков взяты были «Описания» Карабахской и Ширванской провинций — основных районов распространения кочевого хозяйства Азербайджана. Ведомости «Описаний» содержат огромное количество названий кочевий за первую четверть XIX в., которые продолжали существовать вплоть до 60—70-х годов. Сочетание обоих этих фактов позволило выявить возможно большее количество названий кочевий.

Однако одних ведомостей для составления карты оказалось далеко недостаточно, так как они имеют существенный изъян: в них нет точных топографических координат перечисленных кочевий [27]. Этот пробел в значительной мере восполняется за счет данных других источников.

---

[24] См. об этом более подробно: «Передняя Азия в документах, кн. 1. Нахичеванские рукописные документы XVII—XX вв.», Тбилиси, 1936; «Нахичеванская провинция», ЖМВД, 1831, кн. V, стр. 70; «Статистическое описание Нахичеванской провинции, составленное В. Г.», СПб., 1833, стр. 31.

[25] Ю. Алескеров. Очерк социально-экономических отношений в Закатальском округе в XIX в. (до 1870 г.). Рукопись кандидатской диссертации, М., 1953.

[26] «Сборник сведений о Кавказе», т. IV, Тифлис, 1878, стр. X.

[27] Максимум топографической точности выражался в указании на принадлежность кочевья к тому или иному магалу. Чаще всего (особенно это относится к ведомостям по Карабахской провинции) кочевья определялись как часть «имения» какого-нибудь бека, хотя само это «имение» имело чисто условное значение, так как состояло из населенных мест (деревень, кочевий), разбросанных на большом расстоянии одно от другого.

Прежде всего это данные прошений кочевых жителей за 30—80-е годы. В массе своей кочевники ходатайствовали о разрешении оседлого поселения либо на землях, принадлежавших кочевью, либо на землях, стводимых царской казной. Вследствие этого прошения содержат наиболее точные указания границ кочевий и тех земель, которые принадлежали тому или иному кочевью. Правда, топографические данные, приводимые в прошениях, имеют другой недостаток — они слишком локальны и подробны, что сильно затрудняет их использование [28].

Недостаток этот пришлось преодолевать, насколько это возможно, при помощи специального приема. Когда в двух источниках границы пастбищ двух разных кочевий совпадали и были известны точные координаты одного из них, то кочевье с неизвестными координатами наносилось на карту рядом с первым. Помимо этого, прошения позволяли очень значительно дополнить список кочевий. Нередко в них приводятся названия кочевий, которые больше не встречаются ни в каком другом источнике. В данном случае нам также очень помогал указанный метод нанесения рядом двух кочевий, когда границы одного из них оказывались известными [29]. Следует добавить, что таких фактов было немного. В основном данные прошений по части границ кочевий являются наиболее достоверными.

К сожалению, мы имеем в своем распоряжении всего 120 прошений, далеко не охватывающих массы кочевых обществ изучаемого периода. Поэтому нами подвергнуты изучению все архивные документы, содержащие хоть какие-либо упоминания о существовании того или иного кочевья. Такие упоминания содержатся, например, в материалах, касающихся создания в Азербайджане Общества закавказского шелководства [30]; в материалах, связанных с изданием указа 13 июля 1830 г. о предоставлении льготных условий кочевьям, «которые желают водвориться оседло», и др. [31] Нами обнаружены также «Список кочевым обществам Бакинской губернии, принявшим оседлую жизнь с 1863 по 1-е ноября 1870 г.» и ведомость кочевым жителям, «коим разрешено окончательное оседлое поселение», за тот же период [32].

Следующим важным источником при составлении списков кочевий послужила группа статистических сборников, материалы которых в массе

[28] Так, прошение жителей кочевий Алпаут Мардан-бека Шемахинского уезда описывало границы принадлежавшей кочевью земли следующим образом: «С востока — старое мельничное место, старая почтовая дорога и урочище под названием Дашты Кобы, с запада — место старого моста Сари Корпи, с севера — дорога, называемая Дыб Елы, и с юга — такая же дорога Али Наги Ел». В прошении кочевых жителей Ахтачи 1-е того же уезда указывалось: «Кишлаги наши состоят в границах: с севера — кишлаги Дамлы, Магерамлы... и дорога Дава Йолы, с востока — земля зелчибеклинцев, Котан Чаласы и Мирза-Кули, с юга — старая Саламанская дорога, с запада — дорога, идущая из Куч-Гяли-Кечага в сел. Коджалы» (ЦГИА Азерб. ССР, ф. 22, оп. 4. д. 184, л. 11). Все приведенные названия имели исключительно местное хождение (например, «дорога Дава-Йолы» означало: дорога, по которой шли верблюды), были понятны лишь жителям окрестных мест и не могли быть нанесены ни на одну карту.

[29] Приведем в качестве примера кочевье Уджарлы 2-е Геокчайского уезда. Никаких указаний на существование этого кочевья мы нигде не находим, за исключением прошения самих жителей кочевья. Никаких дополнительных сведений о кочевье прошение не содержало. Однако в деле, помимо прошения, находился еще один документ: бумага на имя начальника Государственных имуществ Бакинской губ. от жителей того же кочевья с просьбой оградить от притязаний соседнего бека из Поти на принадлежащую их кочевью «землю Нарлых». Это дало нам возможность нанести на карту кочевье Уджарлы 2-е условно рядом с дер. Поти. Там же мы поступили и с кочевьем Гамиялы Шемахинского уезда, на земли которого притязали русские переселенцы из соседней деревни Джебаны. Кочевье условно было нанесено нами рядом с этой деревней и т. д. (ЦГИА Азерб. ССР, ф. 22, оп. 4, д. 284, л. 1; д. 152, лл. 10—11).

[30] ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 3, д. 377, л. 15.

[31] Там же, д. 524, л. 1.

[32] ЦГИА Азерб. ССР, ф. 22, оп. 4, д. 2, лл. 5—6, 12—15, 19, 20, 23—30, 38—39, 42—43, 52—54, 181—183.

своей относились уже к 70—80-м годам, за исключением «Статистических очерков некоторых городов Кавказа и Закавказского края»[33]. Последние позволяют в какой-то степени пополнить списки, а главное, содержат первые этнографические сведения: против каждого названия кочевья здесь имеется специальная графа, указывающая на этническую принадлежность жителей кочевья. Наиболее полно в «Очерках» отражены данные о курдских кочевых обществах, кочевавших главным образом в западной части Зангезурского уезда.

Гораздо бо́льшую ценность имеют однородные по характеру статистические сборники, основное назначение которых заключалось в сборе полных и точных демографических данных по Бакинской и Елисаветпольской губерниям. Это прежде всего «Списки населенных мест Бакинской губернии», позволившие значительно расширить списки кочевых обществ и сравнить их с уже ранее составленными. Из всех перечисленных в сборнике сельских мест кочевья выделяются специально. Даются подробные координаты кочевий, вплоть до расстояния их от уездного города.

Однако при сравнении данных «Списков» с другими данными нередко обнаруживаются расхождения в описании расположения кочевий. Чаще всего не совпадают уезды. В подобных случаях за основу брались как наиболее достоверные данные прошений. При отсутствии прошения кочевье наносилось на карту по данным «Списков».

Дополнительная трудность при нанесении кочевий на карту состояла в том, что кочевья часто меняли свое местонахождение, чем осложняли работу чиновников по описанию населенных пунктов обеих губерний. Немалые препятствия точной локализации кочевий на карте возникают и в связи с частыми изменениями внутригубернских границ, о чем речь пойдет ниже.

Совершенно аналогичным «Списку населенных мест Бакинской губернии» является «Камеральное описание Бакинской губернии 1873 г.». Имеющиеся между ними расхождения весьма незначительны и касаются в основном местонахождения кочевий, что отчасти было связано с административными преобразованиями, а отчасти с небольшой разницей в количестве кочевий, указанных в обоих списках. Последнее объясняется тем, что небольшое число кочевых обществ, перешедших к оседлости в период между окончательным составлением «Списка» (1869) и «Камеральным описанием» (1873), значилось в последнем уже в качестве деревень. Лишь в отдельных случаях рядом с названием таких деревень стояло «вновь водворившиеся». В основном же осевшие кочевья определялись нами по совпадающим названиям деревень.

Перечисленные сборники не содержат, однако, почти никаких сведений о районе распространения кочевых обществ на территории Елисаветпольской губ. Исключение составляет лишь «Камеральное описание», в котором дается одна демографическая таблица с перечислением сельских и кочевых обществ, имевших более 1000 душ населения обоего пола.

Первые опубликованные статистические описания Елисаветпольской губ. появились, очевидно, лишь в 1886 г., в связи с проведением посемейной переписи[34], когда основная масса кочевого населения Азербайджана,

[33] «Кавказский календарь» на 1852, 1854, 1855—1856 гг.

[34] Нет никаких сомнений в том, что в 1873 г. было произведено камеральное описание Елисаветпольской губ. По поводу его опубликования ничего не известно, имеется лишь ссылка на это описание у И. Л. Бахтадзе в его работе «Кочевники Закавказского края». Пользовался ли автор опубликованными или рукописными данными, установить не удалось. О камеральном описании Елисаветпольской губ. 1873 г. упоминают и некоторые другие составители «Свода материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. III, ч. 2, Тифлис, 1888; см. также т. II, ч. 2, 1886 г., стр. 45; т. IV, ч. 1, 1886 г., стр. 234—235.

особенно его юго-западной части, т. е. как раз территории Елисаветпольской губ., перешла уже к оседлой жизни, названные посемейные списки указывают лишь одно кочевье [35].

Поэтому основным источником для Елисаветпольской губ. являются ведомости «Описания Карабагской провинции» за 1823 г., которая почти целиком вошла в состав губернии, а также частью данные статистических очерков Шемахинской губ. за 1854 г., три уезда которой — Шушинский, Нухинский и Арешский — также вошли в 1867 г. в Елисаветпольскую губ. Составленный по этим двум источникам список кочевий по Елисаветпольской губ. достаточно полон и его можно было сверить с посемейными списками 1886 г. Последний содержит названия тех же кочевий, но уже числившихся в качестве деревень, с довольно подробным указанием на их местоположение.

Таким образом, указанные списки кочевых обществ легли в основу сводной таблицы с максимальным количеством кочевий.

Непосредственной базой для карты 1 послужила «Специальная десятиверстная карта Европейской России (1865—1871 гг.)», созданная Корпусом военных топографов под редакцией талантливого военного картографа И. А. Стрельбицкого. Ее справедливо считают одним из выдающихся произведений русской дореволюционной картографии [36]. Для отражения всех новейших административно-политических преобразований карта систематически переиздавалась отдельными листами. Листы с Бакинской и Елисаветпольской губерниями, т. е. листы, являющиеся главным источником нашей карты, датированы 1879—1918 гг.

Выбор 10-верстной карты под редакцией И. А. Стрельбицкого был продиктован рядом соображений.

Во-первых, эта карта по качеству превосходит 5-верстную карту Кавказа (1861—1868 гг.) [37]. В отличие от последней 10-верстная карта составлялась не только на основе военно-топографических изысканий, но и огромной массы дополнительно привлеченного материала: географических справочников, статистических сборников и т. д. Данное обстоятельство для нас особенно важно, так как между статистическими сборниками населенных мест и посемейными списками, использованными нами при составлении списков кочевых обществ, и картой имеется непосредственная связь: одним из источников при составлении списков населенных мест Бакинской губ. (1859—1869 гг.) послужили военно-топографические карты в 5- и 10-верстном масштабах [38]. Таким образом, исключаются особенно грубые несоответствия между данными таблицы кочевий и самой картой.

Во-вторых, несмотря на то, что существовавшие условия требовали, чтобы при составлении карт кочевья не наносились, 10-верстная карта отразила большое количество кочевий. Правда, многие из них были нанесены уже в качестве деревень (это и было формальным основанием для нанесения их на карту), но немало также было зафиксировано кочевий в полном смысле этого слова, с 500—800 и даже 1000—1500 душ населения обоего пола.

В-третьих, избранная нами карта отражала административное деление 1879 г. (лист с основной частью Бакинской губ., наиболее часто подвергавшейся административным преобразованиям). Это важно потому, что именно в этом году наступил небольшой перерыв в изменениях внут-

---

[35] Кочевье Туркмен-Арешского уезда («Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г.»).

[36] К. А. Салищев. Основы картоведения. М., 1948, стр. 176—177.

[37] ГИМ ГО, № 3612. Имеются полные листы только по Геокчайскому уезду.

[38] «Списки населенных мест Бакинской губернии...», стр. III.

ригубернских границ. С 1867 г. и до 80-х годов границы Шемахинского, Геокчайского и Джеватского уездов изменялись несколько раз, и издававшиеся в это время карты не успевали отражать эти изменения [39].

Кочевья наносились нами на карту следующим образом. Сначала на карте локализовались кочевья, имеющиеся на самой карте. Это делалось даже в тех случаях, когда местоположение таких кочевий в границах уезда не совпадало с данными таблицы: хотя 10-верстная карта отражала местоположение кочевий 70-х годов, оно было, несомненно, наиболее точным, насколько вообще можно говорить о точности в вопросе локализации кочевий.

Затем на карту наносились кочевья, взятые из других карт и установленные нами на основании описаний. В данном случае очень хорошим подсобным материалом послужили карта Джеватского уезда, взятая из «Списков населенных мест Бакинской губернии», и этнографическая карта Кавказа. Первая содержит наибольшее количество кочевий уезда, причем локализация их на карте почти совпадает с координатами, имеющимися в описаниях кочевий. Вторая карта оказалась полезной в другом отношении: на ней очень полно представлены сельские общества с точными границами, и в случаях, когда не было точных координат кочевий, а известна только их принадлежность к губернии или уезду, эти кочевья на нашей карте локализовались в границах того сельского общества, к которому оно считалось приписанным. Такие кочевья в легенде отмечены специальным значком, как локализованные условно.

Условно локализовались на карте и кочевья, местонахождение которых известно лишь по принадлежности их к уезду и магалу, т. е. по данным 20—30-х годов (соответственно административному делению того времени). Местонахождение таких кочевий определялось по карте Закавказского края 1854 г., отражавшей административное деление 20—40-х годов. В тех случаях, когда кочевья на карте не оказывалось (а таких случаев довольно много), оно условно фиксировалось в указанном магале.

К группе условно локализованных кочевий относятся также и те, координаты которых совершенно неизвестны, а известен лишь сам факт существования кочевья в границах какого-либо уезда. В этом случае кочевья локализовались либо в районе наибольшей концентрации кочевий в границах уезда, либо в местах речных бассейнов, что соответствует историческому процессу расселения кочевых обществ как в период кочевания, так и в период перехода к оседлости. Эта крайне условно локализованная категория кочевий в легенде обозначена также специальным значком.

Нередко постоянное местонахождение кочевья не соответствовало тому уезду, к которому оно было причислено. Это объясняется, во-первых, систематическим передвижением самого кочевья и переходом его на земли другого уезда, а также отмеченными выше постоянными изменениями межуездных границ. Во-вторых, нередко кочевье, бывшее вначале ответвлением «головного» кочевья (носившего название племени, хотя племенной организации давно уже не существовало), но являвшееся на деле совершенно самостоятельным, продолжало считаться отделением «головного» кочевья и причислялось к тому уезду, к какому было причислено последнее, невзирая на фактическое положение дела. Здесь приходилось поступать двояким образом. В том случае, если источники позволяли установить границы отпочковавшегося кочевья, оно наносилось на карту по своему действительному расположению, в противном случае, при отсут-

---

[39] См., например, ГИМ ГО, № 340.

ствии координат, такое кочевье локализовалось рядом с «головным»[40]. Дополнительно нами были использованы карты Кавказского края 30-х годов[41]. На них нанесены кочевья, находившиеся в Ленкоранском уезде. Они располагались в восточной части уезда, вдоль побережья Каспийского моря. Отсутствие всяких упоминаний об их пребывании на территории Азербайджана, а также на картах не только того времени, но и более поздних заставляет предполагать, что это были кочевья талышинцев, временно перекочевавших на территорию Ленкоранского уезда с близлежащих к границе Азербайджана зимних пастбищ Персии. Тем не менее мы сочли необходимым, для полноты картины, нанести и их на нашу карту.

Примерно так же обстоит дело и с нанесением на карту кочевий Кубинского уезда. Для второй половины XIX в. (1854—1868 гг.) имеются два свидетельства о существовании в уезде только одного кочевья — Узун-оба[42]. В камеральном описании 1873 г. по Кубинскому уезду кочевье Узун-оба показано уже как деревня[43]. Однако мы нашли нужным, помимо кочевья Узун-оба, нанести на карту в качестве кочевий те деревни, нанесенные на 10-верстную карту, названия которых кончались на «оба» («кочевье»), полагая, что большинство их в конце XVIII — первой половине XIX в. были действительно кочевьями[44].

В общей сложности мы нанесли на карту около 760 кочевий. Это, конечно, не исчерпывающая карта кочевий, но нам представляется, что она все же достаточно полно и точно отражает масштабы и характер их распространения в рассматриваемый период[45].

---

[40] Так, например, кочевье Удулы являлось одним из 10 отделений очень большого кочевья Араб-Бала-Оглан, имевшего свое постоянное местонахождение в Шемахинском уезде у р. Пир-Сагат, как это и было зафиксировано на 10-верстной карте. Но приписано оно было к Джеватскому уезду, т. е. к уезду, где находилось кочевье Араб-Бала-Оглан почти со всеми своими отделениями.

[41] ГИМ ГО, № 2986.

[42] «Списки населенных мест Бакинской губернии», 1870 г.; ЦГИА Азерб. ССР, ф. 22, оп. 5, д. 183а, лл. 1, 3.

[43] «Сборник сведений о Кавказе», т. IV.

[44] Лингвистические данные использованы нами при составлении карты и в других случаях. Так, например, на 10-верстной карте имеются населенные пункты под названием «Дыгя», являющимся испорченным азербайджанским «дэйэ», что в переводе означает «кибитка», «юрта». Ясно, что такой населенный пункт был местопребыванием какой-то группы кочевых жителей, и поэтому наносился нами на карту. Примерно так же обстояло дело с небольшими, состоявшими всего из четырех-пяти дымов, кочевыми пунктами, известными под собирательным названием «таракема» тэрэкэмэ) — название, под которым обычно на Кавказе подразумевались кочевые жители. Этимология этого слова очень интересна (см. Л. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869, стр. 347; В. В. Бартольд. Очерк истории Туркмении.— Сб. «Туркмения», т. I, стр. 42; А. Н. Кононов. «Родословная туркмен» Абу-л-Гази Хана Хивинского. М.— Л., 1958, стр. 20). Следует также отметить, что названия кочевий зачастую возникали очень произвольно. Кочевье Арас-хан, например, было названо по имени кетхуды (старшины) этого кочевья; кочевье Ахмахи означает «кочевье глупых». Нередко кочевье носило имя своего владельца: кочевья Гусейн-бека, Джафар-бека, Бегум-ханумлы и т. д.

[45] Картографическая работа выполнена научным сотрудником Института географии АН СССР А. А. Потуловым, за что автор приносит ему благодарность. В качестве основного картографического материала для нанесения пастбищ послужили данные сборника «Азербайджанская ССР» (Госиздат геогр. лит-ры, М., 1957) за отсутствием каких-либо более ранних материалов. Последние, конечно, отражают сократившуюся, по сравнению с изучаемым периодом, площадь пастбищ. Поэтому они дополнены данными из других источников, в частности «Материалами для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе», т. I—IV (Тифлис, 1887—1899). По поводу зимних пастбищ необходимо сделать специальную оговорку (см. также легенду карты 1), что они широко использовались также под посевы различных сельскохозяйственных культур как кочевыми, так главным образом и оседлыми крестьянами. Но выделить из них собственно посевные площади представляется невозможным.

* * *

Пастбища Азербайджана, на которых базировалось кочевое скотоводческое хозяйство, представляли собой сочетание высокогорных альпийских лугов с жаркими степями, не пригодными для земледелия из-за отсутствия орошения. Альпийские луга отрогов Большого и Малого Кавказа являлись превосходными летними пастбищами, а степи использовались для зимней выпаски скота.

Наиболее ценные, главным образом летние, пастбища находились в юго-западном районе Азербайджана и в области Малого Кавказа (так называемые Карабахские эйлаги). Около половины этих пастбищ было расположено на южных и юго-восточных склонах; меньше было пастбищ на восточных и северных склонах и еще меньше — на западных. Особенно славился Зангезурский участок, высоты которого покрывали «обширные безлесные равнины, занимаемые одними только пастушескими племенами с их стадами и посевами»[46].

Одним из основных достоинств Карабахских эйлагов являлось обилие родников и рек (горные реки Лев-чай, Мейдан-чай, Тертер и др.). В наиболее возвышенных местах нехватка родников восполнялась достаточным количеством снеговой воды. За исключечнем пастбищ юго-восточной части Зангезурского плато и южного склона отрога Катер-даш, а также части пастбищ Кырх-кызского и Копанского районов на всей остальной площади Карабахских эйлагов почти каждый отдельный пастбищный участок был снабжен водой[47].

Общая площадь исследованных карабахских казенных пастбищ составляла 307 135 дес.[48], из них 246 515 дес. были удобными и 60 619 дес. — неудобными[49].

В северо-западном районе Азербайджана лежали Тарс-чайские и Акстафинские эйлаги, также входящие в систему гор Малого Кавказа и образующие бассейн р. Акстафа и ее притока р. Тарс-чай. Недостатком их были многочисленные овраги и ущелья, затруднявшие перегон скота, достоинствами — многочисленные реки и родники, равномерное распределение водопойных мест[50] и сравнительная близость к главным рынкам и селениям жителей, пользовавшихся этими пастбищами. От Тифлиса они были удалены на 102—170 верст, от Елисаветполя — на 103—171 версту, от селений — на 1—95 верст[51]. По сведениям, основанным на съемках 1886—1888 гг., общая площадь этих пастбищ составляла 68 926 дес., в том числе 67 595 дес. удобной и 1330 дес. неудобной[52].

К Акстафинским и Тарс-чайским эйлагам непосредственно примыкали Нижне-Караязские зимние пастбища (кишлаги), расположенные на расстоянии примерно 46—112 верст от эйлагов и 7—40 верст от селений, пригонявших свои стада на эти эйлаги. Согласно данным 1887—1889 гг., общая площадь казенных зимних пастбищ Нижне-Караязского района равнялась 61 525 дес., из которых удобных пастбищ было 53 515 дес., а

[46] Ю. А. Гагемейстер. Топографическо-хозяйственное описание Прикаспийского края в Закавказье, стр. 143.

[47] «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ...», т. IV, Тифлис, 1899, стр. 21, 47. См. также Ю. А. Гагемейстер. Топографическо-хозяйственное описание..., стр. 143—144.

[48] Данные относятся к 1891—1897 гг. Безусловно, площадь пастбищ к этому времени по сравнению с изучаемым периодом сократилась главным образом за счет зимних пастбищ.

[49] «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ...», т. IV, стр. 12.

[50] Там же, т. III, Тифлис, 1895, стр. 149.

[51] Там же, стр. 151.

[52] Там же.

неудобных — 8009 дес.[53] Караязские пастбища представляли собой комплекс возвышенностей и гребней, разделенных между собой долинами, террасами и котловинами, которые делали труднопроходимыми скотопрогонные дороги и сильно затрудняли подвод скота к р. Куре. Однако эти недостатки компенсировались изобилием высоких и густых трав (полыни, чарана и особенно каргана), сохранявшихся даже в самые морозные зимы. Поэтому Караязские пастбища были особенно удобны для пастьбы скота в зимнее время.

Нижне-Караязские пастбища продолжали Джейранчельские пастбища (также зимние), пригодные исключительно для пастьбы овец благодаря обилию здесь солончаковых растений (полыни, карагана, кушоты), единственного зимнего корма, избавлявшего владельцев скота от необходимости добавочного кормления овец солью[54]. Исследованная площадь Джейранчельских зимних пастбищ составляла примерно 60 264 дес.[55]

Однако основными зимними пастбищами являлись Муганская, Мильская и Ширванская степи (области Кура-Араксинской низменности), куда пригоняли скот не только кочевники Азербайджана, но и скотоводы соседнего Дагестана и Грузии. Они были наибольшими по площади среди подобных им пастбищ[56], представляя собой комплекс сухих степей и полупустынь с крайне засушливым климатом. Но это компенсировалось малоснежностью и непродолжительностью зимы, обильным травяным покровом в зимнее время, наличием кустарников и камыша, росших по берегам реки, которые шли на постройку жилищ[57].

Помимо перечисленных пастбищных массивов существовало также множество небольших пастбищ, разбросанных по всей территории Азербайджана, интенсивность использования которых зависела от их удаленности от основных стоянок.

К сожалению, сколько-нибудь точные данные о площади летних и зимних пастбищ за рассматриваемый период отсутствуют. Подсчеты Ю. А. Гагемейстера, относящиеся ко второй половине 40-х годов, очень несовершенны и грубы, так что на них фактически нельзя опереться[58].

Первые наиболее точные данные по пяти губерниям Закавказья относятся к 80-м годам.

Из таблицы 1 видно, что площадь летних и зимних пастбищ Азербайджана вместе составляла меньше половины всей площади пастбищ Закавказья (37,8%), но здесь сосредоточивалась основная часть (67%) всех зимних пастбищ края.

В самом Азербайджане зимние и летние пастбища распределялись довольно равномерно по обеим губерниям (табл. 2)[59].

Таблица 2 показывает, что в Бакинской губ. площадь всех пастбищ составляла 29,7% всей площади губернии, в Елисаветпольской — 20,1%. Однако внутри губерний зимние и летние пастбища распределялись довольно неравномерно. Почти 90,5% всех зимних пастбищ было сосредоточено в Бакинской губ., и основной частью их были пастбищные массивы Мугани и Ширвана. Летних же пастбищ на ее долю приходилось очень

[53] «Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ...», т. III, Тифлис, 1895, стр. 74.

[54] Там же, т. II, Тифлис, 1889, стр. 120.

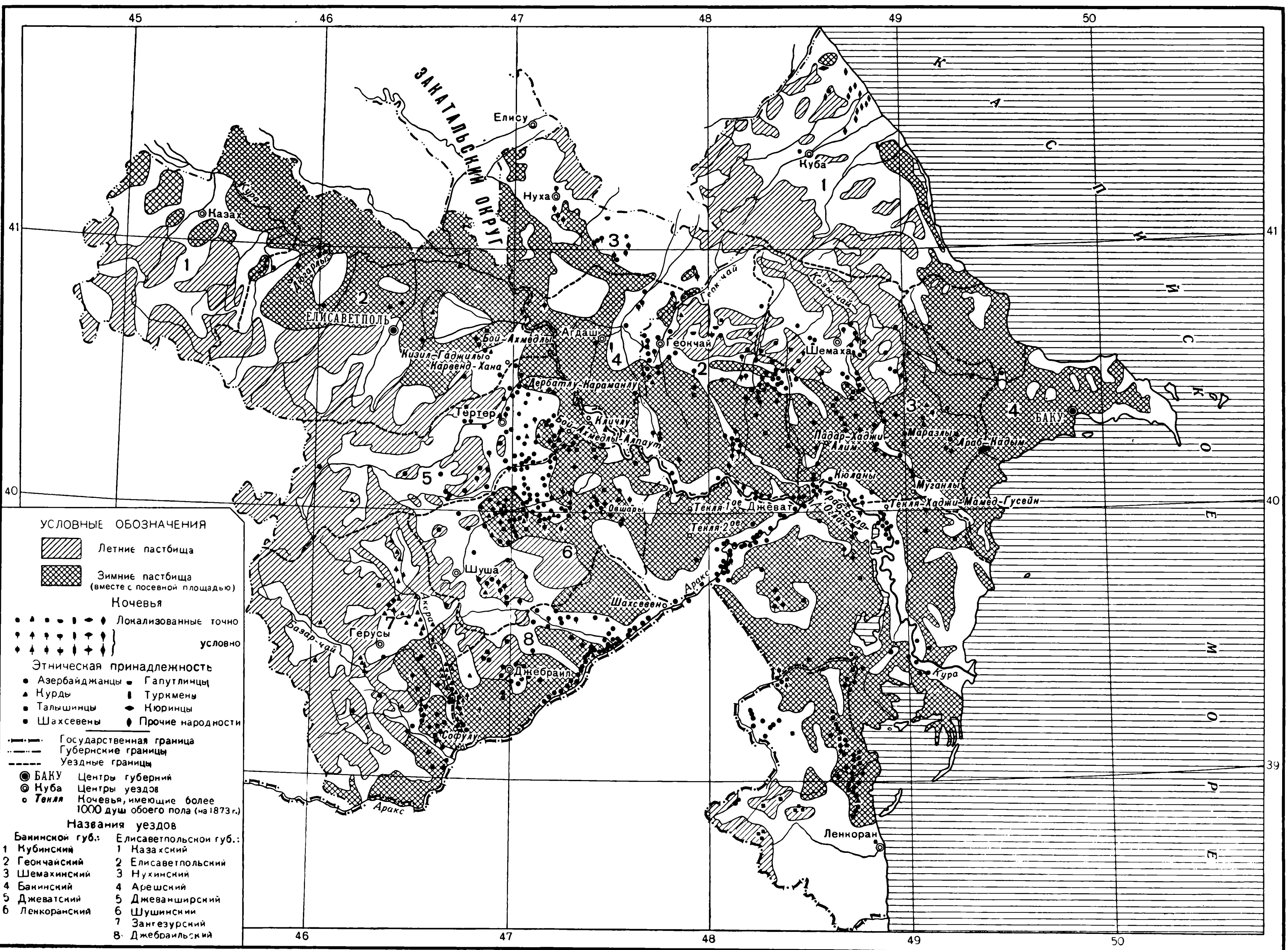
[55] Там же, стр. 169.

[56] «Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края», т. V, Тифлис, 1888, стр. 91.

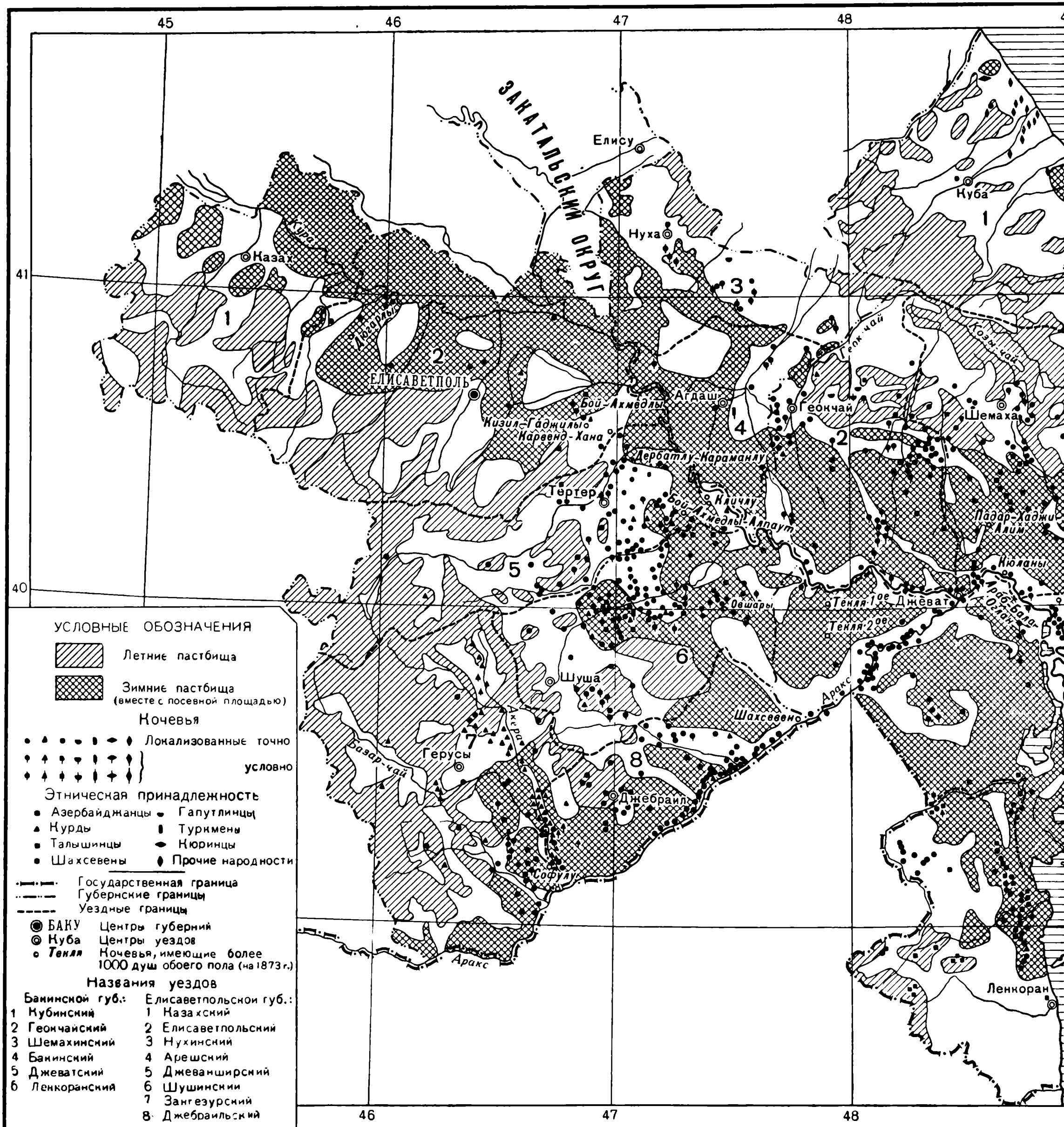
[57] Ю. А. Гагемейстер. Новые очерки Закавказья, стр. 5.

[58] Там же, стр. 135—136.

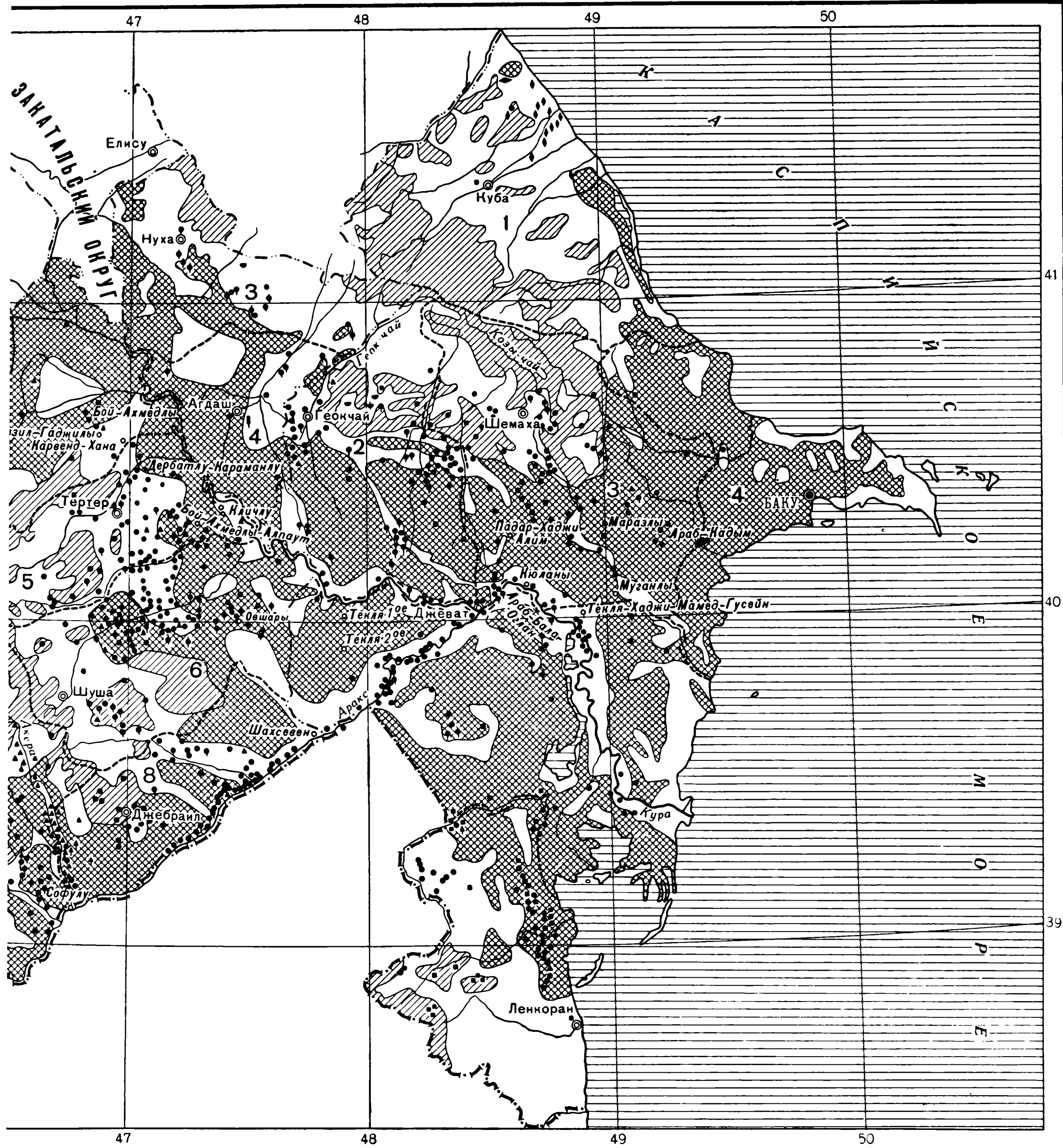
[59] Площади пастбищ вычислены по данным П. С. Варавина. Данные о площадях губерний взяты за 1896—1898 гг.

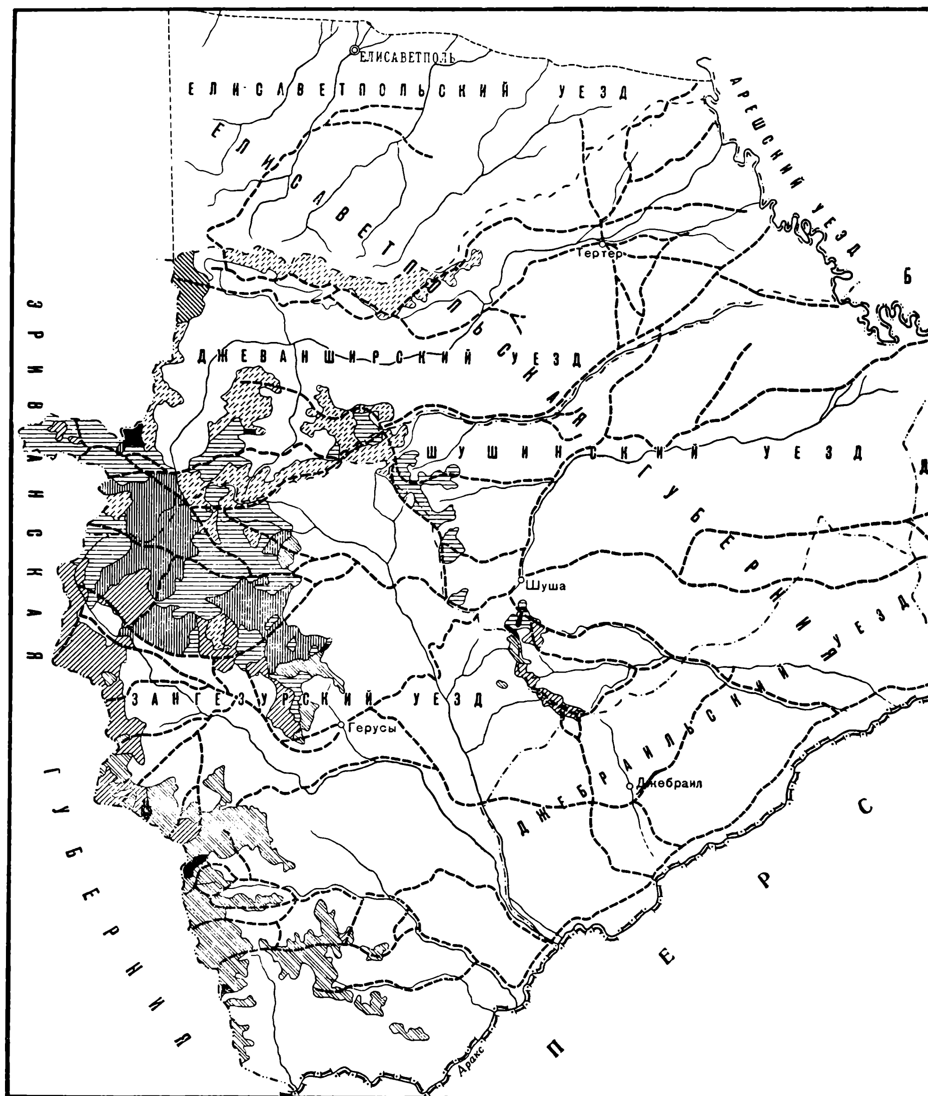
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЗАКАТАЛЬСКИЙ ОКРУГ
Елису
Нуха
Куба
Казах
Кура
Дзегам
ЕЛИСАВЕТПОЛЬ
Агдаш
Геокчай
Гёк-чай
Козы-чай
Шемаха
БАКУ
Бой-Ахмедлы
Кизил-Гаджилы
Карвенд-Хана
Дербатлу-Караманлу
Тертер
Кличлу
Бой-Ахмедлы-Алпаут
Падар-Хаджи-Алим
Маразлы
Араб-Кадым
Нюланы
Муганлы
Араб-Бала-Оглан
Тенля-Хаджи-Мамед-Гусейн
Тенля 1ое
Тенля 2ое
Джеват
Овшары
Шуша
Шахсевено
Аракс
Акера
Герусы
Базар-чай
Джебраил
Софулу
Ленкоран
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Летние пастбища
Зимние пастбища (вместе с посевной площадью)
Кочевья
Локализованные точно
условно
Этническая принадлежность
Азербайджанцы
Гапутлинцы
Курды
Туркмены
Талышинцы
Кюринцы
Шахсевены
Прочие народности
Государственная граница
Губернские границы
Уездные границы
БАКУ Центры губерний
Куба Центры уездов
Тенля Кочевья, имеющие более 1000 душ обоего пола (на 1873 г.)
Названия уездов
Бакинской губ.:
1 Кубинский
2 Геокчайский
3 Шемахинский
4 Бакинский
5 Джеватский
6 Ленкоранский
Елисаветпольской губ.:
1 Казахский
2 Елисаветпольский
3 Нухинский
4 Арешский
5 Джеванширский
6 Шушинский
7 Зангезурский
8 Джебраильский

Карта 1. Районы распространения кочевого хозяйства в Азербайджане в XIX в. (д

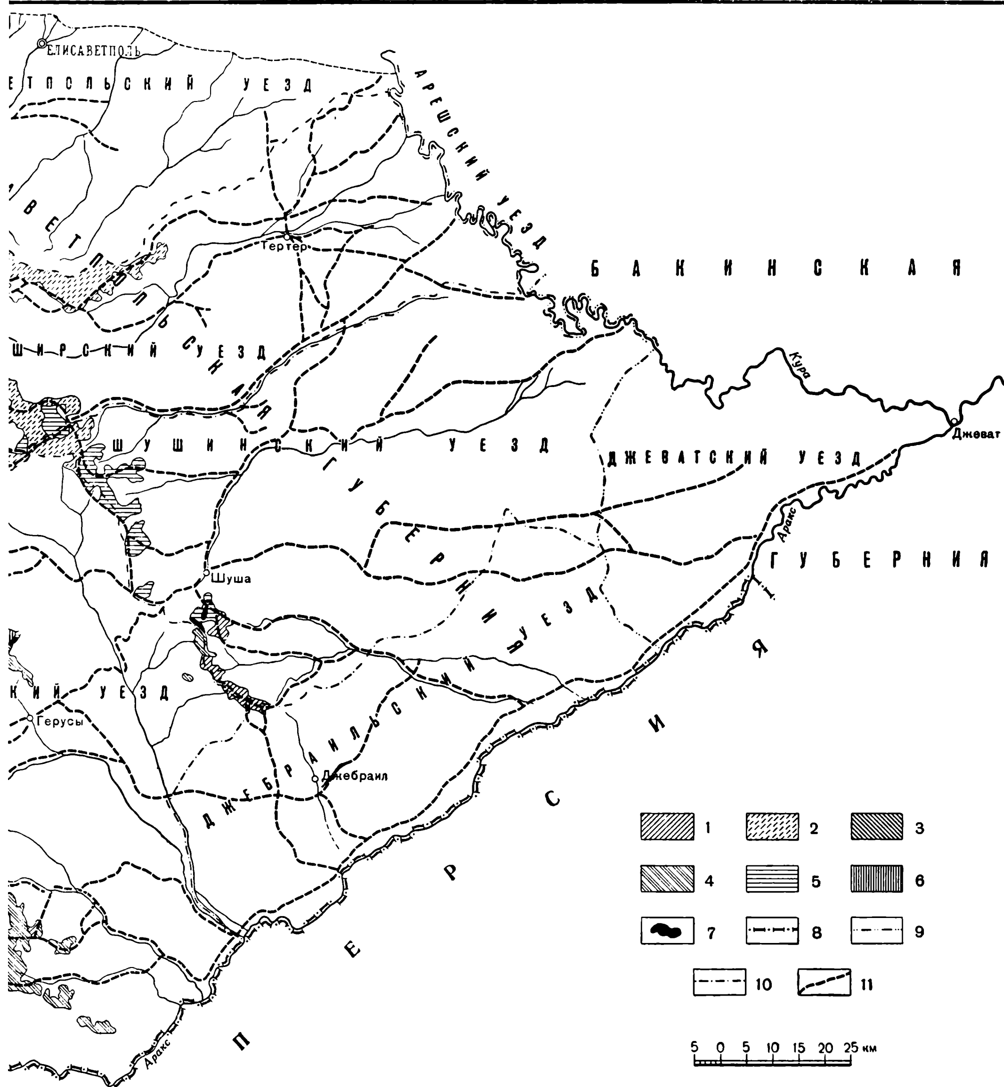

Районы распространения кочевого хозяйства в Азербайджане в XIX в. (до 50-х годов)

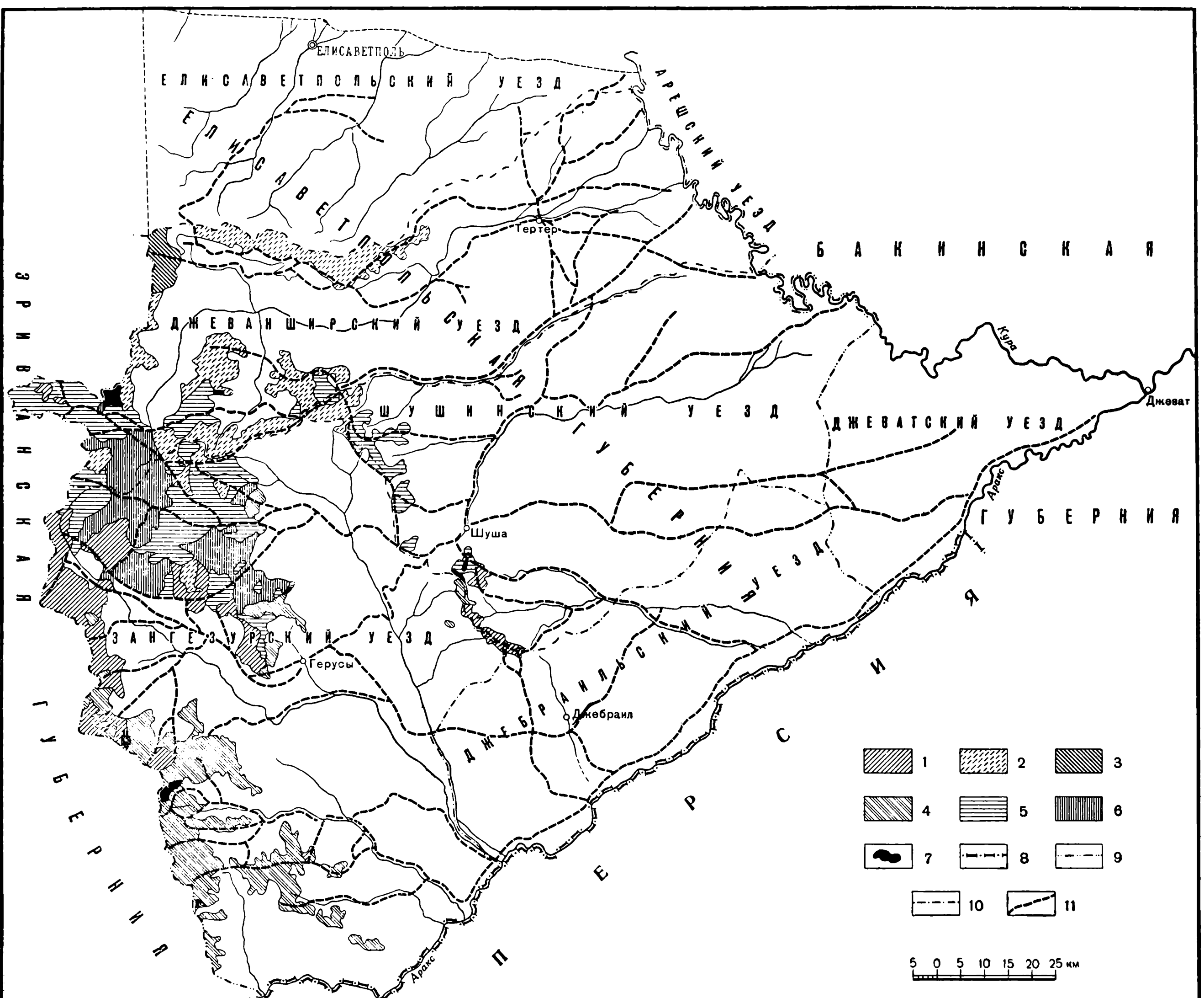
Карта 2. Карабахские казенные летние пастбища начала 80-х гг.

1 — пастбища жителей Джебраильского уезда Елисаветпольской губернии; *2* — пастбища жителей Джебанширског
3 — пастбища жителей Елисаветпольского уезда Елисаветпольской губернии; *4* — пастбища жителей Зангезурского у
бища жителей Шушинского уезда Елисаветпольской губернии; *6* — пастбища жителей Джеватского уезда Бакинс
участки; *8* — государственные границы; *9* — губернские границы; *10* — уездные границы;

Карта 2. Карабахские казенные летние пастбища начала 80-х гг. XIX в.

аильского уезда Елисаветпольской губернии; *2* — пастбища жителей Джебанширского уезда Елисаветпольской губернии; етпольского уезда Елисаветпольской губернии; *4* — пастбища жителей Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии; *5* — пастезда Елисаветпольской губернии; *6* — пастбища жителей Джеватского уезда Бакинской губернии; *7*—свободные пастбищные *8* — государственные границы; *9* — губернские границы; *10* — уездные границы; *11* — кочевые дороги

Карта 2. Карабахские казенные летние пастбища начала 80-х гг. XIX в.

1 — пастбища жителей Джебраильского уезда Елисаветпольской губернии; *2* — пастбища жителей Джебанширского уезда Елисаветпольской губернии; *3* — пастбища жителей Елисаветпольского уезда Елисаветпольской губернии; *4* — пастбища жителей Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии; *5* — пастбища жителей Шушинского уезда Елисаветпольской губернии; *6* — пастбища жителей Джеватского уезда Бакинской губернии; *7*—свободные пастбищные участки; *8* — государственные границы; *9* — губернские границы; *10* — уездные границы; *11* — кочевые дороги

Таблица 1

Соотношение зимних и летних пастбищ Азербайджана (в границах Бакинской и Елисаветпольской губерний) и всего Закавказья (в тыс. дес.)[60]

Пастбища	Закавказье	Бакинская губ.	Елисаветпольская губ.	Всего в двух губерниях	Площадь пастбищ двух губерний ко всей площади пастбищ, %
Зимние . . .	1869	901	350	1251	67,0
Летние	2876	100	440	540	18,8
Итого:	4745	1061	790	1791	37,8

Таблица 2

Распределение зимних и летних пастбищ по Бакинской и Елисаветпольской губерниям (в тыс. дес.)

Губернии	Площадь губернии	Общая площадь пастбищ	Отношение площади пастбищ ко всей площади губернии, %	Площадь зимних пастбищ	Отношение площади зимних пастбищ ко всей площади пастбищ, %	Площадь летних пастбищ	Отношение площади летних пастбищ ко всей площади пастбищ, %
Бакинская	3579*	1061	29,7	961	90,5	100	9,4
Елисаветпольская .	3917**	790	20,1	350	44,3	440	55,6
Итого:	7496	1851	24,1	1311	70,8	540	29,1

* «Обзор Бакинской губернии за 1896 г. (приложение ко всеподданнейшему отчету бакинского губернатора)». ЦГИА Азерб. ССР, ф. 12, оп. 11, д. 23, л. 2.

** «Обзор Елисаветпольской губернии за 1898 г. (приложение ко всеподданнейшему отчету елисаветпольского губернатора)», Тифлис, стр. 5.

немного — всего 9,4% от всей площади пастбищ губернии. В Елисаветпольской губ. дело обстояло наоборот. Она включала в себя бо́льшую часть превосходных Карабахских, Тарс-чайских и Акстафинских эйлагов, восточных и северных отрогов Малого Кавказа, составлявших 55,6% всей площади пастбищ губернии. Поэтому в летнее время на территорию губернии пригоняли свои стада кочевники других районов, а в зимнее время ее коренные жители — скотоводы, причем не только кочевники и полукочевники, но и оседлые жители, занимавшиеся отгонно-пастбищным скотоводством, вынуждены были отгонять на зиму свои стада частью в Армению, частью на Ширакские пастбища Грузии. Особенно это относилось к жителям Елисаветпольского и Казахского уездов.

* * *

Характер и расположение пастбищ определяли расселение кочевников-скотоводов обеих губерний (см. карту 1). Основными районами распространения кочевого хозяйства были Карабах и Ширван. Там, где было наибольшее количество удобных пастбищ, сосредоточивалось наибольшее число кочевых хозяйств. Особенно велико было значение орошаемых

[60] «Свод материалов...», т. V, стр. 71, 79, 91. Таблица составлена на основании данных П. С. Варавина, одного из исследователей казенных пастбищ на Кавказе.

земель, позволявших производить небольшие запашки. Поэтому основная масса кочевых обществ располагалась по берегам рек с таким расчетом, чтобы это было максимально удобно с точки зрения наилучшего использования пастбищных мест.

Как показывает карта, наибольшее количество кочевого населения Бакинской губ. приходится на Шемахинский и часть Джеватского уезда, на территории которых удачно сочетались зимние, весенние и летние пастбища. В Кабристанском и Ханчобанском участках Шемахинского уезда кочевое население в 50-х годах превышало даже оседлое население [61].

В Ленкоранском уезде кочевых обществ было меньше, здесь летние пастбища, разбросанные по отрогам гор, были труднодоступны для скота. Этими пастбищами пользовались преимущественно жители близлежащих кочевий.

В Бакинском уезде кочевых обществ фактически не было из-за отсутствия сколько-нибудь достаточных пастбищных мест. Жители уезда отгоняли свои стада на зиму к Сальянам, а летом — на Ширван и в Кубинский уезд [62].

Одним из характерных районов распространения кочевых обществ был Карабах, охватывавший территорию четырех уездов Елисаветпольской губ. Первое место по количеству кочевого населения занимал Шушинский уезд, за ним следовали Джеванширский, Джебраильский и Зангезурский уезды. В Зангезурском уезде, преимущественно в его западной части, кочевали главным образом курдские кочевые общества, занимавшие второе место после азербайджанцев по численности кочевого населения Азербайджана. Следует прибавить, что в районы Карабаха, проделывая огромный путь, пригоняли свои стада и кочевые жители Нухинского, Арешского и даже Джеватского уездов (см. карту 2).

Почти полностью отсутствовал кочевой уклад в Нухинском и Арешском уездах, совершенно лишенных пастбищ, за исключением небольшой полосы на севере Нухинского уезда.

В других местностях основная масса кочевий располагалась в районах речных бассейнов и каналов. Особенно это было характерно для Мугани. Все стоянки кочевых обществ располагались вдоль берегов рек Аракса, Куры, Акуши и Болгар-чая. Центральная и южная части Мугани почти совершенно были лишены населения из-за недостатка естественных водоемов и атмосферных осадков, а также обилия соляных озер. Несколько оживали они лишь с приходом сюда из Персии в зимнее время кочевников-шахсевен.

Излюбленными местами расселения кочевых обществ были районы кягризов (каналов) и ахмазов (стоков) древних ирригационных систем, как, например, каналов, проведенных из притоков рек Ах-су, Гердиманчай, или канала Гяур-Арх из р. Аракс в районе г. Агдам.

Демографические данные полностью подтверждают, что Шемахинский и Шушинский уезды Шемахинской губ. являлись районами наибольшего распространения кочевого хозяйства в Азербайджане в рассматриваемый период. По данным «Кавказского календаря» на 1856 г., в Шемахинском уезде насчитывалось 34,07% кочевого населения по отношению к общей численности населения уезда, в Шушинском — 28,6%, в Ленкоранском — 11,89% и в Нухинском — 5,75%. В Бакинском уезде кочевое население отсутствовало полностью.

---

[61] Это же подтверждает и Ю. А. Гагемейстер, указывая, что в нагорной и восточной частях шемахинских предгорий «оседлых... жителей почти нет» («Статистическое описание Шемахинской губ.») — «Кавказский календарь» на 1852 г., стр. 406—407).

[62] Там же; ЦГИА Азерб. ССР, ф. 32, оп. 1, д. 270, л. 4.

* * *

Разработка вопроса об удельном весе кочевого хозяйства в скотоводстве Азербайджана в первой половине XIX в. представляет большие трудности из-за отсутствия сколько-нибудь систематических и полных статистических данных. Поэтому приходится прибегать к некоторым косвенным данным, а также к иллюстративному, немассовому материалу.

Основным видом скота у кочевников были овцы. «Мелкий скот, — писал один из исследователей, — составляет почти единственный имущественный ценз кочевников»[63]. Крупный рогатый скот, например, буйволы, использовавшиеся в качестве тягловой и транспортной силы, сосредоточивался преимущественно в хозяйстве оседлого земледельца[64]. В кочевом же хозяйстве средством передвижения служили главным образом лошади и верблюды.

Разведение овец было для кочевника наиболее выгодным. По данным Гагемейстера, кочевник со 100 баранов получал от 100 до 150 руб. годового дохода (от продажи приплода, шерсти, масла, сыра и других продуктов овцеводства). Почти столько же (170—200 руб.) давали и 100 голов крупного рогатого скота. Но содержание его обходилось гораздо дороже: один вол требовал столько же корма, сколько четыре-пять баранов, что равнялось продукции с полдесятины пастбищной земли[65].

Таким образом, кочевник, имевший норму пастбищного надела в 15 дес. удобной земли, мог содержать 150 баранов с предполагаемым доходом в 225 руб. в год. Разведение крупного рогатого скота на этом участке понижало доход до 60 руб.

Гагемейстер указывал, что у кочевых и полукочевых жителей Закавказья к середине XIX в. было сосредоточено около 5 млн. баранов на сумму 7 млн. руб. серебром и, сверх того, несколько сот тысяч лошадей и рогатого скота[66]. На каждое кочевое семейство приходилось от 30 до 100 и более голов[67]. Оседлое скотоводство значительно уступало кочевому по своим масштабам. Губернаторы Шемахинской, а затем Бакинской и Елисаветпольской губерний в ежегодных отчетах постоянно подчеркивали, что скотоводством «преимущественно занимаются кочевые поселяне»[68].

Кочевое скотоводство носило ярко выраженный экстенсивный характер. Содержание скота сводилось к поискам пастбищ, охране стад, уходу за молодняком, частичному обеспечению скота кормами, кровом и самой примитивной ветеринарной помощью.

Постоянные передвижения, отсутствие правильного ухода, содержание скота и в зимнее время под открытым небом на подножном корму и т. д. вели к большим потерям скота от болезней и бескормицы. Особенно велик был падеж в зимнее время из-за джута, оставлявшего овец без корма. Много скота погибало от различных эпизоотий, также в основном свиреп-

---

[63] А. С. Жирнов. Краткий очерк скотоводства в Закавказском крае. СПб., 1901, стр. 10.

[64] А. А. Кауфман. Указ. соч., стр. 12—13; см. также «Отчет бакинского военного губернатора управляющего гражданской частью за 1866 г.» (Научный архив Ин-та истории Азерб. ССР, инв. № 2249, л. 24).

[65] Газ. «Кавказ», 1847, № 23.

[66] Ю. А. Гагемейстер. Новые очерки Закавказья, стр. 134.

[67] Там же, стр. 136, стр. 2.

[68] «Отчет шемахинского военного губернатора управляющего гражданской частью за 1856 г.» (Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 1719, л. 48); «Отчет шемахинского военного губернатора управляющего гражданской частью за 1857 г.» (там же, л. 20); «Отчеты бакинского военного губернатора управляющего гражданской частью за 1860 г.» (там же, л. 163); за 1864 г. (там же, инв. № 2249, л. 22); за 1868 г. (там же, инв. № 1668, лл. 127—128); «Отчеты елисаветпольского губернатора за 1868 г.» (там же, л. 13); за 1870 г. (там же, инв. № 1660, лл. 6—8).

ствовавших зимой, когда скот из-за плохого питания совершенно истощался. Так, в результате одной из таких эпизоотий в 1856 г. в четырех уездах Шемахинской губ. — Шемахинском, Ленкоранском, Нухинском и Бакинском — из 8800 голов скота, находившихся в пораженном районе, заболело 2860 голов, из которых пало 1944 головы, или 68% всех заболевших животных [69].

Особенно большой падеж скота в Азербайджане произошел в 1859 г. В течение 10 дней в одном только кочевье Каравеллы Шушинского уезда пало 800 голов, в Ленкоранском участке Ленкоранского уезда с начала появления эпизоотии в январе по конец апреля пало 1098 голов. Всего в Ленкоранском уезде с 26 января по 6 июля заболело 13 776 голов, из которых пало 8123. В Шушинском уезде с 5 мая по 9 июня заболело 6002 и пало 1367 голов. В Шемахинском уезде с января по конец июля заболело 2581 и пало 907 голов и т. д. [70]

Особенно распространенной была карабахско-карадолахская порода овец. Шерсть карабахской овцы считалась грубой, ниже по качеству, чем шерсть тушинской овцы, но зато она получалась в большем количестве и была пригодна для выделки ковровых изделий. Общий сбор с головы в год составлял в среднем до 1,5 кг. В плохие годы он понижался до 0,8—1,0 кг [71]. Продавалась главным образом лучшая — весенняя шерсть («яфаги»), осенняя же («гюзами») почти целиком потреблялась в хозяйстве кочевника.

Из овечьего молока выделывались сыр, масло, кислое молоко и другие продукты. Часть из них употреблялась в самом хозяйстве, бóльшая же часть шла на продажу.

Первая попытка улучшения местной породы овец была предпринята в 1848 г., когда по распоряжению кавказского наместника Воронцова из Новороссийского края были выписаны мериносы и близ Тифлиса была устроена образцовая племенная овчарня. Но это не дало никаких результатов, и после семилетнего существования овчарня была ликвидирована [72].

В 1851 г. Кавказским обществом сельского хозяйства был приглашен иностранец де Битам. Он должен был исследовать состояние овцеводства в крае, а также заняться изысканием средств для улучшения качества шерсти [73]. После годового обследования де Битам представил отчет, и на этом дело заглохло [74].

Сведения о поголовье скота в Азербайджане в 1830-е годы мы находим в сборнике «Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях» (ч. 1—4, СПб., 1836). Данные его неточны и неполны, но приходится ими пользоваться, так как указанный сборник едва ли не единственный опубликованный источник по этому вопросу. Он позволяет хотя бы примерно воссоздать картину распределения поголовья различных видов скота по отдельным районам Азербайджана.

Сборник, как и другие материалы, подчеркивает, что «единственный источник богатства» кочевников составлял скот, который был в основном у них и сосредоточен [75]. У кочевников Ширванской провинции, по данным

---

[69] «Отчет военного губернатора управляющего гражданской частью Шемахинской губернии» (Научный архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 1719, л. 140).
[70] «Кавказ», 1859, № 77.
[71] М. Авдеев. Указ. соч., стр. 86.
[72] ЗКОСХ, № 3, стр. 42.
[73] «Труды КОСХ», год 30, № 1, 1885, стр. 39.
[74] «Кавказский календарь» на 1896 г., отд. V, стр. 283—284.
[75] «Обозрение российских владений...», ч. III, стр. 139, 296.

сборника, насчитывалось: лошадей — до 13 тыс.; овец и баранов — до 430 тыс. во время пребывания их на эйлагах и до 680 тыс. при переходе на кишлаги, т. е. в период, когда овцы ягнятся; быков — до 28 тыс.; коров — 45,6 тыс.; буйволов — до 4 тыс.; ослов — до 19 тыс. и верблюдов — до 600 голов [76]. Оседлые жители имели 40 тыс. овец, т. е. в 11 раз меньше, чем кочевники (по сравнению с 430 тыс.) [77].

Основанием для определения уровня развития скотоводства в Азербайджане в исследуемый период являются годовые отчеты начальников и губернаторов Каспийской области, Грузино-Имеретинской, Тифлисской, Шемахинской, Эриванской и Дербентской губерний, к которым обычно прилагались ведомости о количестве скота и его падеже по каждой губернии. Материалы этих отчетов были найдены А. С. Сумбат-Заде, систематизированы и сведены им в таблицы роста поголовья скота по отдельным видам в период 1843—1858 гг. [78]. К сожалению, они не всегда ежегодны, иногда отчеты дают сведения с перерывом до пяти лет.

На основании таблиц А. С. Сумбат-Заде, из которых взяты лишь итоговые цифры по каждому виду скота, нами составлена одна сводная таблица за те же 1843—1858 гг. (табл. 3) [79].

Таблица 3 показывает, что ведущей отраслью скотоводства не только по количеству поголовья, но и по темпам роста было овцеводство; за 1843—1857 гг. увеличение по шести уездам составило 171%. По количеству овец впереди были Кубинский, Шемахинский и Шушинский уезды, по темпам роста — Шемахинский и Шушинский уезды (за это время поголовье скота в первом повысилось на 117% и во втором — на 93%) [80].

По Елисаветпольскому и Нахичеванскому уездам данные еще менее систематичны. В Елисаветпольском уезде в 1845 г. насчитывалось 290 630 овец (вместе с козами), в 1850 г.— 441 180. В Нахичеванском уезде было в 1844 г. 34 616 голов и в 1849 г.— 42 068 голов [81]. Таким образом, Елисаветпольский уезд по развитию овцеводства во второй половине 40-х годов шел почти наравне с Шушинским уездом.

Примерно так же распределялся по шести уездам крупный рогатый скот, количество которого возросло с 1845 по 1858 г. на 121%. Наибольший рост дают Шушинский уезд (203%) и Ленкоранский (167%). По количеству поголовья на первом месте стояли Шушинский и Шемахинский уезды, за ними шли уезды Кубинский, Ленкоранский и Нухинский. Последнее место занимал Бакинский уезд.

Большое количество крупного рогатого скота концентрировалось в Елисаветпольском уезде. В 1844 г. там насчитывалось 81 739 голов, а в 1850 г. — 119 795. Таким образом, этот уезд шел вслед за Шушинским и Шемахинским уездами, занимая третье место. В Нахичеванском уезде крупного рогатого скота было меньше: в 1844 г. его насчитывалось 19 924 и в 1849 г. — 20 618 голов [82].

Коневодство стояло на третьем месте. Сильно развито оно было в Шушинском уезде (Карабах), считавшемся основным центром по

[76] Там же, стр. 138—139.
[77] Там же, стр. 107.
[78] А. С. Сумбат-Заде. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. Баку, 1958, стр. 82, 86—88.
[79] Елисаветпольский и Нахичеванский уезды в таблицу не включены из-за невозможности статистической обработки данных отчетов по ним, носивших несистематический, отрывочный характер.
[80] Цифра роста поголовья овец на 279% в Нухинском уезде не вызывает доверия из-за указанных неточностей источника.
[81] А. С. Самбат-Заде. Указ. соч., стр. 86—87.
[82] Там же, стр. 84—85.

Количество скота по шести уездам Азербайджана

Уезды	Лошади			Крупный рогатый скот		
	1843 г.	1858 г.	увеличение (+) или уменьшение (—), %	1845 г.	858 г.	увеличение (+) ил уменьшение (—), %
Бакинский	3 051	3 183	+4,3	6 790	4 281	—36,9
Нухинский	8 880	10 170	+13,4	32 756	57 149	+44,0
Кубинский	6 300	20 903	+231,7	63 623	83 978	+31,8
Ленкоранский	7 303	23 785	+225,6	31 000	82 785	+167,0
Шушинский	35 161	48 500	+37,9	85 200	258 310	+203,0
Шемахинский	22 273	34 326	+58,6	52 700	136 536	+ 15,7
Итого:	82 972*	140867	+69,0	272 069	623 039	+121,0

* Итог неправилен: должно быть 82 968.

разведению лошадей; за ним шел Шемахинский уезд (Ширван). Однако по темпам роста на первом месте стояли Кубинский уезд, давший увеличение конского поголовья за рассматриваемый в таблице период на 232%, а затем Ленкоранский, давший прирост в 225%. На предпоследнем и последнем месте стояли Нухинский и Бакинский уезды — прирост всего на 4,3%. Слабое развитие коневодства в Бакинском уезде компенсировалось в известной мере разведением верблюдов, наиболее удобного транспортного животного в условиях Апшеронского полуострова.

В Елисаветпольском уезде поголовье лошадей было значительным. И здесь он выходил на третье место. В 40-х годах количество лошадей здесь колебалось от 25 до 30 тыс. В Нахичеванском же уезде в 1844 г. насчитывалось всего 3452 и в 1849 г.— 3462 лошади [83].

Некоторое место отводилось в Азербайджане разведению вьючных животных — верблюдов, ослов и мулов, прирост которых шел довольно быстро. За 1845—1858 гг. по верблюдам в шести уездах он составил 127%. Данные роста поголовья ослов и мулов по нескольким уездам неизвестны за ряд лет и поэтому не включены в таблицу. В целом же по шести уездам в 1851—1858 гг. их количество возросло с 17 899 до 32 612 голов, почти на 82% [84].

Таблица 3 показывает, что наибольшее количество основных видов скота было сосредоточено в Шемахинском, Шушинском, Ленкоранском и отчасти Кубинском уездах, т. е. в тех уездах, где кочевое хозяйство получило наибольшее распространение. Для этих уездов характерен и более быстрый темп прироста скота. Так, например, в Шемахинском уезде в 1843 г. было в 2,5 раза больше овец, чем в Бакинском, а в 1858 г. — почти в 20 раз больше. Количество лошадей в Шушинском уезде в 1843 г. было больше, чем в Нухинском, почти в 4 раза, а по сравнению с Бакинским — более чем в 11 раз. К 1858 г. соотношение остается примерно таким же.

Еще более наглядно ведущая роль указанных и прежде всего Шушинского и Шемахинского уездов в развитии скотоводства Азербайджана за рассматриваемый период видна из таблицы 4 [85].

[83] А. С. Сумбат-Заде. Указ. соч., стр. 80—81.
[84] Там же, стр. 88.
[85] Составлена на основании данных сводной таблицы 3 путем вычисления процентного отношения количества скота каждого уезда к общему количеству скота по шести уездам.

Таблица 3

в начале 40-х годов и конце 50-х годов (тыс. голов)

Мелкий рогатый скот			Верблюды		
1843 г.	1857 г.	увеличение (+) или уменьшение (—), %	1845 г.	1858 г.	увеличение (+) или уменьшение (—), %
50 841	33 724	—33,6	870	2 120	+143,0
18 500	69 385	+279,0	196	55	—71,9
159 419	198 000	+24,2	49	510	+94,0
35 842	152 755	+44,6	132	1 607	+359,0
79 114	152 755	+93,0	290	2 340	+368,0
133 201	689 473	+117,0	3 100	4 910	+58,0
476 917	1 296 092	+171,0	4 637	11 542	+127,0

Таблица 4

Удельный вес в развитии скотоводства шести уездов Азербайджана в начале 40-х и конце 50-х годов (%)

Уезды	Лошади		Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Верблюды	
	1843 г.	1858 г.	1845 г.	1858 г.	1843 г.	1857 г.	1845 г.	1858 г.
Бакинский	3,6	2,2	2,8	0,6	11,8	2,6	18,7	18,3
Нухинский	10,6	7,2	12,4	9,1	3,9	5,3	4,2	0,4
Кубинский	7,6	15,8	23,4	13,4	33,4	15,2	1,0	4,4
Ленкоранский	8,8	16,9	11,4	13,2	7,3	11,7	2,8	13,9
Шу инский	42,3	35,5	31,3	41,4	10,5	11,7	6,2	22,2
Шемахинский	27,1	25,3	19,4	21,9	27,1	53,2	66,8	42,4
Итого:	100	100	100	100	100	100	100	100

К концу 50-х годов на Шушинский и Шемахинский уезды приходилось 60,8% лошадей, 63,3% крупного рогатого скота, 64,9% овец (вместе с козами) и 64% вьючных животных.

Таблица 4 еще раз подтверждает доминирующее положение овцеводства. Причем, в период 1843—1858 гг. рост поголовья мелкого рогатого скота шел параллельно с увеличением его удельного веса в составе стада.

* * *

Кочевое хозяйство Азербайджана в рассматриваемый период в основном еще продолжало оставаться натуральным. Но в то же время втягивание его в товарно-денежные отношения приобрело уже сравнительно большие размеры. На продажу шла не только часть скота, но и продукты скотоводства — масло, сыр, шерсть и т. д., а также предметы домашней промышленности — ковры, попоны, сумки, веревки и пр., изготовлением которых занимались преимущественно женщины.

В «Обзоре состояния сельского хозяйства и промышленности Тифлисской губернии» за 1849 г. в газете «Кавказ» указывалось, что жен-

щины селений и кочевий Елисаветпольского уезда «выделывают большое количество ковров, попон, сумок, веревок и прочих изделий, которые выгодно сбываются»[86]. Лучшие сорта ковров выделывали кочевые жители Бакинского и Шушинского уездов[87]. Ковры продавались на рынке по цене от 4 до 20 руб., паласы — от 2 до 15 руб., войлоки, употребляемые для попон, седел и кочевых кибиток,— от 50 коп. до 3 руб. штука[88].

Из-за отсутствия данных невозможно определить товарную часть продуктов скотоводства и предметов домашней промышленности. Имеются лишь отдельные цифры, которые все же позволяют составить приблизительную картину.

Так, в 1845 г. по всем шести уездам Каспийской области на продажу было вывезено 89 тыс. овец и коз из 762 900, или 11,7%; 19 150 голов крупного рогатого скота из 272 069, или 8,7%; 2750 лошадей из 87 тыс., или 3,1%[89].

Примерно такими же незначительными были размеры поступивших на рынок продуктов скотоводства: масла, сыра, кожи и т. д. Масла было продано 20 560 пудов, сыра — 23 270 пудов, сала — 11 860 пудов, шерсти — 26 960 пудов и кож — 40 500 штук[90].

Характерно, что и здесь впереди шли уезды с наиболее развитым кочевым хозяйством.

Шушинский и Ширванский уезды продали 72,6% указанного количества лошадей, 80,8% крупного рогатого скота и 31,6% мелкого рогатого скота. Так же обстояло дело и с продуктами скотоводства. Шерсти эти уезды сбыли 74,5% от всего проданного количества, масла — 71,4%, сыра — 70,9%, сала — 66,6% и кож — 63,8%[91].

Показательно также, что удельный вес продуктов скотоводства (прежде всего овцеводства), продававшихся кочевниками, был выше доли проданных овец. Выделываемые в кочевом хозяйстве шерсть, сыр, масло и т. д. предназначались для рынка в большей степени, чем овцы.

Если учесть, что всего в 1845 г. скота и скотоводческой продукции было продано на 532 585 руб.[92], а хлеба по тем же шести уездам в том же году — на 796 916 руб.[93], то можно констатировать, что развитие товарно-денежных отношений в кочевом хозяйстве достигло сравнительно больших размеров.

Продажа скота и продукция скотоводства носила регулярный характер и производилась на сельских базарах и рынках. В отчете за 1843 г. начальник Каспийской области сообщает о существовании в области развитой сети базаров и ярмарок. В Шемахинском уезде базары были в Лагиче, Баргушете, Хиллимли, Алтыагаче, Сальянах; в Нухинском — в Джафарбате, Хачмасе, Падаре, Агдаше, Султан-Нухе; в Ленкоранском — в Бодалане, Кизил-Агаче, Мосаллах и т. д.[94]. В селении Басхал Шемахинского уезда и местечке Сальяны Ленкоранского уезда были, кроме того, учреждены ежегодные ярмарки[95], где продавались главным

86 «Кавказ», 1849, № 19.
87 «Кавказ», 1850, № 21.
88 Там же.
89 А. С. Сумбат-Заде. Указ. соч., стр. 91—92.
90 Там же.
91 Подсчитано по документу, обнаруженному и опубликованному А. С. Сумбат-Заде (там же, стр. 90—91).
92 А. С. Сумбат-Заде. Указ. соч., стр. 91.
93 М. М. Эфендиев. Указ. соч., стр. 65.
94 «Отчет начальника Каспийской области за 1843 г.» (Научн. архив Ин-та истории АН Азерб. ССР, инв. № 1719, II, л. 262).
95 «Отчеты военного губернатора управляющего гражданской частью Шемахинской губернии за 1856 г.» (там же, инв. № 1719, л. 81).

образом хлеб, скот, фрукты, шелк, шелковые, бумажные и шерстяные изделия [96].

Однако, как отмечал губернатор Шемахинской губ. в 1860 г., для местной торговли бо́льшую роль играли базарные дни в селениях, а не ярмарки. «Такие селения,— писал он,— находятся в каждом уезде и составляют, так сказать, средоточие торговли и промышленности окрестных деревень» [97]. Ежегодный торговый оборот каждого из этих базаров колебался примерно от 50 до 100 тыс. руб., а более мелких — от 10 до 50 тыс. руб. [98].

О том, какая часть продукции кочевого хозяйства сбывалась на этих базарах, можно судить по следующим данным. В начале 30-х годов кочевые хозяйства Ширванской провинции производили 17 тыс. пудов масла, 9 тыс. пудов сыра и 30 тыс. пудов шерсти. Почти все это сбывалось на рынке. «Обозрение российских владений...» отмечает, что кочевые жители употребляли молоко, сыр и другие продукты скотоводства, несмотря на их обилие, в небольшом количестве, оставляя бо́льшую часть для продажи. Шерсть за долей, оставляемой для выделки ковров, войлоков, попон, мешков, веревок и т. д., продавалась по деревням, где она шла на сукно «самого низкого достоинства» [99].

В Талышинской провинции удельный вес кочевого хозяйства был ниже, чем в Ширванской. Масла производилось в нем в те же годы около 1400 пудов, сыра — 1200 пудов, шерсти — 1600 пудов [100]. Но почти все это количество продуктов было продано жителям ханства, а иногда они прямо обменивались в деревнях на хлеб и другие предметы.

Даже в такой провинции, как Шекинская, являвшейся основным шелководческим районом Азербайджана, продажа продуктов скотоводства достигала довольно больших размеров. Так, в 1827 г. из всех «собственных произведений» было продано: «рогатого скота и овец 5000 штук — в Грузию и Дагестан — на 25 000 руб..., сырых и выделанных кож буйволовых и бычачьих—в Грузию и Персию—на 2200 руб.» [101]. Часть продукции кочевого скотоводства вывозилась уже далеко за пределы губернии. Ширван в начале 30-х годов снабжал скотом не только Баку и Шекинскую провинцию, но и Грузию. Ежегодно за пределы губернии продавалось только овец и баранов до 45 тыс. ценой от 1,5 до 2,5 руб. серебром за голову [102]. В большом количестве скот и продукты скотоводства из Шемахинской губ. отправлялись в Турцию [103] и Персию [104].

* * *

За сотни лет развития кочевого хозяйства в Азербайджане знать кочевых племен постепенно оседала, сливаясь с земельными феодалами в единый господствующий феодальный класс. Несмотря на существование двух различных типов хозяйств — оседлого и кочевого — в силу ряда исторических причин сложилась единая система феодальных отношений.

---

[96] «Отчет начальника Каспийской области за 1843 г.» (там же, инв. № 1719, II, л. 262).

[97] «Отчет военного губернатора управляющего гражданской частью Бакинской губ. за 1860 г.» (там же, инв. № 1719, л. 158).

[98] «Кавказ», 1850, № 23.

[99] «Обозрение российских владений...», ч. III, стр. 140.

[100] Там же, стр. 250.

[101] Там же, стр. 385.

[102] Там же, стр. 139.

[103] Ю. А. Гагемейстер. Топографическо-хозяйственное описание», стр. 144.

[104] «Кавказ», 1850, № 18.

После присоединения Азербайджана к России, несмотря на последовавшую в 1803—1828 гг. ликвидацию ханств и превращение их в провинции с установлением в большинстве из них комендантского режима, социально-экономические отношения и формы управления, существовавшие в Азербайджане ранее, оставались фактически прежними до аграрных реформ 1846—1851 гг. Коменданты, стоявшие во главе провинций, подтверждали выданные прежними ханами ферманы (указы) и талаги (жалованные грамоты) о пожаловании бекам деревень и кочевий, а также сами раздавали бекам за службу в «управление» (тиюль) так называемые «населенные имения»[105].

Изменения коснулись в основном системы феодальных отношений. Азербайджанские ханы были лишены государственной власти. В связи с этим практически теряла значение и иерархическая организация класса азербайджанских феодалов, вассальная зависимость беков от ханов. Отношения собственности остались неизменными, только «условное держание» стало превращаться в фактически полноправное владение, не ограниченное какими-либо обязательствами[106].

Одной из наиболее распространенных форм феодальной земельной собственности в Азербайджане в рассматриваемый период оставался тиюль — условное частное владение землей. Тиюль означал как право взимания ренты-налога, целиком или частично, так и владение землей (селением, кочевьем, пастбищем) с их насельниками — податными крестьянами. С XVIII в. второй вид тиюля стал уже наиболее распространен, что хорошо видно из тиюльных пожалований азербайджанских ханов — кубинских, карабахских и нахичеванских[107]. В первой половине XIX в. это положение сохраняется.

Сохранились документы о владении беками и «населенными имениями», как именовались в русских официальных документах деревни и кочевья с принадлежавшими им зимними и летними пастбищами. Речь идет об «Описаниях» Карабахского, Ширванского и Шекинского ханств, проведенных в 20-х годах в связи с присоединением этих ханств к России. Наиболее интересны для нас «Описания» Карабахского и Ширванского ханств, где было наиболее распространено кочевое хозяйство[108].

Эти «Описания» представляют собой ведомости магалов указанных ханств с перечислением всех кочевий и деревень, либо принадлежавших хану и членам ханской фамилии, либо отданных в управление, т. е. в тиюль, бекам, либо пожалованных на правах собственности — мюлька.

При использовании «Описаний» следует учитывать их особенности как источника. «Описания» составлялись с фискальными целями. Поэтому в них подробно описывались доходы, поступавшие с каждого магала, имения, деревни и кочевья хану и теперь должные поступать в царскую казну. Благодаря этому мы имеем единственный в своем роде по богатству материал, сочетающий в себе подробное камеральное описание с ведомостями о существующих формах пожалований, а также

---

[105] «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20—60-х годах XIX в.», ч. I, М.— Л., 1936, стр. 9—10.

[106] См. об этом Г. И. Дадашев. О феодально-крепостнических остатках в пореформенном Азербайджане.— «Труды Ин-та истории партии при ЦК КП Азербайджана», № XX, стр. 122.

[107] См. «Указы кубинских ханов», Тбилиси, 1937, док. 9, 12, 13 и 16.

[108] По Шекинскому ханству не показано ни одного кочевья (см. «Описание Шекинской провинции, составленное генерал-майором Ф. Ахвердовым и ст. советником Могилевским в 1819 г.», Тбилиси, 1866. ЦГИА Азерб. ССР, ф. 24 (Верховное грузинское правительство), оп. 1, д. 65.

дающий сведения о социальном составе деревень и кочевий и т. д.[109] Но, с другой стороны, указанная цель «Описаний» привела к тому, что повинности податного населения представлены в них неполно. В ведомостях описаны в основном лишь подати, уплачиваемые крестьянами в ханскую казну и в счет дани царскому правительству. Сведения же о повинностях крестьян по отношению к феодалам недостаточны[110].

Кроме того, «Описания» явно преувеличивают количество селений, деревень и кочевий, принадлежавших бекам, особенно по Карабахской провинции. Это объясняется тем, что беки, пользуясь незнанием Могилевским и Ермоловым, проводившими обследование, языка, местных обычаев и специфики феодальных держаний в азербайджанских ханствах, показывали за собой селения, никогда им не принадлежавшие. Чиновники же, описывавшие Карабах, «записали со слов их те селения за ними, и это неосновательное описание до сего времени служит бекам доказательством прав их на недвижимые имения»,— писал Паскевичу в апреле 1830 г. Зубарев, составивший очень интересную и правдивую записку о Карабахской провинции[111]. Многие беки шли еще дальше, представляя сплошь и рядом фальшивые ханские талаги, сфабрикованные с помощью одного из крупнейших беков Карабаха, любимца хана Рустам-бека, который после бегства в Персию Мустафа-Кули-хана остался «хранителем» ханской печати и, пользуясь этим, «наделал дарственных грамот себе, своим родственникам и другим бекам»[112].

Согласно «Описаниям», в Карабахской провинции из 527 сельских названий 295, или 55,9%, составляли кочевья. В Ширванской провинции на долю кочевий приходилось 109 названий из 271, или 40,2%.

Материалы ведомостей «Описаний» свидетельствуют о широком распространении в Карабахской и Ширванской провинциях отдачи в «управление» тому или иному беку, т. е. в тиюль, не только отдельных кочевий, но и целых магалов. Так, капитану Мирзе-Али был дан в управление Мехти-Кули-ханом Карабахским Кеберлинский магал, состоявший сплошь из кочевий, Шариф-хан-беку по ханской талаге — Дживанширский магал. Мустафа-ханом Ширванским отданы были в управление Умуд-бека Ханчобанский магал, весь состоявший из кочевий. Кабристанский магал, также кочевой, был пожалован мелику Багиму и т. д. В целом из 295 кочевий 117 было передано карабахскими ханами — Ибрагим-ханом и его сыном Мехти-Кули-ханом — в управление бекам. В Ширванской провинции из 109 кочевий в тиюль отдано было 76 кочевий.

Когда в тиюль жаловалось лишь право взимания ренты-налога или ее доли, тиюльдар совершенно не вмешивался в процесс сбора податей и управление пожалованного ему кочевья. Такой вид тиюля, как отмечалось, в начале XIX в. был уже весьма редким. В том же случае, когда в тиюль отдавалась целая область (как, например, Кеберлинский, Дживанширский и другие магалы в Карабахской провинции и Элатский,

---

[109] Камеральные описания в так называемых «мусульманских провинциях», в отличие от Грузии, где эти описания стали впоследствии основным источником для изучения проблемы расслоения крестьянства в дореформенный период, производились довольно нерегулярно и страдали крайней неполнотой.

[110] Например, в «Описании Ширванской провинции», в котором данных о податях и повинностях, отбываемых в пользу бека, больше, нежели в «Описаниях» по другим ханствам, очень часто вместо перечисления их указывалось: «Все подати принадлежат беку», или: «Плата подати зависит от произвола бека». По Карабахской провинции показаны только доходы, поступавшие в ханскую казну, а о других было написано: «Остальные подати уплачивались помещику».

[111] АКАК, т. VII, док. 411.

[112] Там же.

Ханчобанский и другие магалы в Ширване), то тиюльдар соединял в одном лице держателя-феодала и управителя. Это отразилось в соответствующих заглавиях ведомостей «Описаний», указывавших, в чьем управлении находился данный магал.

Тиюльдар в отношении своего сюзерена-хана мог быть обязан либо несением службы, либо оказанием какой-либо услуги, иногда изъявлением простой лояльности. К пожалованиям подобного рода особенно прибегал иранский шах во время русско-персидской войны, всячески поощрявший оставшихся ему верными азербайджанских беков.

Так, например, иранский наследный принц Аббас-мирза отдал в управление ханам все Нахичеванское ханство за определенную откупную сумму [113].

Особенное внимание уделялось знати полукочевого племени кенгерли, составлявшего значительную часть населения Нахичеванского ханства и игравшего определенную роль в русско-персидских отношениях [114].

Многочисленные документы, относящиеся к первой половине XIX в., свидетельствуют, что пожалование тиюля в наследственное держание получило в это время широкое распространение. Правда, почти повсюду речь идет о «населенных имениях» с оседлыми крестьянами [115], но нет сомнения, что это в равной мере относилось и к кочевым и полукочевым селениям.

Однако с утверждением в Азербайджане господства русского царизма положение «наследников-тиюльдаров» резко ухудшилось. Царская администрация не соглашалась признавать притязания беков на наследственное владение крестьянами, требуя документальных подтверждений, которых у большинства беков не было. Об этом свидетельствует большое количество сохранившихся материалов, представляющих собой прошения крестьян с просьбой об освобождении их от управления наследным тиюльдаром-беком, с резолюциями губернских и уездных властей, требующих от тиюльдара подтверждения права владения соответствующими документами [116].

Однако в этой политике царизм был не всегда последователен, что объяснялось его стремлением создать себе опору в лице местной феодальной знати, подкупая ее теми же самыми феодальными привилегиями, которыми жаловали их прежние ханы [117].

Не менее распространенной в рассматриваемый период формой феодальной земельной собственности в Карабахской и Ширванской провинциях был мюльк. Так, в Карабахской провинции из 295 кочевий в мюльк было пожаловано 126 и в Ширванской — из 109 кочевий 27.

В отличие от тиюля владение мюльком не было обусловлено никакими обязанностями мюлькадара по отношению к сюзерену-пожалователю. Главная разница заключалась в том, что владелец мюлька мог продавать и передавать свои земли по наследству, чего не вправе был делать владелец тиюля. Мюлькадры пользовались еще одним правом —

---

[113] «Статистическое описание Нахичеванского ханства», стр. 51—52.

[114] «Нахичеванские рукописные документы», док. 16.

[115] «Указы кубинских ханов», док. 5, 6 и др.; И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 220—221; И. М. Гасанов. Частновладельческие крестьяне в Азербайджане в первой половине XIX в. Баку, 1957, стр. 55—56.

[116] ЦГИА Груз. ССР, ф. 4, оп 2, д. 667; ф. 22, оп. 4, д. 60, лл. 1—2, 7, 13—14, 19—20, 21; оп. 5, д. 100, л. 6.

[117] Подробно о характере земельной политики царизма см. в сб. «Колониальная политика», ч. 1—2; И. М. Гасанов. Указ. соч., гл. 1.

правом давности. Именно на факт давности они ссылались прежде всего, когда возникала необходимость доказать правомочность владения. Так, например, один из беков Карабахской провинции обратился в 1838 г. с просьбой о возвращении ему кочевья Багралу, упирая на давность владения, хотя у него были документы, доказывавшие его владельческие права.

Основной аргумент был тот, что «Багралу со времен самого Ибрагим-хана поныне принадлежал отцу моему, и по смерти его мне» [118],— писал бек в прошении.

В начале XIX в. наиболее распространенными были следующие виды мюлька [119]. Первый вид мюлька — это мюльк-рента, т. е. та доля ренты-налога, которая взималась владельцем с крестьян деревень и кочевий, принадлежавших ему на правах мюлька. В Карабахской, Ширванской и Шекинской провинциях были кочевья, подати с которых шли в пользу мюлькадара, согласно выданной ему ханом талаге, только частично. Часто это была какая-нибудь одна подать. Так, по ханской талаге Асат-беку была пожалована «потомственно» подать «калантарлык» с кочевья Султанлы-Кюрт (Карабахская провинция); та же подать с кочевья Бабали Дживанширского магала была пожалована Аджи-Ага-Азиз-беку [120]; Аджи-Агалар-беку пожалована была подать «калантарлык» с кочевий Шайланли, Гялохчи, Тахмазли [121]. Ханами Ширванской провинции отдано было в собственность бекам 1006 оседлых дымов и 388 дымов кочевых крестьян с правом взимания с них только части доходов и т. д. [122]

Другая часть ренты-налога шла в пользу ханской казны, а после присоединения ханств к России — в царскую казну. Нередко мюлькадар получал от хана талагу, ввиде особой милости, на право взимания также и той доли ренты-налога, которая должна была идти в пользу ханской казны.

В ведомостях по Карабахской и Ширванской провинциям указана масса кочевий, принадлежавших различным мюлькадарам, которым пожаловано было право взимания всей ренты-налога, причитавшейся с данного кочевья. В этом случае в примечаниях против названий соответствующих кочевий говорилось: «Все доходы с его кочевья получает бек, коему оно принадлежит по ханской талаге»; или: «Все подати, следующие по раскладке, ханом дарились... беку» [123].

Вторым видом мюлька было феодальное поместье, крупное или мелкое. Такие владения именовались обычно «родовыми имениями». В большинстве случаев мюлькадар являлся наследственным владетелем. Как правило, собственного хозяйства на своих землях он не вел.

С разделением ханств на магалы во главе магала ставился так называемый магальный бек, выбиравшийся из числа наиболее родовитых беков. Очень часто подведомственный магальному беку магал составлял его родовое имение, и такой порядок сохранялся неизменным и после присоединения ханств к России [124]. Как и прежде, все подати продолжали поступать беку-мюлькадару. Разница состояла лишь в том, что все имения были обложены дополнительным окладом, шедшим в цар-

---

[118] ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 4537, л. 2.

[119] Мы будем исходить из классификации мюлька, предложенной И. П. Петрушевским (см. указ. соч., стр. 229—233).

[120] «Описание Карабагской провинции».

[121] Там же.

[122] «Обозрение российских владений», ч. III, стр. 365.

[123] «Описания» Карабагской и Ширванской провинций.

[124] «Колониальная политика...», ч. I, стр. 102.

скую казну в счет уплаты дани [125], и мюлькадар был обязан ту часть податей, которая по раскладке приходилась на его имение, уплачивать в царскую казну [126].

Земли мюлькового имения находились в пользовании крестьянских общин или сдавались владельцем отдельным малоземельным и безземельным крестьянам на условиях издольной аренды. В обоих случаях крестьяне за пользование землей уплачивали владельцу ренту. Такой порядок землевладения, основанный на слабом развитии, а зачастую и на совершенном отсутствии господского хозяйства, имел особенно благоприятные условия распространения в сфере кочевого хозяйства, куда он и восходил генетически. Пастбища феодала находились в пользовании целых кочевых обществ, зависевших от феодала не только по земле, но и по скоту, поскольку количество скота находилось в прямой зависимости от размеров пастбищных мест.

О характере аренды пастбищ кочевниками можно судить по одному из прошений беков кочевья Кара-Ильхичи, владевших третью пастбищной земли Синджан (в Геокчайском уезде), в котором они писали следующее: «Третья часть земли под названием Синджан принадлежит нам, которая как в ханское время, так и после поступления нашего края под покровительство России состояла и состоит в бесспорном нашем владении и ежегодно отдавая таковую в аренду разным жителям, получаем поземельные доходы; таким образом по настоящее число мы пользуемся оною как своею собственностью» [127]. Как видим, беки никакого участия в сельскохозяйственном производстве не принимали, довольствуясь лишь получением ренты. Именно поэтому в 1852 г. с введением новой податной системы земля эта была отторгнута в пользу казны. Казенное управление мотивировало это отторжение тем, что постоянно пользовались этой землей крестьяне-кочевники, а не владелец.

Третьим видом мюлька был «халисэ». В 1842 г. жители кочевья Гевханы обратились в Палату государственных имуществ с просьбой о наделении их, ввиду малоземелья, хлебопахотной и сенокосной землей. Им было отказано вследствие того, что они принадлежали «в халису» Ханали-беку, который и «наделил их своею землею столько же, сколько у них было прежде»; кочевники же были должны платить $^1/_{10}$ часть урожая названному беку [128]. «Халисэ», или «мюльк- и хасс ва халис», представляли собой мюльковые имения, пользовавшиеся податным иммунитетом. Так же назывались и рента, поступавшая с такого мюлька, и крестьяне, сидевшие на землях «халисэ» [129].

Таким образом, в начале XIX в. в сфере кочевого хозяйства, как и оседлого, наиболее распространенными формами феодальной собственности были мюльк и тиюль (табл. 5) [130].

---

[125] Так, например, Карабахская провинция должна была уплачивать ежегодно в счет дани 8 тыс. червонцев, а податное население было обязано отбывать почтовую повинность и доставлять дрова («Описание Карабагской провинции»). В Ширванской провинции, кроме денежной подати червонцами, взыскивалась еще часть сурсаты — повинности, введенной в 1805 г. в связи с присоединением к России: крестьяне, помимо основных феодальных повинностей, должны были доставлять в распоряжение местной военной администрации определенное количество провианта; большей частью сурсата взималась пшеницей, а также ячменем («Описание Ширванской провинции»).

[126] «Описания» Карабагской и Ширванской провинций.

[127] ЦГИА Азерб. ССР, ф. 22. оп. 4, д. 60, лл. 1—2, 7, 13—14, 19—21, 33—34, 40, 44, 82—83, 86 (подчеркнуто мною.— *Д. И.*).

[128] ЦГИА Азерб. ССР, ф. 32, оп. 1, д. 66, лл. 11—12.

[129] См. об этом подробно И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 237.

[130] Составлена по данным ведомостей «Описаний», в специальных графах которых отмечалось, кому и на каких условиях принадлежит данное кочевье. К тиюльным вла-

Таблица 5

Соотношение мюльковых и тиюльдарных владений в кочевом хозяйстве в Карабахской и Ширванской провинциях в начале XIX в.

Провинции	Общее число кочевий	Число дымов в кочевьях	Тиюльные кочевья		Отношение тиюльных кочевий к общему числу кочевий, %		Мюльковые кочевья		Отношение мюльковых кочевий к общему числу кочевий, %	
			число кочевий	число дымов	по числу кочевий	по числу дымов	число кочевий	ло дымов	по числу кочевий	по числу дымов
Карабахская .	295	8 911	117	5 236	39,6	58,7	126	2888	42,7	32,4
Ширванская .	109	4 445	76	3 519	69,6	78,0	27	753	24,7	16,2
Итого:	404	13 336	193	8 755	47,7	65,5	153	3641	37,8	27,2

Таблица 5 показывает, что в Карабахской провинции преобладали (по количеству кочевий) мюльковые кочевья (42,7%), а в Ширванской — тиюльные (69,6%). Удельный вес мюльковых кочевий в Карабахской провинции был бы немного выше, если бы значительная их часть не принадлежала хану (52 кочевья из 295, или 17,5% общего количества кочевий).

* * *

Вопрос о характере землепользования в кочевом хозяйстве Азербайджана в изучаемый период тесно связан с проблемой природы кочевой общины, представляющей большие трудности из-за почти полного отсутствия источников. Превосходное исследование общины у народов Закавказья, сделанное С. А. Егиазаровым[131], кочевую общину затрагивает очень бегло. Основываясь лишь на материалах, относящихся к кочевникам-курдам Эриванской губ., Егиазаров считал, что курдская кочевая община «оба» была присуща и кочевникам Бакинской и Елисаветпольской губерний[132]. По его мнению, «оба» представляла собой совокупность нескольких домохозяев, владевших общим юртовым местом. Это был союз отдельных скотовладельцев, очень часто даже не односельцев, своего рода товарищество, вызванное к жизни условиями пользования пастбищными угодьями.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи входить в рассмотрение чрезвычайно сложного вопроса об эволюции родо-племенной об-

---

дениям нами отнесены те, владельцы которых назначались «управителями» либо целых магалов, либо отдельных кочевий; к мюльковым отнесены кочевья, составлявшие, как указывается в ведомостях, «собственность» бека. Следует обратить внимание и на то, что И. П. Петрушевский, пользовавшийся данными этих ведомостей, по каким-то причинам не использовал их для определения удельного веса обеих форм феодального держания. Более того, говоря о распространении мюлька в закавказских ханствах, в частности в Карабахском, он подчеркивал отсутствие статистического материала для более убедительного доказательства существования мюлька и в азербайджанских ханствах (указ. соч., стр. 241—242).

[131] С. А. Егиазаров. Исследование по истории учреждений в Закавказье, ч. 1. Сельская община.

[132] С. А. Егиазаров. Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии.— «Свод материалов...», т. I, ч. 1, Тифлис, 1887, стр. 78—91; там же, т. III, ч. 2, Тифлис, 1888; С. А. Егиазаров. Сельская община в Елисаветпольской и Бакинской губерниях.— «Свод материалов...», т. III, ч. 2, стр. 27—29.

щины кочевников Азербайджана, начиная со времени ее возникновения и до изучаемого времени, и основываясь лишь на косвенных доказательствах, мы тем не менее позволим себе не согласиться с мнением А. С. Егиазарова. На наш взгляд, кочевая община еще задолго до XIX в. стала по своей социальной природе такой же, как и сельская община Азербайджана, отличаясь от нее бытовыми, а не принципиальными особенностями, прежде всего сохранением внешней оболочки родо-племенной организации.

Живучесть родо-племенных атрибутов (несмотря на то, что в описываемое время от племен и родов остались по существу лишь одни названия, фактически племена и роды исчезли как кровнородственные союзы уже к XVI в.[133]) была вызвана спецификой кочевого хозяйства. Сохранение внешней формы общинно-родовой собственности на пастбище и подразделения на роды были вызваны экономической необходимостью. Освоение пастбищ, условия зимнего и летнего выпаса скота, вопросы водоснабжения, охраны стад и т. д. требовали перехода из поколения в поколение одних и тех же пастбищных участков. Так, например, карадолагцы из рода в род имели зимние пастбища в долине р. Куры, в местности «Хонашин» и «Уч-тепе», а летние пастбища — на эйлагах Карабаха и Зангезура. Роды племени кебирлы постоянно кочевали зимой в долине р. Гаурархы, а летом откочевывали частью к озеру Севан (местность Алагеллер и Джапиллакан), частью — в Курдистан[134].

Поэтому в прошениях, подававшихся кочевниками местной и центральной администрации с просьбой о разрешении оседлого поселения, они всегда особо подчеркивали необходимость поселения их на тех пастбищных участках, которые находились еще в пользовании их предков: отцов, дедов и т. д.[135].

В действительности в условиях развитой, давно господствовавшей феодальной собственности на землю родовая общинная собственность на пастбища представляла собой лишь юридическую оболочку феодальных поземельных отношений.

Доказательством этому служит, на наш взгляд, в первую очередь частное, подымное владение скотом внутри общины. К сожалению, это утверждение приходится обосновывать лишь косвенными данными, но они представляются достаточно убедительными.

Обратимся прежде всего к этнографическим материалам, собранным для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, которые рассказывают о жилищах и содержании скота у кочевников Азербайджана. И. Л. Бахтадзе так описывает зимовники бедных кочевых крестьян. Эти зимовники представляли собой «жалкое подобие человеческого жилья» в виде земляной норы без окон, с одним узким выходом. В этой норе без всякого порядка размещалось все имущество кочевой семьи, включая скот. Зимовники же более богатых кочевников, по словам Бахтадзе, состояли из трех комнат. Для скота строились специальные хозяйственные помещения — хлев, овчарня[136]. Нет никакого сомнения в том, что скот, содержавшийся каждой семьей, являлся собственностью семьи, а не общины.

До 80-х годов сохранился чрезвычайно интересный обычай, называвшийся «тамазлух», который также свидетельствует о подымном владе-

---

[133] И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 90, 95.
[134] ЦГИА Азерб. ССР, ф. 22, оп. 16, д. 11, л. 85; оп. 4, д. 286, л. 13.
[135] Материалы этнографической экспедиции Ин-та истории АН Азерб. ССР 1947 и 1948 гг. к бывшим кочевникам Мильско-Карабахской степи (Научный архив, инв. № 3632 (II), оп. 22, стр. 3).
[136] И. Л. Бахтадзе. Указ. соч., стр. 97.

нии скотом. Обычай этот заключался в том, что член общины, лишившийся по какой-либо причине скота, собирал себе новое стадо с помощью соседей-кочевников, которые к назначенному дню дарили ему скот из своего стада [137]. Последнее обстоятельство не опровергает утверждения о подымном владении — оно объясняется совместной пастьбой скота, и главное общим пользованием основным средством производства кочевника — пастбищами.

Кочевая община в Азербайджане, как это прослеживается по имеющимся материалам, генетически, видимо, восходит непосредственно к родо-племенным общинам. Об этом свидетельствуют и данные топонимики: к XIX в. в наименованиях большинства кочевий сохранились следы родо-племенных названий. Как правило, они совпадают. Приведем в качестве примера названия некоторых племен, кочевавших в Мильско-Карабахской степи: алиханлы, гаджилы, караханбеглы, кебирли, муганлы, овшарлы, теклели, ягливендлы, ходжевендлы, шахсевенлы и т. д. По данным источников, послуживших основой при составлении карты расселения кочевий, а следовательно, и максимально полного их списка, перечисленные родо-племенные названия встречаются в наименованиях многих кочевий. Так, например, в «Описании Карабагской провинции» числились кочевья с наименованиями Гаджилы, Дилагарда, Караханбеглы, Муганлы, Мерзилы, Овшар (Афшар); несколько кочевий выступали под названием Текля (Текля, Текля Аллах-Верян-Юзбаши, Текля Мамед-Юзбаши), Ходжавент, Ягливент и др.; кочевья, зафиксированные в ведомостях «Описания Ширванской провинции», носили названия Боят-Мелик-Умуд, Алпоут, Овджулы и Текля.

Однако мы никак не можем считать их родовыми общинами. Феодальная собственность на пастбища вызывала в конечном итоге перерождение общинного землепользования кочевников. К этому же приводили и мероприятия царского правительства, начавшиеся в 40-х годах, по изменению податной системы в отношении кочевых обществ, арендовавших отошедшие к царской казне пастбищные земли. Наконец, кочевое общинное землепользование разрушалось и превращалось в надельное владение отдельных семей в связи с процессом оседания кочевников, особенно усилившимся в 50—60-х годах.

И частное скотовладение, и перерождение прежнего общинного землепользования, помимо других факторов, вели к усилению процесса имущественного неравенства среди кочевников — членов общины, которое в изучаемое время было уже очень значительным.

Особенность кочевой общины, по сравнению с сельской земледельческой общиной, состояла в том, что она совершенно не знала передела пастбищ и кочевий. Наоборот, они были раз и навсегда закреплены, и всякое притязание другой кочевой общины на тот или иной земельный участок вызывало крупные столкновения. Пастбищные участки каждого кочевья ограждались друг от друга бороздами или просто кучками камней, называвшимися «зомами» [138].

Кочевые общества, подобно тому как они создали свою собственную раскладку податей и повинностей, создали также особую систему разверстания земельных угодий и оросительной воды. Эта система появилась, безусловно, сравнительно поздно, когда не осталось уже свободных пастбищ и начали постепенно расти земельные запашки в районе зимних пастбищ. Она получила название «кара» или «кылча» и пред-

---

[137] «Сборник по описанию местностей и племени Кавказа», Тифлис, 1888, вып. VII, отд. 2, стр. 69—70.

[138] «Свод материалов...», т. III, ч. 2, Тифлис, 1888, стр. 10.

ставляла собой наиболее примитивную из всех существовавших у крестьян обеих губерний Азербайджана систем разверстания угодий. Суть ее состояла в следующем. Каждому хозяину, владевшему двумя головами крупного и 40 головами мелкого или одной головой крупного и 80 головами мелкого скота, отводился пастбищный участок в 75 веревок в длину и в 2 веревки в ширину. Длина веревки равнялась 11 саженям. Участок размером около 18—150 кв. саж. служил основной единицей налогового обложения. Он-то и назывался «кара», а иногда «кылча» (лошадиная нога) или «шага»[139].

* * *

До 40-х годов, т. е. до рескрипта 6 декабря 1846 г. и аграрных законов 1846—1847 и 1852 гг., податная система в изучаемом районе, так же как и система поземельных отношений, осталась в основном неизменной. Новое с присоединением Азербайджана к России выразилось лишь в новой подати с населения, собиравшейся для уплаты дани царской казне, да в перераспределении части податей между ханом и царской казной.

С конца 40-х годов наступают серьезные изменения, причем не только в податной системе, но и в очень значительном перераспределении частного феодального землевладения в пользу русского государства, в результате чего в Азербайджане возник громадный фонд государственных земель. Сюда, во-первых, отошли земли, называвшиеся государственными (дивани), в отличие от земель, принадлежавших ханским родам и всему остальному вассалитету, во-вторых, земли и «имения», конфискованные у ханов и беков как не пожелавших перейти на сторону царизма, так и активно выступавших против него[140]. В первую очередь к казне были приписаны обширные пастбищные угодья.

Переходя к подробному анализу податной системы, просуществовавшей до середины XIX в., прежде всего следует подчеркнуть, что ни по характеру, ни по объему невозможно разграничить повинности, отбывавшиеся кочевниками — элятами и оседлыми крестьянами — рейятами в пользу феодала, как нельзя установить и разницу в характере повинностей в зависимости от формы феодального владения. Они были совершенно одинаковыми, касалось ли это мюлькадара, владельца тиюля или хана. Разница могла быть только в доле ренты-налога, получаемой казной и землевладельцем. Это позволяет вести анализ, не делая различия между категориями феодального землевладения.

К сказанному, однако, надо прибавить, что еще в первые десятилетия после присоединения ханств к России положение элята по сравнению с рейятом в отношении уплаты податей было несколько более выгодным. Это объяснялось сохранением еще значительной массы свободных пастбищных угодий, обусловивших отсутствие у крестьянина-кочевника регламентированной нормы земельного надела. Поэтому он платил подать не с земельного надела, а с головы скота. Тяжесть последней он мог частично компенсировать увеличением поголовья за счет использования существовавших пастбищных резервов.

Подати и повинности элятов можно сгруппировать и разделить на пять видов. К первой группе мы отнесем поземельные и подоходные подати и сборы, связанные с системой землепользования кочевого ското-

---

[139] «Свод материалов...», т. III, ч. 2, Тифлис, 1888, стр. 10.

[140] Там же, т. II. Происхождение государственных крестьян. Тифлис, 1888, стр. 60—83.

водческого хозяйства. Это были прежде всего подати, уплачивавшиеся за право пастьбы скота на пастбищных участках и за самую пастьбу скота. Обе подати уплачивались отдельно, и размер каждой из них определялся, повторяем, не размерами используемой пастбищной площади, а количеством выпасаемого скота.

Первая подать уплачивалась натурой — скотом, маслом, сыром, шерстью и т. д.

Проиллюстрируем характер этой подати на нескольких примерах. По данным ведомости о денежных и хлебных сборах по Армянской области за 1828—1829 гг.[141], азербайджанское племя джамандилю за пастьбу скота на земле сардаря платило с каждой сотни овец по две овцы — одной большой и одной маленькой[142].

По свидетельству Нефедьева, члена Комиссии для составления положения об устройстве Закавказского края и автора записки о системе управления в Нахичеванской и Карабахской провинциях, Эксан-хан во время своих ежегодных кочевок по провинции, в частности по Даралагезскому магалу, собирал значительную дань с жителей Карабаха «за дозволение кочевать на землях сего магала»[143].

Иногда подать взыскивалась не со скота, а с определенного количества кибиток. Так, в рапорте управляющего Талышинским ханством о податях, собранных с жителей этого ханства за 1830 г., указывается, что с кочующих жителей племени дилагорда было собрано со 155 кибиток 30 лошадей и 55 голов рогатого скота. В скобках отмечалось, что «люди сии бывшему владельцу Мир-Гасан-хану взносили подать тем же»[144].

О платеже подати только за одно право пастьбы скота на пастбищах хана писал и В. И. Иваненко[145].

Вторая подать — «чобан-беги»[146] — взаималась с головы скота и взыскивалась частью скотом, частью деньгами. По данным той же ведомости по Армянской области, «чобан-беги» взыскивалась либо с овечьей отары (отарой обычно считалось стадо в 1000 голов), либо с сотни овец.

Курды племени зилани платили сардарю ежегодно с сотни овец по два барана (большому и маленькому) и по пяти халваров (ослиных вьюков) масла со всех своих отар[147].

Так же взыскивалась подать «чобан-беги» и с кочевого племени джалали, выплачиваясь частью натурой, частью деньгами. Так, род сакенлю платил ежегодно с каждой отары по 5,5 тумана (всего 48 туманов с

---

[141] В конце 1828 г., сразу же по занятии русскими войсками Ереванского ханства, царскими чиновниками была составлена ведомость о денежных и хлебных сборах по этой области. В основном она базировалась на составленном в последние годы независимости ханства (1826—1827) персидском документе, отражавшем порядок податного обложения населения ханства. Один из разделов ведомости содержит ценные сведения о характере отбывания податей и повинностей кочевыми и полукочевыми племенами Ереванского ханства, основную массу которых составляли кочевые племена азербайджанского происхождения — беюк-чобанкара, керим-беглю, кафарлы, шейхлар, кизилбаш-ушаги и др. Ведомость эта была обнаружена и опубликована Н. Г. Богдановой (см. «К вопросу о феодальной эксплуатации кочевников Закавказского края в первой трети XIX в.» — «Исторический архив», т. II, 1939).

[142] Там же, стр. 235—236.

[143] «Колониальная политика...», ч. I, стр. 340.

[144] ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 2265, л. 1.

[145] «Кочевники (речь идет об элятах Шемахинского ханства.— *Д. И.*) управлялись более или менее независимо от хана своими султанами и племенными старшинами, которые обыкновенно уплачивали хану определенную подать за пользование пастбищною землею» (В. И. Иваненко. Указ. соч., стр. 245).

[146] Буквально «сбор в пользу начальника пастухов», впоследствии заменяется термином «чоп-баши» (см. И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 270—271).

[147] «Исторический архив», т. II, М.— Л., 1939, стр. 235—236.

четвертью за восемь полных отар и 750 баранов), по 12 батманов бараньего масла и 25 пар шерстяных мешков со всех отар [148]. Род бильхи-кенлю этого же племени делился на две части. Одна его часть, принадлежавшая Туш-Маль-аге, платила с 11 отар 60 туманов 5 миналтунов, по 12 батманов масла с каждой отары и 33 пары шерстяных мешков со всех отар [149]. Другая часть, принадлежавшая Иса-аге, платила с пяти отар и 700 баранов 31 туман 3,5 миналтуна, по 12 батманов масла с каждой отары и 16 пар шерстяных мешков со всех отар [150]. Таким образом, в среднем с отары «чобан-беги» составлял: 5,5 тумана, 12 батманов масла и примерно 3,3 пары шерстяных мешков.

В Ширванском ханстве подать за пользование зимними пастбищами взималась в несколько своеобразной форме. Сбор назывался саркерством [151] и составлял собственность и одну из основных статей дохода брата ширванского хана Исмаил-бека. Согласно данным «Описания Ширванской провинции», Исмаил-бек ежегодно получал с кишлагов Ширванского ханства не менее 1000 баранов и 1000 руб. ширванскими деньгами (200 червонцев) в среднем. По подсчетам составителей «Описания», исходивших из того, что один баран стоил 1 р. 60 к. ширванскими деньгами, ежегодный доход Исмаил-бека составлял 26 тыс. руб. (520 червонцев) [152].

Впоследствии саркерство стало поступать в царскую казну в качестве оброчной статьи. За пасущуюся голову мелкого скота была установлена плата в 4 коп., крупного — 10 коп. «Казна извлекала из этой статьи около 11 097 руб. сер.», и эта статья считалась наиболее доходной из всех оброчных [153].

Поземельной податью следует считать также и те сборы, которые уплачивали кочевые хозяйства, имевшие небольшие запашки. В основном они засевались хлебом, но частично земля возделывалась для чалтыководства (рисоводства) и шелководства. Подать эта была дополнительной. Бралась она с доли урожая, так же как и у оседло-земледельческого населения, и называлась по-разному: «мал-джехат», «бахра», «сальяна», в зависимости от районов распространения и правил обложения. Например, некоторые кочевья Карабахской провинции, освобожденные от уплаты мал-джехата и бахры (они состояли в ханском ополчении), обязаны были вносить только сальяну [154]. Остальные уплачивали другую из этих податей, в отдельных случаях — две. В Армянской области в 30-х годах 1383 кочевых дыма из 2139 (64,7%), помимо денежной подати, были дополнительно обложены царской казной 1/3 четверти пшеницы с дыма [155]. Это уже (как и сама попытка выяснить количество семейств, платящих также хлебную подать) свидетельствует о довольно

---

[148] «Исторический архив», т. II, стр. 235—236. Под «парой шерстяных мешков» подразумевалась, видимо, широко распространенная на Кавказе форма мешка под названием «хирджин», состоявшего как бы из двух больших, соединявшихся между собой карманов, которые перекидывались через плечо или через спину лошади, осла и т. д.

[149] Там же.

[150] Там же.

[151] Саркерство — от слова «саркер». Так в Шемахинском ханстве называли надзирателей кочевья (оба-баши). Этот термин имел в Азербайджане и другое значение — ханский чиновник по сбору казенных доходов. Очевидно, в данном случае мы имеем слияние двух значений. В материалах «Описаний» Карабахской и Ширванской провинций встречается много кочевий, в самом названии отражавших существование саркера — надзирателя, своего рода главы кочевья: Гусейн-Саркер, Саркерлар, Абдулла-Саркер и т. д. одновременно выступавшего в роли сборщика налогов.

[152] «Описание Ширванской провинции», ведомость откупным статьям.

[153] «Обозрение российских владений», ч. III, стр. 133—134, 114.

[154] ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 3082, л. 1.

[155] Там же, оп. 3, д. 305, лл. 1, 3.

значительном проникновении земледелия в кочевое хозяйство, о неуклонном возрастании его удельного веса в хозяйстве.

В Карабахской провинции все население, включая и кочевое, платило хану хлебную подать — сальяну. Она была оставлена ему и в первые годы после присоединения ханства к России.

Сальяна уплачивалась пшеницей, ячменем, чалтыком, в зависимости от степени распространения каждой из этих культур.

Те же кочевники, которые имели значительные запашки, арендуя для этого у хана, а затем у царской казны дополнительные участки земли, уплачивали еще и бахру. У этой части кочевников земледелие стало уже одной из существенных статей дохода. Бахра также взималась натурой. Так, например, все кочевья Демурчисанлинского магала за аренду земли у казны должны были платить ей бахру согласно числу «употребляемых в дело» сох. С каждой сохи собиралось по 1,5 четверти пшеницы и по 1,5 чувала ячменя.

Ежегодно восемь кочевий этого магала с 467 дымами сеяли более 100 сох, вследствие чего должны были, помимо сальяны, уплачивать еще и бахру [156]. Одно лишь кочевье Текля, насчитывавшее 65 платящих семей, уплачивало сальяны 14 четвертей пшеницы и бахры с каждой сохи по 1,5 четверти пшеницы и по 1,5 чувала ячменя [157].

К хлебным податям относилась и введенная с 1805 г. в Ширванской провинции «сурсата», вносимая в царскую казну (о ней будет сказано ниже).

С присоединением Ереванского ханства с входившей в него Нахичеванской провинцией администрация управления кавказских областей обложила кочевые и полукочевые племена ханства хлебной податью. Это касалось главным образом племени кенгерли, прежде не платившего хлебной подати, вследствие того что оно составляло ударную силу ханского ополчения [158]. Кенгерлинцы стали ежегодно вносить определенное количество пшеницы, ячменя, риса, хлопчатой бумаги и продуктов огородничества, а также отбывать все повинности наравне со всеми сельскими жителями [159]. Показательно при этом, что, когда в конце 30-х годов кенгерлинцы выразили сильное недовольство по поводу обложения их дополнительными податями, включая и хлебную, администрация согласилась простить им только денежную недоимку, но хлебную подать и недоимки с нее отменить сочла невозможным [160]. Совет Главного управления Закавказьем считал, что в случае отмены хлебной подати с кенгерлинцев доля других жителей окажется несправедливо увеличенной, поскольку взималась она не с лица, а с земли [161].

К другой группе податей относятся поголовные, подымные и другие сборы в пользу феодалов и государства.

Одна из повинностей такого рода состояла в предоставлении хану, племенному начальнику или беку вьючных животных для перевозки тяжестей. Так, например, согласно данным ведомости 1828—1829 гг., племя беюк-чобанкара раз в году отдавало весь свой скот под своз разных тяжестей. Курды племени зилани давали под своз 1000 быков [162].

[156] «Описание Карабагской провинции», ведомость Демурчисанлинского магала.

[157] Там же.

[158] Главноуправляющий Кавказом Е. А. Головин в своем рапорте военному министру А. И. Чернышову в 1839 г. писал: «В Нахичеванской провинции Армянской области обитает... мусульманское племя, называемое кенгерлинцы, которое, составляя лучшую часть народного ополчения, при персидском правительстве пользовалось свободою от земельных повинностей...» («Колониальная политика...», ч. 1, стр. 153).

[159] Там же, стр. 158.

[160] Там же, стр. 154.

[161] Там же.

[162] «Исторический архив», т. II, стр. 235—236.

Так же обстояло дело и в азербайджанских провинциях. В Карабахской провинции, например, кочевники по первому требованию хана должны были давать подводы и скот в том размере, в каком требовал хан[163].

Очень близко к этой повинности стояла другая повинность, связанная с перевозками в период летней кочевки хана его имущества и содержанием ханской свиты. Этот налог был весьма тяжелым как для кочевников, так и для оседлых крестьян. Начинавшаяся ранней весной кочевка хана затягивалась до глубокой осени. Каждая деревня и кочевье, где он останавливался, должны были на время стоянки содержать 40—70 человек прислуги, 70—150 лошадей и т. д.[164] Упомянутый выше Нефедьев писал в 1837 г., что «...кочевка хана... служит... тяжким бременем для провинции»[165].

Третьим налогом этой группы был «отах-харджи», буквально расход с комнаты, с дыма, т. е. подымная подать. Подать взималась в пользу хана и была натуральной, уплачиваясь пшеницей и ячменем[166].

Однако в ведомостях отах-харджи указывается в денежном выражении. Так, например, кочевье Авшар, состоявшее из 60 платящих и 18 неплатящих семей, уплачивало отах-харджи в 25 червонцев. Согласно данным ведомостей, четверть пшеницы стоила в 1823 г. 18 р. 90 к. ханских денег (3 р. 30 к. сер.), а чувал ячменя — 6 р. 30 к. ханских денег (1 р. сер.), следовательно, кочевье уплачивало либо 7 четвертей пшеницы, либо 22 чувала ячменя.

Общая стоимость отах-харджи, уплаченной жителями Карабахской провинции в 1847 г., составила в денежном выражении 2 тыс. червонцев[167].

«Кырх-хана-харджи» представляла собой подымный сбор для ханского стола, взимавшийся в Карабахской провинции. Подать эта известна в литературе как натуральная, уплачивалась она маслом, баранами, дичью и т. д.[168] Характерно, что подать кырх-хана-харджи падала почти целиком на кочевое население. В ведомостях зафиксировано всего несколько случаев уплаты этой подати оседлыми крестьянами. Даже среди кочевого населения она более всего характерна для магалов и «имений» с абсолютным большинством кочевого населения. При этом средний размер подати на семью был гораздо выше для кочевников, чем для оседлых земледельцев. Также намного выше у первых она была по ассортименту вносимых продуктов. С оседлых жителей брали пшеницу, ячмень и редко масло, кочевники же сдавали пшеницу, ячмень, масло, скот, шерсть и даже дрова. Вся подать, за исключением скота, уплачивалась натурой. Во всяком случае во время составления «Описания» не было произведено ни одного взноса быками и баранами в натуре.

Вместо скота вносили чаще всего деньги, особенно когда речь шла

---

[163] «Описание Карабагской провинции», ведомости имениям ханской фамилии Демирчасанлинского магала и др. И. Шопен примерно подсчитал доход, получаемый ереванским ханом от вьючных животных, поставляемых кочевниками. Этих животных он использовал для транспортировки своих товаров — хлопчатой бумаги, чалтыка и т. д. на продажу в Карс, Баязед, Хат, Нахичевань, а иногда и в Тифлис. Исходя из того, что по существовавшим ценам наем одной пары вьючных животных обошелся бы хану минимально в 2 рубля, а со всех областей набиралось 7 тыс. голов, Шопен считал, что указанная повинность приносила хану 3500 туманов (И. Шопен. Указ. соч., стр. 128).

[164] «Колониальная политика...», ч. I, стр. 340.

[165] Там же.

[166] Там же, стр. 202, 437, 439.

[167] Там же, стр. 437.

[168] Там же, ч. II, М.— Л., 1937. Терминологический словарь и указатель, стр. 431.

о быке. Уплата производилась ханскими деньгами. Кочевье Юсуф-Чапны Кеберлинского магала в счет кырх-хана-харджи вносило 1 батман коровьего масла, 20 стилей шерсти ягнят, 12 вьюков дров, двух баранов и вместо быка — 20 руб. ханских денег. Кочевье Карвент вносило 10 четвертей пшеницы, 8,5 батмана коровьего масла, 16 баранов и вместо быка — 100 руб. ханских денег. Кочевье Чаманлы-Атам-Юрт отдавало 1 четверть пшеницы, 1 батман 40 стилей тилани коровьего масла, 40 стилей шерсти ягнят и вместо быка — 40 руб. ханских денег и т. д. [169]

В 1827 г. жители Карабахской провинции должны были внести в счет кырх-хана-харджи количество продуктов на 1244 р. 50 к. сер. [170].

Одной из тяжелейших повинностей для кочевого населения была так называемая дань червонцами, возникшая после присоединения ханств к России. В обмен на оставляемые ханам их прежние доходы царское правительство обязало их уплатой в казну определенного количества червонцев. Карабахское ханство должно было уплачивать ежегодно 8 тыс. червонцев, Ширванское — также 8 тыс., Шекинское — 7 тыс. [171]. Раскладка этой дани между населением производилась весьма произвольно.

Вначале провинциальный суд устанавливал подымную раскладку, одинаковую для каждого дыма. Эта раскладка утверждалась военно-окружным начальником, а затем передавалась магальным наибам. Те производили подымную раскладку заново, исходя уже из экономического состояния каждой податной семьи. Подобная система породила настолько большие злоупотребления, что даже некоторые чиновники русской администрации, воспитанные на безобразиях комендантского режима, вынуждены были не раз обращать на них внимание вышестоящих инстанций [172].

Упоминавшаяся выше повинность «сурсата» представляла собой натуральную повинность, взимавшуюся с населения Ширванской провинции в пользу государства и выражавшуюся в поставке определенного количества провианта для воинских частей. Повинность эта взималась целиком натурой: пшеницей, ячменем, маслом и т. д. Размер ее колебался от 0,5 до 2,5 батмана пшеницы на податную семью [173].

Почтовая повинность называлась «чапар-хана». Каждое кочевье было обязано выставлять одного конного человека на определенный срок.

Особенно регулярно отбывалась эта повинность кочевьями, принадлежавшими ханской фамилии. Так, например, кочевье Бегбут-бека, состоявшее из 28 платящих и 32 неплатящих дымов, посылало одного конного на 15 дней ежегодно, кочевья Арафсали (41 платящий и 18 неплатящих дымов) — одного конного на два месяца и т. д. Случаи замены отбывания этой повинности деньгами были чрезвычайно редки. В порядке исключения только одно ханское кочевье Кулляр уплачивало вместо посылки конного 60 руб. ханских денег [174].

Восьмым налогом второй группы был «ат-арпасы» — сбор ячменем для ханских или бекских лошадей в Карабахской и Ширванской провинциях [175], девятым — поставка дров (Карабахская провинция) для

[169] «Описание Карабагской провинции».
[170] «Колониальная политика...», ч. I, стр. 437.
[171] См. об этом: АВПР, ф. Главный архив 1—10, д. 1, 1804—1805 гг., л. 18; А. Д. Ерицов. Обзор податной системы Закавказья с 1800 г.— «Кавказ», 1875, № 9, 12, 13.
[172] «Колониальная политика...», ч. I, стр. 437—438.
[173] «Описание Ширванской провинции», ведомость Ханчобанского магала.
[174] «Описание Карабагской провинции».
[175] «Колониальная политика...», ч. I. стр. 110, 439.

войск, расположенных в крепости г. Шуши. Так, кочевье Мярзилы давало 8 вьюков дров, кочевье Марджанлы — 15 вьюков, кочевье Кулляр — 20 вьюков и т. д. [176]

Третью группу повинностей мы условно назовем личными повинностями в пользу государства и феодалов.

Сюда относилась прежде всего военная служба в феодальном ополчении — одна из наиболее характерных и широко распространенных повинностей у народов с кочевым укладом жизни. Рядовые массы кочевников составляли главную силу феодальных ополчений — черик шахиншаха или местных ханов — и в Азербайджане, до присоединения последнего к России [177].

Ведомость 1828—1829 гг. зафиксировала приблизительный размер этой повинности у племен, кочевавших по Армянской области. Курды племени зилани (примерно 2 тыс. семейств) должны были поставлять ежегодно 1000 вооруженных людей, т. е. в среднем на две семьи приходился один вооруженный человек, поставляемый в ополчение. Племя беюк-чобанкара, насчитывающее до 300 семейств, выставляло 300 конновооруженных людей и т. д. [178] В основном поставка вооруженных людей в ханское ополчение касалась пограничных племен. Согласно той же ведомости, из пяти кочевых племен Ереванского ханства, описанных ею, только два были обязаны поставкой конновооруженных либо просто вооруженных людей в войско сардаря, и оба племени были пограничными. Как уже говорилось, основное ядро ханского ополчения в Нахичеванской провинции составляло племя кенгерли. Оно-то и поставляло наибольшее количество вооруженных всадников.

Документы рисуют следующую картину рекрутского набора из этого племени в 1806 г.

Согласно распоряжению правителя Нахичеванского края Кельб-Али-хана, переданному через начальника племени, племя должно было выставить 500 всадников для войска ереванского сардаря с запасом месячного довольствия на каждого. Все 500 человек должны были находиться в состоянии боевой готовности, «дабы в то время, когда понадобится, не было других задержек в вызове всадников» [179].

После присоединения Нахичеванского ханства к России кенгерлинцы были обязаны содержать в состоянии постоянной боевой готовности 200 вооруженных всадников «на случай требования в военные действия» [180]. Из них 50 человек находились на карауле по кордонной пограничной линии вдоль Аракса.

Одного всадника выставляли и снаряжали каждые шесть семейств племени. Они давали ему лошадь, сбрую, пару пистолетов, кинжал, одежду, серебряную тесьму и серебряный лошадиный убор. Все это стоило более 163 руб. сер. [181] Помимо этого, каждый всадник получал от них ежегодно 24 р. 40 к. жалованья, 2 халвара ячменя и 20 вьюков самана для лошади. Если всадник терял снаряжение, общество доставляло ему новое. Кроме того, кенгерли выставляли еще 15 всадников для службы в конно-мусульманском полку в Варшаве. Это стоило обществу еще 515 р. 45 к. сер., не считая хлебного и денежного содержания семьям этих всадников.

---

[176] «Описание Карабагской провинции».
[177] И. П. Петрушевский. Указ. соч., стр. 311.
[178] «Исторический архив», т. II, 1939, стр. 235—236.
[179] «Нахичеванские рукописные документы», док. 3.
[180] «Колониальная политика...», ч. I, стр. 153.
[181] Там же.

Так же обстояло дело и с кочевыми племенами Карабахской провинции, составлявшими основное ядро ханского войска и особенно используемыми карабахскими ханами при охране границ с Персией [182].

В связи с тем, что кочевые племена использовались в качестве военной силы, феодальные правители освобождали их от повинностей, которые несли рейяты. К тому же всякая попытка обложить элятов дополнительной податью, сверх обычаев, встречала с их стороны сильное противодействие.

Как правило, ханы освобождали их от несения некоторых других повинностей, положенных кочевникам. Так, некоторые кочевые племена Карабахской провинции были освобождены Мехти-Кули-ханом от малджехата и бахры и уплачивали лишь сальяну [183].

Второй личной податью был «эврез» — повинность, которая была широко распространена в оседлых районах, но касалась и кочевого хозяйства. Заключалась она в обязанности всем сходом отрабатывать в пользу землевладельца определенное количество дней в году, обычно два-три дня.

В Карабахской провинции 15 кочевий различных магалов обязаны были производить запашку земли и посевы пшеницы при Агдамской канаве сперва в пользу Мехти-Кули-хана, а впоследствии в пользу царской казны. Кочевье Шихбабали работало, например, два дня в году пятью сохами, высевая 3 четверти 1 четверик пшеницы. Кочевые Чаманлы-Атам-хан (25 плативших и 21 неплатившая семья) давало пять сох с определенным количеством рабочих и быков. Семена выдавались ханом или казной; при отбывании «эвреза» кочевники работали только при посеве, уборка урожая производилась уже другими крестьянами [184].

Кочевые крестьяне привлекались к работе также и в чрезвычайных случаях, когда, например, землевладельцу надо было построить дом, мельницу и т. д. «Описания» говорят о довольно широком использовании кочевников на строительных работах в пользу хана или бека.

Одной из самых своеобразных податей была отдача феодалом своего скота на выпас рядовым кочевникам. Такая повинность, очень ярко выражавшая личную зависимость кочевника от феодала, была возможна лишь в скотоводческом хозяйстве и существовала у всех народов, занимавшихся кочевым скотоводством [185]. В основе ее лежало наделение богатым кочевником своего обедневшего сочлена по общине скотом. Корни этой повинности уходят в глубь веков — к родовой взаимопомощи, когда обедневший кочевник получал от своего рода определенное количество скота. Еще в XIX — начале XX в. у некоторых кочевых народов, сохранивших в значительной мере патриархально-феодальные формы общественного быта, указанная отдача скота на выпас продолжала выступать в оболочке родовой взаимопомощи [186].

У азербайджанских кочевников отдача скота на выпас имела две разновидности: «дишпедиш» и «амани». В начале XIX в. она уже носила черты совершенно отчетливо выраженной феодальной повинности. «Отдача скота,— говорится в цитированном выше документе,— была повинностью», а не представляла собой добровольного соглашения.

Ереванский хан отдавал свой скот на выпас племенной общине на

[182] ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 3082, л. 1.

[183] Там же, л. 31.

[184] «Описания Карабагской провинции».

[185] «Материалы научной сессии...».

[186] «Исторический архив», т. II, 1939, стр. 236—237. «Сущность переворота,— подчеркивает С. П. Толстов,— заключается в том, что здесь вместо р о д а, помогающего своему члену, выступает к р у п н ы й с о б с т в е н н и к с к о т а...» («Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», стр. 189).

следующих условиях «дишпедиш»: по первому требованию хана община должна была возвратить ему, через сколько бы лет он ни потребовал, то же количество овец и баранов, какое им было отдано для пастьбы, и в том же возрасте. Весь приплод также шел в пользу хана. Община же в качестве вознаграждения за труд, затраченный на пастьбу ханского скота, стрижку овец, производство масла, сыра, обделку шкур и т. д., получала со взрослой овцы по 0,5 батмана масла и сыра и с маленького барана — по 1 стилю шерсти.

Условия отдачи скота по принципу «амани» были для кочевников еще тяжелее. Они не только отдавали весь доход с ханского скота хану, последний не только забирал весь приплод и шерсть с отданного на выпаску скота, но еще получал дополнительно с каждой овцы 7,5 стиля масла, с каждой буйволицы 6 батманов и с каждой коровы 4 батмана масла [187].

По свидетельству И. И. Шопена, на положении «дишпедиш» находилось ханских овец: у племени беюк-чобанкара — 2484, керим-беглю — 519, шейхлар — 500, сарашли — 1000, бирюки — 5000, али-шарурли — 200, кафардт — 1138, всего 10 841 голова. Со всего этого количества овец ереванский сардарь получал в год: масла — 5420,5 батмана и шерсти — 504 батмана. На положении «амани» находилось овец: у чобанкара — 4219 голов и у кафарлинцев — 4206, всего 8425 голов. Помимо этого, на положении «амани» оба племени содержали 830 голов крупного рогатого скота. Общий доход со скота, отданного на выпас по положению «амани», выражался в следующих цифрах: овцы давали 3154 батмана масла и 3197 батманов шерсти, крупный рогатый скот — 2060 батманов масла [188].

Натуральный характер хозяйства с его низким техническим уровнем делал невыгодным наем пастухов и специальных работников по уходу и обслуживанию стад за плату. Гораздо проще и выгоднее было крупному феодалу содержать свой скот путем раздачи его во временное пользование кочевникам-беднякам за отработки. Отсюда широкое распространение «дишпедиш» и «амани» в азербайджанских и армянских ханствах.

Четвертую и последнюю группу повинностей мы назовем приношениями и сборами в пользу феодалов и чиновников.

Эта группа повинностей была одинаково широко распространена как у кочевников, так и у оседлого населения. Повинности, как правило, заключались в обязательных подношениях своему непосредственному владельцу — беку, затем лицу, от которого простой крестьянин считал себя зависимым (старшина, сборщик податей и т. д.), и, наконец, хану. Приношения делались по поводу всевозможных празднеств (приношение «байрамлык» от слова «байрам» — праздник; «той-пулы» — сбор с каждой свадьбы и т. д.); без всякого повода («пешкеш») — подать существовавшая в силу патриархальных традиций; и наконец — сборщику податей с определенного количества продуктов, вносимых в счет подати: «даругалых», «куллухи» и «тагвилани».

Приношения были либо натуральными, либо денежными, либо смешанными. Первый означал сбор в пользу даруги, два последних представляли собой плату в пользу сборщиков по 50 коп. ханских денег за каждый из видов продуктов, шедших на погашение податей отахарджи, сальяны, дани червонцами и др.

В заключение в качестве типичного примера приведем перечень и размеры всех повинностей, уплачивавшихся кочевьем Чаманлы-Атам-хан

---

187 «Исторический архив», т. II, 1939, стр. 235—236.
188 И. Шопен. Указ. соч., стр. 1127—1128.

Кеберлинского магала Карабахской провинции, которое состояло из 25 платящих и 21 неплатящего дымов. Это даст ясное представление о податном положении кочевников Азербайджана в рассматриваемый период.

На указанное кочевье приходились следующие подати и повинности: червонцев в счет дани — 32; отах-харджи — 9 червонцев; сальяны — 7 четвертей пшеницы; ат-арпасы — 4 чувала ячменя; кирхана-харджи — 1 четверть пшеницы, масла коровьего 1 батман 40 стилей тилани, пять баранов, вместо быка — 40 руб. ханских денег, шерсти ягнят — 40 стилей; дров для войск в г. Шуше — 22 вьюка; для почтовой повинности — один конный на 25 дней. Кроме того, ежегодно на два дня для пахоты на полях хана выставлялось пять сох с рабочими и необходимым количеством быков. Присоединим к этому по 50 коп. ханских денег куллухи и тагвилани с каждого червонца, взыскиваемых в пользу ханской казны, такое же количество денег этих податей с каждой четверти пшеницы и каждого чувала ячменя; с каждого вьюка дров — 25 коп. куллухи, с каждого батмана масла — 50 коп. куллухи и 50 коп. тагвилани, с каждого барана — 50 коп. куллухи, с каждого быка — 2 рубля куллухи, с каждого батмана шерсти — 50 коп. куллухи. Все это вместе, за исключением почтовой повинности и работы на ханской пашне, давало 41 червонец, или 55 р. 73 к. Помимо того, кочевье было обязано давать рабочих, подводы и скотину по требованию хана [189].

Из сказанного видно, что в первой половине XIX в. в кочевом хозяйстве из трех форм ренты — отработочной, продуктовой и денежной — наименее развитой была последняя. Господствовали два первых вида ренты. К сожалению, трудно установить, какая из этих двух преобладала.

Однако несомненно, что удельный вес пастьбы кочевниками скота феодалов, этой своеобразной «барщины», был весьма высоким. В «Описаниях» Ширванской и особенно Карабахской провинций зафиксировано множество кочевий, сплошь состоявших из пастухов, табунщиков, катерщиков (от слова «катыр» — мул), конюхов и т. д. Против таких кочевий, состоявших обычно из пяти-шести дымов, в графах ведомостей указывалось: «Все сие кочевье состояло из пастухов и табунщиков, смотревших за помещичьим скотом, а потому других податей не платили». В целом ряде кочевий существовала категория кочевников так называемых «неплатящих податей». Это были сироты, вдовы, нищие, а также пастухи, пасшие скот феодала, которые были освобождены от несения повинностей «по бедности».

Что же касается денежной ренты, то в чистом виде она выступала только в виде дани червонцами в царскую казну. Ее время было еще впереди, но это уже период, выходящий за рамки статьи.

* * *

Основные итоги нашего исследования сводятся к следующему. Кочевые жители к середине XIX в., составляя четвертую часть всего населения Азербайджана, или третью часть его сельского населения, были расселены на территории края довольно неравномерно. Как правило, кочевники селились вблизи зимних пастбищ, а также в районах летних пастбищ и водных бассейнов. Основная их масса была сосредоточена поэтому в Ширване и Карабахе.

---

[189] «Описания Карабагской провинции», ведомость Кеберлинского магала.

Удельный вес кочевого скотоводства по отношению ко всему скотоводческому хозяйству Азербайджана значительно превышал удельный вес кочевого населения. Он был весьма высоким.

В описываемое время кочевое скотоводство уже начало втягиваться в товарно-денежные отношения, хотя в основном оно еще продолжало оставаться натуральным.

Особенности исторического развития Азербайджана обусловили наличие единой системы феодальных отношений как в кочевом, так и в оседлом крестьянском хозяйстве. И там и здесь господствовали такие формы феодальной земельной собственности, как тиюль и мюльк.

Подати и повинности кочевников выступали преимущественно в натуральной и отработочной форме. Важнейшей по значению и распространенности отработкой была отдача феодалом своего скота на выпас кочевой общине.

Ю. Ф. КАРЯКИН, Е. Г. ПЛИМАК

О НЕКОТОРЫХ СПОРНЫХ ПРОБЛЕМАХ МИРОВОЗЗРЕНИЯ А. Н. РАДИЩЕВА[1]

Радищев — первый русский революционер. Признание этого факта, проверенного десятилетиями классовой борьбы в России, подтвержденного сотнями исследований последних лет, объединяет всех без исключения советских и зарубежных прогрессивных историков. Признание этого факта кладет грань между ними и авторами предвзятых буржуазных концепций, постоянно пытающимися представить писателя предтечей русского либерализма.

Революционность Радищева бесспорно доказана в исторической науке. Однако нельзя еще сказать, что достаточно точно определены основные моменты его эволюции, характер, глубина и последовательность его революционных идей. Дискуссия о Радищеве, проведенная в 1955—1958 гг.[2], вскрыла расхождения между советскими историками, истина, говоря словами Радищева, получала «сильную опору, различие мнений, прения, и невозбранное мыслей своих изречение».

Но если радует сама дискуссия, то этого нельзя, как нам кажется, сказать о ее предварительных результатах. В большинстве статей преобладали общесоциологические рассуждения, мало аргументированные конкретно-историческим материалом. Авторы их почти совсем не опирались на новые данные. Оказалась отброшенной вся историография вопроса, уже дающая массу интереснейшего материала не только для постановки, но и для решения спорных вопросов. Как правило, в одной и той же статье говорилось чуть ли не о каждой из работ Радищева, причем идеи революционера брались вне логики его произведений, вне эволюции писателя. И когда некоторые оппоненты, по-видимому, справедливо упрекали первую дискуссионную статью[3] в малодоказательности, одновременно обвиняя ее авторов в том, что они ведут речь только о «Путешествии», то, думается, они требовали неисполнимого от небольшой журнальной статьи.

Для того чтобы получить ответ на спорные вопросы, нет иного пути, чем путь последовательной постановки и решения отдельных конкретных вопросов. При этом само «сужение» круга разбираемых проблем, их конкретизация не должны быть самоцелью. Каждая, даже самая маленькая проблема может быть решена, если ее рассматривать как от-

[1] Разделы I—IV, IX—XI и XXI написаны авторами совместно, остальные — Е. Г. Плимаком.

[2] См. «Вопросы философии», 1955, № 4; 1956, № 3, 4, 5; 1957, № 6; 1958, № 5.

[3] См. Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. О двух оценках «Путешествия из Петербурга в Москву» в советской литературе.— «Вопросы философии», 1955, № 4.

дельное звено всей цепи. Решение частных вопросов должно вести к углубленному пониманию проблем более общих.

Исходя из этих соображений, мы выделяем в качестве объекта исследования прежде всего главы «Спасская полесть», «Хотилов», «Выдропуск». Такое сугубое внимание к трем из 24 глав «Путешествия» может показаться не вполне оправданным. Но это лишь на первый взгляд. Суть дела как раз заключается в том, что то или иное истолкование этих глав на редкость тесно связано с пониманием всей концепции «Путешествия». Выделение их позволяет предельно четко поставить по крайней мере два спорных вопроса.

1. Вопрос об отношении автора «Путешествия» к теории и практике «просвещенного абсолютизма». Есть ли основания утверждать, будто в этих главах Радищев не исповедует, а критикует веру в «просвещенного монарха», в благоразумие и гуманность помещиков?

2. Вопрос о характере революционных идей писателя. Можно ли говорить о революционном демократизме Радищева или такая оценка сдвигает Радищева как дворянского революционера с его исторического места?

Добавим, что анализ указанных глав «Путешествия» может дать окончательный ответ на первый вопрос и только уточнить последний — для решения его необходим дополнительный материал.

I

Начнем с историографии «Путешествия». Целью изучения радищевской книги в дворянско-буржуазной литературе было утверждение ее либеральной направленности. Замысел и логика произведения представлялись обычно в следующем виде. Увлеченный идеалами «Наказа» Екатерины II и желая открытым, прямым путем пробиться к престолу, Радищев нарисовал в «Путешествии» мрачную картину русской крепостнической действительности. Наиболее яркое выражение его жажда просветить царскую власть нашла в «Спасской полести». В «Хотилове» и «Выдропуске» он указывал средства исправления зла, предлагая свой «проект в будущем». Буржуазные историки с восторгом писали о богатстве идей проекта, который предусматривал, в частности, постепенное освобождение крестьян по инициативе царя и с согласия самих помещиков. В результате «Путешествие» превращалось в манифест русского либерализма, а его автор становился провозвестником «великой» реформы 19 февраля 1861 г.[4]

Подчеркнем, что в «проекте в будущем» действительно есть ряд идей, которые нельзя характеризовать иначе, как идеи помещичьего либерализма — во-первых, и как предвосхищение основных положений реформы 1861 г.— во-вторых. Принадлежность их Радищеву особых сомнений у дворянско-буржуазных историков не вызывала: либеральные идеи находятся в «проекте в будущем», проект — в «Путешествии», книга написана Радищевым. Это нехитрое рассуждение подкреплялось ссылками на одно из замечаний Екатерины II по поводу главы «Хотилов» («уговаривает помещиков освободить крестьян, да нихто не послушает») и на показания самого Радищева на следствии, где он подтвердил свое желание освободить крестьян «по воле всемилостивейшей государыни». Иногда приводились факты из других периодов деятельности Радищева, как буд-

---

[4] См., например, «А. Н. Радищев. Его жизнь и сочинения». Сборник историко-литературных статей. Сост В. И. Покровский. М., 1907. Этот сборник статей Лонгинова, Якушкина, Милюкова, Губерти, Туманова, Каллаша и др. является настоящей «энциклопедией» либеральной обработки Радищева.

то действительно свидетельствовавшие о некоторых надеждах писателя на благоразумие «верхов».

Таким образом, либерализм Радищева считался доказанным и оставалось изумляться «безотчетной пугливости» властей, продолжающих после 1861 г. преследовать «Путешествие». Правда, в нем содержались и открыто революционные высказывания. Но эти места книги подробно не разбирались или им также давалась либеральная интерпретация. Писатель здесь, оказывается, хотел только напугать дворян и царя угрозой нового бунта, толкнуть их к реформе, довести до их сознания известный тезис «лучше сверху, чем снизу».

Результаты всех этих исследований были затем зафиксированы Энциклопедией бр. Гранат. «По существу, — утверждалось здесь, — Р[адищев] был далек от каких-либо революционных тенденций, подобно Вольтеру, Гольбаху, Руссо и Мабли... Своей книгой он хотел открыть глаза Екатерине на истинное положение страны... и «уговорить помещиков», покаявшись в своем «жестокосердии», поспешить — пока еще не поздно, под угрозой новой пугачевщины — с отменой «рабства». Автора еще не покинула вера в просвещенный разум мудрой власти, и он пишет свой «проект в будущем»... Книга Р[адищева] была, так[им] обр[азом], прежде всего апелляцией к власти автора «Наказа»» [5].

Лишь в отдельных дореволюционных работах С. Г. Сватикова, А. И. Семевского и др. [6] мы встречаем характеристики Радищева или его собственные высказывания, рисующие его убежденным противником не только крепостничества, но и самодержавия, демократом и революционером.

Однако и здесь вопрос о соотношении революционных и либеральных идей писателя не поднимался. Сватиков, определяя взгляды Радищева как «радикально-демократические», усматривая в оде «Вольность» идеи народовластия и «сочувствие народу, восстающему против угнетателей», вообще не упоминает ни о «Спасской полести», ни о «Хотилове». Семевский, считая политической программой Радищева революционные и республиканские идеи оды «Вольность», «Жития Ф. В. Ушакова», не замечает противоречия этого вывода традиционным оценкам «Хотилова», где требование освободить крестьян выставляет сторонник совсем иной, либерально-монархической политической доктрины.

Единственным, пожалуй, дореволюционным буржуазным историком, который не замалчивал противоречия либеральных и революционных мест «Путешествия», а, напротив, заострял на них особое внимание, был А. Незеленов. Он прямо утверждал, что «не было в Екатерининскую эпоху ни одного писателя, в деятельности которого замечалось бы такое необыкновенное смешение разнородных направлений». «Мы видели, — писал Незеленов, опираясь на традиционную оценку «Хотилова», — что освобождения крестьян Радищев ждал от верховной власти.., что автор «Путешествия» был далек от революционных замыслов и стремлений. А между тем в том же «Путешествии» он напечатал оду «Вольность», в которой выражается сочувствие революции, воспевается кровавый бунт. Параллельно с этим через книгу проходит ряд отдельных выражений, по-видимому, свидетельствующих о враждебном отношении автора к царской власти... Выходки эти чрезвычайно странны, потому что совершенно

---

[5] Энциклопедический словарь бр. Гранат, изд. 7-е, т. 35, стр. 440—441 (статья «А. Н. Радищев» В. Сыромятникова).

[6] См., например, С. Г. Сватиков. Общественное движение в России (1700—1895). Ростов-на-Дону, 1905; В. И. Семевский. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX в. «Былое», 1906, № 1.

не вяжутся, не имеют ничего общего с основною идеей всего сочинения, с его главным содержанием». Не был ли Радищев, спрашивал А. Незеленов, «человеком, одержимым манией?»[7].

II

В первой крупной исследовательской работе о Радищеве, вышедшей в советское время, В. П. Семенников специально поставил задачу опровергнуть «тенденциозные и во многом ошибочные» выводы Незеленова[8]. Фактически впервые в исторической литературе Семенников разобрал такие главы «Путешествия», как «Медное» и «Городня», оду «Вольность», попытался выяснить отношение Радищева к важнейшим политическим событиям той эпохи — американской войне за независимость и французской буржуазной революции. Благодаря этому он сделал ряд выводов, резко отличных от прежних традиционных оценок. Он подчеркивал, что в «Путешествии» подверглась разрушительной критике «вся система самодержавного строя, сверху до низу», что Радищев выступал принципиальным противником помещичьей собственности на землю, проповедовал революционный путь освобождения крестьян, что его политическим идеалом было «народное правление»[9]. Но, восстановив истину, Семенников счел по-прежнему хотиловский проект за собственную программу Радищева. Получилось, что сторонник народной революции «в широком смысле этого понятия», враг монархии, «искал на деле» путей сочетания «народного правления» с монархической властью, думал, что крестьянская реформа осуществится с согласия помещиков, «по манию царя»[10].

Чувствуя логическую несообразность своей позиции, Семенников попытался ее устранить, разделив программу Радищева на два идеала: ближайший — «Хотилов» и будущий — «Тверь». Он открыл у писателя новое противоречие: противоречие «чувств и разума». Революционное чувство Радищева, писал Семенников, готово было звать к восстанию, но здравый исторический смысл говорил ему, что для этого не создалось еще объективных условий. «Движущая сила революции — народ — дремал в тяжелом сне рабства, и писатель бессилен был раскрыть глаза этому спящему народу. Естественно, что мысль ненавистника рабства бросалась тогда во все стороны, обращаясь и к высшей власти. И хотя сознание, что власть, державшаяся самими «вотчинниками», не отдаст добровольно ничего из своих прав, удерживало Радищева, он все же хотел кричать, в порыве отчаяния, и криком своим разбудить «седящего на престоле»»[11]. Несмотря на внешнюю убедительность этого объяснения, в нем не хватает одного: соответствия содержанию «Путешествия». «Проект в будущем», выдаваемый Семенниковым за ближайшую программу Радищева, относится как раз к будущему времени. Об этом говорят и его заголовок и содержание (в одном из первоначальных вариантов было прямо указано: «Дано в 18... году»). Кстати, сам же Семенников признал в другом месте, что «проект говорит об отдаленном (!) будущем»[12].

Таким образом, попытка Семенникова совместить новую оценку Радищева со старым подходом к главе «Хотилов» закончилась неудачей.

[7] А. Незеленов. Литературные направления в Екатерининскую эпоху. СПб., 1889, стр. 311—312, 335—336, 338.

[8] В. П. Семенников. А. Н. Радищев. Очерки и исследования. М.— Пг., 1923, стр. 26.

[9] Там же, стр. 55, 23, 57 и др.

[10] Там же, стр. 23, 64, 67, 74.

[11] Там же, стр. 82.

[12] Там же, стр. 60.

Не случайно, поставив себе целью «освободить» Радищева от странных противоречий, Семенников заранее предупреждал, что в духовном облике писателя «много неясного и психологически-загадочного», а завершались его попытки новым признанием того, что «в лице Радищева сочетаются черты и революционера и либерала...» [13]. Но работа Семенникова имела одно неоспоримое достоинство: благодаря тщательности исследования как либеральных, так и революционных мест книги стала еще более явной логическая немыслимость приписанных писателю противоречий. «С одной стороны, — писал Семенников, — ему не чужда вера, что общественные преобразования могут быть совершены волей верховной власти, с другой — Радищев видит только путь революции» [14]. Формула эта ценна тем, что она сама себя разрушает: если «только» революция, то, значит, нет надежд на верхи. А если есть надежды на верхи, то, значит, не только революция.

III

Поставим следующий вопрос: почему многие советские исследователи, по-прежнему рассматривая «Хотилов» как «программу» самого Радищева, т. е. разделяя по существу концепцию Семенникова, не приемлют неизбежно следующих из нее выводов? Ответ получается неожиданно простым: они просто не рассматривают хотиловский проект. Сказав пару фраз о «некоторой непоследовательности», «исторической ограниченности» революционера, они спешат перейти к революционным главам книги. Тем важнее остановиться на исследованиях, которые уделяют этой «непоследовательности» специальное внимание.

Признав, что революционер Радищев начертал в «Хотилове» «либеральную программу освобождения крестьян» [15], Е. В. Приказчикова впоследствии сделала попытку исправить это положение, сочтя проект либеральным только по методу решения задачи (обращение к «верхам») и одновременно революционным по содержанию [16]. Но эта поправка основана на искажении содержания проекта, где либеральному методу проведения реформ полностью соответствует их либеральное содержание. Здесь предлагается «дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную известную сумму», а Е. В. Приказчикова утверждает, что «проект в будущем» ведет к ликвидации личной зависимости без какого-либо намека (!?) на выкуп. Здесь предусматривается постепенная ликвидация власти помещика над личностью крестьянина и передача последнему одного лишь надела, что не затрагивает ни основ государственной власти крепостников, ни основ помещичьего землевладения, а Е. В. Приказчикова полагает, что эти требования «направлены на ликвидацию помещичьей собственности и помещичьей власти, на разрушение всего существовавшего тогда экономического и политического строя (!?)».

М. А. Горбунов доказывает «коренное отличие» хотиловского проекта от либеральных проектов современников Радищева, ссылаясь на отдельные демократические положения (например, «Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее?»). Но чтобы оценить проект в целом, надо было поставить главный вопрос: кто и какие про-

[13] В. П. Семенников. Указ. соч., стр. 25, 81.
[14] Там же, стр. 72—73. Подчеркнуто нами.— *Авт.*
[15] Е. В. Приказчикова. Экономические взгляды А. Н. Радищева. М., 1947, стр. 81—82.
[16] Там же, 1949, стр. 80—81; см. также «Историю русской экономической мысли» т. I, ч. 1, М., 1955, стр. 655—656.

водит здесь меры? Если, как сообщает Горбунов, де Лабей и Вольтер «предлагали со всяческой осторожностью приступить к делу освобождения крестьян, всецело уповая при этом на самих помещиков», то от того же Горбунова мы узнаем, что и написанный в «духе демократизма» хотиловский проект предлагал постепенное освобождение крестьян руками самих помещиков. Где же здесь «демократизм» и «коренное отличие»? [17]. Что же касается противоречий между радикализмом некоторых общетеоретических положений «Хотилова» и либерализмом предлагаемых им конкретных мер, то эта черта была также типичной для многих проектов той эпохи (те же Вольтер, Граслен, Поленов и др.).

Э. С. Виленская, признав факт «сосуществования» в книге Радищева двух «диаметрально противоположных» программ — теории народной революции и теории «просвещенного абсолютизма», также стремится обнаружить в последней «своеобразную демократическую окраску». «Как известно,— заявляет она,— Радищев в этом (хотиловском.— *Авт.*) проекте говорит о постепенном освобождении крестьян... Но эта постепенность далека от того, что предлагали русские просветители и Руссо... Постепенность аргументируется не неспособностью крестьян принять свободу, а неспособностью самодержавия провести решительную реформу...» [18]. Но рассуждения о неспособности верхов сразу освободить крестьян или о неспособности крестьян сразу принять освобождение — это две стороны одной и той же медали, ничего демократического здесь нет.

Возьмем следующий распространенный способ «ликвидации» противоречия между «Хотиловом» и революционными главами «Путешествия». ««Уязвленность» Радищева страданиями порабощенного народа была настолько велика, что успокаиваться только надеждами на будущее он не мог,— пишет Д. Д. Благой.— Он хотел облегчить эти страдания теперь же, немедленно. Логически непоследовательно, но психологически понятно, что в этом стремлении Радищев порой готов был еще раз попытаться пойти традиционным путем, иллюзорность которого сам сознавал и неоднократно подчеркивал» [19]. Он «добивался осуществления своеобразной программы-минимум с тем, чтобы улучшить положение крестьянства постольку, поскольку это было возможно в современных ему политических условиях»,— повторяет это мнение Л. Б. Светлов [20]. Перед нами по существу буквальное воспроизведение несостоятельной аргументации В. П. Семенникова.

Новый оттенок в эти доводы сумел внести лишь И. Я. Щипанов. Если Семенников в свое время не скрывал либерального характера хотиловского проекта, то Щипанов уже видит здесь такой «первый шаг к свободе», который создает предпосылки для будущей революции [21]. Но и эта конструкция разрушается при первом же обращении к источнику. Цель «Хотилова» — не подготовка (руками царя и помещиков) условий для революции, а предупреждение революции — грядущей «пагубы зверства».

Но если для И. Я. Щипанова «Хотилов» — программа-минимум, направленная на подготовку революции, то для Л. В. Кулаковой это программа-минимум, осуществляемая уже... после революции. «Название

[17] М. А. Горбунов. Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. М., 1949, стр. 75, 78, 80—81 и др.

[18] Э. С. Виленская. Радищев — первый идеолог крестьянской революции.— «Исторические записки», т. 34, М., 1950, стр. 312, 319.

[19] Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1955, стр. 474.

[20] Л. Б. Светлов. А. Н. Радищев. М., 1958, стр. 68.

[21] И. Я. Щипанов. Еще раз о Радищеве.— «Вопросы философии», 1957, № 6, стр. 132—133.

«Проект в будущем» и сам текст,— начинает она анализ наиболее трудной для понимания главы «Путешествия», — недвусмысленно говорят о том, что речь идет о будущем времени... Первый этап пройден: самодержавие свергнуто... Но полного благополучия нет». В свободной стране, разъясняет Кулакова, сохранились помещики и крепостное право. Понимая, что дворяне не пойдут на немедленное освобождение крестьян, Радищев намечает программу постепенной ликвидации крепостничества сверху[22]. Рассмотрение этой гипотезы можно прекратить уже после приведенных фраз. Если первая из них делает честь внимательности историка, то этого уж никак не скажешь о второй: самодержавие в главе «Хотилов» отнюдь не свергнуто. Хотиловская программа изложена в форме царского манифеста, обращенного к помещикам.

Иногда противоречивость «Путешествия» объясняют донельзя просто. В «Хотилове» у Радищева «иллюзия», пишет В. Кружков. «Но эта иллюзия Радищева быстро (очевидно, в других главах.— *Авт.*) рассеялась»[23]. Но если иллюзия «быстро рассеялась», зачем было оставлять в книге либеральные места? Известно, далее, что глава «Хотилов» завершена Радищевым гораздо позже оды «Вольность» или главы «Медное». Выходит, что эволюционировал он не влево, а вправо? Еще пример. М. Б. Козьмин утверждает: «Радищев никогда не придавал решающего значения мирному пути разрешения крестьянского вопроса: революционер в нем всегда брал верх»[24]. Но ведь над «Хотиловом» Радищев работал долгие годы, он дал здесь развернутую либеральную программу, ее он как будто отстаивал во время следствия, отзвуки ее находят в «Опыте о законодавстве» и т. п. Выходит, что «верх брал либерал»?

При наличии огромной литературы о Радищеве количество подобных объяснений можно увеличить без труда. Но сколько их ни приводить, нельзя опровергнуть один простой факт: все они не объясняют «странной» противоречивости «Путешествия». Все они затушевывают тем или иным способом взаимоисключающий характер изложенных здесь двух программ.

IV

Принципиально новый подход к «Путешествию» наметился в советской литературе еще в 30-е годы. Сторонники его полагают, что Радищев сознательно отвергал здесь либеральные идеи, противопоставляя им свою революционную концепцию. К такому заключению толкали исследователей факты двоякого рода: 1) явно сатирические моменты в так называемых либеральных главах; 2) полемическая направленность революционных глав против либеральных идей «проекта в будущем». Крайне важно при этом установить, что отдельные элементы нового подхода имелись в ряде дореволюционных работ.

Так, сатирические, пародийные моменты в «Спасской полести», «Хотилове» и «Выдропуске» были отмечены еще М. И. Сухомлиновым. «Обыкновенный прием обличителей, — писал он, — заключался в следующем. Вся вина взваливалась на второстепенные и третьестепенные органы власти; что же касается ее источника, ее верховного представителя, то он изображался в самом привлекательном лучезарном свете...

---

[22] Л. В. Кулакова. А. Н. Радищев. Л., 1949, стр. 69. Подчеркнуто нами.— *Авт.*

[23] В. Кружков. А. Н. Радищев — великий патриот и революционер.— «Коммунист», 1952, № 17, стр. 73.

[24] М. Б. Козьмин. Радищев — провозвестник русской революции. М., 1950, стр. 13.

В таком же духе писались оффициальные бумаги и постановления высших правительственных мест... Для читателей, привыкших к подобному красноречию, книга Радищева была самой неприятною и возмутительною новостью. Речи странницы — истины, снимающей бельма, звучали диссонансом в общем хоре торжественных восхвалений, а «проект в будущем» представляется пародиею на хвалебную лирику и на некоторые оффициальные акты» [25]. В те же годы В. И. Семевский заметил по поводу одного из положений хотиловского проекта («можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России?») следующее: «Очень может быть, что Радищев противопоставляет эти вопросы самонадеянному желанию автора «Наказа»...» [26]. Н. П. Павлов-Сильванский также уловил сатирические моменты в хотиловском «проекте в будущем»: «Чрезмерно язвительными, — отмечал он, — должны были казаться императрице также замечания Радищева о «светильнике науки, носящемся над законоположением нашим» (намек на «Наказ») и о любезном отечестве нашем, доведенном постепенно до «цветущего состояния»» [27]. Подчеркнем, что эти выводы сочетались с традиционным взглядом на «Хотилов» как на либеральную программу освобождения крестьян.

Отметим далее, что уже в 20-е годы было фактически отброшено в ряде работ либеральное истолкование «сна» в «Спасской полести». Обнаружив в главе сатиру на великие «деяния» Екатерины, П. Н. Сакулин пришел к заключению, что «в форме аллегорического сновидения... Радищев остроумно разоблачил мишуру просвещенного абсолютизма» [28]. Он же замечает и внутреннюю противоречивость главы «Хотилов»: «Радищева поражает несоответствие внешнего блеска екатерининского царствования с действительным положением страны. Казалось, страна благоденствует под скипетром императрицы, но всюду видны вопиющие факты общественной неправды» [29].

В. П. Семенников, развивая ту же мысль, писал: «Не трудно заметить крупное внутреннее противоречие, допущенное Радищевым: в его идеальном государстве, где существует «равенство имуществ», еще процветает рабство... Есть и другая логическая несообразность: в государстве дворянство, как видно из дальнейшего текста проекта, является уже сословием «обветшавшим и в презрение впадшим», и тем не менее именно к помещикам-рабовладельцам обращает законодатель свой проект. В начале проекта говорится, что общество доведено «до высшего блаженства гражданского сожития», а далее идет речь о том, «колико отстоим еще вершины блаженства общественного далеко». Однако В. П. Семенников не придал особого значения этим фактам, объявив их следствием «необработанности текста, осложненного позднейшими вставками». Не принял он и упомянутую догадку Павлова-Сильванского насчет язвительного намека на «Наказ» [30].

И. М. Троицкий поставил резко вопрос о разоблачении старой либеральной легенды о писателе, отдельные элементы которой продолжали

---

[25] М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 574—575. Подчеркнуто нами.— *Авт.*

[26] В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и первой половине XIX в., т. I. СПб., 1888, стр. 218.

[27] ««Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», СПб., 1905, стр. XXXVII—XXXVIII.

[28] П. Сакулин. Русская литература и социализм, ч. 1. М., 1924, стр. 65; см. его же. История новой русской литературы. Эпоха классицизма. М., 1919, стр. 128—129.

[29] П. Н. Сакулин. История новой русской литературы, стр. 125, 128, 129.

[30] В. П. Семенников. Указ. соч., стр. 60, 64.

«проникать и в советскую литературу о Радищеве». «Буржуазную фальсификацию Радищева в грубых ее проявлениях вскрыть нетрудно,— писал он, имея в виду «Спасскую полесть». — Знакомясь с «Путешествием», советский читатель без труда поймет, что маневрирование ссылками на «Наказ» или обращение к «властителю мира» отчасти имели для Радищева значение дымовой завесы, отчасти представляли удобную форму ядовитой иронии... Но целый ряд формулировок либерально-народнической традиции продолжает довлеть и над современным отношением к Радищеву». Но как раз к такого рода формулировкам принадлежала трактовка главы «Хотилов», данная самим Троицким: «Нам думается, что, оправдывая революцию и признавая ее закономерность, Радищев утопически мечтал о том, как бы обойтись без нее, и именно потому с особым усердием размахивал крестьянским топором перед глазами благородного российского дворянства». Правда, если у Семенникова вывод о либерализме Радищева в «Хотилове» давался безоговорочно, то Троицкий оговаривает это положение как одно из возможных решений [31].

Я. Л. Барсков в комментариях к «Путешествию» продолжал считать либеральные идеи «проекта в будущем» «наиболее ценными» для Радищева. ««Хотилов»,— пишет он,— основная глава всей книги; ради нее, можно сказать, и предпринято «Путешествие»» [32]. Но тот же Барсков обратил внимание на разоблачение «просвещенного абсолютизма» Екатерины в книге Радищева и, что особенно важно, распространил это положение на хотиловский проект. Выделив в главе две смысловые части — первую, которая «содержит проект высочайшего манифеста об упразднении крепостного права и приводит к тому социально-политические и морально-философские мотивы», и вторую, которая «проектирует постепенный ход освобождения крепостных людей», Барсков писал о первой следующее: «Автор проекта подражал стилю Екатерины и сознательно высмеивал императрицу. Трудно сочетать картину будущего государства, это «приятное божеству обиталище», где «законы верховные власти почитаются яко веления нежных родителей к своим чадам», где «умеренность в наказаниях предупреждает даже и бесхитростные злодеяния, где достигнуты свобода, равновесие во властях и равенство в имуществах», с наличием в том же государстве крепостного права и с готовностью рабов, ожидающих «случая и часа» восстать «с яростью на погубление» господ своих»». Получилась явная нелепость: написав ради либеральных идей «Хотилова» все «Путешествие», длительное время работая над главой, поставив в ней «смело и четко» вопрос об освобождении крестьян, Радищев не нашел в конце концов ничего лучшего, как опорочить свой же собственный идеал, сочетав его с лицемерной фразеологией манифестов Екатерины. Свое желание освободить крестьян, сожалел Барсков, Радищев «вложил в типичный манифест Екатерины: набор громких слов губил большую мысль» [33].

Позицию Барскова поддержал в 1938 г. В. А. Десницкий, не внеся, однако, в вопрос исчерпывающей ясности. Глава «Хотилов», утверждал он, «построена в виде манифеста некоего будущего царя. В начале главы этот манифест дан в явственно пародийном сатирическом духе. Подражая стилю официальных выступлений Екатерины и высмеивая их, Радищев ставил вопрос о том, что необходимо сделать для того, чтобы действительно, а не на словах, добиться счастья наро-

[31] И. М. Троицкий. Вокруг Радищева. В сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования». М.— Л., стр. VII, IX, XV, XIV.

[32] «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева», «Academia», 1935, стр. 149, 426.

[33] Там же, стр. 427—428. Подчеркнуто нами.— *Авт.*

да»[34]. Противоречие, наметившееся у Барскова, оказалось затушеванным, а не объясненным. Еще дальше пошел Д. С. Бабкин. Он свел весь проект к сатире на указы Екатерины и вообще устранил его положительное содержание. «В главе «Хотилов», — пишет он, — Радищев поместил «Проект в будущем», в котором чрезвычайно тонко осмеял пустозвонство «высочайших» указов»[35].

В то время как в одних случаях «Спасская полесть» превратилась в остроумное разоблачение «мишуры просвещенного абсолютизма», а «Хотилов» — в чрезвычайно тонкую насмешку над «пустозвонством высочайших указов», другие исследования обратили внимание на факт полемических противопоставлений в тексте глав «Спасская полесть» и «Тверь», «Хотилов» и «Медное».

Так, в своем «Очерке истории русской культуры» М. Н. Покровский, отвергая либеральное понимание известной формулы «Радищев — рабства враг», писал: «Во всяком случае, не нападки на крепостное право делали «Путешествие из Петербурга в Москву» запретным плодом для русской публики сорок лет спустя после 19 февраля. Атака против рабства политического велась Радищевым не менее энергично, чем атака на рабство социальное. Уже в самом начале «Путешествия» (глава «Спасская полесть») автор, увидевший себя во сне «царем, шахом, ханом, королем, беем, набобом, султаном», словом, каким-то воплощением монархического начала, и долго любовавшийся своим великолепием, под конец, когда «Истина» сняла с глаз его бельма, нашел, что одежды его, «столь блестящие, казались замараны кровью и омочены слезами...». После сурового реприманда «Истины» «царь, шах, хан и тому подобное» «познал, откуда проистекает мое право и власть». Конфликт разрешился, таким образом, тем, что сам царь стал республиканцем... Но Радищев отлично понимал, что такого рода мирное решение может получиться только во сне. И, возвращаясь еще раз к теме о политическом рабстве, уже в конце «Путешествия» (глава «Тверь») он дает тому же конфликту, теперь не замаскированному «сновидением», чисто революционный исход... Характерен и термин, которым обозначается представитель монархического начала. Это уже не «хан, шах или какое-то из сих названий нечто»... Центральной картиной «Вольности» является суд народа над царем за восстание — восстание царя против народа... А за судом следует казнь...»[36].

Еще раньше была отмечена в литературе логическая связь глав «Хотилов» и «Медное». Признавая, что в первой «Радищев горячо убеждает своих современников приступить к освобождению крестьян», Мякотин совсем иные мотивы видит во второй. Переходя от идеалов к действительности, писал он, Радищев «не ждал большой симпатии к делу освобождения крестьян от главных сил современного ему общественного порядка и всего менее надежд возлагал в этом отношении на помещиков... Стремления самой народной массы, естественно порождаемые тяжестью ее положения, могут изменить существующий порядок вещей»[37].

В. П. Семенников, говоря о реформистских колебаниях Радищева в «Путешествии», отмечал вместе с тем, что «против этих колебаний

---

[34] А. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву. Л., 1938, стр. 368. Подчеркнуто нами.— *Авт.*

[35] Д. Бабкин. А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву».— В кн.: «А. Н. Радищев. «Путешествие из Петербурга в Москву». Приложения «Вольность», ода, «Отрывок путешествия в*** И*** Т***», Л., 1949, стр. 25—26.

[36] М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, ч. I и II. Курск, 1924. стр. 329—331. Подчеркнуто нами.— *Авт*

[37] В. А. Мякотин. Из истории русского общества. СПб., 1902, стр. 215—217.

Радищев сам (!) выставляет чрезвычайно существенный довод». По поводу знаменитой тирады из «Медного» Семенников писал: «Таким образом, отвечая сам на свои сомнения, Радищев и в частном вопросе — о свободе крестьян — логически приходит к революционному исходу»[38].

В середине 30-х годов новую точку зрения попытался обосновать Ю. Спасский. «И не столько своими последовательными демократическими гуманными взглядами выделился автор «Путешествия» над уровнем современных ему русских гуманистов...,— писал он,— сколько своим единственным в его веке признанием непримиримого социального антагонизма крепостных отношений, ясным пониманием невозможности реформы и неизбежности революции...»[39].

Отметим одну любопытную деталь. Спасский настойчиво повторяет мысль о том, что Радищев «отвергал возможность снять с крестьянства цепи рабства реформой». Основанием для такого вывода служат прежде всего «Медное» и «Вольность». Но он молчит о либеральных главах книги. Предположение о незнании текстов в данном случае совершенно исключается. Спасский находит в них порой такие высказывания и намеки в пользу своего вывода, видит такие оттенки, которые и поныне не замечают многие радищеведы. Остается предположить, что он просто не может объяснить противоречащие его выводу факты.

Эту задачу попытался решить Г. П. Макогоненко[40]. Мнение Семенникова и его последователей о «Путешествии» (с одной стороны, Радищев — сторонник революции как единственного пути уничтожения крепостничества, с другой — проповедник реформ, призванных избежать революции) Г. П. Макогоненко объявил результатом порочного принципа рассмотрения книги как ряда самостоятельных очерков, не связанных между собой ни идейно, ни композиционно. Единым сюжетом «Путешествия» была, по его мнению, история дворянского либерала времен Екатерины II, познающего под влиянием чувственных фактов окружающей жизни свои заблуждения и избирающего в конце концов путь революции. Глава «Хотилов», согласно этой трактовке, рассматривалась лишь как один из этапов идейной эволюции героя, преодолеваемых его дальнейшим развитием.

Новая точка зрения получила в конце 30-х годов поддержку Г. А. Гуковского. «...«Путешествие» — книга, совершенно единая по замыслу и по выполнению, — утверждал он. — Спасти народ от тирании помещиков и царя может одно: революция, — такова мысль Радищева... Знаменитое заключение главы «Медное» в «Путешествии» недвусмысленно отвергает возможность всякого сомнения в данном вопросе...»[41]. Однако главу «Хотилов» Гуковский вообще не упоминает, и в этом отношении его позиция близка к позиции Спасского.

В 40—50-х годах появился ряд исследований, доказывающих, что одной из задач автора «Путешествия» было «рассеять те иллюзии, которые питали некоторые из его современников относительно «реформ», смягчения рабства «свыше», с «престола»»[42]. Не принимая целиком трактовку Г. П. Макогоненко, эти авторы согласны, что Радищев «воспроизводит в «Проекте в будущем» либерально-прогрессивные

[38] В. П. Семенников. Указ. соч., стр. 74, 76.

[39] Ю. Спасский. А. Н. Радищев и его время.— «Октябрь», 1935, № 4, стр. 165. Подчеркнуто автором.

[40] Г. П. Макогоненко. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.— «XVIII век», сб. 2, М.— Л., 1940, стр. 25—53.

[41] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1938. Предисловие, стр. VII. XIII.

[42] П. Н. Берков. Гражданин будущих времен.— «Известия АН СССР. Отделение л-ры и языка», т. VIII, вып. 5, М.— Л., 1949, стр. 407.

настроения своего времени, но сам не разделяет их, придерживаясь революционного метода освобождения крестьян»[43].

V

Подведем некоторые итоги. За сто лет изучения «Путешествия» о воззрениях его автора были высказаны три наиболее общих суждения: 1) Радищев — убежденный либерал, поклонник идеалов «Наказа»; 2) Радищев и революционер и либерал, «сочетавший» теорию революции с теорией «просвещенного абсолютизма»; 3) Радищев — убежденный революционер, разоблачавший показной либерализм Екатерины II, критиковавший либеральные иллюзии современников.

Первое из этих суждений основано на замалчивании или фальсификации революционных глав. Второе и третье следует признать пока сосуществующими в науке гипотезами. Зародыши обеих гипотез мы находим в дореволюционной литературе. В процессе своего развития они были подкреплены определенным фактическим и теоретическим материалом. Сторонники каждой из гипотез обвиняют своих противников либо в искажении исторических фактов, либо в их субъективистской оценке. По мнению Г. П. Макогоненко, исследователи, несогласные с ним, не видят связи глав «Путешествия», непринужденно тасуют их по своему усмотрению и из этого «хаоса мыслей и чувств» кроят своего Радищева[44]. Д. Д. Благой полагает, напротив, что концепция самого Макогоненко хотя и имеет «известное рациональное зерно», но «при всей ее внешней стройности и соблазняющей убедительности представляется неисторичной и надуманной»[45]. Мысль об антиисторичности гипотезы Макогоненко — Громова настойчиво повторяется в советской литературе последних лет[46]. И последнее. Сторонники взгляда на «Путешествие» как от начала до конца революционное произведение доказывают, что пора преодолеть «остатки либеральных извращений Радищева»[47], они упрекают своих противников в том, что те оставляют в руках буржуазных историков главный аргумент — главу «Хотилов»[48]. Напротив, их противники резко возражают против того, чтобы какие-либо попытки указать на историческую ограниченность взглядов Радищева заранее объявлялись «либерально-буржуазной точкой зрения»[49].

Совершенно ясно при таком положении дел, что обоснование научной достоверности одной из двух взаимоисключающих гипотез зависит прежде всего от двух условий: 1) нахождения в тексте «Путешествия» такого объективного материала, который исключил бы версию о субъективизме той или иной трактовки; 2) убедительного показа действительной исторической ограниченности писателя, что требует разбора выдвинутых в литературе методологических соображений.

[43] Н. И. Громов. О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву». Сб. «А. Н. Радищев», Л., 1950, стр. 137. См. также П. К. Бонташ. К вопросу о политических взглядах А. Н. Радищева последнего периода его деятельности.— «Наукові записки Киевского ун-та», т. XIII, вып. V, 1954; А. Н. Васильева. О некоторых особенностях «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.— «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та», т. XL, 1956; С. Ф. Елеонский. Книга А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». М., 1952; С. А. Покровский. Государственно-правовые взгляды Радищева. М., 1956 и др.

[44] Г. П. Макогоненко. Указ. соч., стр. 31.

[45] Д. Д. Благой. Указ. соч., стр. 475.

[46] См., например, «Историю русской литературы в трех томах», т. I, М.— Л., 1958, стр. 609, 696.

[47] С. Александров. Обзор юбилейной литературы.— «Известия АН СССР. Отделение экономики и права», 1949, № 6, стр. 471.

[48] Ю. Ф. Карякин и Е. Г. Плимак. Указ. соч., стр. 193—195.

[49] «История русской литературы в трех томах», т. I, стр. 696.

VI

Выделим сначала внешнюю сюжетную линию так называемых либеральных глав «Путешествия». В «Спасской полести» путешественник доказывает своему приятелю Ч., что «малыя и частныя неустройства в обществе, связи его неразрушат» (стр. 241) [50]. Однако все новые факты злоупотреблений приводят его в смятение и он начинает размышлять, «каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховныя власти» (стр. 247). Размышления ввергают его в сон, где он видит себя в роли «нечто, седящего во власти на Престоле» (стр. 248 и далее).

Льстивая толпа царедворцев, окружающих трон, уверяет его, что страна процветает и блаженствует под десницей «всещедраго Владыки». Но царю является «Истина», снимает бельма с его глаз, разоблачает ложный блеск «мнимых блаженств», представляет ему вещи «в естественном их виде» (стр. 252 и далее). Царь оказывается преступником, его блестящая свита — толпой злодеев, подвиги царя становятся едва видны «в обширности гражданских деяний». В финале сна правитель, узрев правду, «возревел яростию гнева», проклял злодеев, познал «обширность» своей обязанности, понял, откуда проистекает его право и власть (стр. 257).

В главах «Хотилов» и «Выдропуск» прозревший монарх приступает к действиям. Довершая дело, начатое когда-то его «державными» предками, но не доведенное до конца из-за происков наследственного дворянства (стр. 312—313), царь издает высочайший манифест — «проект в будущем». Первая часть проекта — «Хотилов» — убеждает помещиков уничтожить «рабство» — главное препятствие к установлению подлинного блаженства в стране. Вторая — «Выдропуск» — уничтожает «придворные чины», подрубает корень «ласкательства», сделавшего царя глухим, слепым и бесчувственным.

Любопытно, что в «Хотилове» царь начинает свой манифест почти с буквального воспроизведения речей придворных «ласкателей» из «Спасской полести» о блаженстве и процветании отечества (ср. стр. 311—312 и 250), но теперь он уже сам доказывает, что «все сии блаженства можно назвать внешними, мгновенными, преходящими, частными и мысленными» (стр. 315). Сюжетное единство глав писатель подчеркивает и другим приемом. Разоблачение «мнимых блаженств», данное в одной главе, целиком относится к картине «блаженств», нарисованной в другой. В «Спасской полести» ослепленный «ласкателями» царь повелевал военачальнику утверждать славу своего оружия в чужих странах (стр. 251). «Но что обретаем в самой славе завоеваний,— отвечает на это прозревший царь в «Хотилове». — Звук, гремление, надутлость и истощение... Плод твоего завоевания будет, нельсти себе, убийство и ненависть» (стр. 317—318). В «Спасской полести» царь повелевал зодчим воздвигать «великолепнейшия здания для убежища мусс», «небесных жительниц» (стр. 251); в «Хотилове» он уже сам доказывает, что «огромность зданий безполезных обществу, суть явныя доказательства его порабощения», что они возведены кичливыми властителями в тех градах, «где известнее было я, а не мы» (стр. 317) и т. д.

Но между «Спасской полестью» и «Хотиловым» есть существенное различие. В первом случае главным было обличение самого царя и его приближенных, вопрос о «рабстве» почти не выделялся. Во втором

[50] Здесь и далее цитируемые страницы указываются в тексте по I тому Полного собрания сочинений А. Н. Радищева (М.— Л., 1938).

случае прозревшего самодержца больше всего возмущает «зверской обычай порабощать подобнаго себе человека». «Можно ли назвать блаженным, гражданское положение крестьянина в России? — гневно вопрошает он.— Ненасытец кровей один скажет, что он блажен, ибо неимеет понятия о лучшем состоянии» (стр. 312—315).

В эти разоблачения вклинивается обширная теоретическая часть, устанавливающая противоречие крепостного строя «основаниям права естественнаго и права гражданскаго» (стр. 313—314). «Право естественное, — говорит царь, — показало вам человеков, мысленно вне общества, приявших одинаковое от природы сложение, и потому имеющих одинаковыя права...» Право гражданское показывает, как они кладут своей беспредельной природной свободе «предел», оставаясь равными друг другу «и в ограничении оной». Рассмотрение «естественного состояния» позволяет также установить исключительное право земледельца на обрабатываемую им землю: «Представим себе мысленно, мужей пришедших в пустыню, для сооружения общества... В начале общества, тот кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обрабатывающий ее, пользуется ею исключительно» (стр. 314—315).

Продолжив рассуждения о блаженствах мнимых и блаженстве подлинном (стр. 315—318), автор манифеста затем переходит к «ближайшим о состоянии земледелателей понятиям». Он указывает на низкую производительность «принужденной работы» («делание нив было рачительно, если бы было свободно»), напоминает, что крепостничество препятствует «размножению народа», грозит опасностью нового крестьянского возмущения — «пагубы зверства», несущей помещикам «смерть и пожигание» (стр. 318—321). Исчерпав доводы разума, царь обращается, наконец, к сердцам помещиков, умоляет их попрать свое «корыстолюбие», освободить «братиев» своих из оков и восстановить «природное всех равенство». Слезливое обращение царя к помещикам заканчивается; путешественник излагает те меры, которые предлагается провести во исполнение манифеста «к постепенному освобождению земледельцов в России» (стр. 322).

В «Выдропуске» продолжается изложение высочайшего манифеста. На этот раз царь доказывает, что восстановление нарушенного в обществе «естественнаго и гражданскаго равенства» немыслимо без «умаления прав дворянства». Вначале полезное государству личными заслугами, оно ослабело затем «в подвигах своих наследственностью, и сладкий при насаждении, его корень, произнес наконец плод горький» (это повторение мотивов «Хотилова», ср. стр. 326 и 312, 313). Утверждается далее, что наследственное дворянство развратило государей. В свою очередь цари «в... дремоте величания власти... воздвигли... придворных истуканов, кои истинные феатральныя божки, повинуются свистку или трещетке» (это повторение мотивов «Спасской полести», ср. стр. 327 и 249—250). Показывая своим собратьям — «Владыкам» вред лести, пустоту внешнего блеска, царь, еще с младенчества возненавидевший «ласкательство», уничтожает «сравнение царедворскаго служения, с военным и гражданским» (стр. 328), являет позднейшему потомству пример, «како власть со свободою сочетать должно, на взаимную пользу» (стр. 330).

Как видим, внешняя сюжетная линия либеральных глав «Путешествия» передавалась буржуазными исследователями в общем довольно точно.

На первый взгляд, перед нами последовательный, поражающий своей исключительной логичностью, либерально-просветительский план. Сначала бесстрашно, невзирая на чины и лица (чего стоят обличения

самого царя!), показывается самодержцу зло, царящее в стране. Свершается революция, разумеется, в либеральном ее понимании. Царь прозревает, он видит истину, он сам становится орудием исполнения просветительских планов. «И от имени «гражданина будущих времен»,— заключал Милюков, — Радищев предлагает свой «проект в будущем», якобы найденный им на дороге. Форма проекта — та самая, какую употребил когда-то Крижанич: это речь царя к народу или, лучше сказать, к правящему сословию государства. Цель проекта — «постепенное введение нарушеннаго в обществе естественнаго и гражданскаго равенства». Средства — двоякие. С одной стороны, это освобождение крестьян (с землей), с другой — «умаление прав дворянства»» [51].

Но не будем спешить с выводами. Попытаемся поглубже заглянуть в содержание рассмотренных глав.

VII

Конкретность и историческая точность событий, описываемых в «Путешествии», бросалась в глаза уже его первым читателям, типичность его сюжетов не раз отмечалась в исследовательской литературе [52].

Так, еще в 1929 г. А. Скафтымов писал о главе «Спасская полесть»: «Общим местом для литературы времени Радищева являются и образы дурного, идеального или прозревшего царя. Наиболее близким к соответствующей главе Радищева является произведение Львова «Храм истины». Как у Радищева Прямовзора (Истина), здесь Зороастр в храме «Истины» открывает царю его подлинное печальное положение, происходящее от его самообольщения и доверчивости. Его обманывали придворные вельможи, они затмили его глаза внешним показным блеском. Царь прозревает, начинает понимать свое ослепление и в последней речи излагает новое и должное понимание обязанностей правителя» [53].

Далее, давно установлено, что «нечто, седящее во власти на Престоле», и окружение этого «нечто» списаны с Екатерины и ее двора. Сошлемся хотя бы на мнение Д. Д. Благого: «Недвусмысленность этого памфлета так определенна, — пишет он, — что в изображении, например, военачальника, вместо борьбы с врагом «утопавшего в роскоши и веселии», а воинов своих почитавшего «хуже скотов», Потемкин не мог не узнать себя. Не могла не узнать себя в описании сна и Екатерина» [54].

В настоящее время в литературе отмечены и некоторые другие любопытные детали подобного рода. Так, в своей интересной работе Л. В. Крестова доказывает, что для описания царских регалий и эмблем «нечто», седящего на престоле, Радищев воспользовался традиционной символикой барельефов и медальонов, находившихся в зале общего собрания Сената [55].

---

[51] П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 3. СПб., 1903, стр. 394.

[52] Напомним, что по свидетельству П. А. Радищева, в книге его отца, кроме «неуместной» оды «Вольность», «все остальное представляет не более как собрание фактов из действительности» («Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями», М.— Л., 1959, стр. 104).

[53] А. Скафтымов. О реализме и сентиментализме в «Путешествии» Радищева.— «Ученые записки Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского», т. VII, вып. III, Педагогический факультет, 1929, стр. 188. Подчеркнуто нами.— *Авт.*

[54] Д. Д. Благой. Указ. соч., стр. 469.

[55] Л. В. Крестова. «Сон» в главе «Спасская полесть» «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева.— «Известия АН СССР. Отделение л-ры и языка», т. XVI, вып. 4, М., 1957, стр. 352—353.

Напомним еще одну сцену. В начале «сна» «ласкатели», окружившие престол, ждут «важнаго какого произшествия, от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели» (стр. 249). Царь, пресытившись скукой, зевает во всю мочь. Вокруг простираются печаль и смятение. На лице царя, тронутого этим зрелищем, становится заметно «кривление улыбке подобное» — он весьма звонко чихает. На лицах всего собрания сразу развеялся вид печали. «Все начали восклицать: да здравствует наш великий Государь, да здравствует на веки... Другой возклицал: он обогатил Государство, разширил внутренную и внешную торговлю, он любит науки и художества, поощряет земледелие и рукоделие... Иной с важным видом возглашал: он умножил государственныя доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание. Юношество, с восторгом руки на Небо простирая рекло: он милосерд, правдив, закон его для всех равен, он почитает себя первым его служителем. Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех Царей велик, он вольность дарует всем» (стр. 250). В этих речах придворных льстецов, отмечал С. Ф. Елеонский, можно документировать каждую строчку, настолько верно передают они содержание и фразеологию похвальных слов, слагавшихся в честь Екатерины [56].

Но попытаемся расшифровать конкретное значение «произшествия», вызвавшего процитированные речи придворных. Если верить официальной версии, «самым великим» в годы Екатерины событием было издание «Наказа» (1767).

Именно «Наказ» — этот основной идеологический документ эпохи «просвещенного абсолютизма» — на целые десятилетия снабдил служителей культа «Великой, Премудрой, Матери Отечества» богатейшей фразеологией для всякого рода похвальных слов, од и песнопений. И совершенно несомненные отзвуки «Наказа» слышны в «Спасской полести». «Наказ» возвещал «всему отечеству» предстоящий век «благополучия, славы, блаженства и спокойствия» (п. 2), и в «Спасской полести» говорится о важном происшествии, «от коего спокойствие и блаженство всего общества зависели». «Наказ» объявлял на весь мир, что отныне предлогом самодержавного правления будет охрана «естественной вольности» людей (п. 13) [57], и в «Спасской полести» льстецы восклицают о царе: «он вольность дарует всем». Характерна в этой связи и близость тематики речей «ласкателей» панегирикам, непосредственно посвященным «Наказу». Это впервые отметил еще Туманов, указав на перевод письма Доминика Диодати из Неаполя по поводу «Наказа» Екатерины (помещено в «Живописце», 1772 г.) и речь маршала Бибикова в Уложенной комиссии 27 сентября 1767 г. при поднесении Екатерине II титула «Премудрой, Великой, Матери Отечества» (ПСЗ, т. XVIII, № 12978) как на ближайшие литературные источники главы [58].

Гораздо реже встречаются в литературе попытки детально раскрыть конкретную проблематику главы «Хотилов».

Начнем с вступления к манифесту — описания «процветающего» и «блаженствующего общества». Точно так же как и речи льстецов из «Спасской полести», эти описания по тематике и фразеологии почти документально воспроизводят панегирики времен Екатерины.

---

[56] С. Ф. Елеонский. О книге Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», М., 1952, стр. 25.

[57] «Наказ е. и. в. Екатерины Вторыя Самодержицы Всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта новаго Уложения», СПб., 1893, стр. 2, 5.

[58] См. сб. «А. Н. Радищев. Его жизнь и сочинения», стр. 217—219.

«Проект в будущем»

«Доведя постепенно любезное отечество наше, до цветущего состояния, в котором оное ныне находится;

видя науки, художества и рукоделия, возведенныя до высочайшия совершенства степени, до коей человеку достигнути дозволяется; видя в областях наших, что разум человеческий вольно разпростирая свое крылие, безпрепятственно и незаблужденно возносится везде к величию, и надежным ныне стал стражею общественных законоположений. Под державным его покровом свободно и сердце наше в молитвах, ко всевышнему творцу возсылаемых. С неизреченным радованием сказати может, что отечество наше есть приятное божеству обиталище; ибо сложение его не на предразсудках и суевериях основано, но на внутреннем нашем чувствовании щедрот отца всех.

Неизвестны нам вражды, столь часто людей разделявшия за их исповедание, неизвестно нам в оном и принуждение. Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлежа семейству, единого имея отца, бога.

Светильник науки, носяся над законоположением нашим, отличает ныне его от многих земных законоположений...

Умеренность в наказаниях, заставляя почитать законы верховныя власти, яко веления нежных родителей к своим чадам,

«Похвальные слова» Екатерине

«...возведем радостный наш взор на нынешнее наше цветущее состояние» [59].

«Теперь посмотрим на наше любезное отечество... Что не иное что есть, как наслаждается ли оно цветущим состоянием» [60].

«...распространяются науки, процветают художества и новыя от часу открываются изобретения...» [61].

«...исправление и утешение рода человеческаго, науки и художества ликуют» [62].

«...Ея премудрость сияет в законоположениях...» [63].

«Взирая мысленно на сие радостным восторгом пленяюсь я, с ревностным желанием, чтобы, премудрая Государыня Божие щедроты на тебя и через тебя на всю Россию излиянныя и великия вашего величества дела прославить...» [64].

«Несколько тысяч различных народов имеют жительство в городах сего Государства. Ея Императорское Величество установила для них каждому по закону Его пастырей и духовенство... дабы каждой по своему закону и по своим обычаям молился Создателю Богу» [65].

«Сей дражайший роду человеческому Наказ есть всем земным обладателям наставление. В нем открываются цепь всех законодательства оснований, нужныя истины в иных странах от лица царей отринутыя...» [66].

«...от преступлений удерживает кротостию...» [67].

«Человеколюбие обитает в ея душе и

---

[59] Самуил, архиепископ Ростовский и Ярославский. Слово о великих предметах высочайших учреждений, благочестивейшия, великия государыни имп. Екатерины Алексеевны..., изданных для управления губерний Российской империи. СПб., 1777, стр. 3—4.

[60] «Проповеди святейшаго Правительствующаго Синода конторы члена, Ставропигиальнаго второкласснаго Заиконоспаскаго училищнаго монастыря архимандрита и Московской Славено-Греко-Латинской Академии ректора Дамаскина», М., 1783, стр. 60.

[61] «Слово о причинах смертной казни по делам криминальным... на высочайший день рождения е. и. в. ...Екатерины Алексеевны говоренное... Семеном Десницким апреля 22 дня, 1770 года. Печатано при имп. Моск. ун-те, стр. 10.

[62] Речь маршала Бибикова в Комиссии по составлению Уложения 27 сентября 1767 г., ПСЗ, № 12978.

[63] «Слово при начатии открытия Санктпетербургской губернии по высочайшим учреждениям благочестивейшия великия государыни имп. Екатерины Алексеевны..., проповеданное... святейшего Правительствующаго Синода членом Гавриилом архиепископом Новгородским и Санктпетербургским Маия в 19 день 1780 г. Тип. имп. сух. шлях. кад. корпуса, стр. 16.

[64] «Похвала истинной любви е. и. в. благочестивейшей монархине, премудрой и великодушной государыне Екатерине Алексеевне... Всеподданнейше Иваном Владыкиным от истиннаго усердия приносимая», СПб., 1770, стр. 5.

[65] «Сие сочинение в похвалу е. и. в. государыни Екатерины Вторыя написал стихами раб божий посланник Мохаммед, сына Мохаммеда Мохсина, по прозванию Ашфери», СПб., 1793, стр. 42.

[66] ПСЗ, № 12978.

[67] «Перевод с писма господина Доминика Диодати из Неаполя 1771 г., Октября 7 дня, писаннаго к Россиянину, пославшему к нему в подарок Наказ Ея Имп. Величества, данный комиссии о сочинении Проекта Нового Уложения».— «Живописец», ч. I, 1772, стр. 92.

предъупреждает даже и безхитросныя злодеяния.

Ясность в положениях о приобретении и сохранении имений, недозволяет возродиться семейным распрям. Межа, отделяющая гражданина в его владении от другаго, глубока, и всеми зрима, и всеми свято почитаема. Оскорбления частныя между нами редки и дружелюбно примиряются.

Воспитание народное пеклося о том, да кротки будем, да будем граждане миролюбивые, но прежде всего да будем человеки» (стр. 311—312) [71].

без послабления смягчает строгость законов. Пороки исчезают, и корень их пресекается, но с кротостью исправляются нравы...» [68].

«..то полезное и нужно потребное учреждение межевания, учреждение к предписанию ко всякому владельцу по истине принадлежащих границ, к прекращению вредительныя обиды, ссоры и вражды, к возобновлению в соседстве доброго согласия и приятства...» [69].

«печется (Екатерина.— *Авт.*), о воспитании юношества, старается о благонравии и будущих граждан» [70].

Отметим и другой аналогичный «Спасской полести» факт: панегирики эпохи Екатерины и воспроизводящий их «проект в будущем», безусловно, ведут свою родословную от знаменитого «Наказа». В идеальном хотиловском государстве царит «свобода», «умеренность в наказаниях», и «Наказ» собирался охранять «гражданскую вольность», предусматривал «кроткие наказания» [72]. В хотиловском государстве установлено «равновесие во властях, равенство в имуществах», и «Наказ» был призван воплотить в жизнь принцип «разделения властей» Монтескье, а нечто вроде «равенства в имуществах» предусматривали п. 425, склоняющийся к «разделению имения», и п. 416, осуждавший великую и погибельную для государства «разность между богатыми и убогими гражданами» [73]. В хотиловском государстве воспитание народное печется о «кротости» и «миролюбии» граждан, то же утверждалось в «Наказе» [74]. Что же касается «цветущаго состояния» отечества, доведенного до «вышшаго блаженства гражданскаго сожития», то «Наказ», как мы уже знаем, открывался пожеланием видеть «отечество свое на самой вышней степени благополучия» и кончался непревзойденным: «...Боже сохрани! чтобы после окончания сего законодательства был какой народ больше справедлив, и следовательно больше процветающ на земле; намерение законов наших было бы неисполнено: нещастие, до которого Я дожить не желаю!» [75].

Следующий момент — это картина царящего в стране рабства, разоблачающая показной характер описанных во вступлении блаженств. По силе обличения эта картина, вне всякого сомнения, не имеет равных себе в русской литературе той эпохи. Однако в целом она близка тема-

---

[68] ПСЗ, № 12 978.

[69] «Похвала истинной любви...», стр. 13—14.

[70] «Перевод с писма... Д. Диодати...», стр. 91—92.

[71] Отметим, что в нашей исторической литературе отдельные фразы из хотиловского панегирика, особенно «равенство в имуществах», постоянно выдаются за «идеал Радищева». Никаких затруднений в понимании главы «Хотилов» не испытывает, например, Б. Евгеньев: «Гражданин будущих времен» — это Радищев. «Радищев с увлечением рисовал картину будущей жизни — «Проект в будущем». Государство, которое он описывал, находится в цветущем состоянии. Науки, художества, рукоделия доведены до совершенства. Всеобщее равенство устраняет всякую возможность несогласия и раздоров...» и т. д. (Б. Евгеньев. А. Н. Радищев. М., 1943, стр. 7—8, 45). Если бы Б. Евгеньев воспринял так же и все бесчисленные панегирики Екатерине, то сколько новых «радикальных мыслителей» было бы открыто им в России XVIII в. и насколько «блаженным» было бы, согласно их взглядам, тогдашнее состояние страны!

[72] См. «Наказ», главы VII—X.

[73] Там же, стр. 140, 138.

[74] Там же, стр. 122—125.

[75] Там же, стр. 2, 169.

тике новиковского «Отрывка путешествия в***И***Т***», или поленовского проекта[76]. Выделим одну только деталь. Известно, что в этой части проекта Радищев заклеймил рабовладельческий строй Америки. Но как до, так и после войны за независимость русская просветительская литература использовала пример Америки (работорговля, беспощадная эксплуатация рабов и т. д.) для косвенного осуждения русских крепостнических порядков[77]. Эта трактовка американской темы и отражена в «Хотилове» (ср. «премени имя, повесть о тебе вещает», стр. 317).

Теоретическая аргументация за отмену рабства в «Хотилове» ближе всего подходит к проекту Граслена на конкурсе в Вольном экономическом обществе. «Хотилов» обращается к природному, изначальному «сложению» людей, и Граслен предлагал при решении крестьянского вопроса прежде всего рассмотреть человека в «природных и первобытных отношениях (dans les rapports naturels et primitifs)». В «Хотилове» люди в естественном состоянии «равны вовсем между собою», и у Граслена «состояние одного человека не может быть ни лучшим, ни худшим, чем состояние другого». В «Хотилове» люди вступают в общество ради «собственного блага», и у Граслена общественное устройство (le corps social) сводится к сумме частных интересов (n'est qu'un composé d'intérêts particuliers). И здесь и там обосновывается не только необходимость восстановления гражданского равноправия крестьян, но и их право собственности на всю обрабатываемую землю. Даже для наиболее демократически звучащего требования хотиловского проекта: «Следственно, в начале общества, тот кто ниву обработать может, тот имел на владение ею право, и обработывающий ее, пользуется ею изключительно» (стр. 315), мы находим почти точный эквивалент в проекте Граслена: «Общественное благо (le bien public) требует, чтобы земля была собственностью только и единственно тех, кто ее обрабатывает, т. е. крестьян»[78]. Правда, в аргументах есть и одно существенное отличие. Граслен большое внимание уделял разного рода выкладкам и теоретическим соображениям насчет обмена продуктами труда между земледельцами и промышленными рабочими. «Хотилов» же как бы выделяет квинтэссенцию проекта, отбрасывая сюжеты, не имеющие прямого отношения к проблеме крепостного права. Лишь одно замечание в «Хотилове» родственно упомянутым рассуждениям Граслена: «...избытка своего делатель обществу неотдаст, неимея нужнаго» (стр. 315).

Отметим, что типична для эпохи 60-х годов и аргументация заключительной части хотиловского манифеста. Жалобы на препятствие крепостных отношений «размножению народа» раздавались на всем протяжении 50—60-х годов, начиная от Ломоносова и кончая Поленовым и Масловым[79]. На низкую производительность крепостного труда, по сравнению с «трудом вольным», указывали те же Поленов и Голицын[80]; наконец, об опасности «угнетения для общества»

---

[76] См., например, «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. II, М., 1952, стр. 181—183, 10—11, 14—16 и др.

[77] Например, С. Десницкий. Там же, т. I, М., 1952, стр. 229. См. также журн. «Лекарство от скуки и забот», СПб., 1786, ч. 1, стр. 103—104.

[78] Проект Граслена цитируется по изданной в 1768 г. в Петербурге книге «Dissertation qui a remporté le prix sur la question proposée en 1766 par la societé d'oeconomie et d'agriculture à St. Petersbourg; à laquelle on a joint les Piéces qui ont eües l'Accessit», 1768, p. 115, 134, 142, 151.

[79] «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. II, стр. 10, 81 и др.

[80] В. И. Семевский. Указ. соч., т. I, стр. 33, 35, 83.

предупреждали почти все выступавшие в Комиссии и вне ее, причем иногда почти дословно в тех же выражениях, что и у Радищева:

«Хотилов»	«Философические предложения» Козельского
«Поток загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ни что уже в разлитии его противиться ему невозможет. Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно» (стр. 320).	«Река, плотиною долго удерживаемая, как найдет место к своему проходу, то с тем большим стремлением силится туда пройти и потому тем больше роет плотину, чем долее той реки течение одерживано было, так равномерно и к долговременному терпению принужденные люди... как только найдут удобный случай, то тем более истощают наружу свою досаду и такие люди иногда бывают сами и обидчики»[81].

Заключительные требования хотиловского проекта также находят вполне реальный исторический эквивалент:

«Хотилов»	Проекты 60-х годов по крестьянскому вопросу. Цитируются по В. И. Семевскому. Крестьянский вопрос в России... т. I (в скобках указаны страницы издания).
Разделение сельского рабства и рабства домашнего.	«Великое злоупотребление есть когда оно (рабство) в одно и то же время и личное и существенное» (Наказ Екатерины в Комиссию о разборе родов государственных жителей, 42, 129, 130).
«Дозволить крестьянам вступать в супружество, нетребуя на то согласия своего господина. Запретить брать выводныя деньги».	«...чтобы им (крестьянам. — *Авт.*) предоставлено было жениться, на ком они хотят без уплаты выводных денег...» (предложение Гадебуша — 135, то же у Унгерна-Штернберга — 137, Вольфа — 132).
Удел в земле ими обрабатоваемой, должны они иметь собственностию; ибо платят сами подушную подать.	«...разделить и отмежевать землю всем подданым, кои в слободах за владельцами живут..., чтобы мужики, почитая те земли за собственный свой удел, основательно обзаводиться и постояннее жить могли» (предложение Козельского — 117, аналогичные требования у Эйзена — 93).
Приобретенное крестьянином имение ему принадлежать должествует; никто его онаго да не лишит самопроизвольно...	«Крестьянин должен быть безопасен в собственности своего имения...» (статья барона Зальца — 93, аналогичное у Поленова — 86, у Гадебуша — 135).
Надлежит ему судиму быть ему равными, то есть в расправах, в кои выбирать и из помещичьих крестьян.	Учредить крестьянские суды (Поленов — 86, Унгерн-Штернберг — 138, Вольф — 132, Эйзен — 93).
Дозволить крестьянину приобретать недвижимое имение, то есть покупать землю.	«Позволение тем, кто в силах покупать землю на свое собственное имя и владеть ею, подобно нам, господам» (Голицын — см. «Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. II, М., 1952, стр. 44)'.
Дозволить невозбранное приобретение вольности, платя господину за отпускную, известную сумму» (стр. 322).	Определить сумму, «за которую крепостной мог бы выкупаться на свободу» (Гадебуш — 135; аналогичные меры у Поленова — 87).

Сравнение «Хотилова» с литературой 60-х годов позволяет раскрыть и смысл той фразы, которая, по мнению Э. С. Виленской, придавала всему проекту «демократическую окраску» («Но друг мой ведая, что вышшая власть недостаточна в силах своих на претворение мнений

[81] Факт близкого совпадения идей Козельского и Радищева отмечала Л. В. Кулакова (указ. соч., стр. 17).

мгновенно, начертал путь повремянным законоположениям, к постепенному освобождению земледельцев в России» (стр. 322). Можно полагать, что это ссылка на п. 260 «Наказа»: «Не должно вдруг и чрез узаконение делать великаго числа освобожденных»[82].

В том же духе расшифровываются более или менее удовлетворительно и другие детали «Хотилова». Упоминание прозревшего самодержца о своих «державных предках», пытавшихся положить предел «стоглавному злу», могли касаться некоторых попыток Петра I регламентировать крепостные отношения. Ни одно из этих постановлений, свидетельствует В. И. Семевский, не было осуществлено[83], и любопытно, что народная молва считала главной помехой к неисполнению петровских указов (значение которых к тому же преувеличивалось) дворянское сословие. В начале царствования Екатерины II по рукам ходили списки с подложного указа императрицы, в котором дворянство, якобы нарушившее волю Петра, изображалось главной причиной царящего в стране притеснения народа[84] (ср. с этим упоминание о происках наследственного дворянства в «Хотилове», стр. 312—313). Автор манифеста, изложенного от имени будущего царя, мог также иметь в виду и бесплодное обсуждение крестьянского вопроса в первые годы царствования Екатерины в Комиссии 1767—1768 гг. И здесь представители родового дворянства (Щербатов, Глазов, Чаадаев, Похвиснев) были также самыми яростными противниками мер по смягчению «рабства», что опять-таки соответствует хотиловской трактовке.

Идейная тематика «Выдропуска» (обличие наследственного дворянства, фаворитизма, разоблачение показного блеска и «пышной внешности» властителей, попытка побудить «Владык» трудиться на «пользу общую», сочетать «власть со свободою» и т. п.) наиболее близка тематике Фонвизина — Панина в 70—80-х годах или П. Львова, посвятившего, кстати сказать, свой «Храм истины» творцу «Каллисфена»[85].

Для каждого пункта либеральной программы «Путешествия» мы стремились подобрать наиболее близкий эквивалент из документов и литературы эпохи Радищева. Но в подобных сравнениях неизбежен момент субъективизма. Так, Л. В. Крестова считает, что описания «нечто седящего во власти на Престоле» относятся к барельефам и медалям залы заседаний Сената. Однако известно, что те же обычные знаки царского достоинства были изображены на золотой медали, выбитой в честь созыва Уложенной комиссии. А. Скафтымов нашел наиболее близкий прототип знаменитому «сну» в «Храме истины» Львова, а В. П. Семенников видит почти буквальное сходство сюжета «сна» с одним из писем крыловской «Почты духов»[86]. В одном отношении «проект в будущем» похож на проект Граслена, в другом — напоминает высказывания Фонвизина или Львова и т. д.

Как же отделить в таком случае субъективное от объективного, какой совершенно безусловный вывод можно сделать из фактов поразительного сходства идей «Хотилова» с литературой той эпохи? Единственно возможное объективное заключение состоит в том, что Радищев воспроизводит здесь обширную либерально-просветительскую литера-

---

[82] «Наказ», стр. 90.

[83] См. подробнее В. И. Семевский. Указ. соч., т. I, стр. 4, 10.

[84] РИО, т. 7, СПб., 1871, стр. 321—322.

[85] См. «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т II, стр. 264, 253—255; см. также П. Ю. Львов. Храм истины, видение Сезостриса Царя Египетского. В Петрополе, 1790, стр. 6, 8, 9, 11.

[86] В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева.— Сб. «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», М.— Л., 1936, стр. 279—281.

туру своей эпохи. Типична не только общая хотиловская концепция, согласно которой инициатива отмены крепостничества должна исходить от царя, подающего «пример» помещикам[87]. С поразительной точностью и полнотой Радищевым воспроизведены почти все без исключения конкретные меры и предложения той эпохи. Не вошло в «проект в будущем», пожалуй, только одно, наиболее часто встречающееся в XVIII в. требование — ограничить продажу крепостных, но с этой темой мы еще встретимся в дальнейшем.

Даже те, кто по-прежнему считает «проект к будущем» собственным идеалом Радищева, должны будут согласиться с тем, что перед нами не просто один из либерально-просветительских проектов той эпохи, но глубочайшее обобщение всех подобных проектов, что это не просто еще одна попытка «просвещения» царя, но попытка осмыслить и использовать весь накопившийся к тому времени в России опыт такого просвещения.

Восторги буржуазных историков по поводу «Хотилова» становятся теперь еще более понятными. Впитав в себя всю либеральную премудрость XVIII в., пытаясь учесть опыт прошлых неудач, суммируя воедино либеральные требования той эпохи, «проект в будущем» на протяжении более чем полувека оставался недосягаемым идеалом для русских либералов, и историк крестьянского вопроса в России В. И. Семевский, имея в виду главным образом «Хотилов», мог с полным правом сказать, что для ограничения крепостного права в первой половине XIX в. «было сделано до такой степени мало, что далеко не были выполнены требования, высказанные в этом отношении еще во вторую половину XVIII в.»[88].

Но тем самым приобретает еще большую значительность вопрос о том, как сам Радищев относился к «проекту в будущем». Имеем ли мы в «Путешествии» сочетание самой последовательной для России XVIII в. революционности с самым развитым для того времени либерализмом или эта революционность и была результатом полемики с ним? Рассмотрим доводы за то, что «проект в будущем» включен в «Путешествие» с целью его критики.

VIII

Наличие элементов сатиры по крайней мере в двух из трех либеральных глав очевидно. Сатирическое описание «нечто седящего во власти на Престоле» в «Спасской полести», намекающее на Екатерину, разоблачение ее «великих деяний» (особенно намеки на «Наказ»), столкновение панегириков, расписывающих «блаженство», с ужасающей картиной крепостнической действительности в «Хотилове» — все это, безусловно, вносит дисгармонию в стройную композицию и замысел указанных глав. Эта их двухплановость отмечена первыми читателями «Путешествия», она нашла отражение и в исследовательской литературе.

Вот, например, как воспринимались «адресатом» Радищева — Екатериной — явно сатирические места либеральных глав. О «сне» из

---

[87] См., например, проекты и предложения Поленова, Коробьина, Вольтера, кн. Д. А. Голицына («Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. II, стр. 33—34, 53—54); В. И. Семевский. Указ. соч., т. I, стр. 25, 29, 36, 87 и др.

[88] В. И. Семевский. Правительство, общество и народ в истории крестьянского вопроса.— Сб. «Великая реформа 19 февраля 1861 г.», М., 1911, стр. 81.

«Спасской полести» Екатерина заметила: «77, 78 стран[ицы] написаны в возмутительном намерении, о чем прилагается попечение к пресечению, то обращено в коризну... 81 страница покрыта бранью и ругательством и злостным толкованием, злодейство сие разпространилось на следующие страницы 82, 83, 84 и 85...». На полях хотиловского манифеста Екатерина написала: «Стр[аницы] 236, 237, 238 в насмехательном виде говорится о блаженстве и дается чувствовать, что онаго нету... 260. Проскакивают паки слова, клонящиеся к возмущению» и т. д.[89] А вот оценка Екатериной либеральных сюжетов тех же самых глав: «Но при всем том намерении, порочить не могли, и принуждены обратится на исполнении, следовательно порочат общество, а не доброе сердце либо намерение государя». «Уговаривает помещиков освободить крестьян, да нихто не послушает»[90].

Любопытно, что в советской научной литературе момент сатиры, доминирующий в «Спасской полести», часто заслоняет ее либеральное содержание и «сон» толкуется только как «исключительный по яркости и смелости п а м ф л е т на Екатерину II и ее ближайших пособников»[91]. То же произошло, как мы видели, с главой «Хотилов» у Д. С. Бабкина: она превратилась в «пародию на высочайшие указы». Наоборот, в либерально-буржуазной литературе, как правило, затушевываются бичующе-сатирические места этих глав и всячески выпячиваются чисто либеральные сентенции. Исходя из такой двухплановости либеральных глав делались попытки доказать, что явно сатирический их фон «показывает иллюзорность либеральных упований»[92]. Положение это нельзя, однако, считать достаточно убедительным. Изложение либеральных проектов на фоне бесстрашной бичующей сатиры на «просвещенный абсолютизм» действительно ставит под сомнение весь либеральный план. Более того, внимательно всматриваясь в содержание проекта, мы можем обнаружить в нем клубок вопиющих противоречий. Просветитель в «Спасской полести» прямо называет самодержца первейшим преступником и злодеем и к нему же обращается с уговорами! Он заставляет «прозревшего» царя в «Хотилове» разоблачить лицемерие мнимых блаженств, хотя из «Спасской полести» явствует, что повод для этой лицемерной болтовни дали «великие деяния» самого же монарха! Царь в «Хотилове» изображает себя продолжателем дел своих державных предков и фактически их же именует «ненасытцами кровей». Говорится, что между помещиком и крестьянином «н и к а к о й (!) неможно быть связи, разве насилие» (стр. 319), и тут же предлагается заменить эту связь узами дружбы и любви.

Однако отметим, что в данном отношении «проект в будущем» не представляет исключения. Он лишь доводит до предела присущее либеральному просветительству противоречие между резкой критикой существующих порядков и попытками «уговорить», «просветить», «образумить» самих же носителей общественного зла. Многие обличения Фонвизина, утверждавшего, что чудовище овладело душой государя, что «нравственная язва» стала всеобщей, что все пороки разливаются от трона и заражают двор, город и, наконец, государство и т. п., несомненно, могли восприниматься как сатира на царицу и ее двор[93].

---

[89] Д. С. Б а б к и н. Процесс А. Н. Радищева. М.— Л., 1952, стр. 157, 158, 162.
[90] Там же, стр. 158, 162.
[91] Д. Д. Б л а г о й. Указ. соч., стр. 469. Подчеркнуто нами.— *Авт.*
[92] Ю. Ф. К а р я к и н. Е. Г. П л и м а к. Указ. соч., стр. 184.
[93] См. «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. II, стр. 255.

Некоторые бичующие места из львовского «Храма истины», обращенного к самодержцу, кажутся просто списанными со «Спасской полести» [94]. Явное неверие в официальную версию о «Золотом веке» Екатерины сквозит и у Крылова [95]. Если сопоставить, к примеру, «Письмо Доминика Диодати» о «Наказе», утверждавшее, что в России «обитает блаженство», что императрица заботится о жителях, изобилием обогатить старается, простой народ от податей освобождает и т. п., с помещенным в том же «Живописце» «Отрывком путешествия в***И***Т***», где доказывается, что бедность и рабство повсюду встречаются в России, что помещики «тиранствуют» над подобными себе человеками, что крестьяне бедствуют от государственных поборов и т. д., то мы получим почти хотиловский контраст [96].

Кроме того, это в сущности безвыходное противоречие «снималось» просветителями очень простым способом: данный царь, скажем, Петр III, Екатерина II, Павел I — изверг и злодей, но вот наследник будет хорошим. Наследнику престола предназначается проект Фонвизина — Панина; львовский Зороастр в «Храме истины» предупреждал от «ласкательств» младого монарха, «неопытного юношу»; к «молодому Венценосцу» направлял свое нравоучительное послание Крылов (напомним, кстати, что и в «Выдропуске» царь «с младенчества» возненавидел ласкательство). Любопытно, что это ожидание «доброго царя» получило у просветителей XVIII в. даже нечто вроде философского и политического обоснования. В бесконечном ряду самодержцев, утверждали они, неминуемо попадется добрый монарх. Гольбах в своей «Естественной политике» отводит десятки страниц проблеме воспитания молодого принца, уверяя, что это единственное средство помочь искоренению зла, если его первоисточник — на троне [97]. Получалась в сущности бесплодная дурная бесконечность утешительных надежд и неминуемо следующих за ними горьких разочарований.

Поэтому и в данном отношении «Хотилов» воспроизводит присущее либеральному просветительству противоречие. Правда, до такой силы обличений не доходил в России ни один просветитель, такой концентрации логических противоречий не давал до Радищева ни один проект, исследователи не раз отмечали «небывалую смелость», необыкновенный тон сатиры Радищева [98]. Эти факты, безусловно, могут говорить за то,

[94] См., например: «Я вижу под наружным величием, внутреннее государства падение! Невинность и правда гонимы; коварство под личиною добродетели сохраняя частную пользу истребляет общее благо. Корыстолюбие восторжествовало над правосудием и честностью, земледелие презренно... Я видел самые полезные законы во зло употребленные. Видел надменные чертоги тех каменосердых вельмож, коим я повелел награждать заслуги, питать бедность; они были сооружены из сокровищ вверенных им мною для помощи народа: основания зданий сих обмыты были горькими слезами... Судьи не для того определялись к важным и священным должностям, дабы ревностно исполнять уставы правды... а для того токмо, дабы помощью беззакония обогатиться... Все степени гражданства упали...» (П. Ю. Львов. Храм истины, стр. 9, 10, 11).

[95] Ср., например: «В самое сие время, когда Вельможи разглагольствовали таким образом с Государем, и когда весь народ питался безумною утехою (ибо им возвещено было о возвращении златаго века, котораго никогда не бывало, и уверяли их, что самыя жирныя колибрии совсем уже изжаренныя будут к ним низпадать с небес, и что им не нужно будет ни о чем иметь никакого попечения) некто продирался сквозь толпу сего народа близ царских чертогов предстоящаго и кричал: «Злодеи! они развратят нашего юнаго Государя...»» («Почта духов», ч. II, СПб., 1789, стр. 258—259).

[96] Кстати, Новиков снял «Письмо Диодати» из последующих изданий «Живописца».

[97] См. P. Holbach. La politique naturelle ou discours sur les vrais principes du Gouvernement, t. II. A. Tours, 1796, p. 389. См. также t. I, p. 214—223; t. II, p. 390—393 и др.

[98] М. И. Сухомлинов. Указ. соч., стр. 574. В. П. Семенников. Литературно-общественный круг Радищева, стр. 282.

что Радищев ставил целью сознательное выявление и обнажение внутренних противоречий либерального просветительства, разрушение его, так сказать, «изнутри». Но только этих фактов недостаточно для столь далеко идущего вывода.

IX

Мы рассматривали пока либеральные главы сами по себе. Сопоставим их теперь с главами революционными. Их объективная противоположность несомненна. Они ставят одну цель — уничтожение крепостного права, но идут к ней принципиально разными путями. Первые обосновывают возможность освобождения «сверху», вторые — необходимость и неизбежность освобождения «снизу». В свою очередь эти выводы связаны с различной оценкой социальных сил, представленных в русской действительности. В «Спасской полести» и «Выдропуске» проводится мысль о том, что верховная власть в самодержавном правлении «одна в отношении других может быть безпристрастна», прозревший царь устремит силы свои «на пользу общую» (стр. 247, 327). «Но царь, когда бесстрастен был!», отвечает «Вольность», он зрит в народе «лишь подлу тварь» (стр. 13, 4). «Проект в будущем» исходит из возможности расхождений между царем и наследным дворянством, между царем и администрацией (стр. 312—313, 326—327), напротив, «Вольность» видит в царе злодея изо всех «лютейшего» (стр. 7). Автор хотиловской программы хотя и осуждает «злодейства» крепостников, но не теряет надежд на их перевоспитание (стр. 321). Автор «Медного» и «Городни» думает совершенно иначе: «великие отчинники» не могут поборствовать свободе, надо избить племя помещиков (стр. 352, 368—369). Первый хотя и сочувствует делу освобождения крестьян, но считает загрубелый в «невежестве» народ способным только на бессмысленный, разрушительный бунт. «Прежния повествования» говорят ему, что крестьяне ищут в восстании «паче веселие мщения, нежели пользу сотрясения уз» (стр. 320). Второй верит в созидательные силы народа. Он утверждает, что слово свободы невежества «развеет прах», он заявляет, ссылаясь на опыт западных революций, что из народа выйдут «великие мужи», которые поведут его к новой жизни (стр. 9, 11, 368).

Соответственно такому пониманию главная задача хотиловского «гражданина будущих времен» состоит в том, чтобы просветить в настоящем царскую власть, а в будущем — с ее помощью побудить к реформам помещиков. Напротив, «новомодной стихотворец» из «Твери» видит в будущем народную революцию, он выдвигает в настоящем задачу революционного просвещения народа.

Две противоположные концепции — либеральная и революционная представлены в «Путешествии» в предельно четком выражении, обе получили всестороннее обоснование, вторая объективно отрицает первую. Но, может быть, Радищев не замечал этого и, как утверждал Незеленов, «громоздил противоречие на противоречие, сам того не сознавая и не видя».

Прежде всего покажем, что в «Твери» и «Медном» автор развивает тематику либеральных глав.

«Спасская полесть»	«Вольность»
«Глава моя украшалася венцем лавровым. Вокруг меня лежали знаки власть мою изъявляющие. Здесь меч лежал на столпе, из сребра изваянном... На твердом коромысле возвышенныя зрелися весы. В единой из чаш лежала книга с надписью Закон Милосердия; в дру-	Отливной ветвию венчанно, На твердом камени седяй, Без слуха зрится хладнонравно, Велико божество судяй; Белее снега во хламиде, И в неизменном всегда виде, Зерцало, меч, весы пред ним.

гой книга же с надписью Закон Совести... Венец мой возвышен был паче всего и возлежал на раменах сильного исполина, возкраие же его поддерживаемо было истиною» (стр. 248—249).

Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие ошую;
Се храм закона ясно зрим [99]
(стр. 2).

Разве не идет и там и здесь речь об одном и том же персонаже?

Обратим, далее, внимание на строфу 11 «Вольности», описывающую лик самого царя:

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, Царь,
На громном троне, властно севши,
В народе зрит лиш подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
«По воле, рек, щажу злодея,
Я властию могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется.
Живеш тогда, велю коль жить» (стр. 357).

Разве не напоминают внимательному читателю «Путешествия» подчеркнутые нами строки раболепствующую толпу льстецов из «Спасской полести» или «феатральных божков» из «Выдропуска», повинующихся «свистку или трещетке»?

Отметим, наконец, что «Медное» автор начинает прямой ссылкой на хотиловский проект. Путешественник начинает свой рассказ, развертывая найденные бумаги своего приятеля (стр. 349). Содержание главы также развивает хотиловскую тематику: здесь ставится вопрос о продаже крепостных, опущенный в «Хотилове».

Таким образом, связь сюжетов либеральных и революционных глав совершенно неоспорима, она подчеркнута самим Радищевым. Но еще важнее отметить другой факт: неправоту одной программы и истинность другой писатель сам нарочито подчеркивает целой системой художественных образов и приемов.

Вот обращение к монарху в «Спасской полести» и оде «Вольность».

«Спасская полесть»

«...ведай, что ты первейший в обществе можеш быть убийца, первейший разбойник, первейший предатель, первейший нарушитель общия тишины, враг лютейший...» и т. д. (стр. 254).

«Вольность»

«Злодей, злодеев всех лютейший,
Превзыде зло твою главу,
Преступник, изо всех первейший,
Предстань, на суд тебя зову!
Злодейства все скопил в едино...»
и т. д. (стр. 7).

«Вольность» ясно утверждает, что монарх не только может быть первейшим преступником, но и является таковым.

Сравним, далее, монолог «прозревшего» царя, который взревел «яростию гнева на злодеев» в «Спасской полести», с обращением народа к судимому монарху в «Твери».

«Спасская полесть»

«Недостойные преступники, злодеи! вещайте, почто во зло употребили доверенность Господа вашего? предстаньте ныне пред судию вашего. Возтрепещите в окаменелости злодеяния вашего. Чем можете оправдать дела ваши?» и т. д. (стр. 257).

«Вольность»

««Злодей злодеев всех лютейший... Ты все совокупил злодеяния, и жало свое в меня устремил... Умри, умри же ты сто крат». Народ вещал...»» (стр. 360).

[99] В «Твери» эта строфа была заменена словами: «изображается закон в виде божества во храме, коего стражи суть истина и правосудие» (стр. 356).

Разве не отвечает мысль «Вольности» идеям либерального проекта? Злодей, совокупивший все злодеяния, не может судить других злодеев,— его самого надо в первую очередь вести на плаху.

Еще две картины. В первой (главы «Хотилов» и «Выдропуск») царь вспоминает о неудачах своих «державных» предков и ополчается на сокрушение «стоглавного зла» — крепостничества: «...государи возмнили что они суть боги, и вся его же коснутся, блаженно сотворят и пресветло. Так и быть должнествует в деяниях наших, но токмо на пользу общую» (стр. 326—327). «Отцы наши зрели губителей сил, со слезами, может быть сердечными, сожимающих узы, и отягчающих оковы, наиполезнейших в обществе сочленов» (стр. 313). «...Мудрые правители нашего народа, истинным подвизаемы человеколюбием, дознав естес[т]венную связь обещственнаго союза, старалися положить предел стоглавному сему злу...» (стр. 312). Ныне «мы ополченные палицею мужества и природы на сокрушение стоглавного чудовища...» (стр. 320) и т. п.

А теперь возьмем развитие той же темы в «Вольности», показывающее истинный смысл царских забот о народе:

Возводит строгия зеницы,
Льет радость, трепет, вкруг себя;
Равно на все взирает лицы,
Ни ненавидя, ни любя...
Родства незнает, не приязьни
Равно делит и мзду, и казни;
Он образ божий на земли (стр. 356).

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав.
Земныя власти попирает,
Главою небо досязает
Его отчизна там гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет
Обманывать и льстить умеет,
И слепо верить всем велит (стр. 356).

Неужели случайно монарх, ополчившийся в либеральных главах на сокрушение крепостничества — «стоглавного зла», «стоглавного чудовища», обратился сам в главах революционных в ужасное «чудовище», «стоглавую» гидру? Неужели по рассеянности писателя монархи творили в одной главе все «блаженно и пресветло», а в другой сеяли «призраки, тьму»?

Сравним дарование сверху свободы в «Выдропуске» с соответствующей картиной в «Вольности»:

«Выдропуск»	«Вольность»
«...возблагоденствуем с нова, и будем примером позднейшему потомству, како власть со свободою сочетать должно, на взаимную пользу» (стр. 330).	«Упругая власть при издыхании приставит стражу к слову, и соберет все свои силы, дабы последним махом раздавить возникающую вольность...» (стр. 361).

Разве не автору «Выдропуска» отвечает стихотворец в «Твери»? Когда дело дойдет до действительного освобождения народа, «упругая власть» сделает все, чтобы раздавить возникающую вольность!

Еще одно сравнение двух программ. Царь в «Хотилове» в трогательном единомыслии со служителями божества творит подвиги ко благу об-

щества: «Служители божества предвечнаго, подвизаемые ко благу общества и ко блаженству человека, единомыслием с нами, изъясняли вам в поучения своих, во имя всещедраго бога, ими проповедуемаго; колико мудрости его и любви противно властвовати над ближним своим, самопроизвольно» (стр. 313). О царских деяниях «на пользу общую», освященных именем бога, говорилось и в главе «Выдропуск» (стр. 326—327). А вот ответ «Вольности» на этот тезис либерально-просветительской программы:

Возрим мы в области обширны,
Где тусклой трон стоит рабства;
В мире и тишине суеверие священное и политическое, подкрепляя друг друга,
Союзно общество гнетут.
Одно сковать разсудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую рекут (стр. 357).

Вот столкновение двух диаметрально противоположных концепций просветительства: монолог просветителя, осмеливавшегося сказать правду монарху, и монолог просветителя, вещающего правду народу:

«Спасская полесть»	«Торжок»
«Неубойся гласа моего николи. Если из среды народныя возникнет муж порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний. Чуждый надежды мзды, чуждый рабскаго трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдись и недерзай его казнити, яко общаго возмутителя. Призови его, угости его яко странника» (стр. 253).	«Небойся громов всесильнаго, смеется висилице. Для того то вольность мыслей, правительствам страшна. До внутренности потрясенный вольнодумец, прострет дерзкую но мощную и незыбкую руку к истукану власти, сорвет ея личину и покров, и обнажит ея состав. Всяк узрит бренныя его ноги, всяк возвратит к себе данную им ему подпору, сила возвратится к источнику, истукан падет» (стр. 333).

А вот дальнейшее развитие концепции революционного просветительства в главах «Тверь» и «Городня»: «...трепещи, се мститель грядет, прорицая вольность...», — восклицает стихотворец, обращаясь к монарху.

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна,
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю везде сверкает;
В различных видах смерть летает;
Над гордою главой паря.
Ликуйте склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя,

И нощи се завесу лживой,
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой.
Огромной истукан поправ;
Сковав сторучна исполина,
Влечет его, как гражданина,
К престолу, где народ возсел... и т. д. (стр. 358).

Выделим, наконец, последнюю смысловую параллель между либеральными и революционными главами, снова подчеркнутую употреблением,

тождественных речевых оборотов в прямо противоположных по смыслу выводах.

Восклицания льстецов из «Спасской полести» о монархе — блюстителе законов: «Он законодатель мудрый, судия правдивый, исполнитель ревностный, он паче всех Царей велик, он вольность дарует всем» (стр. 250). Замечания путешественника в главе «Едрово» насчет исполнения законов в России: «Но крестьянин в законе мертв, сказали мы.... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет...» (стр. 305). А вот разъяснение смысла этих слов в «Городне» и одновременно ответ «ласкателям» из «Спасской полести»: «О законы! премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге. Не явное ли се вам посмеяние? Но паче еще того, посмеяние священнаго имени вольности. О! если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим главы наши, главы безчеловечных своих господ, и кровию нашею обогрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их, изторгнулися великие мужи, для заступления избитаго племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишенны.— Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие» (стр. 368—369).

«Ласкатели» в «Спасской полести» воспевали «мудрого законодателя» — «премудрость» законов часто бывает только в их слоге, отвечает им «Городня». «Ласкатели» утверждали, что монарх «вольность дарует всем», «Городня» говорит о «посмеянии священаго имени вольности». Либерал из «Хотилова» видит «в будущем» либеральный манифест, революционер из «Городни», проницая завесу времени, «будущее скрывающую», видит грядущую народную революцию!

Число и характер отмеченных совпадений говорят сами за себя. Все без исключения главные пункты революционной программы являются — по содержанию — результатом критики, преодоления программы либеральной. Все они даны в «Путешествии» в явно полемической форме, не по формуле «и — и» (и революционный и либеральный путь), а по формуле «не — а» (не либеральный, а революционный путь). Писатель совершенно сознательно заострял в «Спасской полести» и «Хотилове» все присущие концепции либерального просветительства противоречия и главное из них — противоречие благих целей и негодных средств — для того, чтобы дать в «Медном», «Городне», «Твери» свое положительное решение вопроса.

При сопоставлении концепции «Хотилова» и революционных глав вряд ли нужно специально доказывать их единство по вопросу о необходимости отмены «рабства», говорить об общей их антикрепостнической направленности, хотя критика последних была неизмеримо глубже и последовательнее критики первого (в «Хотилове» «стозевное чудище» — только крепостники, в «Твери» — вся самодержавно-крепостническая система). Но если в критической части двух концепций, несмотря на глубокие различия, есть линии соприкосновения, единства, то при положительном решении вопроса о путях и условиях освобождения эти различия уже перерастают в полное взаимное отрицание, в полярную противоположность.

В либеральных главах освобождает крестьян царь, ради спасения помещиков. В революционных — царь на плахе, «племя» помещиков избивается, народ освобождает сам себя. Там отмена крепостничества проводится по существу в интересах крепостников: власть в государстве, основная земля остаются за ними, волю крестьянам дают за выкуп. Здесь — республика, вся земля принадлежит народу, о выкупе нет и речи.

Там крестьян освобождают царь и помещики в союзе со «служителями божества». Здесь ясно показано, что те и другие «союзно общество гнетут». Там народ ни на что не способен. Здесь он способен на руководство государством. Там революция — «пагуба зверства». Здесь — праздник народа. Там корысть помещиков преодолевается уговорами. Здесь она непреодолима иначе, как силой. Там помещики — «возлюбленные» братья. Здесь — злейшие, непримиримые враги. Там царь — единственная надежда, освободитель. Здесь он — главный враг.

И, наконец, самое главное. Там путь реформ сверху проповедуется для того, чтобы избежать революции, предотвратить ее. Там реформы — именно вместо, а не вместе и не до революции. И, наоборот, здесь — революция именно вместо освобождения сверху.

Таким образом, вырисовывается полная несовместимость одного с другим, полная непримиримость такого противоречия, абсолютно взаимоисключающий его характер. Речь идет именно не об обыкновенном противоречии, а о противоречии немыслимом, если приписывать обе программы автору книги.

Анализ этих программ не только кладет конец легенде о Радищеве-либерале. Он свидетельствует также о несостоятельности дожившей до наших дней гипотезы Незеленова насчет «необыкновенного смешения» у писателя «разнородных направлений».

Радищев именно «сознавал и ведал», что он «громоздит противоречие на противоречие». Такая тщательная подборка этих противоречий, такое противопоставление двух способов ликвидации крепостничества по всем пунктам доказывает наличие определенного сознательного плана, сознательной критики либеральных хотиловских заблуждений [100].

X

Характер противоречия революционной и либеральной сторон «Путешествия», безусловно, решает вопрос о том, могут ли принадлежать Радищеву обе программы. Но имеется дополнительный аргумент в пользу гипотезы о последовательной революционности автора книги — скептический комментарий к «проекту в будущем».

Положение о том, что вся оппозиционная, а тем более антифеодальная литература XVIII в. (русская в том числе) широко пользовалась языком намеков, аллегорий, символов, возражений ни у кого не вызывает. Но мысль, что революционер Радищев пользовался в «Путешествии» эзоповским языком, вызывала не только сомнения, но и резкие протесты, вплоть до требований осудить «изыскания», мистифицирующие науку, возвращающие ее к средневековой схоластике [101].

На первый взгляд, для таких протестов имеются основания. Кажется непостижимым, почему писатель, почти открыто изложивший свою революционную программу в «Твери», прибегал к хитроумным эзоповским намекам там, где, казалось бы, никакого эзоповского языка вовсе не требуется,— в критике либерально-просветительских концепций.

Однако эти совершенно непонятные вещи становятся вполне понятными, когда мы обратимся к условиям написания книги. Несомненно, что вся она писалась долгие годы в расчете на цензуру. Когда Радищев, уже после цензуры, включил в главу «Тверь» свою революционную оду, он ничего уже не мог изменить в содержании других глав, и поэтому оставалась возможность их недопонимания.

[100] Тот же метод столкновения двух противоположных концепций с целью выявления истинности одной из них лежит в основе философского трактата Радищева «О человеке, его смертности и бессмертии».

[101] См. Э. С. Виленская. О спорных вопросах и методах изучения идейного наследия А. Н. Радищева.— «Вопросы философии», 1956, № 5, стр. 174, 170.

Правда, после разрешения Управы благочиния на печатание книги писатель вставил (очевидно, опасаясь быть не до конца понятым читателем) еще немало крамольных мест в другие главы, но и после этого в книге остались «зашифрованные» места.

Во-вторых, нельзя думать, что такой сюжет, как критика либерально-просветительских концепций, был вполне невинным в ту эпоху. Поскольку основным приемом полемики Радищева было столкновение либеральных утопий с подлинными делами «просвещенного абсолютизма», то и за «проект в будущем» можно было поплатиться не в меньшей степени, чем за явно революционные главы. Мы, кстати, знаем это по реакции Екатерины на «Спасскую полесть» и «Хотилов».

Конечно, мы отдаем себе отчет в том, что только подобными доводами нельзя полностью переубедить наших оппонентов, а тем более с абсолютной достоверностью доказать им, что, например, в образе «нечто седящего во власти на Престоле» изображена Екатерина, что чихание этого «нечто» — издание «Наказа», что речи льстецов из «Спасской полести» или вступление «Хотилова» — это пародия на панегирики эпохи «просвещенного абсолютизма» и т. д. Сам Радищев мертв, черновики его не сохранились, все его современники тоже давно умерли. Но есть одно средство, пожалуй, способное переубедить некоторых скептиков: их надо попросить прочесть десять, двадцать, а в особо упорных случаях и сотню «похвальных слов» той эпохи. Тогда, нам кажется, спор пошел бы уже о том, для чего понадобилась Радищеву в либеральных главах пародия на панегирики, почему он избрал эту, а не другую форму воспроизведения либеральных идей и т. п.

Точно так же невозможно доказать нашим оппонентам, что в каждом отдельном замечании, которое мы толкуем как «скептическое», есть действительно какой-то скептический «тайный» смысл. Но если брать такие замечания не порознь, а в их совокупности, не сами по себе, а в единстве с содержанием глав и общей композицией книги, то мы непременно установим наличие скепсиса и иронии как раз в так называемых «либеральных» местах.

В «Спасской полести», например, окончив во «сне» просвещение царя, автор совершенно ясно намекает читателю, что наяву подобных вещей не случается: «Еще неопомнившись, — пишет он, — схватил я себя за палец, но тернового кольца (кольца, которое заставляло видеть правду. — *Авт.*) на нем не было. О если бы оно пребывало хотя на мизинце Царей!» (стр. 257). Любопытное высказывание о «сне», в котором монарх «познает свои обязанности», содержится и в следующей главе «Подберезье»: «против бреду я себя непредостерег и от того голова моя, приехав на почтовый стан, была хуже болвана» (стр. 257).

Подъезжая к Хотилову, путник слышит от ямщика, продолжающего ранее начатый разговор, следующее: «Тото, Барин! Всяк пляшет, да некак скоморох». Путник относит эту поговорку к «проекту в будущем». «Всяк пляшет, да некак скоморох, твердил я вылезая из кибитки... Всяк пляшет, да некак скоморох, повторил я наклоняяся, и подняв развертывая...».

«Хотилов»

«Проект в будущем» (стр. 311; далее идет текст проекта).

Утерянный «искренним другом» проект путник находит на дороге, по которой в свое время проезжала Екатерина II, в виде «замаранной грязию бумаги» (стр. 321).

Еще одно замечание, которым путешественник кончает изложение «проекта»: «...я за благо положил, лучше разсуждать о том, что выгоднее для едущаго на почте, что бы лошади шли рысью или иноходью, или что выгоднее для почтовой клячи, быть иноходцем или скакуном? нежели заниматься тем, что несуществует» (стр. 323).

Что это — «случайности», ничего не значащие замечания, бессмысленные поговорки? Но не слишком ли много случайностей? И нет ли определенного смысла в том, что «случайные» скептические замечания сопровождают как раз либеральные места «Путешествия», где выражены надежды на «верхи», но их не найти в революционных выводах писателя? И не делает ли этот довольно странный тон всей музыки? И случаен ли, наконец, тот факт, что, заметив эту разницу в тоне глав, Милюков в своих «Очерках» поменял местами, если так позволительно выразиться, веру писателя в будущую революцию с его неверием в либеральные реформы. Кадетский историк выписал из «Городни» следующие сказанные о революции вдохновенные слова Радищева: «Не мечта сие..., я зрю сквозь целое столетие», и отнес их к... хотиловскому проекту. Что же касается относящейся к проекту скептической поговорки: «Всяк пляшет, да некак скоморох!», то кадетский историк ее, разумеется, не заметил[102].

XI

Представим теперь концепцию «Путешествия» в целом, в ее соотношении с важнейшими событиями эпохи Радищева. В советской исторической литературе неоднократно подчеркивалась полемическая направленность книги против доктрины «просвещенного абсолютизма». В 60-х годах Екатерина II, по примеру «просвещенных монархов» Запада, попыталась укрепить устои самодержавного государства, расшатанные крестьянскими бунтами и дворцовыми переворотами, с помощью идей западного просвещения. Заигрывание с энциклопедистами, интимная и вместе с тем известная всему миру переписка с Вольтером, попытки воплотить принципы Монтескье и Беккариа в «Наказе», грандиозные инсценировки, вроде конкурса в Вольном экономическом обществе или созыва Уложенной комиссии, наконец, организация «свободного» общественного мнения — все эти меры «Великой, Премудрой, Матери Отечества», казалось, возвещали стране наступление эры «всеобщего блаженства». Но, содействуя на первых порах укреплению престижа Екатерины II, политика «просвещенного абсолютизма» вскоре обернулась против нее, так как открыла широкий доступ в Россию просветительским антифеодальным идеям.

В этих условиях уже в конце 60-х годов небольшая группа передовых дворян впервые в истории России поставила перед общественным сознанием вопрос о несправедливости и невыгодности крепостной системы. Поленов — на конкурсе, Коробьин и депутат Козельский — в Комиссии, Новиков — в журналах 70-х годов выдвигают прогрессивно-либеральные требования и проекты смягчения рабства сверху, предлагая обуздать «злонравных» помещиков, ослабить крепостные узы, которые крестьяне грозили порвать своими бунтами[103]. Одновременно зарождается русская просветительская идеология. Писатель Козельский начинает в «Фило-

[102] См. П. Милюков. Указ. соч., стр. 394.

[103] Применительно к XVIII в. говорить о сложившейся дворянско-либеральной идеологии в России преждевременно. Требования Коробьина, Поленова, депутата Козельского и др.— это всего лишь зачатки тех идей, которые принято называть либеральными. Более отчетливо аграрный либерализм выступает в письмах кн. Д. А. Голицына, который предусматривал целую систему мер вроде освобождения крестьян сверху, без земли и за выкуп и т. д. Наконец, вполне ясную форму аграрный либерализм прини-

софических предложениях» пропаганду и дальнейшую разработку на русской почве антифеодальной теории общественного договора Руссо.

Продолжателем этих течений и выступил в своем «Путешествии» Радищев. Но между первыми и вторым лежала целая историческая полоса, наполненная событиями огромной важности, которые были поразному восприняты Радищевым и его современниками — либералами. Это определило — при всей общности взглядов на несправедливость крепостного права и сходстве теоретических основ — принципиальное различие дворянского либерализма Поленова и крестьянского демократизма Радищева, различие умеренного просветительского радикализма «Философических предложений» и революционности «Путешествия».

Одним из таких событий был крах показного либерализма Екатерины II. Болтовни о смягчении участи «рабов» хватило всего на пару лет. Под первым благовидным предлогом царица кончает со своими «законодательными проказами». Была распущена Уложенная комиссия, зажат рот «свободным» русским журналам, следы «Наказа» остались лишь в бесчисленных панегириках той эпохи. Блаженство, обещанное народу, обернулось блаженством для дворянства, положение «рабов» стало хуже прежнего.

Пугачевское восстание 1773—1775 гг. было наиболее выразительным ответом «облагодетельствованного» крестьянства на царские заботы. Стихийный крестьянский характер войны, отсутствие у крестьян ясной политической программы, их царистские иллюзии не должны заслонять от нас тот факт, что острие движения было направлено против экономических основ феодальной системы, что оно впервые выразило в кульминационном пункте своего развития (июль 1774 г.) лозунг взятия земли и воли путем уничтожения господствующего класса помещиков. Именно эти требования и повторил в своем «Путешествии» Радищев, назвав помещика «общественным татем» и злодеем, объявив его имущество результатом грабежа крестьян, призвав к избиению не отдельных кровопийц, а всего дворянского «племени».

Кровавая схватка двух классов в 70-х годах, зверская расправа над восставшим крестьянством показала Радищеву, что интересы «верхов» и «низов» непримиримы, что любые надежды на освобождение сверху, на «просвещенного» царя и «добрых» помещиков обречены на провал. Но сформулировать положительную политическую программу освобождения народа писатель мог, только выйдя в теории за рамки своей страны, обобщив опыт народных движений в XVII—XVIII вв. в более развитых в политическом отношении странах.

В эпоху Радищева в России начался кризис феодально-крепостнической системы, Запад же в это время нашел пути ее ликвидации — эти два определяющих обстоятельства лежат в основе революционной концепции «Путешествия». Крах политики русского «просвещенного абсолютизма», нашедший свое высшее выражение в Пугачевском восстании, помог Радищеву избавиться от либеральных иллюзий своих предшественников, победы американской (а затем французской) революции — утвердиться в мысли о верности нового пути.

мает в хотиловском проекте. Однако во всех этих проектах и предложениях нет никаких требований политического характера, которые характеризуют более развитую помещичье-буржуазную либеральную идеологию XIX — начала XX в. Что же касается предложения Фонвизина — Панина ограничить самодержавие «непреложными законами», то оно скорее является требованием дворянско-аристократической конституции, чем конституции в ее буржуазно-либеральном понимании. Подробнее о так называемом «дворянском либерализме» XVIII в. см. И. С. Бак. Антифеодальные экономические учения в России второй половины XVIII в. М., 1958; «История русской экономической мысли», т. I, ч. 1—2, М., 1955, 1958.

Две темы, точнее два перемежающихся между собой мотива одной и той же темы объединяют содержание разрозненных по видимости путевых заметок: показ оборотной стороны «золотого века» Екатерины, реальных результатов ее политики, и поиски новых путей освобождения народа. Сталкивая выразителей различных общественных мнений, сопоставляя различные точки зрения с тем, что происходит в жизни, Радищев всей логикой своей книги подводил читателя к революционным выводам. Не сентиментальные слезы кающегося в своем жестокосердии дворянина («Любани»), не бегство честных людей от жизни и борьбы («Чудово»), не уход в масонские бредни («Бронницы», «Подберезье»), не надежда на одно только воспитание и просвещение при сохранении существующих порядков («Крестьцы»), не упование на закон («Зайцово»), не «просвещение» царей («Спасская полесть») и не вера в их будущие либеральные начинания («Хотилов»), а грядущая революция просвещенного словом вольности народа («Медное», «Тверь») — вот тот трудный, но единственно верный, по мнению Радищева, путь борьбы со «стозевным чудищем» — самодержавно-крепостнической системой. «Но человечество возревет в оковах, и направляемое надеждою свободы, и неистребимым природы правом, двинется... И власть приведена будет в трепет. Тогда всех сил сложение, тогда тяжелая власть развеется в одно мгновенье. О день, избраннейший всех дней!» (стр. 362).

В «Слове о Ломоносове», завершая книгу, Радищев говорит о великой роли писателей, восставших на «губительство и всесилие» и открывших «истину» в р е в о л ю ц и и. Эти писатели хотя и не могут избавить человечество от оков и плена, но они дают толчок тому движению, которое сотворит новый мир. «Первый мах в творении всесилен был; вся чудесность мира, вся его красота суть только следствия. Вот как понимаю я действие великия души над душами современников или потомков; вот как понимаю действие разума над разумом» (стр. 391—392). Этих мужественных борцов Радищев еще раз противопоставляет «ласкателям», «просвещавшим» царей.

Революционные идеи Радищева — это не просто какие-то отрывистые лозунги, непроизвольно вырвавшиеся «восклицания», «срывы», «вопли», «трагические душераздирающие крики» мятущегося в противоречиях человека, как их любили именовать некоторые исследователи. Это тщательно продуманные выводы, цельная программа, итог многолетних размышлений, подытожение исторического опыта России и других стран. Об этом говорит необычайная для того времени обоснованность этих идей, их афористичность, предельная выразительность. Писатель прекрасно понимает, что дало народу множество «замаранных грязию» проектов, оставленных на станции «Хотилов» его предшественниками — просветителями. Он отказывается следовать за ними по проторенной и все же непроходимой либеральной дорожке. Он предпочитает идти по еще неведомому в России, опасному, но вместе с тем единственно верному пути: выразителем его идей становится «новомодной стихотворец» из «Твери», предмет стихов которого «несвойствен нашей земле» (стр. 362, 354).

Не «Хотилов» и «Выдропуск», а ода «Вольность» — вот подлинный радищевский «проект в будущем». Путь революционного просветительства для передовых людей в настоящем и народная революция в будущем — таков его ответ на поставленный в книге вопрос «что делать», великий вопрос всей русской демократической литературы XVIII—XIX вв.

Это понимание своей новаторской роли и вместе с тем глубочайшее убеждение в правоте своего пути с предельной силой выражено писателем в один из самых трагических моментов его жизни: в дни расплаты за свой революционный подвиг, когда, продолжая полемику с А. М. Ку-

тузовым [104] и отвечая на его расспросы и призывы «переменить» образ мыслей, он писал:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду (стр. 123).

XII

Революционная концепция Радищева сложилась до французской революции. «Вольность» — ключевое произведение писателя — создана в 1781—1783 гг., «Путешествие из Петербурга в Москву» — развернутое прозаическое обоснование идей «Вольности» — было закончено в первом варианте к концу 1788 г. [105]. Начавшиеся в 1789 г. революционные события во Франции имели для Радищева огромное значение: речь шла о проверке его теории жизнью. Вот почему представляется необходимым выделить в эволюции взглядов писателя 1789—1790 годы как особый этап, тем более что предпринимались попытки установить сдвиг писателя вправо в этот период [106].

В изданном в 1790 г. «Письме к другу, жительствующему в Тобольске» Радищев утверждает, что, несмотря на все свои великие дела, Петр I ничего не сделал для утверждения «вольности частной»: «...нет и доскончания мира, примера может быть небудет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на Престоле» (стр. 151). Мысль о том, что цари никогда добровольно не поступаются хотя бы крупицей своей власти, выражена здесь в категорической форме. Но к указанному месту имеется очень важная приписка: «Если бы сие было писано в 1790 году то пример Лудвига XVI дал бы сочинителю другие мысли».

«Примечание это само за себя говорит, — указывал один из наших оппонентов. — Ему трудно придать иное толкование, приписать «третьим лицам» или «эзоповскому языку». Проще, конечно, обойти его молчанием. Радищев смотрел на вопрос о просвещенном монархе как на практический, точно так же, как и французские просветители, для которых, по выражению Меринга, «государи и их дворы остаются всегда... только средствами для осуществления их целей» [107].

Это возражение относится к числу недоразумений, ибо примечание Радищева не опровергает, а подтверждает трактовку «Путешествия» как произведения, отвергавшего всякие иллюзии в отношении «верхов». Ведь если только в 1790 г. пример Людовика XVI дал писателю «другие мысли», т. е. мысли о добровольном даровании вольности царями, и то, значит, таковых мыслей не было до этого, когда создавалось «Письмо» и когда писатель приступал к работе над своей книгой. Кстати, примерно так толкует эту приписку Г. В. Плеханов [108].

---

[104] Факт полемики убедительно доказан Г. П. Макогоненко (см. «Радищев и его время», М., 1956, стр. 334—336).

[105] См. В. П. Семенников. А. Н. Радищев. Очерки и исследования, стр. 1—24; Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 394—416; Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 189.

[106] В. П. Семенников. Указ. соч., стр. 42.

[107] См. Э. С. Виленская. Указ. статья.— «Вопросы философии», 1956, № 5, стр. 169.

[108] «Вообразив, будто Людовик XVI искренне расположен был удовлетворить политические требования французского народа, Радищев стал доверчивее, нежели прежде, относиться к доброй воле власть имущих» (Г. В. Плеханов. Соч., т. XXII. М.— Л., 1925, стр. 349).

Но попытаемся раскрыть, в чем состоял конкретно пример Людовика XVI, чего, к сожалению, не сделал наш оппонент. Ведь без этого вообще нельзя интерпретировать смысл отнюдь не столь очевидной приписки. В первые месяцы революции действительно был ряд моментов, когда монарх благословлял завоевания революции, а революция благодарила за это монарха. «Санкт-Петербургские ведомости»[109] в своей корреспонденции из Парижа от 14 августа 1789 г. писали о торжественном присвоении Народным собранием «наилучшему Государю» наименования «Возстановителя Французской Вольности» и великолепном молебне по этому поводу. В корреспонденции из Парижа от 23 октября сообщалось, что король, согласившись переехать в Париж, получил от Народного собрания титул «самаго лучшаго Друга Народа»[110]. Наконец, в самом начале 1790 г. (что примерно совпадает с датировкой приписки) в русской прессе была полностью перепечатана речь короля от 4 февраля, в которой он, освящая все завоевания революции, клялся соблюдать и защищать вольность своих подданных, «которой основание положено народным желанием совокупно с Моим собственным». Здесь же описывались восторги парижан по этому поводу[111].

Отметим, далее, что эти маневры короля действительно пробудили у некоторой части русского прогрессивного общества надежду на возможность «добровольного сочетания» королевской власти со свободой[112].

Однако внимательное изучение информации русской прессы о ходе французской революции показывает, что она могла порождать идеи совершенно иного порядка. Даже чтение «Санкт-Петербургских» и «Московских ведомостей» делало совершенно очевидным, причем для рядового читателя, два факта: 1) все без исключения моменты единства нации и короля были не результатом свободного волеизъявления монарха, а, наоборот, очередного насилия над его волей, не добровольными, а вынужденными, и 2) все без исключения моменты такого единства закономерно сменялись новым обострением борьбы, новой распрей короля и народа.

Лишь после того как «так называемыя Французския Гвардии» приняли сторону мещан, а «чернь» несколько дней сряду теснилась в Версале и, составя «превеликую толпу», ходила по улицам Парижа, король, как сообщали газеты, принял в июне требования третьего сословия в Национальном собрании. И, приняв эти требования, он сразу же готовит реванш: окружает Париж войсками, собирается под их прикрытием сделать «распоряжения свои повелительным образом»[113].

Только вооруженное восстание 14 июля, взятие Бастилии срывает эти попытки. «Получа полное сведение о том, что с Инвалидным домом и Бастиллиею последовало»,— сообщали газеты, король прибыл в Национальное собрание и принял все требования народа. Он соглашается удалить войска, возвратить Неккера, уволить вновь назначенных министров[114]. И, приняв эти требования, «Возстановитель Французской

[109] Хотя сам Радищев был несомненно, знаком с французскими источниками, мы ограничимся только сообщениями доступной всему населению официальной русской прессы. Это, во-первых, дает уверенность в знакомстве писателя с источниками, а во-вторых, позволяет установить, как мог воспринимать его приписку рядовой русский читатель.

[110] «Санкт-Петербургские ведомости», 1789, № 71, стр. 1126—1127; № 32, стр. 1457.

[111] «Санкт-Петербургские ведомости», 1790, № 18, стр. 280—285.

[112] М. М. Штранге. Русское общество и французская революция, 1789—1794 гг., М., 1956, стр. 61—62.

[113] «Санкт-Петербургские ведомости», 1789, № 59, стр. 916—918; № 61, стр. 961.

[114] Там же, № 62, стр. 974—977; № 63, стр. 989—993.

Вольности» снова медлит с подписанием Декларации прав человека и гражданина, собирает в Версаль верные себе офицерские силы [115].

Только новое вторжение вооруженного народа в Версаль 5—6 октября пресекает эти происки монархистов. Узнав, что к нему движется армия народа, и «желая утишить сие смятение», король приказывает объявить народу, что он своих телохранителей от службы уволит, приемлет «безусловно и просто» статьи Нового Уложения и «изтолкование Прав Человека и Гражданина», представленные ему Национальным собранием. Наконец, король подчиняется другому требованию народа: он отправляется вместе с Национальным собранием в Париж [116]. И снова газеты пишут о новых требованиях партии короля, сообщают, что в Народном собрании междоусобная вражда с некоторого времени «возрастает очевидно».

Короче говоря, о каком бы этапе «великой распри» короля и народа ни шла речь: созыве Генеральных штатов и утверждении их регламента, борьбе вокруг Неккера, подписании королем Декларации прав человека и гражданина, переезде короля и Национального собрания в Париж, установлении объема власти и прерогатив короля и т. п., — даже по сообщениям русской прессы можно было установить, что король оказывался в «единомыслии и дружеском согласии с Повереннными народа», только после того как «чернь» своим вооруженным вмешательством навязывала свою волю королю. И каждый раз, объявив себя поборником «вольности», король готовился взять реванш, и лишь новый подъем народного сопротивления принуждал его к очередной капитуляции.

Как же могло звучать в свете этих фактов замечание о примере Людовика XVI? Само «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске» освещало в 1782 г. только одну сторону проблемы взаимоотношений короля и народа: писатель утверждал, что монархи никогда не поступаются добровольно своей властью ради вольности народа. Ссылка на пример Людовика XVI могла породить «другие мысли» — каким путем бороться за свободу. Вольность завоевывают борьбой вооруженного народа с королем — так можно понять содержание приписки 1790 г. Так, кстати говоря, и поняла эти мысли такая внимательная читательница Радищева, как Екатерина II, подчеркнув, в частности, приписку 1790 г. и написав: «видно из подчерченных мест что давно мысль ево готовилась ко взятому пути, а французская революция ево решила себя опередить в России первым подвизателем» [117].

Это предположение становится еще более очевидным при обращении к другим произведениям Радищева того же периода. В «Житии Ф. В. Ушакова», изданном в дни французской революции, наиболее замечательными являются следующие мысли.

Государь, утверждает здесь Радищев, разбивая домыслы о «беспристрастии» монарха, «не редко бывает... ничто иное, как корабль, направляемый тем же ветром, который других превозмогает» (стр. 157). Сопоставляя с примерами народных восстаний против самодержцев историю возмущения русских студентов против своего наставника Бокума, который, «подобно правителям народов, возмнил, что он не для нас с нами», Радищев пишет: «Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства (т. е. самодержавные правления.— *Авт.*)». Но, «простирая повсеместную тяготу», продолжает Радищев, притеснители «частные и общие» не разумеют, по счастью человечества, что готовят тем самым собственную

[115] Там же, № 86, стр. 1357—1358.
[116] Там же, № 88, стр. 1385—1391, 1457.
[117] Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 164.

гибель, — ходят «воскрай гибели, покрытой спасательною для человека мглою». Доводя притеснения «до крайности», они порождают в сердцах людей «отчаяние и изступление». «Пребуди благое неведение... до скончания века, в тебе почила сохранность страждущаго общества,— восклицает Радищев. — Да не дерзнет никто совлещи покров сей с очей власти, да исчезнет помышляяй о сем, и умрет в семени до рождения своего!» (стр. 166—167).

Итак, просвещение царей только вредит освобождению народа, притеснители, доводя народ до крайности, приближают революцию, да будут прокляты те, кто дерзает совлечь покров с очей власти (ср. «Истину» снимающую «бельма», «толстую плену» с очей царя в «Спасской полести»). Трудно выразить эти мысли с бóльшей определенностью и силой, чем это сделал Радищев. То, что было скрыто в «Путешествии» за скептическими намеками, о чем говорил читателю пародийный тон, здесь сказано ясно и прямо. Основной вывод «Медного»: **свободы надо ждать не от советов великих отчинников, «но от самой тяжести порабощения»**, повторен писателем еще раз, теперь уже в прямом столкновении с либеральной концепцией (стр. 332. Подчеркнуто нами. — *Авт.*).

А вот прямая ссылка на пример Людовика XVI. Радищев вспоминает, что студенты делали Бокуму «весьма кроткия представления, гораздо кротче, нежели когда-либо Парижский Парламент делывал Французскому Королю. Но как таковыя представления были частныя, как то бывают и парламентския, а не от всех, то Бокум отвергал их толико же самовластно, как и Король Французской, говоря своему народу «в том состоит наше удовольствие»». Но как же в этом случае добиваются народы осуществления своих прав? Вот ответ: «Подобно как в обществах, где удручение начинает превышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начинались сходбища, частыя советования, предприятии, и все что при заговорах бывает, взаимныя о вспомоществовании обещания, неумеренность в изречениях; тут отважность была похваляема, а робость молчала, но скоро единомыслие протекло всех души, и отчаяние ждало на воспаление случая» (стр. 167—168).

Приведем последний пример из «Жития». Вспоминая, что Ушакова привлекала в латинском языке «сила выражений», что его восхищали не льстецы просвещенного Августа и Мецената, а ораторы-тираноборцы, клеймившие Катилину и Нерона, Радищев вспоминает далее о языке англичан, «кои некогда прельщенные наихитрейшим из властителей, Царю своему жизнь отъяти покусилися судебным порядком; кои для утверждения благосостояния общественнаго изгнали наследнаго своего Царя, избрав на управление посторонняго; кои при наивеличайшей развратности нравов, возмеряя вся на весах корысти, и ныне не редко за величайшую честь себе вменяют, противоборствовати державной власти, и оную побеждать законно» (стр. 179).

Отметим, что в свое время Милюков на основании этого высказывания и особенно слов «побеждать законно» пытался превратить Радищева чуть ли не в апологета так называемой «славной революции». «Английские политические перевороты XVII века, — писал он, — и особенно второй из них — «мирная» революция 1688 года, — вызывали у наших студентов особый интерес...» [118]. Но, как можно убедиться, из текста не следует, чтобы Радищев или его друзья отдавали какое-то предпочтение именно революции 1688 г. Что касается принципа «законности», то ясно, что в «Житии» утверждается законность любых форм противоборства

[118] П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 3. СПб., 1903, стр. 385.

державной власти, вплоть до отнятия жизни у царя «судебным порядком», а не только законность «мирной» революции. Если же говорить о выборе писателя между революциями 1646 и 1688 гг., то напомним, что в оде «Вольность» Радищев одобряет действия Кромвеля, казнившего Карла «на суде», и забывает упомянуть о «мирной революции» 1688 г.

Но вернемся к нашей теме. Могут возразить, что «Житие Ф. В. Ушакова» закончено в 1788 г. и только публиковалось в 1789 г., что упоминание о тяжбе Людовика XVI с парламентом относится, как можно думать, к событиям 1787—1788 гг. и что поэтому «Житие» не может характеризовать позицию Радищева в годы революции. Это не совсем так. К чему, спрашивается, было Радищеву публиковать в 1789 г. работу, от начала до конца проникнутую антимонархическими идеями и прямо разоблачающую Людовика XVI, если события революции и пример Людовика порождали у него мысли совершенно иного порядка?

Но, может быть, монархические иллюзии возникли у Радищева позже, не в 1789, а в 1790 г.? Тогда это неизбежно отразилось бы на тексте «Путешествия», которое он печатал в начале 1790 г. Обратимся за ответом к некоторым важнейшим изменениям и дополнениям, сделанным Радищевым в самом «Путешествии» по сравнению со старым вариантом. В первоначальном варианте главы «Едрово» описание одного из эпизодов «Пугачевского возмущения» заканчивалось так: «Глупые крестьяне, вы искали правосудия в самозванце! но почто неповедали вы сего, законным судиям вашим?.. Но крестьянин в законе мертв, следовательно против господина своего — возрыдав скажу — судиться не может» (стр. 425). В новом варианте последняя фраза приобрела вид: «Но крестьянин в законе мертв, сказали мы... Нет, нет, он жив, он жив будет, если того восхочет...» (стр. 305).

Не вызывает сомнений принципиальный характер этой замены. В старом варианте, осуждая крестьян, пошедших за самозванцем, автор ничего не говорит о возможности изменить их судьбу. В новом, не отказываясь от своего осуждения и по-прежнему считая, что крестьянин в законе «мертв», он уже утверждает, что крестьянин обретет свои законные права, «если того восхочет». О чем мог говорить этот намек читателям? В эти дни русская пресса постоянно писала о крестьянских мятежах, «пожигании» дворянских замков во Франции, а с другой стороны, о практических результатах этой борьбы — отмене Национальным собранием феодальных повинностей, отречении духовенства и дворянства «от всех своих прав, вольность сельских жителей угнетающих»[119]. Слова Радищева и могли иметь в виду этот опыт революционной Франции, где стихийная борьба крестьянских масс получала свое завершение в политических актах.

К вставкам 1790 г. относится другое, на этот раз прямое высказывание Радищева о французской революции. «Но дивись несообразности разума человеческаго,— пишет он в повествовании о цензуре (глава «Торжок»). — Ныне, когда во Франции все твердят с вольности, когда необузданность и безначалие дошли до края возможнаго, цензура во Франции неуничтожена. И хотя всё там печатается ныне невозбранно, но тайным образом. Мы недавно читали, да возплачут Французы о участи своей, и с ними человечество! мы читали недавно, что народное собрание, толико же поступая самодержавно, как доселе их Государь, насильственно взяли печатную книгу, и сочинителя оной (речь идет о Марате.— *Авт.*) отдали под суд, за то, что дерзнул писать против народна-

[119] См., например, «Санкт-Петербургские ведомости», 1789, № 69, стр. 1091.

го собрания. Лафает был исполнителем сего приговора. О Франция! ты еще хождаеш близ Бастильских пропастей» (стр. 347).

На первый взгляд, мы имеем дело с отрицательным отношением Радищева к французской революции: сами эпитеты «необузданность» и «безначалие» заимствованы из официальной русской прессы, клеймившей революционную Францию. Так расценил в свое время это высказывание и Семенников. Но вдумаемся в следующий любопытный факт. В глазах той же казенной прессы Марат и был одним из главных вдохновителей необузданности и безначалия, нарушающих «основания общества». Эта пресса в один голос одобряла расправу Национального собрания над «возмутителем народной тишины» и негодовала на дерзость «черни», спасшей писателя от этой расправы[120]. Радищев же, начав с избитых казенных фраз о необузданности и безначалии, фактически выступает под их прикрытием в защиту одного из самых главных проповедников «необузданности» и защитников «безначалия»!

Еще одно высказывание 1790 г. о роли монархов как «средств осуществления» просветительских целей. Напоминая, что просвещенный Фридрих II, король прусский, сделавший в землях своих печатание книг почти свободным, все же не уничтожил цензуру, Радищев добавляет: «Чему дивится... он был самодержец, коего любезнейшая страсть была всесилие». Те же мысли возбуждает у него и пример Иосифа II, который «рушил от части преграду просвещения», но свободе в изъяснении мыслей оставил узду: «Чему дивиться, скажем и теперь, как прежде: Он был Царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в Царской?» (стр. 348).

Добавим, наконец, что к числу позднейших вставок относится и весь предшествующий «проекту в будущем» абзац из главы «Едрово», заканчивающийся скептической поговоркой: «всяк пляшет, да некак скоморох». Зачем было Радищеву после цензуры вставлять это относящееся к «Хотилову» скептическое замечание, если у него как раз в это время появились надежды на «добрую волю» власть имущих?

К сожалению, невозможно указать все позднейшие вставки, которые писатель сделал в «Путешествии» в 1790 г.: перед арестом он пытался привести рукопись, ранее бывшую в цензуре, в соответствие с напечатанным текстом и уничтожил многие старые листы. Однако уже установленные факты говорят сами за себя. Работая над книгой в 1790 г., Радищев старался усилить, а не смягчить ее революционное звучание. Более того, опыт прошлых революций позволяет писателю не только поспевать за событиями настоящего, но и видеть далеко вперед. Включив в свою книгу оду «Вольность», он сумел еще в 1790 г. нарисовать картину Франции 1793 г. Он шел дальше многих деятелей французской революции, не освободившихся в первые годы от старого преклонения перед королевской властью и «великого страха» перед инициативой народных масс. В те годы, когда Национальное собрание порой присваивало французскому королю титулы «Возстановителя и Защитника Вольности», «Друга Народа», Радищев клеймит в «Путешествии» и «Житии Ф. В. Ушакова» монархические иллюзии. В то время как большинство депутатов Национального собрания начинает подумывать об усмирении народа, он видит в борьбе народа единственный залог успехов. В то время как конституционалисты переходят в наступление на Марата, он поднимает голос в его защиту.

---

[120] См. «Санкт-Петербургские ведомости», 19 февраля 1790 г., № 15, стр. 282—229; «Московские ведомости» 23 февраля 1790 г., № 16, стр. 231.

Буржуазные комментаторы «Путешествия» «превратно толкуя его содержание, постоянно недоумевали насчет того, как мог писатель выбрать для своего обращения к «верхам» столь неудобный момент. «Кабинетный труженик-идеалист», вдохновлявшийся идеями «Наказа», упустил, оказывается, из виду, что французские события заставили Екатерину отказаться от защиты идей «вольности и равенства». Ведя уединенную жизнь, он «не заметил сигнала к отбою в правительственных сферах» и т. д.[121]. Знакомство с революционной концепцией книги ставит все на свои места. Начало французской революции, растущий интерес в России к этим событиям, радикализация определенных слоев русского общества были наиболее благоприятным моментом для пропаганды революционных идей, разоблачения доктрины «Наказа», и этот момент сумел уловить и использовать писатель. В первые годы французской революции Радищев перешел к прямой пропаганде печатным словом. Не «льстец Августов», не «лизорук Меценатов», а Цицерон, гремящий против Катилины, Сатирик, не щадящий Нерона, народные мстители-тираноборцы Брут и Телль, Кромвель, пославший короля на плаху, Франклин, «изторгнувший гром с небеси, и скиптр из руки царей»,— вот герои прошлого, которых Радищев прославляет во время революции, Марат — вот тот деятель настоящего, которого Радищев защищает в эти дни.

XIII

Рассмотренные высказывания и действия писателя в 1789—1790 гг. имеют решающее значение для определения его революционной позиции в первые годы французской революции. Речь идет о произведениях, принадлежность которых Радищеву безусловно доказана, об идеях, с которыми он сам обращался к общественности. Но нет ли фактов, противоречащих нашим оценкам в других работах этого периода?

Обратимся к этим произведениям. Начнем с «Беседы о том, что есть сын отечества» (1789), которая была напечатана в журнале «Беседующий гражданин». Принадлежность ее Радищеву установлена по мемуарам современника Радищева, члена тогдашнего петербургского Общества друзей словесных наук С. А. Тучкова[122]. Выделить это произведение из ряда других заставляет ряд обстоятельств. Прежде всего нельзя с абсолютной достоверностью считать Радищева (или одного Радищева) автором этого произведения. Ошибки и неточности в мемуарной литературе — вещь обычная, тем более, что сам Тучков с середины 1789 г. по декабрь вообще не был в Петербурге. Довод П. Е. Щеголева и комментаторов I тома полного собрания сочинений Радищева, указавших на ряд совпадений «Беседы» с другими сочинениями Радищева[123], не выдерживает критики. В «Беседе» есть не только места, созвучные радищевской мысли и стилю, но и прямо противоположные им: монарх именуется здесь Отцом Народа, в «Вольности» писатель призывал «задавить» хищного зверя, «что чтил слепец своим отцем». В «Беседе» богомудрые монархи сеют свет «просвещения», в «Вольности» — «призраки, тьму» и т. д. Вызывает удивление, что не знали о принадлежности статьи Радищеву его сыновья, издававшие в начале XIX в. собрание его сочинений.

---

[121] См., например, объяснения Шишкина в «Исторической хрестоматии», вып. XV. М., 1907, стр. 397.

[122] См. «Записки С. А. Тучкова 1766—1808», СПб., 1908, стр. 42—43. Первое сведение о них см.: П. Е. Щеголев. Из истории журнальной деятельности А. Н. Радищева.— «Минувшие годы», 1908, декабрь.

[123] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 470.

Но что можно сказать о содержании «Беседы»? В целом здесь можно отчетливо выделить как идеи, вполне созвучные революционной концепции писателя конца 80-х годов, так и явно противоречащие ей. В числе первых отметим замечательную демократическую трактовку самого понятия «сын отечества», «патриот», противопоставленную официальной доктрине. Сынами отечества, утверждает автор «Беседы», не могут считаться угнетенные и униженные рабы, уподобленные тяглому скоту, лишенные разума, потерявшие облик человека (т. е. забитые крепостные). Сынами отечества не могут быть также угнетатели, умножающие свое имение за счет других, лишающие своих сограждан убежища и пропитания, разного рода гурманы и вертопрахи (т. е. прежде всего дворяне). Сынами отечества не являются и те, кто величаво поднимает на твердь небесную свой взор, кто попирает ногами всех, терзает ближних своих «насилием, гонением, притеснением, заточением, лишением звания, собственности», кто «раздирает» людей, осмелившихся произнести слова «человечество, свобода, покой, честность, святость, собственность», и т. п. (т. е. самодержец и его слуги). Созвучна революционной концепции писателя мысль о том, какими средствами рабы, превращенные в скотов, могут вернуть себе человеческое обличье: «случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет их разума, и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца» (стр. 215—217).

Напротив, резко противоречит всей концепции Радищева 80-х годов, во-первых, прямое отождествление отечества с монархией. Во-вторых, в понятие «благородства», как качества патриота, включается повиновение блюстителям закона, «властям придержащим», государям «Отцам Народа». В-третьих, утверждая необходимость воспитания и просвещения для образования у граждан истинных качеств патриота, автор ссылается на опыт «просвещенного абсолютизма»: «...в наших глазах род таковаго точно воспитания, и на сих правилах основаннаго, введен Богомудрыми Монархами, и просвещенная Европа с изумлением видит успехи онаго, восходящие к предположенной цели исполинскими шагами» (стр. 220, 221—222, 223).

Советские исследователи, выделяя демократическое содержание изложенной здесь концепции патриотизма, либо вообще не отмечают мысли иного порядка[124], либо объясняют их исключительно цензурными условиями[125]. Действительно, последний момент нельзя недоучитывать, тем более, что о цензурных преградах говорится в записях Тучкова[126].

Но нам кажется, что нельзя сводить все дело только к цензурному моменту. Мы знаем, что, например, «Письмо к другу», «Житие Ушакова» и бо́льшую часть «Путешествия» Радищев сумел провести через цензуру, нисколько не поступаясь своими принципиальными взглядами. Гораздо существеннее то, что материалы, печатаемые обществом, согласно его уставу, читались и обсуждались членами общества, а Тучков прямо свидетельствует, что «Беседа» получила их одобрение.

Чтобы провести свое в общем и целом демократическое произведение, так сказать, через двойную цензуру — цензуру царскую и цензуру

[124] См. Ю. М. Лотман. Из истории литературно-общественной борьбы 80-х годов XVIII в.— Сб. «А. Н. Радищев», ЛГУ, 1950, стр. 115—116.

[125] См. Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 357—360.

[126] «Некто г. *Радищев,* член общества нашего, написал одно небольшое сочинение под названием «Беседа о том, что есть сын отечества, или истинный патриот» и хотел поместить в нашем журнале. Члены, хотя одобрили оное, но не надеялись, чтоб цензура пропустила сочинение, писанное с такою вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его, вместе с другими было позволено для напечатания («Записки С. А. Тучкова», стр. 42—43).

друзей, не доросших до уровня его идей, Радищеву пришлось, очевидно, пойти на ряд принципиальных уступок. Любопытно, что в записях Тучкова улавливается разница между оценкой «Беседы» и «Путешествия». О первой говорится, что она прошла цензуру, о втором — что оно печаталось вообще «без цензуры» (?); о первой сказано, что написана она с «вольностью духа», о книге под названием «Езда (?) из Петербурга в Москву» — несколько иначе: «с великою вольностью, в сильных выражениях писал он противу деспотизма»[127] (отмеченные знаком вопроса ошибки Тучкова еще раз подтверждают его недостаточную осведомленность о событиях).

XIV

«Опыт о законодавстве» (1782—1790) также занимает особое место среди других произведений Радищева этих лет. Датировка его устанавливается предположительно (по водяным знакам на бумаге). О непосредственной цели его написания мы ничего не знаем. Произведение так и не было закончено писателем до ареста. В «Опыте» изложены основания теории естественного права и сделана попытка установить, насколько соответствует этим основаниям реальное состояние русского законодательства.

Повторяя мысли, уже знакомые нам по оде «Вольность», Радищев объявляет целью закона обеспечение «природной вольности», поскольку то может дозволить общее благо. Далее он противопоставляет неудобства российских законоположений прославленному законодательству Англии, причем с очень характерным, также знакомым нам по «Житию Ф. В. Ушакова» или «Медному», замечанием насчет путей достижения такого порядка: «К блаженству ея (т. е. Англии. — *Авт.*) возник в сердцах ея сограждан дух вольности от стеснения меры превосходящего»[128]. Затем идет напоминание о бесплодности попыток Екатерины устранить царящие в России неудобства: «Сему намерена была пособить ныне царствующая императрица, изданием новаго уложения. Но важнейшия может быть дела отвратили ее до сих пор от того внимание»[129].

Далее Радищев излагает «смысл до селе изданных в России законов» с совершенно явной целью: вскрыть их противоречие основаниям закона естественного. «В России,— пишет он,— находим два члена общества: государь и народ. Права перваго, поелику он уже царствует, произтекают от его власти, и определяются его волею. Права второго основание свое имеют в дозволении перваго»[130]. Но обратный принцип, как показывает его следующее рассуждение, защищает закон естественный: «...соборная народа власть есть власть первоначальная, а потому власть вышшая, единая, состав общества основати или разрушить могущая... Соборному деянию народа власть народом постановленная, хотя всего превыше, не может назначить ни пути, ни предела»[131].

Чтобы яснее представить себе конкретный смысл и звучание в те годы последнего, казалось бы абстрактного положения, сошлемся хотя бы на знаменитую декларацию Конгресса штата Виргиния (1776), послужившую основой для будущих деклараций прав человека и гражданина. Пункт второй этой декларации гласит: «Народ есть верховный обладатель всякой власти; следовательно, всякая власть имеет своим источни-

[127] См. «Записки С. А. Тучкова», стр. 42—43.
[128] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3, М.— Л., 1952, стр. 8.
[129] Там же.
[130] Там же, стр. 9.
[131] Там же, стр. 10—11 (Подчеркнуто нами.— *Авт.*).

ком волю народа. Лица, располагающие правительственной властью во всех ее формах, представляют собой доверенных лиц и слуг народа и всегда могут быть призваны народом к ответу»[132]. А вот аналогичный III пункт из французской Декларации прав человека и гражданина: «Всякая Верховная Власть имеет основание свое в Народе; и ни какое Общество властительствовать не может, не заимствуя Власти от Народа»[133]. Тождество идей в первом и двух последних случаях никаких сомнений не вызывает.

Переходя далее к изложению естественных и законных прав отдельных лиц, Радищев также показывает, что не все они соблюдены в России. Например, п. 13 гласит: «Право собственности состоит в невозбранном и полезном употреблении своего имения. Сие право не есть всеобщее в России»[134].

Особенно интересно для решения вопроса о приверженности Радищева доктрине «просвещенного абсолютизма» содержание раздела «О государе». В России, пишет Радищев, самодержавный государь «может все делать по своему произволу, но то, что начинает, не имея хотя деянием своим положительных правил, должен творить в пользу общую, ибо какой предлог самодержавнаго правления? не тот, чтобы у людей отнять естественную вольность: но чтобы действия их направить к получению большаго ото всех добра»[135].

На первый взгляд, перед нами обоснование концепции «просвещенного абсолютизма»: отказываясь от собственной оценки «самодержавства» как «наипротивнейшего человеческому естеству состояния», писатель объявляет его защитником общего блага. Но не Радищев автор выделенных слов. Элементарное знание источников показывает, что это всего-навсего переписанный писателем почти дословно п. 13 «Наказа Самодержицы Всероссийской»[136]. Заметим также, что воспроизведенная Радищевым трактовка лицемерной концепции «Наказа»: самодержавный государь «должен творить в пользу общую», очевидно, не случайно перекликается как с текстом «Хотилова» и «Выдропуска», где государи творят «на пользу общую», так и с последующей характеристикой священного и политического суеверия в оде «Вольность»:

Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую рекут.

И если в оде «Вольность» за этим следовало описание народного суда над самодержцем, который «безгласными поверг все правы» (стр. 6), то и в «Опыте о законодавстве» следующее за п. 13 «Наказа» положение самого Радищева прямо обосновывает законность свержения царя — узурпатора народных прав: «Отъявый единое из сих прав (речь идет о имении, чести, вольности, жизни.— *Авт.*) у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скиптр в руках, право ко престолу»[137].

Еще раз подчеркнем, что перед нами не простое сравнение идей «Наказа» с принципами абстрактной просветительской теории. Все без

[132] Цит. по кн.: А. М. Деборин. Социально-политические учения нового времени, т. I, М., 1958, стр. 416.
[133] Цит. по русскому переводу декларации в «Санкт-Петербургских ведомостях», 1789, № 74, стр. 1168. Подчеркнуто в тексте.
[134] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 14.
[135] Там же, стр. 15. Подчеркнуто Радищевым.
[136] См. «Наказ», стр. 5.
[137] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 15.

исключения пункты, которые противопоставляет Радищев существующему в России законодательству или неосуществленным статьям «Наказа», стали практическими максимами в его эпоху, они получили реальное воплощение в законодательных актах сначала американской, затем французской революций. Поэтому столкновение основ естественного права с основами существующего в России законодательства означало по существу сопоставление двух исторических практик: бесплодной практики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II и победоносной практики английской и особенно американской и французской революций, воплотившим, как казалось современникам, принципы теории естественного права в положительный закон.

Анализ «Опыта о законодавстве» полностью подтверждает наш вывод о революционной концепции Радищева 80-х годов как обобщении громадного исторического опыта — побед буржуазных революций в одних странах и краха «просвещенного абсолютизма» в других. Эта концепция действительно была ответом на «Наказ», но совсем не таким, как его рисовала буржуазная литература. Радищев в 80-е годы звал не к претворению в жизнь «идеалов молодости» автора «Наказа», а разоблачал их лицемерие и ложь. «На пользу всех ладью направить» могла, по его мысли, только революция, и к ней он звал народ.

XV

Остается выяснить последний относящийся к 1790 г. факт: на следствии Радищев, имея в виду «Хотилов» и «Медное» сам подтвердил свое желание освободить крестьян сверху [138].

Конечно, совершенно недопустимо использовать показания революционера, данные под угрозой пыток, для характеристики его мировоззрения, что, кстати сказать, умышленно делали некоторые дореволюционные авторы. «Признания Радищева чрезвычайно любопытны,— утверждал, к примеру, Лонгинов.— Из них видно, что это был вовсе не республиканец, не атеист, даже не систематический противник тогдашнего правительства или Екатерины» [139]. Но было бы неправильным и отбросить показания: они могут существенно дополнить наше представление об облике и мыслях революционера.

На вопрос кнутобойца Шешковского: «Почему вы в насмехательном виде писали о блаженстве и даете чувствовать, что онаго нет?», Радищев отвечал: «Все описанные в книге листы, начиная от 236 по 277 (речь идет о «Хотилове». — *Авт.*), написаны им подлинно; как теперь он сам понимает, должно казаться, что я писал с насмешкою, и с тем намерением, что желание мое стремилось всех крестьян от помещиков отобрать и сделать их вольными...» [140].

Как уже отметил Барсков [141], эти показания точно соответствуют замечаниям Екатерины, которая, читая «Хотилов», установила два факта: 1) что здесь «в насмехательном виде говорится о блаженстве и дается чувствовать, что онаго нету» и 2) что автор проекта «уговаривает помещиков освободить крестьян, да нихто не послушает» [142]. Радищев и отвечает на вопрос Шешковского буквальным повторением слов Екатерины. Более того, композиция хотиловского манифеста, изложенного в форме

---

[138] Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 179—180, 182.
[139] См. «Историческая хрестоматия», вып. XV, стр. 200.
[140] Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 179—180.
[141] Я. Л. Барсков. А. Н. Радищев. Жизнь и личность.— В кн.: «Материалы к изучению «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева». М.—Л., 1935.
[142] Д. С. Бабкин. Процесс А. Н. Радищева, стр. 162.

обращения царя к помещикам, и детальное знание крестьянской политики Екатерины дают Радищеву возможность найти дополнительные «смягчающие» обстоятельства. «Однако ж располагал он так в мыслях своих, что-де сие сделано будет по воле всемилостивейшей государыни..., чему уже есть и начало: о крестьянах при заводах и фабриках поставлены правила как с ними поступать, кто их купит, а солдат без суда сечь запрещено». В показаниях имеются упоминания о тяжести солдатской службы — это также ответ на замечание Екатерины: «сочинитель намерен говорить о крестьянах и их неволе и о войск, кои в неволи же по причине строя и стройность»[143], причем Радищев допускает явную «передержку»: в «Хотилове» говорится не о тяжести солдатской службы, а нарисована под видом «пространного воинского стана» картина царящего в стране деспотизма. Заканчивает Радищев показания тем, что «отнюдь не было его намерения в том, чтоб сии его гнусныя строки могли сделать возмущение»,— это также попытка оправдаться по поводу замечаний, сделанных Екатериной: «проскакивают паки слова, клонящиеся к возмущению». После такой интерпретации «проекта в будущем» писатель «подправляет» и смысл «Медного»: и здесь, оказывается, имеются в виду меры «высшей императорской власти»[144].

Перед нами не доказательства либерализма Радищева, защиты им хотиловских идеалов и т. п., как до сих пор толкуют показания некоторые советские авторы[145], а пример замечательной тактики революционера. Он признает на следствии то, что замечено Екатериной, затем делает попытку смягчить тяжесть уже установленных фактов. Раньше-де ему и в голову не приходил истинный смысл написанного, его желание освободить крестьян было «сродно» природному человеколюбию ее императорского величества. Что же касается крамольной оды «Вольность», то вся она почерпнута из «разных книг», а ее картины относятся только к «худым царям», его осуждение помещиков было только по поводу «частных случаев», а не вообще, да и сам он был в «безумии», поддавшись слогу Рейналя и возымев тщеславное намерение «прослыть писателем» и т. д.[146] Кстати, авторам буквальных толкований покаянной Радищева не мешает вспомнить о том, что сам Радищев писал в Сибирской ссылке по поводу этих «признаний». Я, говорил он, вспоминая недавнее прошлое, «признаюсь в превратности моих мыслей охотно, если меня убедят доводами, лучше тех, которые в сем случае употреблены были (т. е. не «доводами» кнутобойца Шешковского.— *Авт.*). А на таковые я в возражение, как Автор, другого сказать не умел, как что сказал, помню, что Галлилей отрекся от доказательств своих о неподвижности солнца, и, следуя глаголу Инквизиции, воскликнул вопреки здравого рассудка: солнце коловращается»[147].

XVI

Обратимся теперь к соображениям методологического порядка, выдвинутым против новой гипотезы.

Наибольшее внимание теоретической проблеме с о о т н о ш е н и я р е ф о р м ы и р е в о л ю ц и и в программе Радищева уделял в своих

[143] Д. С. Б а б к и н. Процесс А. Н. Радищева, стр. 180, 162.
[144] Там же, стр. 162, 180, 190.
[145] См., например, Л. Б. Светлов. «Изложение вопроса об освобождении крестьян даже в покаянной Радищева приобрело характер призыва к царскому правительству непременно осуществить это важнейшее государственное преобразование» (Л. Б. С в е т л о в. Указ. соч., стр. 107).
[146] Д. С. Б а б к и н. Процесс А. Н. Радищева, стр. 174, 177, 179, 182, 189 и др.
[147] А. Н. Р а д и щ е в. Полн. собр. соч., т. 2, М.—Л., 1941, стр. 5.

последних статьях И. Я. Щипанов. Как известно, писал он, революционность не исключает, а предполагает в определенных конкретно-исторических условиях использование реформ. Тем более не мог зарекаться от реформ, хотя бы частично облегчающих участь народа, Радищев, который прекрасно сознавал, что до революции в России очень и очень далеко. Будучи «политическим реалистом», указывает И. Я. Щипанов, Радищев предлагал сейчас же начать борьбу против крепостничества и самодержавия легальными средствами, путем апелляции к разуму «хороших царей» и «образованного меньшинства» (точнее помещиков.— *Авт.*). Но этот «первый шаг к свободе» «не снимает с повестки дня общественной жизни вопроса о народной революции, которая должна в итоге привести к уничтожению абсолютизма, к полному уничтожению политического и имущественного неравенства, к передаче земли тем, кто ее обрабатывает, к уничтожению порабощения человека человеком»[148].

Выше мы отмечали несоответствие этой абстрактной концепции содержанию книги Радищева: цель «Хотилова» — не подготовка условий для революции, а ее предотвращение. Что же касается «реализма» писателя, якобы апеллировавшего в конце 80-х годов к «разуму» Екатерины, то, повторяем, даже буржуазные историки признавали, что со своими планами просвещения царицы он «опоздал» примерно на 25 лет, выступив в «исключительно неподходящее время».

Но вернемся к методологической стороне вопроса.

Книга Радищева, сталкивая два пути освобождения народа — сверху и снизу, ставит и решает вопрос в его самой общей форме. Правда, тот глубочайший вывод, к которому пришел писатель (освобождение зависит только от силы сопротивления угнетенного класса), был одной из главных предпосылок для правильного решения в дальнейшем вопроса о соотношении революции и реформы (реформы как побочный продукт классовой борьбы; реформы, толкающие к революции, и реформы, препятствующие революции; реформы, содействующие революционному перевороту, и реформы, способствующие «мирному» гниению отживающего, и т. д.). Но этих дальнейших вопросов, которых упорно ищут у Радищева некоторые авторы, он попросту не ставил. Отвергая в 80-х годах принципиально путь освобождения сверху, писатель считал, очевидно, излишним разбор деталей отбрасываемой им в целом либеральной концепции. Поэтому в революционных главах, противопоставляемых «Хотилову», мы не находим какого-либо специального разбора предлагаемых в «Хотилове» конкретных реформ,— отношение к ним писателя просто не выражено. Кроме того, следует учесть еще одно обстоятельство. Положение Радищева в том, что освобождение придет тем быстрее, чем скорее, будет доведен до «крайности» народ, хотя и близко подходит к самой сути дела, но, разумеется, весьма далеко от научной постановки вопроса. Либеральный «принцип прогресса — чем лучше, тем лучше»,— писал В. И. Ленин,— «...в общей форме, так же неверен, как и обратный — чем хуже, тем лучше. Революционеры никогда не откажутся, конечно, от борьбы за реформы, от захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиции, *если* эта позиция усилит их натиск и облегчит полную победу. Но они никогда не забудут также, что бывают случаи, когда уступка известной позиции делается самим неприятелем, чтобы разъединить нападающих и легче разбить их»[149].

Могут, правда, возразить, что тот же самый Радищев, который выступал с идеей народной революции в «Путешествии», участвовал в ли-

---

[148] И. Я. Щипанов. Еще раз о Радищеве.— «Вопросы философии», 1957, № 6, стр. 132.

[149] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 59.

беральной Комиссии Александра I, что являлось своеобразной попыткой использования легальных средств борьбы, поскольку до революции было далеко [150]. Но это возражение неправомерно объединяет разные вещи. В 80-е годы, когда Радищев обосновывал и пропагандировал идею народной революции, он не участвовал ни в каких либеральных мероприятиях «верхов», он их принципиально отвергал и, следовательно, не мог решать вопрос о соотношении реформы и революции. В начале 1800-х годов, когда Радищев принял в подобных мерах определенное участие (подробнее об этом ниже), он уже нигде не пропагандирует идею революции и, следовательно, также не решает ни в теории, ни на практике проблему «реформа и революция». Если говорить о первых, действительных зачатках подобной проблематики у политических мыслителей XVIII в., то их еще, пожалуй, можно обнаружить у Марата, который прекрасно понимал, что победа революции зависит только от вооруженной борьбы народа против реакционных сил, монарха в том числе, и вместе с тем использовал в первые годы революции лозунг конституционной монархии для объединения всех антифеодальных сил [151]. Что же касается России конца XVIII в., то ее революционная мысль попросту не доросла в данном отношении до решения тех проблем, которые вставали в эпоху развитого демократического движения в Европе в XVIII в., в России — в XIX и начале XX в. Но отсюда вытекает вся необоснованность антиисторических поисков в «Путешествии» программ минимум и максимум, вопроса о соотношении реформы и революции и т. д. [152]

XVII

Обратимся к следующей методологической проблеме. Радищев, заявляют противники новой гипотезы, исповедовал, как и большинство социологов XVIII в., теорию «общественного договора», а абстрактное признание в рамках этой теории права народов на восстание против правителей, нарушивших договор, не только не исключало, но и предполагало веру в «правосудных» монархов и «добрых» царей.

В оде «Вольность», пишет, например, Э. Виленская, Радищев «подробно излагает свой взгляд на происхождение власти монарха, его права и обязанности:

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти...

В основе этого взгляда лежит теория общественного договора между народом, воплощающим высшую власть, и царем, блюстителем законов, обеспечивающим права и благополучие народа. Радищев выступает не против монарха как такового..., а против неправосудного царя, нарушившего «безмолвный договор», забывшего «клятву данну»... Радищев, несомненно, воспринял взгляд французских просветителей на монарха как

---

[150] На этой позиции стояли ранее и авторы данной статьи. См. Ю. Ф. Карякин, Е. Г. Плимак. Указ. статья.— «Вопросы философии», 1955, № 4, стр. 196.

[151] См. А. З. Манфред. Жан Поль Марат и его произведения.— Ж. П. Марат. Избранные произведения, т. 1, М., 1956, стр. 35—37.

[152] О том, что все подобные доводы и возражения выводятся из аналогий с марксистскими программами XX в., свидетельствует, например, следующая оценка «программы-максимум» Радищева: «Из содержания «Путешествия...» видно, что революционные идеи Радищева были гораздо шире (!?), чем уничтожение крепостничества и самодержавия» (И. Я. Щипанов. Указ. соч., стр. 132).

блюстителя законов, и в этом нет ничего зазорного для революционного мыслителя»[153].

Из приводимой Виленской строфы видно одно: Радищев действительно разделяет теорию общественного договора. Но все дело в том, что из общепринятой теоретической формулы общественного договора (люди, переходя из «естественного состояния» в гражданское, наделяют правителя властью для защиты общих интересов, если правитель нарушил «договор», народ вправе свергнуть его) в истории просвещения делались глубоко различные выводы.

Просветители — сторонники умеренно либеральных политических концепций (Монтескье, Вольтер), признавая право народа на смещение монарха, нарушившего договор, видели в этом праве средство «образумить» тиранов, наиболее сильный довод для «просвещения» царей, самый веский аргумент в пользу строгого соблюдения принципов «умеренной» монархии. «Законная» (на манер «мирной» революции 1688 г.) смена монарха, нарушившего «договор», монархом, соблюдающим его,— таков высший предел революционности этого направления, достигнутый в трудах родоначальника европейского либерализма Дж. Локка.

Напротив, представители революционно-демократических тенденций в антифеодальной идеологии XVIII в., исходя из той же самой формулы общественного договора, обосновывают необходимость практических революционных действий снизу против монархов — узурпаторов народных прав, ищут иных путей и средств воплощения в жизнь принципа народного суверенитета.

Нетрудно установить причины подобного сдвига в практической интерпретации естественно-правовых доктрин. Основным противоречием просветительской идеологии XVIII в. было противоречие между революционными по своему характеру требованиями, направленными на ниспровержение всего феодально-крепостнического строя, и упованиями на мирный путь их проведения в жизнь — руками первого, коронованного феодала. Несомненна и связь этого противоречия с идеализмом просветителей в понимании исторических событий, с переоценкой ими роли идей, разума, просвещения и недооценкой роли материальных интересов, а прежде всего с их классовой буржуазной ограниченностью. Боязнь народных революций заставляла искать путей мирного осуществления реформ.

Некоторые из монархов, вроде Фридриха II, Иосифа II, Екатерины II, горячо откликнулись на призывы просветителей, стали «поборниками» их идей. Предварительно выхолостив из теорий просветителей антифеодальное содержание, они превратили их в пустую болтовню о «разумном» монархе — блюстителе народного блага.

В этих условиях в просвещении XVIII в. начинается очень сложный процесс столкновения идеалистических концепций с жизнью, процесс изживания либерально-монархических иллюзий. Как отмечал Г. В. Плеханов, именно в предреволюционные годы в теории французских просветителей проникает «значительная доза пессимизма» в отношении выбора путей освобождения народа[154].

Особенно ярко это видно на примере Гельвеция, которого к 70-м годам уже покинула вера в возможность просвещения французских королей, но который не нашел и иных путей освобождения. То признавая закономерность и освободительный характер народных революций, то связывая с ними регресс общества и заявляя, что день восстания

[153] Э. С. Виленская. Указ. соч.— «Вопросы философии», 1956, № 5, стр. 167—168.

[154] Г. В Плеханов. История русской общественной мысли, т. III. М., 1919, стр. 114.

будет для рабов лишь долгожданным днем мести, а не освобождения, то полагая, что гнет деспотизма вызовет в народе мужество, необходимое для избавления от ярма, то, напротив, утверждая, что деспотизм превращает людей в покорных рабов, Гельвеций кончил тем, что объявил болезнь, для борьбы с которой он «рассчитывал дать известное лекарство», вообще «неисцелимой». «Эта опустившаяся нация,— писал он о Франции,— есть теперь предмет презрения для всей Европы. Никакой спасительный кризис не вернет ей свободы». Но если на горизонте юга Европы мыслитель не видел никаких просветов, зато, по его мнению, все больше прояснялось и очищалось «небо севера», где «Екатерина II, Фридрих, желают стать любимцами человечества» [155].

Несколько лет спустя на север, к Екатерине, отправился Дидро. Сопоставив действительное положение страны с царскими обещаниями, он вскрывает в своих «Замечаниях на «Наказ»» вопиющее несоответствие слов и дел Екатерины. «Я вижу там (в «Наказе». — *Авт.*) деспота, отрекшегося на словах, но деспотизм по существу остался, хотя он и именуется монархией,— писал Дидро.— Я не вижу здесь ни одного постановления, которое было бы направлено на освобождение массы народа» [156]. Но Дидро не оставляет надежд, что со временем императрица, обладающая «великой душой, проницательностью, просвещением, широким умом, справедливостью, добротой, терпением и твердостью», поймет его доводы [157].

В конечном счете практика «верхов» и «низов» («просвещенных» монархов, с одной стороны, и революционных масс — с другой) разрешила это коренное противоречие просветительской идеологии. Она показала, что революционные по своему существу требования проводятся в жизнь не уговорами «коронованных зверей» (Томас Пейн), а только революционным путем. Не воля короля Георга III, а воля вооруженного народа дала «вольность» английским колониям в Америке; не Людовик XVI, а Национальное собрание, опирающееся на вооруженный народ, установило суверенитет народа во Франции. «Авгиевы конюшни паразитов и грабителей были столь чудовищно грязны,— писал Т. Пейн,— что их нельзя было очистить каким-либо иным способом, кроме полной и всеобщей революции» [158].

Именно эту новую революционную практику осмысливали и освещали политические деятели типа Марата и Пейна, оставшиеся в теории на позициях общественного договора, но решительно порвавшие с его либерально-просветительской интерпретацией. Локку, свидетельствует историк войны за независимость, и не снилось, когда он писал свои политические труды, что он готовил руководство для американских революционеров [159].

Но та же революционная практика заставляла не только вождей революции, а и многих просветителей, не принимавших непосредственного участия в борьбе, вносить существенные коррективы в свои концепции. Напомним, что в 80-е годы Мабли осмысливает и пропагандирует революционный опыт Соединенных Штатов Америки для пользы будущих поколений [160]. Напомним, что в последнем издании знаменитой «Истории

[155] К. А. Гельвеций. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М., 1938, стр. 396, 143, 144, 362, а также Предисловие, стр. 2, 3.
[156] Д. Дидро. Собр. соч., т. X. Rossica. Произведения, относящиеся к России. М., 1947, стр. 510—511.
[157] Там же, стр. 511.
[158] Т. Пейн. Избранные сочинения. М., 1959, стр. 184.
[159] J. C. Miller. Origins of the American Revolution. Boston, 1953, p. 170.
[160] См. Observations sur le gouvernement et les loix des Etats-Unis d'Amerique par Mr. L'Abbé de Mably. A Amsterdam. 1784.

двух Индий» Рейналь, преодолевая либерально-просветительские иллюзии, провозглашает революцию 1776 г. делом всего человеческого рода. Славя вооруженную борьбу за свободу и обретая утерянный было оптимизм, он призывает отбросить старые иллюзии и заблуждения, он верит, что Европа в один прекрасный день «увидит учителей» в своих заокеанских детях[161].

Достаточно было хотя бы бегло сравнить идеи теоретиков общественного договора разных направлений и разных поколений, чтобы понять, насколько ошибочно и антиисторично говорить о теории общественного договора вообще, независимо от ее конкретно-исторической интерпретации. И Гольбах, и Мабли, и Руссо, и Пейн, и Марат, и Радищев — все они разделяют традиционную социологическую концепцию XVII—XVIII вв.— теорию общественного договора. Однако они не только выразители одной и той же теории, но и представители разных этапов в ее развитии, разных оттенков в ее трактовке.

Гольбах еще ждет «чуда» обновления государства, «счастливого сочетания интереса правителя и его подданного» от просвещенного в принципах истинной философии принца, а не от «внезапных революций», «сильных лекарств»[162]. «Но когда,— спрашивает Мабли,— философия сидела на троне?» А если монарх, случайно задетый лучом света, познает свои обязанности, разве он свободен выполнить их? И Мабли заботится уже не о просвещении королей, а о созыве Генеральных штатов, за которыми должна стоять воля народа, воспламененного идеями свободы и «способного извлечь выгоду из этого события»[163].

Томас Пейн в своей работе «Права человека» выступает не только против умеренного либерализма Монтескье, вынужденного «разрываться между принципиальностью и осторожностью», и Вольтера, совмещавшего «в своем лице льстеца и сатирика деспотизма». Его уже не удовлетворяет и абстрактность революционно-демократической концепции Руссо и его учеников: «они рождают в душе человека любовь к некоему предмету, не показывая способов к овладению им»[164]. Если Гольбах говорил о «неистовстве революций» (la fureur des révolutions), то Пейн — об их «созидательной работе»; если первый хотел просвещать народы, дабы отвратить революции, то второй утверждал, что сама революция лучше всего просвещает народ[165].

Марат, пропагандируя в 1774 г. в трактате «Цепи рабства» теорию общественного договора, занимается не только обоснованием неоспоримого права народов на сопротивление угнетателям. Он еще задолго до революции изучает условия, предпосылки успеха общего вооруженного восстания, разбивающего эти цепи[166]. «Оружие в руках порабощенных всегда будет более опасным, чем полезным для государства»[167],— высказывал опасение Жан-Жак Руссо. «Свобода добывается лишь с оружием в руках», нет иного средства для завоевания свободы, кроме вооружения народа, всеобщего восстания и народной расправы над кучкой реакционеров[168],— обобщает опыт победоносных революций XVIII в. Марат.

[161] Révolution de l'Amerique par l'abée Raynal. A Londres, 1781, p. 164.

[162] P. Holbach. La politique naturelle ou discours sur les vrais principes du Gouvernement. A Tours, 1796, t. II, p. 402—404, 411 etc.

[163] Collection complète des oeuvres de l'abbé de Mably, 1794—1795. Tome troisième, p. 302—304.

[164] Т. Пейн. Избранные сочинения, стр. 228.

[165] Там же, стр. 170—174.

[166] Ж. П. Марат. Избранные произведения, т. I, стр. 143—155 и др.

[167] J. J. Rousseau. Oeuvres complètes, t. I, Paris, 1883, p. 734.

[168] Ж. П. Марат. Избранные произведения, т. II. М., стр. 92—93, 176, 185, 235, 250 и др.

Рассматривая содержание просветительства вне развития, отождествив теорию общественного договора с одной, исторически первой ее формой, некоторые авторы считают на этом основании вообще излишним вдаваться в анализ «Путешествия», полагая, что приверженность к указанной теории равнозначна вере в «просвещенный абсолютизм». А между тем эта теория представлена в книге в двух весьма различных трактовках. Глава «Хотилов» дает пример ее либеральной интерпретации, причем в еще более умеренной форме, чем, скажем, у Локка или Гольбаха (что вполне соответствует уровню радикализма тогдашнего русского дворянского просвещения). Инициатором восстановления «в будущем» нарушенных естественных прав является сам монарх, здесь нет даже упоминания о верховенстве народа, его праве на сопротивление и т. д. В полемике с этой трактовкой «Вольность» обосновывает необходимость народной революции против самодержавия, уже нарушившего естественные права.

Прежде всего, как правильно подчеркивает один из исследователей, «вопрос здесь ставился исторически: когда-то народ «облек во порфиру» царя с задачей «равенство в обществе блюсти»» [169].

Но монарх, развивает эту концепцию Радищев, неизбежно, в силу своего положения, превращается в деспота:

«Но ты забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя;
Себе в утеху быть венчанну
Возмнил, что ты господь, не я;
Мечем мои разторг уставы;
Безгласными поверг все правы,
Стыдиться истинне велел» и т. д. (стр. 359).

О том, что делать народам в этом положении, говорят Радищеву примеры Кромвеля, научившего, как «могут мстить себя народы», и казнившего Карла «на суде», и Вашингтона, возглавившего вооруженную борьбу за свободу.

При этом Радищев не только не питает надежд на возможность прихода «доброго царя», но, ссылаясь на опыт истории, прямо говорит об опасности подобных иллюзий:

Народы мнили — правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротою,
Вождаем мягкою душою,—
Но царь когда бесстрастен был! (стр. 13).

Что же касается идеала будущего общественного строя, то и здесь у Радищева нет никаких намеков на «ограниченную», «умеренную», «смешанную» или «просвещенную» монархию. Управлять освобожденным обществом, говорит он, будут не венценосцы, но люди, известные своими личными заслугами и своею опытностью, предмет которых суть «мы, не я», а на развалинах самодержавной империи, где «между собой все чужды части», образуется федерация свободных государств:

Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила

[169] Г. П. Макогоненко. Поэзия Александра Радищева.— Сб. «А. Н. Радищев. Стихотворения», Л., 1953, стр. 29.

Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят,
И волка хищного задавят,
Что чтил слепец своим отцем![170]

Вся ода доказывает, что цари являются узурпаторами прав народа, она направлена против слепцов, считавших царей «отцами отечества», а ее автору все еще продолжают приписывать веру в монарха — «блюстителя законов»!

Однако обращение к источникам доказывает не только близость идей Радищева теориям Мабли, Рейналя, Пейна, Марата и др., но и непосредственное знакомство автора «Путешествия» с трудами своих единомышленников на Западе. Еще будучи в Лейпциге, русские студенты, и Радищев в том числе, знакомятся с «Публичным правом Европы» Мабли. В то время как в начале 70-х годов русские дворянские либералы увлекаются «Естественной политикой» Гольбаха, Радищев переводит на русский язык «Размышления о греческой истории» Мабли, проникнутые антимонархическими и республиканскими идеями. Читая в начале 80-х годов последнее издание «Истории двух Индий» Рейналя, Радищев знакомится и со «Здравым смыслом» Пейна в изложении Рейналя[171], и не без влияния концепции революционного просветительства, рожденного американской революцией, возникает у Радищева замысел «Слова о Ломоносове» и оды «Вольность».

«Энтузиазм народа породит плеяду неизвестных талантов. Именно в революциях раскрывается величие душ, рождаются герои и находят свое место»[172],— писал Рейналь, передавая слова Пейна. И отзвук этих идей мы найдем затем в «Городне».

Мы определим судьбу «грядущих поколений»[173],— передавал Рейналь слова американского революционера. «Пример твой мету обнажил»,— отвечал в оде «Вольность» Радищев, обращаясь к «словутой стране».

«Он исторг гром с неба и скиптр из рук тиранов»[174],— приводил Рейналь в пример потомкам надпись, начертанную на бюсте Франклина, одного из великих актеров американской драмы,— и теми же словами характеризует Радищев свой идеал борца за свободу. Рейналь говорит об обращении к потомкам с революционным словом[175] — и тем же призывом завершает «Путешествие» Радищев.

Больше того, вставки, сделанные Радищевым в «Путешествии» в 1789—1790-х годах, почти не оставляют сомнений в его знакомстве с Маратом. Сам образ Франции, ходящей «близ Бастильских пропастей», как будто навеян № 11—12 «Друга народа» (сентябрь 1789 г.), где Марат, призывая народ не обольщаться взятием Бастилии, восклицал: «О французы... доколе же будете вы спать на краю пропасти?». И как будто на следующий номер того же «Друга народа» откликается радищевская крамольная вставка из главы «Едрово»: крестьянин будет в законе жив, «если того восхочет». «Ведь только при отблесках пламени, пожиравшего подожженные замки дворян,— писал Марат по поводу знаменитого заседания Национального собрания ночью 4 августа,— про-

---

[170] Строфы 19, 23, 34, 36, 37, 41, 51 (А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 6—17).

[171] См. изложение «Здравого смысла» с прямым указанием на источник в «Révolution de l'Amerique», p. 75—85.

[172] Указ. соч., стр. 82.

[173] Там же, стр. 84.

[174] Там же, стр. 87. Радищев заменяет при переводе «тиранов» на «царей».

[175] Там же, стр. 164—165.

явили они величие души, достаточное, чтобы отказаться от привилегии держать в оковах людей, сумевших вернуть себе свободу с оружием в руках!»[176]

Нет оснований заявлять, как это делают иногда, что Радищев поднялся «выше всех» мыслителей XVIII в., что он был самым великим и даже единственным революционером той эпохи[177]. Но нет никаких оснований исключать его из плеяды действительно великих и самых последовательных революционеров той эпохи, понявших, наконец, простую истину: народы станут свободными не по милости королей, а когда у них появится «мужество быть свободными».

XVIII

Обратимся к последнему методологическому возражению.

Часто повторяют, что отсутствие у Радищева в 80-е годы либеральных иллюзий было просто немыслимо, ибо он оставался «идеалистом в области истории, верил во «всесилие разума»». Но можно ли утверждать, что до Маркса и Энгельса, открывших материалистическое понимание истории, вообще не было последовательных революционных демократов? И если это немыслимо для Радищева, видевшего банкротство политики «просвещенного абсолютизма», жившего во времена непрекращающихся крестьянских волнений в России и великих революций на Западе, то тогда как объяснить, к примеру, «не знающий компромисса демократизм и революционность» Жана Мелье (1664—1729)[178]?

Сравнение идей Мелье и Радищева в их общем и особенном представляется очень интересным и важным. И тот и другой принадлежали, если оперировать наиболее общими определениями, к эпохе просвещения XVIII в. И тот и другой, без всякого сомнения, остались идеалистами в понимании общественных событий. И тот и другой были, безусловно, последовательными революционными демократами. Задачу всех умных людей Мелье видит в том, чтобы взяться за «просветительную работу среди народа», побудить народ «сбросить невыносимое иго тиранов»[179]. С такой же целью пишет свою книгу Радищев, призывая «мужественных писателей» восстать «на губительство и всесилие», обратиться со словом вольности к народу.

Мелье писал: «Никакая ненависть, никакое отвращение не будут чрезмерны по отношению к людям, которые являются виновниками стольких зол и повсеместно эксплуатируют других». Об этом же говорит Радищев. Он также призывает обрушить «человеколюбивое мщение» на «безчеловечные главы» господ.

Мелье писал: «...хотя на первый взгляд религия и политика столь противоположны и противоречат одна другой по своим принципам, на самом деле они неплохо уживаются друг с другом, как только заключат между собой союз и дружбу...». То же самое утверждал и Радищев: царская власть и вера «союзно общество гнетут»[180]. Много сходного и в

---

[176] Ж. П. Марат. Избранные произведения, т. II, стр. 63, 71.

[177] Несколько типичных примеров: «Радищев был **самым** прогрессивным, **наиболее** последовательным революционным мыслителем **из всех** политических мыслителей своего времени»,— категорически утверждает В. С. Покровский (см. «Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева», Киев, 1952, стр. 149. Подчеркнуто нами.— *Авт.*); «Радищев — единственный (!) в XVIII веке революционер» (Г. П. Макогоненко. Радищев и его время, стр. 19).

[178] Ж. Мелье. Завещание, т. I. М., 1954. Вступ. статья В. П. Волгина, стр. 23.

[179] Там же, стр. 78—79.

[180] Там же, стр. 72, 66—67; А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. I, стр. 4, 357 и др.

беспримерной судьбе «Завещания» и «Путешествия» — запрет и нелегальное распространение в рукописях.

Появление последовательной революционности у мыслителей, остающихся идеалистами в понимании общественных явлений, объясняется лишь одним: остротой классовых антагонизмов в стране, заставляющих признать непримиримость интересов угнетенного и господствующего классов. «Революционно-демократическая страстность, так резко выделяющая «Завещание» Мелье из всей социалистической и материалистической литературы XVIII века,— пишет В. П. Волгин,— порождена, несомненно, социальными отношениями французской деревни» [181]. Но разве не подобными же отношениями порождена и революционно-демократическая страстность Радищева?

Идея коренного родства взглядов Радищева и Мелье, на котором настаивает ряд исследователей [182], позволяет нам установить один важный факт: известно, что Радищев не знал работ Мелье, и тем не менее он выдвигает идеи, аналогичные идеям последнего [183]. Это лишний раз доказывает, что формирование революционно-демократической идеологии является объективным процессом, который с неизбежностью проходят различные страны с определенным уровнем развития классовых антагонизмов между крестьянством и феодалами.

Более того, представляется вообще неосновательной абсолютизация тезиса об идеализме всех мыслителей XVIII в. в понимании исторических явлений. Несомненно, что основы социологии Радищева покоились на идеалистической теории естественного права. Но нельзя не видеть у него в ряде существенных моментов выхода за рамки этой теории. Он понял важнейшее обстоятельство: корыстолюбие господствующих классов нельзя преодолеть никакими уговорами, материальный интерес «великих отчинников» сильнее всех доводов ума и сердца. Не нужно забывать, что Радищев и Ушаков «учились мыслить» по сочинениям Гельвеция, в системе которого имелись отдельные элементы материалистического подхода к общественным явлениям (например, мысль Гельвеция о примате интереса над разумом). Вряд ли можно вместить в абстрактную формулу «идеализм в понимании исторических событий» и другое положение Радищева: «...земледелие произвело раздел земли на области и государства, построило деревни и города, изобрело ремесла, рукоделия, торговлю, устройство, законы, правления. Как скоро человек сказал человеку: сия пядень земли моя! Он пригвоздил себя к земле и отверз путь зверообразному самовластию, когда человек повелевает человеком. Он стал кланяться воздвигнутому им самим богу, и, облекши его багряницею, поставил на олтаре превыше всех, воскурил ему фимиам; но, наскучив своею мечтою и стряхнув оковы свои и плен, попрал обоготворенного и преторг его дыхание. Вот шествие разума человеческого» [184].

Но если возражения наших оппонентов бьют мимо цели в отношении деятельности Радищева в 80-е годы, то они достигают ее, когда речь заходит о деятельности писателя в последний период его жизни. Стрем-

---

[181] Ж. Мелье. Указ. соч., стр. 51.

[182] Б. Ф. Поршнев писал: «Идея необходимости широчайшей и радикальной народной революции скорее однородна у Мелье с подобной идеей у Радищева и русских революционных демократов» (сб. «Из истории социально-политических идей. К 75-летию акад. В. П. Волгина», М., 1955, стр. 227). Ту же мысль проводит X. Н. Момджян в своей монографии «Философия Гельвеция» (М., 1955, стр. 284).

[183] Общее в идеях Мелье и Радищева, конечно, не отменяет и различий у них: например, коммунист Мелье, в отличие от Радищева, выступал против частной собственности (см. Ж. Мелье. Указ. соч., т. 2, стр. 198—203 и др.).

[184] А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 64.

ление проверить любую теорию на «чувственных» фактах, подкрепить любой вывод «примерами истории» — главная черта мышления Радищева. Именно практика «просвещенного абсолютизма» XVIII в. в России, подкрепленная опытом прошлой истории, показала ему, что в истории либерализма не было ничего, кроме бесплодных разговоров о смягчении участи рабов. И именно практика буржуазно-демократических революций Запада доказала Радищеву, что в истории народных движений были действительно великие победы, казалось бы, открывавшие путь к свободе, к действительному «блаженству» народов.

Однако Радищев слишком дорожил истиной, чтобы не видеть, что победа народа в этих революциях вела, как правило, лишь к новой форме рабства, новой форме деспотии. Кромвель не только научил «в род и роды, как могут мстить себя народы», но и сам сокрушил твердь свободы, «власть в руке своей имея» (стр. 8, 7). Тот же опыт повторила впоследствии и французская революция.

Попытку теоретически осмыслить подобного рода факты Радищев сделал в своей теории вечного круговорота всех явлений природы:

Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борит,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать (стр. 14).

«Таков есть закон природы;— сформулировал он этот тезис в «Твери»,— из мучительства рождается вольность, из вольности рабство...» (стр. 360). Оставалось одно: обращаться к народам, завоевавшим вольность, с риторическими призывами блюсти «дар благой природы», помнить, что «свет во тьму льзя претворить» (стр. 14).

Порвать этот заколдованный круг можно было только одним способом: перейдя от натурализма и идеализма к материалистическому пониманию истории, к осознанию связи социальной и политической структуры общества с формами собственности. Радищев, разумеется, этого сделать не мог.

Узость теоретических основ мировоззрения Радищева, опиравшегося в целом на идеалистическую концепцию общественного договора, прежде всего непонимание им источника противоречий, зреющих в недрах строя, идущего на смену феодализму, не позволило ему понять смысл событий, происшедших в 90-е годы во Франции. Диктатуру якобинцев Радищев оценивает как новую форму тирании (стр. 97—98). Пережив крушение своих надежд, видя, что «счастие и добродетель, и вольность пожрал омут ярой» (стр. 127), и наблюдая, с другой стороны, первые шаги Александра I по учреждению «вольности» в России (политическая амнистия, отмена ограничений в связях с заграницей и т. д.), Радищев стал на какое-то время на тот путь, порочность которого он доказывал в 80-е годы.

Но и в этот период, отказавшись от пропаганды идей народной революции, он остался д е м о к р а т о м и отнюдь не утвердился в своей вере в «верхи».

Главным побудительным мотивом при разработке нового законодательства остается для Радищева «польза миллионов»; из статей «Наказа» он выводит в проекте «О законоположении» идею о том, что «управлять народом блаженным» означает «дать ему управляться с а м о м у с о б о ю», т. е. идею, в корне противоречащую всей концеп-

ции «Наказа»[185]. Он отмечает, что «Наказ» содержал многие «ложные мнения», что сама Екатерина II «дело главное и основное всему оставила недовершенным». Он предлагает для выявления полной картины имеющихся в России злоупотреблений властью обратиться к независимому общественному мнению, намекая на свое «Путешествие»[186]. Сам характер требований, выставленных им, в «Проекте для разделения уложения российского» не оставляет сомнения в демократизме Радищева. Он требует свободы: «1 мысли, 2) слова, 3) деяния, 4) в защите самаго себя, когда того закон сделать не в силах, 5) в праве собственности, 6) быть судимы себе равными»[187]. Содержание законодательных проектов Радищева явно переросло официальные рамки и формы деятельности, в которые он был поставлен, и не потому ли ни один из его законодательных проектов так и не был представлен в Комиссию по составлению законов? В ее материалах осталось только два «особых мнения» Радищева по частным вопросам, где он расходится с большинством Комиссии. Мемуары его сослуживцев говорят о том, что он оставался «мыслей вольных и на все взирал с критикою»[188]. Что же касается либеральной концовки оды «Осьмнадцатое столетие» («мир, суд правды, истина, вольность лиются от трона»), то Радищев так и не опубликовал оду при жизни, хотя никаких препятствий к тому не было, да, кроме того, само содержание оды не сводится т о л ь к о к традиционно-хвалебной концовке. Мы не можем окончательно судить о замысле «Песни исторической» (она осталась незавершенной), неизвестны даже точно годы работы над ней, но можно согласиться с исследователями, что она скорее разоблачает, чем проповедует доктрину «просвещенного абсолютизма»: «здесь Радищев допускает в виде исключения появление на троне добродетельных монархов, но, давая обобщенную картину истории Римской империи, рисует закономерное усиление гнета и насилия»[189]. Многие видели в этом произведении и прямые намеки на «либеральное» начало царствования Александра I:

Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.
И, как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новой
Будет благ и будет кроток:
Но надолго ль, — на мгновенье...[190].

Наконец, как факт политического протеста можно расценить и самоубийство Радищева, несомненно разгадавшего, хотя, возможно, и не сразу, «либеральную» игру Александра I.

«Остановка» перед историческим материализмом вызвала после поражения революции 1848 г. духовный крах революционного демократа Герцена. Отсутствие подлинно научного взгляда на ход истории породило за полвека до этого трагедию революционного демократа Радищева, пережившего в последние годы жизни спад революционной волны на Западе и видевшего все тот же старый «либеральный» обман в России.

---

[185] А. Н. Р а д и щ е в. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 148 (Подчеркнуто нами.— *Авт.*).
[186] Там же, стр. 148, 149, 153.
[187] Там же, стр. 166.
[188] «Русский архив», 1879, № 12, стр. 416. Из записок Н. С. Ильинского.
[189] С. А. П о к р о в с к и й. Государственно-правовые взгляды Радищева. М., 1956, стр. 154—155.
[190] А. Н. Р а д и щ е в. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 108.

XIX

Мы начали анализ фактического и теоретического материала с признания равноправности двух гипотез, существующих в советской историографии. Теперь мы подходим к концу в наших доказательствах обоснованности одной из них и несостоятельности другой.

Гипотеза о последовательной революционной логике «Путешествия», как мы видели, исходит из объективных моментов в самом содержании книги. Она устанавливает и прослеживает связь так называемых либеральных и революционных глав книги, подчеркнутую самим писателем. Она выявляет взаимоисключающий характер излагаемых здесь политических программ, опираясь на целую систему художественных приемов, разработанных самим Радищевым. Единственным сколько-нибудь убедительным доводом против этой гипотезы следует признать лишь радищевскую «Беседу о том, что есть сын отечества», но, как мы старались показать, либеральные нотки в ее содержании целиком объясняются условиями создания работы. Что же касается содержания других работ 1788—1790 гг. — «Жития Ф. В. Ушакова», «Опыта о законодавстве», то они целиком и полностью подтверждают новый взгляд.

Теоретические соображения об антиисторичности новой гипотезы оказались также беспочвенными, ибо она органически включает писателя в историческую эпоху. Она по первоисточникам доказывает наличие в «Путешествии» критики доктрины «просвещенного абсолютизма». Она доказывает факт разоблачения писателем апологетической литературы, порожденной «Наказом». Она констатирует многостороннее отношение революционера к умеренному дворянскому просветительству XVIII в.: союз с ним в критике крепостничества, расхождение с ним в характере и широте этой критики, противоположность в поисках практических путей освобождения народа. Эта гипотеза включает русскую революционную мысль в русло антифеодальной идеологии XVIII в., доказывает принадлежность Радищева к революционному просветительству XVIII в., родство его теории с революционно-демократической интерпретацией доктрины общественного договора.

Новая гипотеза снимает доводы о немыслимой, необъяснимой противоречивости «Путешествия». Вместе с тем отрицание такого противоречия в книге, как одновременное исповедание теории революции и доктрины «просвещенного абсолютизма», не снимает подлинной исторической ограниченности Радищева. Сторонники нового взгляда говорят о неизбежных колебаниях, противоречиях в деятельности писателя до «Путешествия» и особенно в последний период его жизни. Эту непоследовательность новая гипотеза связывает с отсутствием научного взгляда на историю, с тяжелыми условиями, в которых действовал писатель, она обращает внимание на неразвитость революционной теории Радищева, слишком общий характер его идей.

Напротив, сторонники гипотезы о принадлежности самому Радищеву в «Путешествии» обеих программ — последовательной революционной концепции и последовательной концепции «просвещенного абсолютизма» — обходят молчанием важнейшие объективные моменты содержания книги. Они постоянно затушевывают либерализм хотиловского проекта. Они не выявляют и не объясняют взаимоисключающий характер противоречия двух программ. Они игнорируют, а не решают вопросы, поставленные развитием литературы. Ни один из сторонников противостоящей нам гипотезы не дал принципиальной оценки «Жития Ф. В. Ушакова», где революционный путь ясно и прямо противопоставлен отвергаемому либеральному пути. Их ссылки на другие высказывания 1790 г.

не были подкреплены конкретным анализом текстов и событий, что делает их неубедительными. Они ссылались на покаянную Радищева, но сам писатель отрекся от нее. Именно эта гипотеза оказалась, по существу, антиисторичной. Она вырвала писателя из реальных отношений эпохи, заставила обращаться к «верхам», когда для такого обращения не было повода, приписала ему либеральную непоследовательность дворян-просветителей, которую он критиковал, оторвала Радищева от родственных ему мыслителей Запада, прошла мимо того факта, что и русское, и западное просвещение XVIII в. сделало в эпоху американской и французской революций огромный шаг вперед.

Больше того, сторонники старого подхода к «Путешествию» фактически опровергают самих себя, как только им приходится обращаться к конкретному материалу книги. В. Н. Орлов продолжает спорить с новой оценкой «Хотилова» и сам же фактически утверждает ее правоту: «Радищев не питал никаких (!) иллюзий на счет «философа на троне...»»[191]. Д. Д. Благой признает, что вся книга Радищева утверждает одну мысль: нет «добрых» и «злых» царей, как нет «добрых» и «злонравных» помещиков: «царская власть сама по себе является безусловным злом». И тот же Д. Д. Благой, обратившись к главе «Хотилов», пишет, Радищев «высказывал надежду на возможность уничтожения крепостничества сверху...»[192]. Э. С. Виленская, ссылаясь на ироническую концовку «Хотилова», приходит к выводу, что Радищев считал, что «российское самодержавие в лице Екатерины в такой же степени неспособно справиться со стоящими перед Россией задачами, как неспособна почтовая кляча стать скакуном или иноходцем»[193]. И тут же «Хотилов» в целом трактуется как... свидетельство не утраченной Радищевым веры в то, что «крепостное право может быть уничтожено путем реформы «сверху»».

В том-то и дело, что объективное содержание «Путешествия» говорит в этих оценках само за себя. Главы «Медное», «Тверь» исключают наличие в «Путешествии» иллюзий насчет «философов на троне», и, объективно оценивая их смысл, В. Н. Орлов, Д. Д. Благой, Э. С. Виленская по существу отвергают и свою собственную версию о принадлежности Радищеву хотиловских иллюзий.

Получается в тех или иных ее вариантах старая разрушающая сама себя формула Семенникова: только революция — и вместе с тем реформы для предотвращения революции; никаких надежд на «просвещенный абсолютизм» — и вместе с тем надежды на него; разоблачение либеральных иллюзий — и вместе с тем либеральные упования. Формулу эту невозможно ни подкрепить фактическим материалом, ни обосновать логически, ее можно только отбросить.

Сделать это тем более необходимо, что старая, милюковская концепция усиленно возрождается за рубежом. Одной из главных идей современной буржуазной «россики» является противопоставление либеральной и революционной традиций в России, возвеличение первой за счет второй. В сборнике «Преемственность и сдвиги в русской и советской мысли» некий М. Файнсод прямо ведет историю русского либерализма «от Радищева до Милюкова и Маклакова»[194]. В. Леонтович начинает

---

[191] Вл. Орлов. Русские просветители 1790—1800-годов. М., 1953, стр. 188, 15.

[192] Д. Благой. Первый русский писатель-революционер Александр Радищев.— В кн.: А. Радищев. Избранное. М., 1959, стр. 278—279 (Подчеркнуто нами.— *Авт.*).

[193] Э. С. Виленская. Радищев — первый идеолог крестьянской революции.— «Исторические записки», т. 34, стр. 316.

[194] Continuity and Change in Russian and Soviet Thought. 1955. Cambr. Mass. p. 173.

свою «Историю либерализма в России» с Екатерины II и Радищева, обнаружив у них полную «общность» в понимании насущных проблем преобразования русского общества вообще, в решении крестьянского вопроса в особенности [195]. Английский исследователь Д. Лэнг, полемизируя с советскими историками, объявляет Радищева провозвестником реформы 1861 г., родоначальником известного тезиса «лучше сверху, чем снизу» [196]. Р. Талер, переводчик и комментатор издания «Путешествия» на английском языке (1958) [197], представляет зарубежному читателю книгу как манифест русского либерализма, уверяет, что Радищев был не революционером, а желал реформ. Если дореволюционная русская буржуазная историография подгоняла политическую доктрину писателя к уровню Гольбаха, Гельвеция, в лучшем случае Мабли, то А. Мак-Коннелл доказывает, что своим политическим мышлением Радищев был «более обязан Плутарху, Полибию, Монтескье и летописям Нестора, чем Руссо, Мабли, Гельвецию, Гольбаху, Даламберу и Рейналю» [198]. И надо сказать, что автор в одном отношении безусловно прав: изложенная в «Хотилове» и «Выдропуске» концепция русского дворянского либерального просветительства действительно далека от радикализма Руссо, Рейналя или Мабли. Но все дело в том, что подлинные взгляды Радищева выражают не эти главы, а «Тверь», «Медное», «Городня».

Традиционный подход к «проекту в будущем» как «государственному идеалу» Радищева был подорван еще в дореволюционной литературе в трудах Сухомлинова, Мякотина, Семевского, Незеленова. Но, будучи носителями консервативных или либерально-народнических взглядов, они, естественно, не могли довести начатый ими самими процесс до логического конца.

Тем более это может и должна сделать советская историография.

XX

Если вопрос о революционности Радищева был фактически поставлен еще в дореволюционной литературе и положительно решен уже в первые десятилетия существования советской исторической науки, то вопрос о *характере* этой революционности, проблема классового определения его идей обозначалась только с конца 30 — начала 40-х годов. И это не случайно. Переход к обобщениям требует определенного уровня развития науки, предполагает наличие разработанного конкретного и теоретического материала, выходящего за рамки данной узкой темы. Большое значение имело здесь углубленное изучение ленинской периодизации русского освободительного движения, ликвидация вульгаризаторских социологических концепций «школы» Покровского.

При попытках раскрыть конкретно ленинскую оценку Радищева как первого русского революционера были, пожалуй, испробованы все возможные определения: Радищева называли и революционным просветителем, и предтечей дворянских революционеров, и дворянским революционером, и идеологом передовых слоев дворянства, и зачинателем ре-

---

[195] V. *Leontovitsch*. Geschichte des Liberalismus in Rußland. Frankfurt am Main, 1957, SS. 33—34 и далее.

[196] D. M. *Lang*. Some Forerunners of the Decembrists.— Сб. Making of Modern Europe, Book I, N. Y., 1951.

[197] A. N. *Radishchev*. A Journey from St. Petersburg to Moscow, transl. by Leo Wiener. Ed. with an introduction and notes by R. P. Thaler. Cambr. Mass., 1958.

[198] Allen Mc Connell. Radishchev's Political Thought. The American Slavic and East European Review, vol. XVII, N 4. Dec., 1958, p. 452.

волюционно-демократических идей, и идеологом крестьянской революции, и, наконец, просто революционным демократом XVIII в.

Определить точные линии размежевания между советскими историками было бы делом крайне затруднительным по двум причинам: 1) количество работ о Радищеве исчисляется многими сотнями и 2) одни и те же авторы в работах разных лет защищали различные варианты. Поэтому попытаемся выделить преобладающую тенденцию, еще раз подчеркнув, что линии размежевания советских историков в данном вопросе не совпадают с защитой той или иной гипотезы о принадлежности Радищеву «проектов в будущем».

В общем и целом за последние 20 лет в советской литературе все больше утверждался взгляд на Радищева как на революционного демократа. Одним из первых такое определение дал еще Ем. Ярославский в газете «Правда» в 1940 г.[199]. Этот взгляд затем защищали авторы многих специальных исследований, и поскольку учебные пособия в какой-то мере отражают достигнутый уровень науки, сошлемся хотя бы на целый ряд учебников[200].

Причины распространенности подобных оценок понятны: в них схвачено ядро, суть «Путешествия»: идея народной крестьянской революции, уничтожающей самодержавие и помещичий класс. Однако по мере распространения этих оценок среди части историков все больше росло убеждение в их антиисторичности. Оформленное выражение этим убеждениям дала, наконец, передовая № 9 журнала «Вопросы истории» за 1955 г.

«Г. П. Макогоненко, Е. В. Приказчикова, Э. С. Виленская и некоторые другие исследователи,— говорилось в передовой,— подняв много нового и интересного материала о деятельности первого русского революционного писателя А. Н. Радищева, неправильно характеризуют его как «первого русского революционного демократа», как «первого идеолога крестьянской революции», как экономиста, «положившего начало революционно-демократическому направлению русской экономической мысли». В результате произвольных подчеркиваний и умолчаний Радищев как дворянский революционер сдвигается со своего исторического места»[201].

Поскольку подобная точка зрения получила в последние годы определенное признание и даже заставила некоторых радищеведов (Г. П. Макогоненко, Э. С. Виленскую, И. Я. Щипанова и др.) пересмотреть свои собственные работы и определения, рассмотрим несколько подробнее вопрос о месте Радищева в русском освободительном движении.

«Освободительное движение в России,— писал В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России»,— прошло три главные этапа, соответственно трем главным классам русского общества, налагавшим свою печать на движение: 1) период дворянский, примерно с 1825 по 1861 год; 2) разночинский или буржуазно-демократический, приблизительно с 1861 по 1895 год; 3) пролетарский, с 1895 по настоящее время»[202].

---

[199] См. «Радищев в русской критике», М., 1952, стр. 84.

[200] См. оценки Радищева в «Истории политических учений», М., 1957, стр. 314 и далее; «Очерках истории исторической науки в СССР», т. I, М., 1955, стр. 227 и далее: «Истории народного хозяйства СССР» П. И. Лященко, т. I, М., 1952, стр. 424; «Истории русской экономической мысли», т. I, ч. I, стр. 657, 699 и др.; «Истории русской литературы», т. IV, ч. II, 1947, стр. 534 и т. д.

[201] «Вопросы истории», 1955, № 9, стр. 4.

[202] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223.

Выдвигая в этой статье, а также в статье «Памяти Герцена» положение о трех поколениях, трех классах, действовавших в русской революции, В. И. Ленин указывал, что каждый из этих классов накладывал свой отпечаток на движение: дворяне «страшно далеки... от народа», ближе связь с народом у революционеров-разночинцев, пролетариат «впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян»[203].

Определение Радищева как идеолога крестьянской революции, революционного демократа, на первый взгляд, нарушает эту периодизацию. Хотя отсутствие у него каких-либо практических связей с народом, либеральные колебания последних лет и т. д. типичны для дворянского этапа революционности, однако сама идея народной революции, развиваемая им, выходит за рамки идеологии декабристов. И все-таки никакого противоречия ленинской периодизации революционного движения здесь нет.

Говоря о трех поколениях русских революционеров, В. И. Ленин имел в виду этапы одного и того же по своему объективному содержанию движения, направленного на замену самодержавно-крепостнического строя буржуазным. Поэтому абсолютный разрыв, а тем более абсолютное противопоставление этих этапов недопустимы: единство решаемых задач предопределяло возможность появления родственных идей и теорий для всех трех периодов.

Во-вторых, ленинские общие характеристики даны этапам в целом, они выделяют в них самое массовидное, самое типическое. Несомненно, что степень близости к народу, характер класса, представители которого стояли во главе движения, с необходимостью определял характер и идеологию движения в целом. Но если речь идет не об общей характеристике движения классов, а о выявлении специфики, особенностей мировоззрения того или иного революционного мыслителя, то тут уже нельзя ограничиваться противопоставлением общих формул — «дворянский этап революционности», «разночинский этап революционности» — и выводить мировоззрение того или иного революционера только из этих абстракций, без конкретного анализа данных идей и произведений. На каждом этапе освободительного движения наряду с господствующими течениями пробивали себе дорогу иные тенденции, «необычные» для данной эпохи, для данного периода.

В самом деле, разве не подходит содержание идей Радищева 80-х годов под понятие «революционный демократизм»? Разве не отстаивает он в эти годы программу будущих преобразований России исключительно с позиций угнетенного класса, не останавливаясь ни перед необходимостью избиения «племени помещиков», ни перед казнью царя? Разве не надеется он в выборе путей преобразования исключительно на революционную самодеятельность масс? Разве не свойственна ему вера не только в их правоту, но и в их силу, в их способность добиться свободы? Разве не предусматривает его положительная программа (объективно буржуазная) в своих самых общих положениях (федерация республик вместо самодержавной империи, народовластие вместо абсолютизма, полная свобода слова вместо деспотизма цензуры, переход всей земли земледельцу) самой широкой и полной демократизации всех социальных и общественных отношений в стране? Разве нет (при всех различиях в степени зрелости и разработки идей, уровне их теоретического обоснования и т. п.) определенного родства этой программы с концепциями русской революционной демократии 60-х годов XIX в.?

[203] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 14—15.

Пусть Радищев еще не дорос до диалектической формулы Белинского: «Отрицание — мой бог», но разве его героями в истории не являются, как и у Белинского 40-х годов [204], те же «разрушители старого»: Брут, Телль, Кромвель, Вашингтон, Франклин? Разве мысль, выраженная Радищевым: когда царь добровольно уступил что-либо из своей власти, «седяй на Престоле», не является исторически первой формулировкой глубочайшего вывода революционной демократии 60-х годов XIX в.: «сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей» [205]? Разве нет в проклятиях Радищева по адресу тех, кто думал просвещением царей смягчить доводящий до «крайности» гнет, или в его выводе о том, что свободы надо ждать от самой тяжести порабощения, — созвучия идеям «Пролога»? Веком позже, когда от разговоров о «просвещении верхов» дело дойдет до «освобождения» сверху, Чернышевский по-своему бросит в лицо либералам: «Я желаю, чтобы все оставалось, как есть», он предпочтет, исходя из перспектив революционного, действительного освобождения народа, прямой грабеж крестьян помещиками «мерзости» либеральных реформ [206].

Пример с Радищевым показывает с замечательной рельефностью, что ленинскую периодизацию революционно-освободительного движения в России нельзя механически переносить на историю революционных идей. Возникновение передовых идей всегда предшествует движению идущих под их лозунгом передовых сил и классов, если речь идет не о стихийном движении, а о движении, направляемом определенной идеологией, политической программой. Было бы вульгаризацией исторического материализма отрицать тот факт, что освободительная теория возникает в головах идеологов передовых классов как теоретическое обобщение классовых антагонизмов данного общества, выражающихся прежде всего в стихийном движении масс против существующего строя, а уже затем под влиянием передовых идей, по мере развития классовых антагонизмов, движение переходит на высший этап — становится из стихийного организованным. Революционный демократизм Мелье сложился как система взглядов в 20-х годах XVIII в., а революционно-демократическое движение масс во Франции относится к 80—90-м годам XVIII в. Революционно-демократическая концепция Руссо, сформулированная в 60-х годах XVIII в., в те годы не получила отклика во Франции, а тремя десятилетиями позже она стала практическим наставлением якобинцев. Идеи революционного демократизма впервые появились в России в конце XVIII в., а организованное движение под их знаменем возникло гораздо позднее, в XIX в.

Кроме того, рассматривая генезис тех или иных идейных течений, нельзя ограничивать кругозор мыслителя рамками одной только страны, не учитывать относительной самостоятельности идеологии. Идеологи революцонных классов всегда в той или иной мере используют опыт освободительного движения в других, особенно в более передовых странах. Если Радищев за столетие вперед провидел русскую революцию, то не надо забывать, что на целое столетие обогнали Россию вперед в своем политическом развитии революционная Америка и революционная Франция, указавшие ему путь «в будущее».

Говорят еще, что антиисторично искать революционный демократизм в России конца XVIII в., поскольку таковой предполагает не только защиту идеи народной революции, но и проповедь ее в массах. Но тогда

---

[204] В. Г. Белинский. Избр. философ. соч., т. I. М., 1948, стр. 590.

[205] «Письмо из провинции».— «Колокол», 1 марта 1860 г., № 64, стр. 535.

[206] Н. Г. Чернышевский. Пролог.— Полн. собр. соч., т. XIII. М., 1949, стр. 134, 140, 188.

не менее антиисторично искать революционный демократизм и у Белинского или Герцена в 30—40-е годы XIX в. К массам в прямом значении этого слова они тоже не обращались. Революционный демократизм, как и всякое явление, имеет свою историю: прежде чем нести идею народной революции в народ, надо было еще выдвинуть и обосновать эту идею, найти и создать определенные формы организации. Прежде чем идеи народной революции стали господствующими в освободительном движении, они должны были выдержать не одну историческую проверку.

Но если ленинскую периодизацию освободительного движения нельзя механически применять к анализу идеологической борьбы в XVIII в., то еще менее можно игнорировать эту периодизацию при таком анализе. Мы говорим не только об исключительности, «нетипичности» идей Радищева для всего периода дворянской революционности. Отсутствие в России конца XVIII в. сколько-нибудь развитого слоя разночинной интеллигенции — естественного носителя демократических идей — поставило Радищева в исключительно своеобразные условия.

«Искренними друзьями» Радищева могли быть в ту эпоху главным образом либерально настроенные дворянские просветители, и прежде всего к ним он обращал свою книгу, их убеждал, с ними полемизировал. Более того, в тех случаях, когда писатель выступал не только от своего имени, но совместно с другими (например, публикация «Беседы о том, что есть сын отечества»), он был вынужден идти и на определенные принципиальные уступки.

Исторически обусловленное обращение с революционно-демократической концепцией к передовому дворянству той эпохи — важнейшая особенность Радищева, отличающая его от революционных демократов XIX в., одно из главных противоречий в его взглядах[207]. Передовые дворяне в своей массе не могли принять эти идеи, их подняли, подхватили и развили позднее революционеры-разночинцы. Но передовое дворянство дало России в начале XIX в. первое поколение революционеров, и в этом отношении обращение к нему Радищева оказалось исторически оправданным.

Декабристы сделали огромный шаг вперед, создав революционную организацию и возглавив открытое вооруженное выступление против самодержавия.

Но движение вперед можно видеть не только в организационных вопросах. Характерно само смещение идейной тематики в эпоху декабризма по сравнению с эпохой Радищева. Споры о том, стоит ли и как просвещать царей, — споры, которые волновали передовое дворянство в XVIII в., довольно быстро изживаются в среде декабристов. Необходимость «революционного способа действия», понимание «полезности» революций с начала 20-х годов становится для них аксиомой. Возникает новая, более сложная, проблема: как делать революцию. И хотя движение декабристов в целом не приняло идею народной революции Радищева, пошло в этом отношении несколько назад, однако нельзя забывать, что и в их среде не прерывалась та нить, начало которой идет от Радищева. Известны по мемуарной литературе отголоски споров в

[207] Отметим еще некоторые существенные черты исторической ограниченности революционного демократизма Радищева. У него нет разработанной программы, республиканские идеалы сформулированы в самом общем виде, почти лишены конкретности идеи народной революции. Наконец, почти совершенно отсутствует одна из важнейших составных частей идеологии революционного демократизма 40—60-х годов XIX в.— критика с позиций утопического социализма буржуазных порядков Запада.

Южном обществе о привлечении народных масс к вооруженной борьбе против самодержавия и крепостничества. «В указанных новых моментах, — отмечает М. В. Нечкина, — легко узнать элементы, отличающие будущую идеологию революционно-демократической разночинской революционности» [208]. Совершенно несомненны революционно-демократические нотки в агитационных песнях Рылеева и Александра Бестужева, доходящие, как пишет один из исследователей, до таких пределов отрицания дворянского режима, что можно даже «усомниться в авторстве представителей *дворянских* революционеров» [209].

Проблема взаимоотношения декабристов и народа, отмечает Н. М. Дружинин, еще далеко не ясна, предстоит большой труд, прежде чем она получит правильное и полное разрешение [210]. Но даже известные факты позволяют поставить вопрос об отдельных элементах революционного демократизма в рамках декабристской идеологии, их возможной связи с радищевским «Путешествием» [211] и т. д., хотя в своей практической деятельности носители этих элементов оказывались неизбежно лишь «крайней левой» в защите общепринятых принципов военной революции.

Революционные демократы 60-х годов, продолжая дело Радищева (и декабристов), воспринимают и развивают его идею народной революции, делают попытку связать последовательный революционный демократизм с утопическим социализмом.

Радищев был первым провозвестником буржуазно-демократической революции в России, первым дворянским революционером и зачинателем революционно-демократических идей — таково его место в русском освободительном движении. Он положил начало выработке в России революционно-демократической теории и воспитанию дворянского поколения русских революционеров.

XXI

Если свести воедино все возражения, высказанные в нашей литературе против новой трактовки «Путешествия», то суть их выразится в одном кратком приговоре: антиисторизм. Это заставляет нас сказать о нем несколько слов, попытаться найти применительно к нашей теме грань между историзмом и антиисторизмом.

Под антиисторизмом обычно понимают «подтягивание» низших форм развития к высшим и их неправомерное отождествление, другими словами, модернизацию истории. К сожалению, подобные ошибки действительно имеют место, не раз встречаются в ряде последних работ.

Так, например, антиисторичными являются попытки открыть в русском просвещении XVIII в. антибуржуазную направленность [212]. Сторонники подобного взгляда попросту переносят на антифеодальную идеологию XVIII в. черты русского утопического социализма и революционного демократизма XIX в., не замечая того, что критика французского буржуазного просвещения такими мыслителями, как Новиков, Фонвизин и др., велась зачастую справа, а не слева, свидетельствовала не об антибуржуазности, а о дворянской ограниченности их мировоз-

[208] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II, М., 1955, стр. 164.

[209] Н. М. Лебедев. «Отрасль» Рылеева в Северном Обществе.— В кн.: «Очерки из истории движения декабристов», М., 1954, стр. 364—365.

[210] Там же, см. Предисловие, стр. 10.

[211] См. там же, статья Ю. Г. Оксмана «Из истории агитационно-пропагандистской литературы двадцатых годов XIX века».

[212] См., например, Г. М. Макогоненко. Н. Новиков и русское просвещение XVIII века. М.— Л., 1952, стр. 362 и далее.

зрения. Явно нарушают исторические перспективы и те авторы, которые видят уже целый «демократический лагерь» в екатерининской Комиссии 1767—1768 гг., именуют ее чуть ли не идейным центром русского демократизма[213]. На деле требования прогрессивных депутатов в Комиссии (Коробьин, Козельский и др.) не выходили за рамки умеренного дворянского либерализма, притом в его самой первоначальной, незрелой форме. Чувствуется явный антиисторизм и в таких высказываниях исследователя литературы XVIII в.: «нет оснований объединять Радищева с русскими свободолюбивыми писателями XVIII в.»[214]. В действительности же как раз наоборот: есть основания объединять их в известном отношении, эти основания — общая антикрепостническая направленность их произведений.

Но антиисторизм не исчерпывается модернизацией исторических фактов, как может показаться некоторым. Он состоит также и в разрушении преемственной связи между явлениями низшего и высшего порядка, в отказе от исследования генезиса исторических процессов.

Нашей наукой справедливо отвергнуты принадлежащие «школе» Покровского антиисторические характеристики восстания Пугачева как ранней «буржуазной революции», попытки обнаружить здесь «лозунги французской революции», найти в совместной борьбе уральских горнорабочих и крепостных «первичный союз рабочих и крестьян» и даже зародыш гегемонии пролетариата[215]. Но, безусловно, антиисторично не видеть в великой крестьянской войне XVIII в. зародышевого, стихийного проявления тех же самых демократических требований «земли и воли», которые получат в России отчетливое выражение столетием позже.

Определение Радищева как революционного демократа будет, несомненно, антиисторичным, если оно не оговорит специально зародышевой формы его идей, не отметит их существенных различий от революционного демократизма XIX в. Но будет также несомненным антиисторизмом не видеть между ними определенного родства в главном и основном — идее крестьянской революции. И первый и второй взгляд равно искажают историю: один ищет в XVIII веке то, что свойственно XIX веку, другой разрывает определенные преемственные связи между идейными процессами этих двух веков.

Представляются определенно антиисторичными попытки найти в России уже в XVIII в. развитую либеральную идеологию или тем более либерализм как политическое направление, но столь же определенно грешат антиисторизмом те, кто не видит родства первых идей так называемого «дворянского либерализма» XVIII в. с более развитой идеологией буржуазно-помещичьего либерализма XIX в., и т. д.

Нельзя отождествлять более сложных и развитых форм с более ранними и менее развитыми, но нельзя и разрушать между ними «мостик», нельзя забывать о том, что иногда в прологе бывают «кусочки эпилога».

Энгельс, например, не боялся перебрасывать «мостик» между событиями и явлениями, отстоящими друг от друга на 300 лет, находя (несмотря на все существенные различия) важные аналогии между

---

[213] Г. П. Макогоненко. Н. Новиков и русское просвещение XVIII века, стр. 93.

[214] Вл. Орлов. Радищев и русская литература. Л., 1952, стр. 15.

[215] См., например, М. Н. Покровский. Новые данные о пугачевщине.— «Вестник Комакадемии», кн. XII, М., 1925, стр. 235; Г. Меерсон. Ранняя буржуазная революция в России. Там же, кн. XIII—XIV; В. А. Максимов. Первичный союз рабочих и крестьян Удмуртии. Ижевск, 1930 и другие работы.

крестьянской войной в Германии 1525 г. и революцией 1848—1850 гг.[216] В. И. Ленин указывал, что изменение классового характера русского самодержавия с XVIII в. шло в «одном определенном направлении»[217].

Почему же в таком случае нельзя проводить параллель между Радищевым и Чернышевским? Ведь родство, как известно, еще не есть тождество. Кстати, Г. В. Плеханов, не боялся делать подобные параллели. «Радищев, — писал он, — явился у нас первым в ряду тех передовых учителей жизни, между которыми такое видное место заняли потом Чернышевский и Добролюбов». И далее он подчеркивал «сходство его практических правил с правилами, выработанными этими последними»[218].

Более того, В. И. Ленин, говоря о том, что коллективный опыт правящих классов России выработал к 60-м годам XIX в. два метода борьбы за сохранение прежних порядков (каторга — революционерам, реформа — тем, кто захлебывался либерализмом), и ставя вопрос о происхождении этой тактики, начинал ее летоисчисление со времен Радищева: «Недаром же большинство вельмож и сановников прошло длинный курс николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и медные трубы. Они помнили, как монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых...»[219].

Антиисторизм зачастую происходит также оттого, что, признавая закономерность исторических процессов, исследователи упрощают их течение, не хотят видеть зигзагов и отклонений, представляют их в виде некой гладкой восходящей линии или лестницы, где каждая ступень естественно возвышается над предыдущей, а каждый мыслитель, стоящий на данной ступени, как две капли воды похож на своих собратьев, примостившихся тут же. Они не хотят, в частности, учитывать того, что идеи ряда гениальных мыслителей и политиков могут на многие десятилетия и даже столетия опережать свой век (вспомним хотя бы идеи Томаса Мора и Мелье, роль Марата или Бабефа во французской революции). Эти исследователи не хотят принимать во внимание другое важное положение: движение, достигнув в целом определенного уровня, может затем в определенных отношениях пойти вспять. Почему, например, мы должны утверждать, что декабристы во всех отношениях «шли дальше» и «стояли выше» Радищева, хотя это противоречит фактам и хотя в той же русской истории мы можем указать немало примеров обратного порядка (например, Чернышевский и народники)?

Один из главных доводов за то, что у Радищева в «Путешествии» не могло не быть либеральных колебаний, «классически» был выражен в следующих словах: «И если такая непоследовательность была возможной у несомненного революционера Герцена, да еще в условиях революционной ситуации, когда вопрос имел не только теоретическое, но и непосредственно практическое значение, то почему она априорно должна отвергаться у Радищева, выступавшего на заре возникновения освободительных идей?»[220].

Но, во-первых, ошибочно утверждать, что у Герцена в 50—60 гг. XIX в. была *такая же* непоследовательность, какая приписана неко-

---

[216] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 114, 197—198.
[217] В. И. Ленин. Соч, т. 17, стр. 47.
[218] Г. В. Плеханов. Соч., т. XXII, стр. 353.
[219] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 28.
[220] Э. С. Виленская. О спорных вопросах и методах...— «Вопросы философии», 1956, № 5, стр. 171.

торыми исследователями Радищеву в «Путешествии». Поскольку Герцен обращался со «слащавыми письмами» к Александру II, он уже отступал тем самым от последовательного революционного демократизма и не считал в то же время, что только народная революция может освободить народ. Во-вторых, подобное противоречие у Радищева отвергается рядом автором не «априорно», а на основе анализа «Путешествия» и других его произведений 80-х годов.

Далее, вспомним, что Радищев писал свое «Путешествие» в эпоху наивысшего подъема революционности буржуазной демократии на Западе, когда только что победоносно закончилась американская революция, прозвучавшая «набатным колоколом для европейской буржуазии»[221], и когда французская революция, шедшая по восходящей линии, вырывала у абсолютизма одну победу за другой. Герцен же жил в эпоху, когда революционность буржуазной демократии в Европе уже умирала, когда революции 1848 г., идущие по нисходящей линии, не только не вдохновляли, но разочаровывали его, когда буржуазное общество казалось ему банкротом, у которого все позади. Радищев к 90-м годам XVIII в. обладал двадцатилетним опытом изучения либеральных заигрываний Екатерины. Герцен с серидины 50-х годов XIX в., после «чугунного семилетия», только начинал переживать и осмысливать соответствующий опыт либеральной практики Александра II. Нельзя забывать и об огромном стихийном подъеме крестьянской борьбы в России в эпоху Радищева: такого размаха движения не было даже в период революционной ситуации 1860-х годов. Наконец, Герцену приходилось решать вопрос практически, а практически решать любые вопросы в известном смысле труднее, чем ставить их теоретически.

Различие двух исторических эпох и объясняет нам на первый взгляд парадоксальное, с точки зрения догматического понимания историзма, положение: Радищев в конце 80-х годов XVIII в. отвергает всякие надежды на «добрые намерения царей»; Герцен, спустя 60 лет, в той или иной форме все еще исповедует эти надежды. Но та же аналогия с Герценом помогает понять другой, последний период жизни Радищева, его либеральные колебания в то время, когда ход французской революции не оправдал его надежд, а диктатура Робеспьера выродилась, по его мнению, в самовластье. Историческая параллель Радищев — Герцен не только возможна, но и необходима для понимания деятельности Радищева в 1800-х годах, но она «не действует» в отношении 80-х годов XVIII в.; там вернее другая параллель: Радищев — Чернышевский.

Подлинный, а не мнимый историзм предполагает прежде всего конкретно-исторический подход к любому исследуемому явлению. В нашей исторической литературе идет, например, бесконечный спор о том, является ли Радищев революционным демократом, дворянским революционером или только революционным просветителем. Ответ стремятся получить по формуле «да — нет». В действительности же явление при конкретном научном изучении предстает в более сложном виде. Мыслитель, безусловно, стоит в начале дворянского этапа революционности, практически-политически он еще более далек от народа, чем декабристы. Но у него нет главной для декабристов идеи узкой военной революции, а есть идея революции народной. Он, безусловно, примыкает к просветителям по теоретическим основам своего мировоззрения, но делает из них несвойственные им выводы. У него, безусловно, имеются революционно-демократические идеи, но они еще не приняли привычной для нас формы революционного демократизма

---

[221] К. Маркс. Капитал, т. I. М., 1949, стр. 7.

60-х годов XIX в. и т. д. В результате бесплодных споров (ибо каждая сторона настаивает на однозначном решении вопроса) исследователи то выбрасывают из своих работ одну категорию, заменяя ее другой, то вообще предпочитают обходиться без всяких содержательных определений [222].

Все эти затруднения вызваны недооценкой диалектики, недостаточным вниманием к правильному соотношению частного и общего. Такие категории, как просветительство и либерализм, просветительство и демократизм, дворянская революционность и демократизм и т. д., являются не взаимоисключающими, а взаимодополняющими и взаимопроникающими, только взятые в их исторической связи и развитии эти категории позволяют характеризовать сложные идеологические явления прошлого.

Понять радищевское наследство можно будет, только поняв XVIII век, «включив» писателя в сложнейшую обстановку русской жизни, выявив всю сложность его отношения к Западу. Только тогда общие положения и формулировки перестанут быть односторонними мертвыми абстракциями, а наполнятся живым, конкретным содержанием. Тогда не будет таких исследований, которые ищут в материалистическом понимании истории готовых оценок и ответов, и таких историков, для которых оно «служит поводом не изучать историю» [223].

---

[222] Порой дело доходит до комизма. Например, на одной и той же странице широко известной книги читатель узнает, что «Путешествие» Радищева было «смелым голосом революционера-демократа XVIII века в защиту угнетенного крепостного крестьянства» и что «устами просветителя и дворянского революционера Радищева подан голос в защиту крепостного крестьянства» (И. Я. Щипанов. Общественно-политические и философские воззрения А. Н. Радищева.— Сб. «Из истории русской философии», М., 1951, стр. 126 (Подчеркнуто нами.— *Авт.*).

[223] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1948, стр. 420.

И. С. КУРИЦЫН

РАБОЧАЯ СИЛА НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ КНЯЗЕЙ ГОЛИЦЫНЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Целью настоящего исследования является изучение характера эксплуатации рабочей силы на трех вотчинных заводах князей Голицыных, источников ее воспроизводства, масштабов и форм классовой борьбы крепостных рабочих.

Два завода — Нытвенский и Кусье-Александровский — принадлежали раньше А. Г. Строганову. В 1763 г. его пермские владения были разделены между наследниками; старшей дочери, вышедшей замуж за князя М. М. Голицына, достались указанные заводы, причем второй — Кусье-Александровский — в совладении с двумя другими наследниками. Третий завод — Архангело-Пашийский — был построен самим М. М. Голицыным в 80-х годах XVIII в.

Основным источником исследования является обширный фонд пермских заводов Голицыных, ныне хранящийся в Гос. Историческом музее, в Отделе письменных памятников (фонд 14). Важным дополнительным источником служит фонд Соймоновых, хранящийся там же; один из Соймоновых — Михаил Федорович — в 70-х годах был президентом Берг-коллегии, и поэтому в указанном фонде отложились ценные материалы по истории русской металлургии. Использованы также некоторые материалы из фонда Берг-коллегии, хранящегося в Центральном гос. архиве древних актов (ЦГАДА).

I

Все крепостное население обширных пермских вотчин Голицына делилось на три основные категории: 1) вотчинных крестьян, обрабатывавших господскую и свою пашню и плативших владельцу оброк; 2) внутризаводских работников, выполнявших основные работы на металлургических заводах и соляных промыслах, и 3) так называемых подзаводских работников, занятых там на вспомогательных работах. Подзаводские крестьяне обслуживали также соляные и железные караваны. Иногда для этого привлекались и вотчинные крестьяне.

Работники, непосредственно обслуживавшие домны, делились на доменных мастеров и подмастерьев, засыпщиков, углевозов и угленосов, подвозчиков руды, рудобоев и т. д. Это свидетельствует о сравнительно высокой специализации и в разделении труда. Многие работники имели определенные участки работы — «в кузнице, в слесарной, в меховой, в фурмовой, в молотниках» и пр., хотя и не являлись мастерами[1].

[1] Государственный Исторический музей (ГИМ). Отдел письменных памятников. Фонд Голицыных, св. 320, л. 129 и сл. В дальнейшем указываются лишь связки и листы.

В начале 1760 г. на Кусье-Александровском и Нытвенском заводах работные люди распределялись следующим образом:

Кусье-Александровский завод

Доменная «фабрика»	Мастеров и подмастерьев .	— 4
	Учеников	— 2
	Работников	— 2
	Засыпок	— 2
	Угленосов	— 4
	Рудобоев . . .	— 4
	Шлаковозов	— 1
Молотовая «фабрика»	Мастеров и подмастерьев . . .	— 4
	Работников	— 2
Кузница	Кузнецов, работников и пр. . .	— 4
	Итого:	—29

Всего же на заводе было занято служителей, мастеровых и работных людей 54 чел.[2]

Нытвенский завод

Медеплавильная «фабрика»	Мастеров	— 2
	Плавильщиков «молодших» .	—12
	Засыпщиков и таскальщиков	—26
	Рудобоев	— 6
	В толчее	— 4
	В обжигательной	— 2
	По очистке меди	— 8
	К приему руд, песков и угля	— 2
	Итого:	62
Молотовые «фабрики»	Мастеров	—16
	(«да запасных»)	— 3
	Подмастерьев . .	—19
	Работников	—16
	(«да в запасе»)	—10
	Плотников	— 2
	Итого:	66
Колотушечная «фабрика»	Мастеров	— 2
	Подмастерьев	— 2
	Работников	— 4
	Плотников .	— 4
	Итого:	12
Якорная «фабрика»	Мастеров	— 1
	Подмастерьев	— 2
	Работников	— 6
	(запасной) . .	— 1
	Итого:	10

[2] Св. 34, 320, 1763 г.

Кроме того, «при слесарном деле» числился один мастер и по кузнице и починке инструментов еще два человека. В итоге это дает 153 основных работника. Всего же по Нытвенскому заводу числилось служителей, мастеровых и работных людей 234 чел.[3]

В последующие годы картина оставалась в принципе неизменной[4].

С момента раздела и до 1767 г. на Кусье-Александровском заводе, как следствие совладения, существовали два самостоятельных, обособленных друг от друга производственных коллектива. В силу этого внутризаводские работники как Голицына, так и сонаследников работали на заводе не больше 150 дней в году, остальное время они «по свободности от доменного действия» были заняты на вспомогательных работах вместе с подзаводскими работниками. Это было явно невыгодно для владельцев: мастеровые и работные люди использовались на заводе лишь наполовину, в то время как положенные им денежные и хлебные выдачи производились ежемесячно в течение всего года. В связи с этим владельцы в марте 1767 г. «согласно положили» определить на будущее время работников от каждого «по препорции», с тем чтобы они уже работали беспрерывно все рабочие дни в году. Содержать их они должны были по очереди, выдавая по учрежденному заводскому штату деньги и хлеб «без малейшего удержания». Однако мастера и подмастерья у каждого совладельца по-прежнему остались свои. Освободившихся в результате слияния работников было решено каждому «по своей команде употреблять в другие работы или и вовсе с завода свесть»[5].

В 1789 г. было достигнуто некоторое «умножение», т. е. расширение, Нытвенского завода, что привело к росту численности работников. Так, в кузнице вместо трех кузнецов стали работать 12 и т. д.[6] В 1790 г. завод был перестроен и число работников стало еще больше. В 1792 г., например, «для безостановочного действия» 12 молотов заводу требовалось вместе с запасными по 60 мастеров и подмастерьев и работных людей, всего, следовательно, 180 чел. Для руководства двумя молотовыми фабриками требовалось два надзирателя, «но только при них для бужения мастеров, подмастерий и работников и для змазки шипов» администрация считала необходимым иметь шесть человек «будильников». Для «отдачи» чугуна и угля мастеровым и для приема от них готового железа требовалось четыре служителя. К каждым трем молотам для починки инструмента в каждую смену было выделено по кузнецу, работнику и плотнику.

На якорной «фабрике» «для дела» новых и починки старых молотов и «пятников», производства якорей и прочего требовалось четыре мастера с подмастерьями и 12 работников.

При слесарной работали в общей сложности 20 чел., при столярной — 22, при плющильной и разрезной «фабрике» — 15 и т. д. Кроме того, «всегда в готовности» должно было быть 30 работников для всяких заводских поделок — производства гвоздей, скоб, топоров и пр. Наконец, семь человек заняты были обработкой медных вещей. Специально выделялись также люди для возведения заводских построек и резки кирпича, к плотине, на караваны, в караулы и т. п. Всего на заводе постоянно работали 365 чел., но заводская контора считала это число

---

[3] Св. 34, 320, 1763 г.
[4] Св. 354, 1767 г.
[5] Св. 33, 233, л. 25 и сл., 1767 г.
[6] Св. 46, л. 650, 1789 г.

недостаточным. «Для безостановочного действия» она требовала 474 чел.[7]

На Архангело-Пашийском заводе, как видно из «распределений» 1790-х годов, «при действии» двух домен находился 61 работник (считая и подростков), у молотовых «фабрик» — 62 (запасных — шесть); в кузнице работали 36 чел., в слесарной — 12, в «фурмовой» — 3, в «меховой» — 10 и т. д. Всего считалось работающими 441 чел., но если вычесть больных, бежавших и пр., то в действительности работали только 394 чел.[8] Недостача восполнялась практиковавшейся переброской рабочей силы с одних участков на другие, а также особыми запасными работниками[9].

Общая же нехватка рабочей силы начиная с 1750-х годов восполнялась за счет постоянного, а иногда и временного переселения крестьян из сел[10] на заводы и рудники. Так, в 1760 г., за недостатком «учеников к произведению горных работ», было послано 10 вотчинных работников и малотягловых крестьян на яйвенские и романовские рудники. Работать они должны были под наблюдением старших горных мастеров, «дабы со временем и они такую же должность... исправить могли»[11].

В 1790 г. Нытвенская контора рапортовала о нехватке заводских работников для «полного молотового действия». Недостачу предполагалось восполнить переселением крестьян на завод из приписных сел и деревень. В следующем году стали переселять крестьян из с. Крыловского и из Юго-Камских и Лозинских деревень «к кричной работе». Часть старых работников планировалось перевести в подмастерья, а подмастерьев — в мастера[12].

Администрация при переселении требовала осуществления двух основных условий. Во-первых, чтобы переселяемые были не увечные и не престарелые, а также «и не весьма семьянистые»[13]. Во-вторых, переселять нужно было, как указывал главный управитель сельским приказчикам при подготовке переселения крестьян из ряда деревень на строившийся Архангело-Пашийский завод, только «неспособных» к хлебопашеству, имевших «от лени недоимки». Таких управитель требовал с провожатыми «выпроводить без остатку» на завод. В вотчинных деревнях оставлялись лишь «радетельные к домостроительству» крестьяне, способные бездоимочно платить оброк и подушную подать. К ним переходили пашни и покосы переселенных[14].

Вспомогательные работы — заготовка руд и угля и доставка их на заводы — требовали гораздо больше рабочих рук, чем основные. Они выполнялись так называемыми подзаводскими крестьянами, т. е. крестьянами, приписанными к металлургическим заводам.

К 1763 г. к Нытвенскому заводу были приписаны крестьяне сел Табарское, Беляевское и Нижне-Мулинское и деревень Юго-Камских и Усть-Чусовских, общим числом 1930 чел.[15] К Кусье-Александровскому заводу было приписано 759 крестьян сел Калининского и Камасинского.

[7] Св. 132, лл. 350—356, 1792 г. В период с 1762 по 1782 г. всего мужского и женского населения на Нытвенском заводе считалось 1686 чел., а на Кусье-Александровском — 189.

[8] Св. 95, л. 162, и сл., 1793 г.

[9] Св. 129, лл. 350, 359; св. 72, л. 66.

[10] Св. 41, л. 95 (об отборе крестьян в пермских вотчинах для заводской работы 14/VII 1759 г.).

[11] Св. 43; 133, л. 25.

[12] Св. 132, лл. 1, 95 и сл., 1791 г.

[13] Св. 46; 2893, л. 1.

[14] Св. 395, л. 150, 1785 г.

[15] Св. 3, лл. 1—732.

Таблица 1

Соотношение вотчинных и подзаводских крестьян в пермских владениях Голицына в 1780-х годах

Местность	По 4-й ревизии			По описаниям 1784 г. действительных работников			Расстояние (в верстах)				
	вотчинных	подзаводских	итого	вотчинных	подзаводских	итого	от Перми	от Верхне-Мулинского	от Нытвенского завода	от Пашни	от Ново-Усольских промыслов
Верхне-Мулинское с деревнями	1323	537	1860	560	194	754	9	—	47	153	230
Нижне-Мулинское »	65	1292	1357	30	509	539	21	12	35	165	242
Троицкое »	745	540	1285	267	165	432	40	49	96	120	
Сергинское »	782	363	1145	263	124	387	60	51	98	146	
Кишертское »	100	—	100	268	—	268	110	101	148	198	264
Чусовские городки	649	—	649	252	—	252	50	59	106	80	160
Калинское с деревнями	—	643	643	—	264	264	100	109	156	40	200
Камасинское	—	264	264	—	105	105	107	116	163	33	207
Крыловское	123	—	123	51	—	51	113	104	104	157	334
Беляевское с деревнями	—	1297	1297	—	502	502	79	70	70	223	300
Усть-Чусовские деревни	—	218	218	—	71	71	13	22	69	175	252
Лозинские деревни	—	345	345	—	123	123	46	37	15	190	267
Нытвенский завод	—	59	59	—	26	26	56	47	—	200	277
Юго-Камские деревни	—	260	260	—	106	106	49	40	30	193	270
Дер. Уткинская	—	21	21	—	9	9	242	281	328	165	352
Итого:	3787	5839	9626	1691	2198	3889	—	—	—	—	—

В последующие десятилетия количество подзаводских крестьян значительно возросло (табл. 1) [16].

Основной вывод, который следует из таблицы 1, состоит в том, что значительный численный перевес подзаводских крестьян над вотчинными является уже прочным фактом, определяющим хозяйственную физиономию пермских вотчин Голицына. Ни расстояния, ни заинтересованность владельца в производстве большого количества хлеба для продовольствования заводских работников, о чем будет подробнее сказано ниже, уже не могли изменить создавшееся положение. Более того, крестьяне, продолжавшие числиться вотчинными, все больше и больше использовались на подзаводских работах, особенно после сооружения Архангело-Пашийского завода.

Данные начала 90-х годов дают ту же картину. По ведомости 1792 г., подзаводских и вотчинных крестьян, обслуживавших Нытвенский, Кусье-Александровский и Архангело-Пашийский заводы, числилось 10 180 душ м. п. Из них действительных работников было 3327 чел. [17] Таким образом, основная масса крепостных голицынских вотчин к концу XVIII в. переключается на заводские и промысловые работы [18].

Главная причина, заставлявшая владельца все в большем числе и объеме привлекать своих крепостных крестьян к работам на заводах и промыслах, заключалась в нехватке рабочих рук, которая обнаруживается с 70-х годов [19].

С 1770 г. по разрешению владельца заводские конторы начинают привлекать к заводским работам крестьян, ранее их не выполнявших [20]. Так, например, нытвенские вотчинные крестьяне, не попавшие в официальные раскладки заводских работ, посылались тем не менее на сплав железных руд и песка для заводов, отвозили хлеб на заводы, доставляли дрова на промыслы и т. д. [21] В 1771 г., с наступлением зимнего времени, «дабы не последовало остановки» в работе заводов, были наряжены вотчинные крестьяне из сел Троицкого, Сергинского, Верхне-Мулинского и Чусовских городков в помощь подзаводским работникам. В 1785 г. управитель Кокшаров предлагал новому приказчику строящегося Архангело-Пашийского завода «исправить все работы... одними подзаводскими крестьянами..., нимало не заимствуя вотчинных», большая часть которых уже была направлена на постройку Пашийского завода [22]. Однако, несмотря на это требование, завод был построен исключительно руками вотчинных крестьян, собранных из разных сел.

Подобное противоречие было постоянным. Категорические предписания выполнять все заводские работы только подзаводскими крестьянами тут же опрокидывались столь же определенными требованиями об использовании на заводах труда вотчинных крестьян. Более того, если упомянутые только что села раньше были вотчинными, то позднее они стали считаться подзаводскими. В конце концов управитель вынужден был признать, что вотчинные крестьяне не уступают подзаводским в объеме выполняемых работ для заводов.

Как вотчинные, так и подзаводские крестьяне одинаково жаловались на перегрузку их заводскими работами. «Не успеваем окончить рудную добычу,— писали вотчинные крестьяне Верхне-Мулинского и других сел

[16] Св. 3, лл. 1—752.
[17] Св. 195, 1797 г.; св. 84, л. 65.
[18] По ведомостям промыслового правления Голицына, на его соляных промыслах в 1762 г. числилось всего 1355 душ м. п. (св. 305).
[19] Св. 17 (Переписка владельца с управителем), 1771 г.
[20] Св. 65, л. 5 и сл.
[21] Св. 527, 1779 г.
[22] Св. 65, л. 5.

в челобитной Голицыну в 1787 г.,— а гонят уже и к возке оной, требуют между тем оброк, подушные и прочие подати; не успеваем вывозить руды — горновой камень, не успеваем поставить на завод хлеб и прочие припасы,— то гонят к рубке куренных дров, а между тем — на повозки для сплава руды и на соляные караваны, на заводы в посоху. По таковым разнообразностям, не знаем как себя считать: вотчинными или подзаводскими»[23].

Но даже при таких порядках работников не хватало и ряд подзаводских работ оставался невыполненным. В 1790 г. Нытвенская контора рапортом извещала правление, что при куренях недовыжжен 81 кученок[24] угля, несмотря на применяемые «строжайшие» принуждения. Приказчик с. Нижне-Мулинского Андронов был сам «сыскан» к работе. В свое оправдание он объяснил, что требуемые с него 10 кученков угля он не может обеспечить из-за нехватки работников. Из 458 чел., которые находятся в его распоряжении, стариков насчитывается 189, причем многие выполняют службы при ямской гоньбе и постройке домов, часть еще не возвратилась с железных и соляных караванов и т. д. Поэтому «в статке» оказалось у него только 12 чел., которых он и направил для замены особенно непригодных к углежжению стариков и подростков. Но этих последних он уже не мог использовать по своему усмотрению, так как они «уже приступили к другим задолжениям»[25].

«Распределения» работ на 1792 г. по Архангело-Пашийскому заводу касались 2 тыс. действительных работников. Но из них администрации пришлось исключить до 300 чел. по разным причинам: больных, бежавших, рекрутов, подрядчиков и др. В помощь оставшимся было добавлено более 1000 стариков и подростков, «могущих помогать». Им полагалось вырубить по 8,5 саж. дров, тогда как для полноценного действительного работника норма равнялась 18 саж. Часть из них была направлена для добычи руды, перевозок и т. п.

В результате подобного «распределения» работники для домашних работ полностью отсутствовали[26].

На Кусье-Александровском заводе в 1793 г. дело обстояло следующим образом. В Кишертском селе из 700 ревизских душ действительных работников имелось 204 чел.[27] За вычетом находившихся в мирских службах, у ямской гоньбы, в подрядах и т. д. оставался 171 работник; вместе со стариками и подростками их было 299 чел. Из этого числа на весенне-летние работы по доставке чугуна на Нытву направлялись работники, предварительно еще использовавшиеся для рубки дров с нормой по 8 саж. на каждого действительного работника и по 6 саж. на стариков. Не выполнившие этих норм обязаны были выполнить их по окончании перевозки чугуна. К заготовке куренных дров было направлено 42 «настоящих дроворуба» с нормой до 15 саж. на каждого и т. д. Нераспределенным не остался ни один действительный работник. При выполнении же осенних работ на селе вообще не было оставлено ни одного трудоспособного. Каждый работник обязан был добыть 950 пудов руды или выжечь кученок угля, а зимой перевезти полагающееся количество заготовленных материалов.

Анализ данных о ежегодных распределениях на заводские работы показывает, что основная масса трудоспособных работников направлялась именно на заводы.

---

[23] Св. 84, л. 6, 1787 г.
[24] 12,5 куб. саж.
[25] Св. 210, л. 396.
[26] Св. 195, 1792 г.
[27] Св. 223, лл. 69—354.

При домашних работах оставалось лишь незначительное число стариков и подростков, а также престарелые и увечные, хотя были случаи, что и их посылали на подзаводские работы. Так, в 1766 г. приказчик Кусье-Александровского завода сообщал, что из 11 чел., присланных на рудники, годных к работе оказалось только двое. Сообщая в 1788 г. о присылке из сел к рубке куренных дров детей и «самых престарелых и дряхлых стариков», приказчик указывал, что те и другие сказывались «бессильны» и к работе «весьма безнадежны». Поэтому он перевел их на считавшиеся более легкими работы — на заготовку извести и песка [28]. Посылка на рудники «сущих малолетков» отмечалась и в последующие годы [29].

Так называемые «могущие» старики использовались очень широко [30]. В некоторых случаях, как, например, при заготовке «пожженного» леса, доставке съестных припасов на заводы, они составляли основную рабочую силу. Главное вотчинное правление разрешало заводским конторам использовать также на ряде вспомогательных работ работников, которые уже выполнили свои «оклады». Так, управитель в начале 90-х годов предписал Кусье-Александровской заводской конторе, что она, прежде чем отпустить камасинских крестьян, выполнивших свои уроки, должна «осмотреться... и покуда приспеет настоящая спешка (с полевыми работами.— *И. К.*) приказал дров порубить» [31]. Постоянно практиковалась задержка на заводах так называемых «двойников» и «тройников» (т. е. второго и третьего трудоспособного члена семьи) без отпуска на полевые работы [32].

«Раскладка» подзаводских работ как между селами и деревнями, так и внутри них между крестьянами формально базировалась на принципе равенства «по самой сущей справедливости». В действительности же богатые и зажиточные крестьяне находились в несравненно лучшем положении. Широко прибегая к подкупу заводской и вотчинной администрации и используя подрядную систему, они главную тяжесть работ сваливали на бедных и неимущих крестьян. Так, в инструкции 1776 г. Голицын указывал, что «летучие и пожиточные» крестьяне всеми способами облегчают себе тяжесть господских работ и оброков за счет бедных и слабых. «Льготя себя, раскладывают на маломочных и на детей и на каждую душу, а не по состоянию каждого, а маломочные употребляются на всякие господские зделья все поголовно» [33]. Из «распределений» работ за все годы можно видеть, что число крестьян, освобождавшихся от выполнения окладных работ в натуре при помощи всевозможных подрядов, было весьма значительным. Получение подрядов было связано с самим широким взяточничеством со стороны голицынских приказчиков [34].

Бывший главный управитель И. Варокин, произведя в 1793 г. по указанию владельца специальную ревизию, указывал, что «работы отправляются с худым мастерством потому, что как земские, так и заводские начальники сами не наблюдают оного равенства и конечно из подлого мздоимства лутчих крестьян в раскладках облегчают..., а через такое вымышленное их коварство и достается ближний уголь возить лутчим крестьянам». Об этом он сообщал и раньше, в бытность свою управи-

[28] Св. 66, л. 31, 1788 г.; св. 102, лл. 135, 138.
[29] Св. 200, л. 520.
[30] Св. 6, лл. 8, 56; св. 66, л. 74; св. 293, л. 241; св. 68 и т. д. (рапорты за разные годы).
[31] Св. 68, л. 288 и сл.
[32] Там же; св. 221, л. 34 и сл.
[33] Св. 1—5; 61.
[34] Св. 223, 1794 г. («Дело о худых поступках приказчика Митянина» и др.).

телем. В 1771 г. он писал Голицыну: «В рудах недостаток последовал от несмотрения приказщичья за штейгерами и крестьянами, ибо первые, как будучи сродни по взяткам, то хотя малое от крестьянина увидят почтение, то уже не токмо не стараются за ними смотреть, но и... к работе не принуждают, а иногда и, не приняв ни одного пуда, с билетом домой отпускают, так, напротив того, последние (крестьяне. — *И. К.*), пользуясь слабостью штейгеров, и при самом приходе на рудник заботятся более о том, как бы им скорее и легче от работы освободитца», в чем «чрез помянутые происки и домогаюца того с невероятной хитростью»[35]. Но «бедные крестьяне, не имея, чем купить выгодного рудника, всегда работают на таком, кой твердого положения»[36].

О том же сообщали заводские жители в своих жалобах на приказчиков Мельникова, Митянина, Наумова и др., систематически бравших взятки со всех желавших попасть на хороший или ближний рудник, лесосеку и т. д. Мельников, например, как видно из этих жалоб, создал специальную таксу взиманий, снискав своим лихоимством глубокую ненависть крестьян и мастеровых[37]. Крестьяне жаловались на то, что при распределении работ приказчики бо́льшую часть работы взваливают «на бессильных и неимущих против зажиточных. Например, кто имеет двух или трех лошадей, то на одного полагается препорция, какую принужден [нести] и неимущий». Прочие работы производились также «не с лутчим рассмотрением»[38].

Распределение работ «без всякого рассмотрения и уравнения по лошадям» признавали и заводские конторы.

Подобная практика была, конечно, невыгодна владельцу. Но все попытки ликвидировать ее или хотя бы свести до минимума были безрезультатны.

Посмотрим теперь, как производилась организация работ по «раскладкам», имевшая целью обеспечить выполнение «окладов», и каковы были эти последние.

Наиболее часто повторяющимся сезонным заданием была заготовка дров. В 80-х годах каждому действительному работнику полагалось вырубить 12 куб. саж. В 90-х годах норма, хотя и с колебаниями, доводится до 15 саж.; для стариков она увеличивается с 6 до 9 саж.[39] Норма же выжига угля, по-видимому, остается без изменения в продолжение всего рассматриваемого периода, составляя по 1 кученку на углежога[40]. Норма добычи руд была определена в размере от 350[41] до 900 и 1000 пудов[42], а на некоторых рудниках она возрастает до 1300 пудов на каждого действительного работника[43].

Крестьяне пермских вотчин Голицына жаловались в 1793 г. владельцу на то, что рубка дров продолжается всю весну, а иногда и бо́льшую часть лета. Затем, «не докончив рубки дров совершенно, понуждаемся мы в завод или в Пермь или же в село Верхне-Мулинское к заготовлению лесных и прочих припасов и к кладке, осыпке и жжению угольных куч и добыче руд и песков, а также к перевозкам пожженного лесу». На

---

[35] Св. 17, л. 22, 1771 г.
[36] Св. 223, л. 2.
[37] Св. 8, л. 28, 1792 г. (Показания старосты Лозинских деревень Ощепкова).
[38] Св. 207, л. 673, 1783 г. (Рапорты приказчика Кусье-Александровского завода Мельникова).
[39] Св. 221, л. 35 и сл.
[40] Св. 272, л. 216, 1795 г.
[41] Св. 84, л. 79 и сл.
[42] Св. 209, л. 302, 1793 г.
[43] Св. 373, л. 461.

каждого работника возлагалось «по общему распределению, кученков по одному 12½ саженному на работника, да на стариков и малолетков на двоих один такой же. Прочие работники добывают руду, количеством каждый работник близь тысячи пудов, затем старик и малолетки занимаются перевозкой пожженного лесу»[44].

В общей сложности вотчинные крестьяне на указанных работах были заняты 5½, «а дома для уборки 6½ месяцев»[45]. Для подзаводских же крестьян этот срок был значительно выше; судя по крестьянским челобитным, он равнялся времени работы на караванах, что составляло около восьми месяцев в году[46]. Приведенные данные говорят о том, что голицынские крестьяне выполняли заводские и промысловые работы за счет собственного хозяйства.

Организация и время работ целиком исходили из интересов владельца. «Весьма усердствую тому,— рапортовал И. Варокин в 1785 г.,— чтобы их не вдруг, но со временем приучить знать свою работу и время, когда оную исправлять надобно, без отлагательства и без всякой на других надежды»[47].

Предварительно сельские приказчики и мирские старосты получали указания быть готовыми к высылке людей на завод. За неявившихся они, а также писчики и сотники штрафовались[48].

Получив из вотчинного правления распоряжение об очередной посылке людей на подзаводские, промысловые и караванные работы, мирские власти начинали «протолковывать» присланную инструкцию. Затем следовала «белая раскладка», которая прочитывалаеь окладчиками и подписывалась «всеми вообще..., зря на образ божий, яко под присягой справедливости...»[49].

Для подобных инструкций характерно требование, чтобы в обсуждении раскладок участвовали люди от всех состояний[50]. Распределение работников по мирскому общему согласию[51] имело место во всех голицынских селениях. Круговая порука была в полной силе. В случае бегства, болезни работников и т. д. мир был обязан выделить замену[52]. При невыполнении оклада все работники соответствующего села получали дополнительные оклады на каждого[53].

Из работников (с 1788 г.) выбирались десятские, отвечавшие за своих людей. Все было направлено к тому, чтобы как указывал один из ордеров начала 90-х годов, «не давать даром людям проживаться, и по утрам на раскомандировки по работам и по вечерам по перекличкам как можно бдительней наблюдение иметь, дабы всякая работа шла с желаемым успехом, как и в дровосеках жестокое побуждение должно быть, чтобы в невырубке дров ничего не осталось». Это наставление предписывалось «растолковать» работникам «по балаганам», осведомив их одновременно о том, «что и сколько при каких работах задолжается»[54].

Наряду с этим практиковались объединения работников в группы при выполнении целого ряда работ. Так, например, при заготовке угля

---

[44] ГИМ, Собр. Щукина, 537/157.
[45] Св. 84, л. 79.
[46] Там же, л. 29.
[47] Св. 3, л. 375, 1785 г.
[48] Св. 223, лл. 26, 36, 1793 г.
[49] Там же, л. 26.
[50] Там же.
[51] Св. 223, 109, 1793 г.
[52] Св. 72, л. 146.
[53] Св. 68, л. 31.
[54] Св. 132, л. 159, 1792 г

все стадии работ последовательно выполнялись одними и теми же группами, ответственными за каждого своего работника. Этот артельный способ диктовался производственной целесообразностью.

Как у крестьян, так и на заводах рабочего скота было мало. Поэтому владельческая администрация, исходя из того, что большинство крестьян «имеет только одну лошадь и ту безнадежную», пыталась соединять «бесконных» работников с лошадными, определяя одного «бесконного к двум конным или как удобнее признаватца будет». Для этой же цели требовали лошадей с тех даже крестьян, у которых оставалось «хотя по одной лошади, не взирая на то, хотя бы у таковых одна лошадь в кучной работе находилась»[55].

Крестьяне в своих челобитных писали, что «работы на чужих лошадях» приводят к тому, что «через то все доходят до последнего и бедного состояния, потому что чужую лошадь работник не так бережет, как свою, и оттого в домы лошади приходят совсем измученные и впредь к работам негодные, отчего и доброконные становятся бесконными»[56].

К таким же плачевным результатам приводил крестьянское хозяйство долгий отрыв крестьян от полевых работ. В 1797 г. крестьянин села Нижне-Мулинского Росомагин жаловался Архангело-Пашийской конторе, что его долговременные отлучки из дому, связанные с заготовкой дров для завода, привели к тому, что вся его пахотная земля осталась незасеянной и он и его семья остались без средств к жизни[57]. Таких жалоб было много, и они были типичны. Правда, здесь возможны преувеличения, так как цель этих жалоб — добиться освобождения от подзаводских работ. Но сама вотчинная администрация признавала, что земли ряда «действительных работников лежат впусте». Видимо, поэтому пашни и покосы у некоторых крестьян, работавших на Кусье-Александровском заводе, были отобраны в господскую «сумму»[58].

Для Голицына, как и для других владельцев вотчинных заводов Урала, характерны многочисленные указания приказчикам о том, чтобы крестьянам была предоставлена возможность посеять и убрать урожай[59]. Иногда дело доходило до разрешения отсрочек явки крестьян на подзаводские работы в связи с затянувшимися по условиям погоды полевыми работами.

«Прошу вас усердно,— инструктировал управитель сельских приказчиков,—чтобы все генерально приписные крестьяне успевали непременно отсеяться вешней пахотой до 16-го сего месяца (мая. — *И. К.*) и спашкою паров отнюдь бы не упустили время»[60]. Заводским конторам предписывалось, чтобы крестьян, работавших на заготовках дров и других работах, отпускать «неудержно» для весенней пахоты, сева, чтобы давать им возможность убрать урожай и т. д.[61] Старосты и приказчики должны были строго наблюдать за тем, чтобы отпущенные крестьяне «не находились праздными», а исполняли необходимые полевые работы. Контора предписывала отпущенным производить «неумедлительную с поль» уборку хлеба, регламентировала до мелочей организацию работ. «Строго подтверждено крестьянам...,— докладывала, например, Кусье-Александровская контора,— класть во стоги, а не в гуменники»[62].

---

[55] Св. 84, л. 103, 1787 г.

[56] Там же, л. 21. Село Верхне-Мулинское (аналогичные указания имеются в челобитных от крестьян других сел).

[57] Св. 51; 230, 1797 г.

[58] Св. 3, л. 544, 1785 г.

[59] Св. 220, лл. 4, 384 и сл.; св. 202, л. 682 и сл.

[60] Св. 202, л. 682.

[61] Св. 66, л. 84; св. 220, л. 4; св 202, л. 682; св. 129, л. 106 и др.

[62] Св. 66, л. 84, 1798 г.

Однако все эти предписания и указания, будучи жалкими паллиативами, не могли достигнуть поставленной владельцами цели: уберечь хозяйство крестьян, занятых на подзаводских работах, от окончательного разорения. Нехватка рабочих рук на заводах все более и более заставляла основную массу крестьян переключать из вотчин на заводские и промысловые работы.

В связи с этим Голицын пытался ослабить до некоторой степени основные противоречия в развитии своего вотчинного хозяйства за счет частичного использования на заводах и промыслах труда вольнонаемных работников.

Документы показывают, что в некоторых случаях это было для него выгоднее, чем использование труда своих крепостных крестьян.

Администрация стремилась прибегать к труду вольнонаемных главным образом на работах, удаленных от вотчинных предприятий на большие расстояния, а также находившихся за пределами вотчины. К таким работам относились заготовки руд на дальних рудниках и обслуживание железных и соляных караванов.

В 1792 г. главный управитель Усть-Камской конторы указывал, что если бы приказчики были «порасторопнее, то лучше было бы дороже заплатить вольным, нежели своих крестьян принудить в другой раз иттить по Волге по одному месту»[63]. Инструкция 1773 г. предписывала вотчинной администрации перевозку руд с общих рудников обеспечивать наемными работниками и лишь в случае их недостатка наряжать работников из вотчинных крестьян[64].

Через четыре года Голицын со своими совладельцами медных рудников разрешил своим подрядчикам беспрепятственно нанимать работников для добычи руд, имея в резерве крепостную рабочую силу на случай, если не удастся завербовать нужное число вольнонаемных[65]. Из описания этих медных рудников видно, что на одном из них — Дьяковском — почти треть всех работ выполнялась наемными работниками[66].

В 1775—1776 гг. Голицын заключил аналогичное соглашение с совладельцами отдаленных яйвенских рудников, согласно которому на них стали использовать преимущественно наемную рабочую силу, «наблюдая умеренность» в оплате работ[67].

Следует специально подчеркнуть, что понятие свободного найма здесь применяется весьма условно. Подрядчики вербовали в качестве наемной рабочей силы тех же крепостных вотчинных крестьян либо из других вотчин, либо из вотчин самого Голицына! При этом характерно, что голицынские крестьяне предпочитали наниматься к чужим владельцам-вотчинникам, считая более выгодным платить из заработанных на стороне денег оброк Голицыну, чем отрабатывать этот оброк в натуре на его заводах и промыслах.

Из рапортов администрации общих рудников следовало, что они и впредь намеревались разрабатывать их преимущественно подрядным способом. В 1776 г. подрядчики Суворов, Ротов и Пастухов, как и раньше, выговаривали себе право, если обнаружится недостаток рабочей силы, разрешить им «невозбранно наймовать к той добыче вотчинных крестьян всех частей за повольную плату»[68]. Это требование было

[63] Св. 202, л. 436.
[64] Св. 6, § 3, «Инструкция приказчикам».
[65] Св. 5, лл. 27—91; св. 33, ли 68.
[66] Там же.
[67] Там же.
[68] Св. 5, л. 21, 1776 г.

удовлетворено, но с оговоркой, что господских крестьян можно нанимать лишь «за приказчиков и старост»[69], в случае же убытков владельцу, выразившихся в невыполнении нанятыми крестьянами господских работ, относить их за счет подрядчиков. Эти ограничения были вызваны интенсивным развитием найма на рудниках рудопромышленников.

Нанять достаточное количество работников было делом трудным. В 1787 г. Голицын намеревался организовать наем работников из собственных крестьян для некоторых вспомогательных заводских и промысловых работ и на караванах. Эта попытка потерпела неудачу[70]. Основная причина неудачи состояла в том, что крепостной крестьянин не хотел наниматься к своему помещику, так как этот наем не освобождал его от обязательных окладных работ. Не всегда возможным оказывался и наем посторонних работников. В 1788 г., например, из 960 работников, требовавшихся для соляного каравана, голицынская администрация только треть наняла на стороне, из числа вятских, яйвенских и других крестьян. Остальные две трети приказчики «выполнили» за счет вотчинных крестьян[71]. Но это привело к большому напряжению с рабочей силой на других участках хозяйства вотчинника.

В 1799 г. администрация Нытвенского завода предполагала восполнить недостаток наемных работников для караванов за счет 250 «отложенных» для перестройки завода людей. В ответ заводские приказчики заявляли, что без них завод окажется недостроенным[72]. Поэтому управитель подчеркивал безусловную желательность найма работников на ряд вспомогательных работ.

Относительная дороговизна наемного труда, особенно в начале 1790-х годов, когда цены на рабочую силу, по мнению вотчинной администрации, «превосходили всякую умеренность», заставляла сокращать запланированные наметки по найму, но без него уже нормальная работа заводов не могла быть обеспечена[73]. Нередко также производился наем за счет своих крестьян. Оброк, отработанный в натуре, соединялся в этих случаях с дополнительными денежными сборами. Так, из одного донесения владельцу в 1792 г. узнаем, что ввиду невозможности удерживать дальше крестьян на сплаве из-за наступающих весенних полевых работ с них было предписано, на основании прежних повелений владельца, удержать на наем посторонних работников по 50 коп. с каждого[74].

В 1784 г. вотчинная администрация указывала владельцу, что будет выгоднее вместо своих крестьян в больших размерах «наймовать в Вятском уезде» вольнонаемных, «неминуемую» же значительную прибавку надо будет покрыть за счет своих крестьян. По мнению приказчиков, крестьяне в связи с этим, «будучи всегда неотлучными; при хлебопашестве, смогут, ликвидировав свое разорение, тем самым «быть прочными» и в господских работах. Одновременно они смогут своими силами построить завод, предоставив владельцу в мае-июне до 31 500 поденщин, что сэкономит, считая за каждую поденщину по 10 коп., «против вольных» капитала на 6300 руб.[75]

Свободный наем нередко затруднялся из-за недостатка наличных сумм, обусловленного медленным оборотом капитала. Как правило,

[69] Св. 5, л. 21, 1776 г.
[70] Св. 2, л. 384; св. 366, л. 52.
[71] Св. 23, л. 16 и сл.
[72] Св. 129, лл. 501, 625.
[73] Св. 53; 186, л. 67.
[74] Св. 132, 1792 г.
[75] Св. 1: 66, 1784 г.

администрация пыталась выходить из этого затруднения путем краткосрочных займов [76].

В 1791 г. Кокшаров просил владельца разрешить ему занять 15 тыс. руб., «да сверх того на найм работников на первый случай потребно занять до 1200 рублей, дабы всех трудностей избегнуть» и предотвратить угрозу убытков «горше прошлогодних» [77]. Наем рабочей силы управитель предлагал произвести за счет дополнительных денежных сборов с крестьян [78].

Одно из больших неудобств для владельца при найме посторонней рабочей силы состояло в ненадежности нанимаемых работников.

В 1787 г. Голицын отмечал, что «из нижегородского найму работные люди по отпуске с завознями на устье Камское многие с дороги уходят и данные им задаточные деньги уносят, а вместо тех и больных принуждены наймовать в Казанском и других уездах вторично, из чего убыток происходит» [79]. Чтобы избежать этого, наемных работников стремились перемешивать со своими крепостными, как это было, например, на яйвенских общих рудниках [80]. При отправлении караванов с железом и солью также предписывалось наемных работников распределять на каждое судно «вообще с нашими крестьянами, дабы их была половина, да наших другая, непременно» [81].

Второе неудобство заключалось в относительной дороговизне наемной рабочей силы, в частых переплатах по дополнительному найму, вызванному самовольным уходом прежде нанятых работников.

Рядом с господским наймом рабочей силы существовал наем крестьянский. Крестьяне нанимали работников, которые взамен их должны были отрабатывать заводские повинности.

Господский наем, как уже было сказано, практиковался главным образом для работ за пределами вотчины. Крестьянский наем, наоборот, предусматривал работу внутри вотчинного хозяйства. В промышленных вотчинах основным видом крестьянского найма был наем работника для выполнения обязательных окладных работ по выжиганию угля, поставкам дров и руды и т. п. Сами же крестьяне-наниматели полученное таким образом свободное время стремились использовать для того, чтобы самим наняться на стороне для дополнительных заработков у чужого владельца.

Многочисленные копии с зарегистрированных в пермском уездном казначействе отпускных билетов, хранившиеся в вотчинных конторах, указывают на распространенность подобного найма крестьян [82]. Владельцу сообщали, что его крепостные, вместо отбывания повинностей в натуре, предпочитают платить деньги, полученные ими за разные работы на стороне, в частности за работу на казенных медных рудниках, «от найма под извозы» и пр. [83]

Нанимаемые крестьянами работники иногда использовались и на заводских работах. «В рассуждениях вешнего посеву, — указывали крестьяне Голицына в 1786 г., — наймовали они для погрузки с Кусье-Александровского завода железа или руды, леса и чугуна» [84].

---

[76] Св. 29; 438; св. 209, л. 350.
[77] Св. 220, л. 82.
[78] Там же.
[79] Св. 82; 468.
[80] Св. 56, л. 17 и сл.
[81] Св. 53; 186.
[82] Св. 210, 1787 г.
[83] Св. 46.
[84] Св. 84, л. 6.

Наем практиковался, хотя значительно реже, и для добычи руды. Нанимателями здесь выступали чаще всего заводские служители, например, штейгеры, бравшие на себя выполнение работ путем подряда. Допускались так называемые «съемные паи», выполнявшиеся в порядке найма работниками, отработавшими свои оклады [85]. При этом наем осуществлялся как непосредственно самими обязанными крестьянами, так и через заводскую администрацию. В связи с злоупотреблениями, отмеченными выше, нередко на этой почве возникали недоразумения и конфликты между крестьянами и заводскими приказчиками, особенно в случаях назначения дополнительных окладов, которые нанятые работники не считали для себя обязательными.

В силу этого заводская администрация зачастую ограничивала крестьянский наем, заставляя их самих выполнять свои оклады. С 90-х годов случаи крестьянского найма для работ непосредственно на заводах становятся все более редкими [86].

Наем стоил крестьянам весьма дорого. Так, в 1785 г. за добываемую по вольному найму руду крестьяне выплачивали по 12 руб. за 1000 пудов при зачете им штатной платы в 4 рубля; за рубку и укладку дров они платили 1 рубль за сажень при штатной плате в 25 коп.; жжение и разломка 12,5-саженной угольной кучи стоила им 3 рубля, а по штатным ценам оценивалась в 2 рубля и т. д. [87] Это было типично для многих других частновладельческих и казенных заводов.

Выше говорилось о неудобствах, причинявшихся владельцу наемными работниками. К этому надо добавить обратный факт, заключавшийся в стремлении владельца обмануть нанятого работника, снизить ему условленную плату.

Неплохой иллюстрацией этого служит организация найма работников для обслуживания караванов. Общее число нанимаемых на судно бурлаков, а следовательно, и размеры оплаты их труда зависели от ряда причин и показателей (ходкость судна, его нагруженность, время года, состояние пути, самого судна, срок доставки и пр.). Приказчики извращали эти данные в пользу владельца и свою.

Так, например, в 1796 г. Нижегородская контора Голицына заключила контракт со 145 вятскими работниками «разных округов» на доставку ими груза от Макарья до Рыбинска, считая на каждую тысячу пудов по три человека. Нанимавшиеся обязывались в пути больше этого количества работников не требовать, используя все способы передвижения: бечевой, завознями, на шестах «или где как возможность допустит, с крайней поспешностью...». Они также должны были «кражи железа не чинить», в карты и другие игры не играть и пребывать в полном послушании у караванного приказчика. Договор дополнительно предусматривал ответственность работников «скопом» за ущерб, причиненный грузу разбойниками, вынужденными остановками в пути и пр. В случае, если коломенка потонет, работники должны вытащить потонувшее железо на берег. За починку судов, за выгрузку и перегрузку железа прибавка к плате требоваться не должна. Наконец, нанятые работники вместо выбывших больных, умерших и бежавших были обязаны нанять недостающее по договору число работников на собственный, «а не на хозяйский кошт», достигнув места назначения, убрать и сдать снасть и произвести другие работы по указанию.

В случае упрямства нанятых работников «или паче чаяния какого еще нарушения в работе» приказчики обращались к содействию властей

[85] Св. 88, л. 196, 1788 г.
[86] Св. 9, л. 293 и сл.; св. 223, лл. 14, 24, 1793 г.
[87] Св. 84, л. 8 и сл.

для усмирения строптивых, как это было, например, в 1791 г. «Чтобы работники не настаивали в упорстве по силе контракта о числе работников (по контракту их должно было быть 26, а в действительности было 16. — *И. К.*), чем их, уговоря порядочно, и не пожалеть сделать удовольствие за соглашение... а в случае вящего упрямства или, паче чаяния, какового либо еще нарушения в работе отбывательством, приказывается конторе попросить к усмирению их из Нижнего земского суда члена».

Обычно взятка, данная соответствующим правительственным чиновником, окончательно решала вопрос в пользу владельца, и караван уже шел без остановки до места назначения.

В книгах голицынского железного каравана за 1797 г. в числе расходов записаны также следующие: «при склонении» 95 работников первой артели каравана «к сходной ряде» было выдано «на могарыч» 3 рубля, затем на вино еще 4 рубля; в нижегородском магистрате для записывания в маклерскую книгу двух договоров с работниками выдано было 3 рубля; записаны также расходы «на почтение» магистратских и судебных чиновников[88]. Эти расходы были обычны и при снаряжении других караванов.

Нанимая работников, голицынская администрация предпочитала иметь дело с государственными крестьянами, а не с помещичьими крепостными. Это объяснялось тем, что в случае конфликта последние прибегали к заступничеству своего владельца, часто весьма энергичному. Государственные крестьяне такой поддержки не имели. Вот почему в 1790 г. приказчик Архангело-Пашийского завода подчеркивал в своем рапорте, что «вотчинных крестьян других господ ни под каким видом не нанимать, ибо оные во время работ весьма бывают упорны, особливо в сдельных работах, а приказать собственных... крестьян отыскивать и наймовать... и когда уже таковых не окажется, то в рассуждениях необходимости велеть нанимать и посторонних крестьян». Подобные заявления голицынские служители делали и раньше[89].

В общей же сложности удельный вес наемной рабочей силы, как господского, так и крестьянского найма на металлургических предприятиях Голицыных был невелик.

При господстве крепостнических порядков, обеспечивавших дешевый труд крепостных крестьян и их полную зависимость от вотчинника, иначе и не могло быть.

II

В начале 1820 г. адмирал Н. С. Мордвинов в одной из своих «записок» утверждал, что в России владельцы заводов «не только должны платить за работу истинным работникам, но и содержать семейство их; должны кормить и снабдевать малого и старого, увечного и больного и всех женских пол. Таким образом, сколько бы плата действительному работнику ни была мала, но оная, умногокрачивалась от содержания семейства его, выходит всегда дороже той платы, которая производится работникам в других землях»[90]. Посмотрим, как обстояло дело с оплатой труда на металлургических заводах Голицына в рассматриваемый период.

Материал показывает, что внутризаводские работники получали заработную плату как в денежной, так и особенно в натуральной форме, а также в виде повременной и сдельной оплаты.

---

[88] Св. 53, 186, л. 67 и сл.; св. 40, лл. 3—6, 1797 г.

[89] Св. 6, л. 26.

[90] ГИМ. Отдел письменных памятников. Фонд Соймоновых, св. 35, д. 8, 1823 г.

Сдельная оплата практиковалась в продолжение всей второй половины XVIII в. Показательно, что определение Берг-коллегии от 16 мая 1801 г. повторяло старое разрешение использовать заводосодержателям мастеровых при остановках производства на дополнительных работах. Одновременно Берг-коллегия предписывала, в случае посылки мастеров на другие заводы, платить им в день по 10 коп. с прибавкой 3 коп. кормовых, «без всякого различия одних от других», или оплачивать их по общему положению. Вместе с тем Коллегия требовала, чтобы мастеровые, обычно получавшие сдельную заработную плату (например, кричные мастера), подмастерья и другие имели прежний заработок. Последний же определялся так: мастер, подмастерье и работник вместе должны были выковать в шесть рабочих дней 60 пудов железа; за это мастер получал по 3 коп. с пуда (всего, следовательно, 1 р. 80 к., или в среднем 30 коп. в день), подмастерье — по $1^1/_2$ и работник — по 1 коп. с пуда, т. е. соответственно по 15 и 10 коп. в день [91].

Эта оплата совпадала с оплатой на голицынских заводах. Здесь за выковку полосового железа из 10-пудовой крицы молотовые мастера получали по 3 коп. за пуд, подмастерья — по 3 деньги ($1^1/_2$ коп.), работники — по 1 коп. За приковку полагалась прибавка по $^1/_4$ коп. с пуда. За выработку сортов, требовавших меньше работы, оплата была меньшей: мастерам платили $2^1/_2$ коп. с пуда, подмастерьям — $1^1/_2$ коп. и работникам — $^3/_4$ коп. На колотушечной фабрике за ковку железа из лома мастеру полагалось по 6 коп. за пуд. Куренным мастерам за выжиг угля «против оклада», т. е. за выжиг угля из 20 саж. сосновых дров, причиталось 60 коп., из ельника — 50 коп., из «смятнику», т. е. из смешанных дров, — 40 коп. В среднем за каждый выжженный короб платилась 1 коп. [92]

За нерадивость, помимо наказания батогами, производился вычет по 1 коп. с каждого недовыкованного пуда железа и по 3 коп.— за каждый перерасходованный короб угля. Приказчики, не исполнявшие этого предписания, должны были уплачивать штраф сами.

В начале 1790-х годов владелец, стремясь увеличить выпуск железа, разрешал за «приковку» железа платить мастеровым по $8^1/_4$ коп., подмастерьям — по 5 коп., работникам — по $3^1/_4$ коп. с пуда [93]. Вместе это составляло $16^1/_2$ коп. с пуда.

В целом заработная плата внутризаводских работников (денежная и продовольственная) показана в таблице 2 [94].

Из таблицы 2 видно, что размер окладного жалованья и продовольственных выдач был значительно дифференцирован, определяясь специальностью. Имел значение также и возраст работника. По голицынскому штату 1764 г. «недоросли» мужского и женского пола от 7 до 10 лет получали в год хлебного оклада 6 четвериков ржи; от 10 до 15 лет — 1 четверть 4 четверика; от 15 до 20 лет — 2 четверти 2 четверика. Предписывалось также «женящимся на свадьбы» выдавать денег по 60 коп., ржи на солод — по 4 четверика и «мясосвиных» — 10 фунтов, масла коровьего — 3 фунта. «Первобрачным на войлок шерсти» выдавалось 20 ф., «на одеяло овчин» — 8 штук и т. д. [95] В целом оплата работников, особенно более квалифицированных, была ближе к казенному штату 1724 г., чем к более поздним казенным нормам

---

[91] ГИМ, ф. Соймоновых, св. 4, 1801 г.
[92] Фонд Голицыных, св. 126, л. 369; св. 44, 1767 г.; св. 42.
[93] Св. 132, л. 87, 1792 г.
[94] Св. 44, 1767 г.; св. 34, 1764 г.; св. 42, 434, 1789 г.; св. 18, 1775 г.
[95] Св. 34, 1764 г.; св. 44, 1767 г.; св. 72, 434; св. 46, л. 25; св. 650, 1784 г.; св. 65.

Таблица 223

Повременная заработная плата внутризаводских работников на заводах Голицыных

Должность	Оплата за день, коп.	за неделю, коп.	годовой оклад	в том числе денежное жалованье (в год)	продовольственные выдачи (в год)
Приказчики	—	—	От 41 рубля	—	Ржи 10 четвертей и прочего на 34 руб.
Доменные работники:					
а) Мастер	—	50	25 р. 56 к.	15 руб.	Ржи и прочего 11 четвертей
б) Подмастерье	—	50	23 р. 25 к.	—	То же
в) Ученики	—	45	13 р. 46 к.—20 $^1/_2$ руб.	6 руб.	Ржи 6 четвертей
Мастер формового литья	10	—	—	—	—
Засыпщики	—	40	—	—	—
Рудобои	—	30	—	—	—
Соковозы (подвозчики руды и флюсов)	—	30	—	—	—
Угленосы	—	30	—	—	—
Кузнецы	7	—	—	—	—
Работники	5	—	—	—	—
Котловщики	5	—	—	—	—
Носильщики	5	—	—	—	—
Плотники	5 (зимой)	—	10 руб.	—	—
Плотники	4				
Якорные мастера	15	—	—	12 р. 06 к.	—
Якорные подмастерья	7	—	—	—	—
Якорные работники	6	—	—	—	—
Кузнецы	7—10	—	—	—	—
Мотники	4—5	—	—	—	—
По слесарной:					
а) Мастер	—	—	12 р. 06 к.	5 руб.	—
б) Подмастерье	—	—	9 р. 06 $^1/_2$ к.	—	—
в) Ученик	—	—	6 р. 81 к.	—	—
Колокольный мастер	—	—	17 р. 06 к.	10 руб.	Ржи 6 четвертей
Плотинный мастер	—	—	22 р. 27 к.	20 руб.	—
Мастер мехового дела	—	—	23 руб.	—	Ржи и прочего 12 четвертей
Подмастерье	—	—	16 р. 70 к.	—	То же
Ученик	—	—	6 р. 80 к.	—	5 четвертей
Куренный мастер	—	—	17 р. 06 к.—18 руб.	—	Ржи и прочего 6 четвертей
Подмастерье	—	—	11 р. 6 $^1/_2$ к.—17 руб.	—	Ржи 8 четвертей
Плавильщики	—	—	10 руб.*	—	—
Плавильщик меди—мастер	—	—	29 руб.	—	—
Плавильщик меди	—	—	17 р. 04 к.	10 руб.	Ржи 8 четвертей
Штейгеры	—	—	21 руб.	10 руб.	Ржи и прочего 11 четвертей
Горный ученик	—	—	13 руб.	—	Ржи 3 четверти
Сторожа	—	—	9 р. 86 к.	—	Ржи и прочего 6 четвертей

* Кроме того, 5 коп. за каждый воскресный день.

Однако в выдаче жалованья имели место частые перебои в связи с отсутствием денег в заводской кассе.

В 1767 г. владелец требовал от приказчиков, чтобы они выдавали деньги работникам «без всякого задержания» лишь тогда, «когда в заводской сумме достаточно будет»[96]. Позднее главный управляющий Кокшаров давал «великодушное разрешение выдавать, не мало не удерживая», третью часть заработка старательным работникам[97]. Несогласия приказчиков между собой в начале 1760-х годов приводили к еще более «несносным и весьма отяготительным изнурениям» работников и к перебоям в хлебных выдачах[98].

«Неудовольствие» в выдаче хлеба и денег вынуждали работников Нытвенского завода отлучаться «за взысканием пищи». Эти отлучки заставили администрацию опасаться, что работники вообще разбегутся с завода[99]. В 1766 г. нытвенские работники в своем прошении владельцу указывали, что взимаемые с них штрафы за недоковку железа неправильны, так как она покрывалась «приковкой», добавочная плата за которую равнялась «только по деньге за пуд». Просители отмечали, что в результате неправильных взысканий они пришли «в немалое задолжение и отработать едва в состоянии. На работу выйти не в чем»[100].

Наличие больших «переходов», т. е. задолженности работников, говорит о том, что выдаваемая им плата не обеспечивала прожиточный минимум. Значительная часть ее уходила на ликвидацию накопившихся долгов. В 1784 г. рабочие Нытвенского завода в челобитной владельцу писали, что они ежемесячно получают не больше 1 р. 50 к.— 1 р. 80 к., хотя не пропускали ни одного дня работы[101]. Управитель Варокин был вынужден сообщить владельцу о росте задолженности работников. В результате поденная оплата была немного увеличена — на долю копейки в день, и подмастерье стал получать в день 8 коп., ученик — 7 коп., работник — 6, угленос, рудобой и соковоз — по 5 коп.[102]

В целом для размеров оплаты работников на заводах Голицыных в рассматриваемое время характерна стабильность.

Помимо других факторов, это было связано с рутинным характером производства, не приводившего к росту производительности труда. В 1790 г. в ответ на прошение работников Кусье-Александровского завода о прибавке управитель указывал, что «и оный завод столько не приносит прибыли, сколько убытку» весьма малою выплавкою чугуна, и поэтому он не может «решиться» на повышение платы[103].

Неизменность номинальной оплаты приводила в последней четверти XVIII в. к сокращению реальной заработной платы работников в связи с ростом хлебных цен в Пермской губ. в 1780—1790 гг. (табл. 3)[104].

---

[96] Фонд Голицыных, св. 205, 1767 г.

[97] «Ежели которые мастера и подмастерья хотя и заработки имеют, да часто приказчикам и надзирателям и верховому досаждали огурничеством, то таковым, не выдавая додачу, выписав на особую выписку и с показанием додачи как до 1785 года, так и после доныне, представить со мнением против каждого имени... В поощрение усердных кричных мастеров и подмастерьев, кто усерден никогда самовольно от работы не отлучается и всегда выходит на работу не с большим перебоем, делаю... великодушное разрешение, что ежели кто когда будет просить, то... нимало не удерживая, выдавать третью часть» (св. 132, л. 125).

[98] Св. 43, 133, л. 156; св. 34, 301.

[99] Св. 44, л. 124, 1762 г.

[100] Св. 34, 301, 1766 г.

[101] Св. 46, л. 524.

[102] Св. 46, л. 630.

[103] Фонд Голицыных, св. 109, 1790 г.

[104] Св. 18, д. 137; св. 44, д. 191; св. 206; св. 15; св. 66; св. 209, л 815; св. 81, лл. 203—204; св. 67; св. 69, л. 4; св. 52.

Таблица 3

Рост цен на ржаную муку на Кусье-Александровском и Архангело-Пашийском заводах во второй половине XVIII в. (за пуд в коп.)

Годы	Цена	Годы	Цена
1751—1755	11½—21	1776—1780	18—25
1756—1760	10—12	1781—1785	18½—6[illegible]
1761—1765	16—18½	1786—1790	27—65
1776—1770	14½—20	1791—1795	26—73½
1771—1775	17¼—21	1796—1800	93—98½

Данные таблицы 3 показывают, что с ростом хлебных цен продовольственная часть оплаты приобретала все большее значение как для работника, так и для владельца.

Собственная запашка была невелика, большая часть собранного зерна в вотчинах потреблялась внутри них. Поэтому основную массу хлеба, предназначенную для оплаты, голицынская администрация должна была покупать на рынке, обеспечив заводы известным продовольственным фондом. Чтобы купить хлеб по более дешевым ценам, администрация практиковала раздачу задатков государственным крестьянам под будущие поставки и сдачу подрядов на поставку хлеба богатым владельческим крестьянам [105]. В 1781 г., например, годичная потребность в хлебных припасах правлением определялась следующими цифрами. Муки ржаной требовалось купить: для Нытвенского завода и рудников 27 847 пудов, для Новоусольских и Ленвенских промыслов — 10 563 пуда и т. д. С господских пашен было получено 1399 пудов ржи, 1280 пудов овса и 556 пудов ячменя и т. д., причем бо́льшая часть собранного хлеба должна была расходоваться внутри вотчины [106].

Падение реальной заработной платы в известной мере смягчалось неизменностью штатных цен на хлеб. Повышение их с 80 коп. до 1 р. 60 к. за четверть ржи (около 9 пудов) на заводах Голицына имело место лишь в последней четверти XVIII в. [107] По штатным ценам каждый пуд выдаваемой ржи расценивался от 10 до 20 коп. Соответственно этому были установлены цены на муку, овес, ячмень и т. д. [108]

Из ведомостей Пермского главного правления за 1770-е и первую половину 1780-х годов следует, что содержание работника с семьей обходилось владельцу в 10 руб. Из примечаний же 1784 г. видно, что «против базарных цен» содержание чернорабочего с семьей расценивалось в 20 руб. [109] Таким образом, замечание Мордвинова о необходимости для заводчиков-крепостников «снабдевать» своих работников и их семьи имеет для внутризаводских работников заводов Голицына известное основание. С ростом хлебных цен эта необходимость делалась для владельца все более ощутительной. Голицын и ему подобные вынуждены были «содержать» своих работников не только во время работы, но и в периоды остановок заводов, столь частых в это время.

Причинами остановок были летние полевые работы, но главным образом пересыхание речек, служивших заводам энергетической базой [110].

[105] Св. 1, л. 32; св. 216, л. 168.
[106] Св. 15, 1781 г.
[107] Св. 1, л. 66, 1784 г.
[108] По штатным ценам до 1784 г., рожь выдавалась работникам из расчета 80 коп. за четверть. По «новым» ценам овес стоил 60 коп. за четверть, ячмень — 80 коп., пшеница — 2 р. 50 к. (св. 1, л. 66, 1784 г.).
[109] Св. 1, л. 66, 1784 г.
[110] Св. 43, л. 280, 1793 г.; св. 132, л. 800, 1789 г.

Использование труда кричных ра
(за

Должность и количество работников	Общее число рабочих дней		В кричной работе		На строительных работах		На полевых работах	
	дней	%	дней	%	дней	%	дней	%
Кричные мастера—57 чел.	7 695	100	302		2 619	34,00	1 995	25,90
Кричные подмастерья —58 чел. . .	7 830	100	331		2 798	35,70	2 030	25,90
Кричные работники—54 чел. . . .	7 290	100	279		1 916	26,28	1 890	25,92
Итого:	22 815	100	912	4,00	7 333	32,20	5 915	25,90

О степени использования внутризаводских работников дает представление таблица 4 [111].

Таблица 4 показывает, что количество рабочего времени, тратившегося на собственно кричные работы, было ничтожно, колеблясь от 3,83 (кричные работники) до 4,2% (кричные подмастерья). В среднем это составляло 4%, или 912 дней. 7333 рабочих дня, или 32,2%, кричные работники были использованы на строительных работах. В целом они затратили, таким образом, на заводскую работу 8245 рабочих дней, или 36,2% всего рабочего времени. 5915 рабочих дней, или 25,9%, было затрачено на полевые работы. 114 рабочих дней, или 0,5%, было пропущено по болезни. 22 воскресных и праздничных дня на 169 работников дали 3718 рабочих дней, или 16,3% рабочего времени. 4823 человеко-дня, или 21,1%, в среднем ушло на самовольные отлучки.

Возможно, что эти цифры не очень показательны, так как они охватывают 135 летних дней, когда значительная часть работников увольнялась на полевые работы. К тому же в летнее время из-за недостатка воды заводы работали не на полную мощность. Тем не менее общую картину они, по-видимому, создают правильную.

Несомненно, та же картина имела место и на других заводах.

Для большинства уральских заводов число рабочих дней в году к концу века определялось уральскими заводскими положениями в 250 [112]. На заводах Голицыных эта норма была немного ниже, составляя 240 дней [113].

Продолжительность и характер рабочего дня обусловливались спецификой металлургических заводов, требовавших круглосуточной работы. На Нытвенском заводе сутки делились на две рабочих смены по 12 часов. На Кусье-Александровском заводе работники сменялись посуточно. На Архангело-Пашийском заводе работники после суточной работы имели двухсуточный отдых [114].

По штату 1784 г. полагалась дополнительная оплата за работу в воскресные и праздничные дни. Так, например, плавильщики на Нытвенском и Кусье-Александровском заводах за каждый такой рабочий день получали дополнительно к окладу по 5 коп. [115]

Внутризаводские работники существовали исключительно за счет своей заработной платы — денежной и натуральной, особенно послед-

[111] Св. 278, лл. 445—454, 1793 г.
[112] ГИМ, фонд Соймоновых, св. 8, д. 23900.
[113] Фонд Голицыных, св. 34, 1764 г.
[114] Св. 210, 1808 г.
[115] Св. 34, 1784 г.

Таблица 4

ботников на Нытвенском заводе в 1793 г. 4,5 месяца)

Пропуск по болезни		Праздничные и воскресные дни		Итого на работе и в отпуске		Самовольные отлучки	
дней	%	дней	%	дней	%	дней	%
75	1,00	1 254	16,3	6 245	81,10	1 450	18,90
36	0,50	1 276	16,3	6 471	82,60	1 359	17,40
3	0,04	1 188	16,3	5 276	72,37	2 014	27,63
114	0,50	3 718	16,3	17 992	78,90	4 823	21,10

ней. Неполная загрузка заводов не обеспечивала возможность прокормления работника с семьей в течение года. Поэтому администрация вынуждена была выдавать им продовольственные ссуды под будущую работу. Так накапливалась задолженность заводских работников владельцу, которую покрыть они были, как правило, не в состоянии. Значительная часть заработка уходила на покрытие старой задолженности, и работник должен был влезать в новые долги.

Голицынская администрация ежегодно подсчитывала так называемые «додачи», т. е. суммы, подлежащие выплате работникам за выполненную работу, и «переходы», т. е. задолженность работников по неотработанным ссудам.

Весьма интересен подобный подсчет по Нытвенскому заводу за 1783 г. Додать следовало 101 работнику 1985 руб., да 39 приказчикам и служителям 199 руб., всего, таким образом, 2184 рубля. «Переход» на 296 работных людей равнялся 4548 руб., 34 приказчика и служащих были должны 454 руб., всего 5002 руб.[116] Число должников вдвое превышало количество «кредиторов» заводчика. Таково же соотношение между суммами «додач» и «перехода». Эти цифры достаточно ясно свидетельствуют о тяжелом положении внутризаводских работников.

* * *

Иным, хотя и столь же тяжелым, было положение подзаводских работников. Их повинности и расчеты с администрацией строились на несколько другой основе, чем у внутризаводских работников.

Выдача заработной платы, как в денежной, так и в натуральной форме, подзаводским крестьянам не полагалась принципиально: на заводах они отрабатывали оброк владельцу.

Оброк этот к концу XVIII в. значительно вырос. Если в 60-х годах он равнялся 60 коп. с души в год, то в 80-х годах — уже 3 р. 70 к. Вместе с подушными, общеуездными и мирскими сборами это составляло 5 р. 12 к. с души.

Но распределяя работы между подзаводскими крестьянами, голицынская администрация исходила не из общей суммы оброка, а из потребности заводов во вспомогательных работах, которые, как правило, по своей стоимости значительно превышали стоимость оброка. Добыча, например, 1000 пудов руды оценивалась в 4 рубля, что уже превышало сумму годового душевого оброка. На деле же один работник добывал от 2800 до 850 пудов и, следовательно, зарабатывал от 11 р. 20 к. до

[116] Св. 1, д. 66.

13 р. 40 к. Сюда еще следует присоединить стоимость перевозки, цена которой зависела от расстояния.

Так же обстояло дело и с углежогами. Каждый из них должен был нарубить от 12 до 15 куб. саж. дров и выжечь 1 кученок угля в 12,5 саж. За каждую сажень вырубленных дров зачитывалось по 25 коп., следовательно, за всю норму вырубки — от 3 руб. до 3 р. 75 к. Кученок угля стоил 2 руб. Сюда нужно еще прибавить стоимость перевозки дров к местам выжига угля и доставки готового угля на заводы. И здесь, как видим, стоимость работ намного превышает суммы годового оброка [117].

Таким образом, подзаводские крестьяне выступали по отношению к владельцу в качестве своеобразных «кредиторов». Долг владельца им нарастал с каждым годом. Отсюда вытекала полная фиктивность термина «заработная плата» по отношению к ним. В вотчинной практике эта «заработная плата» означала всего-навсего, что выполненная работа фиксировалась лишь записью в окладной книге. Правда, некоторые мелкие или случайные работы производились голицынскими крестьянами за наличный расчет, но они были совершенно ничтожны по отношению к окладным работам, составляя менее полупроцента их [118]. Управитель в своих распоряжениях подчеркивал, что работы выполняются крестьянами «за следуемый с них оброк» [119].

«При самом первоначальном распоряжении», т. е. с момента основания голицынских предприятий, было установлено, что все подзаводские крестьяне являются на работу со своим хлебом. Это правило много раз подтверждалось позднее и распространялось на все группы владельческих приписных работников [120].

Отклонения от него допускались лишь в отношении тех работников, которые не имели своего хлеба [121]. Но поскольку работников «самого бедного состояния», не имевших хлеба, было очень много, эти отклонения, помимо воли владельца, становились довольно частыми. Конторские рапорты содержат массу сообщений о «неотступных» просьбах и настояниях работников о выдаче им хлеба, о том, что из явившихся крестьян никто хлеба не привез, и т. п. [122].

Иногда дело доходило до столкновений с администрацией. Работники приходили в конторы и «с великим крыком и неучтивостью» требовали хлеба. Хотя виновные в этой «неучтивости» подвергались наказаниям, вплоть до «выбрития лба» [123], однако хлеб приходилось давать. Так, например, в 1786 г. голицынское правление вынуждено было раздать нуждавшимся крестьянам «на самый наступающий страдный случай» до 3 тыс. пудов зерна [124].

В 1792 г. заводские конторы доносили в вотчинное правление, что крестьяне ряда сел «по огурничеству своему» отважились при явке на завод не взять с собой хлебных припасов, надобно их «протурить» за хлебом обратно «в домы». Но правление, во избежание потери времени, которое вызвало бы это «протурение», приказало произвести выдачу хлеба из господских запасов, однако только тем, у кого после обыска по квартирам действительно не окажется хлеба, причем заимообразно, с «наложением лажу» [125]. Этот «лаж» был очень велик, составляя 5 ф. на пуд, т. е. 12,5%.

117 Фонд Голицыных, св. 84, л. 8 и сл.
118 Св. 84, л. 109, 1789 г.
119 Св. 126, л. 78, 1789 г.
120 Св. 223, л. 336.
121 Св. 126, лл. 78—79 и сл.
122 Св. 132, л. 223.
123 Св. 209, л. 135, 1786 г.
124 Св. 209, л. 350, 1786 г.
125 Св. 132, л. 328.

Фактически создалась практика частичного авансирования хлебом и фуражом значительной части подзаводских работников с непременным условием возврата ссуды [126]. Это правило строго выполнялось, и сами крестьяне, за редким исключением, просили о выдаче хлеба и фуража лишь заимообразно [127]. Заводские конторы строго предписывали сельским старостам собирать выданный хлеб обратно «в господскую сумму» [128]. Перепродажа полученного работником хлеба строго наказывалась [129].

В голодный 1784/85 г., когда было довольно трудно сохранить кадры даже заводских работников, вотчинная администрация предложила владельцу выдать хлебную ссуду голодающим крестьянам на сумму до 10 тыс. руб., что было недостаточно.

Выдача хлеба была произведена в счет «додач», а неимущим — в счет будущих работ [130]. Раздача имела целью не только прокормление работников и их семей, но и обеспечение семенами для посева [131].

Из ведомости 1785 г. видно, что раскладка ссуды производилась по всем селам, исходя из количества семейств и едоков. Размеры ссуд оказались довольно скромными. На 26 деревень, приписанных к с. Верхне-Мулинскому и насчитывавших 361 чел., было выдано 621 пуд. Всего по всем селам и деревням было роздано на 9925 чел. 2300 пудов ржаной муки и почти столько же ржи. Это составляло по полпуда на человека и по существовавшим ценам стоило 1707 руб. [132] К этому надо прибавить розданное «из господских пашен» зерно на 1054 работника.

Стремление администрации выдавать хлеб из господских запасов лишь во избежание «медления» и затруднений «при переездах за кормами» наблюдается неоднократно. В 1792 г., например, правление разрешило конторе Кусье-Александровского завода снабжать кормами возчиков наиболее удаленных Усть-Чусовских деревень и с. Кишертского [133]. Несмотря на принятые меры, в кормах ощущался крайний недостаток, приведший к большим затруднениям с перевозками [134]. В результате контора была вынуждена отпустить «на срочное время» работников домой, «а затем многие и самовольно разъехались, особливо от возки куреней угля» [135]. Заводская окладная книга 1764 г. указывала, что подобные условия «от работников прилежание и охоту отнимают» и последние находятся не столько в работах, сколько в отлучках [136].

Подобные факты Главное правление склонно было объяснять главным образом упущениями заводского и сельского начальства. Но беглые крестьяне были на этот счет другого мнения, показывая при допросе, что бежали они потому, что «нисколько уже силы не имеют» [137]. Даже сами заводские конторы иногда вынуждены были отпускать пойманных беглецов «по неимению у них кормов» [138]. По тому же мотиву имели место довольно частые просьбы земских старост об отсрочке крестьянам причитающихся подзаводских работ [139].

---

[126] Св. 68; св. 223, л. 80; св. 126 (Рапорты приказчиков).
[127] Св. 68; св. 223, л. 80; св. 126.
[128] Св. 68, лл. 131, 245; св. 132, л. 327.
[129] Св. 124, л. 128 и сл.
[130] Св. 209, л. 30; св. 46, л. 77.
[131] Св. 209, лл. 815, 845, 848 и сл.
[132] Там же.
[133] Св. 209, л. 24, 1792 г.
[134] Там же, л. 287, 1793 г.
[135] Там же.
[136] Св. 66, л. 5 и сл., 1788 г.
[137] Св. 109.
[138] Там же.
[139] Там же.

Все изложенное говорит о том, что подзаводские работники не только работали на владельца, но и кормили самих себя. Полученные ими в голодное время господские продовольственные и фуражные субсидии возвращались обратно с процентами, да и играли второстепенную роль. В обычное время голицынские крестьяне питались за свой счет [140]. Можно смело утверждать, что успешность заготовительных работ и, следовательно, собственно заводских работ — выплавки и обработки чугуна — в значительной степени зависела от урожая на крестьянских полях.

Остановимся теперь подробнее на упоминавшейся выше задолженности владельца крестьянам за подзаводские работы. На основании приходо-расходных книг «додачи» вотчинника подзаводским крестьянам по Кусье-Александровскому заводу составляли в 1764 г. 3352 руб. К 1788 г. они возросли в несколько раз, а к концу столетия составили огромную сумму — около 34 тыс. руб. По подсчетам конторы, каждому крестьянину причиталось с 1785 по 1803 г. «додачи», за вычетом подушных и оброка, от 2 до 25 и даже до 100 руб. [141]

О задолженности владельца крестьянам по Нытвенскому заводу на 1783 г. говорит таблица 5 [142].

Таблица 5

Взаимная задолженность заводовладельцев и крестьян („додачи" и „переходы") по Нытвенскому заводу на 1783 г. (в руб.)

Селения	«Додачи»		«Переходы»	
	число крестьян	сумма	число крестьян	сумма
Беляевское	356	6 743	25	103
Верхне-Мулинское	137	1 638	34	158
Нижне-Мулинское	314	2 998	104	412
Троицкое, Сергинское, Калинское, Камасинское, Лозинское и Усть-Чусовские деревни и Чусовские городки	1 332	1 763	—	—
Итого . .	2 139	13 14	163	673

Таблица 5 показывает, что количество крестьян-«кредиторов» в 13 раз превосходило число крестьян-должников; сумма же задолженности владельца выше крестьянской в 19 раз.

Задолженность владельца подзаводским крестьянам вновь построенного Архангело-Пашийского завода была огромна. Им причиталось, по ведомостям заводской конторы, с 1785 по 1803 г. больше 164 тыс. руб. [143]

Такая сумма говорит о многолетней практике пересчета «додач», перенесении долга владельца с одного года на другой. Она имела место без каких-либо ограничений на всех заводах Голицыных в течение всей второй половины XVIII в. [144] и была унаследована еще от прежних владельцев — Строгановых.

[140] В 1786 г., например, по всем пермским вотчинам Голицыных «статков» хлеба считалось 15 873, а недостатков — 5511 чт. В некоторых селах излишки были довольно значительны: в Троицком — 5124, в Кишертском — 3455 чт. и т. д. На Нытвенском заводе с деревнями был небольшой излишек в 267 чт. (св. 202, 1786).

[141] Св. 10; св. 114; св. 118.

[142] Св. 1, л. 66.

[143] Св 65. л 271. Менее тщательно записывались «додачи», причитавшиеся вотчинным крестьянам, которые тоже имели место. Так, например, в 1784 г. только по Кусье-Александровскому заводу задолженность владельца вотчинным крестьянам составила 7642 руб. (св. 210, л. 550).

[144] Св. 27, 101 и сл., 1780 г.; св. 19, 1767 г.; св. 27, 32, 1789 г. и др.

С раздела 1763 г. как приписанным, так и вотчинным крестьянам по обоим голицынским заводам (без Архангело-Пашийского) долг владельца по разным заводским работам составлял 2384 руб.[145]. В 1770 г. он вырос до 10 227 руб.[146], в 1774 г. — до 11 173 руб. и в 1779 г. равнялся 18 тыс. руб.[147]

Временем особенно интенсивного роста господской задолженности были 80—90-е годы. К 1783 г., например, она достигла 27,5 тыс. руб.[148].

На неоднократные просьбы крестьян погасить долг владелец неизменно отвечал распоряжением занести сумму долга в соответствующие ведомости. Только в 1763 г. при разделе совладельцы частично расплатились с крестьянами, выдав им около 2 тыс. руб. деньгами и железом[149].

Когда в 1785 г. начались работы по постройке Архангело-Пашийского завода, управитель Кокшаров, стремясь заинтересовать работников, обещал им выдать старые «додачи»[150]. Это обещание, как и обещания самого Голицына, выполнено не было[151].

Интересно то, что владелец отдавал себе полный отчет в том, куда ведет хозяйство его крестьян подобная практика. «Столько худое состояние крестьян,— восклицал князь,— потому только, что я им остался должником»[152].

Параллельно подобным признаниям, только гораздо чаще, владельцу и администрации шли жалобы крестьян на то, что подзаводские работы их разорят.

В 1785 г. управитель Варокин, сравнивая «прежнее существование» крестьян с положением в данном году, делал вывод, что все крестьянские жалобы о «разорении» заслуживают «особливого» внимания. Неурожай 1784 г. вынудил крестьян не только покупать хлеб, но и распродавать и отдавать в залог свои пашенные земли и сенные покосы, «а потом и всего своего конского и рогатого скота»[153].

1780-е годы были временем заметного ухудшения положения голицынских крестьян. В 1787 г. пермские голицынские вотчины снова сильно пострадали от неурожая. Крестьяне Лозинских деревень в своей челобитной сообщали, что закладывать им уже больше нечего. Администрация, «к крайнему прискорбию» своему, также отмечала, что среди крестьян есть много бедных, не имеющих пропитания людей[154].

Но вместе с тем хозяйственные ведомости делили крестьян на три группы: на людей первого состояния, среднего и последнего. Это говорит о процессе имущественной дифференциации голицынских крестьян, который мы здесь рассматриваем лишь попутно. В 1785 г., т. е. сразу после неурожая 1784 г., Варокин указывал, что есть крестьяне, обладающие достатком и даже «излишеством», а есть и такие, которые ничего не имеют[155].

Неурожай 1784 г. сильно увеличил третью группу крестьян — последнего состояния. По ведомости 1785 г., из 3469 крестьянских дворов,

---

145 Св. 6, л. 115, 1766 г.; св. 1, л. 65.
146 Св. 49 (Рапорты управителя Голицыну).
147 Св. 205, л. 134; св. 1, л. 2613; св. 17, л. 2.
148 Там же.
149 Св. 34, л. 318. За все последующие годы вплоть до конца века нам удалось установить лишь два частичных погашения долга крестьянам за прежние годы, причем оба в ничтожных размерах (св. 65, д. 172).
150 Св. 3, л. 722.
151 Св. 205, л. 634 (Письмо Голицына в Пермское вотчинное правление).
152 Св. 205, л. 134, 1779 г.
153 Св. 44, л. 26.
154 Св. 3, л. 2503.
155 Св. 3, л. 542, 1785 г.

находившихся в непосредственном подчинении Пермского правления, дворов первого состояния было 317, или 9,1%, среднего — 1070, или 30,9%, и последнего — 2082, или 60% всех дворов [156].

К 1786 г. крестьяне немного оправились от неурожая, и соотношение между группами несколько изменилось. 3492 крестьянских двора в вотчинных и подзаводских селах Голицыных распределялись по имущественному положению следующим образом: дворов первого состояния числилось 388, или 11,1%, среднего — 1440, или 41,2%, и последнего — 1664 двора, или 47,7% [157].

Сведения по отдельным вотчинам дают более резкие колебания. Так, в с. Калинском в 1785 г. из 216 дворов первого состояния было 23 двора, или 10,7%, среднего — 37, или 17,1%, и последнего — 156 дворов, или 72,2% [158]. Это означало, что почти три четверти крестьянских дворов находилось на грани разорения. Через восемь лет, в 1793 г., картина несколько улучшилась. Из 217 дворов первого состояния числилось 55, или 25,4%, среднего — 61, или 28,1%, и последнего — 101, или 46,5% [159]. Голода уже не было, но почти половина дворов влачила нищенское существование.

Первостатейные крестьяне выделяли из своей среды группы лиц, занимавшихся подрядами и различными поставками заводовладельцу [160], а также прямой наживой за счет заводских работников.

Рабочие Нытвенского завода в своей челобитной от 1766 г. указывали, что они, получая, по «всегдашней» своей необходимости, заработную плату железом из расчета 45 коп. за пуд, продавали его первостатейным по 25, максимум по 30 коп. за пуд, так как другим продать было некому.

Первостатейные, переселенные на завод специально для продажи съестных и других припасов, формально не несли никаких повинностей в пользу помещика [161]. Но это освобождение от оброка и окладных работ было только кажущимся. Из договоров администрации с владельческим крепостным подрядчиком видно, что это «освобождение» компенсировалось соответствующим снижением цен при поставках. Так, в 1793 г. житель Нытвенского поселка Першин подрядился поставить сальных свечей «из самого чистого сала хорошей доброты» 25 пудов по цене 3 р. 75 к. пуд при условии, что он, Першин, будет освобожден от заводских работ на все время исполнения поставки. За это Першин снижал цену каждого пуда на 25 коп. [162].

«Лутчие и пожиточные», по выражению Голицына, крестьяне широко практиковали перекладывание на малоимущих крестьян отработку причитающихся с них господских оброков и прочих повинностей [163]. Владелец отнюдь не препятствовал развитию в его вотчинах отношений найма, о которых было сказано раньше. В значительной мере это объяснялось тем, что наем был связан с подрядами первостатейных.

К концу века экономическое значение первой группы сильно выросло. Первостатейные стали прочно выступать в роли всевозможных поставщиков, подрядчиков и рудопромышленников, обеспечивавших заводы сырьем. Однако с начала 80-х годов экономическое положение

[156] Св. 210.
[157] Св. 202, 1786 г.
[158] Св. 210.
[159] Св. 13, 1793 г.; св. 132, л. 4 и сл., 1792 г.; св. 57, 1794 г.; св. 209, л. 556 и др.
[160] Св. 24, лл. 1—458; св. 6, л. 62.
[161] Св. 6, л. 62, 1766 г.
[162] Св. б/№, д. 21/1, 1793 г.
[163] Св. 61, 1776 г.

последних было подорвано установлением дворянской монополии на земные недра.

III

На угнетение и эксплуатацию крепостные работники Голицыных отвечали побегами, жалобами, плохой работой и т. д. Однако активных выступлений за изучаемый период почти не было. В одном из своих донесений главный управитель Варокин писал: «зависть и злоба... в слугах» привели к тому, что одни из них сделались мздоимцами, а другие «пагубными ленивцами». Особенно вредно влияние «оскудевших» работников на остальных. «Устранение крестьянское от работ, поздние их подъемы и явки к оным, нерачение и побеги с разными пронырствами и вымыслами до того дошли, что они не стали дорубать дров, выжигать угля по окладам сполна и прочих работ исправлять во время свое»[164].

Следует отметить, что в сопротивлении, оказываемом владельцу и его управителям, подзаводские крестьяне намного превосходили внутризаводских работников. В частности, основная форма протеста — побеги — среди мастеровых встречается редко[165]. Материалы контор содержат массу конкретных жалоб и характеристик администрации на тех или иных подзаводских крестьян и, наоборот, много положительных аттестаций внутризаводских работников: трудолюбив, прилежен и т. п. Подобное положение объясняется, по-видимому, в какой-то мере тем, что интересы заводских работников были уже тесно связаны с заводами. В свою очередь, владелец, стремясь сохранить свои наиболее ценные кадры, ставил их в несколько лучшие условия по сравнению с подзаводскими крестьянами.

Не получая, как правило, ответа на свои жалобы, крестьяне убегали. В подавляющем большинстве случаев это были побеги в пределах вотчины, к себе «в домы».

В 1785 г. Варокин сообщал, что со строящегося Пашийского завода с конца июня до начала августа бежало 32 крестьянина разных сел.

Как конные, так и пешие работники, «не видя себе перемены, непрестанно отсюда бегут», — добавлял он. К 6 августа убежало еще 36 чел.[166]

Такое же положение было и на других заводах Голицына. В 1760 г. плотина после аварии не была своевременно отремонтирована за неявкой работников. Падение выплавки на Нытвенском заводе было связано с недостатком угля и руды из-за «убега» возчиков. В 1790 г. управитель объяснял неудовлетворительность перевозок чугуна с Архангело-Пашийского и Кусье-Александровского заводов на Нытвенский тем, что возчики на заводы не являются вовсе или же заезжают с чугуном «в домы», «не помышляя о поставлении чугуна до места»[167]. В 1792 г. на Кусье-Александровский завод из отпущенных к летним полевым работам крестьян к сентябрю «по слабости тамошних земских начальников из 47 человек не явилось ни одного»[168]. В 1795 г. бежали 14 крестьян Кишертского острожка, не окончив положенный на них оклад, и т. д.[169]

---

[164] Св. 210, 1808 г.

[165] Св. 194, л. 66.

[166] Св. 594, л. 667, 1785 г.

[167] Св. 100, 1790 г.

[168] Св. 69, лл. 56, 129, 1792 г.

[169] Св. 72, лл. 166—187, 1795 г.; св. 68, л. 179; св. 126, л. 37, 1789 г.; св. 52, 1770 г.

В последующем наблюдалась та же картина. В 1793 г. управитель требовал «строгого и прилежного искания» беглых работников, переселенных на Архангело-Пашийский завод. По его мнению, заводу угрожала перспектива остаться без руды, потому что «знатная» часть работников-рудокопов была в бегах [170].

Обычно при допросе возвращенные беглецы показывали, что бежали они от всяких недостатков и нужд, «из-за которых нисколько уже силы не имеют» [171].

Даже сами конторы вынуждены были иногда отпускать крестьян обратно «по неимению у них кормов», а также на основании просьб земских старост об отсрочках по выполнению окладных работ отдельными крестьянами.

Однако в большинстве случаев неявки и побеги крестьян объяснялись администрацией как «огурничество», т. е. непослушание, конторы посылали в подзаводские села специальных служителей, которые выявляли «огурников» и «отложа всю благопристойность, вытуривали их... наистрожайшим образом» [172].

В феврале 1794 г. Нытвенская контора доносила о массовых побегах крестьян-«бунтовщиков» с. Беляевского и др. Толчком к побегам явились слухи об удалении управителя Кокшарова. Крестьяне не только убегали, но и, угрожая служителям, требовали, чтобы они в своих рапортах не сообщали о фактах бегства. Управитель требовал пресечь «самовольство» людей, которые «вместо узаконенного богом и государем оброку» бежали почти все поголовно.

В том же году бежали работники и других сел. Так, троицких крестьян «от дурака приказчика» бежало 282 чел., сергинских — 272 и т. д. всего до 800 чел. Администрация решила «главных начинщиков притащить» в Верхне-Мулинское и «передрать всех», «дабы такое самовольство пресечь», поскольку побеги в том году стали массовым явлением [173].

С 1792 г. было предписано земским старостам составлять особые росписи беглецов и «огурников», сколько бы таковых ни находилось. Всех беглецов конторы должны были собирать в одном месте и, кроме обычного наказания «вицами» [174], «при самых хороших и неленивых... крестьянах ругать оных, что они плуты, беглецы и негодные люди», и тут же, при всех людях, выбривать им лбы. Работников же, которые хотя и не бежали, но не дорубили оклада, также предписывалось собирать и отправлять обратно, применяя те же наказания, кроме последнего: «лбов не брить» [175].

Главное правление предписывало конторам сыскивать и немедленно наказывать беглецов «жестоко... при собрании крестьян в страх других», а затем отправлять их на наиболее тяжелые работы. В целях борьбы с побегами с конца 1780-х годов начала практиковаться подписка работников «о нечинении ими побегов». Была установлена ответственность артели и всего сельского мира за побеги, штрафовались сельские приказчики и старосты «за слабость» к работникам и т. п. [176]

Но побеги продолжались в течение всего изучаемого времени, и заводские конторы не переставали рапортовать о происходивших из-за

---

[170] Св. 223, лл. 136, 1793 г.
[171] Св. 209, лл. 191—230, 1792 г.
[172] Св. 52, 1770 г.; св. 599, 1788 г.
[173] Св. 66, л. 2 и сл.
[174] Св. 223, л. 275 и сл., 1794 г.
[175] Св. 377, л. 123, 1792 г.
[176] Св. 52; св. 599.

них задержках в работах. Так, например, в 1792 г. «в недосылке» на работы в с. Нижне-Мулинском оставалось 36 чел. В связи с этим произошла «крайняя» остановка в достройке завода. Было предписано всех неявившихся немедленно «вытурить на завод» вместе с их приказчиком, которого к тому же было велено заковать в рогатки [177].

Кроме, так сказать, домашних способов воздействия на своих непослушных крепостных, владелец прибегал к услугам учрежденного в 1789 г. в Перми Приказом общественного призрения смирительного рабочего дома для наказания крепостных работников «за проступки и преступления». Сюда посылались работники с просьбами наказать «за леность» в господских работах, «за всегдашний побег от оных и за ненахождение при домоводстве..., а чрез то и за повреждение собратии своей с путя добродетели» [178].

В первый раз управитель отсылал наказуемых в смирительный дом обычно на месяц.

Очевидно, режим смирительного дома вызывал полное удовлетворение администрации. В своих письмах к начальству смирительного дома Кокшаров нередко сообщал, что вернувшиеся оттуда после «доброй проучки кажется чувствуют, как верным быть перед своим господином». Отправляя новых работников, он просил дать им почувствовать «как можно ощутительнее, чтобы их довести до признания и быть полезным в обществе». Отправленные в смирительный дом часто заявляли о своем раскаянии и просили взять их обратно [179].

Еще более тяжелым наказанием для провинившихся была отсылка в закованном виде в молотовую заводскую работу, где за ними учреждался присмотр «без всякой поноровки» — с минимумом пищи и применением суровых мер наказания [180].

Самым тяжелым наказанием было отмеченное выше «выбритие лба», т. е. рекрутчина. Не годных же к солдатской службе, но считавшихся неисправимыми ссылали на поселение или определяли в горную работу без очереди [181].

В 1793 г. управитель еще раз подтвердил более раннее распоряжение, по которому от всех сел крестьяне, «кои уже пойманы из нерачительных и бродяг», должны доставляться в вотчинное правление для отдачи в солдаты с зачетом в будущие наборы [182].

Рекрутский набор был наиболее удобным поводом для того, чтобы освободиться от непокорных. В 1788 г., например, Кусье-Александровская заводская контора сообщала о посылке «известного беглеца» крестьянина Камасинского села Пороскова, находившегося последний раз в бегах больше года, а всего около пяти лет. Он был признан «безнадежным» к работам, поэтому контора, «не веря никаким ево лживым обманам», отправила его на пункт рекрутского сбора. В том же году контора пыталась сдать в рекруты крестьянина Далматова. Но последнего «поймать никак не могли, потому что бегает с ножом и укрывается в Уткинской деревне по части князя Б. Г. Шаховского». В конце концов Далматов со своими родственниками убежал неведомо куда [183].

Крестьянин с. Яйвенского Плясунов, отданный за «нерачительность» [184] по мирскому приговору в рекруты, убежал и при поимке «едва

[177] Св. 132, л. 137.
[178] ГИМ, Щукинское собр., 429, А 15/2, папка 27, лл. 1—5.
[179] Там же, л. 23.
[180] Св. 129, л. 264, 1790 г.
[181] Св. 8, л. 2 и сл., 1788 г.
[182] Св. 223, 207, 1793 г.
[183] Св. 66, л. 55, 1788 г.
[184] Св. 81, лл. 170—173.

не засек топором приказчика». До этого он также неоднократно убегал с работ[185].

Побеги за пределы вотчины, как правило, кончались тем, что убежавший исчезал «безвестно». Если же удавалось беглеца обнаружить, возникала длительная переписка с местными властями. Так, в 1784 г. голицынское правление обратилось к пермским властям с прошением о зачете рекрутом крестьянина Каинова, укрывавшегося в течение 10 лет в Борисоглебской волости Ярославской губ. Власти «по усильственной просьбе» Каинова приняли его сторону, и он был причислен ярославским наместническим правлением к экономическому селу Давыдову в мещанство[186]. Переход в другое сословие, как было в данном случае, делал беглеца свободным. Но такие факты были очень редки.

В борьбе с крестьянскими побегами голицынская администрация нередко использовала круговую поруку. Так, например, в 1788 г. за семь беглых кишертских работников, добывавших руду, Кусье-Александровская заводская контора потребовала от кишертцев «самоскорейшей» присылки других семи крестьян. Однако присланные взамен тоже бежали[187].

Точно так же за беглецов отвечали артели, обязываясь, независимо от уменьшения числа работников, выполнить весь первоначально намеченный объем работ[188].

Ответственность за беглецов возлагалась и на родственников. Так, в 1793 г. с крестьянина Лихачева за бежавшую дочь было назначено взыскать 70 руб. штрафа. По распоряжению правления штраф этот был распределен между ним и четырьмя его родственниками. Так как «по бедности» их получить весь штраф «в скорости» не представлялось возможным, то оставшуюся часть контора потребовала отработать на железном караване[189].

Наибольшие хлопоты голицынской администрации доставляли так называемые «одноколки» и «балуки».

Первые, по мнению Варокина, получили свое название «от неимения дому и ничего собственного, от неимения родства и не помнящих оного, от неимения надежного в малолетстве прибежища и от непризрения общественного»». Они с детских лет были вынуждены жить у разных хозяев «в наймах... или таскаться по миру и носить на себе... имя одноколка»[190].

Из этих одноколков и выходили «балуки» — наиболее активные борцы против помещичьего и управительского произвола. «Шалости, дерзости и неистовства» балуков дурно, с точки зрения администрации, влияли на основную массу крестьян. В борьбе с балуками применялась «пересылка» на заводы, отдача в рекруты, «а иногда и помещение в домы крестьянские» вместо детей. Однако вотчинная администрация вынуждена была признать, что принимаемые меры не давали результатов. Под разными видами балуки проживали в крестьянских селениях и «компанейских рудниках». Отдача их в рекруты была сопряжена с большими трудностями, а иногда оказывалась безуспешной.

Все сказанное о формах протеста крестьян пермских вотчин Голицыных свидетельствует о пассивном характере их борьбы. Они не приняли

---

185 Св. 81, лл. 170—173.
186 Св. 46, л. 71, 1784 г.
187 Св. 66, лл. 5—7, 1788 г.
188 Св. 66, л. 125.
189 Св. 65, 1793 г.; св. 68, л. 129.
190 Св. 66, л. 55, 1788 г.; св. 81, лл. 170—173.

также в массе своей никакого участия в крестьянской войне под руководством Пугачева. Вспоминая события 1773 и особенно 1774 г., Варокин писал владельцам в 1808 г., что крестьяне были «послушны» при защите вотчин, заводов и промыслов «от злодейской шатости». «Согласно верноподданнической их ревности и подвигам... охранены были их селения, действовали промыслы и заводы и препровождены все караваны без малейшего повреждения и остановки»[191].

В декабре 1773 г. пермское горное начальство предписало собрать с частновладельческих заводов по нескольку хорошо вооруженных людей, учредить пикеты и усилить полицию. Работы на большей части заводов были прекращены, заводским служителям было вменено наблюдать за караульными[192]. Из Чусовских городков в Кунгур было послано 300 вооруженных крестьян. В с. Верхне-Мулинском скопилось до 400 помещиков, намеревавшихся с оружием в руках защищаться от повстанцев. Всего вооруженных людей в Верхне-Мулинском собралось до 1000 чел.[193]

Удалось удержать крестьян от восстания и в других пермских вотчинах[194]. В донесении строгановского управителя Якова Волегова в Пермскую провинциальную канцелярию от 17 января 1774 г. сообщается, что «бунтовщичьи шайки» под предводительством Ф. Тетерина врывались в Очерский острожок «для подговору и присовокупления из того острожка крестьян в их злодейское сонмище», но очерцы «отреклись» от этих призывов и дали знать на Очерский завод и в с. Дальне-Дубровское. Тетерин вынужден был отступить к с. Беляевскому, «не пожив тут в острожке ни малого времени». В Беляевском он был разбит голицынскими и строгановскими людьми, выступившими под начальством Варокина и Волегова. Волегов сообщал далее: «Теми бунтовщиками и собственно помещичьими подданными никем в вотчинах его графского сиятельства из благородных чинов и прочих никого никакими смертями не умерщвлено. Нисколько и ничьих дворов в той вотчине не разграблено и никакого никому убытка от того не имеется»[195].

Однако Варокин и Волегов приукрашивали положение, стремясь подчеркнуть свои заслуги. Хотя Варокин уверял М. М. Голицына в «непоколебимой верности» его людей, тем не менее он признавал, что крестьяне с. Беляевского в конце декабря 1773 г. и начале января 1774 г. были в «замешательстве». Он сообщал тревожные сведения об усилившихся «злодейских партиях», которые «наполнялись» как башкирами, так и русскими. Последние пристали, по уверению Варокина, «по легкомыслию, льстя единственно себя вольностью и свободой от заводских работ». Скопление восставших в Беляевском и приготовления их к нападению на заводы и с. Верхне-Мулинское приводили Варокина в «несказанную печаль».

Особенно заботился Варокин об охране Нытвенского завода. Здесь было собрано значительное число голицынских крепостных, правда, вооруженных довольно слабо. Они имели копья и сабли, но огнестрельного оружия и пороха было мало. Защитив завод рогатками и отчасти стеной, Варокин подготовился к обороне. Нытвенский завод и с. Верхне-Мулинское оказались убежищем для всех спасавшихся от повстан-

---

191 Св. 210, 1808 г.

192 Н. Ф. Дубровин. Пугачев и его сообщники, т. II. СПб., 1884, стр. 195.

193 Там же, стр. 207—209.

194 Возможно, этому способствовало и то обстоятельство, что в с. Верхне-Мулинском был расположен воинский отряд секунд-майора А. В. Попова (там же, стр. 206).

195 «Пермские губернские ведомости», 1865, № 18, стр. 77.

цев. По выражению Волегова, они «были защитой всем тамошним пределам»[196].

В голицынском вотчинном архиве сохранились глухие упоминания об одном активном выступлении голицынских крестьян, имевшем место в 1787 г. Волнение охватило крестьян селений Верхне- и Нижне-Мулинских, Беляевского и Сергинского, а также Усть-Чусовских и Юго-Камских деревень. Движение выразилось в отказе от выполнения работ по перевозке угля и чугуна и избиении приказчиков. По утверждению главного управителя Кокшарова, прекращение транспортных работ принесло владельцу убытка до 10 тыс. руб. Администрации удалось подавить это волнение, и Кокшаров приказал взыскать с виновных всю сумму убытка, причиненного заводам остановкой работ, и штраф «за битье» приказчиков. Наиболее виновных было решено «жестоко при собрании прочих крестьян наказать и тем прекратить всякого рода возмущения»[197].

* * *

Подведем итоги.

1. Металлургические заводы князей Голицыных в Пермском крае обслуживались, за немногими исключениями, трудом крепостных работников. Они делились на мастеровых — внутризаводских работников, на так называемых подзаводских работников — крепостных крестьян владельца, приписанных к металлургическим заводам для выполнения вспомогательных работ по заготовке и транспортировке руды и угля, а также для перевозок полуфабрикатов и готовой продукции, и на работников, занятых на сплаве железных караванов.

2. Наемный труд использовался незначительно. Существовало два вида найма — господский и крестьянский. Администрация нанимала рабочую силу главным образом для обслуживания железных караванов. Крестьянский наем имел целью вспомогательные заводские работы.

3. Мастеровые жили исключительно на заработную плату, получаемую на заводе в денежной и натуральной форме. Источником существования подзаводских крестьян было их собственное хозяйство. Вместо оброка, полагавшегося с них владельцу, они выполняли вспомогательную работу на заводах. Объем и стоимость выполняемых работ определялись не суммой твердо фиксированного оброка, а потребностью заводов во вспомогательных работах. Так как подзаводские крестьяне выполняли работы на бóльшую сумму, чем требовалось для покрытия причитавшегося с них оброка, то образовалась все возраставшая задолженность заводовладельца, которую он им не выплачивал. Такая практика приводила к разорению большинства крестьянских хозяйств. Наряду с этим шел процесс выделения небольшой группы состоятельных крестьян, получавших разрешение владельца на всякого рода подряды и поставки, что приводило к их дальнейшему обогащению и углублению имущественного неравенства в подзаводской деревне.

Основной формой протеста работных людей против угнетения и эксплуатации на голицынских металлургических заводах были побеги. Активные формы выступления в рассматриваемый период почти не имели места.

---

[196] ГИМ, Щукинское собр., 429, А 15/2, папка 27.
[197] ГИМ, фонд Голицыных, св. 8, л. 2, 1788 г.

С. М. КАШТАНОВ

ФЕОДАЛЬНЫЙ ИММУНИТЕТ В ГОДЫ БОЯРСКОГО ПРАВЛЕНИЯ (1538—1548 гг.)

Состояние феодального иммунитета в 1538—1548 гг. изучено еще недостаточно[1]. В значительной мере это объясняется тем, что для характеристики политической истории данного периода использовался преимущественно летописный материал. По летописям в основном написаны весьма интересные работы И. И. Смирнова, рисующие сложные перипетии политической борьбы в Русском государстве 30—40-х годов XVI в.[2] На той же источниковедческой базе строится изложение событий времени боярского правления в статье Я. С. Лурье[3]. Правда, попытки привлечь актовую документацию для показа отдельных сторон внутренней политики 30—40-х годов XVI в. имели место, но они были единичными[4].

Большая заслуга в изучении иммунитета принадлежит П. П. Смирнову, который свою оценку положения беломестного землевладения в период боярского самовластья основывал на анализе жалованных грамот 1538—1547 гг. Троице-Сергиеву монастырю и ряду других духовных корпораций на их слободы и городские дворы[5]. Многочисленные акты для изучения местного аппарата власти в первой половине XVI в. привлек также Н. Е. Носов[6]. Трудами П. П. Смирнова и Н. Е. Носова по существу и исчерпывается список работ, где широко использованы жалованные и указные грамоты в целях исследования политики боярских правительств. Вместе с тем эти авторы не решают все вопросы, связанные с изучением происхождения и содержания жалованных грамот 1538—1548 годов. П. П. Смирнов, занимаясь историей русского города, естественно, ограничился только актами на городские владения мона-

---

[1] Последним годом боярского правления мы считаем 1548, а не 1547 год, как было принято до недавнего времени. А. А. Зимин пришел к выводу, что «в 1547—1548 гг. еще нет данных о существовании правительства Адашева и Сильвестра» (А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 25). Этот вывод подтверждается и материалом жалованных грамот — только с 1549 г. начинается новая (ограничительная) иммунитетная политика.

[2] И. И. Смирнов. Классовая борьба в Московском государстве в первой половине XVI в.— «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; его же. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.— Л., 1958, стр. 75—136.

[3] «Очерки истории СССР», период феодализма (конец XV — начало XVII в.), под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина и А. А. Зимина, М., 1955, стр. 112—116.

[4] См., например, А. А. Зимин. О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV—XVI вв.— «Исторические записки», т. 63; его же. Состав боярской думы в XV и XVI вв.— «Археографический ежегодник за 1957 г.», т. 1, М., 1958, стр. 55—63.

[5] П. П. Смирнов. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1. М.— Л., 1947, стр. 104—109.

[6] Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления в Русском государстве первой половины XVI в. М., 1957, стр. 126, 165, 178 и др.

стырей, т. е. меньшей частью выданных в это время жалованных грамот. Н. Е. Носов, не занимаясь исследованием жалованных грамот в целом, рассматривал в них лишь те статьи, которые характеризуют функции городовых приказчиков.

Интересной особенностью периода боярского правления, на которую, на наш взгляд, не обратили должного внимания, было то, что он наступил сразу вслед за уничтожением последного более или менее крупного удела — Старицкого. Очевидно, ликвидация уделов в какой-то степени объективно сгладила остроту вопроса о том, кто из представителей феодальной знати будет непосредственно стоять у кормила государственной власти. Этим в конечном счете и объясняется та сравнительная легкость, с которой менялись боярские правительства в 1538—1548 гг. Вместе с тем после ликвидации уделов задача подавления классовой борьбы широких масс трудового населения приобрела еще более отчетливый характер, чем прежде.

Уничтожение уделов и связанная с ним дальнейшая централизация государственной власти содействовали усилению феодального гнета, росту фискального бремени и расширению масштаба судебно-административных преследований против нарушителей феодального правопорядка. Не случайно именно боярские правительства начали осуществлять с 1539 г. губную реформу[7].

Впрочем, и в этот промежуток незавершенность процесса создания централизованного государства оставалась характерной чертой развития России. Вот почему в 1538—1548 гг. оказалось возможным увеличение иммунитета ряда духовных корпораций, поскольку в их поддержке нуждались боярские группировки, сменявшие друг друга у власти. В этом отношении время боярского правления представляет собой период самой интенсивной выдачи грамот с иммунитетными привилегиями в первой половине XVI в. За короткий промежуток времени в 11 лет великокняжеское правительство составило, по нашим подсчетам, 184 жалованных и 54 указных грамот иммунитетного типа, всего, следовательно, 238 грамот. Из них пять грамот выдали писцы, восемь грамот — дворецкие и одну грамоту — конюший.

Прежде чем приступить к нашему исследованию, требуется определить, что́ мы понимаем под иммунитетными грамотами. Под ними разумеются документы, устанавливающие ту или иную степень неподведомственности феодального владения правительственным агентам и посторонним лицам. Поэтому жалованные и указные грамоты, которые не затрагивают вопросов иммунитета, а, например, только жалуют землю или содержат распоряжение о пожаловании земли, мы иммунитетными грамотами не считаем. Отношение правительства к вопросам феодального иммунитета мы условно будем называть «иммунитетной политикой». Мы полагаем, что судить о ней на базе имеющихся у нас материалов, исходя из содержания иммунитетных грамот, вполне возможно. В результате предпринятого источниковедческого изыскания выяснилось, что сохранившиеся грамоты распределены по корпорациям в соответствии с размерами их землевладения довольно пропорционально. Мы имеем, на наш взгляд, не случайный отрывочный материал, а основной комплекс выданных в изучаемое время жалованных грамот[8]. Отсюда

---

[7] Н. Е. Носов. Указ. соч., стр. 289—327; С. М. Каштанов. К проблеме местного управления в первой половине XVI в.— «История СССР», 1959, № 6.

[8] С. М. Каштанов. Жалованные и указные грамоты как источник по истории феодального иммунитета на Руси в первой половине XVI в. Автореферат диссертации, М., 1958, стр. 7.

возникает не только допустимость, но и необходимость систематического исследования грамот, основанного на учете их хронологического и территориального приурочения[9].

* * *

Нам известны 74 великокняжеские иммунитетные жалованные грамоты, выданные после смерти Елены Глинской (в апреле 1538 г.) до падения правительства князей Шуйских в конце 1543 г. О семи из этих грамот можно, однако, говорить только на основании упоминания о них в других источниках, так как тексты их утрачены. К этому же времени относится 21 указная грамота великокняжеского правительства, три иммунитетные грамоты, составленные в соответствии с распоряжениями правительства великокняжескими писцами, и четыре — дворецкими, включая в число последних одну несохранившуюся грамоту.

Апрель — конец октября 1538 г. было временем, когда князья Шуйские, захватившие власть в стране, вынуждены были делить ее в какой-то мере с князем И. Ф. Бельским, близким к митрополиту Даниилу. Непрочность положения заставила их искать союзников среди крупнейших духовных феодалов. Уже в первые месяцы правления Шуйских наблюдается сближение правительства с Троице-Сергиевым монастырем. Игумена Троице-Сергиева монастыря Иоасафа Шуйские намечали кандидатом в митрополиты. Это сближение выразилось как в земельных, так и в иммунитетных пожалованиях монастырю. Буквально через день после смерти Елены Глинской, 5 апреля 1538 г., Шуйские распорядились отдать Троице-Сергиеву монастырю вотчину одного из светских феодалов Дмитровского уезда, которую правительство Елены Глинской предписало «наведати» на великого князя[10]. Через месяц, 6 мая, точно такое же указание было сделано относительно конфискованного у князя Михаила Глинского сельца Звягина Московского уезда[11]. В июне 1539 г. Спасский Ярославский монастырь получил отобранные у него при Елене Глинской деревни и починки[12].

Впрочем, к лету 1538 г. правительство Шуйских еще окончательно не решило, на какой из монастырей ему выгоднее всего опереться. Шуйские пытались заполучить на свою сторону Симонов, Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри, где имелось немало влиятельных последователей Нила Сорского, настроенных враждебно по отношению к митрополиту-осифлянину Даниилу, поддерживавшему князя Бельского. Последний же возглавлял группировку сторонников политики Василия III и Елены Глинской (Федор Мишурин и др.). Уже с мая 1538 г. Шуйские стали выдавать жалованные и указные иммунитетные грамоты. Нам известны 17 иммунитетных грамот за май — сентябрь 1538 г. Из них жалованных грамот было 13, указных — четыре.

В грамотах, полученных Троице-Сергиевым монастырем, были закреплены главным образом судебные и заповедные привилегии. Из грамот видно, что в указанный промежуток времени крестьяне Троице-Сергиева монастыря принуждались к выполнению двух основных натуральных повинностей — городового дела и посошной службы, а также

---

[9] С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.— «Археографический ежегодник за 1957 г.», т. 1, стр. 302, 350—376.

[10] ГБЛ, Тр. кн. 521, л. 129 об.

[11] ГБЛ, Тр. кн. 528, № 263, лл. 368 об.— 369.

[12] И. А. Вахрамеев. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. 1. М., 1896, № X, стр. 10—11.

более мелких повинностей[13]. Правительство Шуйских пошло на некоторую уступку монастырю в отношении уплаты ямских денег и примета: местным сборщикам запрещалось взимать эти подати, монастырские власти должны были присылать «с... своих монастырских сел и з деревень ямские деньги, и примет, и вытные деньги... на Москву к нашей казне сами»[14]. Так было поступлено со старинными селами Кумгановым и Медной. Неизвестно, распространялся ли указанный порядок сбора ямских денег и примета на всю монастырскую вотчину. По крайней мере это правило касалось и новоприбыльных сел, на которые имелись только несудимые и заповедные грамоты[15]. С сел, не освобожденных официально от наместничьего посошного корма, последний взимался непосредственно самими наместниками и их агентами. В указной грамоте муромскому наместнику князю Ф. И. Одоевскому запрещалось брать корм с троицкого сельца Чегадаева только потому, что его «татаровя казанские выжгли и вывоевали»[16].

С лета 1538 г. еще большим вниманием, чем Троицкий монастырь, начал пользоваться в правительственных кругах Симонов монастырь. В июне — августе 1538 г. он получил три жалованные грамоты, из которых одна (грамота на переславские соляные варницы) совершенно определенно говорит о стремлении правительства дать монастырю ряд существенных привилегий. С 1492 г. переславские варницы Симонова монастыря не топились, стояли «пусты». Тяжелое положение монастырских промыслов было результатом ограничительной политики правительств Ивана III, Василия III и Елены Глинской, сокращавших привилегии иммунистов в пользу торгово-ремесленных слоев тяглого населения. Грамота 1538 г. имела целью содействовать развитию солеварения Симонова монастыря: в ней устанавливалась определенная сумма оброка с варниц, но сама уплата его отсрочивалась до 1542 г.[17]

Наряду с Троицким и Симоновым монастырями в июне — июле 1538 г. правительство Шуйских поспешило выдать жалованные грамоты и некоторым другим духовным корпорациям, на поддержку которых оно могло рассчитывать. Была выдана несудимая грамота близкому к Шуйским Спасо-Евфимьеву монастырю[18]. Его суздальские вотчины находились по соседству с владениями Шуйских. 28 июня 1538 г. правительство подтвердило не подписанную на великокняжеское имя в 1534 г. несудимую и заповедную грамоту 1506 г. суздальскому Никольскому Шартомскому монастырю[19], связанному с Шуйскими. В конце июня — начале июля 1538 г. были подтверждены две грамоты Василия III Велико-Устюжскому собору (1507 г.[20] и 1516 г.[21]), фиксировавшие его судебные и заповедные привилегии. Район Великого Устюга еще в первой четверти XVI в. являлся своеобразным полууделом великой княгини и управлялся великокняжеским наместником и тиуном великой княгини. По всей

[13] С. Шумаков. Тверские акты. Тверь, 1896, стр. 22—23, № IV.

[14] Там же.

[15] См. указную грамоту об уплате ямских денег крестьянами дмитровских сел Кунилова и Подчорткова (ГБЛ, Тр. кн. 528, № 260). Несудимая грамота на них была выдана 17 мая 1538 г. (там же, № 257).

[16] ЦГАДА, ГКЭ, № 7736.

[17] М. И. Смирнов. Соль Переяславская, прилож. 12, стр. 68.— «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», кн. XVII, Владимир, 1917.

[18] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, кн. 1, лл. 305—306, 493—493 об., 497, 494—494 об.

[19] «Прибавление к Владимирским губ. ведомостям на 1844 г.», № 3, III, стр. 10—11.

[20] «Вологодские губ. ведомости», 1851, часть неофициальная, № 28, стр. 325—326.

[21] Н. Румовский. Описание Велико-Устюжского Успенского собора. Вологда, 1862, стр. 66—67.

вероятности, такое положение Устюга сохранилось и при Елене Глинской. Не удивительно поэтому, что Шуйские поспешили закрепить власть правительства над этой территорией.

Несудимую грамоту на села Воргушу и Троицкое получил в июле 1538 г. Данилов Переславль-Залесский монастырь[22], не пользовавшийся особым расположением Елены Глинской и ее окружения. В июле 1538 г. правительство отправило холопенским таможникам указную грамоту, запрещавшую нарушать жалованную грамоту удельного князя Дмитрия Ивановича Углицкого крупной северной корпорации — Кирилло-Белозерскому монастырю. В грамоте содержалось разрешение покупать беспошлинно товары на сумму до 20 руб. в год[23]. Наконец, в августе 1538 г. епископ коломенский и каширский Вассиан Топорков получил тарханно-несудимую грамоту на две коломенские слободки[24], записанные, вероятно, при Елене Глинской в черное тягло[25].

Однако при всех своих попытках установить тесное сотрудничество с рядом монастырей правительство Шуйских в начальный период своей деятельности (до переворота 22 октября 1538 г.) придерживалось ограничительных принципов в иммунитетной политике, причем еще более строго, чем правительство времен регентства. В этот промежуток совершенно не выдавались тарханные грамоты (за исключением указанной грамоты Вассиану Топоркову). Только вследствие разорения монастырских вотчин казанскими татарами летом 1538 г. монастыри Корнилиев Комельский[26] и Симонов[27] получили льготные грамоты, освобождавшие их на пять лет от основных поземельных налогов и повинностей — дани, ямских денег, городового дела, посошной службы, наместничьего корма. В грамотах мая — сентября 1538 г., имеющих несудимый раздел, юрисдикция иммунистов ограничивалась изъятием из нее разбора двух категорий уголовных преступлений — душегубства и разбоя с поличным[28].

Скупость привилегий, которые содержатся в грамотах указанного времени, объясняется тем, что после смерти Елены Глинской в правительстве еще сохраняли силу сторонники централизаторской политики. В частности, оформление новых грамот и подтверждение старых находилось в руках видного сотрудника Василия III и Елены Глинской — дьяка Федора Мишурина (им были заверены все грамоты, подписанные на великокняжеское имя в июне — июле 1538 г.). Влиянием Мишурина объясняется, очевидно, в значительной мере и весьма последовательное проведение в жизнь тех ограничений привилегий крупных феодалов, которые лежали в основе иммунитетной политики Василия III.

22 октября 1538 г. Шуйскими был убит дьяк Федор Мишурин, а князь И. Ф. Бельский брошен в темницу. Началась подготовка отставки митрополита Даниила, поддерживавшего князя Бельского. Очевидно, уже в этот период было твердо решено ввести на митрополичий стол игумена Троице-Сергиева монастыря Иоасафа, близкого к нестяжателям. Поэтому поздняя осень 1538 г. явилась временем резкого перелома в иммуни-

[22] В. Г. Добронравов. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславе-Залесском. Сергиев посад, 1908, прилож. 2, стр. 18—19.

[23] ГПБ Q — IV — 113а, лл. 1593—1596; ср. РИБ, т. 32, № 182.

[24] Грамота найдена в гос. архиве Тульской области (ф. 2202, св. 1, д. 1, 2) и подготовлена к печати В. А. Кучкиным.

[25] Около 1535/36 г., как полагает В. А. Кучкин, специально исследовавший эту грамоту.

[26] Амвросий. История Российской иерархии, ч. IV, стр. 706—711, № 11.

[27] М. И. Смирнов. Указ. соч., прилож. 12.

[28] ГБЛ, Тр. кн. 528, № 257; ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, кн. 1, лл. 305—306; там же, ГКЭ, № 7737; ГИМ, Сим. кн. 58, лл. 698—700; В. Г. Добронравов. Указ. соч., прилож., стр. 18—19; «Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым», М., 1905 (далее И. М. Катаев и А. К. Кабанов. Акты), № 1, 25.

тетной политике Шуйских: в связи с предстоявшим сведением с митрополичьей кафедры Даниила правительство стало энергично добиваться содействия монастырей.

От всего первого периода правления Шуйских (конец 1538—1540 г.) нам известно 39 иммунитетных грамот, из которых одна была выдана дворецким, а четыре не дошли. Дошедшие великокняжеские иммунитетные грамоты представлены 28 жалованными и шестью указными.

В конце 1538 г. установился тесный контакт между Шуйскими и Троице-Сергиевым монастырем. В начале ноября Троицкий монастырь получил жалованную данную, тарханную и несудимую грамоту на рыбные ловли и пожни в Нижегородском уезде, а также на дворовые места и варницы в Балахне и Нижнем Новгороде[29]. 7 и 8 ноября были посланы специальные указные грамоты в Балахну[30] и Нижний Новгород[31] о предоставлении монастырю пожалованных владений и привилегий. Это распоряжение как в своей вотчинной, так и в иммунитетной части шло вразрез с интересами посадских людей: за их счет расширялась суженная в предшествующий период сфера беломестного землевладения[32], а освобождение монастырских людей от налогов[33] означало усиление податного нажима на посад. В ноябре 1538 г. Троицкий монастырь добился выдачи ему грамоты на беспошлинную ловлю рыбы в Переславском и Сомине озерах[34]. Когда-то Василий III отнял у монастыря эту привилегию, «прогневавшись» на игумена Якова за то, что «некоторые дела бранные стали монастырским людем с ловцы переславскими»[35]. Жалованные грамоты, полученные монастырем в ноябре 1538 г., восстанавливали старинные владельческие и иммунитетные (по крайней мере податные) права монастыря, существовавшие еще со второй трети XV в.[36] Это был весьма показательный факт: Шуйские демонстративно порывали с ограничительной политикой Василия III и Елены Глинской в области податного иммунитета.

Троице-Сергиев монастырь был не единственной духовной корпорацией, получившей в это время освобождение от налогов. В декабре 1538 г. правительство предоставило Тотемскому Ефремову монастырю право «около того монастыря на все стороны лес сечи и крестьян на том на диком лесу содити и пашню пахати от того монастыря по пяти верст». Одновременно монастырская вотчина освобождалась на неопределенный

[29] ГБЛ, Тр. кн. 518, лл. 10—12 об.

[30] «Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов», под ред. А. К. Кабанова.— «Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии», вып. 3, ч. 1, Нижний Новгород, 1913, Сборник т. XIV, стр. 12, № 7.

[31] Там же, стр. 11—12, № 6; ср. ЦГАДА, ГКЭ, № 7947.

[32] Основная часть вод и угодий, перечисленных в грамоте, принадлежала монастырю с середины XV в. Однако в последнее время монастырские власти из-за «казанские розмирицы... людей своих на те воды не посылали». Челобитная монастыря излагается в грамоте так: «А коли писцы наши писали Новгород Нижний и Соль Балахонскую, и те их воды написали в оброце за городцкими людьми с иными с нашими с оброчными водами, потому что на них монастырских людей не было, и нам бы их теми водами и местом дворовым и варницами у Соли у Балахонские и в городе на Балахне местом на двор на осадной пожаловати». Очевидно, писцы в самом деле записали монастырские владения за городскими людьми. Правительство не только вернуло монастырю старинные воды и дворы, но и придало ему новое осадное место в Балахне, а также дополнительные рыбные ловли.

[33] В указной грамоте нижегородским ключникам, например, говорится: «и оброков бы есте наших и своих всяких пошлин с тех вод и з дворов с монастырских ныне и вперед не имали».

[34] АГР, т. I, стр. 299—300.

[35] Там же.

[36] Привилегии на нижегородские владения были даны монастырю Василием II при игумене Васьяне (1455—1466), на Переславское и Сомино озеро — при игумене Зиновии (1432—1445). См. АСЭИ, № 92.

срок от главных пошлин и повинностей: дани, подвод, городового дела, посошной службы, тамги[37]. В декабре 1538 г. в великокняжеской канцелярии были подтверждены жалованные грамоты на монастырские дворы на посадах: Спасскому Ярославскому монастырю — обельная грамота Василия III 1511 г., по которой монастырским людям в Ярославле разрешалось не тянуть с городскими людьми ни в какие проторы и разметы, «опричь посошные службы и пищального наряду и городового дела»[38]; Иосифо-Волоколамскому монастырю — тарханная грамота удельного князя Андрея Ивановича 1534 г., освобождавшая от дани, ямских денег, посошной службы, городового дела и других повинностей и пошлин монастырский двор в Старице[39].

Несколько жалованных грамот с большими финансовыми привилегиями приобрели монастыри в феврале 1539 г., когда происходило смещение митрополита Даниила и замена его Иоасафом. В этот момент Кирилло-Белозерский монастырь добился возвращения ему двора в Угличе, который «ныне взяли к городу на нас приказщики наши городовые». Населению монастырского двора разрешалось не тянуть с черными людьми ни в какие разметы[40]. Посланная в феврале 1539 г. указная грамота в Суздаль запрещала городовым приказчикам «вступаться» в Шиповскую слободку Покровского девичьего монастыря[41].

Нарастание податных привилегий крупных духовных феодалов приобрело в конце 1538—1540 г. значительный размах, став одной из отличительных черт иммунитетной политики Шуйских. Увеличение финансовых прав монастырей нельзя объяснить только отдельными моментами из истории политической борьбы правительства и митрополичьей кафедры. Оно имело более широкую основу — непрочность положения Шуйских, их стремление обеспечить союз с возможно бо́льшим числом духовных корпораций для того, чтобы удержать в своих руках власть.

После переворота 22 октября 1538 г. правительство выдавало щедрые жалованные грамоты самым различным монастырям. В марте 1539 г. Соловецкому монастырю было дано 13 луков земли «с ценным оброком» (соляные варницы освобождались от оброка) и со всем, «что... потягло, оприч обежные дани»[42]. В 1539 г. Усть-Шехонский монастырь получил грамоту, разрешавшую монастырскому дворнику в Белоозере на посаде не тянуть с тяглыми людьми в разные проторы и разметы[43]. Большой интерес представляет жалованная грамота от 16 января 1540 г. Троице-Сергиеву монастырю на его московский двор, завещанный «в дом... Троице» гостем Иваном Михайловичем Антоновым. В грамоте пересказывается челобитная монастырских властей: «А тот их двор написан в тягле з гостиными дворы, и тягль нашу з гостьми со всеми тянули, и нам бы их пожаловати — с того двора тягли своей и всяких пошлин имати не велети и с гостьми бы им не тянути ни в которые разметы». Правительство выполнило просьбу монастыря[44]. Таким образом, Шуйские расширили податной иммунитет Троицкого монастыря в ущерб интересам верхушки московского посада — гостей.

В 1539—1540 гг. освобождались от пошлин не только монастырские дворы и промыслы, но также села и деревни. Наиболее щедрую тархан-

[37] Амвросий. Указ. соч., ч. IV, стр. 89—95.

[38] И. А. Вахрамеев. Исторические акты, № IV, стр. 5—6.

[39] «Исторические записки», т. 27, стр. 290; АФЗ и Х, ч. II, № 129.

[40] С. А. Шумаков. Угличские акты. М., 1899, стр. 5—7, № VI.

[41] ЦГАДА, ГКЭ, № 11800.

[42] Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря, ч. III. М., 1836, стр. 1—3.

[43] ГБЛ, Румянц. кн. 53, лл. 10—13.

[44] ГБЛ, Тр. кн. 520, лл. 19 об.— 22

ную грамоту получил в сентябре 1539 г. Иосифо-Волоколамский монастырь на с. Фаустову Гору в Зубцовском уезде[45]. Эта грамота была дана взамен грамоты Василия III 1522 г. на то же село[46]. Грамота 1539 г. резко увеличивала иммунитетные привилегии монастыря: в ней содержалось освобождение от основных прямых налогов, чего нет в акте 1522 г. Расширялась и монастырская юрисдикция. По грамоте Василия III монастырь имел в Фаустовой Горе право суда, «оприч душегубства и разбоя с поличным». В 1539 г. дела о разбое с поличным стали подведомствены монастырю.

Выдачу этой жалованной грамоты 1539 г. нельзя не связать с изменениями в политической ориентации Шуйских. Посаженный ими на митрополичий стол Иоасаф оказался далеко не последовательным сторонником боярской группировки, стоявшей у власти. Известно, что уже в июле 1540 г. он добился освобождения И. Ф. Бельского и способствовал, таким образом, падению правительства Шуйских к концу 1540 г. Видимо, уже с осени 1539 г. боярское правительство решило опереться на политических противников нестяжателей — осифлян, цитаделью которых являлся Волоколамский монастырь. Впоследствии близость Шуйских к осифлянам нашла выражение в союзе их с новгородским архиепископом Макарием, который благодаря Шуйским стал в 1542 г. митрополитом.

Помимо уже указанных грамот, содержащих податные привилегии, можно отметить еще грамоту, выданную в январе 1540 г. Печерскому Нижегородскому монастырю, в которой его вотчины в Нижегородском и Суздальском уездах освобождались на 10 лет от дани, ямских денег, посошной службы, наместничьего корма и других пошлин[47]. О щедрости иммунитетных пожалований свидетельствует и грамота, полученная в августе 1539 г. Троицким Гледенским монастырем. Монастырь указывал в своей челобитной, что в его заводи на р. Сухоне оброк исстари «не имывали». Правительство подтвердило нерушимость этого принципа и запретило приход в монастырскую заводь посторонних лиц[48].

Таким образом, в конце 1539 — начале 1540 г. освобождение монастырских вотчин от налогов приобрело значительные размеры. Оно сочеталось с предоставлением монастырям новых и отнятых у них раньше земель. В отдельных случаях, обусловленных обычно перипетиями острой внутриклассовой борьбы, когда правительство нуждалось в содействии того или иного монастыря, восстанавливались иммунитетные привилегии монастырей, нарушенные предшествующими правительствами, или расширялись их старые податные привилегии.

Большое количество тарханных и обельных грамот, выданных и подтвержденных в этот промежуток времени, относится к монастырским дворам в городах. Монастыри, почувствовав уступчивость Шуйских в вопросе о податных привилегиях, поспешили выпросить у правительства жалованные грамоты, которые укрепляли позиции духовных феодалов в городах, т. е. там, где их положение было особенно ослаблено в период княжения Василия III. Жалованные грамоты конца 1538 — начала 1540 г., посвященные фиксации финансовых привилегий монастырей, предоставляли различным монастырям различные по объему комплексы иммунитетных прав. Во-первых, имело место полное освобождение от казенных сборов. Оно давалось наиболее влиятельным духовным кор-

[46] «Исторические записки», т. 27, стр. 288—290; АФЗ и X, ч. II, № 87.
[46] Там же.
[47] «Материалы по истории Нижегородского края...», стр. 14—15, № 10.
[48] Эти сведения извлечены из подложного списка грамоты 1539 г. (ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/131), где использован частично текст подлинника.

порациям с целью получить от них помощь в борьбе за власть. При этом одинаково щедро обелялись как монастырские дворы в городах (грамоты 1538 и 1540 гг. Троице-Сергиеву монастырю, подтверждение грамоты 1534 г. Андрея Старицкого Волоколамскому монастырю), так и монастырские села (грамота 1538 г. Ефремову монастырю, грамота 1539 г. Иосифо-Волоколамскому монастырю). Во-вторых, наблюдалось временное или неполное освобождение от податей. Эту льготу получали менее значительные монастыри.

Ущемление прав монастырей было обратно пропорционально их удельному весу, а когда дело касалось монастырских дворов — прямо пропорционально политической активности посадов. Так, крупный Соловецкий монастырь освобождался от разных пошлин, кроме одной обежной дани. Важный в стратегическом отношении Нижегородский Печерский монастырь был обелен от всех пошлин на большой срок — 10 лет. Кирилло-Белозерский монастырь получил для всего населения монастырского двора в Угличе право не тянуть с тяглыми людьми в проторы и разметы (но вообще от податей двор не был освобожден). Мелкий Усть-Шехонский монастырь сумел добиться этой привилегии только для одного дворника в оживленном экономическом центре — Белоозере, где имелся окрепший в конце XV — начале XVI в. посад.

Кроме льгот в уплате налогов, монастыри получали и другие финансовые привилегии. Именно в этот период Николаевскому Корельскому монастырю удалось выговорить себе право на оброчное владение частью озера Кудмо, которое, как сказано в челобитье монастырских властей, у них «поотнимали двиняне ненокшане Олексей да Ивашко Яковлевы дети Малого». Последние платили с озера в казну оброк в размере рубля. Правительство отдало монастырю две трети озера, оставив в руках ненокшан одну треть. При этом общая сумма оброка с озера снизилась на 2 гривны (монастырь платил 107 денег, а ненокшане — 53 деньги, т. е. с каждой трети озера взималось 53 деньги) [49]. Показателен также пример с предоставлением в мае 1540 г. мельницы Данилову Переславль-Залесскому монастырю. До отдачи ее в монастырь мельница находилась в оброчном держании у некоего Володьки Трофимова, который платил оброк в казну. Правительство передало монастырю не только мельницу, но и мельника, отменив уплату оброка [50].

Следовательно, политика Шуйских способствовала опутыванию торгово-ремесленных слоев тяглого населения цепями частно-феодальных отношений и шла вразрез с интересами укрепления государственных финансов.

В пользу монастырей свертывалась и волостная торговля. Так, способствуя сбору таможенных пошлин Троице-Сергиевым монастырем в его селе Медне, правительство Шуйских в декабре 1539 г. поставило под запрет все местные торжки Новоторжского уезда, кроме посада г. Торжка и с. Медны. Указная грамота 1539 г. о запрещении торговли в разных местах Новоторжского уезда характеризует своекорыстную политику правительства Шуйских, стеснявших развитие товарного обращения в стране. Само появление запрета, содержащегося в грамоте, было обусловлено тем, что казна не получала доходов от торговли в волостях Новоторжского уезда, где отсутствовал институт волостных таможенников. Последнее обстоятельство объясняется в конечном счете неравномерностью развития товарно-денежных отношений в Русском

[49] «Сборник грамот Коллегии экономии», т. II, Л., 1929, № 86а.

[50] «А мельник у нее Володька Трофимов з двором, с снастью с мельничною со всею, а оброку с тое мельницы дву рублев без чети в свою казну имати... не велел» (В. Г. Добронравов. Указ. соч., прилож. 5).

государстве XV—XVI вв. Грамота признает возникновение торгов в волостях Новоторжского уезда новым явлением: «А наперед, деи, того во владычне слободке и у Николы в Бернове, и в Загорье у Пятницы святой, и в Вышкове, и в Ильинском селе торг не бывал и не торговал нихто никаким товаром»[51]. Вот, по сути дела, причина того, что в волостях Новоторжского уезда не установилась к 40-м годам XVI в. система казенных таможенников, которая наблюдается в станах и волостях более развитых в экономическом отношении уездов[52]. Однако характерно самоустранение правительства от организации новых таможен, передача «по старине» функций волостного сборщика таможенных пошлин крупному монастырю-вотчиннику.

Покровительственное отношение Шуйских к монастырям обнаруживается в целом ряде распоряжений, вышедших в это время из великокняжеской канцелярии. Такова, например, отправленная в Рязань в августе 1539 г. грамота, предписывающая городовому приказчику собирать оброк для Спасского Рязанского монастыря с расположенных на монастырской земле дворов детей боярских и черных людей, которые после смерти старого городового приказчика перестали платить оброк монастырю[53].

При Шуйских участились случаи пожалования руги духовным феодалам. Это усиливало финансовую зависимость их от правительства. Известны ружные грамоты 1539—1540 гг. Никольскому Песношскому[54], Александрову Ошевневу[55], Данилову и Рождественскому переславль-залесским монастырям[56].

Менее благоприятной для духовных корпораций была таможенная политика правительства. В жалованных грамотах 1538—1539 гг. Тотемскому Ефремову, Комельскому, Гледенскому и Усть-Шехонскому монастырям разрешался провоз запасов только «на монастырскую потребу». Старцы, люди и крестьяне Комельского монастыря получили право безмытно провозить к Москве «корм свой»[57]. Экспедиция Гледенского монастыря освобождалась от мыта, явки, мостовщины и других пошлин при условии провоза товаров «не на продажу» в одном дощанике или на 10 возах[58]. Строго регламентировались провоз и закупка товаров Усть-Шехонским монастырем[59]. Правда, Ефремову монастырю разрешалось безмытно и бестаможенно купить и продать товар «на монастырской запас» без каких-либо конкретных ограничений[60].

В отношении судебного иммунитета правительство Шуйских продолжало политику Василия III, направленную к сокращению привилегий монастырей и митрополичьего дома. В грамотах 1538—1540 гг. из юрисдикции монастырей исключалось обычно право суда по двум видам уго-

---

[51] ААЭ, т. I, № 188, стр. 165—166.

[52] Еще в грамотах князя Юрия Ивановича на рузско-дмитровские вотчины монастырей об институте волостных (становых) таможенников говорится как о вполне обычном явлении. Ср. также грамоту 1540 г. на земли в Белозерском уезде (ГБЛ, Румянц. кн. 53, лл. 14—17 об.).

[53] С. Шумаков. Материалы для истории Рязанского края, вып. I. Рязань, 1898, стр. 11, № 2.

[54] К. Ф. Калайдович. Историческое и топографическое описание монастыря святого чудотворца Николая, что на Пешноше. М., 1837, стр. 108—110.

[55] ЛОИИ, Собр. рукописных книг, № 41, л. 1—1 об.

[56] В. Г. Добронравов. Указ. соч., прилож. 4.

[57] «Вологодские епархиальные ведомости», 1870, Прибавление к № 3, стр. 103—104.

[58] ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/130.

[59] ГБЛ, Румянц. кн. 53, лл. 10—13.

[60] П. Савваитов. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря. СПб., 1850, стр. 47—49, № 1.

ловных преступлений — душегубству и разбою с поличным [61]. Только в грамоте Иосифо-Волоколамскому монастырю на с. Фаустову Гору судебный иммунитет утверждался, «оприч душегубства» [62]. Участились случаи передачи из рук иммунистов в руки наместников разбора дел о душегубстве и татьбе с поличным. Правительство решилось провести это ограничение в отношении мелких, недостаточно влиятельных монастырей — Тотемского Ефремова [63], Владимирского Спасского [64], Вологодского Комельского [65], Переславского Данилова [66]. С другой стороны, Шуйские содействовали обеспечению монастырей-вотчинников земельной рентой, предельно сокращая число сроков вызова монастырских крестьян в великокняжеский суд по тяжбам с посторонними лицами. Так, для крестьян Тотемского Ефремова монастыря устанавливался всего один срок [67].

Шуйскими проводился в полной мере принцип подсудности настоятелей во всех делах, кроме духовных, не митрополиту и архиепископам, а великому князю или высшим правительственным чинам. Это имело большое значение для ограничения власти церкви и, возможно, явилось одной из причин разрыва с Шуйскими Иоасафа, который, будучи нестяжателем, придерживался политической доктрины, требовавшей невмешательства светской власти в дела церкви. Мероприятия правительства в области вотчинного суда и суда над духовными феодалами нельзя не поставить в связь с губной реформой, которая начала проводиться в это время. Судебные реформы были вызваны обострением классовых противоречий в Русском государстве.

Начавшаяся с лета 1540 г. глухая борьба между правительством Шуйских и выпущенным из заточения князем Бельским привела к своеобразной нейтрализации в иммунитетной политике: во второй половине (с июля) 1540 г. прекратилась до января 1541 г. (время утверждения И. Ф. Бельского у власти) выдача жалованных грамот монастырям.

Итак, в первый период правления Шуйских распространилась выдача жалованных данных грамот монастырям как на сельские, так и на городские владения. Тарханные грамоты в 1538—1540 гг. получили, помимо Волоколамского монастыря, некоторые северные корпорации — Тотемский Ефремов, Соловецкий, Гледенский монастыри. Появление этих грамот следует рассматривать в свете попыток Шуйских заручиться поддержкой феодалов Новгорода и прилегавших к нему уездов. Льготными грамотами Шуйские пытались привлечь к себе в это время монастыри, имевшие вотчины в Переславль-Залесском и Суздальском уездах, где Шуйские пользовались особым влиянием. Из трех жалованных несудимых грамот, выданных в течение рассмотренного периода светским феодалам, две относятся тоже к району Переславль-Залесского [68] и соседнего с ним Радонежа [69] (одна грамота касалась земель в пограничном Тульском уезде) [70].

---

[61] ГБЛ, Тр. кн. 518, лл. 10—12 об.; там же, кн. 528, № 269; АГР, т. I, стр. 299—300; «Чтения ОИДР», 1898, кн. 1, стр. 5—7, № VI; ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1—129; АФЗиХ, ч. II, № 153 и др.

[62] АФЗиХ, ч. II, № 149.

[63] Амвросий. Указ. соч., ч. IV, стр. 89—95.

[64] ЛОИИ, Собр. Головина, № 58.

[65] Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 283—286.

[66] В. Г. Добронравов. Указ. соч., прилож. 5, стр 21—22.

[67] Амвросий. Указ. соч., ч. IV, стр. 89—95.

[68] И. М. Катаев и А. К. Кабанов. Акты..., № 1/25.

[69] «Памятники русского права», вып. IV, стр. 121—122.

[70] «Чтения ОИДР», кн. II, стр. 117—118, № 136.

* * *

От 1541 г., когда у власти в стране стояло правительство князя И. Ф. Бельского, до нас дошло сравнительно мало иммунитетных грамот — восемь жалованных и пять указных, одна грамота, выданная по правительственному указу писцами, и одна — дворецким [71]. Состав грамотчиков был целиком монастырским.

Для И. Ф. Бельского характерна гораздо бо́льшая сдержанность в предоставлении податных привилегий, по сравнению с Шуйскими. Крупные льготы получили лишь монастыри, в непосредственной поддержке которых нуждалось правительство Бельского в борьбе с Шуйскими. Известно, что в 1541 г. за И. В. Шуйского стояли новгородцы «всем городом», а тесная связь Шуйских в этот период с новгородским архиепископом Макарием не подлежит сомнению. В сложившейся обстановке И. Ф. Бельскому было важно укрепить свои позиции в Новгородской земле и прилегавших к ней уездах. Уже в январе 1541 г. его правительство послало грамоту белозерскому наместнику И. Ф. Воронцову с запрещением нарушать несудимую грамоту Вологодскому Ферапонтову монастырю, в которой судебный иммунитет санкционировался «оприч душегубства» [72]. Указная грамота не только подтверждала привилегию, зафиксированную в грамоте Василия III Ферапонтову монастырю [73], но еще больше ограничивала полномочия наместника: у него отнималось право участвовать в смесном суде [74]. Институт смесного суда в белозерских вотчинах Ферапонтова монастыря, видимо, вообще ликвидировался. Содержавшаяся в грамоте Василия III статья о вызове монастырских крестьян один раз в году в великокняжеский суд в случаях, если на них возьмут пристава, распространялась теперь, по всей вероятности, на тяжбы не только с лицами, неподсудными наместнику, но и с людьми, находившимися прежде в его ведении. Следовательно, реформа суда решительным образом ограничила права наместников как в отношении посадского и черносошного населения, так и в отношении крестьян иммунитетных вотчин.

Правительство И. Ф. Бельского ценой любых уступок пыталось склонить на свою сторону крупнейших новгородских феодалов. С этой целью в начале февраля 1541 г. была выдана жалованная грамота Соловецкому монастырю на безмытный и бестаможенный провоз 6 тыс. пудов соли. Монастырь получил право судить своих людей и крестьян «во всем». Специально оговаривалась неподсудность игумена и братии новгородскому архиепископу (а им был близкий к Шуйским Макарий) «ни в чем, оприч духовного дела» [75]. В марте 1541 г. правительство выдало жалованную грамоту Евфимьевой пустыни на ее вологодские и устюжские вотчины, т. е. опять-таки на земли, близкие к Новгороду. Устюжские владения пустыни освобождались за определенный оброк, который корпорация должна была выплачивать «в волость»: «А давати им с тех деревень и починков в волость старостам и сотцким и всем крестьянам Мольские волости оброком з году на год за дань и за волостелин корм, и за пятно, и за все пошлины по десяти алтын» [76]. Таким образом, при

[71] Всего великокняжеских иммунитетных грамот 1541 г. нам известно 15, но две из них лишь упоминаются, причем не совсем ясно, указной или жалованной была грамота о судебных привилегиях Изосиминской Клинской пустыни в Клинском, Тверском и Волоцком уездах (Леонид. Клинская Изосименская пустынь и ее акты.— «Чтения ОИДР», 1876, кн. II, отд. V. Смесь, стр. 74).

[72] ААЭ, т. I, № 193, стр. 170.

[73] ЦГАДА, ГКЭ, № 2579.

[74] Наместнику предписывалось ходить «о всем по тому, как в их жалованной грамоте писано в несудимой, оприч смесного суда».

[75] Досифей. Указ. соч., ч. III, стр. 3—7.

[76] ЦГАДА, ГКЭ, № 2582. Жалованную грамоту в 1541 г. получили Ярославский

всей щедрости пожалованных пустыни привилегий правительство учитывало и интересы черного тяглого мира. Очевидно, монахам надлежало также платить в великокняжескую казну ямские деньги, освобождения от которых в грамоте нет.

Из других жалованных грамот, полученных в 1541 г. духовными корпорациями, значительный интерес представляет льготная грамота, выданная в октябре 1541 г. Владимирскому Рождественскому монастырю. Объектом пожалования являлось в ней сельцо, которое «запустело... лет з дватцать, хором нет и поля лесом заросли» [77]. Внимание на это давно запустевшее село было обращено осенью 1541 г. не случайно. Уже с лета 1541 г. во Владимирском уезде находился с войсками князь И. В. Шуйский, посланный сюда под предлогом обороны русских границ от татар. Правительство И. Ф. Бельского путем предоставления главнейших податных льгот одному из видных владимирских монастырей стремилось лишить князя Шуйского поддержки в среде местных феодалов.

Общие принципы иммунитетной политики в период правления князя Бельского характеризуются в области податного иммунитета пожалованием временной или неполной [78] свободы от государственных налогов; в области судебного иммунитета — обычным ограничением вотчинной юстиции в делах о душегубстве и разбое с поличным [79]. Для решения тяжб с посторонними лицами устанавливался один срок вызова в великокняжеский суд [80]. Суд над настоятелями, как и при Шуйских, оставался в руках государства [81].

Правительство И. Ф. Бельского почти совсем не выдавало монастырям данных, тарханно-оброчных и тарханных грамот. От Бельских монастыри получали, как правило, льготные, а не тарханные грамоты.

3 января 1542 г. правительство князя Бельского пало, власть в стране вновь захватила группировка князей Шуйских. В марте 1542 г. был сведен с митрополичьей кафедры Иоасаф, митрополитом стал близкий к Шуйским Макарий.

От второго периода правления Шуйских, длившегося до декабря 1543 г., дошло 20 жалованных и семь указных иммунитетных великокняжеских грамот. К этому числу надо прибавить одну несохранившуюся жалованную грамоту, одну грамоту, выданную писцами, и две — дворецкими (одна из них тоже не сохранилась). Грамоты касались владений духовных феодалов; лишь одна указная грамота имела в виду земли светских феодалов.

Для иммунитетной политики Шуйских 1542 г. характерна еще некоторая исключительность в предоставлении привилегий монастырям. Так, особым покровительством правительства пользовались некоторые северные монастыри [82], а также корпорации, расположенные вблизи родового гнезда Шуйских, в районе Суздаля, и, видимо, издавна связанные с Шуйскими экономическими и политическими узами. В июне и ноябре 1542 г. во Владимир и Суздаль были посланы указные грамоты, пред-

Толжський монастырь («Ярославские епарх. ведомости», 1897, № 10, часть неофициальная) и Троице-Сергиев на села Бежецкого и Ростовского уездов (ГБЛ, Тр. кн. 419, лл. 39—40).

[77] ЦГАДА, ГКЭ, № 1794.

[78] Там же, № 7738, 1794, 2582.

[79] Там же, № 2582; В. Г. Добронравов. Указ. соч., прилож. 6, стр. 22—23.

[80] ЦГАДА, ГКЭ, № 7738.

[81] Там же, № 2582; В. Г. Добронравов. Указ. соч., прилож. 6.

[82] В феврале 1542 г. была выдана несудимая грамота монастырю Михаила Архангела в устье Двины (ГИМ, Собр. Черткова, 12, инв. оп. 183, лл. 22 об.— 25. Сообщил Я. Н. Щапов). Тогда же получил жалованную грамоту Кирилло-Новоезерский монастырь (ЦГАДА, ГКЭ, № 782), в мае — Покровский Углицкий (ЦГАДА, ф. Канцелярии Сената, кн. 192, л. 252 об.), в октябре — Николаевский Корельский (АИ, т. I, № 141).

[83] И. М. Катаев и А. К. Кабанов. Акты..., стр. 33—34, № 1/25, 5/27.

писывавшие городовым приказчикам не взимать ямские деньги посошных людей и не требовать исполнения зелейной повинности с крестьян Суздальского Покровского девичьего монастыря[83]. Грамоты ссылались на какую-то «нашу» жалованную тарханную грамоту. Последняя, возможно, была выдана еще в начале 1542 г.

В 1543 г. освобождение монастырей от прямых и косвенных налогов приобрело более широкий размах. Среди иммунитетных актов этого года, относящихся к монастырским селам и деревням, имеются, помимо несудимых, тарханные, обельные и льготные грамоты. Курс на увеличение податных привилегий монастырей, развивавшийся с весны 1543 г., достиг апогея летом, когда были выданы жалованные грамоты крупнейшим духовным корпорациям — Троице-Сергиеву и Иосифо-Волоколамскому монастырям. В марте 1543 г. обельную грамоту получил Московский Богоявленский монастырь[84]. В своей иммунитетной части эта грамота целиком копировала (за исключением некоторых добавлений к судебному разделу) грамоту Богоявленскому монастырю 1511 г.[85] — освобождение от дворцово-княжеских повинностей сочеталось в ней с отрицанием права монастырского пятна. В том же месяце правительство выдало жалованную грамоту с более существенными привилегиями Троицкому Махрищенскому монастырю на его старинное сельцо Зеленцыно Переславского уезда[86]. По грамоте 1506 г. Зеленцыно пользовалось только судебными привилегиями[87]. Грамота 1543 г. предоставила этому селу освобождение от дани, мыта, тамги и других пошлин и повинностей. Однако ямские деньги, посошная служба и городовое дело не были в числе пошлин, уплата или исполнение которых отменялись.

В июне 1543 г. Иосифо-Волоколамский монастырь получил исключительно щедрую тарханную грамоту, освобождавшую его земли в Волоцком, Рузском и Тверском уездах от дани, ямских денег, посошной службы, городового дела, тамги, мыта и других податей и повинностей[88]. В декабре 1543 г. Симонов монастырь под благовидным предлогом постройки церкви выпросил себе жалованную грамоту; она предоставляла монастырю право в течение двух лет не платить никаких государственных налогов и пошлин со всей вотчины[89].

Но если льготы на монастырские села и деревни значительно варьировали, различаясь как объемом, так и долгосрочностью, то привилегии, касавшиеся городских дворов разных монастырей, имеют между собой большие черты сходства. В несудимой грамоте 1542—1543 гг. Комельскому монастырю на починки есть специальная статья, посвященная иммунитету монастырского двора в Вологде: «и с черными людьми им (монастырским людям.— *С. К.*) в тягло не тянути ничем»[90]. Таким образом, грамота закрепляла полную податную изолированность монастырского двора от посада. В мае 1543 г. муромским городовым приказчикам было велено отвести Владимирскому Рождественскому монастырю «место порожнее необрочное и нетяглое на приезд»[91]. В двух жалованных грамотах, выданных в августе и октябре 1543 г. Троице-Сергиеву монастырю на его дворы, содержалось освобождение от всех основных поземельных

[83] И. М. Катаев и А. К. Кабанов. Акты..., стр. 33—34, № 1/25, 5/27.
[84] ЦГИАЛ, кн. копий Богоявленского м-ря, лл. 16 об.— 19.
[85] Там же, лл. 13 об.— 16.
[86] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 112.
[87] Леонид. Махрищский монастырь, стр. 31—32, № 6.— «Чтения ОИДР», 1878 г., кн. 3.
[88] АФЗиХ, ч. II, № 171.
[89] ГИМ, Сим. кн. 58, лл. 239 об.— 240 об., по Москве № 62.
[90] Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 286—295.
[91] ЦГАДА, ГКЭ, № 7740.

налогов — дани, ямских денег, посошной службы, посошного корма и всяких земских повинностей [92].

Следовательно, правительство Шуйских превращало монастырские дворы в белые «необрочные и нетяглые» места, противопоставляя их черному посадскому миру. Это соответствовало общей линии политики Шуйских, направленной на тесное сближение с влиятельными монастырями путем предоставления им широких податных привилегий [93].

В отношении правительства к судебному иммунитету не удается обнаружить ничего принципиально нового. Из юрисдикции грамотчиков исключались обычно две разновидности преступлений [94]. Только у Комельского монастыря, по примеру грамоты, пожалованной ему в 1539 г. [95], отнималось право суда и в делах о тятьбе с поличным [96]. В 1543 г. можно наблюдать скорее некоторое увеличение судебного иммунитета монастырей. Не говоря уже об Иосифо-Волоколамском монастыре, юрисдикция которого была закреплена «опричь душегубства», существенно расширялись судебные права такой сравнительно мелкой духовной корпорации, как Троицкий Махрищенский монастырь. Грамота этому монастырю 1506 г. на с. Зеленцыно изымала из монастырской юрисдикции дела о душегубстве и разбое с поличным, грамота 1543 г. передавала в руки наместников разбор тяжб лишь по вопросам душегубства.

Правительство Шуйских назначало обычно один срок явки в великокняжеский суд крестьян, принадлежавших иммунистам [97], за исключением Иосифо-Волоколамского монастыря, крестьяне которого по традиции вызывались в суд дважды. Подсудность настоятелей великому князю и его доверенным лицам оставалась во второй период правления Шуйских одним из неколебимых принципов внутренней политики. Только в грамоте Иосифо-Волоколамскому монастырю, как и в грамотах, пожалованных ему ранее, этот принцип не был сформулирован. Таким образом, правительство Шуйских, расширяя податной иммунитет, одновременно стремилось поставить духовные корпорации под свой контроль.

Во второй период правления Шуйских продолжалась начатая ими еще в 1538—1540 гг. выдача данных и тарханных грамот на сельские и городские земли. В число монастырей, добившихся освобождения своих владений от основных налогов и повинностей при посредстве тарханных и указных грамот, вошли главным образом корпорации, находившиеся в Суздальском и Переславль-Залесском уездах, где Шуйские, чьи родовые вотчины концентрировались в районе Шуи и Суздаля, завязали весьма тесные экономические и политические связи с местными феодалами. Таким образом, если в первый период правления Шуйских тарханные грамоты получали преимущественно северные корпорации, а пожалования суздальско-переславским феодалам ограничивались льготными грамотами, то теперь положение несколько изменилось и в ряд виднейших тарханников выдвинулись суздальско-переславские монастыри.

* * *

За 1544—1548 гг. было выдано грамот намного больше, чем за какой-либо другой период боярского правления. Нам известно 68 жалованных грамот, из них 8 не сохранились, 26 было указных, одна грамота

[92] ЦГАДА, ГКЭ, № 8843; ААЭ, т. I, № 200.
[93] Наряду с иммунитетными привилегиями выдавалась и руга (ДАИ, т. I, № 33).
[94] ГПБ, Собр. актов и грамот, № 111; ААЭ, т. I, № 200.
[95] Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 283—286.
[96] Там же, стр. 286—295.
[97] Там же.

была выдана по правительственному указу дворецким и одна — конюшим.

После переворота 29 декабря 1543 г. правительство возглавлялось Воронцовыми, принадлежавшими к московскому боярству. Они возвысились при Василии III и стали его сподвижниками. Одним из важных мероприятий нового правительства явилась организация писцового описания, охватившего многие уезды Русского государства в 1543—1545 гг.[98] Из сохранившихся от этого описания сотниц можно заключить, что деятельность писцов отнюдь не была направлена на закрепление податных привилегий иммунистов. Так, например, описывая в 1544 г. Суздаль, великокняжеские писцы приписали к посаду слободу Спасо-Евфимьева монастыря[99]; была описана, также для обложения налогами, слободка Тверского Отроча монастыря[100].

Наряду с попыткой путем писцовой переписи поставить под свой контроль монастырское землевладение, Воронцовы, подобно правительствам предшествующего периода, практиковали раздачу в монастыри вотчин, конфискованных у политических противников. Вскоре, например, после казни Андрея Шуйского к великому князю обратился настоятель Спасо-Евфимьева монастыря с просьбой вернуть ему с. Петровское, проданное монастырем князю Андрею за 900 руб. Просьба была удовлетворена, однако с обязательством для монастыря внести в государеву казну 600 руб., т. е. две трети суммы, уплаченной Андреем Шуйским[101]. Это означало, что правительство фактически не отдало, как это делали Шуйские, а продало на льготных условиях село монастырю. В июне 1544 г. Калязин монастырь получил от правительства в Кашинском уезде с. Городище с деревнями, находившееся «за князем Олександром Борисовичем Горбатым»[102], сторонником Шуйских. Аналогичное приобретение было сделано в 1544 г. Троице-Сергиевым монастырем[103].

Однако раздача земель в монастыри при Воронцовых не достигла широкого размаха. Более того, после крупных иммунитетных пожалований в правление Шуйских бросается в глаза значительная скупость в предоставлении монастырям податных привилегий новым правительством.

Воронцовы преобладали в правительстве с 1544 г. до лета 1546 г. Это время представлено 41 великокняжеской жалованной грамотой (одна из них является подложной), из которых четыре не сохранились, восемью указными и одной грамотой дворецкого. Из грамот видно, что социальный состав грамотчиков расширился: 10 грамот получили светские феодалы, в основном помещики пограничных уездов, три грамоты касались привилегий и порядка управления на территории отдельных групп промыслового населения севера — канинских самоедов, жителей Слободского городка в Вятской земле, слободчика Ивана Новгородцева, владимиро-суздальских бортников.

[98] С. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи, вып. 1. М., 1902, стр. 51—74, 132—137; П. Милюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, стр. 162; «Чтения ОИДР», 1896, кн. 2. Материалы исторические, стр. 4—6; М. Рубцов. К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв. Старица, 1905, стр. 17—21; И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 106; АФЗиХ, ч. II, № 178, 179.

[99] И. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 106.

[100] ЦГАДА, ГКЭ, № 12508; «Чтения ОИДР», 1896, кн. 2. Материалы исторические, стр. 4—6.

[101] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, д. 1, л. 304 («Памятники русского права», вып. IV, М., 1956, стр. 107). Грамота датируется 23 марта 1544 г.

[102] Сборник Муханова, изд. 2-е, М., 1866, № 129.

[103] ГБЛ, Тр. кн. 528. № 289.

Для указанного времени характерно почти полное отсутствие тарханных и обельных грамот. Только крупнейшему монастырю — Троице-Сергиеву, в поддержке которого нуждалось великокняжеское правительство, была выдана в марте 1544 г. тарханная грамота на вотчины в разных уездах[104], причем получил он эту грамоту по той причине, что в монастырских владениях «ограду каменну ставят». Это строительство, начало которого относится еще к 1540 г.[105], имело большое значение для обороны государства от татарских набегов. Судя по подтверждению грамоты в 1546 г., содержавшееся в ней освобождение от ямских денег и посошной службы, а также другие привилегии сохранялись лишь до окончания постройки ограды.

С другими монастырями дело обстояло иначе. В мае 1545 г. Симонову монастырю была выдана льготная грамота на разоренные татарами соляные варницы и села. Но это вряд ли может расцениваться как щедрый иммунитетный акт: срок освобождения от основных прямых налогов, указанный в ней, был крайне коротким — всего один год[106]. Требование уплаты главных поземельных податей совершенно четко констатируется в грамоте 1545 г. Антоньеву Сийскому монастырю на деревни и слободки в Двинском уезде: «а дан мою... и ямские денги и посошную службу и хлебной оброк... дают по книгам и по моим жалованным грамотам»[107].

Исключительный интерес в этом отношении представляет жалованная грамота, посланная в марте 1545 г. игумену Иосифо-Волоколамского монастыря, в которой содержится прямая ссылка на результаты писцового описания 1544 г. В своем челобитье игумен указывал, что «с тех, деи, их сел и з деревень (имеются в виду вотчины Волоцкого, Клинского и Ржевского уездов.— *С. К.*) п о с о ш н о м у п и с ь м у[108] наряжают посошных людей в городы в украинные, и хлеба молотити и вести, и лесу возити и извести на Москву вести, на всякие делы людей с сох наряжати»[109].

Все же предшествующие жалованные грамоты Иосифо-Волоколамскому монастырю на владения в Волоцком, Тверском, Клинском и Ржевском уездах содержали как раз обратные постановления, ставившие Волоколамский монастырь в совершенно особое положение по сравнению с другими иммунистами[110]. Следовательно, исполнение натуральных повинностей в пользу государства — новость для вотчин Волоколамского монастыря, которая могла возникнуть только после описания 1544 г.[111]

Грамота 1545 г. не показывает, взимались ли с монастырских земель ямские деньги и другие платежи, потому что она обращена против злоупотреблений городовых приказчиков[112], не ведавших, судя по старым жалованным грамотам, сбором денежных платежей с сел и деревень

---

[104] ГБЛ, Тр. кн. 528, № 288.

[105] ААЭ, т. I, № 190.

[106] ЦГАДА, ГКЭ, № 3356. В 1544 г. освобождение от податей на два года получил Московский Новоспасский монастырь, вследствие того, что его села и слободка «опустели от ратных людей и от дороги» (ГБЛ, Румянц. кн. 52, лл. 52—53 об.).

[107] Сборник грамот Коллегии экономии, т. I, Пг., 1922, № 109.

[108] Подчеркнуто мной.— *С. К.*

[109] АФЗиХ, ч. II, № 184.

[110] См., например, грамоты 1539 и 1543 гг. (АФЗиХ, ч. II, № 149, 171).

[111] Есть сотная грамота 1544 г. на волоцкие села и деревни монастыря (АФЗиХ, ч. II, № 179).

[112] Злоупотребление это, выражавшееся в присылке в монастырскую вотчину приставов и всяких «присыльников», которые давали крестьян на поруки, было лишь следствием нарушения основных податных привилегий иммуниста.

Иосифо-Волоколамского монастыря. Сама грамота 1545 г. не отменяла порядок, сложившийся в результате писцового описания 1544 г. Она только предписывала городовым приказчикам принуждать монастырских крестьян к исполнению государственных повинностей, не игнорируя монастырские власти, а действуя через них. На основании этой грамоты можно сделать вывод, что описание, предпринятое правительством Воронцовых, привело к ликвидации существеннейших монастырских привилегий. Очень показательны в этой связи некоторые распоряжения правительства 1544—1545 гг. относительно отбывания монастырскими крестьянами ямской повинности. Ни в одном из них нет требования ее отмены. В посыльной грамоте белозерским городовым приказчикам, например, запрещалось наряжать крестьян Кирилло-Белозерского монастыря на белозерский ям, так как, согласно челобитью игумена, их обязанность состояла в том, чтобы стоять на другом, Ворбозовском яму. Впрочем, не вполне доверяя челобитчику, составитель грамоты тут же оговорился: «А будет Кириллова монастыря хрестьяном велено по грамоте и по указу на обеих ямех с подводами стояти, и Кириллова бы монастыря сел хрестьяне на обеих ямех с подводами стояли по грамоте и по указу» [113]. Аналогичная грамота, только без последней оговорки, была послана ямщикам ярославского Вокшерского яма насчет исполнения ямской повинности крестьянами Спасского Ярославского монастыря, которые «с сох с подводами стоят и ямской двор делают на Романовском яму» [114].

Обобщая изложенные выше наблюдения, следует признать, что после переворота, произведенного Иваном IV в декабре 1543 г., и свержения реакционного правительства Шуйских новое боярское правительство во главе с Воронцовым пыталось положить конец освобождению монастырских вотчин от главных поземельных налогов и приняло меры для ликвидации старых податных привилегий крупных феодалов. Особое внимание было обращено на монастырские слободы. Некоторые из них писцы 1544 г. приписали к посаду (слободка Спасо-Евфимьева монастыря), другие в категорической форме принуждались к уплате государственных налогов (слободы Антоньева Сийского монастыря). Все это могло способствовать восстановлению союза великокняжеской власти с городами.

Наиболее щедрые жалованные грамоты 1544 — начала 1545 г. предоставляли только временные (обычно краткосрочные) льготы духовным корпорациям. При Воронцовых льготные грамоты были выданы старинным московским монастырям: Симонову [115], Новоспасскому и Троице-Сергиеву. Ориентация правительства на указанные монастыри не случайна. Воронцовы были, по-видимому, тесно связаны с виднейшими московскими монастырями, в которых правительство стремилось найти союзников в борьбе за укрепление своей власти.

1544—1545 годы отмечены выдачей ряда несудимых грамот светским феодалам-вотчинникам и помещикам. Грамоты, полученные светскими землевладельцами в этот период, свидетельствуют о стремлении правительства Воронцовых опереться на дворянство. Сравнительно с 1542—1543 гг., когда жалованные грамоты предоставлялись почти исключительно духовным корпорациям, в 1544 г. удельный вес жалованных грамот светским лицам в общей сумме выданных иммунитетных актов резко повысился. Судебный иммунитет помещиков и вотчинников укреплял-

[113] ГПБ, Q — IV — 113а, лл. 1657—1660.

[114] И. А. Вахрамеев. Исторические акты..., № XIII.

[115] Кроме льготной грамоты, Симонов монастырь получил (1544) заповедную грамоту на рощи в разных уездах (ГИМ, Сим. кн. 58, лл. 180—181, по Москве № 37).

ся главным образом в южных районах страны [116], подвергавшихся набегам крымцев, а также в уездах, еще сохранявших черты прежней автономии (например, в Ярославском [117], где отдельными территориями правили удельные князья Мстиславские).

Политика покровительства городам выразилась в 1544—1545 гг. не только в отписании на великого князя монастырских слободок, в обложении городских владений иммунистов налогами, но и в усилении слободских корпоративных привилегий. Правительство Воронцовых способствовало возникновению новых слобод. Показательна в этом отношении грамота, полученная в марте 1545 г. Иваном Новгородцевым на рыбные ловли, пески, «сокольи и кречатьи садбища» в районе р. Печоры. «От пашенных людей и от двинских и от пенежских те речки и сокольи садбища отошли далече: верст за пятьсот и больши», — говорилось в грамоте [118]. Иван Новгородцев должен был «копить» на великого князя слободу, внося в казну оброком ежегодно по соколу и кречету, «а не будет кречата или сокола, ино за кречат или за сокол оброку рубль». Выдавая грамоту Ивану Новгородцеву, правительство стремилось содействовать как возникновению «государевой слободы», так и освоению северных районов страны.

В 1544—1545 гг. последовательно проводилось ограничение судебного иммунитета феодалов посредством изъятия из сеньориальной юрисдикции разбора дел о душегубстве и разбое с поличным [119].

Что касается разновидностей грамот, то в период правления Воронцовых преобладающей формой пожалования монастырям податных привилегий стали льготные грамоты.

* * *

Первая опала Воронцовых в 1545 г. и последовавшая вскоре после этого казнь Ф. С. Воронцова (в 1546 г.) привели к власти ближайших родственников царя — князей Глинских. Существенной особенностью внутренней политики Глинских было их стремление заручиться поддержкой значительного круга духовных корпораций: в конце 1545 — начале 1546 г., когда борьба между Глинскими и Воронцовыми еще не закончилась, наметились некоторые изменения в отношении правительства к привилегиям монастырей. Стала отменяться, например, обязанность монастырских крестьян стоять на яму с подводами [120].

Время особенно широкой выдачи тарханных грамот крупным феодалам-иммунистам начинается с 20-х чисел июня 1546 г. и длится по 1548 г.

С начала мая до середины августа 1546 г. великий князь находился в Коломне. Туда он отправился в связи с получением известий о готовившемся походе крымского хана на Коломну [121]. Период коломенского сидения Ивана IV ознаменовался рядом драматических событий, из кото-

[116] См., например, грамоту Ив. Иевлеву на владения в Тульском уезде («Чтения ОИДР», 1898, кн. II, № 143, стр. 122—123). Ср. там же, № 144, стр. 123—124.

[117] ДАИ, т. I, № 38, стр. 38. См. также грамоту от 25 мая 1545 г. Мих. Вас. Верхдеревскому на поместье в Рязанском уезде («Чтения ОИДР», 1898, кн. II, № 145, стр. 124—125).

[118] ЦГАДА, ПДСЛ, 1628, № 63, лл. 58—60. Ср. л. 81; В. Н. Латкин. Дневник путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг. СПб., 1853, ч. II, стр. 139—140.

[119] Акты Юшкова, № 143, 144; ЛОИИ, Собр. актов до 1613 г., № 1/156; Сборник Муханова, № 129; ДАИ, т. I, № 38. Слобожане Ивана Новгородцева были подсудны наместникам в случаях душегубства, разбоя и татьбы с поличным.

[120] ЦГАДА, ГКЭ, № 8860; ААЭ, т. I, № 206/I—II, стр. 195—196.

[121] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149.

рых важнейшим было окончательное падение правительства Воронцовых. Никоновская летопись рассказывает, что дьяк Василий Григорьев сын Захарова Гнилев, бывший в приближении у великого князя, оклеветал перед ним князя Ивана Кубенского, Федора и Василия Воронцовых, 21 июля состоялась их казнь («отсекоша им глав») [122].

Выяснение политического лица дьяка Василия Григорьева имеет для нас большое значение, так как во второй половине 1546 г. выдача жалованных грамот находилась в его ведении. Думается, что карьера этого дьяка была тесно связана с борьбой против Воронцовых. Впервые Василий Григорьев появляется на политической арене во время их первой опалы, которая длилась с октября по декабрь 1545 г. [123] Самая ранняя грамота, подписанная Григорьевым, датируется ноябрем 1545 г. [124] После ноября 1545 г. он не упоминается в актах до сентября 1546 г. [125] В марте 1546 г., когда у власти еще были Федор Воронцов, Ив. Кубенский и их сторонники, великокняжескую указную грамоту подписал другой дьяк — Макарий Федоров [126]. В мае 1546 г. жалованную грамоту Симонову монастырю подтвердил дьяк Яков Григорьев [127], а указную грамоту в Суздаль послал дьяк Третьяк [128]. Василий Григорьев был, по-видимому, орудием в руках могущественной боярской группировки, возглавлявшейся Глинскими, и периоды его возвышения или «приближения» к великому князю следует рассматривать как время политического преобладания этой враждебной Воронцовым группировки. Если Григорьев находился «в приближении» уже в июне-июле 1546 г., то, очевидно, серию иммунитетных грамот конца июня 1546 г. можно считать вышедшей из канцелярии нового правительства, сменившего правительство Воронцовых, во всяком случае до казни его руководителей 21 июля.

По грамотам, подписанным Василием Григорьевым, выясняются некоторые особенности политической ориентации поддерживавших его бояр. Грамоты касаются в основном Троице-Сергиева монастыря [129]. Учитывая, что Троицкий монастырь входил в число корпораций, пользовавшихся особыми привилегиями в годы правления Воронцовых, легко понять, насколько серьезное значение придавали Глинские привлечению монастыря на свою сторону. Очевидно, в связи с этой борьбой стоит и смена игуменов в Троице-Сергиевом монастыре. Еще в марте 1545 г. игуменом был управлявший монастырем при Воронцовых Никандр [130]. В ноябре 1545 г., в период первой опалы Воронцовых или несколько раньше, игуменство перешло в руки Ионы [131]. Из пребывания великого князя в Коломне Троицкий монастырь извлек немалую выгоду, добившись выдачи ему 25 июня 1546 г. данной и тарханно-несудимой грамоты на коломенский двор [132].

[122] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149.
[123] Там же, стр. 147.
[124] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 292.
[125] Там же, № 288.
[126] «Труды вятской ученой архивной комиссии 1905 г.», Вятка, 1905, отдел III, стр. 87—89.
[127] ГИМ, Сим. кн. 58, лл. 181—183 об., № 38 по Москве.
[128] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева монастыря, кн. 1, л. 520—520 об.
[129] Это главным образом общие грамоты, освобождавшие всю монастырскую вотчину от различных податей и повинностей: ноябрьская грамота 1545 г. об освобождении троицких земель от поставки запасов для казанского похода (ГБЛ, Тр. кн. 527, № 292); грамота 1544 г., подписанная В. Григорьевым 25 сентября 1546 г. (там же, № 288). В. Григорьев подписал октябрьскую грамоту 1546 г. на переславские, радонежские и дмитровские села (там же, № 298).
[130] ААЭ, т. I, № 203.
[131] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 292.
[132] ГБЛ, Акты Беляева, № 1/76 («Памятники русского права», вып. IV, М., 1956, стр. 114—116).

Следует, однако, сказать, что личное участие Ивана IV в выдаче жалованных грамот в этот период оставалось еще в большинстве случаев номинальным. Так, например, в июне — августе 1546 г., когда он находился в Коломне, грамоты от его имени были выданы в Москве[133].

Успех Глинских в борьбе с Воронцовыми в значительной мере объясняется тем, что они сыграли на неудачах их восточной политики. В обвинениях, выдвинутых против правительства Ф. И. Воронцова дьяком Василием Григорьевым, очевидно, большой удельный вес имели обвинения, касавшиеся казанских дел. Иммунитетные грамоты периода коломенского сидения Ивана IV, кажется, почти все имеют прямую связь с борьбой с казанскими и крымскими татарами. Наиболее явно эта связь улавливается в июньской жалованной грамоте 1546 г. Троице-Сергиеву монастырю на двор в Коломне. Правительство считало, что, выдавая щедрую жалованную грамоту влиятельному монастырю на место в городе, находившемся под угрозой крымского набега, оно укрепляет здесь свои позиции. К тому же внутреннее положение в Коломне было в это время очень неспокойным. Возникший там в период пребывания Ивана IV «мятеж» новгородских пищальников[134], видимо, навлек подозрения и на коломенских слобожан, с которыми пищальники, вероятно, общались. Поэтому великий князь, выселив отдельных слобожан, дал двор в пределах слободы Троице-Сергиеву монастырю, заручаясь, таким образом его могущественной поддержкой в угрожаемом районе.

С момента прихода в власти Глинских летом 1546 г. до восстания 1547 г. из известных нам иммунитетных великокняжеских грамот была выдана 31 жалованная (две из них не сохранились), восемь указных и одна грамота конюшего. Шесть грамот касаются вотчин светских феодалов (главным образом помещиков) в уездах южной окраины, подвергавшейся нападениям крымцев: Тульском, Рязанском и Коломенском, 28 июня — 6 августа 1546 г. иммунитетные грамоты были выданы Кирилло-Белозерскому[135], Симонову[136] монастырям, Вологодской Глубокоезерской пустыни[137] на земли и различные права в областях Углича, Вологды, Ваги, Каргополя и Костромы. Таким образом, эти грамоты касались северных районов, расположенных довольно близко друг к другу.

Особого внимания заслуживает наделение привилегией Симонова монастыря в Буе-городе Костромского уезда. Дело в том, что Буй-город являлся крепостью, построенной для борьбы с набегами казанских татар, обрушивавших свои удары в первую очередь на Костромской и Галичский уезды. С конца июня до середины августа 1546 г. правительство было весьма серьезно озабочено возможностью татарского вторжения в северо-восточные уезды. Основанием для беспокойства послужило бегство из Казани русского ставленника — царя Шигалея (Шах-Али), свергнутого сторонниками крымского хана. Шигалей был посажен на казанский престол И. Ф. Бельским не позже мая 1546 г.[138] Летопись говорит, что он процарствовал всего месяц[139]. Значит, свержение Шигалея произошло, скорее всего, в середине июня 1546 г. Это обстоятельст-

[133] В. Г. Добронравов. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле Залесском, стр. 23—24; ААЭ, т. I, № 208; ЦГАДА, ГКЭ, № 5010.

[134] ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 448—449.

[135] ГПБ, Q — IV — 113а, лл. 1581—1583.

[136] ЦГАДА, ГКЭ, № 5010.

[137] ААЭ, т. I, № 208.

[138] Бельский отправился с Шигалеем в Казань 7 апреля, а приехал в Коломну уже 13 июня 1546 г. (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 148).

[139] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149.

во объясняет причину выдачи жалованных грамот в 20-х числах июня — начале августа 1546 г.: до середины августа 1546 г., пока Шигалей не пришел в Касимов[140], Иван IV не знал направления побега казанского царя[141]. Для его встречи великий князь послал воевод на Поле и в Вятку[142]; укрепление же своих позиций в районе Костромы — Галича и близлежащих районах правительство попыталось осуществить с помощью иммунитетных грамот. Значение этих документов как политических актов было достаточно большим, ибо при их посредстве устанавливался тесный союз правительства с крупнейшими феодалами тех мест, которым грозила опасность набега казанцев, активизировавшихся в связи с изгнанием Шигалея.

В грамотах июня — августа 1546 г. принцип наделения духовных корпораций широкими податными привилегиями нашел очень яркое выражение. Показательны в этом отношении прежде всего указные грамоты, предписывавшие целиком сохранять льготы, приобретенные монастырями ранее. Так, в указной грамоте переславскому городовому приказчику правительство запрещало нарушать льготную (в другом месте названную «тарханной») грамоту Данилову монастырю «от всяких податей и от городовых дел». С монастырских сел, деревень и слободок не велено было взимать посошных людей и требовать исполнения зелейной повинности[143]. Указная грамота угличским таможенникам подтверждала полученную Кирилло-Белозерским монастырем в начале 1546 г. жалованную тарханно-проезжую грамоту на беспошлинную покупку в Каргополе и продажу, «где будет пригоже», дополнительных 10 тыс. пудов соли. В грамоте запрещалось взимать весчее со второго монастырского судна, как это делали угличские таможенники[144].

В жалованных грамотах иммунитетные привилегии сочетались с земельными дачами. Удовлетворяя челобитье властей Троице-Сергиева монастыря, правительство отдало монастырю двор жителя государевой Михайловской слободы в Коломне. При этом слобожане были насильственно принуждены к продаже не территории двора, рассматривавшейся как государственная, а не как частная собственность, а тех построек, которые на нем имелись: монастырю следовало «за хоромы... и за городбу тем людем денги заплатити», а слобожанам в свою очередь предписывалось «с того двора хоромы здати»[145]. Прежние владельцы даже за хоромы не смогли ничего получить, пока власть в стране находилась в руках боярских временщиков, покровительствовавших крупным монастырям-вотчинникам. Только в 1552—1553 гг. сын Григория Ворожихина Иван «взял у Троицкого Сергиева монастыря у казначея... за отца своего и за дядины за Игнатьевы хоромы десять рублев за все»[146]. Но и это было лишь половиной того, что причиталось Ворожихиным: коломенские городовые приказчики и ключник, отписывавшие в июне 1546 г. двор на монастырь, оценили стоимость всех построек, оказавшихся во дворе, в 21 рубль 4 гривны[147]. Более оправданным является земельное пожалование Вологодской Глубокоезерской пустыни, получившей право

---

[140] В летописи сказано «Городок» (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149). В. В. Вельяминов-Зернов полагает, что это Касимов (В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I. СПб., 1863, стр. 319).

[141] «...Шигалей с Казани збежал, а того неведомо, на которые места» (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149).

[142] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149.

[143] В. Г. Добронравов. Указ. соч., прилож. 7, стр. 23—24.

[144] ГПБ, Q — IV — 113а, лл. 1581—1583.

[145] ГБЛ, Акты Беляева, № 1/76.

[146] Там же, № 1/100. Тр. кн. 534, л. 48.

[147] ГБЛ, Акты Беляева, № 1/100. Тр. кн. 521, лл. 178—179 об.

на владение никем не занятыми займищами и диким лесом «на все стороны от монастыря по двенадцати верст»[148]. Монастырь расценивался в данном случае как орудие освоения северных территорий.

Названные грамоты Троице-Сергиеву монастырю и Глубокоезерской пустыни были одновременно тарханными: в них содержалось обеление от дани, ямских денег и всяких земских проторов и разметов. В грамоте Троицкому монастырю фиксировалось еще освобождение от посошной службы, но зато она принуждала монастырских людей к выполнению городового дела, имевшего очень важное значение для обороны южных рубежей. Весьма крупной привилегии добился Симонов монастырь: ему было отдано право мостовщины и перевоза через р. Кострому, напротив монастырской слободки в Буе-городе. Раньше этим правом пользовались городовые приказчики, которые ежегодно отдавали собранные пошлины в размере рубля Воскресенскому собору на темьян и ладан. Обвинив городовых приказчиков в грабеже крестьян Симоновской слободки, архимандрит Трифон выговорил себе разрешение назначать отныне сборщиками перевоза и мостовщины симоновских крестьян. Сам он обязывался ежегодно давать рубль Воскресенскому собору[149]. Таким образом, помимо того, что Симонов монастырь приобрел весьма доходный перевозный пункт, у него в зависимости оказалась еще и мелкая духовная корпорация.

Осенью 1546 г. правительство Ивана IV обратило особое внимание на укрепление политических уз с Троице-Сергиевым монастырем, который в сентябре — декабре 1546 г. был едва ли не единственной корпорацией, получавшей жалованные грамоты. Поездка Ивана IV в Троице-Сергиев монастырь и города к северо-западу от Москвы[150] длилась с 15 сентября по 12 декабря. Великого князя сопровождал дьяк Василий Григорьев и, возможно, некоторые другие приближенные лица. В этот период Иван IV имел, очевидно, гораздо более непосредственное отношение к выдаче жалованных грамот, чем раньше: почти все они составлены там, где находился он сам. Уже 25 сентября была подтверждена до марта 1548 г. общая льготная грамота Троице-Сергиеву монастырю 1544 г.[151] 3 октября 1546 г., будучи в Троицком монастыре, Иван IV выдал игумену Ионе обельно-несудимую грамоту на сравнительно недавно приобретенные монастырем земли в Замосковных волостях Шерне, Корзеневе, Воре[152] и в Вышегородском стане Дмитровского уезда[153].

Все эти места близко подходили к уделу Владимира Андреевича Старицкого, владевшего некоторыми Замосковными волостями (Раменейцем, Вохной), и отсюда следует, что Иван IV заботился об укреплении великокняжеской власти над землями, расположенными не далеко от удельных территорий. Как показали последующие события, эта мера была достаточно предусмотрительной: уже в ноябре 1546 г. Владимир Старицкий стал усиленно распространять свое влияние в Замосковных волостях[154]. Весьма активное стремление Владимира

[148] ААЭ, т. I, № 208.
[149] ЦГАДА, ГКЭ, № 5010. ГИМ, Сим. кн. 58, л. 737—737 об.
[150] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149.
[151] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 288.
[152] В грамоте 1546 г. Шерна названа станом Переславского уезда, а Корзенево и Воря — станами Радонежского уезда.
[153] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 298.
[154] См. жалованную тарханно-оброчную несудимую и заповедную грамоту Владимира Андреевича Старицкого Симонову монастырю на села Литвиново и Окулово в Замосковной волости Раменейце (ГИМ, Сим. кн. 58, лл. 106—108; ЦГАДА, ф. Поместного приказа, ст. № 32931, лл. 200—203).

Андреевича заручиться поддержкой верейских феодалов[155] побудило Ивана IV усилить свои позиции в соседнем с Вереей Боровском уезде. В великокняжеской указной грамоте на один из ямов Боровского уезда, посланной 8 октября 1546 г., запрещалось нарушать жалованную грамоту Архангельскому собору[156].

Политическое значение октябрьской грамоты 1546 г. Троице-Сергиеву монастырю усугублялось еще и тем обстоятельством, что она касалась главным образом бывших владений Тимофея Замятни, приверженца Шуйских, получившего от них в 1538 г. жалованную грамоту на деревни, перечисленные в грамоте 1546 г.[157] Находясь в ноябре 1546 г. в Великом Новгороде, Иван IV, очевидно, имел случай убедиться в наличии среди новгородских феодалов сторонников князей Шуйских и удельного князя В. А. Старицкого. Поэтому он поспешил удовлетворить челобитье троицких властей, выдав 19 ноября жалованную грамоту Троице-Сергиеву монастырю на с. Бужарово в Переславль-Залесском уезде[158], являвшемся одной из наиболее значительных сфер влияния Шуйских.

Иммунитетная политика Ивана IV в период его осенней поездки 1546 г. существенно отличалась от иммунитетной политики боярских временщиков. Как октябрьская, так и ноябрьская грамоты не предоставляли Троице-Сергиеву монастырю земельных владений и тарханных привилегий. Первая грамота содержала обеление лишь от дворцово-княжеских повинностей и земских разметов, вторая ограничивала освобождение от дани, ямских денег, городового дела и посошной службы двухлетним сроком. Продление льготы, заключенной в грамоте 1544 г., до 1548 г. тоже было скорее ограничением иммунитетного акта, чем новым пожалованием, так как в грамоте 1544 г. не имелось никаких конкретных указаний относительно срока ее действия. К троицким грамотам приближалась по своему характеру и грамота, выданная 5 октября 1546 г. Симонову монастырю казначеями И. И. Третьяковым и Ф. И. Сукиным, очевидно, в отсутствие Ивана IV[159]. Разрешая неуплату дани, мыта и тамги с монастырских слободок в Любиме и Буе-городке, грамота вместе с тем предписывала давать ямские деньги, исполнять посошную службу и городовое дело[160]. Эта грамота преследовала ту же цель, что и августовская жалованная грамота Симонову монастырю: она усиливала позиции правительства в районе, игравшем особую роль в напряженных отношениях между Москвой и Казанью.

В начале октября эти отношения чрезвычайно накалились вследствие принятия русским правительством на службу в последних числах сентября 76 казанских князей, выехавших из Казани[161]. В прямой связи с походом князя А. Б. Горбатого в страну черемисов в декабре 1546 г.[162] стоит выдача 23 декабря данной и несудимой грамоты Троице-Сергиеву монастырю на деревни в волости Стрелице Нижегородского уезда[163].

[155] Еще в июне 1546 г. он послал в Верею указную грамоту об освобождении крестьян троицкой волости Илемны на год от обязанности стоять на яму с подводами (ААЭ, т. I, № 207). В ноябрьской указной грамоте 1546 г. Владимир Андреевич предписывал заменить сбор податей с симоновского села Дикого взиманием оброка (ГИМ, Сим. кн. 58, л. 206—206 об.).

[156] ЛОИИ, Собр. Лихачева, № 61/1.

[157] ГБЛ, Тр. кн. 534, л. 14, № 43 по Москве.

[158] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 299.

[159] Место выдачи грамоты не указано, но к ней привешена красновосковая печать; между тем Иван IV в период своей осенней поездки 1546 г. запечатывал грамоты «путной» печатью на черном воске.

[160] ЦГАДА, ГКЭ, № 5013.

[161] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 149.

[162] Там же.

[163] ГБЛ, Тр. кн. 518, лл. 13—14 об.

Этот акт заметно расширил троицкое землевладение в Нижегородском уезде за счет оброчных деревень нижегородских бортников и поместной деревни Лихоревой. При этом монастырь приобрел право не платить оброк с бортных деревень, так как они были пожалованы ему «с оброком, что шло с тех деревень оброку медом за мою, великого князя, дань».

В истории тарханов видное место занимает отрезок времени с января 1547 г., когда состоялось венчание Ивана IV на царство, до июньского восстания в Москве. В этот период главные правительственные посты более прочно, чем в конце 1546 г., захватили Глинские. Выдача жалованных и указных грамот также сосредоточилась в их руках. Иммунитетную грамоту от 20 января 1547 г., например, выдал сам боярин и конюший М. В. Глинский[164]. В великокняжеских иммунитетных грамотах первой половины 1547 г. затрагиваются три комплекса территорий: во-первых, сфера влияния Шуйских в центральных районах к востоку от Москвы (Суздальский уезд, часть Владимирского, Дмитровского и Стародуб-Ряполовского уездов), во-вторых, северная окраина (Новгородский, Псковский, Вологодский, Ярославский, Устюжский уезды) и, в-третьих, южная окраина (Рязанский, Каширский уезды). Особенно большое внимание было уделено суздальским феодалам, среди которых на первом месте оказались монастыри Спасо-Евфимьев[165] и Покровский девичий[166]. Их вотчины освобождались от различных государственных податей и повинностей, в том числе и от главных. Суздальским городовым приказчикам запрещалось брать ямские деньги и посошных людей также с села крупной суздальской боярыни — старицы Евфимьи Шемячичевой[167].

Самое привилегированное положение суздальские феодалы заняли в январе — начале марта 1547 г., т. е. когда власть Глинских упрочилась после ликвидации враждебных группировок. Очевидно, поддержка крупных суздальских вотчинников была необходима Глинским для нейтрализации князей Шуйских, являвшихся их главными политическими противниками (не случайно в погоню за М. В. Глинским, хотевшим бежать в конце 1547 г. в Литву, был послан князь П. И. Шуйский[168]). Богатый материал, сообщаемый иммунитетными грамотами о пожаловании суздальских феодалов, вполне согласуется с известиями Никоновской летописи, касающимися высокого положения при дворе Ивана IV зимой 1547 г. архимандрита именно Спасо-Евфимьева монастыря. Из настоятелей, участвовавших в обряде коронации Ивана IV, летопись указывает только двух — симоновского и спасского[169].

Если в грамотах суздальским феодалам имелись в виду земли Суздальского, Владимирского, Костромского и Стародуб-Ряполовского уездов, то дмитрово-кашинские владения получили привилегии в грамотах Троице-Сергиеву[170], Никольскому Песношскому[171] и Кирилло-Белозерскому[172] монастырям. Кирилло-Белозерский монастырь к тому же добился некоторых льгот для своих вологодских владений[173]. Из северных корпораций именно он оказался в это время в центре внимания правительства. Кроме него, иммунитетные грамоты на северные земли полу-

[164] РИБ, т. 32, № 165, стб. 287—288.
[165] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, кн. 1, лл. 417—419 об.; АИ, т. I, № 148.
[166] И. М. Катаев и А. К. Кабанов. Акты..., № 1/28, 1/29.
[167] АИ, т. I, № 146.
[168] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 155.
[169] Там же, стр. 150.
[170] ЦГАДА, ГКЭ, № 3780.
[171] К. Ф. Калайдович. Указ. соч., стр. 110—115.
[172] ГПБ, Q — IV — 113б., лл. 727—732.
[173] РИБ, т. 32, № 165.

чили Никольский Коряжемский монастырь [174], пустыни Вассианова Строкина [175], Александра Свирского [176], устюжские церкви Рождественская и Никольская [177].

С марта 1547 г. главное внимание правительства перенеслось с суздальских феодалов на южных. Опасная внешнеполитическая обстановка требовала усиления правительственных позиций в среде феодалов южной окраины. Крупнейшие податные, таможенные и судебные привилегии здесь получил каширский Троицкий Белопесоцкий монастырь [178]. Ряд несудимых грамот был выдан южным помещикам [179].

Особого внимания заслуживают грамоты, связанные с усилением классовой борьбы, наиболее ярким выражением которой в изучаемый период явилось июньское восстание 1547 г. в Москве.

Одна жалованная грамота, выданная 28 июня 1547 г., уже после падения правительства Глинских, имеет, по-видимому, непосредственное отношение к мероприятиям, направленным на подавление московского восстания. Грамота показывает, что восстание имело довольно широкий отклик в близлежащих районах как Московского, так и Дмитровского и Звенигородского уездов. Она была выдана в условиях не совсем затихшего восстания в Москве Троице-Сергиеву монастырю и разрешила преследовать крестьян и городских людей, секших монастырские рощи в названных уездах, и приводить пойманных в великокняжеский суд. Таким образом, Троицкий монастырь получал право активной защиты своих интересов от нарушителей феодального правопорядка.

Грамота была выдана уже новым правительством — Романовых-Юрьевых [180]. Очевидно, Романовы-Юрьевы, ближайшие родственники царя по жене, занимали руководящее положение в правительстве в течение всего периода, длившегося с московского восстания по конец 1548 г.: в жалованных грамотах этого времени встречаются подписи упомянутого Данилы Романовича [181] и Василия Михайловича [182] Юрьевых. Вполне допустима также точка зрения А. А. Зимина о приближении к власти Шуйских в 1548 г. Возможно, что после попытки бегства М. И. Глинского в Литву Шуйские действительно делили власть с Романовыми-Юрьевыми.

Иммунитетных грамот, выданных великокняжеским правительством с июля 1547 г. до конца 1548 г.,нам известно 46, из них 36 жалованных (четыре не сохранились) и 10 указных.

В течение всей второй половины 1547 г. выдача иммунитетных грамот была обусловлена главным образом целями классовой борьбы в центральных уездах. Распределение изучаемых источников по уездам, непосредственно окружавшим Москву и Московский уезд, дает новые интересные доказательства того факта, что московское восстание было лишь наиболее яркой вспышкой широко развернувшегося антифеодального народного движения. Об этом прежде всего говорит выдача значи-

---

[174] ЛОИИ, Собр. Коряж. м-ря, № 6.

[175] АИ, т. I, № 147, стр. 212—215.

[176] ЛОИИ, Актовые книги, опис. Б. Д. Грековым, № 27, лл. 36 об.— 42 об.

[177] М. Островская. Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913, стр. 315—316, прим. 2.

[178] ЦГАДА, ГКЭ, № 5771; ГБЛ, Тр. кн. 535, № 128 (указала Л. И. Ивина).

[179] «Чтения ОИДР», 1898, кн. II, № 154—158.

[180] Грамоту «приказал» дворецкий Данило Романович Юрьев (ГБЛ, Тр. кн. 527, № 295).

[181] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 295; АИ, т. I, № 149; ЦГАДА, ГКЭ, № 4691; Ярославские епарх. ведом., 1894, часть неофициальная, № 52, ср. 818—822 (ЦГАДА, № 5014).

[182] ААЭ, т. I, № 216.

тельного числа грамот на московские земли, что до этого было очень редким явлением. В Московском уезде разные привилегии получили Троице-Сергиев [183], Савво-Сторожевский [184], Симонов [185] монастыри, попы звенигородских сел [186], причем в грамотах Симонову и Савво-Сторожевскому монастырям, касающихся московских вотчин, основное внимание, как и в троицкой грамоте, обращено на борьбу с нарушителями прав феодальной собственности — порубщиками. Такой же интерес правительство обнаруживает в это время к соседним Переславль-Залесскому, Дмитровскому, Кашинскому, Углицкому, Рузскому, Звенигородскому уездам. Здесь грамоты выдавались в основном Троице-Сергиеву [187], Переславскому Данилову [188], Дмитровскому Песношскому [189], Углицкому Афанасьевскому [190], Савво-Сторожевскому монастырям [191]. Те же территории фигурируют в жалованных грамотах другим феодалам — митрополичьему дому (проезжая на провоз рыбы от Нижнего Новгорода до Москвы) [192], князю М. И. Кубенскому (тарханно-несудимая на село в Дмитровском уезде) [193], помещикам Рахманиновым (несудимая на поместье в Дмитровском уезде) [194].

Иммунитетные грамоты позволяют выделить и другой район сильного обострения классовой борьбы в это время — Новгород и Новгородскую землю. Совершенно исключительная формула о безурочной поимке лихих людей, широко проникшая в жалованные грамоты новгородским монастырям 1547—1548 гг., является весьма характерным свидетельством активизации антифеодального движения в Новгородской земле. Иммунитетные грамоты во второй половине 1547 г. получили монастыри Соловецкий (на двор в Новгороде [195], торговые экспедиции и земли в Новгородском и Двинском уездах) [196] и Троице-Сергиев (на село в Новоторжском уезде) [197].

Таким образом, при помощи иммунитетных грамот правительство Романовых-Юрьевых пыталось заручиться поддержкой большого круга феодалов в центральных уездах и Новгородской земле для подавления широко развернувшихся классовых выступлений народных масс.

Характерно, что в 1548 г. на северные территории монастыри и церкви получили больше грамот [198], чем на центральные [199]. Этот факт в сочетании с другим — включением статьи о лихих людях в северные грамоты в 1548 г. — свидетельствует об устойчивом и высоком уровне антифеодального движения на севере.

---

[183] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 295.
[184] ЦГАДА, ГКЭ, № 4691.
[185] ААЭ, т. I, № 216.
[186] АИ, т. I, № 149.
[187] ГБЛ, Тр. кн. 519, лл. 17 об. — 18 об.; ГБП, Сбор. актов и грамот, № 118.
[188] В. Г. Добронравов. Указ. соч., прилож. 8, стр. 24—25.
[189] К. Ф. Калайдович. Указ. соч., стр. 116.
[190] ЦГАДА, ф. Канцелярии Сената, кн. 192, л. 259.
[191] ЦГАДА, ГКЭ, № 4691.
[192] АФЗиХ, ч. I, № 244.
[193] ААЭ, т. I, № 215.
[194] «Чтения ОИДР», 1898, кн. II, № 159.
[195] ЛОИИ, Солов. 136, лл. 143—144, № 26.
[196] Досифей. Указ. соч., ч. III, стр. 7—17.
[197] ЦГАДА, ГКЭ, № 12046.
[198] «Чтения ОИДР», 1907, кн. 3. Смесь, стр. 30—31; ЛОИИ, Собр. Шегрена, № 6; Собр. Головина, № 64; ЦГАДА, ГКЭ, № 5014, сборник ГКЭ, т. II, № 118а; Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 714—723, № VIII; ДАИ, т. I, № 44; П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.— Л., 1950, стр. 455—461.
[199] М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения, вып. II, Юрьев, 1897, № 14; ГПБ. Собр. актов и грамот № 120; ААЭ, т. I, № 222; Н. П. Лихачев. Сб. актов, стр. 212—213.

Вместе с тем в 1548 г. правительство стало снова уделять значительное внимание восточным[200] и южным [201] окраинам, укрепление которых было необходимым условием подготовки казанских походов. Однако вследствие того, что эти походы после восстания 1547 г. являлись не чем иным, как попыткой укрепить пошатнувшееся положение центральной власти расширением территории и ликвидацией татарской опасности, выдача иммунитетных грамот 1548 г. на земли в пограничных уездах вошла в качестве составной части общих мероприятий, направленных на подавление антифеодальной борьбы трудящихся масс.

По объему предоставлявшихся привилегий иммунитетные грамоты 1547—1548 гг. были необычно щедрыми для первой половины XVI в. Грамоты первых месяцев 1547 г. разрешали, например, неуплату податей с сел Суздальского Покровского монастыря[202], с дворов, слободок и сел Спасо-Евфимьева монастыря[203]. Такие же щедрые тарханные грамоты получили Троице-Сергиев[204], Кирилло-Белозерский[205], Троицкий Белопесоцкий[206] монастыри, пустынь Александра Свирского[207]. В одной указной грамоте 1547 г. было велено обелить от податей двор Соловецкого монастыря в Новгороде[208].

Наряду с привилегиями на вотчины духовные корпорации добивались выдачи им щедрых тарханных грамот на провоз, куплю и продажу товаров. В 1546 г. такую грамоту получил Кирилло-Белозерский монастырь. Правительство предоставило ему право беспошлинно продавать и покупать ежегодно в разных городах 20 тыс. пудов соли[209]. Тарханно-проезжие грамоты в 1547 г. были выданы Троицкому Белопесоцкому[210], Соловецкому[211] и другим монастырям.

Однако мелкие, недостаточно влиятельные духовные корпорации и в этот период не во всех случаях освобождались от податей. Так, крестьяне Вассиановой пустыни Каргопольского уезда были принуждены выполнять главные государственные повинности[212]. С вотчин Никольского Песношского монастыря разрешалось не платить дань, ямские деньги и другие подати при условии внесения оброка в государеву казну[213].

Щедрое обеление монастырских вотчин от главных налогов проводилось и в 1548 г. Тарханные грамоты были получены, в частности, Троице-Сергиевым[214] и Глушицким монастырями[215].

Наряду с расширением податного иммунитета правительство резко увеличило объем вотчинной юрисдикции монастырей. Так, в грамоте 1547 г. Коряжемскому монастырю наместникам не разрешалось судить

---

[200] ЛОИИ, Собр. Головина, № 63; ААЭ, т. I, № 200; ЦГАДА, ГКЭ, № 7741; ГБЛ, Тр. кн. 608, лл. 184 об., 18 (указал И. А. Булыгин).

[201] «Чтение ОИДР», 1898 г., кн. II, № 160; ЦГИАЛ, кн. копий Богоявл. м-ря, лл. 19—22 об.; ЦГАДА, ГКЭ, № 5772; ГБЛ, Румянц. кн. 52, лл. 55—56 об.

[202] И. М. Катаев и А. К. Кабанов. Акты..., № 1/28, стр. 34, № 1/29, стр. 35.

[203] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, д. 1, лл. 417—419 об. Ср. ГИМ, ОПИ, Ув. карт. 41/16, Грамоты Спасо-Евфимьева м-ря, лл. 4 об.—5.

[204] ГБЛ, Тр. кн. 527, № 297, 306; там же, кн. 519, № 87; ГПБ, Собр. актов и грамот, № 118.

[205] ГПБ, Q — IV — 113 б, лл. 727—732.

[206] ЦГАДА, ГКЭ, № 5771.

[207] ЛОИИ, Актовые книги, описанные Б. Д. Грековым, № 27, лл. 36 об.— 42 об.

[208] ЛОИИ, Солов. 136, лл. 143—144.

[209] Там же, Коллекция Шегрена, № 4.

[210] ЦГАДА, ГКЭ, № 5769.

[211] Досифей. Указ. соч., ч. III, стр. 7—17.

[212] АИ, т. I, № 147.

[213] К. Ф. Калайдович. Указ. соч., стр. 110—115, № III, стр. 116, № IV.

[214] ГБЛ, Тр. кн. 528, № 301; Сборник грамот Коллегии экономии, т. II, Л., 1928, № 118а.

[215] Амвросий. Указ. соч., ч. III, стр. 714—723, № VIII.

население монастырских дворов и слободок «ни в чем»[216]. Согласно грамоте 1547 г. Спасо-Евфимьеву монастырю, монастырь судил своих людей и крестьян «во всем», «оприч душегубства»[217]. Подобные примеры расширения судебной власти монастырей не единичны.

Не подлежит сомнению, что иммунитетная политика правительств 1547—1548 гг. объясняется прежде всего резким усилением классовой борьбы в Русском государстве второй половины 40-х годов XVI в. Они избрали наиболее легкий для себя путь укрепления своей власти — путь тесного сближения с монастырями. Предоставляя монастырям широкие податные и судебные привилегии, правительства одновременно давали им право посылать крестьян в великокняжеский суд только один раз в году. Ограничения касались здесь лишь упомянутого выше суда над «лихими людьми». В грамоте Ивана IV, пожалованной 28 января 1547 г. Никольскому Коряжемскому монастырю, говорилось, что данный пристав вызывает монастырских крестьян в суд к царю один раз в год, «оприч тех дел, что есми приказал бояром своим обыскивати лихих людей, татей и разбойников, а каково будет слово лихое взговорят в татьбе и в разбое, и яз, царь и великий князь, по тех людей пошлю пристава с записью»[218]. Жалованная грамота 1548 г. Новодевичьему монастырю, содержавшая подобную же статью, устанавливала подсудность «лихих людей» самому царю или дворецкому Большого дворца[219]. Аналогичная формула находится в грамоте 1548 г. Корнилиевой пустыни[220] и некоторым другим корпорациям. Эти статьи дают основание говорить о большом народном возмущении политикой боярских временщиков в конце 40-х годов XVI в.

Вследствие весьма интенсивного роста монастырских привилегий в 1546—1548 гг. чрезвычайно осложнился формуляр жалованных тарханных грамот. К многочисленным статьям, фиксировавшим освобождение от различных повинностей и от власти судебных агентов правительства, прибавились с 1547 г. статьи, регулировавшие отношения монастырских вотчин с митрополичьей кафедрой. Глинские настойчиво стремились к ограничению митрополичьей юрисдикции. В великокняжеские жалованные грамоты монастырям стали попадать разделы, фактически заменявшие собой митрополичьи иммунитетные акты, которые освобождали духовных лиц, живших в монастырских вотчинах, от кафедральных пошлин и суда. Это, очевидно, свидетельствует о серьезных столкновениях, имевших место в отношениях между боярскими временщиками и митрополитом Макарием.

Говоря об общих причинах резкого увеличения иммунитетных привилегий в жалованных и указных грамотах периода боярского правления, необходимо подчеркнуть, что само увеличение количества выданных иммунитетных грамот соответствует изменению их содержания в сторону крайнего расширения податного и судебного иммунитета крупных феодалов. Проще всего этот отход от принципов централизаторской политики Василия III и даже Елены Глинской объяснить общей реакционной направленностью политики боярских временщиков. Однако дело обстоит гораздо сложнее, и прежде всего тут надо видеть большую внутреннюю связь между усилением классовой борьбы в стране и ростом иммунитета как попыткой дать самим крупным феодалам широкие возможности

---

[216] ЛОИИ, Собр. Коряжемского м-ря, № 6.
[217] ЦГАДА, ф. Спасо-Евфимьева м-ря, кн. 1, лл. 417—419 об.
[218] ЛОИИ, Собр. Коряжемского м-ря, № 6.
[219] Эта грамота дошла в пересказе 1573 г. (см. П. А. Садиков. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, ч. III. Документы, № 19).
[220] ЦГАДА, ГКЭ, № 5014.

для подавления народных масс в городе и деревне. Другая сторона дела состоит в том, что жалованные грамоты периода опричнины, резко отличаясь от скупых грамот времени «Избранной рады», очень напоминают, а иногда даже копируют жалованные грамоты периода боярского правления. В связи с этим возникает вопрос: если большой объем иммунитета в годы опричнины в значительной мере связан с экономическим разорением страны, то не означают ли тарханы 1546—1548 гг. начало этого разорения? Вопрос этот тем более уместен, что в ответ на скупые жалованные грамоты 50-х годов XVI в. монастыри ответили волной челобитий о разорении.

СООБЩЕНИЯ

А. Г. РАШИН

РОСТ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СССР (1926—1959 гг.)

В опубликованных предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1959 г.[1] содержатся значительные материалы о численности городского населения СССР. Эти данные и ранее опубликованные материалы переписей 1926 и 1939 гг. позволяют проследить резкое увеличение численности городского населения и существенные сдвиги в размещении населения СССР за длительный период в результате бурного развития социалистической промышленности.

Обратимся к основным показателям (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности городского населения СССР с 1913 по 1959 г. (в млн. чел.)

Годы		Численность городского населения	% ко всему населению
1913	а) в современных границах	28,1	18
	б) в границах СССР до 17 сентября 1939 г.	24,7	18
1926	По переписи на 17 декабря в границах СССР до 17 сентября 1939 г.	26,3	18
1939	а) по переписи на 17 января в границах СССР до 17 сентября 1939 г.	56,1	33
	б) оценка по территории, включающей западные области Украины и Белоруссии, Молдавию, Литву, Латвию и Эстонию.	60,4	32
1959	По переписи на 15 января	99,8	48

Таблица 1 показывает, что прирост городского населения за советский период был весьма высоким. Городское население в пределах сопоставимой территории возросло с 1926 по 1939 г. почти на 30 млн. чел. и с 1939 по 1959 г.— на 39,4 млн. На 15 января 1959 г. численность городского населения СССР достигла 99,8 млн. чел.

В. Старовский приводит следующие расчеты источников роста городского населения СССР за периоды между переписями 1939 и 1959 гг., а также 1926 и 1939 гг.

«Увеличение численности городского населения на 39,4 миллиона за истекшие 20 лет обусловлено несколькими причинами.

[1] Сообщение Центрального статистического управления при Совете Министров СССР.— «Правда», 10 мая 1959 г.

Во-первых, имел значение переход сельского населения в города для работы в промышленности, строительстве, на транспорте и в других отраслях народного хозяйства. Этот переход в города стал возможным благодаря успехам механизации и повышению производительности труда в социалистическом сельском хозяйстве. Вместе со взрослыми переезжали и семьи. После 1939 года в города из сел перешло, по приблизительным подсчетам, 24—25 миллионов человек.

Во-вторых, произошло преобразование в города и поселки городского типа ряда сельских населенных пунктов, выросших в крупные промышленные центры. Увеличение городского населения за этот счет составило около 7 миллионов человек.

В-третьих, имел место существенный прирост населения в городах (за вычетом потерь во время войны и оккупации) около 8 миллионов человек.

Следует сказать, что аналогичный процесс происходил и в период между переписями 1926 и 1939 годов. За те 12 лет численность городского населения в СССР увеличилась на 29,8 миллиона, в том числе за счет перехода сельского населения с семьями в город — на 18,7 миллиона, за счет преобразования сельских местностей в городские — на 5,8 миллиона и за счет естественного прироста городского населения — на 5,3 миллиона человек»[2].

Столь же высоким был рост численности рабочего класса. Так, среднегодовое число рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства возросло с 10 790 тыс. чел. в 1928 г. до 53 148 тыс. чел. в 1957 г., или почти в пять раз. Из общего прироста за 29 лет в 42 358 тыс. чел. приходилось на следующие группы труда (в тыс.): промышленность и строительство — 18 624, транспорт и связь — 4631, просвещение и здравоохранение — 6734 и торговлю и общественное питание — 3484[3]. Столь интенсивный рост в значительной степени повлиял на абсолютную численность городского населения СССР.

В то время как численность городского населения в отношении численности всего населения в 1926 г. (18%) находилась примерно на том же уровне, что и в 1913 г. (18%), в 1939 г. она уже составляла 32%, а в 1959 г. равнялась 48%.

Мы располагаем сопоставимыми данными по 11 союзным республикам об изменениях численности городского населения на три даты за период с 1926[4] по 1959 г. (табл. 2).

Данные таблицы 2 показывают, что за 32 года городское население Казахской ССР возросло в 7,8 раза, Таджикской ССР — в 6,1 раза, Киргизской ССР — в 5,7 раза. Удельный вес городского населения резко повысился во всех союзных республиках. Особенно значительные сдвиги мы имеем по Казахской ССР — с 9 до 44%, Таджикской ССР — с 10 до 33%, Туркменской ССР — с 14 до 46%, Армянской ССР — с 19 до 50%. В 1959 г. в РСФСР городское население составляло 52% всего населения республики.

Из областей и краев, в которых в 1959 г. процент городского населения в значительной степени превышал средний по Союзу, укажем следующие (табл. 3).

Перечисленные в таблице области в своем большинстве имеют развитую промышленность.

[2] В. Старовский. Первые итоги переписи населения.— «Коммунист», 1959, № 7, стр. 78.

[3] Приведенные показатели исчислены на основании данных, опубликованных в статистических сборниках «Народное хозяйство СССР» (М., 1956, стр. 190) и «СССР в цифрах» (М., 1958, стр. 313—314).

[4] Данные за 1926 г. см. С. Сулькевич. Население СССР. М., 1939.

Таблица 2

Абсолютная численность городского населения и его удельный вес по 11 союзным республикам с 1926 по 1959 г. (в тыс.)

Республики	Численность городского населения				% ко всему населению		
	на 17 декабря 1926 г.	на 17 января 1939 г.	на 15 января 1959 г.	1959 г. в % к 1926 г.	на 17 декабря 1926 г.	на 17 января 1939 г.	на 15 января 1959 г.
РСФСР	16 785	36 296	61 477	366	18	33	52
Украинская ССР	5 374	13 569	19 130	356	27	34	46
Белорусская ССР	848	1 855	2 475	292	17	21	31
Узбекская ССР	1 012	1 470	2 720	269	22	23	34
Казахская ССР	519	1 690	4 069	784	9	28	44
Грузинская ССР	594	1 066	1 696	286	22	30	42
Азербайджанская ССР	650	1 157	1 765	272	28	36	48
Киргизская ССР	122	270	692	567	12	19	34
Таджикская ССР	106	249	645	614	10	17	33
Армянская ССР	167	366	884	529	19	29	50
Туркменская ССР	137	416	698	508	14	33	46

Таблица 3

Численность городского населения некоторых областей СССР (в % ко всему населению)

Области края	%	Области края	%
Мурманская	92	Приморский край . .	67
Ленинградская	86	Ивановская	66
Сталинская	86	Иркутская	62
Магаданская	81	Куйбышевская	62
Луганская	79	Харьковская	62
Московская	78	Тульская	61
Карагандинская	78	Пермская	59
Кемеровская	77	Ярославская	58
Свердловская	76	Ташкентская	58
Челябинская	76	Ростовская	57
Хабаровский край . . .	74	Запорожская	57
Днепропетровская . . .	70	Владимирская	57

Особенно возросла за рассматриваемые годы численность населения крупных промышленных центров (табл. 4).

Следует обратить внимание на следующие показатели. В городах с численностью населения 100 тыс. чел. и более в 1939 г. проживало 28,4 млн. чел., а в 1959 г. — 48,5 млн., или соответственно в 1939 г. — 47% и в 1959 г. — 48,6% всего городского населения. В том числе городов с населением в 500 тыс. и более в 1939 г. было 11 и в них проживало 12,8 млн. чел., а в 1959 г. таких городов было уже 25 и в них проживало 24,1 млн. чел. Напомним, что в 1926 г. городов с населением в 500 тыс. и более было всего три и в них проживало 4,1 млн. чел.

Всего городов было в 1939 г. 1191 и в них проживало 51,2 млн. чел., а в 1959 г.— 1694 с населением в 82,6 млн. чел. Поселков городского

Таблица 4

Распределение городов и поселков городского типа по числу жителей в 1939 и 1959 гг.

Группы городских поселений по числу жителей	Число городских поселений		Население городских поселений,			
			млн. чел.		% к итогу	
	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.	1939 г.	1959 г.
Всего городских поселений	2759	4616	60,4	99,8	100,0	100,0
Из них с числом жителей:						
менее 3 тыс.	467	849	0,9	1,6	1,5	1,6
от 3 до 5 тыс.	531	887	2,1	3,5	3,5	3,5
» 5 » 10 »	757	1 288	5,3	9,2	8,8	9,2
» 10 » 20 »	501	810	7,0	11,3	11,6	11,3
» 20 » 50 »	315	483	9,6	15,1	15,9	15,1
» 50 » 100 »	99	151	7,1	10,6	11,7	10,6
» 100 » 500 »	78	123	15,6	24,4	25,8	24,4
500 тыс. и более	11	25	12,8	24,1	21,2	24,2

типа[5] было в 1939 г. 1568 с населением в 9,2 млн. чел., а в 1959 г.—2922 с населением в 17,2 млн. чел.

В среднем на один город приходилось в 1939 г. 43,7 тыс. жителей, а в 1959 г. — 49 тыс., на один поселок городского типа в 1939 и в 1959 гг. приходилось 5,9 тыс. жителей.

Обратимся к динамике численности населения группы наиболее крупных городов СССР (табл. 5). В таблице 5 приведены данные по 72 городам, в каждом из которых на 15 января 1959 г. численность населения превышала 200 тыс. чел. Сравнение производится на три даты — на 17 декабря 1926 г., 17 января 1939 г., 15 января 1959 г. В этих городах проживало на 15 января 1959 г. 38,7 млн. чел., или 38,8% всего городского населения СССР. В таблице исчислены также относительные показатели, по которым можно проследить, как изменялась численность населения отдельных городов как за весь период (1926—1959 гг.), так и раздельно за периоды: 1) 1926—1939 гг. и 2) 1939—1959 гг. Отметим некоторые показатели.

При среднем приросте городского населения СССР с 1926 по 1959 г. в 3,8 раза по значительному числу городов, приведенных в таблице, темп прироста населения за этот период был гораздо более высоким. Ряд вновь образовавшихся городов в связи с их бурным промышленным развитием имел в 1959 г. уже весьма многочисленное население (Караганда, Магнитогорск, Комсомольск-на-Амуре, Копейск, Ангарск и др.).

Следует, однако, добавить, что в некоторых городах, в результате главным образом значительных потерь населения в годы Великой Отечественной войны, за весь этот свыше чем 30-летний период население даже не удвоилось.

Особенного внимания заслуживают сдвиги в численности населения ряда городов Урала и Сибири, где в результате весьма интенсивного развития промышленности наблюдался чрезвычайно высокий рост городского населения (табл. 6).

Даже такие крупные промышленные центры Урала, как Свердловск и Пермь, более чем в пять раз увеличили численность своего населения.

[5] В сноске на стр. 32 статистического ежегодника «Народное хозяйство в 1956 г.» указано: «В период за 1939—1958 гг. к поселкам городского типа относились рабочие поселки, курортные поселки и другие поселки, утвержденные Президиумами Верховных Советов союзных республик в качестве поселков городского типа».

Таблица 5

Динамика численности населения наиболее крупных городов СССР за 1926—1959 гг.

Города	Численность населения в тыс.			%		
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1939 г. к 1926 г.	1959 г. к 1939 г.	1959 г. к 1926 г.
Москва	2029	4183	5032	206	120	248
Ленинград	1690	3385	3300	200	97	195
Киев	513	847	1102	165	130	215
Баку	453	775	968	171	125	214
Горький	222	644	942	290	146	424
Харьков	417	833	930	200	112	223
Ташкент	324	550	911	170	166	281
Новосибирск	120	404	887	337	219	739
Куйбышев	176	390	806	222	206	458
Свердловск	140	423	777	302	184	555
Сталино	174	466	701	268	150	403
Тбилиси	294	519	694	177	134	236
Челябинск	59	273	688	460	252	1170
Одесса	421	602	667	143	111	158
Днепропетровск	237	527	658	222	125	278
Казань	179	398	643	222	162	359
Пермь	120	306	628	255	205	523
Рига	338*	355	605	105	170	179
Ростов-на-Дону	308	510	597	166	117	194
Сталинград	151	445	591	294	133	391
Саратов	220	372	581	169	156	264
Омск	162	289	579	178	201	357
Уфа	99	258	546	261	212	552
Минск	132	237	509	180	214	386
Ереван	65	204	509	314	250	783
Алма-Ата	45	222	455	493	206	1000
Воронеж	122	344	454	282	132	372
Запорожье	56	282	435	504	154	777
Львов	—	340	410	—	121	—
Красноярск	72	190	409	263	215	568
Ярославль	114	309	406	271	132	356
Караганда	—	156	398	—	255	—
Кривой Рог	38	189	386	497	204	1020
Сталинск	4	166	377	415	228	9400
Иркутск	108	250	365	231	146	338
Макеевка	79	242	358	306	148	453
Тула	155	285	345	184	121	223
Нижний Тагил	39	160	338	412	212	867
Иваново	111	285	332	256	116	299
Хабаровск	52	207	322	398	155	619
Барнаул	74	148	320	200	216	432
Краснодар	162	193	312	119	162	193
Магнитогорск	—	146	311	—	213	—
Астрахань	184	254	294	138	116	160
Горловка	23	181	293	787	161	1270

* По данным за 1925 г.

Таблица 5 (окончание)

Города	Численность населения в тыс.			%		
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1939 г. к 1926 г.	1959 г. к 1939 г.	1959 г. к 1926 г.
Жданов	64	222	284	347	128	444
Владивосток	108	206	283	191	137	262
Ижевск	63	176	283	278	161	449
Прокопьевск	11	107	282	1000	263	2560
Таллин	—	160	280	—	175	—
Кемерово	22	133	277	612	209	1260
Луганск	72	215	274	299	128	381
Калинин	108	216	261	200	121	242
Оренбург	123	172	260	140	151	211
Архангельск	77	251	256	326	102	332
Пенза	92	160	254	174	159	276
Киров	62	144	252	232	175	406
Томск	92	145	249	158	171	271
Грозный	97	172	240	177	139	247
Вильнюс	—	215	235	—	109	—
Мурманск	9	119	226	1320	189	2510
Николаев	105	169	224	161	133	213
Сталинабад	6	83	224	1400	271	3730
Фрунзе	37	93	217	253	234	586
Кишинев	—	112	214	—	191	—
Каунас	—	152	214	—	140	—
Рязань	51	95	213	186	224	418
Брянск	46	174	206	378	118	448
Ульяновск	70	98	205	140	209	293
Курск	82	120	203	146	169	249
Калининград	—	—	202	—	—	—
Таганрог	86	189	201	219	107	234

Таблица 6

Динамика численности населения наиболее крупных городов Урала за 1926—1959 гг. (в тыс.)

Города	Численность населения			1959 г. в % к 1926 г.
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	
Свердловск	140	423	777	555
Челябинск	59	273	688	1170
Пермь	120	306	628	523
Уфа	99	258	546	552
Нижний Тагил	39	160	338	867
Магнитогорск	—	146	311	—
Ижевск	63	176	283	449
Оренбург	123	172	260	211
Орск	14	66	176	1260
Златоуст	48	99	161	335
Копейск	—	60	160	—
Каменск-Уральский	5	51	141	2800
Березники	16	51	106	662
Серов (б. Надеждинск)	33	65	98	297

Еще более выросло население Нижнего Тагила и Орска. Численность населения Магнитогорска достигла к 15 января 1959 г. 311 тыс. чел.

О. А. Константинов в специальном исследовании[6] пишет по этому поводу следующее:

«Самым, пожалуй, замечательным фактом в характеристике промышленности современных уральских городов является то, что все они без исключения представляют собой индустриальные центры. Многие официальные города Урала до революции (Белебей, Бирск, Бугуруслан, Бузулук, Верхотурье, Глазов, Красноуфимск, Орск, Оса, Оханск, Туринск, Чердынь и др.) не имели вовсе промышленности или размеры ее были ничтожны. За годы Советской власти во всех этих городах произошли коренные перемены. Теперь промышленными центрами являются не только все города Урала, но и подавляющая часть его рабочих поселков. Современный Урал, особенно его горнозаводская часть, характеризуется, следовательно, густой сетью промышленных пунктов.

Количественный рост индустриальных центров Урала сопровождался большими качественными изменениями. Важнейшие из них заключаются в появлении в его городах многих новых отраслей промышленности, в превращении простых одноотраслевых промышленных центров в сложные многоотраслевые, в укрупнении промышленных центров. Разумеется, эти качественные изменения тесно между собой связаны»[7].

Весьма показательны также данные о движении численности населения ряда сибирских городов за тот же период (табл. 7).

Таблица 7

Динамика численности населения наиболее крупных городов Сибири за 1926—1959 гг. (в тыс.)

Города	Численность населения			1959 г. в % к 1926 г.
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	
Новосибирск	120	404	887	739
Омск	162	289	579	357
Красноярск	72	190	409	568
Сталинск	4	166	377	9400
Иркутск	108	250	365	338
Барнаул	74	148	320	432
Прокопьевск	11	107	282	2560
Кемерово	22	133	277	1260
Томск	92	145	249	271
Тюмень	50	79	150	300
Бийск	46	80	146	317
Курган	28	53	145	518
Ангарск	—	—	134	—
Ленинск-Кузнецк . .	20	83	132	660
Киселевск	—	44	130	—
Черемхово	15	56	123	820
Анжеро-Суджанск . . .	30	69	116	387
Рубцовск	—	38	111	—

Таблица 7 показывает, что в Сибири после 1939 г. увеличилось число городов с населением в 100 тыс. чел. и выше. Появились также новые крупные города — Рубцовск, Ангарск и Киселевск. В крупных индустри-

[6] О. А. Константинов. Городское население Урала.— «Вопросы географии». Сборник тридцать восьмой. География городов, М., 1956.
[7] Там же, стр. 84.

альных центрах Сибири — Новосибирске и Красноярске население с 1926 по 1959 г. возросло: в первом — со 120 тыс. до 887 тыс. чел., или в 7,4 раза, во втором — с 72 тыс. до 409 тыс. чел., или в 5,7 раза. В группе новых крупных промышленных центров — Сталинске, Прокопьевске, Кемерово — рост населения происходил весьма интенсивно.

Необходимо отметить также высокий прирост населения в группе старых городов — Куйбышеве, Горьком, Кирове, Сталинграде, Минске, Воронеже и Казани.

Кратко остановимся на динамике численности городского населения Казахской ССР (табл. 8). Уже ранее было указано, что по темпу роста городского населения за период с 1926 по 1959 г. Казахская ССР значительно опередила остальные союзные республики (рост в 7,8 раза).

Таблица 8

Динамика численности населения наиболее крупных городов Казахской ССР за 1926—1959 гг. (в тыс.)

Города	Численность населения			1959 г. в % к 1926 г.
	1926 г.	1939 г.	1959 г.	
Алма-Ата	45	222	455	1000
Караганда	—	156	398	—
Семипалатинск	57	110	155	272
Чимкент	21	74	153	729
Петропавловск	47	92	131	279
Уральск	36	67	105	292
Актюбинск	12	49	97	808
Павлодар	14	29	90	643
Кустанай	20	34	86	430
Гурьев	10	41	78	780
Джамбул	34	38	67	197
Лениногорск	6	50	67	1100

В основном этот высокий рост был связан с интенсивным развитием промышленности.

Мы встречаем неоднократные указания на то, что рост городского населения в ряде городов страны был прежде всего результатом громадного увеличения числа рабочих и служащих. Приводим некоторые характерные примеры. Уже ранее отмечался высокий прирост населения г. Куйбышева. В связи с весьма интенсивным развитием крупной промышленности в городе повышение численности промышленных рабочих превышало общий рост населения и в значительной степени влияло на него. Количество рабочих увеличилось преимущественно в отраслях тяжелой промышленности. «В период с 1913 по 1955 г. число рабочих, занятых в крупной промышленности города, возросло более чем в 20 раз, а с учетом постоянных рабочих строительной индустрии — в 27—28 раз» [8].

Из другой работы приведем на ряд лет данные о динамике среднегодовой численности промышленных рабочих Куйбышевской области и г. Куйбышева (табл. 9) [9].

[8] «Город Куйбышев», Куйбышев, 1957, стр. 146.

[9] Л. И. Фоминых. Развитие промышленности Куйбышевской области. Куйбышевский плановый институт.— «Ученые записки», вып. V, 1958, стр. 66.

Таблица 9

Динамика численности промышленных рабочих Куйбышевской области и г. Куйбышева за 1913—1956 гг. (в тыс.)

Годы	Область, включая г. Куйбышев		Куйбышев	
	число рабочих	% к 1913 г.	число рабочих	% к 1913 г.
1913	18	100	7	100
1940	101	562	54	753
1945	169	938	109	1520
1950	183	1010	121	1685
1956	250	1388	152	2111

Как видим, число промышленных рабочих в г. Куйбышеве в 1945 г. было вдвое выше, чем в 1940 г.

Относительно роста населения городов Западной Сибири И. К. Беляев пишет: «Перед нами неоспоримые данные роста численности рабочих и служащих. В 1956 г. число рабочих и служащих увеличилось по сравнению с 1940 г. в 2,2 раза, по сравнению с 1928 г.— в 12,5 раза, а по сравнению с 1913 г.— в 43,1 раза. Только в одном Кузбассе ныне насчитывается около 600 тысяч рабочих. Значительно больше стало рабочих в таких крупных промышленных центрах, как Новосибирск, Омск, Тюмень, Курган, Барнаул и Рубцовск»[10].

Соответствующие процессы можно проследить и в других бурно растущих городах СССР. Об исключительно высоком темпе роста городского населения СССР сравнительно с капиталистической Россией[11] можно судить по следующей группе показателей.

Городское население России (без Польши и Финляндии) увеличилось с 11,6 млн. чел. за 1885 г. до 23,3 млн. чел. на 1 января 1914 г. Прирост за 29 лет достиг, таким образом. 11,7 млн. чел. Городское же население СССР возросло с 60,4 млн. в 1939 г. до 99,8 млн. в 1959 г., и, следовательно, прирост за 20 лет составил 39,4 млн. чел.

Численность городского населения в отношении ко всему населению равнялась в 1885 г. 12%, а на 1 января 1913 г.—17%. Удельный вес городского населения СССР был в 1939 г. 32%, а к 1959 г. повысился до 48%.

Население только 25 городов СССР, в каждом из которых проживало 500 тыс. и более, составляло в 1959 г. 24,1 млн. чел., что превышает численность всего городского населения России (без Польши и Финляндии) на 1 января 1914 г. В качестве примера из отдельных городов упомянем Горький и Куйбышев. Численность населения Нижнего Новгорода равнялась в 1863 г. 41,5 тыс. и на 1 января 1914 г.—111,2 тыс.; прирост за 50 лет составил 70 тыс. чел. В 1926 г. в Горьком было 222 тыс. и в 1959 г.—942 тыс.; прирост за 33 года — 720 тыс. чел. В Самаре численность населения достигала в 1863 г. 34 тыс. и на январь 1914 г.—143,8 тыс. чел.; прирост равнялся 110 тыс. чел. Численность населения Куйбышева увеличилась с 176 тыс. в 1926 г. до 806 тыс. в 1959 г. и возросла, таким образом, на 630 тыс. чел.

Приведенные данные отчетливо свидетельствуют о высоком росте городского населения СССР за годы Советской власти, особенно начиная с периода индустриализации.

[10] И. К. Беляев. Социалистическая индустриализация Западной Сибири. Новосибирск, 1958, стр. 207—208.

[11] Показатели, относящиеся к городскому населению России, составлены по данным, опубликованным мною в книге «Население России за 100 лет», раздел II, М., 1956.

Б. В. АНАНЬИЧ

РОССИЯ И КОНЦЕССИЯ Д'АРСИ

Когда на рубеже XX столетия, в разгар экономического соперничества Англии и России в Персии, всплыл и нефтяной вопрос, обнаружилось, что интерес к нему у каждой из соперничавших сторон был вызван различными причинами. Внимание Англии было приковано в первую очередь к персидским нефтяным месторождениям, в то время как Россия проявляла сильное тяготение к персидскому нефтяному рынку.

Бакинские нефтепромышленники были мало заинтересованы в разработке нефтяных богатств Персии, более того, они опасались конкуренции персидской нефти на средневосточных рынках и прежде всего в самой Персии, куда уже с начала 1870-х годов начали поступать русские нефтепродукты. Русская нефть, благодаря низкой стоимости и близости бакинских нефтерождений, занимала господствующее положение на персидском рынке. Из Баку нефть доставлялась или водным путем в порты Каспийского моря, или сухопутным — через Красноводск, Ашхабад в северную Персию, а затем уже попадала в другие районы страны.

До 1896 г. это была преимущественно сырая нефть, так как керосин, предназначенный для вывоза, облагался акцизом наравне с керосином, потреблявшимся в самой России. В начале 90-х годов в Персии появилось несколько небольших заводов по переработке русской нефти, которые начали поставлять на персидский рынок хотя и плохо очищенный, но довольно дешевый керосин, успешно конкурировавший с бакинским [1]. Чтобы облегчить бакинским нефтепромышленникам борьбу с этой конкуренцией, русское правительство начиная с 1896 г. стало возвращать экспортные пошлины за обработанную нефть, вывозившуюся в Персию. Это привело к резкому росту вывоза в Персию русского керосина, который вскоре, как и нефть, занял там господствующее положение.

К началу 1900-х годов русский керосин доставлялся в самые отдаленные и труднодоступные районы страны. «Наш керосин стоит вне конкуренции, ибо другого керосина в Персии нет, — сообщал в Петербург в 1901 г. русский консул в Сеистане А. Миллер, — потребность в нем в Сеистане и в сопредельных странах растет быстро» [2]. Английский консул в Хоросане и Сеистане также писал своему правительству, что русский керосин, который привозят из Ашхабада, пользуется постоянным спросом, приносит большие прибыли и является монопольной статьей русской торговли во всем Хоросане [3].

Неправильно было бы, однако, преувеличивать значение персидского нефтяного рынка для России, так как потребление керосина в Персии

---

[1] ЦГИАЛ, ф. 574, оп. 4, д. 410, лл. 7—12.
[2] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 526, л. 42 об.
[3] Diplomatic and Consular Reports. Persia. № 2921. F. O. Dec. 1902, p. 7.

в конце 1890 — начале 1900-х годов было сравнительно невелико[4]. Как рынок сбыта керосина не меньшее значение для России имела, например, Индия, где русский керосин, по данным журнала «Нефтяное дело», к 1901 г. составлял почти 90% всего местного потребления и успешно конкурировал с американским[5]. «Русский керосин совершенно вытесняет американский керосин из страны,— писала в 1901 г. бомбейская еженедельная газета «Таймс оф Индия», — ввоз его достиг в прошлом году более чем 22 млн. галлонов, в то время как ввоз американского составил меньше миллиона»[6]. Одновременно Индия являлась основным транзитным пунктом для морских перевозок русских нефтепродуктов на другие рынки Азии и Дальнего Востока. Кстати сказать, не только в Персидский залив, но и в пограничные с Индией районы Персии русский керосин долгое время ввозился из Бомбея, куда доставлялся морским путем; оттуда он совершал длительное путешествие по индийским железным дорогам в Кветту, а затем на верблюдах из Нушки доставлялся в Сеистан[7].

Стремление русских нефтепромышленников экспортировать нефть в Индию и через нее в другие страны Азии усиливало их интерес к Персии как к стране, через которую пролегали наиболее близкие сухопутные пути к этим рынкам. Не случайно поэтому еще на заре развития русской нефтяной промышленности, в 1884 г., в России появился проект постройки керосинопровода через Персию от Каспийского моря к Персидскому заливу, автором которого был известный русский инженер С. Е. Палашковский. Проект Палашковского заслуживает внимания как документ, отражающий цели и планы русских нефтепромышленников в освоении и развитии азиатских нефтяных рынков.

В своей записке об устройстве керосинопровода Палашковский указывал на огромное значение для России рынков, лежавших «вблизи Индийского и Тихого океанов»[8]. Ради их освоения автор записки предлагал отказаться от традиционной ближневосточной политики борьбы за проливы и направить усилия на то, чтобы пробиться к побережью Персидского залива и Индийского океана. «Не проще ли, предоставив Константинополь ревнивой охране наших европейских друзей, — писал Палашковский, — обратить наши стремления туда, где цель и ближе и легче достижима. В Турции мы имеем дело с целой Европой, а в Персии, где мы легко можем в Оманском заливе достигнуть океана, будем иметь дело с одной только Англией»[9].

По проекту Палашковского, большую роль в освоении азиатских рынков должен был сыграть трубопровод к Персидскому заливу, откуда дешевый русский керосин доставлялся бы затем на судах в Индию, Индокитай, Австралию и другие страны. По утверждению автора проекта, торговля бакинским керосином в этих странах приносила бы в первые годы до 10 млн., а в будущем до 100 млн. руб. ежегодной прибыли, что благотворно повлияло бы, по его мнению, на общее состояние русских финансов.

В феврале 1884 г. проект Палашковского обсуждался в Особом совещании, принявшем решение «оставить его без последствий»[10]. Сове-

---

[4] По официальным данным, в 1901 г. весь вывоз русских нефтепродуктов достигал 95 079 017 пудов, в то время как вывоз в Персию составлял 2 136 090 пудов (см. «Обзор внешней торговли России за 1901 год», СПб., 1903, табл. IV, стр. 76, 78).

[5] «Нефтяное дело», 1908, № 8, стр. 58.

[6] «The Times of India» (weekly edition), 2/XI 1901, p. 12.

[7] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 526, л. 42 об.

[8] ЦГИАЛ, ф. 1222, оп. XVI, д. 1, л. 12 об.

[9] Там же, л. 68.

[10] Там же, л. 6.

щание нашло, что значение трубопровода для русской торговли в проекте преувеличено, в финансовом отношении проект не содержит необходимых данных для определения стоимости строительства, а с политической точки зрения русскому правительству «едва ли было бы удобно принимать ручательство в успешном ходе предприятия, осуществленного на иностранной территории..., без уверенности во всегдашнем сочувствии к нему со стороны персидского правительства»[11].

В отличие от России, Англия стремилась к непосредственной разработке персидских нефтяных месторождений, давно привлекавших внимание британских предпринимателей.

Еще в 1872 г. английскому подданному барону Рейтеру с помощью английского посланника в Тегеране Драммонда Уольфа удалось получить от шаха концессию на монопольную эксплуатацию природных богатств Персии, в том числе и нефти, на строительство железных и шоссейных дорог и ирригационных сооружений. Рейтер приобрел право контроля над всеми таможнями страны и освобождался от уплаты внутренних ввозных пошлин. Все указанные привилегии были получены им на условиях выплаты шаху от 15 до 20% чистой прибыли будущих концессионных предприятий.

Однако протест русского правительства и возмущение, которое вызвали условия концессионного договора в самой Персии, вынудили шаха аннулировать концессию.

Девятнадцать лет спустя барон Рейтер возобновил свои попытки заняться эксплуатацией природных богатств Персии, для чего в 1891 г. английский Шахиншахский банк в Тегеране образовал компанию (Persian Bank Mining Right Corporation) с капиталом в 1 млн. ф. ст. Компания занялась разведкой нефти в районе г. Бушира и на одном из островов Персидского залива. Но, несмотря на значительный капитал и большое количество экспертов, имевшихся в ее распоряжении, компании не удалось обнаружить месторождения нефти, и к 1893 г. она почти прекратила изыскательные работы.

Более успешными оказались поиски французской археологической экспедиции Жака де Моргана, обследовавшей естественные нефтяные колодцы на турецко-персидской границе. В 1893 г. Морган опубликовал отчет о своих работах, в котором высказывалось предположение о наличии в Персии значительных нефтяных запасов[12]. Это сообщение снова усилило интерес Англии к персидской нефти. Английское правительство, преследуя не только экономические, но и политические цели, весной 1901 г. помогло английскому подданному австралийцу Уильяму Ноксу д'Арси добиться у персидского правительства права на разработку нефтяных месторождений в южной Персии.

Переговоры об этой нефтяной концессии начались еще в 1900 г. в Париже. Находившийся на Парижской выставке главный директор таможенного управления Персии генерал Китабджи-хан встретился там с Эдуардом Коттом, в прошлом секретарем барона Рейтера, и с Генри Драммондом Уольфом, бывшим английским посланником в Тегеране. Переговоры в Париже носили предварительный характер. Некоторое время спустя Китабджи-хан был приглашен в Лондон для продолжения переговоров уже с участием д'Арси. В апреле 1901 г. Китабджи-хан, Э. Котт и поверенный д'Арси Альфред Марриот выехали в Тегеран для подписания соглашения о концессии с персидским правительством[13].

[11] ЦГИАЛ, ф. 1222, оп. XVI, д. 1, л. 6 об.

[12] Л. Элвелл-Саттон. Иранская нефть. М., 1956, стр. 21.

[13] B. Shwadran. The Middle East, Oil and the Great Powers. New York, 1955, p. 15.

При этом Марриот был снабжен рекомендательным письмом к персидскому премьер-министру от одного из влиятельных членов английского парламента, с которым тогдашний персидский премьер Садр Азам находился в дружеских отношениях [14].

Последний этап переговоров в Тегеране, в котором активное участие принял английский посланник Артур Гардинг, был окружен строжайшей тайной, так что русский посланник в Тегеране ровно ничего не знал о происходившем до тех пор, пока соглашение уже не было подписано. Если верить Гардингу, то в русское посольство было отправлено письмо с сообщением об англо-персидских переговорах, написанное, однако, трудночитаемой скорописью на персидском языке с расчетом на то, что русский посланник Аргиропуло не сможет его прочесть до возвращения переводчика, уехавшего на несколько дней из посольства. Между тем, пока письмо лежало в русском посольстве, дожидаясь перевода, а Аргиропуло даже не подозревал о его важности, — сделка совершилась [15]. Русский посланник со своей стороны доносил в Петербург, что ему стало известно о состоявшемся соглашении только после его подписания, когда к нему явился представитель Садр Азама и официально сообщил об этом. Пытаясь объяснить непонятный для него поступок Садр Азама, придерживавшегося в это время русской ориентации, Аргиропуло писал 29 июня 1901 г., что персидским премьером «несомненно руководило желание смягчить недовольство им англичан для прекращения их участия в интригах, направленных против него» и что, «угождая англичанам в этом случае, он рассчитывал, вероятно, устранить также противодействие, хотя бы косвенное, А. Гардинга торговому соглашению с Россией и заставить его простить строгость таможенных порядков, введенных в южной Персии» [16]. Позднее, в феврале 1902 г., когда от русского финансового агента в Тегеране Э. К. Грубе пришло телеграфное сообщение о том, что д'Арси уплатил за концессию взятку в размере 50 тысяч туманов, стало ясно, почему Садр Азам так легко уступил давлению англичан и не только не искал помощи у русских, но скрыл от них факт переговоров с представителями английского концессионера [17].

В июне 1901 г. поведение персидского министра еще оставалось непонятным, а носящие полуоправдательный для Садр Азама характер объяснения русского посланника не были приняты во внимание в Петербурге, и посланник получил указание дать понять персидскому премьеру, что «повторение чего-нибудь подобного, пока он будет находиться у власти, не будет ему прощено императорским правительством» [18]. Разумеется, это запоздалое предупреждение уже ничего не могло изменить, хотя в Петербурге тщательно изучали текст концессии в надежде найти средство помешать ее осуществлению.

Ознакомление с текстом концессии еще более усилило беспокойство министерств иностранных дел и финансов, вызванное сообщением об англо-персидской сделке. Д'Арси получил концессию на исключительно выгодных условиях. Ему предоставлялось монопольное право на розыски, добычу, транспортировку и продажу нефти и нефтепродуктов в южной Персии в течение 60 лет. Он добился разрешения на строительство нефтепровода к Персидскому заливу с правом прокладки труб

[14] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 7.

[15] Arthur H. Hardinge. A Diplomatist in the East. London, 1928, p. 278—279.

[16] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, лл. 7—8. Имеются в виду переговоры о русско-персидском торговом соглашении, которые были начаты в Тегеране в 1900 г. Соглашение было подписано 27 октября (9 ноября) 1901 г. и после ратификации вступило в силу в феврале 1903 г.

[17] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 114.

[18] Там же, л. 8.

дополнительно от главной магистрали в разных направлениях. Персидское правительство предоставляло даром английскому предпринимателю необработанные земли для строительства заводов и устройства нефтехранилищ. Он освобождался от обложения таможенными сборами за ввоз материалов и вывоз нефтепродуктов.

Со своей стороны, д'Арси был обязан не позднее чем через два года создать первое товарищество по добыче нефти и выдать персидскому правительству по 20 тыс. ф. ст. наличными и оплаченными акциями; товарищество должно было отчислять ему 16% годовых от чистой прибыли.

Однако Петербург обеспокоили не столько эти баснословно выгодные условия, сколько пункт шестой соглашения, устанавливавший границы будущей концессии. Согласно этому пункту, права д'Арси как концессионера распространялись, за исключением северных провинций — Азербайджана, Гиляна, Мазандерана, Хоросана и Астробада, на территорию всей южной Персии; при этом персидское правительство брало на себя обязательство не выдавать никому разрешения на проведение нефтепроводов к южным рекам и южному побережью Персии [19]. Это условие концессионного соглашения создавало непреодолимое препятствие русским планам торговли бакинской нефтью через Персидский залив.

Дело в том, что в августе 1901 г. в русском Министерстве финансов вновь вернулись к возбужденному в 1884 г., но впоследствии забытому проекту постройки керосинопровода от кавказской границы к Персидскому заливу. Вопрос о постройке керосинопровода через Персию возник непосредственно в связи с кризисом на бакинском нефтяном рынке, начавшимся в 1901 г. С января 1901 г. началось резкое падение цен на нефть. К концу года цены упали до такого низкого уровня, какой не наблюдался в бакинской нефтеторговле с конца 1894 г. В 1902 г. положение нисколько не улучшилось, напротив, кризис прогрессировал и цены продолжали падать. Если в 1900 г. среднегодовая цена сырой нефти на самих промыслах составляла 15,7 коп. за пуд, а в 1901 г. резко упала до 8,11 коп., то в 1902 г. она была еще меньше, составляя 6,72 коп., причем самая низкая январская цена 1902 г. составляла всего 4,6 коп. за пуд [20]. Кризис на внутреннем рынке усугублялся неблагоприятной конъюнктурой, сложившейся к этому времени для русской нефти и на внешних рынках.

Одной из причин, постоянно препятствовавших развитию русского нефтяного экспорта, являлось отсутствие удобных путей сообщения. Для удешевления перевозки керосина, транспортировавшегося преимущественно по Закавказской ж. д., правительство приступило к постройке трубопровода Батуми — Баку. К 1910 г. трубы были проложены всего лишь на протяжении 214 верст, до с. Михайлова, что не могло даже разгрузить Закавказскую ж. д. Но если бы закавказский трубопровод и был проложен до конца и введен в действие, все равно заметного изменения к лучшему не произошло бы: направление на Батуми являлось выгодным главным образом для торговли на Средиземноморье и в Европе, а бакинские нефтепромышленники были заинтересованы прежде всего в торговле на Дальнем Востоке и в Индии, где русский керосин мог успешно конкурировать с американским и были шансы на значительное расширение этого рынка керосина в будущем.

Это послужило одним из главных аргументов в защиту проекта постройки керосинопровода через Персию, представленного Николаю II

[19] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 37.

[20] «Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1902 г.», Баку, 1903, ч. 1, стр. 389.

в конце августа 1901 г., три месяца спустя после подписания соглашения о концессии д'Арси. Автор проекта, ссылаясь на кризис бакинской нефтяной промышленности и на «неудовлетворительность» Баку-Батумской ж. д., предлагал построить керосинопровод через Персию или в дополнение к закавказскому, или в крайнем случае за счет закавказского, использовав заготовленные для него материалы [21]. По предварительным подсчетам автора, оказывалось, что стоимость перевозки одного пуда керосина от Баку до ближайшего порта Индии, в случае если закавказский трубопровод будет действовать на всем протяжении, обойдется в 17 коп., а при помощи керосинопровода через Персию — не более 6 коп., т. е. в три раза дешевле. Постройка этого керосинопровода, по мнению автора, открывала огромные возможности для русской нефтяной промышленности на рынках Азии, где Россия могла бы «занять блистательное положение», совершенно не боясь американской конкуренции [22].

В проекте обращалось внимание на политическое значение персидской линии: «Прокладка и работа керосинопровода, — писал автор, — во всяком случае создаст в Персидском заливе реальные русские торговые интересы, игнорировать которые никакая держава не будет вправе..., а следовательно и послужит к увеличению нашего влияния в Персии и на побережье Индийского океана» [23].

Николай II выразил свое отношение к проекту в довольно неопределенной резолюции: «Вопрос большой важности, о котором нужно серьезно подумать» [24]. Задачу «серьезно подумать» взял на себя С. Ю. Витте. Получив проект с царской резолюцией, Витте 22 сентября отправил копию его Ламздорфу с просьбой дать заключение, не встретится ли с политической точки зрения препятствий для переговоров с персидским правительством о передаче русскому Учетно-ссудному банку в Персии концессии на постройку нефтепровода и об отправке группы техников для необходимых изысканий [25].

По-видимому, почти одновременно Витте дал соответствующие указания в Тегеран, так как русский посланник Аргиропуло узнал о проекте раньше, чем получил официальное сообщение Ламздорфа от управляющего Учетно-ссудным банком, который, по предписанию министра финансов, в сентябре 1901 г. начал переговоры о концессии с персидским премьер-министром.

Следует отметить, что русский посланник оказался противником проекта. В своих донесениях министру иностранных дел он решительно доказывал невозможность осуществления концессии, ссылаясь на серьезные политические последствия, дороговизну и фантастичность связанного с большим риском строительства трубопровода, в будущем совершенно не обеспеченного, по его мнению, «от покушений любого добровольного или подкупленного злоумышленника, который в темную ночь

[21] Автор проекта неизвестен, так как обнаруженный экземпляр проекта не подписан и даже не датирован, на нем имеется только отметка С. Ю. Витте: «Получено из Копенгагена 25 августа 1901 года». Вероятнее всего, автором проекта также был С. Е. Палашковский. В пользу этого предположения говорит сохранившаяся в департаменте железнодорожных дел записка Палашковского о ж.-д. строительстве в Персии, значительное место в которой уделено и строительству керосинопровода к Персидскому заливу. Сопоставление этих двух документов дает основание предполагать, что они были составлены одним и тем же лицом. Последняя записка, датированная январем — мартом 1902 г., была передана Палашковским в июле 1905 г. директору департамента железнодорожных дел Э. К. Циглеру (ЦГИАЛ, ф. 268, оп: 3, д. 880, лл. 77—91)

[22] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, лл. 13—16.

[23] Там же, л. 15 об.

[24] Там же, л. 13.

[25] Там же, л. 17.

и в глухом месте подложил бы под него небольшой динамитный или пороховой патрон»[26].

Однако возражения посланника не оказали влияния на ход дела и только вызвали упреки в его адрес со стороны Витте, который с раздражением писал Ламздорфу 10 декабря 1901 г., что он находит «весьма важным» для русских интересов в Персии получение концессии на трубопровод и весьма сожалеет, что «подобного рода концессия без ведома нашего посланника была предоставлена англичанам». «По-видимому, последние,— зло иронизировал Витте,— добиваясь полученной ими недавно концессии на разработку нефтяных богатств Персии, не имели в виду высказываемых тайным советником Аргиропуло соображений и не опасались политических последствий проведения нефтепровода через Персию, ибо в противном случае они не добивались бы этой концессии и не получили бы ее»[27].

Раздражение Витте было вызвано не столько позицией посланника, сколько неудачей русско-персидских переговоров о концессии, для которых, как и следовало ожидать, камнем преткновения оказался пункт шестой соглашения с д'Арси.

Персидский премьер категорически отказался уступить русским требованиям, ссылаясь на обязательства, данные английскому концессионеру. В свою очередь русская сторона продолжала добиваться концессии, переговоры о которой переплелись с переговорами о займе, начатыми по инициативе персидского правительства.

Хотя со времени первого русского 22,5-миллионного займа прошел всего год с небольшим, персидское правительство снова оказалось накануне финансового кризиса. Уже в мае 1901 г. директор персидских таможен бельгиец Наус вынужден был обратиться к управляющему Учетно-ссудным банком с ходатайством об учете таможенных векселей на общую сумму в 200 тыс. туманов. Тогда же стало известно о намерении шахского правительства начать переговоры о новом, 10-миллионном займе в России.

Принципиальное согласие предоставить Персии просимый заем русское правительство дало только в сентябре 1901 г., выдвинув следующие требования: заключение торгового договора, устранение английского влияния на монетный двор в Тегеране, выдачу концессии на строительство колесной дороги от кавказской границы через Тавриз — Казвин до Тегерана и трубопровода к Персидскому заливу. Последнее, непременное, условие предстоящего займа поставило Садр Азама в весьма трудное положение.

Персидскому правительству деньги нужны были «безотлагательно» для выдачи жалованья войскам и чиновникам, для платежей по долгам и, наконец, для очередной поездки шаха в Европу, намечавшейся на лето 1902 г. Получить же русский заем теперь можно было, только нарушив условия уже подписанного соглашения с английским концессионером, что было чревато серьезными осложнениями с Англией. Правда, 30 октября 1901 г. на условиях увольнения Маклина (англичанина, заведовавшего монетным двором в Тегеране) и обязательства, что все таможенные сборы будут поступать в Учетно-ссудный банк, русское правительство выдало шаху временную ссуду в размере 1 млн. руб. Но это была всего лишь десятая часть необходимой суммы.

Финансовыми затруднениями персидского правительства поспешил воспользоваться английский посланник, пристально следивший за ходом

[26] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 49.
[27] Там же, л. 51.

русско-персидских переговоров о займе. В конце октября 1901 г. он сделал предложение Садр Азаму о предоставлении долгосрочной ссуды в 500 тыс. ф. ст. из 4% с условием погашения займа за счет доходов южных таможен. При этом персидскому премьер-министру была обещана взятка. Одновременно посланник прибег к явному шантажу, угрожая в случае отказа установлением «непосредственных сношений Лондона с Петербургом, минуя Тегеран, ...чтобы затормозить ратификацию (русско-персидского.— *Б. А.*) тарифного договора и заключения займа»[28].

Помимо Садр Азама, предложение об английской ссуде было сделано самому шаху его врачом англичанином Адкоком. Несколько дней спустя, 4 ноября 1901 г., Гардинг предпринял попытку воспользоваться посредничеством Науса, которого он просил убедить шаха вызвать его, Гардинга, и русского посланника и предложить им «снестись с правительствами относительно совместного заключения займа». Гардинг заявил Наусу, что «желает добиться инициативы шаха, чтобы достигнуть общих действий Англии и России в Персии»[29].

Однако все эти попытки вклиниться в русско-персидские переговоры оказались неудачными. И Наус и персидский премьер отклонили предложение английского посланника и поспешили сообщить обо всем русским. Со слов Садр Азама управляющий учетно-ссудным банком в Тегеране Э. К. Грубе доносил в Петербург, что премьер убедил и шаха отказаться от английских предложений, указав ему, что переход под контроль англичан южных таможен «может вызвать осложнения с Россией, которых именно добивается английский посланник в Тегеране, стремящийся вынудить Россию к соглашению с Англией о сферах влияния, последствием которого было бы фактическое уничтожение власти шаха»[30].

Персидский премьер сообщил Грубе о притязаниях Гардинга, рассчитывая, по-видимому, на то, что в русском Министерстве финансов после этого пойдут на уступки и откажутся от намерения во что бы то ни стало получить концессию на строительство трубопровода. Но этот расчет пока что не оправдался. Витте по-прежнему продолжал настаивать на выполнении всех выдвинутых им условий займа.

В связи с этим Грубе получил через управляющего Государственным банком Э. Д. Плеске категорическое указание, в котором говорилось, что «поставленные министром условия глубоко продуманы и он не намерен отступаться от них», а персидское правительство необходимо убедить «в непреклонности и основательности» русских требований. «Относительно керосинопровода,— писал в заключение Э. Д. Плеске,— имейте в виду, что мы не преследуем эксплуатацию нефтяных богатств Персии, а хотим открыть транзит нашему керосину к Персидскому заливу и что концессия может быть сохранена в тайне в течение одного года»[31]. Все это Грубе поспешил довести до сведения персидского премьер-министра.

5 декабря Садр Азам пригласил посланника и управляющего Учетно-ссудным банком на совещание, специально созванное для того, чтобы общими усилиями найти выход из создавшегося положения. С персидской стороны присутствовали Наус и министр иностранных дел Мушир-уд-Доуле. На совещании было решено запросить юридическую консультацию по двум вопросам: во-первых, возможна ли выдача концессии на трубопровод, принимая во внимание, что он будет использован только для транзитных, а не эксплуатационных целей, и, во-вторых,

[28] Там же, л. 18.
[29] ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 156, л. 52.
[30] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 18.
[31] Там же, л. 22.

нельзя ли провести трубы по территории северной Персии, а через южные районы, где право прокладки трубопроводов принадлежало д'Арси, доставлять нефть другим способом. В частности, Наус предлагал продолжить транспортировку нефти к заливу с помощью обычного канала в грунте [32].

В связи с решением совещания вопрос о концессии временно был отложен, а в конце декабря персидское правительство получило через Учетно-ссудный банк еще 1 млн. руб. с условием, что он будет покрыт впоследствии за счет займа.

Прерванные переговоры возобновились только в январе 1902 г., после того как русские юристы в Петербурге и бельгиец-юрисконсульт при персидском Министерстве иностранных дел в Тегеране дали официальное заключение, что английская концессия не может служить препятствием для разрешения на строительство трубопровода.

К концу января в русско-персидских переговорах наметился явный сдвиг. 23 января Грубе телеграфировал министру финансов, что Садр Азам принял, наконец, русские требования, а через три дня стало известно о согласии шаха, «несмотря на сильное противодействие английского посланника», уступить концессию на керосинопровод, но с оговоркой, что в случае протеста со стороны д'Арси ответственность за нарушение условий английской концессии возьмет на себя русское правительство [33].

Таким образом, вопрос о керосинопроводе как будто принципиально был разрешен и оставалось только договориться о возмещении убытков английскому концессионеру. Однако как раз в этот момент в переговоры поспешило вмешаться английское правительство.

31 января британский посол в Петербурге Чарльз Скотт вручил Ламздорфу памятную записку, в которой обращалось внимание русского правительства на то, что требуемая Учетно-ссудным банком концессия в случае ее осуществления нарушила бы права английского подданного, в подтверждение чего приводился текст шестого пункта заключенной концессии [34]. Одновременно англичане усилили давление на шаха, которому был заявлен решительный протест против выдачи русским концессии на трубопровод.

Результаты британского вмешательства сказались быстро. 26 января шах согласился на выдачу русским концессии, а уже 3 февраля Аргиропуло доносил Ламздорфу, что персы «боятся не только денежных последствий, но и неудовольствия Англии» и Садр Азам «настоятельно просил от имени шаха и по его поручению смягчить условия займа и отложить решение о трубопроводе на некоторое время» [35].

Через несколько дней Садр Азам снова обратился к посланнику, заявив, что если русские не откажутся от своих требований, то ему придется немедленно подать в отставку.

Между тем в Петербурге Министерство финансов продолжало готовить концессионный договор, как будто ничего не произошло. Заявление британского посланника, очевидно, не смутило Витте, который советовал Ламздорфу ответить Чарльзу Скотту, что концессия на трубопровод «испрашивается частным учреждением, Учетно-ссудным банком Персии, и потому русское правительство не в состоянии дать какие-либо точные объяснения по содержанию ее, но насколько известно в Министерстве финансов, концессия эта, как относящаяся исключительно к

[32] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 63.
[33] Там же, лл. 66 и 71.
[34] Там же, л. 78—78 об.
[35] Там же, л. 106.

ввозу и транзиту русской нефти, не может нарушать права д'Арси, который, по смыслу договора его с персидским правительством, получил монополию лишь по отношению к туземной нефти» [36].

После предварительного обсуждения проекта соглашения с персидским правительством на совещании в Министерстве финансов 4 февраля окончательно было решено строить трубопровод только для перекачки керосина, с тем чтобы оставить переработку нефти и нефтяные остатки «в русских руках». Совещание пришло к заключению, что при условии заказов в России можно было бы в течение четырех лет построить керосинопровод с пропускной способностью в 60 млн. пудов керосина в год. По подсчетам Э. К. Циглера, стоимость всего предприятия при направлении на Бушир обошлась бы в 80 млн. руб., а к Индийскому океану — в 110 млн. руб.; на погашение всей суммы понадобился бы 20-летний срок [37].

Уже черновые подсчеты доходов от эксплуатации керосинопровода сулили огромные выгоды. Согласно им, даже в первые годы, если бы трубопровод работал с неполной нагрузкой (при пропускной способности в 30—40 млн. пудов), то и тогда он (если бы был проведен до Бушира), удешевил доставку керосина на Дальний Восток на 14,5—20 коп. с пуда, по сравнению со стоимостью перевозки морем через Суэцкий канал. «Сооружение трубопровода,— указывал Э. К. Циглер,— значительно удешевит цену на наш керосин и таким образом даст нам крупное преимущество в конкуренции с Америкой», а «удешевление продукта сильно разовьет потребление его как на Дальнем Востоке, так отчасти и в самой Персии» [38].

Но хотя русское правительство добивалось концессии весьма упорно, оно не рассчитывало начать строительство керосинопровода в ближайшее время. Это очевидно из текста самого проекта соглашения, разработка которого в Министерстве финансов была закончена к середине февраля 1902 г. О сроках строительства в проекте говорилось, что Учетно-ссудный банк будет хранить в тайне концессию и не приступит к работам в течение двух лет. Через два года он заявит персидскому правительству, намерен он осуществить концессию или нет. Приступить к строительству трубопровода банк обязывался не позднее трех лет со дня этого заявления, а закончить его — не позднее чем через 15 лет после отвода необходимых для строительства земель.

К этому надо прибавить, что проект концессии носил довольно общий характер и, в частности, даже не устанавливал точного направления будущего трубопровода: вопрос о том, будет ли он проведен до Индийского океана или к Персидскому заливу, оставался открытым. Тем не менее проект был одобрен министром финансов 16 февраля 1902 г. и на следующий же день отправлен в Тегеран Грубе для предъявления Садр Азаму [39].

Проект был отправлен в Тегеран в момент, когда оставалось уже мало надежды на успех, хотя русские представители в Тегеране прилагали все усилия к тому, чтобы получить концессию. Еще 12 февраля Грубе срочно телеграфировал в Петербург, сообщая, что «английский концессионер южного трубопровода «+» [40] дал до 50 тысяч туманов, получив концессию», и просил у Витте разрешения «обещать подобное

[36] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 79.
[37] Там же, лл. 98—101.
[38] Там же, л. 98.
[39] Там же, лл. 127—130 об.
[40] Знак «+» означает, что в тексте телеграммы один шифр не разобран.

же вознаграждение», если требуемая концессия будет дана[41]. Витте немедленно ответил: «Можете обещать 50 тысяч туманов»[42].

Однако персидское правительство становилось все менее податливым. 13 февраля, т. е. за три дня до отправки в Тегеран проекта концессионного соглашения, Садр Азам получил обнадеживающее сообщение от своего посланника в Петербурге, что заем состоится без условия о трубопроводе[43]. Где почерпнул эти сведения персидский посланник, сказать трудно. Едва ли он мог их получить из Министерства финансов. Вероятнее всего, они исходили из Министерства иностранных дел, так как русский министр иностранных дел в середине февраля, по-видимому, уже решил отказаться от поддержки затеи с персидским трубопроводом. В письме от 15 февраля 1902 г. на имя Витте Ламздорф изложил (правда, в довольно туманной форме) свою точку зрения на этот счет. Начав с того, что он считает нужным продолжать переговоры с персидским правительством и что с политической точки зрения неудобно отступать от поставленных условий, особенно «ввиду вмешательства в дело со стороны великобританского правительства», Ламздорф в заключение писал, что следует все-таки «иметь в виду вероятность согласия нашего на смягчение некоторых условий займа и даже на обмен вышеупомянутой концессии впоследствии на какие-либо другие условия»[44].

В Тегеран тем не менее по линии Министерства иностранных дел никаких новых инструкций отправлено не было, и переговоры продолжались до 20-х чисел февраля, когда вдруг стало неожиданно известно. что персидское правительство ведет секретные переговоры о займе у английского концессионера.

20 февраля Грубе и посланник одновременно сообщили в Петербург, что д'Арси сделал шаху через его приближенных предложение о ссуде в 200 тыс. ф. ст. (21 февраля Грубе телеграфировал дополнительно, что не 200, а 300 тыс.) из 5%. При этом Грубе высказал предположение, что д'Арси просто «является в данном случае подставным лицом»[45]. Оказалось, что персидское правительство уже давно вело секретные переговоры о ссуде у д'Арси, а шах, только и мечтавший о своем новом путешествии в Европу, стремился как можно скорее получить ее. Эти новые сообщения и решили исход дела: русское правительство было вынуждено отказаться от концессии на строительство трубопровода.

2 марта 1902 г. персидскому правительству была выдана ссуда в 1 млн. руб. в счет будущего займа, а 22 марта был выпущен и 10-миллионный заем на условиях, аналогичных условиям займа 1900 г. (на 75 лет из 5%, с уплатой процентов и погашений по полугодиям). Новых попыток добиться разрешения на строительство трубопровода к Персидскому заливу русское правительство уже не предпринимало[46].

---

[41] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 114.

[42] Там же, л. 115.

[43] Там же, л. 125а.

[44] Там же, л. 124.

[45] Там же, лл. 136, 138.

[46] Вопрос о строительстве керосинопровода снова всплыл в русском Министерстве финансов в 1906 г. Н. А. Нотович в июне 1906 г. представил В. Н. Коковцову проект устройства в Персии новых шоссейных дорог, автомобильного движения и проведения нефтепровода к Персидскому заливу. При этом Н. А. Нотович утверждал, что им образована для финансирования работ группа во главе с одним из парижских банков. Проект Н. А. Нотовича, по предложению Министерства иностранных дел, был отклонен до завершения уже начавшихся тогда переговоров с Англией. После подписания англо-русского соглашения в сентябре 1907 г. Н. А. Нотович приехал в Тегеран, но занялся там финансовыми делами и повел переговоры с персидским правительством об учреждении в Персии русского торгово-промышленного банка (см. ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 3, д. 882, лл. 132—133; д. 883, л. 68; ф. 560, оп. 28, д. 371, лл. 29—30).

Отказ от концессии на нефтепровод и утверждение английской концессии было одним из первых серьезных поражений экономической политики Витте в Персии накануне русско-японской войны, и понадобилось всего лишь несколько лет, чтобы русское правительство смогло оценить все значение этого поражения.

Между тем английский концессионер в 1902 г. уже приступил в широких масштабах к поискам месторождений нефти и начал буровые работы в местечке Курату, в 15 верстах от Касри-Ширина. «На месте рождения нефти,— доносил 20 мая 1902 г. в Петербург управляющий русским генеральным консульством в Багдаде, — сняты и выстроены дома на самую широкую ногу, накуплены лошади, мулы, фургоны, выписаны машины, которых и по сей час с каждым пароходом привозят от 60 до 80 мест, сравнена дорога от Багдада до Керманшаха и вообще, несмотря на видимую пока гадательность предприятия, тратятся очень большие деньги» [47].

Одновременно с буровыми работами в Курату были начаты подготовительные изыскания для прокладки нефтепровода Курату — Мохаммера. Очевидно, д'Арси рассчитывал в ближайшие годы начать добычу нефти на большой площади, используя не только персидские месторождения нефти, но и соседние месторождения на турецкой территории. «Австралийский предприниматель— сообщал тот же русский консул в Багдаде,— бросает ныне завистливые взгляды на Менделийский источник нефти, расположенный в нашем вилайете, и, как говорят, уже вошел с соответствующим ходатайством перед турецким правительством» [48].

Однако надежды д'Арси не оправдались: поиски нефти в Курдистане оказались безуспешными. Тем не менее весной 1903 г. он образовал в Лондоне первую эксплуатационную компанию, а в июне того же года, согласно условиям концессии, внес через английский Шахиншахский банк 20 тыс. ф. ст. в шахскую казну и тем самым окончательно закрепил за собой право пользования концессией. Два года спустя, в связи с тем, что его ресурсы истощились, д'Арси образовал, при поддержке британского адмиралтейства, синдикат с бирманской нефтяной компанией [49].

В 1905 г. после бесплодных попыток обнаружить фонтанную нефть в районе Касри-Ширина и Багдадского вилайета, д'Арси заново начал поиски нефти в Арабистане. Учитывая опыт прошлого, когда появление и деятельность англичан в Курату вызвали настоящую гражданскую войну во всем Касри-Ширинском районе [50], д'Арси на этот раз до начала работ отправил для переговоров с бахтиарскими ханами главного инженера компании Рейнольдса вместе с английским генеральным консулом в Исфагане. Компания получила у бахтиарских ханов разрешение на право исследования нефтяных источников в Арабистане на предварительном условии единовременной уплаты им 12 тыс. туманов. Но, несмотря на это, и здесь, как и в Курату, промыслы своим видом скорее напоминали укрепленный форт, чем промышленное предприятие. Они охранялись специальным отрядом сипайских всадников во главе с лейтенантом Уильсоном, прибывшим в Персию по распоряжению индийского правительства в январе 1908 г. [51].

Только после продолжительных поисков, в 1908 г., нефть в Арабистане была, наконец, найдена и там забил первый фонтан.

---

[47] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 206, л. 28.
[48] Там же.
[49] B. Shwadran. Op. cit., 19.
[50] H. J. Whigham. The Persian Problem. London, 1903, p. 263.
[51] A. Wilson. S. W. Persia. A Political Officer's Diary. 1907—1914. London — New York — Toronto, 1941, p. 18.

Начало эксплуатации нефтяных богатств южной Персии Англией наносило серьезный удар экономическим интересам России на Среднем Востоке и в Азии. Впрочем, на азиатских нефтяных рынках она начала терять свои прежние позиции еще до этого. Эксплуатация нефтяных месторождений Голландской Индии, Ассама и Бирмы, кризисное состояние бакинской нефтяной промышленности и ряд других причин привели к тому, что уже в 1907 г. Россия вынуждена была отступить с азиатских рынков под напором своих конкурентов. Журнал бакинских нефтепромышленников «Нефтяное дело» в начале 1908 г. в передовой статье, подводившей итоги нефтяной торговли за предыдущий год, констатировал, что «после долгой и ожесточенной борьбы русский нефтяной экспорт вынужден был в минувшем году признать бесплодность сопротивления захвату мировых рынков со стороны главного своего соперника — американского нефтяного треста и свое бессилие вести борьбу дальше» [52].

Одновременно русский керосин был вытеснен из портов Персидского залива. В том же 1907 г. бомбейская еженедельная газета «Таймс оф Индия» сообщала, что крупная американская нефтяная компания, воспользовавшись затруднениями русских экспортеров, доставила непосредственно из Нью-Йорка в порты Персидского залива, которые раньше снабжались русским керосином, большую партию американского керосина [53].

Правда, в северной Персии русский керосин еще долгое время сохранял монопольное положение. В 1910—1911 гг. Россия ввозила в Персию 2 266 269 пудов керосина и нефти на сумму в 1 147 769 руб.; русский керосин, по сообщению главного персидского консула в Петербурге Л. А. Собоцинского, составлял 96,2% общего потребления керосина в стране и стоил дешевле английского и американского [54]. Но зато близлежащие к Персии нефтяные рынки теперь были окончательно потеряны для бакинских нефтепромышленников.

Образовавшаяся в 1909 г. для эксплуатации вновь открытого месторождения нефти Англо-иранская нефтяная компания вскоре овладела этими рынками и стала играть крупнейшую политическую и военно-стратегическую роль в колониальной политике Великобритании не только в Персии, но и на всем Среднем Востоке.

---

[52] «Нефтяное дело», 1908, № 3, стр. 47.

[53] «The Times of India» (weekly edition), 11/V 1907, p. 2.

[54] Л. А. Собоцинский. Персия. Статистико-экономический очерк. 1913, стр. 203.

А. П. ПОГРЕБИНСКИЙ

НАЛОГОВАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В СРЕДНЕЙ АЗИИ В 1860—1880 годах

Вопрос о создании особой финансово-податной системы на присоединенных землях Средней Азии встал на другой же день после завоевания. Военные походы против Кокандского, Бухарского и Хивинского ханств потребовали значительнх для того времени финансовых средств. В течение долгих лет после присоединения Средней Азии в Туркестанском генерал-губернаторстве оставалась 50-тысячная армия, содержание которой было возложено на краевой бюджет. Больших затрат потребовал и обширный военно-полицейский аппарат, созданный в крае.

Бессистемные реквизиции и контрибуции военных лет уже не годились, требовалось создание постоянно действующей устойчивой системы податного обложения местного населения, которая была бы способна обеспечить колониальные и фискальные интересы царизма.

Особенности существовавшего в Средней Азии экономического быта и поземельного устройства делали невозможным механическое перенесение сюда налоговой системы, существовавшей в коренной России. Поэтому правительство и администрация края пошли по линии использования традиционных форм налоговой политики. Это относилось как к самим налогам, так в значительной степени и к порядку их взимания.

Согласно традиции, существовавшей при ханской власти, Кауфман разделил все население края на две категории: оседлое земледельческое и кочевое скотоводческое.

Поземельная подать, которой было обложено оседлое население, представляла собой видоизмененный харадж. Последний являлся налогом в пользу хана в размере $1/5$ стоимости собранного урожая. Теперь земледельцы должны были платить за земли, орошаемые атмосферной влагой, $1/10$ часть урожая. При этом была введена система общего измерения всех ежегодно засеваемых земель.

На первый взгляд, уменьшение основного налога вдвое должно было явиться серьезным облегчением положения оседлых земледельцев. На самом деле этого не произошло, так как суть установленного налога заключалась не столько в размере, сколько в методах его исчисления и взимания.

Во-первых, облагалась не только земля под посевами, но и под паром. Поскольку «в Туркестанском крае земледельцы придерживаются трехпольной системы обработки земли», писал в своем отчете о ревизии Туркестанского края в 1882 г. царский сановник Гирс, то «оказывается, что при сборе дохода с двух частей земли они должны были уплачивать оброчную подать за три части, или, говоря вообще, платить не 10, а $13^1/_2$% валовой доходности земли»[1].

[1] «Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса», б. г., стр. 380.

Во-вторых, крайне неопределенно устанавливался размер облагаемой земли и исчислялась стоимость собранного с нее урожая.

В постановлении съезда податных инспекторов Туркестанского края, происходившего в октябре 1895 г., отмечалось, что самой слабой стороной установленной системы исчисления поземельного налога является неточное определение площади земель, «так как ни уездная администрация, ни податной надзор не имеют в своем распоряжении никаких межевых средств и принуждены полагаться на донесения волостных управителей и сборщиков податей («серкеров»), которые, с одной стороны, лично заинтересованы в сокрытии части посевов, а с другой,— также не имеют достаточно средств для ежегодного перемера всех площадей» [2].

Еще больший произвол существовал при определении стоимости собранного урожая. Податная инспекция осенью каждого года производила пробный обмолот с небольшой земельной площади, подсчитывая затем стоимость собранного урожая на основании средних рыночных цен. Этот подсчет и ложился в основу исчисления стоимости урожая во всех местностях Туркестанского края. «Такой порядок,— указывал упомянутый съезд инспекторов,— не может быть признан вполне удовлетворительным, так как урожайность этих посевов, особенно в горных волостях, отличается крайним разнообразием и определить средний урожай по волости на основании двух-трех умолотов представляется совершенно невозможным» [3].

В 1873 г. генерал Кауфман составил новый проект податного обложения, имевший целью несколько видоизменить существовавший порядок исчисления и раскладки поземельного налога. В запроектированных правилах для каждого сельского общества устанавливалась общая сумма поземельного налога. Предусматривался специальный штат чиновников, которые должны были измерять земли каждого сельского общества. Средний подесятинный урожай должен был определяться по данным прошлого года, а стоимость исчисляться на основе средних справочных цен на сельскохозяйственные продукты; $^1/_{10}$ часть подсчитанной суммы и составляла поземельный налог. Распределение общей суммы поземельного налога вменялось в обязанность сельских сходов, которые должны были производить раскладку с «учетом благосостояния» отдельных налогоплательщиков. Хотя проект не был утвержден Министерством финансов, Кауфман ввел его в действие в качестве временной меры в Ферганской области, где он просуществовал вплоть до 1886 г. [4]

Всячески стремясь повысить доходную часть бюджета края, Кауфман и подчиненные ему чиновники изыскивали все способы к тому, чтобы увеличить сумму земельной подати. Одним из таких способов было включение в обложение неудобных и пустопорожних земель.

---

[2] ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 1, д. 711, л. 206.

[3] Там же, д. 726, л. 207.

[4] В проекте Кауфмана налог с оседлого земледельческого населения по аналогии с действовавшим в центральных губерниях России получил название оброчной подати. Это обстоятельство вызвало возражения министра финансов Рейтерна, подготавливавшего в это время отмену подушной и оброчной подати. Тогда Кауфман отказался от термина «оброчная подать», заменив его названием «поземельный налог». В связи с этим следует сказать, что некоторые исследователи не разобрались в этой смене названий. Так, например, А. М. Аминов в автореферате своей докторской диссертации «Очерки по экономической политике в Средней Азии» (М., 1955) пишет: «Помимо государственного, поземельного и земского налогов, еще существовал третий вид обложения — оброчная подать, представляющая остатки той податной системы, какая была установлена в первые годы присоединения Туркестана» (стр. 17). В действительности же, как мы показали, «оброчная подать» и «поземельный налог» были разными наименованиями одного и того же налога.

Описывая работы по измерению земли в Ферганской области после принятия положения 1873 г., генерал Кауфман в несколько завуалированной форме признавал, что это мероприятие имело целью в косвенной форме повысить налоговое обложение туземного земледельческого населения, фактически доведя его до норм прежнего хараджа [5].

Крайняя неопределенность и произвольность методов исчисления поземельного налога в Ферганской области отмечалась в материалах ревизии Туркестанского края Гирсом в 1882 г. Последний прямо указывал, что эти приемы вызвали «общее неудовольствие покоренного населения» [6].

В большом количестве прошений, поданных на имя Гирса, земледельцы Ферганы заявляют «полную свою готовность платить правительству $^1/_5$ часть дохода с земель как было при Кокандском владычестве, чем оставаться при теперешнем земельном устройстве и платить в казну $^1/_{10}$ часть» [7].

Система «общественной раскладки» [8] поземельного налога, введенная Кауфманом, не только не облегчала, но, наоборот, ухудшала положение основной массы земледельцев, так как истинными хозяевами сельских сходов были кулаки и ростовщики. Дело доходило до того, что даже ферганский губернатор в специальном циркуляре уездным начальникам от марта 1882 г. вынужден был потребовать от них, чтобы они встали на защиту трудового земледельческого населения от несправедливостей богачей, взваливающих на него всю тяжесть податей.

Помощник наманганского уездного начальника Дмоховский в 1884 г. указывал, что «правом производить раскладку податей пользовался не сход, а только отдельные личности, кишлачные кулаки, эксплуататоры, которые повели дело эксплуатации народного достояния на весьма широких началах» [9].

В ряде случаев часть населения кишлаков, доведенного до отчаяния, бросала насиженные места и, спасаясь от налогового бремени, уходила на новые места. Так, например, в 1881—1882 гг. из пяти кишлаков Балыкчинской волости Андижанского уезда переселилось 116 семейств [10].

Еще одним дополнительным отрицательным фактором, от которого также страдала в первую очередь беднота, было то, что поземельный налог собирался осенью, сразу же после сбора урожая, когда у земледельцев обычно не было наличных денег, а на рынке в силу этого складывалась крайне невыгодная для них конъюнктура. Бедняк вынуждался продавать свой хлеб по самым низким ценам скупщику и хлеботорговцу. Описывая осеннюю продажу хлеба земледельцами для уплаты налога, «Туркестанские ведомости» писали: «Обильное предложение зерна сильно понижает цену на пшеницу, рожь, ячмень и пр., и земледелец должен, благодаря этому, продать гораздо большее количество хлеба, чтобы получить ту сумму денег, какая ему необходима» [11].

Помимо поземельного налога, оседлое земледельческое население должно было платить земские сборы и выполнять всевозможные натуральные повинности: содержать в порядке действующую оросительную систему, мосты и дороги, снабжать проходящие войска жильем, предо-

[5] К. П. Кауфман. Проект всеподданнейшего отчета по Туркестанскому краю. СПб., 1885, стр. 254.

[6] «Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса», стр. 389.

[7] Там же, стр. 384.

[8] Ю. Д. Южаков. Итоги 27-летнего управления нашего Туркестанским краем. СПб., 1891, стр. 54.

[9] Там же, стр. 58.

[10] Там же.

[11] «Туркестанские ведомости», 23 июня 1894 г.

ставлять им перевозочные средства и т. д.[12] Земские сборы шли на содержание низовой администрации, они равнялись 35% от поземельного налога.

Одним из дополнительных средств повышения налогового бремени населения было строительство новых оросительных каналов, продиктованное якобы заботой царских администраторов о благосостоянии коренного населения.

В 1872 г., например, Кауфман приступил к строительству канала в Голодной степи, для сооружения которого было мобилизовано около 70 тыс. крестьян[13].

Со всего населения Ферганской области собирался единовременный сбор из расчета 60 коп. в день на каждого рабочего-строителя. В действительности же каждому из мобилизованных платили «кормовых» денег... по 5 коп. в день. Собранные суммы были, конечно, разворованы подрядчиками и чиновниками, и в 1879 г. строительство канала было прекращено. У возмущенного населения недостроенный кауфмановский канал получил название «свинья-арык»[14].

Такие же бесплодные и разорительные для населения попытки строительства каналов предпринимались и преемниками Кауфмана.

Тяжесть многочисленных натуральных повинностей заключалась главным образом в том, что они должны были выполняться в неопределенное, а иногда и в самое напряженное для дехканина время полевых работ.

Все это дополнялось взяточничеством, произволом и вымогательством чиновников и сборщиков налогов.

При ханской власти в большинстве местностей существовала откупная система взимания налогов. Их собирали специальные откупщики, называвшиеся серкерами. Царское правительство в известной степени сохранило этот порядок.

Сбор податей был возложен на специальных лиц, выделяемых из наиболее зажиточных слоев местного населения, которые продолжали называться серкерами. Такой порядок освобождал туркестанского генерал-губернатора от необходимости создавать многочисленный податной аппарат и нести ответственность за порядок взимания налогов.

Серкеры, чтобы выполнить возложенную на них обязанность, должны были содержать целый штат помощников — межевщиков, лиц, не допускающих сокрытия размеров урожая хозяевами, непосредственных сборщиков налогов и т. д. Весь этот штат содержался за счет коренного населения, с которого для этого взимались незаконные сборы сверх суммы установленного налога. Обычным размером этого сбора, взимаемого с каждого налогоплательщика, считался так называемый «кепсен», равный $^1/_2$ пуда зерна[15].

---

[12] «Положение об управлении Туркестанского края», Ташкент, 1904, стр. 55.

[13] В. Я. Непомнин. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент, 1940, стр. 29

[14] М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. III, СПб., 1906. стр. 302.

[15] ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 1, д. 720, л. 207. Один из участковых податных инспекторов Туркестанского края в докладе на краевом съезде налоговых чиновников описывал существовавший в крае порядок взимания налогов с оседлого земледельческого населения следующим образом: «Этот порядок состоит в том, что сбор налога поручается одному или нескольким особо назначенным лицам, которыми, по усмотрению уездного начальника, бывают либо представители туземной администрации, либо частные туземцы. Такой сборщик податей («серкер») сам приводит в известность размер урожая каждого земледельца и взимает с него налог. Для проверки действий серкера производятся пробные обмолоты и танапное измерение и затем объявляется серкеру общая сумма, которую он должен собрать с населения и сдать в казначей-

С течением времени размеры этой дополнительной мзды непрерывно росли, и в конечном итоге, по признанию самого Кауфмана, к рукам сборщиков податей стало прилипать около половины всех собираемых ими налоговых сумм [16]. Это значило, что насилия и вымогательства серкеров, назначаемых администрацией края, носили столь же наглый и разнузданный характер, что и действия ханских серкеров.

В секретном описании Туркестанского края, составленном для Генерального штаба полковником Белявским, указывалось, что когда в Зеравшанском округе в 1871 г. была проведена проверка действий сборщиков податей за 1870 г., то обнаружилось, что было взыскано поземельного налога на 165 тыс. руб. больше, чем внесено в казну, причем утаенная сумма превышала размер официально установленного поземельного сбора [17].

Так обстояло дело со взиманием налогов с оседлого населения Средней Азии.

Для кочевого и полукочевого населения степных районов после завоевания в качестве основного налога была установлена так называемая кибиточная подать, которая в 1865 г. составляла 1 р. 50 к., а затем, постепенно повышаясь, к 1882 г. была доведена до 4 руб. [18]

Министерство финансов вынуждено было признать, что «кибитка» «не дает в настоящее время само по себе никакого понятия о платежных силах киргизов». С одной стороны, это «богатое кочевое хозяйство, считающее сотнями голов разного рода скот и, равным образом, убогая «капа», камышовый шалаш, составляющая жалкое помещение кое-как обеспечивающего свое скорбное существование обработкой 1—2 десятин поля, для одного орошения коего требуется тяжелый, едва посильный труд» [19].

Содержание основного объекта податного обложения кочевников — «кибитка» — отличалось большой неопределенностью.

В тех случаях, когда кочевые скотоводы переходили к оседлому образу жизни, они платили подать с каждой юрты либо отдельного хозяйства, а исчисление количества кибиток производилось ориентировочно для определения общей суммы кибиточной подати, падавшей на волость и аул. «При таких условиях, — отмечала податная инспекция края, — фактическая проверка кибиток является невозможной и трехлетний переучет их для исчисления общей суммы подати носит теоретический характер» [20]. В ряде случаев податные органы не могли сколько-нибудь правильно и точно исчислить количество кибиток, подлежавших обложению.

В официальных инструкциях указывалось, что понятие «кибитки» как единицы обложения должно складываться из трех признаков: жилья, хозяйства и семьи. Между тем в некоторых случаях один из этих признаков (чаще всего жилье) у кочевников-скотоводов отсутствовал или, что вернее, его было трудно обнаружить [21]. Это вело к ориентировочному

ство. Иначе говоря, хараджный порядок представляет в некотором роде откупную систему с тою при том разницей, что серкер всегда может заявить о невозможности собрать исчисленный начальством налог и представить таковой в размере по своему усмотрению» (там же, л. 259).

[16] К. П. Кауфман. Указ. соч., стр. 263.

[17] Полк. Белявский. Материалы по Туркестану, б. м. и г., стр. 84.

[18] «Отчет по ревизии Туркестанского края графом К. К. Паленом», т. 8, СПб., 1910, стр. 10.

[19] ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 1, д. 726, л. 243.

[20] Там же, д. 711, л. 172.

[21] См. журналы II съезда податных инспекторов Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей с 3 по 17 декабря 1896 г., Омск, 1897, стр. 137.

подсчету количества кибиток и, разумеется, с тенденцией в сторону завышения.

Помимо кибиточной подати, кочевое скотоводческое население должно было выплачивать земские, так называемые общественные (на содержание аульных старшин и туземной администрации) и другие денежные сборы, которые взимались по тому же принципу, что и основной налог. Общая сумма этих сборов непрерывно росла. В 1869 г. она составляла 75 коп. с «кибитки», а в 1882 г. выросла до 3 руб.

Всего же каждая киргизская кибитка с начала 80-х годов уплачивала следующие суммы:

кибиточная подать	—	4 руб.
земские сборы . .	—	1 р. 25 к.
общественные сборы	—	1 р. 25 к.
на школы	—	50 коп.
Итого:		7 руб.

Как и при раскладке поземельного налога, распределение кибиточного и других налогов сопровождалось огромными злоупотреблениями, от которых прежде всего страдала казахская и киргизская беднота.

Один из участников завоевания Средней Азии, генерал Крыжановский, в октябре 1865 г. сообщал министру финансов, что киргизы-кочевники платили не 1,5 руб. с кибитки, как полагалось по закону, а 5, 6 и даже 10 руб. серебром. При этом вся излишняя сумма составляла доход местных сборщиков налогов [22].

Богатые киргизы-скотоводы еще со времен ханской власти научились скрывать от обложения значительную часть скота. После установления русского владычества эта традиция сохранилась. Податные инспектора на каждом шагу отмечали неправильность сообщаемых богатыми скотоводами сведений [23].

Бедняки не имели таких возможностей. «Обстоятельство это, — говорилось на съезде податных инспекторов, — служит им во вред, так как при раскладке податей по числу скота бедные должны облагаться сильнее богатых, утаивающих большую часть своего скота» [24].

Кроме того, кулаки всегда находили общий язык с аульными старшинами при помощи взяток и различных услуг.

Материалы податной инспекции Туркестанского края убедительно свидетельствуют о том, что беднейшая часть аулов и кишлаков облагалась в значительно большей степени, чем зажиточная верхушка. «Размер кибиточной подати, — писал инспектор Кокчетавского уезда Пищиков, — необременителен для населения, но при бесконтрольной и неравномерной раскладке этой подати он непосилен для мелких бедных хозяйств» [25].

Весьма разорительным для бедноты было и то обстоятельство, что кибиточная подать, так же как и поземельный налог, собирались осенью, при очень низких ценах на скот. Осенью, писали «Туркестанские ведомости», «киргиз принужден гнать лошадей, баранов и коров на базар и продавать их по весьма низким ценам». В начале 1890-х годов, например, цена барана на рынках Аулеатинского уезда осенью колебалась от 1 р. 20 к. до 2 руб., а весной — от 5 до 6 руб. [26]

[22] ЦГВИА, ф. 843, д. 91, л. 5.
[23] См. журналы II съезда податных инспекторов, стр. 133.
[24] Там же, стр. 151.
[25] Там же, стр. 133.
[26] «Туркестанские ведомости» 23 июня 1894 г.

Острая нужда в деньгах для уплаты налогов приводила также к усилению зависимости беднейшего населения от ростовщиков. На съезде податных инспекторов специально подчеркивалось, что многие киргизы-скотоводы для уплаты кибиточной подати вынуждены идти к ростовщикам, «причем должник уплачивает в лучшем случае 50%, в худшем же 100% и выше»[27].

Раскладка кибиточной подати, как и других повинностей и сборов, между аулами производилась волостными управителями, а распределение ее внутри аула производилось аульными старшинами. Для тех и других эта обязанность служила источником обогащения.

Управители и старшины составляли основу низового административного аппарата царизма, получая жалованье от правительства, хотя формально они избирались местным населением и высокопарно именовались Кауфманом «выборной народной администрацией».

Управители и старшины избирались из байской среды, причем выборы почти всегда были связаны с подкупами избирателей и предоставлением взяток царским чиновникам, руководившим «выборами».

Так, например, начальник Андижанского уезда подполковник Коишевский в записке о причинах ферганского восстания 1898 г. отмечал, что лица низовой администрации «попадают на места не иначе, как путем подкупа избирателей, разница только в том, что волостным управителям приходится платить гораздо больше, чем народным судьям и сельским старшинам, но зато и деятельность их шире, разнообразнее, а потому и способов наживы тоже больше. Гонорар за избрание на должность волостного управителя доходит до 7000 руб. Сколько же должно быть при таком расходе нелегальных доходов, чтобы покрыть все нужды избранного, когда волостные управители получают из земского кредита только 1000 рублей в год»[28].

Это ценное признание Коишевский «забывает» дополнить информацией о том, во что обходились избираемым в волостные управители взятки и приношения царским чиновникам и прежде всего уездному начальнику, утверждавшему выборы

Понесенные при выборах «расходы» волостные управители и сельские старшины возмещали, конечно, за счет налогоплательщиков. По свидетельству ревизовавшего Туркестанский край графа Палена, раскладка и сбор кибиточной подати были поставлены таким образом, что открывали «полный простор для произвола должностных лиц туземной администрации»[29].

Особенно тягостными для кочевого населения, разбросанного на большие расстояния, были многочисленные натуральные повинности. В частности, для выполнения дорожной повинности кочевники-скотоводы должны были переходить большие расстояния. В связи с этим они добивались в большинстве случаев замены натуральных повинностей денежными, и тут-то туземная администрация старалась максимально развернуть свою «деятельность». Как видно из массовых жалоб киргизов-кочевников, аульные старшины собирали с каждого кибитковладельца в два-три раза больше денег на оплату дорожной повинности, нежели они сдавали податным инспекторам. «С каждой кибитки, — указывал один из податных инспекторов, — собирается на дорожную повинность от 1 рубля до 2 р. 50 к., в приговорах же всегда значится 45—

[27] Журналы II съезда податных инспекторов, стр. 167.
[28] ЦГВИА, ф. 483, д. 137, л. 26.
[29] «Отчет по ревизии Туркестанского края графом К. К. Паленом», т. 8, стр. 17.

80 коп.»[30]. Съезд податных инспекторов Туркестанского края в 1895 г. констатировал, что «волостные управители и сельские старшины распоряжаются бесконтрольно распределением натуральной повинности между жителями и производят сборы взамен ее, по собственному усмотрению, без установленных на сей предмет общественных приговоров»[31].

Податной гнет, лежавший на населении Средней Азии, несколько облегчался почти полным отсутствием в 1870—1880-х годах косвенного обложения, в отличие от коренных губерний России.

Местное табаководство и соляной промысел были свободны от акцизных сборов. Введенный правительством питейный сбор падал главным образом на русское население, так как местное население потребляло русскую водку в крайне ничтожных размерах. За 12-летний период, с 1868 по 1879 г. доход от этого налога составил только 3300 тыс. руб.[32]. Но отсутствие косвенных налогов в первые десятилетия после завоевания с избытком компенсировалось всевозможными экстренными сборами и контрибуциями, которые за те же 12 лет составили сумму свыше 14 млн. руб.[33].

Некоторое облегчение податного бремени после завоевания почувствовали лишь местное духовенство и купечество. Первое было целиком освобождено от податей и повинностей, для второго с 1875 г. размер налогов был резко снижен.

В первые годы после завоевания в Туркестанском генерал-губернаторстве был сохранен существовавший при ханской власти зякетный сбор в размере 2,5% в год со всего объявленного купцом капитала. Хотя и не очень обременительный, этот сбор все же был выше существовавших в центральных губерниях России торговых пошлин. В 1872 г. по ходатайству местных купцов в крае была создана специальная комиссия для рассмотрения вопроса об отмене зякета и введении взамен него действующего в центральных губерниях положения о торговом сборе[34].

На основании работ комиссии в 1875 г. это положение было введено, и местное купечество от этого сильно выиграло. В 1874—1879 гг. торговый сбор дал купечеству (с округлением, в тыс. руб.)[35]:

1874 г. —331
1875 г. —198
1876 г. —283
1877 г. —202
1878 г. —254
1879 г. —329

Таким образом, первый год действия нового положения о торговом сборе привел к значительному снижению собранных с купцов налоговых сумм. Только в последующие годы, на основе общего роста торговли края, этот сбор постепенно начал повышаться.

Удельный же вес торгового сбора в общей приходной смете Туркестанского генерал-губернаторства был весьма мал. За указанные 12 лет (1868—1879) он составил 3400 тыс. руб., или 11% всех доходов края, в то время как поземельный, кибиточный и земский сборы, лежавшие на крестьянском населении, дали 61% всей приходной сметы.

---

30 ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 1, д. 726, л. 277.
31 Там же, л. 245.
32 К. П. Кауфман. Указ. соч., стр. 382.
33 М. А. Терентьев. Указ. соч., стр. 296.
34 ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 15, д. 301, л. 1.
35 К. П. Кауфман. Указ. соч., стр. 379.

Антинародный, эксплуататорский характер финансовой политики царизма в Средней Азии становится еще более наглядным при рассмотрении расходной сметы Туркестанского генерал-губернаторства.

Как известно, бюджет царской России в целом носил непроизводительный характер; значительная часть расходной сметы шла на содержание армии и управленческого аппарата. В Средней Азии его паразитическая сущность выступала особенно наглядно. Здесь почти все средства, собранные с населения, поглощались военно-полицейским аппаратом, а на просвещение, здравоохранение, благоустройство оставались буквально крохи.

Нигде не существовало такого прямого, беззастенчивого разворовывания народных средств царскими чиновниками и туземной администрацией, как в Средней Азии. Вот некоторые данные. За те же 12 лет на содержание 50-тысячного войска было затрачено около 75 млн. руб., или около 75% всех израсходованных бюджетных средств края. Остальные 25 млн. руб. пошли на содержание бюрократического управленческого аппарата, тюрем, полиции и суда. На просвещение же было израсходовано за те же годы всего 300 тыс. руб., что составляло меньше 1 коп. на каждого жителя в год [36].

К этому прибавим, что в течение первых лет после завоевания (1868—1875) на просвещение не было израсходовано ни копейки, а указанные 300 тыс. руб. были истрачены главным образом на содержание двух гимназий и двух прогимназий, где учились дети русских чиновников. Таким образом, на просвещение и обучение местного населения из бюджета края практически не тратилось ничего.

Даже программа, предусматривавшая открытие в крае смешанных русско-туземных школ и учительской семинарии, которую предложил Кауфман в 1873 г., не была осуществлена, так как министр финансов Рейтерн нашел ее «преждевременной» [37].

Только с 1875 г. для целей руссификации коренного населения Кауфман начал открывать указанные смешанные школы, которые, однако, создавались главным образом за счет местных средств, собираемых сверх государственных налогов. В 1789 г. в Туркестанском крае насчитывалось 56 таких школ и городских училищ с общим количеством учащихся около 2 тыс. чел. на население, превышавшее 3 млн. чел. [38]

Еще хуже обстояло дело с медицинской помощью. Из отчета Гирса мы узнаем, что во всем обширном крае в 1882 г. насчитывалось всего 18 уездных и городских врачей и 37 чел. среднего медицинского персонала [39]. Это означало, что один врач приходился приблизительно на 170 тыс. жителей. Если учесть почти полное отсутствие аптек и больниц, а также то, что весь указанный медицинский персонал жил в Ташкенте и уездных городах, то станет ясно, что местное население фактически было оставлено без всякой медицинской помощи. «При обширности уездов, разбросанности населенных пунктов и кочевом образе жизни значительной части туземцев, — писал Гирс, — поездки врачей по уезду не приносят значительной пользы» [40].

На содержание всех медицинских учреждений края в 1882 г. было затрачено 107 тыс. руб., что составляло около 3 коп. в год на человека.

Так обстояло дело с расходованием податных сумм, поступавших в государственное казначейство. Что касается сумм земских и обществен-

---

[36] К. П. Кауфман. Указ. соч., стр. 391.
[37] Там же, стр. 436—437.
[38] Там же, стр. 502—503.
[39] «Отчет ревизующего Туркестанский край тайного советника Гирса», стр. 158.
[40] Там же, стр. 160.

ных сборов, попадавших в непосредственное распоряжение местного начальства, то они, как правило, разворовывались им. Даже поверхностные проверки без труда обнаруживали десятки вопиющих злоупотреблений. Так, например, ревизия Гирса в 1882 г. установила, что деньги, собранные на земские потребности, либо прямо раскрадывались, либо расходовались на различные пиршества и банкеты. Генерал Терентьев сообщает, что земские деньги тратились на сады и дачи губернаторов.

В 1875 г. из земского сбора 17 тыс. руб. было роздано в долг местным чиновникам, 4100 руб. пошли на покупку мебели для трех уездных начальников и 8 тыс. руб. были истрачены на устройство триумфальной встречи Кауфману, вернувшемуся после подавления кокандского восстания, а также на другие столь же чуждые народу цели[41].

Официальные правительственные круги в экономической литературе 70—80-х годов твердили об «убыточности» Туркестана. По данным отчета Кауфмана, расходы края за 12-летний период составили 99 млн. руб., а доходы — только 32 млн., таким образом, официальный дефицит равнялся 67 млн. руб., или свыше 5,5 млн. руб. в год.

Но этот подсчет был фальшивым, так как не учитывал, что краевой бюджет покрывал расходы общего государственного бюджета и прежде всего содержал, как уже указывалось, 50-тысячное войско. За 12 лет это обошлось в 75 млн. руб., хотя подобные расходы должны были идти за счет сметы Военного министерства, как это делалось по отношению к войскам, расположенным в других местностях России. Уже эта сумма превышала весь указанный бюджетный дефицит края на 7 млн. руб. Другими словами, бюджет края не только не был дефицитным, но сводился даже с некоторым превышением доходов над расходами.

Официальная версия об убыточности Туркестана была чрезвычайно удобна и выгодна для царской бюрократии. С одной стороны, она оправдывала антинародную, исключительно обременительную налоговую политику, проводимую в завоеванных землях, с другой — мотивировала мизерность затрат на социально-культурные и прочие нужды края.

Более того, присоединение Средней Азии привело к увеличению общегосударственных доходов от таможенных пошлин. С 1888 г. правительство начало сильно повышать таможенные тарифы на ввозимый в Россию из США хлопок. Сперва тариф равнялся 1 руб. с пуда хлопка, затем с 1894 г. его увеличили до 3 р. 15 к. Рост таможенных пошлин на хлопок имел двоякое значение: во-первых, он содействовал развитию хлопководства в Туркестане и повышал прибыли хлопкоторговых фирм и, во-вторых, увеличивал доходы фиска. В начале 1890-х годов таможенный доход от ввозимого хлопка составил около 25 млн. руб., а в начале 900-х годов, к моменту установления 4-рублевой пошлины в 1903 г. — до 40 млн. руб. ежегодно.

Это означало, что доходы от таможенных пошлин на хлопок намного превышали весь краевой бюджет Туркестана.

* * *

Все сказанное приводит к выводу о том, что налоговая политика царизма в Средней Азии в рассматриваемый период носила реакционный, ярко выраженный колониальный характер. Она ускоряла разорение трудящегося населения, обогащала кулацко-байские слои, купцов и ростовщиков, а также царскую и туземную администрацию, задерживая тем самым развитие производительных сил края.

[41] М. А. Терентьев. Указ. соч., стр. 322.

Я. И. ЛИНКОВ

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИОННОЙ АГИТАЦИИ А. И. ГЕРЦЕНА, ОБРАЩЕННОЙ К НАРОДНЫМ МАССАМ

Заключая свою знаменитую статью «Памяти Герцена», В. И. Ленин писал: «...Герцен первый поднял великое знамя борьбы» с царской монархией «путем обращения к массам *с вольным русским словом*»[1].

Возникает вопрос: когда Герцен впервые обратился к народу с революционной проповедью?

Пять революционных прокламаций, обращенных к народу, которые были выпущены Вольной русской типографией в Лондоне в 1854 г. и затем распространялись среди солдат и крестьян, являются бесспорным фактическим основанием для абсолютно точного ответа на этот вопрос[2].

Несмотря на эти факты и вопреки им, в советской научной и научно-учебной литературе утвердилась и широко пропагандируется точка зрения, переносящая начало революционной агитации Герцена, обращенной к народу, на семь лет вперед. В частности, такой взгляд проводится в книге Я. Е. Эльсберга «Герцен», представляющей собой наиболее обширную и в целом весьма ценную монографию на эту тему, выдержавшую три издания[3]. В тех же редких исключениях, когда выражается иная точка зрения, прокламации 1854 г. лишь бегло упоминаются, без раскрытия их содержания[4].

Между тем эти прокламации — факт большого принципиального значения как для истории идейной эволюции А. И. Герцена, так и для истории русского революционного движения той эпохи. Для их правильного понимания необходимо рассмотреть идейные позиции и агитационно-пропагандистскую деятельность А. И. Герцена в целом в период развертывания русского зарубежного пропагандистского центра и создания Вольной русской типографии в Лондоне.

Открытая борьба А. И. Герцена с царской монархией началась с того времени, когда он основал русское вольное книгопечатание и, по его собственному выражению, сосредоточил все свои силы «на образовании центра русской пропаганды в Лондоне»[5].

В письме в редакцию «Польского демократа» от 20 мая 1853 г. Герцен декларировал те принципы, на которых он был намерен основывать

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 15.

[2] Вот их названия: «Первое видение св. отца Кондратия», «Второе видение св. отца Кондратия», два письма-прокламации «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому, шлет низкий поклон», «Вольная Русская община в Лондоне Русскому воинству в Польше».

[3] См. Я. Эльсберг. Герцен. М., 1956, стр. 485.

[4] См. З. П. Базилева. «Колокол» Герцена. М., 1949, стр. 30.

[5] «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне. Сборник ее первых листов, составленный к изданию Л. Чернецким». Лондон, 1863, стр. 158—159. (подчеркнуто мною.— *Я. Л.*).

русскую пропаганду. Главный из них — идея неразрывной связи революции и социализма. «Современная революционная мысль, — писал он, — это социализм. Без социализма нет революции»[6].

Социализм в понимании Герцена — это социализм русской общины. Он был глубоко убежден, что «нет в Европе народов более подготовленных для социальной революции, чем все неонемеченные славяне, начиная с черногорцев и сербов и кончая народностями России в недрах Сибири», так как «образ жизни и обычное право славян в основе своей представляют картину общинной организации и общинных обычаев, иначе — коммунистических в полуварварской, первобытной форме...»[7].

Ценнейшим источником для выяснения идейных позиций Герцена той поры является статья «Russian Servedom» («Русское крепостничество»), написанная им в конце 1852 г. (датирована 20 декабря), но опубликованная почти через год, в ноябре 1853 г., в трех номерах английской газеты «Лидер» («The leader») с эпиграфом: «Призвание нашего века — освободить всех угнетенных и страждущих». Исходное положение статьи сформулировано с предельной четкостью: «Весь *русский вопрос,* по крайней мере, в настоящее время, заключается в вопросе о крепостном праве». Далее в ней утверждается, что «Россия не может сделать ни шага вперед, пока в ней не будет уничтожено рабство. Крепостное состояние русского крестьянина есть рабство всей русской империи»[8]. В концепции Герцена крестьянская борьба против крепостничества рассматривалась сквозь призму разработанной им теории общинного социализма, в тесной связи с ней. В «Русском крепостничестве» Герцен выступал решительным сторонником обязательного освобождения крестьян с землей и тем самым не менее решительным противником их безземельного освобождения.

В августе 1853 г. Герцен выпускает брошюру под названием «Крещеная собственность», предназначенную для русского читателя. В ней он развивает и заостряет положения, формулированные в «Русском крепостничестве». В качестве эпиграфа Герцен выбрал слова, выражавшие его веру в реальную возможность крестьянской революции: «Я не ворон, а вороненок; настоящий ворон еще летает в поднебесьи (Пророчество Пугачева)»[9]. Это произведение Герцена было страстным агитационным выступлением против крепостничества, полным ненависти к нему и любви к русским крестьянским массам. Тема восстания крстьянства против помещиков и чиновников, против самодержавного правительства составляет ведущую линию «Крещеной собственности». Вместе с тем большое внимание уделяется в ней и характеристике роли сельской общины.

Рассматривая народные массы как основу исторического развития человеческого общества, Герцен утверждал, что только народная революция глубоко затрагивает основы общественного порядка.

Борьба за освобождение русского крестьянства от ярма крепостничества, избавление России от позора рабовладения — вот ведущая линия всей пропаганды Герцена в этот период, вот главная цель русской революционной пропаганды, которой были подчинены все остальные задачи русского освободительного движения. «Главное теперь, — писал Герцен в феврале 1853 г. в письме к Рейхель, — пропаганда об эмансипации мужиков»[10].

---

[6] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. VII. Пг., 1919, стр. 229.
[7] Там же, стр. 229—230.
[8] Там же, стр. 362.
[9] Там же, стр. 363.
[10] Там же, стр. 179.

Какие же пути решения этой задачи намечал тогда Герцен? Определяя их, он указывал на то, что лицом к лицу стоят две России: с одной стороны — Россия правительственная, богатая, вооруженная штыками и всеми средствами интриги и обмана, с другой — «Россия бедная, земледельческая, трудолюбивая, общинная и демократическая»[11]. Именно эта Россия, по убеждению Герцена, и составляет русский народ, «огромный гранитный фундамент, сцементированный вековыми традициями, ...громадный *низ*, на котором надстроена жалкая *клеть*, — казарма наших политических учреждений»[12].

Герцен не отвергал теоретической возможности мирного решения крестьянского вопроса, т. е. отмены крепостного права сверху, но практически не видел к тому перспектив в конкретных условиях России тех дней, полагая, что у русского самодержавия «нет ни мужества, ни уменья решиться на какой-нибудь шаг. ...Что бы то ни было, правительство, в конце концов, ровно ничего не делает»[13].

Идеей крестьянского восстания как наиболее вероятного пути ликвидации крепостничества пронизана эта статья. Напоминая о горестной жизни крестьянских масс, Герцен выдвигал лозунг их революционного освобождения: «Встаньте же и возьмитесь за оружие в защиту всех, кто страдает, угнетен, кто не отмщен!»[14]. «Для угнетенного остаются только два выхода,— писал он дальше,— если он хочет добиться свободы: коса и топор. Пролитая кровь нахлынет на [царствующий дом Романовых], и какие еще будут потоки! ужасный пример Пугачева достаточно поучителен»[15].

Для выяснения перспектив освобождения крестьян Герцен анализировал опыт крестьянского движения в России в предшествующее столетие и характеризовал его основные этапы.

Идейные позиции Герцена этого периода получили отражение также в его письме в редакцию «Польского демократа» от 20 мая 1853 г. Письмо — прямое продолжение обращения Герцена о начале вольного русского книгопечатания и носит программный характер. В нем Герцен выступает решительным сторонником революции и социализма и непримиримым врагом всякой реакции, в какой бы форме она ни выступала — феодально-монархической или буржуазно-республиканской.

Обращаясь к опыту декабристского движения и постигшей его неудачи, Герцен приходит к весьма важному заключению: «Абсолютизм победил, как везде и всегда он побеждал и будет побеждать революционные меньшинства в аристократических меньшинствах»[16]. Эти слова свидетельствуют о категорическом отрицании Герценом возможности успеха революционного переворота без участия народных масс, о том поучительном уроке, который он извлек из «заговора Пестеля и Муравьева», и представляют собой логическое развитие и обоснование мысли, высказанной им тремя годами ранее (1850) в письме к Маццини: «Я не верю ни в какую революцию [в России], кроме крестьянской»[17].

В то же время Герцен, не видя в России непосредственных революционных перспектив, верил в возможность освобождения крестьян сверху, но не по почину самодержавия, а самого дворянства. Отсюда обра-

---

[11] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. VII, стр. 382.
[12] Там же, стр. 370.
[13] Там же, стр. 369.
[14] Там же.
[15] Там же, стр. 367.
[16] Там же, стр. 231.
[17] Там же, т. VI, Пг., 1919, стр. 144

щенный к дворянству в «Юрьевом дне» призыв к решительным действиям во имя освобождения крестьян. Герцен напоминал здесь о великой революционной традиции «самоотверженного меньшинства» русского дворянства, идущей от декабристов и продолженной Петрашевским и его друзьями, и указывал на неизбежность крестьянской революции в случае, если не произойдет освобождение крестьян по инициативе дворянства.

«А между тем в деревнях становится неловко. Крестьяне посматривают угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякие вести бродят. Там-то помещика с семьей сожгли, там-то убили другого цепами и вилами, там-то приказчика задушили бабы на поле, там-то *камергера* высекли розгами и взяли с него подписку молчать.

Крепостное состояние явным образом надоело мужикам; они только не умеют приняться сообща за дело» [18].

Крестьянская революция в тот момент представлялась Герцену как стихийное явление в виде нового варианта пугачевского восстания. Ее возможность, по убеждению Герцена, реальна и исторически справедлива. «Страшна и пугачевщина, но скажем откровенно: если освобождение крестьян не может быть куплено иначе, то и тогда оно не дорого куплено. Страшные преступления влекут за собой страшные последствия». «Наше сердце обливается кровью при мысли о невинных жертвах, мы вперед их оплакиваем, но, склоняя голову, скажем: пусть совершается страшная судьба, которую предупредить не умели или не хотели» [19].

В случае, если дворянское меньшинство не выступит инициатором освобождения крестьянства от уз крепостничества, Герцен считал необходимым прямо и непосредственно обратиться к крестьянству — «к несчастным братьям нашим для того..., чтобы сказать им:

«Ну, братцы, к топорам теперь! Не век вам быть в крепости, не век ходить на барщину, да служить во дворе; постоимте за святую волю, довольно натешились над нами господа, довольно осквернили дочерей наших, довольно обломали палок об ребра стариков... Нутка, детушки, соломы, соломы к господскому дому, пусть баричи погреются в последний раз!» [20].

Революционное развитие России, которое неизбежно наступит. Герцен сравнивал по силе с «океаническим потоком», которого нельзя остановить таможенными мерами и розгами. Поэтому он призывал тех, к кому был обращен «Юрьев день»: «Посторонитесь, если не хотите быть потопленными, или плывите по течению» [21].

В адрес дворянской интеллигенции была обращена и последующая листовка Герцена «Поляки прощают нас!». Характеризуя в ней историю порабощения Польши царизмом и героическую борьбу поляков за свою независимость, Герцен, указывая на традицию, идущую от декабристов, протягивает руку полякам и призывает соединиться с ними для общей борьбы против царизма, «за нашу и их вольность».

В этой прокламации Герцен впервые выдвигает лозунг русско-польского революционного союза, призывая на его основе перейти от революционной мысли к революционной деятельности. В энергичном, страстном, идущем из глубины сердца призыве к русской дворянской интеллигенции вести революционную борьбу — главный смысл этой листовки.

---

[18] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. VI, стр. 250.
[19] Там же, стр. 252.
[20] Там же, стр. 253.
[21] Там же.

Свои революционные взгляды Герцен пропагандировал в это время также в публичных выступлениях на массовых демократических митингах в Лондоне. Герцен выступал от имени русского революционного меньшинства, как непримиримый враг самодержавия и выразитель интересов русской революционной демократии. Он провозглашал: «Воля России начнется с восстания крепостных или с их освобождения»[22]. Это или означало теоретически допускаемый Герценом вариант освобождения крестьян сверху. Но при этом он объявлял себя сторонником именно революционного пути. «Я считаю себя представителем мысли восстания в России»[23].

Вера в крестьянскую революцию выражалась им не только в общих определениях, но и в конкретных ссылках на факты крестьянского движения. «Местные восстания, убийства на Руси, умножились. В Симбирской губернии крестьяне устроили было облаву на помещиков. В Тамбовской собрались люди разных волостей и пошли, вооруженные копьями и топорами, неся с собой солому, от одного господского дома к другому; перед ними шла крестьянка босая, простоволосая и пела похоронные молитвы и псалмы — она пела, а дома горели и в них помещичьи семьи».

Публичные выступления Герцена имели первостепенное значение. Они знакомили европейскую демократию с русским народом, пробивали ту завесу тумана, которым была отделена далекая Россия от Европы, создавали за границей атмосферу симпатии, сочувствия и прямой поддержки революционной России, подымали авторитет молодого русского революционного дела.

В годы, когда зарубежный центр делал первые шаги, Герцен чрезвычайно тяжело переживал свое лондонское одиночество, отсутствие вблизи себя соратников-единомышленников, организации, на которую он мог бы опереться в революционной борьбе. «Иногда, право, с горькой иронией я вижу, — писал он в мае 1853 г., — что истинная револ[юционная] традиция русская та, которая шла от Пест[еля] и Мурав[ьева], та, которая блеснула в петрашевцах, имеет только двух представителей»[24]. Одним из них Герцен считал себя.

Такое положение вещей не могло, конечно, удовлетворять Герцена. Постоянные революционные связи с Россией являлись необходимым условием, без которого зарубежный центр был лишен возможности плодотворно развертывать свою агитационно-пропагандистскую деятельность. «Вся задача состоит в том,— писал Герцен в апреле 1853 г.,— чтобы увлечь людей в постоянные сношения»[25]. Что это будут за люди, Герцен не знал, но высказывал пожелание, чтобы это были люди типа Петрашевского и Спешнева, замечая при этом: «Да, у них было общество. Да, они действовали».

Все вышесказанное и обусловило начало революционной проповеди Герцена, обращенной непосредственно к народным массам.

Активную роль в этом сыграл являвшийся в то время ближайшим сотрудником Герцена бывший петрашевец Владимир Энгельсон. В январе — апреле 1854 г. были отпечатаны составленные им «Первое видение св. отца Кондратия», «Второе видение св. отца Кондратия» и два письма-прокламации «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому, имеет низкий поклон».

В «Видениях» в евангельской форме, которая считалась тогда среди

---

[22] «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», стр. 86.
[23] Там же, стр. 101.
[24] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. VII, стр. 225.
[25] Там же, стр. 205.

русских революционеров наиболее доступной народному сознанию[26], пропагандировалась идея борьбы с царским и всем «несправедливым и богопротивным» феодально-крепостническим строем. Царь Николай I разоблачался как взошедший на престол «путем беззакония, уморив брата своего Константина. И тем уподобохся окаянному Каину». «Судьи его — лихоимцы, чиновники — грабители, народ отдан им и содержится им, царем, противно закону моему, в крепости по дворам...». «В российской земле творятся беззакония и неправда, яко в Содомской стране»[27].

«Видения» призывали народ прекратить поставку рекрутов и платежи налогов, а затем свергнуть самодержавие, заменив его таким строем, в котором «и суд и расправы творились бы гласно на Руси и законы государственные полагались бы самим народом»[28]. Они пропагандировали установление на Руси народоправия, республиканского строя с тем, чтобы народ требовал от своих управителей отчета, «яко ныне на Руси крестьяне на миру спрашивают отчет от старосты, ими же самими избранного»[29].

Письма-прокламации «Емельян Пугачев» составлялись в расчете на удерживавшуюся в сознании крестьянских масс память о пугачевском восстании. «Нет, — говорилось в первом из них от лица вождя крестьянской войны, — время не могло изгладить из памяти народной мое предприятие; оно только всему свету показывало, что я был прав»[30]. В письмах содержался прямой призыв к восстанию, заключавший в рифмованной форме первое из них:

Гей казаки! мужики!
Пора за ум взяться!
С царем рассчитаться,
Гей, ребята, — живо! веселей![31].

Другими словами об этом было сказано во втором письме: «Теперь настал для вас удобный час — положить конец царскому самовластию и установить, чтобы впредь Русь управлялась по старинному, по русскому деревенскому обычаю: выборными людьми, которые не смели бы ни одного рекрута, ни единого рубля с народа взять, не давая в том отчета народу». Второе письмо содержало конкретный план восстания по типу крестьянской войны конца XVIII в.

«Коли ополчения, милиция, — как было в 1812 году, — говорилось в нем, — то ведь вам раздадут ружья, пистоли, тесаки. Вы их берите, а с ними — шайками, чем на границу идти против чужеземных войск, — идите-ка на судоходные реки — и подальше, пожалуй, от мест, где царские войска стоят — пуще всего на Волгу, на Оку, на Самару. Идите в пристани, где хлеб в гамазеи ссыпают, в Симбирск, Гжацк, Моршанск, Рыбинск, Сомину — остановите там все хлебные запасы, иначе Николай их все возьмет на границу полкам своим пошлет, а вам даст с голоду умереть. Тут как начнете вы хлеб-то собирать,— на вас пошлют внутреннюю стражу, серых гарнизонных. Ну, с ними-то справиться не бог весть что, когда у вас ружья со штыками.

---

[26] В «Аграрной программе социал-демократии в первой русской революции» В. И. Ленин замечал: «Не первый уже раз в истории буржуазные революционеры черпают свои лозунги из Евангелия» (В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 352).

[27] «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», стр. 56.

[28] Там же, стр. 63.

[29] Там же.

[30] «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому, шлет низкий поклон», Лондон, 1854, стр. 1 (первое письмо).

[31] Там же.

Потом идите на Москву, на Питер, — всюду, где царь будет, да и отрешайте его» [32].

Второе письмо Пугачева завершалось словами, характеризующими стремление Энгельсона найти наиболее доступную для крестьянских масс форму революционной агитации: «Ну, в добрый час, братцы! до свидания, голубчики! до свидания, Фома Соколов! до свидания, Груша юродивая! и ты, седина — старовер, друг мой, Петр Спиридонович!» [33].

Республиканизм, отличающий все четыре прокламации, выражал, конечно, не только мировоззрение их автора, но и социально-политическую концепцию самого Герцена. Письма А. И. Герцена той поры раскрывают его положительное отношение к прокламациям Энгельсона. «Сейчас поправил последнюю корректуру Э. статьи (имеется в виду «Первое видение св. отца Кондратия».— *Я. Л.*)»,— писал Герцен 31 января 1854 г. Н. К. Рейхель в Париж, где тогда проживал и Энгельсон. 5 февраля Герцен сообщал Рейхель о том, что он отправил 500 экземпляров этой прокламации в Константинополь в расчете на их распространение среди русских войск, находившихся в Молдавии. В отношении остальных экземпляров прокламации он сообщал, что «вторую посылку берет на себя Осип Иванович» [34].

Через короткое время, 12 февраля 1854 г., Герцен получает от Энгельсона рукопись «Второго видения св. отца Кондратия». В ответ на высказанное ее автором пожелание напечатать обе прокламации вместе Герцен писал Рейхель: «Письмо его со вложением я получил меньше, нежели в 24 часа, то есть он его отправил после 4-х часов, а я получил здесь часа в 2. Штука будет напечатана, но, во-первых, не вместе; во-вторых, как она ни хороша, но такого действия, как первая, не произведет, а именно, Подарестыч (шутливое переиначивание отчества Энгельсона — Аристович.— *Я. Л.*) зацепил тут церковные постановления (похороны) — не до того теперь дело, чтобы учить уму-разуму, а учить злобе, да непослушанию, и потому 1-я проповедь chef d'oeuvre. Да и счастье ей невероятное: я сейчас отправил еще две сотни в Балтийское море» [35]. На следующий день Герцен приписал к этому письму: «Сейчас перечитал я еще раз проповедь; она очень хороша и, пожалуй, я ее перепечатаю с 1-й вместе, но, как думает Э[нгельсон]. Я возражаю против двух мест: о похоронах и рассказ о распятии; не лучше ли это в этом издании (в воспом[инаниях]) пропустить? Жду начальнических распоряжений» [36].

В феврале же Герцен получил третью прокламацию Энгельсона. Рейхель по этому поводу он писал:

«Энгельку, скажите, что «Емельяна» получил сполна; он хорош, но, действительно, об ассигнациях много, а о крепостном состоянии мало. Конец и начало очень красивы. Дня через четыре он будет готов; но мне надобно еще знать, не лучше ли последние четыре стиха поисправить насчет их музыкальности; как-то рифма «царя» и «Николая» не идет, а, впрочем, как повелит Арестыч.

Что касается до 2-й проповеди, я только те места, о которых сам Э.

---

[32] Там же (второе письмо), стр. 2.

[33] Там же, стр. 1.

[34] Из конспиративных соображений так называл Герцен одного из крупнейших руководителей итальянского национально-освободительного движения Джузеппе Мацини, с которым он в течение многих лет поддерживал дружеские отношения и деловой контакт.

[35] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. VIII, Пг., 1919, стр. 11.

[36] Там же, стр. 12. В конечном итоге «Второе видение» было сначала выпущено отдельно, а затем вместе с первым. Поколебавшись, Энгельсон все же оставил без изменений те места, которые вызывали возражения Герцена.

пишет, и хотел вымарать, что же касается до Голиафа, можно и напечатать» [37].

На этот раз Энгельсон учел замечания Герцена и изменил заключительное четверостишие согласно высказанному им пожеланию.

Поскольку четвертая прокламация («Второе письмо Емельяна Пугачева») в отличие от предыдущих была доставлена в Лондон самим Энгельсоном, письма Герцена о ней умалчивают, хотя очевидно, что о ее содержании были какие-то споры между автором и Герценом, судя по письму Энгельсона Герцену от 19 мая 1854 г., где он замечает: «Второе письмо Пугачева, в котором мнения высказаны не вполне согласные со слышанными мною от Вас».

Учитывая особенности литературного дарования Энгельсона («У него решительно талант языкомерзия антихристовского» [38]), Герцен предлагал ему написать «катехизис для мужика». Но это пожелание не было принято.

Вслед за Энгельсоном прокламацию, обращенную к народным массам, составил и сам Герцен. «Я сам написал (зависть проклятая!) штучку в том же роде, но поспециальней», — сообщал он об этом в письме к Рейхель от 23 февраля 1854 г.

Свою первую листовку Герцен адресовал к русской армии в Польше, рассматривая последнюю как передовую линию революционной борьбы. Листовка «Вольная Русская община в Лондоне Русскому воинству в Польше» призывает воспользоваться происходящей войной в революционных целях, веря, что она должна принести России желательные перемены. «За 1812-м,— говорилось в ней,— шло 14-е декабря, что-то придет за 1854-м?». «Неужели мы пропустим случай, какого долго не представится? Неужели не сумеем воспользоваться бурей, вызванной самим царем на себя?» [39].

К чему же призывал Герцен солдатскую массу, когда польский народ поднимет знамя восстания против царизма?

Напоминая о недавнем опыте крестьянского движения в период проведения реформы Киселева в начале 40-х годов, он в качестве примера приводил в листовке факт, рассказывающий о том, как в одном из селений крестьяне взбунтовались, а вызванные для усмирения войска, вопреки отданной команде, отказались в них стрелять; «генерал и начальство так перетрусили, что дело замяли!» После чего шел вывод, обращенный к солдатам: «Вот вам опыт вашей силы». Но не стрелять в народ — этого было еще мало. Солдаты должны сделать нечто гораздо большее: «Пора вам встать за бедный народ русский, так как все войско Царства Польского в 1831 году встало за свой народ» [40]. Этот прямой призыв к революционному вооруженному восстанию пронизывал листовку от начала до конца. Это была первая листовка Герцена, обращенная, по его собственному определению, к тем же крестьянам, лишь переодетым в военные мундиры.

Прокламация Герцена была ярким антицаристским документом. Царь разоблачался в ней как выразитель тяжкого крепостнического гнета и беззакония, «как человек, берущий рекрут по девять с тысячи», как гоняющий «сквозь строй до смерти», как позволяющий «офицерам бить солдат, полицейским — бить мещан и всем не крестьянам — бить крестьян» [41]. Герцен выступал в ней от имени всего русского революционного движения, от имени закабаленных народных масс:

---

[37] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. VIII, стр. 58.

[38] Там же, стр. 11.

[39] «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне», стр. 47.

[40] Там же, стр. 50.

[41] Там же.

«Нашими устами говорит Русь нарождающаяся, Русь вольная, юная, живая, скрывающаяся дома, но гласная в изгнании.

Нашими устами говорит Русь мучеников, Русь рудников, Сибири и казематов, Русь Пестеля и Муравьева, Рылеева и Бестужева — Русь, о которой мы свидетельствуем миру и для гласности которой мы оторвались от родины.

Нами говорит любовь и кровная связь с вами, сострадание ко всему, что терпит народ русский, измученный крепостным состоянием, рекрутством, грабежом чиновников, побоями, розгами, палками...»[42].

Прокламация была пронизана величайшей ненавистью к царизму: «Мы его клеймим и позорим, как оно клеймит и позорит живых людей»[43].

Листовка выдвигала важнейшее положение, заключающееся в том, что нельзя ограничиваться одним революционным словом, что «оно должно вести к революционному делу». «Слово по той мере только и важно, — говорилось в ней, — по какой оно ведет к делу»[44]. Революционное дело в данном случае понималось Герценом как восстание против царизма и крепостнического строя.

Прокламация от имени Вольной русской общины в Лондоне предупреждала своих читателей: «что и как делать, вы узнаете, когда придет время. Мы вас не оставим без совета»[45].

Все эти прокламации распространялись среди русских военнопленных, а также другими путями проникали в Россию.

9 декабря 1855 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор сообщал шефу корпуса жандармов: «В последней партии военнопленных, доставленных в Одессу из Константинополя, находился кинбурнский священник, от которого и получил представляемую при этом в копии брошюру под заглавием: Второе видение св. отца Кондратия. По словам священника, пленные с прибытием в Константинополь были завалены подобными брошюрами».

Несколько позже военный министр переслал в III отделение «Первое письмо Емельяна Пугачева», полученное им от главнокомандующего южной армии. Прокламация была доставлена царю и, как это явствует из надписи на ней, прочтена им. Шеф жандармов в свою очередь сделал следующую безграмотную резолюцию на донесении военного министра: «Нам известно, у нас есть. Меры уже взяты и еще углубятся, но, по моему, мнению, у пленных смотреть у них могут даже невинно. Строго»[46].

30 декабря 1855 г. шеф жандармов направил по своей периферии следующее распоряжение: «Неоднократно получаемые были мной сведения, что заграничные злоумышленники всеми мерами стараются к распространению в России возмутительных сочинений на русском языке, печатаемых в Лондоне, в типографии изгнанника Герцена.

К предупреждению ввоза сих сочинений в наши пределы, сделаны были надлежащие распоряжения и старания злоумышленников не имели, по-видимому, успеха; распоряжения эти не могли, однако, совершенно воспрепятствовать появлению в России упомянутых сочинений, и в недавнем времени оказалось здесь напечатанное в означенной типографии возмутительное воззвание, под заглавием «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому, шлет низкий поклон». По крайне

[42] Там же, стр. 47.
[43] Там же, стр. 48.
[44] Там же.
[45] Там же, стр. 51.
[46] ЦГИАМ, ф. III отд., 2 эксп., 1856 г., д. 133, л. 5 («О воззваниях, провозе оружия и других умыслах неприятелей наших к произведению возмущения в России»).

преступному содержанию сей брошюры тем более опасной, что способ изложения оной доступен понятиям простого народа, я во исполнение высочайшей воли, предлагаю в дополнение к отношению III отд. С.Е.И.В.К. от 21 июня 1853 года за № 1302 приказать всем штаб-офицерам корпуса жандармов вверенного Вам округа разузнать строжайше, но совершенно тайно, не успели ли враги наши распространить у нас вышесказанное воззвание; о последующем донести мне. Ген. ад., граф Орлов» [47].

В течение двух лет — 1856—1857 — штаб-офицеры корпуса жандармов и начальники округов доносили своему шефу о произведенных безуспешных разысканиях [48]. Лишь в донесении жандармского подполковника Граби-Горского из Ставрополя сообщалось, что «вредное сочинение под заглавием «Емельян Пугачев» действительно распространялось, хотя в весьма малом количестве между старообрядцами, преимущественно в Прочном Окопе; но без огласки добыть их невозможно. Книжки эти выносятся из Харькова коробочниками и разносятся вместе с другим хламом по станицам» [49].

* * *

Итак, есть все основания утверждать, что в 1854 г., впервые в истории русского революционного движения, с печатного станка сошли революционные прокламации, обращенные непосредственно к народным массам.

В истории русского революционного движения уже эта начальная деятельность зарубежного пропагандистского центра сыграла большую роль. Революционная Россия в лице Герцена и его ближайших сотрудников впервые заявила о себе совершенно открыто устно и письменно перед всей Европой.

Отдавая полный отчет в значении предпринятого им дела — создания вольной русской прессы, Герцен писал: «До сих пор еще ни разу не существовало свободной и независимой русской типографии» [50]. «Типография будет, и, если я ничего не сделаю больше, то эта инициатива русской гласности когда-нибудь будет оценена» [51].

Один вдумчивый современник Герцена в Западной Европе по достоинству оценил этот замечательный почин. «Это предприятие,— указывал он, — может иметь громадное значение. Разумеется, русский император примет все меры к тому, чтобы не допустить в пределы империи подобные издания, будет жестоко наказывать их распространителей, хранящих и читающих, но всей его мощи не хватит на уничтожение силы этой печати. Уже большой выигрыш в том, что такие издания станут проникать до самой русской границы, читаться выезжающими за русскую границу и вообще славянами. Какую пользу принесли французской литературе XVII и XVIII веков заграничные типографии в Женеве, Гааге и т. д.!» [52].

Воззвания и листовки Вольной русской типографии уже с первых дней ее существования были обращены к различным социальным слоям — к молодой дворянской интеллигенции, армии, крестьянским массам. Это было ее характерной чертой.

[47] ЦГИАМ, ф. III отд., 2 эксп., 1856 г., д. 133, л. 7.
[48] Там же, лл. 26—46.
[49] Там же, л. 48.
[50] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. VII, стр. 331.
[51] Там же, стр. 207.
[52] Там же, стр. 261.

Единственным социальным слоем, к которому она не обращалась, оставались разночинцы. Это, как известно, объясняется тем, что только «падение крепостного права вызвало появление разночинца, как главного, массового деятеля и освободительного движения вообще и демократической, бесцензурной печати в частности» [53].

Для того чтобы вполне оценить подлинную историческую значимость первых шагов зарубежного центра, необходимо вспомнить, в каком положении находилось в ту пору русское революционное движение.

Все было настолько прибито и придавлено всевластьем корпуса жандармов и III отделения, что всякие, даже робкие ростки протеста душились в самом зародыше. Это было время, когда «темная семилетняя ночь пала на Россию» [54], годы чернее и тяжелее даже начала николаевского царствования. Нам неизвестно ни одного факта, говорящего о существовании в то время какой-либо революционной организации, даже в самой зачаточной кружковой форме. Конечно, и в ту пору были на Руси революционеры-одиночки, рвавшиеся к освободительной борьбе, ненавидевшие крепостничество и николаевскую деспотию и глубоко сочувствовавшие порабощенному крестьянству. Достаточно напомнить об идейных позициях молодых Чернышевского и Добролюбова в самом начале 50-х годов, еще до того, как они выступили на арене общественной деятельности. Но никакого организованного революционного движения в то время в России, повторяем, не было.

Герцен был революционером-одиночкой в самом буквальном и, можно сказать, трагическом значении этого слова. «Я боролся один с 1853 года, — писал он, — потом вдвоем» [55]. Его друзья в России, к которым он пытался обращаться с призывом к революционной борьбе, не шли далее умеренного либерализма, панически боявшегося не только какой бы то ни было революционной, но даже оппозиционной деятельности. Это одиночество Герцена на начальном этапе деятельности Вольной русской типографии — факт, во многом объясняющий его либеральные грехопадения, его последующую апелляцию к Александру II.

И тем не менее, несмотря на свое одиночество, несмотря на крайне неблагоприятные условия в самой России, Герцен бросает смелый вызов царизму, стоявшему во главе огромного государства, и начинает открытую героическую борьбу с ним. Он выдвигает три основных лозунга: освобождение крестьян, свержение царского деспотизма, освобождение Польши.

Организованный им зарубежный центр развертывает революционную агитацию и пропаганду в таком масштабе, которого до того не знало молодое русское революционное движение. Тем самым было положено начало его новому этапу, знаменательному тем, что русские революционеры-интеллигенты, стремясь к ликвидации сословной замкнутости, характерной в той или иной степени для русского революционного движения первой половины XIX в., пытаются вовлечь в активную революционную борьбу самые широкие народные массы и прежде всего крестьян и солдат. Тем самым было положено начало решению задачи огромной исторической важности — политического пробуждения народа. История России в последующие десятилетия показала, что только этим путем можно было достигнуть заветной цели — свержения самодержавия. «...Беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда,— писал В. И. Ленин, имея в виду Герцена,— когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы» [56].

[53] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.

[54] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке, т. XXI, стр. 237.

[55] Там же, стр. 273.

[56] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 15.

В. И. БУГАНОВ

О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ УЧАСТНИКОВ МОСКОВСКОГО ВОССТАНИЯ 1662 г.

Большинство исследователей, изучавших московское восстание 1662 г., о социальном составе его участников судило, основываясь на показаниях Г. К. Котошихина. Они отмечали, что в восстании принимали участие прежде всего торгово-ремесленный люд московских слобод и сотен и служилые люди, затем холопы, гулящие люди, церковнослужители и др. В противоположность этим исследователям Н. И. Костомаров поддерживал официальную версию правительственных грамот 26—27 июля 1662 г. о неучастии московских торговых и служилых людей в восстании. В. О. Ключевский, характеризуя социальный состав восставших, не отделял последних от фальшивомонетчиков[1]. К. В. Базилевич не удовлетворился такими общими характеристиками и попытался произвести более конкретный анализ социального состава участников восстания 1662 г. С этой целью он использовал из следственных материалов четыре списка лиц, обвиненных в участии в восстании: 1) роспись лиц, бежавших из Коломенского и пойманных около Москвы; 2) и 3) две росписи арестованных за грабежи в Москве; 4) роспись приведенных с поличным и без поличного. В первых трех росписях перечислено 195 чел., в четвертой, повторяющей показания других росписей, — 122 чел. Наиболее многочисленную группу арестованных составили, по подсчетам К. В. Базилевича, служилые люди по прибору (рейтары, солдаты, драгуны и др.), дав 40,7, 31,2, и 28,6% по трем спискам, за ними следуют посадкие люди, давшие соответственно 31,5, 19,8 и 24,6%. Холопы и крестьяне составили 27,6 и 26,2% (по второму и третьему спискам) и т. д. К. В. Базилевич считал эти данные вполне достаточными для суждения о социальном составе восставших в целом, так как они охватывали, по его словам, 30—40% всех участников восстания, задержанных в ходе его подавления (450—500 чел.), из которых сослано 400 чел. Общее

---

[1] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 3. Изд. «Общественная польза», стр. 192—194; А. Н. Зерцалов. О мятежах в городе Москве и в селе Коломенском 1648, 1662 и 1771 гг.— «Чтение ОИДР», 1890, кн. 3, стр. 241—243; Д. И. Иловайский. История России, т. 5. М., 1905, стр. 298; Н. Д. Сташевский. Народные волнения в Московском государстве.— «Русская история в очерках и статьях», т. III. Киев, 1912, стр. 468; В. Я. Уланов. Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и «гиль» 1662 г.— «Три века», т. I, М., 1912, стр. 199—201; С. К. Богоявленский. Московские смуты в XVII в.— «Москва в ее прошлом и настоящем», т. VI, ч. III, М. [б. г.], стр. 134—135; С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Пг., 1924, стр. 152; Н. Н. Фирсов. Народные движения в России до XIX в. М., 1924, стр. 30; Н. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей, вып. 4. СПб., 1874, стр. 135—136; В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. III. М., 1937, стр. 241.

количество участников восстания он предположительно устанавливал в 2—3 тыс. чел.[2]

Все эти данные К. В. Базилевича нельзя признать достаточно полными, так как он не изучил допросы арестованных в Москве и под Москвой, ограничившись неполными данными росписей о 195 повстанцах. Всего же в ходе следствия в Москве было допрошено не 195, а 209 чел. С учетом 18 повешенных 26 июля общее количество участников восстания и лиц, подвергнутых допросам (не все они были участниками движения), возрастает до 227 чел. Кроме того, в московском следственном деле упоминаются многие арестованные, содержавшиеся в Никольско-Угрешском монастыре[3]. Данные коломенского следственного дела совсем не использованы К. В. Базилевичем. Между тем в нем сохранились допросы арестованных, привлеченных к следствию в Приказе сыскных дел; упоминаются также многие участники движения, заключенные в Угрешском монастыре[4]. Сохранились материалы сыска участников восстания 1662 г., бежавших из мест ссылки, и другие упоминания о них, отсутствующие в известных сыскных делах 1662 г. Эти материалы относятся к 1663—1671 гг.[5]. Все эти данные, сведенные в таблицу, выглядят следующим образом[6] (см. таблицу стр. 314).

Всего в архивных источниках упоминается, таким образом, 826 прямых и возможных участников восстания. Эта цифра в 4,2 раза больше цифры, проанализированной К. В. Базилевичем.

Первой по численности группой, согласно данным таблицы, являются служилые люди — 518 чел., или 62,8%, затем — посадские люди (17,3%), холопы (6%), крестьяне (2,6%), церковнослужители (2%). Среди служилых людей насчитывается 366 солдат, из них 350 из полка А. Шепелева. Остальные были из полков Д. Крафорта, И. Кирилова, И. Перента, М. Кровкова, М. Вестова. Из 98 рейтар 27 принадлежали к полку В. Змеева, 20 служили в полку Г. Тарбеева, 11 — в полку И. Полуектова. Другие были из полков Д. Зыбина, Х. Мингауса, В. Челюсткина, Д. Ердана, Т. Шала, Д. фон Визина, Сейболта, Ф. Зыкова. В сыскных делах упоминаются также 33 стрельца. Из них 16 были из приказа И. Монастырева, восемь — из приказа А. Лопухина, другие — из приказов Б. Бухвостова, А. С. Матвеева, Г. Астафьева, Г. Аладьина, М. Markdown Ознобишина, Я. Соловцова. Среди посадских людей наибольшее число составляют тяглецы и чернослободцы московских слобод и сотен — Екатерининской, Сретенской, Казенной, Огородной, Барашской, Кадашевской, Хамовнической, Никитской и др.

В росписях, использованных К. В. Базилевичем, упоминаются 12 детей боярских (пойманных во время грабежей в Москве и при бегстве восставших из Коломенского); в росписи приведенных с поличным и без

[2] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 93—102. К. В. Базилевич неправильно ссылается на дело 990 фонда 210 (ЦГАДА), откуда якобы взяты списки арестованных; на самом деле списки взяты из 959-го дела того же фонда (Приказной стол Разрядного приказа).

[3] ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Прик. стола, д. 959.

[4] Там же, д. 327; Н. А. Зерцалов. Указ. соч., стр. 295—360.

[5] ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Прик. стола, д. 384, лл. 407—408; д. 990, лл. 1—60; Столбцы Моск. стола, д. 398, лл. 126—131; Столбцы Белгор. стола, д. 563, лл. 127—129, 131—134; ф. 396, д. 981, лл. 45, 57, 64, 68, 85 об.; д. 43236, лл. 1—9.

[6] В таблицу включены участники восстания, упоминаемые в допросах, но не пойманные во время арестов. Например, холоп И. Григорьев рассказал следствию о каменщиках — участниках восстания (их было «человек з дватцать»), которые несли «грабленую рухлядь» (ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 140). Часть лиц, привлеченных к следствию, попала в ряды участников движения случайно (во время арестов хватали всех попавшихся под руку). В таблицу не включены многочисленные свидетели, упоминающиеся в следственных делах.

Социальный состав привлеченных к следствию участников московского восстания 1662 г.

Социальная принадлежность	Коломенское сыскное дело 1662 г.	Московское сыскное дело 1662 г.	Сыскные дела 1663—1671 гг. и другие документы	Всего
Посадские люди:				
Торговцы и ремесленники	28[7]	59[8]	26[9]	113
Гулящие люди	2[10]	9	—	11
Вольные люди	2	2	—	4
Мелкие служилые люди (подьячие, сторожа, конюхи, земские ярыжки и др.)	2	14	—	16
Итого:	34	83	26	144
Крестьяне	10[11]	12[12]	—	22
Холопы	2[13]	46[14]	2	50
Служилые люди по прибору				
Солдаты	350[15]	6[16]	10	366
Рейтары	49[17]	49	—	98
Драгуны	—	1	—	1
Стрельцы	1	32	—	33
Пушкари	—	5	—	5
Командиры	8	7	—	15
Итого:	408	100	10	518
Церковнослужители				
Попы	1	3	—	4
Дьяконы, дьячки	2	4	—	6
Монастырские служки	—	2	—	2
Другие (трудники, конюхи и т. д.)	1	4	—	5
Итого	4	13	—	17
Нерусские				
Татары, черемисы, мордва	—	8	—	8
Поляки	—	2	—	2
Итого:	—	10	—	10
Дворяне				
Жильцы	1[18]	2	—	3
Городовые дворяне	—	?	—	—
Дети боярские	—	2	—	2
Итого:	1	4	—	5
Прочие				
Приезжие	2[19]	17[20]	37[21]	56
Невыясненные	—	4[22]	—	4
Итого:	—	21	37	60
Всего:	461	290	75	826

[7] Три человека были освобождены после розыска.

[8] В том числе 20 каменщиков, четыре сидельца в торговых рядах, работник у холопа боярина М. М. Салтыкова, подмастерье зелейной («зеленой») мельницы, три ученика (один — лекарский, два — у портного мастера), двое «робят» — сыновей тяглецов московских слобод, садовник.

Примечание: сноски 9—22 см. на 315 полосе.

поличного обозначены (суммарно) 19 городовых дворян, детей боярских[23]. Таким образом, по московскому следствию было допрошено от 12 до 19 городовых дворян и детей боярских, в нашей таблице таких только 2 чел.; некоторые из них, очевидно, находятся среди приезжих.

Несмотря на относительно бо́льшую полноту нашей таблицы по сравнению с данными К. В. Базилевича, она все же не дает достаточного представления о социальном составе участников восстания. Довольно полно в ней учтены служилые люди. Так, упоминаемые в ходе следствия 350 солдат полка А. Шепелева исчерпывают, по-видимому, всех или почти всех солдат этого полка, захваченных во время арестов. Так же, вероятно, обстоит дело с рейтарами, стрельцами и др., хотя в самом восстании принимало участие большее количество служилых людей. Имеются, например, точные данные об участии в движении 500 солдат полка А. Шепелева[24]. 150 из них избежали ареста или же были убиты во время подавления восстания. Можно думать, что в следственных материалах не упоминаются также и некоторые другие рейтары, стрельцы и прочие служилые люди. Во всяком случае 25 июля было арестовано не 518 служилых людей, а, несомненно, несколько больше. В восстании же, надо полагать, принимали участие не 500 чел. с лишним, а на несколько сот человек больше.

Относительно посадских людей можно с полной определенностью сказать, что их удельный вес в таблице намного ниже степени их действительного участия в событиях 25 июля. Необходимо иметь в виду, что в ходе следствия главное внимание уделялось наиболее активным участникам движения, особенно из служилых людей. Правительство было явно обеспокоено выступлением на стороне восставших сравнительно большого количества солдат и рейтар. Этим объясняются допросы многих из них. О значительном же числе посадских людей в сохранившихся следственных источниках не говорится. После окончания следствия, по имеющимся материалам, из Никольско-Угрешского монастыря было сослано около 1200 чел., из Москвы — около 250 чел., всего примерно 1450 чел.; в действительности их было, вероятно, больше[25]. Можно

---

[9] 18 кадашевцев, четыре хамовника, четыре бронника.

[10] Один человек был освобожден после розыска.

[11] Шесть человек были освобождены после следствия; трое приговорены к ссылке (братья крестьянина М. Т. Бардакова), хотя в восстании не участвовали.

[12] Крестьяне — монастырские и помещичьи, в том числе каменщик боярина М. М. Салтыкова.

[13] Один человек освобожден после следствия.

[14] В том числе два холопа торговых людей.

[15] Повторные данные о группах солдат полка А. Шепелева в 135, 21, 19, 16 чел. и т. д. не учитываются, так как все они входят в число 343 солдат этого полка, заключенных в Угрешском монастыре. Три солдата были освобождены после следствия.

[16] Не учтены 244 солдата полка А. Шепелева, так как они входят в число 343 солдат, упоминаемых в коломенском сыскном деле.

[17] Шесть человек освобождены после следствия.

[18] Освобожден после следствия.

[19] Оба нижегородцы, вероятно, из городовых дворян или детей боярских.

[20] В том числе по 2 чел. смольнян и вятчан, затем нижегородец, вологжанин, калужанин, осколелин, мецнянин, галичанин, дмитровец, ярославец, один из Серебряных прудов — всего 13 чел., вероятно, из дворян и детей боярских.

[21] В том числе 22 белозерца, девять вологжан, два ростовца, два ярославца, галичанин, суздалец.

[22] А. Щербак, И. Григорьев, «малой неведомой какой», «мужик».

[23] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 97; ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 117—118, 211—212.

[24] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 227—228; ф. 181, д. 115, л. 20.

[25] В. И. Буганов. К вопросу о московском восстании 1662 г.— «Вопросы истории», 1959, № 5, стр. 174.

думать, что бо́льшая часть сосланных состояла из посадских людей, а меньшая — из служилых. В общем же количестве восставших, число которых приближается к 9—10 тыс. чел.[26] служилые люди занимали еще меньшее место, хотя и заметное. Одни солдаты полка А. Шепелева (правда, более всех остальных служилых людей замешанные в восстании) составили 5—5,5% участников; все служилые люди дали, очевидно, не менее 10% восставших. Большинство среди участников движения принадлежало, несомненно, посадским людям Москвы: по-видимому, не менее, если не более 70—80%. Остальные 10—15% падают на холопов, крестьян, мелких церковнослужителей и др.

Современники характеризуют участников восстания как «чернь», «подонки». В следственных материалах они именуются «мужиками», в официальных грамотах от 26—27 июля — «ворами разных чинов, худыми людишками»[27]. Более подробно характеризует их Г. Котошихин: «А были в том смятении люди торговые и их дети и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские и гулящие, и боярские люди»[28]. Основную массу восставших составляли, таким образом, низшие слои посада, солдаты и рейтары московского гарнизона.

Из этой среды вышли и наиболее активные участники восстания. В «воровском заводе», т. е. в подготовке восстания, обвинялся тяглец Сретенской сотни по имени Андрей. Активное участие в восстании принимал стрелец приказа А. С. Матвеева К. Нагаев. Другими возможными организаторами восстания были стрелец приказа М. Ознобишина Б. Назарьев и подьячий Каменного приказа И. Дмитриев. Менее активную, но все же заметную роль в восстании играл десятский Сретенской сотни Л. Жидкий. Деятельное участие в событиях 25 июля в с. Коломенском принимали также гулящий человек кашинец М. Титов (кузнец), крестьянин дворцового села Быкова М. Бардаков, дьячок Д. Филипов, солдаты полка А. Шепелева Н. Кобылкин, Т. Обрезков, подпрапорщик того же полка Н. Ломовцев, рейтар полка Г. Тарбеева Ф. Поливкин, нижегородец М. Б. Жердинский[29].

К наиболее активным повстанцам в столице принадлежали участники погромов, повешенные 26 июля: посадский человек Казенной слободы М. Деев, гулящий человек Г. Григорьев, холопы Л. Чекала, Г. Сафронов, подьячий А. Пестриков, верховой сторож К. Титов, пушкарь Ф. Стоянов, отставной конюх И. Елизарьев, драгун полка В. Змеева П. Ряполов и др.[30].

Участие в восстании или привлечение к следствию ряда лиц носит случайный характер. Это в первую очередь относится к дворянам, а из служилых людей — к командирам, упоминаемым в следственных материалах. Так, после розыска к ссылке и наказанию батогами были приговорены «начальные люди» полка А. Шепелева: капитаны князь Д. Кропоткин, П. Аншутин, поручики И. Грабленый, Д. А. Зайцев, прапорщик Ф. Полозов; к наказанью батогами — капитан Д. Кудрявцев. Все они без приказа начальства пошли вслед за солдатами в с. Коломенское. Между тем в ходе следствия выяснилось, что они не только не выступали вместе с солдатами против царской власти, а, наоборот, противодействовали им, за что некоторые из командиров были избиты сол-

---

[26] В. И. Буганов. Указ. статья, стр. 175.
[27] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 94—95.
[28] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1904, стр. 104.
[29] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 296, 299—307, 309—310; К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 102—104; В. И. Буганов. Указ. статья, стр. 164—166.
[30] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 114—115.

датами и «мужиками» и загнаны в Москву-реку[31]. Случайно попал в число привлеченных к следствию и жилец Л. Редриков, впоследствии освобожденный[32]. Жилец Ф. К. Жохов у Спасских ворот Кремля поднял сукно, «спроста, не ведая того, что те сукна грабленые», жилец А. Д. Обухов взял у Лобного места лошадь и повел «на Земский двор (приказ. — *В. Б.*) записывать»; прапорщика полка Г. Тарбеева И. Митницкого «ополишнили» стрельцы, принесли с ним «отласу золотнова с половина ожерелья», капитана полка Т. Беля В. М. Козлова привели стрельцы с его же кафтаном и т. д.[33] Непричастными к восстанию оказались более 20 чел., привлеченных к следствию в Приказе сыскных дел в Коломенском и освобожденных после розыска[34]. Были среди осужденных и лица, присланные в Коломенское для различных услуг на царский двор,— кадашевцы, басманники, лица, пришедшие туда до восстания для челобитий, покупок и продаж. Среди арестованных без поличного и даже с поличным в столице также имеются невиновные, но большинство лиц, привлеченных к следствию и подвергнутых наказаниям, было в той или иной степени замешано в восстании.

* * *

Таким образом, социальный состав участников московского восстания 1662 г. и их число свидетельствуют о том, что это было крупное выступление городских низов и столичного гарнизона. Заметную роль в восстании сыграли солдаты и рейтары полков нового строя, созданных в России в 30-х годах XVII в. В этом заключается характерная особенность восстания, которая придает ему, по выражению К. В. Базилевича, характер вооруженного выступления[35].

---

[31] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 313—323, 357; В. И. Буганов. Указ. статья, стр. 167, 172

[32] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 328, 359.

[33] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 162—164, 166, 190, 220, 266.

[34] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 359—360.

[35] К. В. Базилевич. Указ. соч., стр. 98.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

Исторические записки

•

Утверждено к печати
Институтом истории
Академии наук СССР

•

Технический редактор *Е. В. Макуни*

•

РИСО АН СССР № 46-88В. Сдано в набор 5/XI 1959 г.
Подписано к печати 30/I 1960 г. Формат 70×108$^{1}/_{16}$ печ. л. 20+1 вкл.
27 усл. печ. л. 29,5 уч.-изд. л. Тираж 2000 экз. Т-00264
Изд. № 4218 Тип. зак. № 3749

Цена 18 руб. 70 коп.

•

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21.

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
11	18 сн.	75%	78%
52	19 сн.	операций	операций и
55	гр. 7 справа 1 сн.		7
	5 сн.		XI
	6 сн.	XI	X
	гр. 2 слева 5 сн.	XI	XII
63	гр. 6 справа 5 св.	9,0	19,0
	гр. 10 справа 1 св.	87,2	87,7
69	гр. 3 справа 1,2 св.	4,25	МН
		4,0	ВТ
	гр. 4 справа 1,2 св.	МН	4,25
		ВТ	4,0
74	гр. 4 справа 1 св.	2,2	3,2
82	гр. 4 справа 3 св.	6,1	1,6
118	28 св.	и «населенными	«населенными
139	23 св.	А. И. Семевского	В. И. Семевского
163	10 св.	сил,	сих,
171	15 сн.	и то	то
181	2 сн.	1935,	1935, стр. 426.
187	11 сн.	l'abée	l'abeé
213	25 сн.	«летучие	«лутчие
223	1 св.	Таблица 223	Таблица 2
226	Таблица гр. 4 слева		3,90 4,20 3,83
230	23 сн.	13 1	13 142
246	5 сн.	[46]«Исторические записки», т. 27, стр. 288—290; АФЗ и Х, ч. II, № 87.	[45] АФЗ и Х, ч. II, № 149.
	4 сн.	Там же.	«Исторические записки», т. 27, стр. 288—290; АФЗ и Х, ч. II, № 87.
251	12 сн.	кн. 419	кн. 519
253	8 сн.	68	108
254	7 и 9 сн.	И. И. Смирнов	И. П. Смирнов
266	20 сн.	18	181
271	Табл. 3	Области края	Области, края
274	5 св.	193 г.	1939 г.

Цена 18 р. 70 к.